

А.И.
ГЕРЦЕН

А.И. ГЕРЦЕН

XXIV

XXIV

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

А. И. ГЕРЦЕН

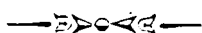

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1961

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО

А. И. ГЕРЦЕН

ТОМ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

П И С Ь М А
1850-1852 ГОДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1961

А. И. ГЕРЦЕН С ДОЧЕРЬЮ ТАТОЙ.

Дагерротип начала 1850-х годов.

Центральный государственный архив литературы и искусства СССР. Москва.

П И С Ь М А

АПРЕЛЬ 1850 – ДЕКАБРЬ 1852

1850

1. В. ЛИНТОНУ

1 апреля (20 марта) 1850 г. Париж.

1 avril 1850. Paris.

Permettez-moi de vous féliciter sincèrement avec le commencement heureux du *The Leader*. J'ai reçu le 1 № et je vous remercie beaucoup, cher monsieur Linton, et encore plus pour votre lettre amicale du 25 mars.

Il y a deux semaines je vous ai expédié ma brochure allemande par l'intermédiaire de M. Accoursy — si vous la trouvez digne d'attention je serai charmé que vous en disiez un mot dans le journal.

Je suis bien content que vous avez fait la connaissance de M. Bamberger. Son article sur l'Allemagne dans la *Voix du Peuple* a eu un très grand succès... Enhardi par votre accueil de mes recommandations, je prends la liberté de vous recommander le plus énergiquement le porteur de cette lettre *Morice Hartmann* — ex-représentant de la diète de Francfort, poète et littérateur assez connu en Allemagne — il peut être très utile à la rédaction par ses correspondances. — J'envoie avec lui encore un exemplaire de ma brochure et d'un article que j'ai publié ici, que je vous prie d'accepter.

Depuis que j'ai eu le plaisir de vous voir, la grande question de l'avenir est toute changée. La France se démocratise à vue d'œil, et les élections du 10 mars font une révolution entière. C'est très probable que le gouvernement appuyé sur les orléanistes et la bourse fasse encore un essai suprême de réaction, bien possible même qu'il aura le dessus. — Mais à la longue il est perdu. Le changement complet de la religion politique de la petite bourgeoisie et l'attitude des soldats ne promet rien de bon pour le principe monarchique. L'Allemagne se prépare à une guerre, comme vous le savez, et à Berne les radicaux l'emportent.

Il n'y a, monsieur, qu'un seul pays conservateur — c'est l'Angleterre. Peut-être parce qu'elle a vraiment beaucoup à con-

server. Les autres pays en Europe n'ont de choix qu'entre la révolution et le chaos d'une barbarie despotique sous la présidence du très gracieux Empereur de toutes les Russies et de quelques états allemands.

Pardon, je m'entraîne au bavardage et vous fais perdre le temps. — Je recommande encore une fois M. Hartmann à votre attention et prie de recevoir mes salutations fraternelles.

Alexandre Herzen.

Je ferai insérer dans la *Voix du Peuple* une annonce sympathique concernant votre journal et je vous enverrai dans quelques jours ma seconde brochure *Briefe aus Italien und Frankreich*.

Dès que j'aurai quelque chose d'intéressant sur la Russie je m'engage de vous l'envoyer.

Mon adresse est

M. Al. Herzen.

Confiée aux soins de Mrs de Rotschild frères
à Paris.

Il ne faut pas oublier, monsieur, que la poste française a la bonté de décacheter les lettres adressées aux individus qui ont bien mérité de la police secrète.

Перевод

1 апреля 1850 г. Париж.

Позвольте мне искренно поздравить вас со счастливым началом «Leader'a». Я получил первый номер и очень благодарю вас за него, дорогой господин Линтон, а еще больше — за ваше дружеское письмо от 25 марта.

Две недели тому назад я отправил вам свою немецкую брошюру через г. Аккурси, мне будет очень приятно, если вы найдете ее достойной внимания и уделите ей несколько слов в своей газете.

Я очень рад, что вы познакомились с г. Бамбергером. Его статья о Германии в «Voix du Peuple» имела очень большой успех. Поощренный приемом, оказываемым моим рекомендациям, беру на себя смелость рекомендовать вам самым энергичным образом подателя этого письма *Морица Гартмана*. Бывший депутат франкфуртского собрания, поэт и литератор, довольно известный в Германии, он может быть очень полезен редакции своими корреспонденциями. Посылаю с ним еще экземпляр моей брошюры и статьи, опубликованной мною здесь, которые прошу вас принять.

С тех пор как я имел удовольствие вас видеть, великий вопрос будущего совершенно изменился. Франция на глазах демократизируется, и выборы 10 марта несут полный переворот.

Очень возможно, что правительство, опирающееся на орлеанистов и биржу, сделает еще последнюю попытку вернуть старое, возможно даже, что оно возьмет верх. Но в конце концов оно погибнет. Полнейшее изменение политической религии мелкой буржуазии и настроение солдат не предвещают ничего хорошего для монархического принципа. Германия, как вы знаете, готовится к войне, а в Берне побеждают радикалы.

Существует, милостивый государь, лишь одна что-то еще охраняющая страна — это Англия. Может быть, потому, что ей есть что сохранять. У других стран Европы нет иного выбора, как между революцией и хаосом деспотического варварства, под главенством всемилостивейшего императора всея России и некоторых немецких государств

Извините, что я увлекся болтовней и отнимаю у вас время. Еще раз рекомендую г. Гартмана вашему вниманию и прошу вас принять мое братское приветствие.

Александр Герцен.

Я помещу в «*V<ois> du Peup'le*» сочувственное сообщение о вашей газете и пришлю вам через несколько дней свою вторую брошюру «*Briefe aus Italien und Frankreich*».

Как только у меня будет что-нибудь интересное о России, обязуюсь вам это переслать.

Мой адрес:

г. Ал. Герцену.

При содействии гг. братьев Ротшильд.

Париж.

Не следует забывать, милостивый государь, что французская почта любезно распечатывает письма, адресованные лицам, заслужившим особое внимание тайной полиции.

2. Г. ГЕРБЕГУ

2 апреля (21 марта) 1850 г. Париж.

Le 2 avril.

Eh bien, cher George tu es jurisconsulte par amitié et rabuliste pour nous — merci, *caro mio*, mais c'est si étrange de te voir parler avec gravité (comme Crémieux) des affaires et de m-r Klutchareff. — Je crois, au reste, *omni casu*, la réponse viendra bientôt.

Rien de nouveau. Il y a encore une élection à Paris, on désigne Girardin. Le *National* consent à le nommer — en général les choses vont d'une manière très satisfaisante — au moins le vent est changé, ce n'est plus la *tramontana*.

Une semaine après la réponse je, c'est-à-dire nous, quittons Paris. On persécute ici les Allemands derechef sans aucune cause; on les chasse par fournées.

L'*Odyssée* est arrivée, je ne l'enverrai pas avant de la lire — l'hexamètre est magnifique, c'est du grec tout bonnement. Un Russe peut tout faire — écrire des livres allemands sans connaître la langue!!! et traduire l'*Odyssée* sans comprendre le grec!..

Перевод

2 апреля.

Итак, дорогой Георг, ты юрисконсульт и крючкотвор из дружбы к нам — спасибо, caro mio, но так странно видеть, как ты с важностью (словно Кремье) рассуждаешь о делах и о господине Ключареве. — Думаю, впрочем, что omni casu¹ ответ скоро придет.

Ничего нового. В Париже готовятся еще к одним выборам, намечают Жирардена. «National» соглашается его выдвинуть — в общем дела идут весьма удовлетворительно, по крайней мере ветер переменился, это уже не трамонтана.

Через неделю после того, как придет ответ, я, т. е. мы, покидаем Париж. Здесь опять без всякой причины преследуют немцев, их выбрасывают целыми пачками.

«Одиссея» прибыла, отошлю ее только когда прочту. Гекзаметр — великолепен, это настоящая греческая речь. Русский человек все может: писать книги по-немецки, не зная языка!!! и переводить «Одиссею», не понимая по-гречески!..

3. Г. ГЕРВЕГУ

5 апреля (24 марта) 1850 г. Париж.

5 avril 1850.

Tu prêches, cher Georges, un converti. Je ne me berce d'aucune espérance, oui, c'est la dissolution, le monde se *désagrège*, mais le principe désagrégeant a changé de caractère, et d'une fièvre lente il s'est développé en une phtisie galopante. — Il y a quelque chose de triste et d'horrible dans ce spectacle de la mort triomphante. Tout se tient debout et a l'air fort, solide, mais dès qu'on y touche — ça croule, les muscles n'existent pas, il n'y a que l'épiderme et les os.

Des efforts convulsifs, des torrents de sang, par vengeance, dépit, désespoir — tout cela peut arriver, — mais le triomphe est impossible pour le vieillard comme au jour d'aujourd'hui pour l'enfant.

¹ во всяком случае (лат.). — *Ред.*

C'est bien dommage que tu ne sois pas ici — c'est un état de choses tout à fait nouveau. Le parti répub(licain) forme une force compacte qui se connaît et *qui n'a pas* de chefs. Tous les noms sont taris, il y a des hommes qui ont quelque influence, mais pas de meneurs, pas de chefs. La Montagne est méprisée, Girardin n'inspire pas beaucoup de conf(iance), le *National* encore moins, Pr(oudhon) est en prison. Comment se fait-il donc qu'il y ait unité, discipline — c'est dans ce fait immense que je vois tout ce que les deux années ont produit de conduite et de tact dans les masses. Mais je citerai encore une fois Cromwell — tout cela n'est que l'opposition, réaction contre la réaction, digne qui s'est élevée pour s'opposer à ce débordement de compression — «tout cela sait ce qu'on ne veut pas» — mais ne sait pas ce qu'on veut. — Et c'est précisément la position de l'autre parti: les autres ne se sont jamais rendu compte (de) ce qu'ils feront, l'autorité une fois sauvée, augmentée, multipliée — n'est-ce pas le chaos! Je dirai franchement que ce spectacle m'occupe comme une tragédie, comme une collision qui se déroule avec complications, collisions terribles, mais à laquelle on ne prend pas de part active, autrement que par *Wißbegierde*, et par cet intérêt passionné que l'homme porte à tout ce qui est tragique, menaçant, orageux. Il y a encore un élément qui agace l'intérêt — c'est que dans une position pareille l'on ne peut rien prévoir, l'imprévu y règne, comme rien n'est stable — tout peut arriver et peut-être rien. Et c'est dans ces époques que l'individu se sent le plus libre — et qu'on répète le *vanitas vanitatum* de tout ce qui paraissait sérieux. Mais enfin, c'est assez, je suis las de cette fièvre, et de l'autre, de la fièvre du billet.

Dès que la réponse sera venue, je me déciderai à partir pour aller vous rejoindre, et pour passer au moins l'été — tranquillement, perdu dans les montagnes ou dans la mer.

Pense mûrement au projet du testament. Peut-être il serait plus raisonnable d'attendre la réponse, elle ne peut tarder à présent.

Emma commence derechef à s'ennuyer ici, elle pourrait, je crois, partir avant nous, c'est même utile pour l'économie — aller à Berne, au reste je ne comprends rien de ce que tu as contre Zurich, ce serait le point où nous nous trouverions pour nous en aller...

Tourg(uéneff) part lundi, reste un mois à Berlin, et rentre ensuite à Péters(bourg); je ne voudrais pas être dans sa peau, même s'il n'avait pas une vessie enragée. L'hist(oire) d'Ogar(eff) reste toujours comme un nuage noir et pesant.

Adieu, *caro mio*.

P. S. Die Geschichte mit der Promenade war im Briefe von Mlle Ern.

Parmi les conjectures concernant la lettre d'Og<areff> il me venait dans la tête celle-là: «Et si tout cela n'est qu'une rouerie de la police pour provoquer une lettre de ma part, que ce n'est pas Og<areff> qui l'a écrite?»

Pourquoi dépraves-tu les notions de Colà, je trouve que c'est faire le tout avoir confiance dans la nature et ne pas influencer Schibel *vice versa*, il ¹

Перевод

5 апреля 1850 г.

Ты ломишься в открытую дверь, дорогой Георг. Я не убаюкиваю себя никакой надеждой — да, это распад, мир *разлагается*, но характер разлагающего начала изменился, затяжная лихорадка превратилась в скоротечную чахотку. Есть что-то печальное и страшное в этом зрелище торжествующей смерти. Все еще держится и кажется крепким, прочным, но стоит только коснуться, и все рухнет — мускулов нет, остались лишь кожа да кости.

Судорожные усилия, потоки крови, вызванные местью, досада, отчаяние — все это, может, и будет, но победа так же избыточна для старца, как нынче для ребенка.

Очень жаль, что тебя здесь нет — положение дел теперь совершенно новое. Республиканская партия образует компактную, осознавшую себя силу, но *у нее нет* вождей. Все имена оскудели, есть люди, пользующиеся некоторым влиянием, но нет вожakov и нет вождей. Гора вызывает презрение, Жирарден не внушает особого доверия, «National» и того меньше, Прудон — в тюрьме. Откуда же берется единство, дисциплина — именно в этом огромном явлении я и вижу, какой выдержке и такту истекшие два года научили массы. Но я еще раз сошлюсь на Кромвеля — все это не что иное, как оппозиция, реакция на реакцию, плотина, воздвигшаяся для того, чтобы стать преградой безудержному гнету — «все они знают, чего не хотят», но не знают, чего хотят. — Такова именно позиция другой стороны, но эти другие никогда не отдавали себе отчета, что стали бы они делать, если бы им удалось спасти, усилить и распространить власть — ну, не хаос ли это? Скажу откровенно, что это зрелище занимает меня как трагедия, как коллизия, полная осложнений, полная страшных осложнений, но в которой сам активного участия не принимаешь, разве только из *Wißbegierde*² да из того страстного интереса, который человек проявляет ко всему трагическому, грозному, бурному. Есть

¹ Конец письма не сохранился. — *Ред.*

² любознательности (нем.). — *Ред.*

еще один элемент, возбуждающий интерес: дело в том, что в подобных обстоятельствах нельзя ничего предвидеть, здесь царит непредвиденное, а раз ни в чем нет устойчивости, все может случиться, а может и ничего не случиться. Именно в такие эпохи личность чувствует себя свободнее, чем когда-либо, и люди твердят о *vanitas vanitatum*¹ всего, что казалось важным. Но хватит, я устал от этой лихорадки и от той — билетной лихорадки.

Как только получится ответ, я решусь, наконец, выехать, чтобы присоединиться к вам и провести хотя бы лето спокойно, затерявшись где-нибудь в горах или на море.

Обдумай основательно проект завещания. Может быть, разумнее было бы подождать ответа, теперь он уже не должен задержаться.

Эмма опять начинает здесь скучать; мне кажется, что она могла бы уехать и раньше нас; это было бы даже полезно в целях экономии — отправиться в Берн; впрочем, я совершенно не понимаю, почему ты против Цюриха, он послужил бы местом нашей встречи, а оттуда мы бы двинулись дальше.

Тургенев уезжает в понедельник, пробудет месяц в Берлине, затем вернется в Петербург. Я бы не желал быть в его шкуре, даже если б он и не страдал воспалением пузыря. Огаревская история — по-прежнему как черная нависшая туча.

Прощай, caro mio.

P. S. История с прогулкой была в письме м-ль Эрн.

Среди предположений относительно огаревского письма мне пришло в голову и такое: «А вдруг это только полицейская проделка, имеющая целью подстрекнуть меня написать ответ, и писал письмо вовсе не Огарев?»

Зачем ты извращаешь Колины понятия о вещах, я полагаю, что достаточно довериться природе и что не надо внушать Шибелю *vice versa*², он³

4. Г. ГЕРВЕГУ

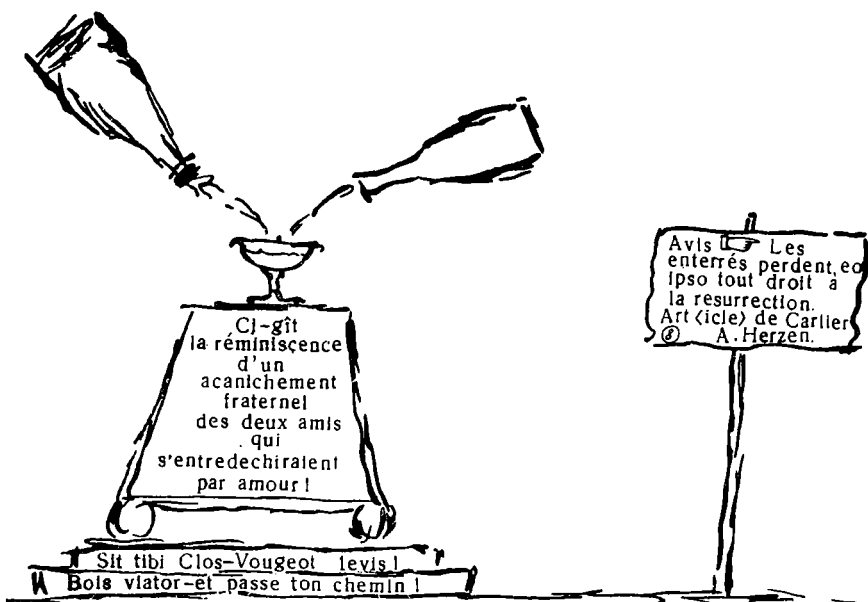
8—10 апреля (27—29 марта) 1850 г. Париж.

Cher Georges, la lettre de change de ma mère est parfaitement en ordre. Lorsque je parlais avec toi de cette affaire, elle n'était pas tout à fait terminée. Je crains que m-me Golochw<astoff> ne voudra pas payer, alors la vente sera de 50 ou de 60 p<our> 100. Mais pourtant on peut faire un essai. Mlle Ern peut écrire une lettre très simple à Klut<chareff> que vous enverrez par le consul Wurtem<bourgeois>, et faites envoyer la lettre de change

¹ суете сует (лат.); ² обратное (лат.). — *Ред.*

³ Конец письма не сохранился. — *Ред.*

ici (c'est à dire à Zurich). Moi j'en parlerai à Rotsch<ild>, s'il donne 85% je la lui cède.— Il faut te dire qu'il n'y a aucune possibilité de ne pas accepter la lettre de change, puisque Golo-ch<vastoff> a donné (le créancier) son consentem<ent> au transfert par écrit, après quoi il a signé la lettre de change — donc il n'y a pas de contestation possible. Tu vois qu'il y a un simulacre

de droit parce que la banque de Moscou a eu honte de dire qu'il y avait un interdit. Si vous voulez attendre jusqu'à la réponse, j'écirai de ma part aussi une longue lettre pour ce mons<ieur> Klutch<areff>.

L'*Odyssee* de Jouk<ovsky> pourtant est tombée dans mes yeux; en t'écrivant, j'avais dans la tête une page magnifique, mais en continuant la lecture Tourg<uénéff> et moi nous avons été frappés de la monotonie atroce de son vers. Figure-toi que le mètre ne varie jamais, se sont des dactyles — 5 000 000 de dactyles, c'est pire que Briarée.— Lamartine a fait représenter une mauvaise tragédie de sa confection — chute complète; les seules traces qu'elle laissera, seront les taches noires sur le visage de Frédéric Lemaître.

Le plan de l'avenir s'éclaircit et se simplifie. Tu sais la grrrande nouvelle de Gasser, cela sera vraiment par trop stupide de ne pas payer après cela, puisque la banque-même a donné une preuve à Rotsch<ild> que la demande est en règle. Pourtant je ne serai sûr que lorsque nous aurons reçu la dernière réponse. Tu sais aussi

qu'elle ne peut être différée qu'au 13 av<ril>. Rien n'empêche donc notre départ vers la fin du mois. Nous nous réunirons à Zurich. Nous ne parlerons plus des tracasseries nerveuses du mois de janvier, parce que je suis à présent de ton avis qu'il y avait de l'irritation malade aussi de ma part — à présent je ne serais pas capable à te catiliner et enphilippiquer de cette manière. Mettons une pierre tumulaire¹.

Mais sais-tu que je crois que c'est très bon, au reste, que nous nous sommes entrecritiqués, nous connaissons à présent mieux nos caractères — et ensuite il en reste toujours quelque vérité.

Les circonstances sont brûlantes ici, on peut prévoir de grands malheurs, l'air est lourd — très lourd. On se prépare je ne sais à quel coup. — *Fort, fort von hier*. Mais il faut te dire que d'après tous les renseignements, Nice n'est pas un endroit trop bien choisi — nous en parlerons...

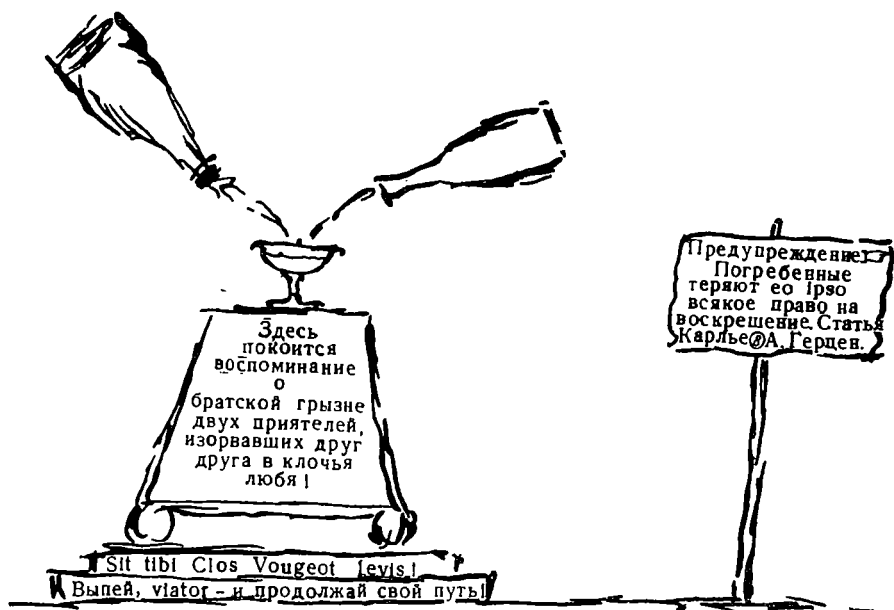
Перевод

Дорогой Георг, заемное письмо моей матери в полном порядке. Когда я говорил с тобой об этом деле, оно было еще не совсем закончено. Боюсь, что г-жа Голохвастова не захочет платить, тогда расчет будет произведен из 50 или 60%. Все же надо сделать попытку. М-ль Эрн может написать простое письмецо Ключареву, которое вы отправите через вюртембергского консула и попросите переслать заемное письмо сюда (т. е. в Цюрих). А я переговорю с Ротшильдом, — если он даст 85%, я ему это письмо уступаю. — Должен тебе сказать, что не принять к уплате заемное письмо нет ни малейшей возможности, потому что Голохвастов дал (кредитору) письменное согласие на перевод и тот подписал заемное письмо уже после этого, — стало быть, опротестовать его невозможно. Как видишь, некое подобие законности все же существует — ведь московский банк постеснялся сказать, что наложено запрещение. Если вы хотите дожидаться ответа, я с своей стороны напишу обстоятельное письмо для этого господина Ключарева.

«Одиссея» Жуковского все же упала в моих глазах; когда я писал тебе, у меня из памяти не выходила одна великолепная страница, но, продолжая чтение, мы с Тургеневым были поражены ужасающим однообразием его стиха. Представь себе, что размер ни разу не меняется, сплошной дактиль — 5 000 000 дактилей — это хуже Бриарея. — Ламартин позволил поставить плохую трагедию собственной стряпни — полный провал; единственный след, который от нее останется, — это черные пятна на лице Фредерика Леметра.

¹ В автографе далее следует рисунок, помещенный на стр. 14.

План на будущее проясняется и упрощается. Тебе известна потрррясающая новость, сообщенная Гассером: было бы действительно слишком глупо после этого не заплатить, раз даже банк подтвердил Ротшильду, что иск законен. И все же я не буду уверен, пока не получим окончательного ответа. Тебе известно также, что его нельзя откладывать позднее 13 апреля. Итак, ничто не препятствует нашему отъезду в конце месяца. Мы съедемся в Цюрихе. О январских нервических спорах мы больше говорить не станем, ибо теперь я согласен с тобой, что и с моей стороны имело место болезненное раздражение. Теперь я уже не мог бы тебя так катилинизировать и филиппикировать. Положим надгробный камень.

Впрочем, я думаю, это все же очень хорошо, что мы покритиковали друг друга: теперь мы лучше знаем наши характеры, а в итоге какая-то крупица истины всегда остается.

Обстановка здесь накаленная, можно ожидать больших несчастий, воздух душный, очень душный. Все готовится к какому-то удару. Fort, fort von hier ¹. Но надо тебе сказать, что, по наведенным справкам, Ницца не слишком удачно выбранное место; мы еще поговорим об этом...

¹ Прочь, прочь отсюда (нем.). — Ред.

11 апреля (30 марта) 1850 г. Париж.

11 avril 1850.

Je suis, cher Georges, tout à fait comme une certaine partie de l'océan — «pacifique» et tu n'es pas parvenu par ta lettre ni à m'irriter, ni à me forcer à répondre. *Non bis in idem*. Tes reproches concernant notre séjour de Paris me paraissent dans le genre comme si tu me disais: «Quel caractère volage, tu m'as dit toi-même que tu serais bien portant le 1 février et tu es encore plus malade — le 1 avril. Quel entraînement pour les plaisirs de la maladie, peut-on se confier à ce que tu dis?» Je t'ai écrit un mot concernant Emma — tu es d'un autre avis, moi je ne tiens pas au mien — *fiat voluntas tua*.

Concernant le testament, j'ai seulement observé que d'après des nouvelles que vous ne connaissiez pas encore, l'affaire ne tardera pas à être résolue — et en cas de l'encaissement, il devient inutile. Je continue à avoir à présent des espérances; au reste, pourquoi pas, on peut faire; n'y a-t-il pas de possibilité (en Russie on le fait) de charger de l'exécution du testament la banque de Stuttgart en offrant une prime. De manière que ce serait la banque qui exigerait la somme d'une manière anonyme. — On attend chez Rotsch<ild> la réponse aujourd'hui, et avant de mettre cette lettre à la poste, je passerai chez lui...

La courte haleine et le petit diamètre du cerveau français se font jour. Tu as lu probablement le fatras de bêtises par lesquelles on a éloigné la candid<ature> de Girardin et <de> Pr<oudhon> lui-même. Et la V<oix> du P<euple> qui commence à présent une lutte avec Girar<din> après avoir été 6 <fois> saisie et ayant 4 procès sur le dos. Avec qui donc restera-t-elle alliée — avec le *National*? La belle chose, c'est que l'autre partie est dix fois plus divisée, personne ne s'est <...>¹ plus — *politische Walpurgisnacht*.

La grande nouvelle de notre cercle c'est que Tourguén<eff> s'est complètement émancipé après le départ de m-me V<iardot>; il ne parle plus de sa vessie, il va chez une garce du boulevard r<ue> Taitbout, il a une foi religieuse dans sa santé... et il boit avec l'ardeur d'un néophyte le bourgogne. Après cela j'attends tout, un concert donné par le roi de Prusse en faveur des réfugiés de Bade, l'empereur Nicolas perdant la Russie au lansquenet à Flocon, Carlier devenu rédacteur de la V<oix> du P<euple> et Proudhon devenant Bocquet. — Il part samedi...

На обороте: Егору Федоровичу.

¹ Автограф поврежден. — Ред.

11 апреля 1850 г.

Дорогой Георг, я совсем как та часть океана, где он именуется «тихим», и тебе не удалось ни разозлить меня твоим письмом, ни принудить к ответу. *Non bis in idem* ¹. Твои упреки относительно нашего пребывания в Париже мне кажутся в том же духе, как если бы ты сказал: «Что за ветреный характер, ты сам мне заявил, что 1 января будешь здоров, но уже 1 апреля, а ты еще сильнее заболел. Что за страсть находить удовольствие в болезни, можно ли после этого верить тому, что ты говоришь?» Я написал тебе несколько слов об Эмме, — ты держишься другого мнения, но я готов отказаться от своего — *fiat voluntas tua* ².

Что касается завещания, могу сказать только, что, судя по сведениям, которые до вас еще не дошли, дело вскоре будет решено — и, в случае уплаты денег, оно становится ненужным. Я продолжаю надеяться; впрочем, можно будет его и сделать, почему бы нет? Нельзя ли (в России так делают) назначить душеприказчиком штутгартский банк, предложив ему за это вознаграждение? Таким образом деньги будут истребованы банком без обозначения владельца. У Ротшильда ждут ответа сегодня, и прежде чем отправить это письмо на почту, я зайду к нему.

Ограниченность и малый диаметр французского мозга дают о себе знать. Ты, вероятно, читал тот ворох глупостей, посредством которых была отклонена кандидатура Жирардена и даже самого Прудона. А какова «*V<oiх> du P<euрle>*»! Она затевает теперь борьбу с Жирарденом, хотя была сама конфискована 6 раз и 4 раза отдана под суд. С кем же она теперь останется в союзе — уж не с «*National*» ли? Но лучше всего, что противная сторона стала еще в десять раз разобщенней, никто <...> ³ больше — *politische Walpurgisnacht* ⁴.

В нашем кругу большая повесть. — Тургенев после отъезда г-жи В<иардо> совершенно эмансипировался. Он не говорит больше о своем пузыре, ходит к бульварной девке на улицу Taitbou, свято верит в собственное здоровье... и с рвением неопита пьет бургундское. После этого можно всего ожидать: и что король прусский устроит концерт в пользу баденских эмигрантов, и что император Николай проиграет Россию Флокону в ландскнехт, и что Карлье станет редактором «*V<oiх> du P<euрle>*», а Прудон превратится в Боке. Он уезжает в субботу.

На обороте: Егору Федоровичу.

¹ Дважды одно и то же не повторяют (лат.); ² да будет воля твоя (лат.). — *Ред.*

³ Автограф поврежден. — *Ред.*

⁴ политическая вальпургиева ночь (нем.). — *Ред.*

12 апреля (31 марта) 1850 г. Париж.

Рукой Н. А. Герцен:

Колютка просто делает невероятные успехи. Машенька, объясни ему мою радость и расцелуй, я ему «übermorgen»¹ напишу.

Die Sache kann wieder in die Länge gezogen sein. Gasser schreibt vom 2. April, daß er doch nicht konnte d<as> Geld einkassieren, da die Bank noch einmal gesagt hat, daß sie nicht alles nötige dazu hat. Er hat aber, wie er schreibt, an Orloff geschrieben — man kann jeden Tag die Antwort warten, aber ob sie gut ist — weiß der Teufel oder der liebe Gott.

Wir schicken d<as> Brasselett mit Georgs Sachen. — Sie müssen mir eine Adresse schreiben, wohin ich einen Brief schicken kann im Falle, wenn die Antwort nach Ihrer Abreise kommen wird.

Wenn es nicht gut geht, auf d<en> Namen der Kinder d<as> Testament zu machen — so wählen Sie einen anderen, den Sie verpflichten werden, oder die Bank in Würt<emberg>. Ubrigens, Georg wird Ihnen alles raten etc. — Ohne seinen Rat machen Sie ja nichts, denn man kann leicht große Fehler begehen².

Eh bien, *Georgio furioso*, voilà de rechef une pilule pour nous tous — enfin tu penseras que je suis du complot avec la banque. — Au reste, c'est vraiment dégoûtant, cette fluctuation de tous les jours.

Je n'écrirai pas avant une réponse³.

Le 12 avril.

На обороте: Madame Louise Haag.

¹ *послезавтра* (нем.). — *Ред.*

² Дело может опять затянуться. Гассер в письме от 2 апреля пишет, что деньги по векселю он все же получить не мог, ибо банк еще раз заявил, будто не все нужное для этого у него имеется. Но Гассер пишет, что написал Орлову, — ответа можно ждать со дня на день, а будет ли он положительным — про то одному черту или господу богу известно.

Мы посылаем браслет вместе с вещами Георга. Вы должны написать мне адрес, куда я мог бы послать письмо, в случае если ответ придет после вашего отъезда.

Если завещание не удастся сделать на имя детей, найдите другое лицо и сделайте его душеприказчиком, или поручите банку в Вюртемберге. Впрочем, Георг все вам посоветует etc. Без его совета ничего не делайте, ведь можно легко допустить большие ошибки (нем.). — *Ред.*

³ Итак, *Georgio furioso* — вот новая пилюля для всех нас — ты, в конце концов, подумаешь, что я состою в заговоре с банком. — Впрочем, эти ежедневные колебания действительно несносны.

Я напишу только по получении ответа (франц.). — *Ред.*

14 (2) апреля 1850 г. Париж.

14 April 1850.

Ich zitiere wörtlich, was Gasser schreibt — «Ich habe heute mit einem Direktor der Bank gesprochen und habe gesagt, was ich für Instruktionen von Ihnen bekommen hatte. Er bat mich, noch einen Tag zu warten, da dieser Tag vorbeigegangen ist ohne Antwort, habe ich heute geschrieben, um die Sache weiter zu bringen». Das heißt, er hat geschrieben, daß Rot(schild) eine Entscheidung fordert, und das auf der Stelle. So ist die Frage. Nur der Kaiser kann abschlagen, und dann wird Rot(schild) noch weiter gehen und an Kisel(ew) schreiben. Lange wird es nicht dauern, vielleicht kommt die Antwort übermorgen. Bis dahin Erwartung.

Ich bin, liebe Mutter, auch der Meinung, daß es nicht gut ist, dem Sacha so viel Geld auf einmal zu geben. Besser etwas zu schenken.

D(as) Brasselett habe ich gestern geschickt mit Georgs Sachen. Machen Sie ihre Reise nach Württemberg glücklich ¹.

Ну, уж билет, Марья Каспаровна, я даже просто устал от этих беспрерывных надежд и отчаяний. А Колю тоже рядить не советую... Пусть ходит себе в блузенке. Напишите, как он примет портреты, и да придет билет (последние молитвы мои).

8. Г. ГЕРБЕГУ

14 (2) апреля 1850 г. Париж.

Рукой Н. А. Герцен:

Paris. 14 avril.

A peine j'ai le temps de lire *bien* votre lettre, cher besson, on l'a apportée si tard à cause de dimanche... Ah! vous vous imaginez que nous passons notre temps *plus richement*! Si vous appelez les grimaces de Chojecki, Tourguéneff étendu par terre et ronflant, la rage de faire les caricatures — si vous appelez cela richesse — soit! Si j'avais le courage de vous faire la description de nos jours et de nos soirées — bientôt vous tomberiez à ge-

¹ Привожу дословно то, что пишет Гассер: «Сегодня я говорил с одним из директоров банка и рассказал ему, какие указания получил от вас. Он попросил меня еще день подождать. Так как день прошел, а ответа нет, я написал сегодня, дабы продвинуть дело»... Это означает, он написал, что Ротшильд требует решения, и немедленно. Такого положение вещей. Отказать может только царь, и тогда Ротшильд пойдет дальше и напишет Киселеву. Долго это не продлится, возможно, ответ будет послезавтра. А до тех пор надо ждать.

Я тоже, дорогая маменька, того мнения, что нехорошо давать Саше сразу так много денег. Лучше что-нибудь подарить.

Браслет я вчера послал с вещами Георга. Желаю вам счастливо съездить в Вюртемберг (нем.).— Ред.

noux en suppliant de laisser votre âme en paix ¹... И природа сама точно мачеха с нами — потешит лучом и опять мрак, холод, дождь... мне хотелось бы так погулять хоть раз в деревне, подышать... нет, и на улицу выйти нельзя! Ничего не делается, не читается, не думается, *банковский билет* палег на все, как черная туча, и давит, давит... а когда разразится или когда прольется золотым дождем — тогда мы цыганскую собаку и посох в руки... а пока мы точно цыгане в шалаше, дети шумят, Тата и Горас пляшут польку, Эмма поет польку и бьет такт, Александр насвистывает галоп, Саша кричит и кривляется, я — устаю... пыль столбом... вот вам живая картина — довольны? Ну, вперед не жалуйтесь, что пишу мало.

А получили ли вы Лермонтова? Тург<енев> хочет нас и весь свет удивить исполнением наших комиссий, будет и Пушкин, и все будет!.. Ах, да! Ну, если правда, что амнистия? Готовы ли вы душой и телом в кибитку и вдоль дорожки столбовой?

Ах ты степь моя,
Степь раздольная...

Поедемте отыскивать О<граева> и Natalie.

On dit, un instant encore — et la lettre ne partira pas aujourd'hui... Adieu donc en attendant!

Votre bessonне. ²

Eh bien, figure-toi que j'ai déjà terminé la lettre (que je n'ai pas commencée), alors tu ne t'étonneras pas que je t'embrasse et termine ³.

9. Г. ГЕРБЕГУ

16 (4) апреля 1850 г. Париж.

Le 16 avril. Paris.

Je suis maussade et plus irrité que triste, enfin cette histoire avec le billet me fait porter des chaînes et empêche chaque pas libre, anéantit tous mes projets, ne me donne pas cet élément de repos que je cherche.

L'illégalité des procédés russes est criante — c'est la spoliation *in crudo* — et qui diable sait jusqu'où va l'énergie de Rot-sch<ild>; ce que je crains le plus c'est une lettre confidentielle du ministre de la police à Rot<schild> qui lui expliquera l'affaire

¹ Едва удалось мне *хорошенько* прочесть ваше письмо, дорогой близнец, его принесли так поздно по случаю воскресенья... Ах, вы воображаете, что мы *роскошней*, чем вы, проводим наше время! Если вы называете гримасы Хоецкого, Тургенева, простертого на полу и храпящего, и страсть рисовать карикатуры, — если вы называете это роскошью, — вы правы! Если б у меня хватило смелости для описания наших дней и вечеров, — вы вскоре бросились бы передо мной на колени, умоляя оставить в покое вашу душу (франц.). — *Ред.*

² Говорят: еще секунда — и письмо сегодня не будет отправлено. Итак, пока прощайте! Ваш близнец (франц.). — *Ред.*

³ Так вот, представь себе, что я уже кончил письмо (которое я и не начинал), тогда ты не удивишься, что обнимаю тебя и на этом кончаю (франц.). — *Ред.*

à sa manière, en le priant officieusement de la laisser tomber. Alors il ne restera que Wurtemberg; allez-y, faites tout ce qu'on peut inventer, serait-ce du superflu, il n'y a pas de mal. — Concernant le testam<ent>, moi je ne peux pas être nommé héritier, si l'argent reste en Russie; j'ai perdu tous les droits là. Donc n'y pensez pas. Si l'argent est envoyé ici — on peut tout faire ou rien *ad libitum*. — Il faut donc un tiers (même celui de la place St. Georges qui n'est qu'un quart), ou les enfants, ou désigner, au moins, un tuteur et un exécuteur testamentaire. — Assez.

Partie des projets. J'irai à Nice dès que je pourrai, à Nice ou à Cannes, peut-être par la Suisse, peut-être par Genève ou tout droit. Cela dépend de la santé de Natalie — donc prépare-toi et concerte-toi avec Emma. Je ne veux que du repos, du repos — tout me dégoûte. Pr<oudhon> — après avoir fait lui-même mille bêtises, le dernier temps écrit à un de ses amis: «Au diable l'espèce humaine, sauvons-nous dans l'ironie, allons jusqu'à la mort, l'ironie sur les lèvres».

Partie littéraire. Le Lloyd dans le N° 5 Apr<il> a eu l'extrême bonté de couvrir toi et moi d'un tas de bêtises très drôles, il dit que tu es tombé si bas que tu as écrit *zéro* dans la rubrique de la religion, et qu'un *Jérémias* sur les ruines des barricades a publié un livre d'un intérêt pathologique, on y voit comment la lecture de *Ruge* (!) et de Feuerbach a mis la confusion dans un cerveau russe. — Mais le comble de la plaisanterie est par rapport à la lettre sur la R<ussie>; il dit que cette lettre a été dédiée à Ma-z<zini> et ensuite à toi. L'auteur finit en disant à l'Allemagne: «Pauvre pays, blanchi dans la méditation, de pareils parvenus osent te faire des prédications». (Et ajoute: «Ein angeblicher russischer Baron A. H.»).

Partie humanitaire (scilicet bestiale). Personne n'a su qu'Eugène Sue serait tué par le conclave, on ne dira pas à présent que la démocratie est sangsue. — Au reste, je t'assure, ce n'est ni la démocratie, ni la Louiscratie, ni l'Orléanocratie ou la 5%-nocratie ne sont ni vainqueurs ni vaincus — c'est l'Acratie qui se pose sur le trône, et se noircit l'abdomen, parce que le trône a été grillé, place Bastille le 24 février. Depuis qu'on donne ici *Tous-saint l'Ouverture* on ne craint plus la couleur noire, et Tourgué-neff qui prospère encore dans les rues de Paris et ne part que samedi, cherche avec un zèle digne de tout éloge une négresse pour avoir une idée juste avant de partir pour la Russie blanche de la Toute sainte ouverture — noire.

Addio, *caro mio*.

 Hast du gehört, daß bei Rachel eine Feder gesprungen ist indem sie die Phèdre vorstellte?

Il y a déjà plus d'une semaine que les *Confessions* devaient être expédiées. Je demanderai demain.— Briefe morgen.

Перевод

16 апреля. Париж.

Я не в духе и больше зол, нежели опечален — словом, это дело с билетом связало меня по рукам и ногам, мешает каждому моему шагу, разрушает все мои планы, не дает мне той доли покоя, которого я ищущ.

Беззаконие русских порядков просто вопиюще, это грабеж *in crudo*¹, и черт его знает, хватит ли у Ротшильда энергии; чего я больше всего боюсь,— это конфиденциального письма министра полиции к Ротшильду, в котором он объяснит ему дело по-своему и полуофициальным образом попросит похоронить его. Тогда останется только Вюртемберг; поезжайте туда, сделайте все, что только можно придумать; пусть даже что-нибудь лишнее, беды в том не будет. Что до завещания, то меня нельзя указывать в качестве наследника, если деньги останутся в России; я потерял там все права. Стало быть, об этом вы и не помышляйте. Если деньги пришлют сюда, можно будет *ad libitum*² делать все, что хочешь, или ничего не делать.— Нужно, следовательно, взять какое-то третье лицо (пусть даже то, с площади St. Georges, что составляет только четверть лица), или детей, или хотя бы назначить опекуна и душеприказчика.— Ну, довольно.

О планах. Поеду в Ниццу, как только смогу; в Ниццу или в Канн — может, через Швейцарию, может, через Женеву или же прямо. Это зависит от состояния здоровья Натали; итак, приготовься и договорись с Эммой. Я хочу только покоя, только покоя, мне все опротивело. Прудон, после того как сам наделал тысячу глупостей, написал недавно одному из своих друзей: «К черту весь род людской, будем искать спасения в иронии, пройдем наш путь до гробовой доски с иронической улыбкой на устах».

О литературе. «Lloyd» в номере от 5 апреля, по беспредельной доброте своей, высыпал на нас с тобой целый ворох невероятных нелепостей: он говорит, будто ты так низко пал, что проставил *нуль* в рубрике религии, и что некий *Иеремия* опубликовал на развалинах баррикад книгу, представляющую патологический интерес, ибо она отражает ту путаницу, которую внесло чтение *Руге* (!) и Фейербаха в русские мозги.— Но самое смешотворное относится к письму о России; он утверждает, будто письмо это было посвящено Маццини, а затем тебе. Автор заканчивает обращением к Германии: «Бедная страна, поседевшая в размышлениях, и подобные проходимцы смеют

¹ откровенный (лат.); ² по желанию (лат.).— *Ред.*

предсказывать твою судьбу!» (Он добавляет: «Ein angeblicher russischer Baron A. H.»¹⁾)

О человеческом (scilicet bestiale²⁾). Никто не знал, что Эжен Сю будет сражен конклавом, и теперь без Эжена Сю уж не будут кричать, что демократия кровопийца. — Впрочем, уверяю тебя, ни демократия, ни Луикратия, ни Орлеанократия, ни 5 %-кратия не являются ни победителями, ни побежденными — это Акратия, которая взобралась на троп и закоптила себе брюхо, так как трон был сожжен 24 февраля на площади Бастилии. С тех пор как здесь дают «Туссена Лювертюра», никто больше не боится черного цвета, а Тургенев, который все еще благоденствует на улицах Парижа и уезжает только в субботу, — ищет с рвением, достойным всяческой похвалы, негритянку, чтобы до отъезда в белую Россию получить полное представление о черной пресвятой наготе.

Addio, caro mio.

 Hast du gehört, daß bei Rachel eine Feder gesprungen ist indem sie die Phèdre vorstellte?³

Уже больше недели, как «Исповедь» должна была быть отослана. Завтра я справлюсь. — Briefe morgen⁴.

10. Г. ГЕРВЕГУ

17 (5) апреля 1850 г. Париж.

Рукой Н. А. Герцен:

17 апр(еля).

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей,
Горький жребий одиночества
Мне сужден среди людей.

Страшно дней не ведать радостных,
Быть чужим среди своих;
Но ужасней истин тягостных
Быть сосудом с дней младых.

Всюду встречи безотрадные,
Ищешь, суетный — людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей.

Рылев.

¹ «Какой-то А. Г., выдающий себя за русского барона» (нем.); ² т. е. животном (лат.); ³ Слышал ли ты, что у Рашели лопнула пружинка, когда она играла Фелру (нем.); ⁴ Письма завтра (нем.). — Ред.

Un couplet manque, je m'en souviens pas¹.

Рукой Н. А. Герцен:

Вот вам, друг мой, стихи, которые мне ужасно нравились еще с детства и которые я повторяла ребенком вместо веселых песенок. Творец их повешен.

Воображаю, каково вам в Цюрихе... Утешаюсь тем, что и нам в Париже не лучше, хотя вы и думаете, что мы здесь как в раю. — После долгого заключения я вышла вчера в Тюльери; деревья распустились, зелень упоительная, гуляющие неспособны. Ребятишки были счастливы; Наташа преследует своей страстью Гораса; а знаете ли, он от вас не отстает, читает и пишет порядочно. Шакал, сверх сходства с шакалом, похож на Рапиль, и все так же бесконечно мил, но мал, а ручки если хотите видеть — вооружитесь микроскопом. Доктор велит его держать в Средиземном море, где, я думаю, мы скоро все поселимся. — А пока — я просто ума не приложу... вы говорите как будто это в нашей воле. — *Tâchez de profiter de Mlle Erne tant que vous pouvez pour commencer la traduction des vers de Pouchkine et Lerm(ontoff) quand nous serons ensemble. Vous savez Jacoby <?> les attend* ². Прощайте, дорогой мой ученик. Да подкрепят вас боги!

Ваша всей душой
N.

11. Г. ГЕРВЕГУ

19 (7) апреля 1850 г. Париж.

Le 19 avril.

Ça ne va plus,
Ça ne va plus,
Ça ne va plus comme autrefois!

L'affaire s'entortille, tu peux savoir les détails par la lettre à ma mère et j'ai perdu mon latin; «haben Sie warten gelernt?» — Le fait est qu'à présent sans perdre de temps faites vorte besogne à Stuttgart, n'oubliez pas de dire que l'argent a été envoyé de Mosc(ou) à Pétersb(ourg), donc qu'il faut s'adresser à la Banque de Péters(bourg) et que le billet a été remis par Rotsch(ild) à Gasser. — Il faut prendre les Wurtembourgeois par l'amour-propre, mais c'est du pillage, ce Weitling de Nicolas, vieux Cabet, communiste comme il n'y en a pas, Babœuf de la Néva...

Finis l'affaire et va-t-en à Nice, je ferai tout mon possible pour pouvoir venir.

Tu vois, dès que tu m'as écrit, la V(oix) du P(euple) s'est changée; aujourd'hui elle n'est pas rance et les 400 martyrs nep-tunisés la feront saisir, j'en suis sûr. Je te répèterai ce que j'ai écrit à Bamberger: «Es sind nicht die Russen die kommen, die Narren kommen, von allen Seiten, die Narren kommen — alles wird unverständlich. Die Narren kommen, unsere Narren, die

¹ Одной строфы не хватает, я ее не помню (франц.). — *Ред.*

² Старайтесь использовать мадемуазель Эрн насколько только сможете, чтобы начать перевод стихотворений Пушкина и Лермонтова, когда мы будем вместе. Вы знаете, что Якоби <?> их ждет (франц.). — *Ред.*

rotfarbigen Narren — Juchei, Zaza, Hop<s>assa... — der Chaos, der Chaos» — et ce n'est que l'esprit de vin (non pas divin) qui surnage.

Lamartine part pour l'Orient, Thiers part pour je ne sais quelle contrée, — Niemand ging aus, keiner ging aus, wer blieb zu Haus?..

Je suis plus irrité que spirituel, quoique je ne comprenne rien, pourquoi veux-tu lire l'Evangile d'Ostromir, traduction slave Cyrillienne, très compréhensible, dans une langue (si je ne me trompe) bulgaro-slave?

On a trouvé à Reims il y a une dizaine d'années un Evangile slave très ancien.

Moi j'ai relu nouvellement l'histoire de l'insurrection de Pougatcheff par Pouchkine, c'est tellement caractéristique qu'on pourrait en faire un petit article (c'est bien dommage que Pouchkine ait été trop aristocrate avec tout son génie pour comprendre, et trop resserré par la censure pour tout dire). Sur chaque page on trouve des douceurs à la Marat dans le genre: «Arrivé dans la petite ville N. Pougatcheff» a ordonné de pendre tous les officiers, tous les nobles, 20 prêtres, en déclarant le bas peuple et les paysans libres pour l'éternité». «...Et il traversa quatre provinces immenses et il était souverain autocratissime pendant quelques mois. „Moi, je suis un petit corbeau, — disait-il à Panine, déjà garrotté et livré par ses amis, — mais le vautour plane encore dans les airs, il viendra encore!“ — Je suis curieux de savoir ce que le vautour fera, si cela n'était qu'un jeu d'enfant.

Adieu. — Pourquoi donc tu n'as pas reçu les *Confessions*, on les <a> envoyées au moins 40 jours, réclame-les... peste, jure et tonne!

Les lettres ne sont pas encore envoyées, je les enverrai demain. Tourguéneff est encore ici, sa santé va de mieux en mieux, il nous avertit tous les jours qu'il part demain. Je crois même qu'il y a quelque relation mystique entre le f... billet et lui.

Addio.

Перевод

19 апреля.

Дело не идет на лад,

Дело не идет на лад.

Дело уж не идет на лад, как прежде!

Дело запутывается. Подробности ты можешь узнать из письма к моей матери, а я уже перестал что-либо понимать; «haben Sie warten gelernt?»¹ Суть в том, что вам надобно, не теряя вре-

¹ «научились ли вы ждать?» (нем.). — Ред.

мени, закончить сейчас штутгартские хлопоты; не забудьте сказать, что деньги были пересланы из Москвы в Петербург, значит нужно обращаться в петербургский банк, а также что билет был передан Гассеру через Ротшильда. — Надо сыграть на самолюбии вюртембержцев, помилуйте, да ведь это грабеж, Николай — просто Вейтлинг, закоренелый Кабе, коммунист, каких мало, Бабёф с берегов Невы.

Кончай дело и отправляйся в Ниццу. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы приехать.

Видишь, стоило тебе написать мне, как «V<oix> du P<euple>» изменилась; теперь она уже не прогорклая, и я уверен, что 400 нептунизированных мучеников приведут к ее запрещению. Повторяю тебе то, что писал Бамбергеру: «Не русские идут, а дураки идут, отовсюду идут, дураки идут — все становится непонятым. Дураки идут, наши дураки, красной масти дураки — ура! цаца, гоццаца... — хаос, хаос!» — и один только спиртной (а не святой) дух веет над всем. Ламартин уезжает на Восток, Тьер — не знаю куда, «Niemand ging aus, keiner ging aus, wer blieb zu Haus?»

Я скорее раздражен, чем остроумен, и пусть я ничего не понимаю, но почему ты хочешь читать Остромирово евангелие на болгаро-славянском языке (если не ошибаюсь), когда есть очень доступный славянский перевод, писанный кириллицей.

В Реймсе, лет десять назад, нашли очень древнее славянское евангелие.

Сам я недавно перечел историю пугачевского бунта Пушкина. Все это так характерно, что можно было бы об этом сделать статейку (очень жаль, что Пушкин, при всем своем гении, слишком аристократ, чтобы понимать, и слишком стеснен цензурой, чтобы высказаться до конца). На каждой странице находишь такого рода прелести в духе Марата: «Прибыв в городок N, П<угачев> велел повесить всех офицеров, всех дворян, 20 священников, объявив весь простой народ и крестьян свободными на вечные времена»... И он прошел через четыре обширных губернии и в течение нескольких месяцев был самодержавнейшим властелином. „Я только вороненок, — сказал он Панину, когда уж был связан и выдан своими друзьями, — а ястреб-то еще летает в небе, он еще появится“». Любопытно бы знать, что же сделает ястреб, если это было только детской игрой.

Прощай. — Почему же ты не получил «Исповедь», ее отправили по меньшей мере 10 дней назад. Требуй ее... ругайся, бранись и грохочи!

«Письма» еще не отправлены, я отправлю их завтра. Тургенев еще здесь, здоровье его все лучше и лучше. Он нас ежеднев-

но предупреждает, что завтра уедет. Мне даже сдается, что существует какая-то мистическая связь между ним и проклятым билетом.

Addio.

12. Г. ГЕРВЕГУ (приписка)

20 (8) апреля 1850 г. Париж.

Julius-Veh-Curdus (Julvécourt *vulganter*) m'empêche de t'écrire que ce n'est pas Niederhuber, mais Ober-Laurer qui fait la cour à Emma. Et demain je t'écirai qu'elle a pris pour te consoler une bonne... mais une bonne... Fichtre... probablement on fera un portrait.

A l'instant même on annonce une nouvelle — Proudhon est à Doullens!..

Перевод

Юлиус-Ве-Курдиус (Жюльвекур *vulganter* ¹) не разрешает мне написать тебе, что за Эммой ухаживает не Нидергубер, а Обер-Лаурер. А завтра я сообщу тебе, что она, желая тебя утешить, наняла горничную, ну и горничную... Черт поberi... с нее, верно, напишут портрет.

Сию секунду объявили новость — Прудон в Дуллансе!..

13. Г. ГЕРВЕГУ

21 (9) апреля 1850 г. Париж.

21 April.

La manie des portraits, qui a envahi notre maison continue, Tata fait des portraits de Horace, ma femme — de Darimon, ta femme — de ma femme, Tourguéneff — de tout le monde. Sacha fait des portraits dans le style Byzantin, ta femme dans le genre d'Andrea del Sarto. Moi à force de poser je deviendrai marquis Posa. Figure-toi que cette épidémie de reproduction des traits a tellement absorbé les honorables artistes qu'il y a deux jours qu'Emma ne m'a rien dit concernant son départ, ses projets et n'a pas pesté et juré contre le sort, les dieux et les démons...

Hier on a donné aux Variétés *La petite Fadette*, estropiée d'une manière ridicule; Sylvinet exclu, Landry — polichinellisé, et avec tout cela la pièce est meilleure que tout ce qu'on donne. Le rôle de Fadette est beau, et bien joué par une m-selle Thillier. Nun und was sagen Sie, Ew. Hochwohlg<eboren> von der Geschichte mit Pr<oudhon>?

¹ попросту говоря (лат.).— *Ред.*

Voilà, *caro mio*, où en est l'humanité depuis Galilée et le Galiléen. — Tout va à une crise à laquelle je n'en sais rien, *töricht auf Besserung der Toren zu harren...* Chaque jour donne l'avis salulaire de fuir les hommes agglomérés en troupeau; déportons-nous nous-mêmes puisque la déportation est à la mode... et voilà qu'on vous attache des boulets aux pieds (ou, pour être moins métaphorique — des billets). Maudite affaire! Je n'entrevois plus de solution prochaine. Faites l'impossible à Wurtemberg>).

Ta femme pour mettre à une épreuve rude ta vertu, a pris une bonne agée de 18 ans, de la hauteur de Kapp, fraîche et belle — lorsqu'elle a eu la bonté de me la montrer, j'ai dit d'un air recueilli et pieux: «*Et non inducas in tentationem*».

Dis à ma mère qu'il n'y a rien de nouveau de Pétersbourg>. Jusqu'à présent Rotchild> a tout fait, mais je ne voudrais pas le mettre à l'épreuve (pas même avec la bonne).

Golovine m'écrit une lettre, dans laquelle entre autres il y a cette ligne remarquable: «La femme de Pulskey est enceinte».

Bamberger s'est rasé, s'occupe chez un banquier, et me conseille dans un moment de tristesse de lire l'article que Golovine> a écrit concernant mon ouvrage pour la Revue Kolatchek.

Je t'embrasse. Tu sais que Constantin a perdu sa moitié, $\frac{1}{2}$ Constantin, moi je m'attends aussi à n'apporter qu'une $\frac{1}{2}$ à Nice.

Adieu.

Рукой Н. А. Герцен:

Je vous embrasse de tout mon cœur pour votre fête, et voilà tout!

Natalie.

Перевод

21 апреля.

Портретная мания, овладевшая нашим домом, не проходит. Тата пишет портреты Гораса, моя жена — Даримона, твоя жена — портрет моей жены, Тургенев — портреты всех. Саша пишет в византийском стиле, твоя жена — в манере Андреа дель Сарто. Я же столько позирую, что скоро превращусь в маркиза Позу. Представь себе, эта изобразительная эпидемия настолько захватила почтенных художников, что вот уже два дня, как Эмма ничего не говорит мне о своем отъезде, о своих планах, не бранится и не проклинает судьбу, богов и злых духов.

Вчера в «Варьете» давали «Маленькую Фадетту», искалеченную самым дурацким образом; Сильвине изгнан, Ландри ополшинелен, и все же это лучшая пьеса из того, что сейчас дают.

Роль Фадетты прекрасна, и мадмуазель Тийе хорошо ее сыграла. Nun und was sagen Sie, Ew. Hochwohlg(eboren) von der Geschichte mit Pr(oudhon)¹.

Вот, caro mio, до чего дошло человечество со времен Галилея и Галилеянина. Все идет к какому-то кризису, к какому — не знаю, töricht auf Besserung der Toren zu harren...² Каждый день приносит нам спасительный совет бежать от людей, сбившихся в стадо, отправим же сами себя в ссылку, поскольку ссылать сейчас в моде... Но тут нам привязывают к ногам гири (а выражаясь менее метафорично — билеты)... Проклятое дело! Я уж не жду скорого решения вопроса. Сделайте в Вюртемберге невозможное.

Чтобы подвергнуть суровому испытанию твою добродетель, твоя жена взяла восемнадцатилетнюю служанку, ростом с Каппа, свеженькую и хорошенькую. Когда же она мне любезно ее показала, я с серьезным и благочестивым видом сказал: «Et non inducas in tentationem»³.

Скажи маменьке, что из Петербурга ничего нового нет.

До сих пор Ротшильд делал все, что от него зависело, но я не хотел бы подвергать его испытанию (даже со служанкой).

Головин прислал мне письмо, в котором, между прочим, есть такая замечательная строка: «Жена Пульского беременна».

Бамбергер обрился, служит у какого-то банкира и советует мне в грустную минуту прочесть статью, которую Головин написал о моем сочинении для журнала Колачека.

Обнимаю тебя. Ты знаешь, что Константин потерял *половину себя* — $\frac{1}{2}$ Константина, а я тоже готовлюсь привезти в Ниццу только $\frac{1}{2}$ себя.

Прощай.

Рукой Н. А. Герцен:

От всего сердца обнимаю вас, ради дия вашего ангела, вот и все.

Н а т а л и.

14. Г. ГЕРВЕГУ

23—24 (11—12) апреля 1850 г. Париж.

Le 23 avril.

Donc c'est ta fête aujourd'hui, — j'ai invité en qualité de Vice-George les dames chez les Provençaux — mon toast sera: «A la réunion à Nice». Oui, à Nice, à Nice. Nous y tiendrons à

¹ Ну, а теперь, достопочтеннейший, что вы скажете об истории с Прудоном (нем.); ² глупо ожидать, чтоб глупцы образумились (нем.); ³ «И не введи нас во искушение» (лат.). — *Ред.*

deux un conseil œcuménique de Nicée. Tata représentera Arius, et Horace — Pélasgius.

Quelle lassitude, cher ami, quelle lassitude je sens, tu ne peux t'imaginer. Je m'accuse de faiblesse, d'inconséquence et pourtant on a beau mépriser les hommes, on a des yeux, on a un cœur.

Rien de nouveau, rien de surprenant — mais aussi lorsqu'on frappe quelqu'un par une massue, il n'y a rien d'étonnant mais cela fait mal. Je suis abreuvé des infamies que je vois tous les jours et je serais à Charenton à force de tristesse sans les mauvais calembours, que je fais pour moi plus que pour les autres... nous sommes près d'un commencement ou de la fin.

Et cette maudite affaire du billet, qui me tient esclave. Rot(schild) n'entreprend rien avant d'avoir une réponse cathégorique, il a répété à G(asser) de l'exiger. L'autre répond qu'il ne peut rien ajouter à ses demandes. J'attends à présent ce que vous m'écrirez de Wurtemb(erg) — seulement surveille bien et conseille tout ce qu'il faut à ma mère.

Tous les enfants ont déjeuné chez Emma et ont reçu une portion «de viande et de vin» — comme on dit dans les journaux russes après l'inspection de l'armée par l'emp(ereur) — c'est à dire du Moët, plus qu'on ne leur donne. Tu vois donc que rien n'a été omis à la solennité du 23 avril. Je brûle aussi de soif — sais-tu que je bois peu de vin, encore moins d'eau-de-vie, je désire conserver le côté droit de mon corps plus longtemps que le pauvre Constantin. Et j'en ai besoin aujourd'hui — non pas du côté droit mais de Richebourg pour me monter à la hauteur du festival. Et voilà tout — demain encore. C'est une lettre provisoire.

24 av(ril).

Tu me forces à me justifier comme devant un procureur. Et pourtant tu connais toutes les circonstances. De quoi es-tu mécontent? Où fallait-il aller? Quand?

Récapitulons, si celate plaît. J'arrive à Paris et j'attends une réponse pour le 1 février, je reçois une réponse qui dit que la banque a différé de 28 jours. Passent 40 jours — point de réponse. Alors j'ai demandé une entrevue avec Rot(schild), j'ai insisté sur la nécessité d'écrire à Gas(ser) d'une manière énergique, il a écrit le 16 mars — le 6 avril est venue une réponse. Vous, comme moi, nous (nous) étions trompés en attendant (comme l'écrivait Gas(ser)) une réponse définitive dans une semaine. Au lieu de cette réponse arrive une lettre où il dit qu'il y aurait une réponse en tout cas, mais que la décision peut encore traîner des mois. Cette réponse est arrivée la semaine dernière.

Que devais-je donc faire: retourner à Zurich, aller à Nice... à Cadix... à Genève — mais est-ce que vous avez choisi quelque

chose; lorsque moi je conseillais à Emma d'aller s'installer, tu lui écrivais de se tenir tranquillement à Paris.

Vous doutiez des démarches de Rotsch<ild> parce que vous ne saviez l'affaire que par mes lettres, moi j'ai pu avoir d'autres certitudes en lisant les réponses. Peut-être cela n'était pas nécessaire — moi je crois le contraire. Je pousserai encore l'affaire en cas de refus...

Ensuite retournons, *tanto poco*, la question: Zurich n'est pas plus loin de Paris que Paris de Zurich, tu pourrais parfaitement passer ici un mois, deux même... pourquoi cette idée si simple ne te venait pas dans la tête, financièrement cela aurait moins coûté que le voyage d'Emma à Zurich. Je crois que tu ne l'as pas fait, parce que tout le monde s'est trompé sur la question du temps que durerait l'affaire. Toute cette sagesse est retrospective, et je propose d'accuser le *fatum*, l'organisation sociale... et de laisser les incriminations des personnes...

Je ne changerai rien à mes dernières décisions, j'attends ici une réponse — bonne ou mauvaise, je quitte en 10 jours, après l'avoir reçue, Paris et j'irai droit à Nice. — Ou *s'il y a quelque empêchement* — à Cannes, S<aint>-Tropez — même peut-être en Suisse — comme pis aller.

Рукой Н. А. Герцен:

J'ai voulu vous faire la description, comment nous avons passé le jour de votre *fête* — mais je vois qu'elle est *faite* par votre besson, donc à la bessonne il ne reste qu'à ajouter le soir — nous sommes allés par une averse dîner au restaurant, tout de suite après le dîner on m'a couchée, j'ai dormi jusqu'à 11 1/2, puis on m'a réveillée et nous sommes allés à la maison — n'est-ce pas, c'est intéressant? «Tu l'as voulu, Georges!» Oui, mon cher Georges, en vérité vous êtes quelquefois comme un enfant, c'est bien, mais ne soyez pas un enfant trop capricieux, cela me fait tant de peine! — Moi aussi je suis bête et je veux vous ménager aujourd'hui! *A rivederci!*

N.

Horace lit *admirablement* bien le russe et *avec passion*.

Et quand je pense que nous pourrions non seulement dîner chez les <Frères> P<rovençaux> trois fois ensemble, mais dîner *tous les jours* ensemble hôtel Mirabeau pendant *ces trois mois*?!?!?

На обороте рукой Герцена: Егору Васильевичу Грозному.

Перевод

23 апреля.

Итак, сегодня день твоего ангела. В качестве вице-Георга я пригласил дам к Провансальцам. Я подниму бокал «за встречу в Ницце». Да, в Ницце, в Ницце! Там мы откроем вдвоем Никейский вселенский собор. Тата будет представлять Ария, а Горас — Пеласгия.

Как я устал, дорогой друг, какую усталость я чувствую, ты не можешь себе и представить. Обвиняю себя в слабости,

непоследовательности, но сколько ни презирай людей, а есть же у тебя глаза, есть сердце.

Ничего нового, ничего из ряда вон выходящего, но если кого-нибудь ударят дубиной, в этом тоже нет ничего удивительного, однако это больно. Я по горло сыт подлостями, которые изо дня в день вижу, и попал бы от тоски в Шарантон, если бы не мои плохие каламбуры, которые я сочиняю больше для себя, нежели для других. Мы близки к началу либо к концу.

А тут еще проклятое дело с билетом, превратившее меня в раба. Ротшильд ничего не предпримет, пока не получит решительный ответ; он вторично предложил Гассеру потребовать его. Тот ответил, что ему нечего добавить к своим ходатайствам. Теперь я жду от вас вестей из Вюртемберга — только следи хорошенько за всем и подавай необходимые советы моей матери.

Все дети завтракали у Эммы и получили порцию «мяса и вина» — как пишут в русских газетах после инспектирования армии императором, т. е. им налили мюста больше, чем обычно. Как ни пишешь, ничего не было упущено для придания торжественности 23 апреля. Меня тоже мучит жажда — знаешь ли, что я пью очень мало вина, а еще меньше — водки, я желаю сохранить свой правый бок дольше, чем бедняга Константин. Но сегодня мне нужен не правый бок, а ризбургское, чтобы быть на высоте празднества. Вот и все. Завтра напишу еще. А это письмо — предварительное.

24 апреля.

Ты заставляешь меня оправдываться, как перед прокурором. Но ведь тебе известны все обстоятельства. Чем ты недоволен? Куда нужно было ехать? Когда?

Повторим вкратце, если тебе угодно. Я приезжаю в Париж и жду ответа к 1 февраля. Получаю ответ, в котором говорится, что банк отсрочил решение на 28 дней. Проходят 40 дней — никакого ответа. Тогда я попросил свидания с Ротшильдом, я настаивал на необходимости написать внушительно Гассеру — он написал 16 марта, 6 апреля пришел ответ. И вы, и я, и все мы ошиблись, ожидая окончательного ответа через неделю (как писал Гассер). Вместо этого ответа пришло письмо, в котором он пишет, что ответ будет во всяком случае, но решение может затянуться еще на месяцы. Этот ответ пришел на той неделе.

Что же я должен был делать: возвратиться в Цюрих, ехать в Ниццу... в Кадику... в Женеву — но разве вы сами на чем-нибудь остановились? Когда я советовал Эмме ехать устраиваться, ты ей писал, чтоб она спокойно сидела в Париже.

Вы сомневались в успехе шагов, предпринятых Ротшильдом, потому что знали о деле только по моим письмам, сам же я мог и не иметь таких сомнений, читая ответы. Может быть,

в этом не было необходимости, но я думаю обратное. В случае отказа я не брошу дела...

А теперь поставим вопрос *tanto poso*¹ иначе: Цюрих не дальше от Парижа, чем Париж от Цюриха; ты мог бы прекрасно провести здесь месяц, даже два... почему столь простая мысль не пришла тебе в голову? Это обошлось бы дешевле, чем поездка Эммы в Цюрих. Думаю, что ты не сделал этого, ибо никто не знал, долго ли продлится дело. Но легко быть мудрым задним числом, поэтому предлагаю осуждать судьбу, социальное устройство... и не заниматься обвинением личностей...

Я ни в чем не изменю своих последних решений. Я дождусь здесь ответа, хорошего или плохого, и через десять дней после его получения покину Париж и поеду прямо в Ниццу. Либо, *если возникнут какие-либо затруднения*, в Канн, Сен-Тропез, а на худой конец — даже в Швейцарию.

Рукой Н. А. Герцен:

Хотела описать вам, как мы провели день вашего ангела, но вижу, что это сделано вашим близнецом, значит, близнецу женского рода остается только добавить о вечере. Под проливным дождем мы пошли обедать в ресторан, сразу же после обеда меня уложили, я спала до половины 12-го, затем меня разбудили, и мы пошли домой, — интересно, не правда ли? «Ты этого хотел, Жорж». Право же, милый Георг, иногда вы просто как ребенок, пусть так, но не будьте слишком капризным ребенком, меня это очень огорчает. — А я тоже глупа и хочу сегодня пощадить вас. *A rivederci*².

Н.

Горас *пресосходно* и с увлечением читает по-русски.

Подумать только, ведь мы могли бы не только три раза пообедать вместе у «Братьев Провансальцев», а могли бы обедать *ежедневно* в *Hôtel Mirabeau* в течение целых *трех месяцев*?!?!!

На обороте рукой Герцена: Егору Васильевичу Грозному.

15. II. ЯКОБИ

24 (12) апреля 1851 г. Париж.

Paris. 24 avril 1850.

Voilà, cher monsieur Jacoby, une occasion que je ne veux pas faire passer sans me rappeler à vos souvenirs, sans vous dire franchement et de tout mon cœur que je vous aime et vous estime.

Depuis votre départ de Genève beaucoup de choses se sont accomplies, mais le fond est toujours le même — réaction féroce, démocratie stupide. Oui, c'est la mort d'une forme sociale, tout dégénère, tout tombe. Depuis le mois de décembre je suis à Paris; plus je vois d'hommes, plus je m'approche des partis — plus je reste seul, plus je m'éloigne.

¹ несколько (итал.); ² До свидания (итал.). — *Ред.*

C'est le temps où l'individu doit briser son cœur, ou tous liens qui l'attachent à ses contemporains. Sauvons <-nous> nous mêmes au lieu de vouloir sauver le monde. Ce qui se prépare ici c'est difficile à dire, ou un despotisme dégradant, ou le communisme pas moins arbitraire. De tous les côtés *Borniertheit*, petitesse et violence.

Je ne reste ici que pour mes affaires. On m'a séquestré mes biens en Russie, je travaille pour sauver les beaux restes. Vous pouvez m'aider d'une manière très efficace en me procurant quelque moyen d'envoyer deux ou trois lettres (d'affaires et non de politique) à Moscou sans qu'on les ouvre. Ecrivez-moi un mot concernant cela, adressez la lettre à Paris «aux soins de M^{rs} les frères de Rotschild». — Si on pouvait arranger l'affaire dont j'ai parlé avec le porteur de cette lettre, Mr Kapp (frère de Kapp qui a été instituteur de mon fils et qui est à présent à New York) — le jeune homme va à Memel en qualité de commis d'une librairie, voilà une occasion magnifique pour envoyer des livres en Russie. La propagande est la seule chose qui me reste, aidez-moi en cela.

Je vous envoie 2 ex<emplaires> de mes deux brochures et ma réponse à Donoso Cortès. Vous pouvez, si vous le désirez, avoir encore quelques exempl<aires> *Vom andern Ufer*. — Je prépare la continuation.

Les lettres de l'Italie sont bien mal traduites; je les ai dictées à Kapp, et nous n'avons pas eu les épreuves, Kapp a été un excellent citoyen, mais il avait un style peu goûtable pour tout homme qui ne soit Westphalien.

Donnez votre main, cher monsieur Jacoby, écrivez-moi, vous me consolerez beaucoup, lorsqu'on se rencontre dans le désert et on peut maintenir les relations individuelles. Ma femme vous salue amicalement, elle a outre cela prié Kapp de vous dire combien nous nous souvenons avec sympathie de la courte rencontre au bord du Léman. — Mazzini regrette beaucoup de ne pas vous avoir rencontré — il m'en a parlé plus d'une fois. A propos, je tremble pour Mazz<ini>; il me semble qu'encore un pas et il restera non pas en avant comme il a été toujours — mais en arrière. Il pense que les choses sont encore éternellement les mêmes comme du temps des frères Bandiera. Noble individualité¹, mais pas progressive.

Vous savez que Proudhon a été envoyé dans la prison de Doullens. — Quel progrès depuis Galilée.

Les boulevards sont couverts de mouchards et de sergents de ville qui font la chasse aux journaux; le soir à 9 h. on traîne de pauvres femmes, on jette par terre les boutiques portatives —

¹ В источнике далее предположительно: *пauvre*. — *Ред.*

et on se demande quelle est donc cette ville barbare. L'exaspération est grande — mais on laisse faire.

Après avoir terminé mes affaires, j'irai à Nice. Je suis rompu, fatigué, dégoûté — on peut beaucoup travailler mais il faut avoir devant soi un but, une espérance, il faut avoir une foi quelconque!

A l'instant même je reçois un ordre de quitter la France.— Vive la liberté!

Ecrivez toujours à l'adresse de Rotschild. Salut fraternel.

A. H e r z e n.

Перевод

Париж. 24 апреля 1850 г.

Вот, дорогой г. Якоби, случай, которого я не хочу упустить, чтобы не напомнить вам о себе и не сказать искренно, от всего сердца, что я вас люблю и уважаю.

Со времени вашего отъезда из Женевы произошло много событий, но в сущности все осталось по-прежнему: все та же свирепая реакция, все та же тупая демократия. Да, это смерть социальной формации: все вырождается, все падает. С декабря я в Париже, и чем больше узнаю людей, чем ближе сталкиваюсь с партиями — тем больше чувствую себя одиноким, тем больше отдаляюсь.

Мы переживаем время, когда человек должен разбить свое сердце или порвать все узы, связывающие его с современниками. Лучше самим спастись, нежели пытаться спасти весь мир. Трудно сказать, что готовится здесь — позорный деспотизм или не менее самоуправный коммунизм. Со всех сторон — *Borniertheit*¹, низость и насилие.

Меня держат здесь только мои дела. На мое имущество в России наложено запрещение — я стараюсь спасти хотя бы остатки. Вы оказали бы мне весьма существенную помощь, если бы предоставили мне возможность отправить в Москву два-три письма (деловых, а не политических) так, чтобы они дошли нераспечатанными. Напишите мне словечко об этом; письмо адресуйте в Париж: «па попечение гг. братьев Ротшильд». Нельзя ли устроить дело, о котором я говорил с подателем настоящего письма г. Каппом (это брат того Каппа, который был учителем моего сына, а теперь в Нью-Йорке), — молодой человек едет в Мемель в качестве доверенного одного книжного магазина, это был бы великолепный случай послать книги в Россию. Пропаганда — единственное дело, которое мне остается; помогите мне в этом.

¹ ограниченность (нем.). — *Ред.*

Посылаю вам по 2 экземпляра двух своих брошюр и ответ Доново Кортесу. Вы можете получить, если хотите, еще несколько экземпляров «С того берега». Я готовлю продолжение.

«Письма из Италии» переведены довольно плохо; я диктовал их Каппу, и мы не получали корректур. Капп был прекрасным гражданином, но стиль его мало приемлем для невестфальца.

Дайте вашу руку, дорогой г. Якоби, напишите мне; это большое утешение, когда встретишь человека в пустыне и можешь поддерживать личные отношения.

Жена дружески кланяется вам; она просила Каппа еще передать вам, с каким сочувствием оба мы вспоминаем нашу короткую встречу на берегу Лемана. — Маццини очень сожалеет, что не встретился с вами, — он это повторял мне несколько раз. Кстати, я опасаюсь за Маццини: мне кажется, что еще шаг — и он очутится не впереди, как был всегда, а позади. Он думает, что положение останется вечно таким же, как во времена братьев Бандиера. Личность благородная <1 нрзб.>, но непрогрессирующая.

Вы знаете, что Прудон был отправлен в Дулланскую тюрьму. Какой прогресс со времен Галилея!

Бульвары кишат шпионами и полицейскими, которые устраивают облавы на газеты; в 9 часов вечера хватают бедных женщин, валяя на землю киоски — вот и спрашиваешь себя, не варварский ли это город? Раздражение чрезвычайно велико, но никто не противодействует.

Закончив свои дела, я поеду в Ниццу. Я чувствую себя разбитым, усталым, все мне опротивело — можно много работать, но надо иметь перед собой какую-то цель, надежду, надо во что-то верить.

В эту самую минуту получаю приказ покинуть Францию. — Да здравствует свобода!

Пишите все-таки по адресу Ротшильдов. Братский привет.

А. Герцен.

16. Г. ГЕРВЕГУ

28 (16) апреля 1850 г. Париж.

28 avr<il>.

Ta dernière lettre a été charmante, mais je ne suis pas disposé à t'égaliser aujourd'hui. Oui, tu as raison, si ce n'est pas le mari, c'est la femme... et peut-être tu m'inculperas à présent de la maladie de ma femme, qu'Emma a pris pour une petite indisposition et que je voyais profondément grave.

— Et bien, tendez le cou tendez le cou, les fourches Caudines de la vie! Allez, faites des plans, Océanie, Lisbonne, l'Océan>

pacifique!.. Halte-la... et finis-en avec un malheureux catarrhe. Je ne prévois pas encore de possibilité pas même pour le 15 mai de partir — c'est-à-dire ensemble.

Персвот

28 апреля.

Твое последнее письмо было очаровательно, но я не расположен сегодня соревноваться с тобой. Да, ты прав: если не муж, то жена... и может быть, ты обвинишь меня теперь в болезни моей жены, — болезни, которую Эмма приняла за легкое недомогание и которую я считал весьма серьезной.

Что ж, надо гнуть выю, гнуть выю — вот они, Кавдинские фуркулы жизни! Подите, стройте планы: Океания, Лиссабон, Тихий океан!.. Стоп... разделайтесь-ка сначала с несчастным катаром. Не предвижу возможности уехать даже 15 мая — т. е. вместе.

17. Г. ГЕРБЕГҮ

30 (18) апреля 1850 г. Париж.

30 April.

Tu sais le résultat des élections. «Was wird — das wird» — sagt ein russisches Sprichwort. Je suis tout à fait sous la pression de la maladie de Nat<alie>, enfin cela dépasse toutes les bornes — un refroidissement de rien qui se développe, se développe jusqu'à une maladie qui fait diablement souffrir. — Non, la vie est stupide; on se débat, se démène — et ce n'est que la chimie organique qui est le fatum et décide...

Rots<child> a écrit à Kis<seleff>, mais il ne veut pas qu'on en parle. L'affaire aurait été bien enterrée si je n'étais <pas> à Paris.

J'ai reçu aujourd'hui une lettre de Hoffmann & Campe pleine de compliments, il m'écrit qu'il m'envoie une critique (que je n'ai pas reçue) ironique qui a été écrite pour tromper les réactionnaires et qu'il trouve charmante. Il me parle d'un Häuenschildt qui a aussi écrit quelque chose — qui est ce monsieur avec un nom de famille iroquois? Il parle d'une seconde édition qui doit paraître dans deux mois. — La préface, s'il vous plaît. La critique est in <den> Brockhaus Blättern für Liter<arische> Unterhaltung et une autre de Hauensch<ildt> — mais je n'ai rien reçu...

Je serai enchanté de faire prendre des leçons à Alexandre chez Vogt, c'est mon idéal de le pousser vers les sciences naturelles. Mais tâche de savoir s'il est suffisant 100 francs par mois (je compte qu'il faut avoir encore un maître de la langue française)

et je voudrais savoir si cela lui va. Avant la terminaison de l'histoire du billet je ne peux disposer que de 22 000 par an.

Concernant le microscope c'est difficile à dire; si Og<areff> est en exil, il fallait le lui envoyer tout de suite, attends encore quelques jours. J'attends toujours le voyageur russe qui doit nous apporter des lettres.

Le gouvernement est tellement abattu qu'il prend Abattu-Chi pour ministre, et l'ersigry pour fils de Baroche. *O secolo incapace!* Point d'érection, point d'éjaculation. Et la lettre de Pr<oudhon> à Carlier. — Non, il n'y a pas de nature entière, nou<s> sommes tous, *tutti quanti*, touchés par la corruption. Je le sens au fond de mon âme.

Es lebe der Tod!

Tout le monde est *enrhumé* par le froid et moi par Hoffmann & Campe.

На обороте: Егору Федоровичу.

Перевод

30 апреля.

Тебе известны результаты выборов. «Was wird — das wird» — sagt ein russisches Sprichwort¹. Я совершенно подавлен болезнью Натали, это, наконец, переходит все границы, — пустяковая простуда, все развиваясь и развиваясь, превращается в болезнь, причиняющую ужасные страдания. — Нет, жизнь глупа, мы бьемся, надрываемся, но ведь одна только органическая химия и есть судьба и решает все.

Ротшильд написал Киселеву, но он не хочет, чтобы об этом говорили. Дело уже давно предали бы забвению, если бы меня не было в Париже.

Сегодня я получил от Гофмана и Кампе письмо, полное комплиментов. Он пишет, что посылает мне критическую статью (которую я не получил), написанную в ироническом тоне, дабы обмануть реакционеров, и что сам он находит ее прелестной. Упоминает о каком-то Хауеншильде, который тоже что-то написал, — кто этот господин с ирокезской фамилией? Упоминает о втором издании, которое должно появиться через два месяца. — Дай же, пожалуйста, предисловие. Критическая статья помещена в брокгаузовских «Blätter für Liter<arische> Unterhaltung», а другая — Хауеншильда, но я ничего не получал.

Я буду очень рад, если Александр начнет брать уроки у Фогта, ведь это моя мечта — направить его в сторону естественных наук. Постарайся же узнать, будет ли достаточно 100 франков в месяц (я считаю, что, кроме того, нужен учитель

¹ «Чему быть — того не миновать» — говорит одна русская пословица (нем.). — *Ред.*

французского языка), мне хотелось бы знать, устраивает ли его это. Пока история с билетом не кончится, я могу располагать только 22 000 в год.

Насчет микроскопа трудно что-либо сказать; если Огарев в ссылке, ему пужно было бы переслать его немедленно; повремени еще несколько дней. Я все жду человека из России, который должен привезти нам письма.

Правительство так пришиблено, что оно берет Аббату-Чи в министры, а Персиньи в сыновья Баропа. *O secolo incarsace!*¹ — ни эрекции, ни эякуляции! А письмо Прудона к Карлье. — Нет, цельных натур больше не существует, все мы, *tutti quanti*², тронуты разложением.

Es lebe der Tod!³

Все простужены из-за холода, а я из-за Гоффмана и Кампе.

На обороте: Егору Федоровичу.

18. Г. ГЕРВЕГУ

4—5 мая (22—23 апреля) 1850 г. Париж.

4 mai.

Il y a bien longtemps que je n'ai pas écrit, et la cause en est que par coquetterie je ne me montre à mes amis que lorsque je suis aimable, spirituel, intéressant... eh bien, ces trois jours je n'étais ni l'un ni l'autre. La maladie de Natalie m'a attristé. Les horreurs que je vois tous les jours m'irritent d'une manière stérile. Tu sais qu'Edmond est expulsé et qu'il reste ici pour quelque temps à condition de ne rien faire. Tu sais la chasse aux porteurs de journaux qui chaque jour se renouvelle — et se termine par une victoire complète des Carlovingiens... *Corpo di Bacco*, lorsqu'on sait qu'il n'y a pas de ville plus civilisée que Paris, pas de peuple meilleur, — lorsqu'on pense que partout ailleurs cela va plus mal encore, on devient stupéfait, crétin, idiot... idiot jusqu'au point d'aller voir Alexis le magnétisé...

L'affaire du départ reste comme elle était — si je ne parviens pas à avoir un visa pour Nice, j'irai par Genève.

Il y a de bonnes nouvelles concernant l'affaire, elles consistent dans un mémoire de la banque tout en faveur du remboursement.

J'ai reçu une lettre de Bamberger, c'est un homme de beaucoup d'énergie spirituelle, sa lettre est charmante; entre autres il me cite ce texte: «*Tristitia est animi imperfectio*» — et m'engage de me moquer de tout; je n'avais pas besoin d'une invitation pour cela, et j'ai écrit un petit article *Omnia mea mecum porto* qui

¹ О немощный век! (итал.); ² решительно все (итал.); ³ Да здравствует смерть! (нем.). — *Ред.*

te plaira, j'en suis certain.— Edmond veut aller en Egypte. Je tâche de sauver *tanto poco* du cautionnement.

J'ai un mal de tête féroce.— Adieu, *caro mio*, au revoir, le temps approche où enfin nous nous reposerons ensemble. Je t'embrasse.

Pr<oudhon> est au secret à Doullens, même sa femme ne pouvait le voir qu'un instant sous la surveillance d'un gardien.

5 mai.

Hier à cause de la fête les lettres ne partirent point. J'ajoutai quelques mots. Tes prédictions s'accomplissent, ma femme va mieux, mais Tata est malade... Commence à crier et à pester — moi je me résigne. L'homme ne peut être calme et tranquille que lorsqu'il est tout seul — chaque complication de la vie par les relations les plus intimes porte des moments de bonheur et des éternités d'amertume, de crainte, de déchirements de cœur — c'est alors que tout chancelle dans l'homme-même, il perd le centre de gravité. Et — voilà notre existence. Tu t'abuses jusqu'à présent en pensant diriger ta vie en souverain. Tu ne feras rien, *caro mio*.

La lettre de Pr<oudhon> serait très stupide, mais il y a pourtant des causes atténuantes. Il faut te dire que l'autre le flattait, faisait avec lui des dissertations sur le conservatisme et la révolution, lui faisait diverses petites douceurs.— Mais je ne l'excuse pas. Ma lettre te plairait plus, c'est la simplicité d'une addition.

Je te *tzaluiu i obnimain*.

Je crois à la possibilité de viser ici — ce qui est de beaucoup mieux. Pour toi — autre chose, tu es Suisse, mais un Russe visé à Genève, passeport suisse — trop compliqué.

Внизу листа: Егору Федоровичу.

Перевод

4 мая.

Я уже очень давно не писал, а все потому, что из кокетства я показываюсь своим друзьям только тогда, когда я любезен, остроумен, интересен... а эти три дня я не был ни тем, ни другим. Меня огорчала болезнь Натали. Ужасы, которые я вижу ежедневно, вызывают во мне какое-то бесоглядное раздражение. Ты знаешь, что Эдмона высылают и что он остается здесь еще на некоторое время при условии ничем не заниматься. Ты знаешь, что охота на продавцов газет возобновляется из года в год — и неизменно заканчивается полной победой Карловингов... А как подумаешь, *corpo di Vasso*¹, что нет города

¹ черт возьми (итал.). — *Ред.*

более цивилизованного, чем Париж, нет лучше народа, — представишь себе, что повсюду в других местах дело обстоит еще хуже, просто цепенеешь, становишься кретином, идиотом... идиотом до такой степени, что идешь смотреть магнетизированного Алексиса...

С отъездом все остается по-прежнему — если не добыюсь визы для Ниццы, поеду через Женеву.

Есть хорошие новости о деле, а именно — докладная записка банка, полностью поддерживающая выплату.

Я получил письмо от Бамбергера. Это человек очень деятельного ума, его письмо прекрасно; между прочим, он мне процитировал слова «*Tristitia est animi imperfectio*»¹ и посоветовел ничего не принимать всерьез; об этом меня не надо было просить, и я написал небольшую статью «*Omnia mea mecum porto*», которая, я уверен, тебе понравится. Эдмон собирается ехать в Египет. Я стараюсь спасти *tanto poco*² из залога.

У меня ужасная головная боль. Прощай, *сего mio*, до свидания. Уже близко то время, когда мы, наконец, вместе отдохнем. Обнимаю тебя.

Прудон в одиночном заключении в Дулланской тюрьме, даже жене удалось только на минуту повидать его, и то в присутствии надзирателя.

5 мая.

Вчера по случаю праздника письма не были отправлены. Добавляю несколько слов. Твои предсказания сбываются — моей жене лучше, но заболела Тата. — Начинай же кричать и ругаться, а я покоряюсь неизбежности. Человеку можно оставаться спокойным и безмятежным лишь тогда, когда он совсем одинок; даже самые близкие отношения осложняют жизнь, несут с собой минуты счастья и целую вечность огорчений, опасений, сердечных мук — и тогда-то в самом человеке все и начинает колебаться, он теряет равновесие. И таково наше бытие. Ты и по сей день пребываешь в заблуждении, думая, что можешь самовластно управлять своей жизнью. Тебе это не удается, *сего mio*.

Письмо Прудона может показаться весьма глупым, но есть все же смягчающие обстоятельства. Нужно сказать, что тот льстил ему, разглагольствовал с ним о консерватизме и революции, осыпал различными любезностями. — Но я его не извиняю. Мое письмо тебе больше понравится — оно просто, как правило сложения.

Целую и обнимаю тебя.

Я думаю, что визу можно получить здесь, и это гораздо

¹ «Грусть — несовершенство души» (лат.); ² кое-что (итал.). — *Ред.*

лучше. Тебе — другое дело, ты швейцарец, а русскому получить визу в Женеве, швейцарский паспорт — слишком сложно.

Внизу листа: Егору Федоровичу.

19. Г. ГЕРБЕГУ

7 мая (25 апреля) 1850 г. Париж.

7 mai.

Et encore une fois: «*Oggi o mai*». — Lorsque je t'écrivais ces mots, il y a près de deux mois, j'avais raison, et deux victoires ont décidé pour l'*«oggi»*. Mais ce n'est pas tout; je ne sais quel démon de destruction pousse ces hommes à brouiller les cartes de plus en plus, à toucher à la poudrière avec une allumette. La position est encore plus critique au jour d'aujourd'hui... et je n'ai ni espérance, ni désespoir, ni confiance, ni crainte. — Voilà à quoi on arrive étant spectateur impartial, c'est-à-dire presque impersonnel.

A Nice, à Nice... Si on ne me tracasse plus, je partirai vers le 1 juin, si on me tracasse j'irai seul et par Genève, attendu que l'autre se propose de rechef de me suissiser, et alors peut-être je quitterai Paris le 18. — Ma femme ne peut se mettre en route, Tata est malade, aussi je les laisserai sous la protection de Horace, l'homme le plus posé des trois membres de ta famille.

L'affaire du billet amer — va bien. Il paraît qu'on veut ignorer les dispositions antérieures et plutôt payer que motiver...

Рукой Н. А. Герцен:

Demain part chez vous, cher ami, *Сорка-воробки*, *Крупнов* et quelques *Записки охотника* que vous ne comprendrez pas si facilement que le reste, cela ne fait rien, bientôt nous pourrons lire ensemble et je vous expliquerai. — En attendant je soigne d'autres enfants malades, je mouche l'un, je donne de la tisane à l'autre. Tata avait une fièvre très forte cette nuit. Tout le monde tousse, Emma, moi — joli concert; Alexandre est désolé, il se sauve au théâtre et puis la conscience le tourmente, il se reproche *trop* de distractions... Quand donc nous courrons tous comme des enfants dans les champs! Il me semble que nous sommes tous dans l'état de chrysalide et que nous deviendrons tous des papillons!..

A vous, p a p i l l o n i n s p e.

На обороте: Егору Васильевичу. ☞

Перевод

7 мая.

Еще раз: «*Oggi o mai*». — Около двух месяцев назад, когда я написал тебе в первый раз эти слова, я был прав, и две победы решили в пользу «oggi». Но это еще не все; не знаю, какой дух разрушения толкает этих людей как можно больше спутывать

карты, подносить спичку к пороховнице. Сегодня положение стало еще более критическим... а у меня ни надежды, ни отчаяния, ни доверия, ни страха. — Вот до чего можно дойти, оставаясь безучастным, т. е. почти безличным зрителем.

В Ниццу, в Ниццу... Если меня не будут больше беспокоить, я выеду около 1 июня, если же будут, я поеду один и через Женеву ввиду того, что тот опять намеревается меня ошвейцарить; тогда, возможно, я покину Париж 18-го. — Жене моей нельзя ехать, Тата больна, я их оставляю под защитой Гораса, самого положительного человека из трех членов твоего семейства.

❏ Дело с горьким билетом идет хорошо. По-видимому, предпочитают пренебречь распоряжениями, сделанными ранее, и оплатить его, а не обосновывать отказ...

Рукой Н. А. Герцен:

Завтра отправляются к вам, дорогой друг, «Сорока-воровка», «Крупов» и несколько рассказов из «Записок охотника», понять которые вам будет не так легко, как остальное, но это неважно; скоро мы сумеем их читать вместе, и я вам все объясню. А пока я ухаживаю за другими больными детьми — выпраю нос одному, даю лекарство другому. У Таты был этой ночью сильный жар. Все капляют, Эмма, я — чудный концерт; Александр расстроен, он удивляет в театр, а после его мучает совесть, он корит себя за то, что *слишком много* развлекается... Когда же будем мы бегать, как дети, на воле? Мне кажется, что все мы сейчас находимся в стадии куколок и должны превратиться в бабочек!

Ваша бабочка in spe¹.

На обороте: Егору Васильевичу.

20. Г. ГЕРВЕГУ

12 мая (30 апреля) 1850 г. Париж.

Le 12 mai.

Ne me fais pas de reproche, cher Georges, sur le laconisme de mes lettres, les matériaux ne manquent pas, ni le désir — mais il y a beaucoup de choses qui empêchent. Outre le dégoût que je sens d'écrire dans un pays où le secret des lettres n'est pas respecté, j'ai un dégoût profond de tout ce que je vois. Cette agitation stérile dessèche l'âme.

Je quitterai Paris dans quelques jours... eh bien, quel est le résultat acquis de ces 5 mois? Un mépris encore plus profond pour les uns et pour les autres; il faut travailler à se rendre maître même de ce mépris — j'y parviendrai. Il y a pourtant une chose qui me blesse profondément. La lutte qui se produit à présent est nécessaire, mais la forme dégoûtante, lâche, offensante, crapuleuse

¹ в будущем (лат.). — Ред.

appartient aux lutteurs et non à la lutte. C'est là que je vois la mort, la putréfaction. Prendre part est impossible, mais il est encore moins possible d'être là, voir, sentir et ne pas être indigné, outragé. — Un peu de repos, un peu de légalité, et on pourrait bien exister au moins. «Mais c'est un temps de guerre». — Oui, j'ai entendu tout cela cent fois, mais il y a des duels et un pugilat, un duel et un assassinat. Moi je ne peux me battre qu'en duel, c'est le dernier reste d'aristocratie, je voudrais qu'on ait des égards pour moi en me frappant; j'accepterai un malheur — mais non un soufflet. Eh bien, voilà ce qui manque complètement aux parties opposées, elles ne sont pas *gentlemanlike* — en vérité je regrette quelquefois la vieille noblesse avec ses préjugés stupides, mais avec leur dignité qui craignait tout ce qui est impur; la bourgeoisie a apporté d'autres mœurs basées sur l'addition, eh bien, comme on met de l'eau dans du vin, pour le vendre, c'est ainsi qu'on dénonce, qu'on s'avilit — pour avoir un avantage. — Je t'assure que quelquefois je deviens malade en lisant l'*Assemblée Nationale* et confrère(s) — ce ne sont pas leurs provocations qui me font frémir, non, c'est le cynisme de la bassesse, c'est ce luxe d'ignominie. Eh bien, cela appartient à nos générations; as-tu lu les feuilles d'une histoire de 1814 publiée par la *Vox du Peuple*? — admire là ce luxe dont je parle, admire les maréchaux et C^{nie}, Napoléon, le type d'un bourgeois couronné, il a su donner une éducation à cette génération — que nous admirons jusqu'à présent.

Si tu veux savoir ce qui se passe ici, je te conseille entre autres de lire les correspondances de l'*Indépendance Belge*. Moi je ne vois absolument personne (et ne veux voir personne), j'arrange mes affaires et me prépare au voyage. Dans l'*Indépendance* donc on racontait qu'en cas d'émeute on s'en ira à Versailles, et si cela prenait un caractère sérieux qu'on bombarderait Paris par les forts. — Dieu veuille que Louis-Philippe ait encore cette consolation pour ses vieux jours, de voir l'usage de ces forts — élevés par lui, Thiers et le *National*. Tu as vu dans la *Presse* le nombre de soldats — mais cela ne viendra pas même jusqu'à une émeute, — au moins sans des provocations directes.

Tu persistes dans ton rôle d'une petite maîtresse qui boude — la constance est bonne, mais c'est dommage que tu l'appliques à moi. Emma m'a demandé ce que j'ai écrit contre Nice à ma mère, et que tu en es fâché — fâché probablement contre Carlier, l'empereur Nicolas, la réaction etc., etc. Mais qui donc te dit que Nice est la ville la plus libre du monde, c'était bien simple d'y aller sans être expulsé d'ici, mais à présent il faut donc sonder le terrain (ce que je fais aussi), il faut outre cela s'arranger avec le passeport. Tout se fait — mais aussi tout peut échouer, — peut-être, — mais il ne faut pas en parler — c'est trop nerveux, je parle de tout.

On insinue dans un journal que nous autres nous sommes des agents russes—comme ils sont stupides pourtant, les Français. Le même journal—*Ligue des Peuples* par un imbécile de Carpentier—imprime le testament de Pierre le Grand, je t'envoie le commencement — quelle prévision! — Je crois que l'accusation a été dirigée contre Sasonoff.— Il leur faut peut-être la tête de Bakounine pour comprendre qu'on peut être Russe, homme libre — sans être espion. Canailles!

J'ai lu le discours de Kinkel. Eh bien—trouve-moi ici une voix pareille, et des jurés qui acquittent après cela.— Kinkel acquitté et Cernuschi accusé pour la seconde fois — voilà l'Allemagne d'aujourd'hui et la France. Je demande de quelle ville d'Allemagne m'aurait-on expulsé, moi, ne me mêlant en rien à la politique du jour, ne connaissant aucun club. Tu me demandes pourquoi je n'ai pas demandé la cause ou vu le dossier — je ne le voulais pas. Ils ont un droit sauvage, ils en usent — ce que je voulais moi c'est de rester encore pour arranger les affaires. Je ne veux pas leur donner l'occasion de justifier une mesure oppressive...

Addio.— La santé de ma femme va beaucoup mieux, vers le 25 nous nous mettons en voiture, peut-être si on ne le permet pas, autrement le 18. Tata va mieux, Horace tout à fait bien.

Je ne veux pas vendre ma maison de Paris. Le locataire m'a payé pourtant jusqu'au 1 janvier et promet de payer encore avant mon départ un terme. Tu en as ri et pourtant c'est un placement qui n'est pas tout à fait mauvais — lorsqu'on ne pense pas au bombardement — cela donne 5%.

La naturalisation d'Edmond a été cassée par le Conseil d'Etat.

Рукой Н. А. Герцен:

Comme s'il y a déjà tellement, tellement longtemps que la bessonnière ne vous a pas écrit? Je n'écris plus *autant* qu'avant, parce que je suis impatiente de *parler* avec vous, et que j'espère de le faire bientôt.— J'ai oublié que c'est dimanche aujourd'hui et qu'il faut commencer plus tôt si l'on veut écrire davantage. Cela me fit de la peine que ce n'est pas au milieu de nous que vous avez passé le 10.— Demain je vous écrirai, je tâcherai d'écrire plus. J'y étais bien disposée tantôt — mais on m'a distraite, fâchée, et je suis devenue abominable, je ne veux pas me présenter *telle* devant vous, mon cher besson.— Donc adieu, jusqu'à un meilleur moment...

N.

На обороте: Егору Васильевичу.

Перевод

12 мая.

Не упрекай меня, дорогой Георг, за лаконизм моих писем — ни в материалах, ни в желании нет недостатка, но есть многое, что мешает. Не говоря уж об отвращении, которое я испытываю

к писанию писем, находясь в стране, где не уважается их тайна, у меня глубокое отвращение и ко всему, что вижу вокруг. Такое бесплодное возбуждение иссушает душу.

Через несколько дней я покину Париж... Итак, каков же результат этих 5 месяцев? Еще более глубокое презрение и к той и к другой стороне, надо научиться владеть даже самым этим чувством презрения — и я этого добьюсь. Одно все же глубоко меня задевает: завязавшаяся борьба необходима, но отвратительная, подлая, оскорбительная, грязная форма ее определяется не борьбой, а борющимися. Вот здесь-то я и вижу смерть, гниение. Принимать в этом участие невозможно, но еще менее возможно присутствовать, видеть, чувствовать и не быть возмущенным, оскорбленным. — Немножко бы спокойствия, немножко законности, и можно было бы по крайней мере существовать. «Но время-то сейчас военное». — Все это я слышал, конечно, сотни раз, но есть дуэль и кулачный бой, дуэль и убийство. Сам я могу драться только на дуэли, это единственный остаток аристократизма. Я желал бы, чтоб, нанося мне удары, соблюдали учтивость, я могу примириться с несчастьем, но не с пощечиной. А именно этого-то и не хватает враждующим сторонам. Они ведут себя не *gentlemenlike*¹; по правде говоря, я иной раз жалею о старом дворянстве с его глупыми предрассудками, но и его чувством собственного достоинства, которое чуждалось всего нечистоплотного; буржуазия принесла новые нравы, опирающиеся на расчет, — так вот, подобно тому, как вино разбавляют водой, чтобы его продать, точно так же доносят и унижают из-за барыша. Уверяю тебя, что иной раз я просто заблеваю, читая «*L'Assemblée Nationale*» и иже с нею, — не подстрекательства их приводят меня в содрогание, о нет, но этот цинизм низости, это торжество бесчестия. Так вот, это уж принадлежит нашим поколениям. Читал ли ты страницы из истории 1814 года, опубликованные в «*Voice of the People*»? Там ты можешь полюбоваться на это торжество, о котором я говорю, на маршалов и К^о, на Наполеона — этот образец коронованного буржуа, сумевшего воспитать поколение, которым мы любимся и по сей день.

Если ты хочешь знать, что здесь творится, советую тебе, между прочим, читать корреспонденции «*Indépendance Belge*». Сам я решительно никого не вижу (и не хочу никого видеть), улаживаю свои дела и готовлюсь к поездке. Итак, в «*Indépendance*» говорилось, что в случае мятежа решено перебраться в Версаль и, если дело примет серьезный оборот, — подвергнуть Париж бомбардировке с фортов. — Дай бог Луи-Филиппу сподобиться на старости лет еще и этого утешения — увидеть в

¹ по-джентльменски (англ.). — *Ред.*

действии форты, воздвигнутые им, Тьером и «National». Ты видел в «Presse» сообщение о численности солдат, но дело не дойдет даже и до мятежа, по крайней мере без прямых провокаций.

Ты упорно не хочешь расстаться с ролью надувшейся любовницы, постоянство — дело хорошее, но жаль, что ты проявляешь его по отношению ко мне. Эмма спрашивала, что я писал моей матери против Ниццы, и говорит, будто ты за это сердит — сердит, вероятно, на Карлье, на императора Николая, на реакцию, и т. д., и т. д. Но с чего ты взял, что Ницца — самый свободный город на свете? Ехать туда очень просто, когда не изгоняют отсюда, но в нынешних обстоятельствах надо зондировать почву (чем я также занимаюсь), надо, кроме того, уладить вопрос с паспортом. Все делается, но все может и сорваться — как знать? Но не стоит об этом говорить, это слишком нервует, я имею в виду всё.

Одной газетой распространяется инсинуация, будто все мы — русские агенты. Но до чего все-таки французы глупы! В той же газете — «Ligue des Peuples» — некий болван Карпантье печатает завещание Петра Великого. Посылаю тебе начало — вот так предвидение! — Я думаю, что обвинение было направлено против Сазонова. Должно быть, им нужна голова Бакунина, чтобы понять, как можно быть русским и свободным человеком, не будучи при этом шпионом. Негодяи!

Я прочел речь Кинкеля. Найди-ка здесь подобный голос и присяжных, которые после всего этого выносят оправдательный приговор. Оправданный Кинкель и вторично осужденный Черзуски — вот тебе нынешняя Германия и нынешняя Франция. Спрашивается, из какого немецкого города могли бы меня выслать, — меня, который совершенно не вмешивается в современную политику, не связан ни с каким клубом? Ты спрашиваешь, почему я не потребовал объяснения причины высылки, не посмотрел досье, — я не хотел. У них свое дикарское право, и они им пользуются, а я хотел только еще немного задержаться, чтобы устроить свои дела. Я не желаю давать им повод для оправдания репрессивной меры.

Addio. — Здоровье моей жены гораздо лучше, числа около 25-го мы, может быть, тропемся в путь, если же не разрешат, то — 18-го. Тате лучше. Горас совершенно здоров.

Я не хочу продавать свой парижский дом. Наемщик уплатил мне все же по 1 января и обещает до моего отъезда внести еще за квартал. Ты над этим смеялся, а все же это не совсем плохое помещение денег, если не думать о бомбардировке, — оно дает 5%.

Государственный совет отменил решение о натурализации Эдмона.

Рукой Н. А. Герцен:

Разве уже так давно-давно я — ваш близнец — вам не писала? Сейчас я не пишу *столько*, сколько раньше, потому что мне не терпится *поговорить* с вами и я надеюсь, что это вскоре удастся. Совсем забыла, что сегодня воскресенье, и если хочешь написать побольше, то нужно начать пораньше. Меня огорчает, что вы провели 10 число не вместе с нами. — Завтра я вам напишу и постараюсь написать побольше. Я совсем уже настроилась давеча сделать это, но меня отвлекли, рассердили, и я стала противной, я не хочу показываться вам *такой*, мой дорогой близнец. Поэтому прощайте до более благоприятной минуты.

H.

На обороте: Егору Васильевичу.

21. Г. ГЕРВЕГУ

17 (5) мая 1850 г. Париж.

Le 17 mai. Paris.

Après une semaine passée sur une palette de torture — un moment lucide. Ma femme t'a déjà écrit qu'enfin nous savons quelque chose sur la célèbre histoire d'Ogareff. Ils sont libres — de Natalie on n'écrit rien. Le gouvernement s'est fait excuser. Selivanoff a été aussi arrêté et mené à Pétersbourg dans la forteresse — et aussi mis en liberté. Granovsky qui nous écrit cela dit qu'il ne peut concevoir pourquoi Selivanoff a été arrêté — moi je crois que c'est parce qu'il ne se lave jamais, donc on l'a puni au nom des ablutions du corps et de la pureté charnelle.

Beaucoup plus tard.

Enfin, mon ami, je succombe aussi, c'est vraiment affreux, la santé de Tata va de mal en pis. Elise est couchée avec une hémorragie. Ta femme doit partir — personne, personne. Et tout le monde à commencer par Reichel et finir par Schombourg me dit: «Partez, partez». Partir, laissant les autres dans cette position! — Ma femme enceinte et malade, Tata, et même sans bonne. Diable, est-ce le commencement de la fin?

— Eh bien, le fatum, la fatalité — mot qui n'a pas de sens, mais qui tue au besoin.

Adieu, cher ami, je ne sais rien (de) ce que je ferai, on dit qu'on veut proclamer l'état de siège... je ne demande que 4 jours de tranquillité et de paix, je ne peux donc quitter toute ma famille. Et ensuite, sacré nom de Dieu, que me fait donc toute la politique de la France? Quand, où, en quoi ai-je pris part? — Eh bien, si ces cannibales veulent exterminer tous les hommes indépendants — quel moyen alors de se faire passer pour un esclave? Oui, je resterai ce que je suis, homme indépendant, indépendant même de partir...

Tout cela est bête. Mais je savais bien que le criterium du désir subjectif est insuffisant pour régler la vie avec cette souveraineté qui plaît à l'homme.

Emma aussi ne voulait pas partir encore. Et toute mon éloquence ne suffisait point à la décider (c'est toujours la pensée souveraine et adolescente de subordonner les faits aux sentiments), elle voulait attendre des lettres de toi, de l'argent de Berlin... Eh bien, elle part à présent bien prosaïquement d'après une injonction. C'est bien que l'affaire est terminée...

Adieu. Je suis profondément triste, — plus de malheurs ensemble ne sévirent jamais sur ma tête.

... Погоди немного —
Отдохнешь и ты.

Et qu'en savons-nous, peut-être le temps est venu.
Une seule chose pèse encore — ne pas avoir un seul être, —

Всюду встречи безотрадные,
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей.

Pourquoi n'es-tu pas ici, *caro mio*.
J'expédie *mardi* Emma, et peut-être je partirai avant.

На обороте: Егорю Федоровичу.

Перевод

17 мая. Париж.

После недели пытки — небольшой просвет. Моя жена уже писала тебе, что мы, наконец, кое-что знаем о знаменитой огаревской истории. Они на свободе — о Натали ничего не пишут. Правительство принесло извинения. Селиванов тоже был арестован и препровожден в Петербург, в крепость, — и тоже освобожден. Грановский, который нам об этом пишет, говорит, что не может взять в толк, почему был арестован Селиванов, — а я думаю, что это произошло потому, что он никогда не моется, ну его и наказали во имя омовения тела и чистоты плоти.

Много позднее.

Вот когда, мой друг, и я начинаю изнемогать, это поистине ужасно: здоровье Таты все хуже и хуже. Элиза лежит с кровотечением. Твоя жена должна уехать — никого, никого. И все, начиная с Рейхеля и кончая Шомб<ургом>, твердят мне: «Уезжайте, уезжайте». Уехать, оставив всех в таком положении! Беременную и больную жену, Тату, притом без служанки. Черт возьми, да не начало ли это конца?

Итак, фатум, фатальность — слово, лишенное смысла, однако при случае убивающее.

Прощай, дорогой друг, я совершенно не знаю, что буду делать; говорят, будто собираются объявить осадное положение, — я прошу только о четырех днях спокойствия и мира, не могу же я бросить на произвол семью. А потом, какое мне дело до всей этой политики Франции, будь она проклята? Когда и в чем принимал я участие? А ежели этим каннибалам угодно истребить всех независимых людей, то каким же образом сойти за раба? — Нет, я останусь каков я есть, останусь человеком независимым, ведь даже отъезд от меня не зависит.

Все это глупо. Но я прекрасно знал, что субъективное желание — критерий недостаточный для того, чтобы распоряжаться жизнью так полновластно, как то угодно было бы человеку.

Эмме также еще не хотелось уезжать. И всего моего красноречия не хватало, чтобы уговорить ее (это все то же главенствующее над всем юношеское стремление подчинять факты чувствам), она хотела дожидаться от тебя писем, денег из Берлина... И вот теперь она весьма прозаическим образом уезжает согласно предписанию. Хорошо, что дело закончено.

Прощай. Мне очень грустно. Никогда еще сразу столько несчастий не обрушивалось на мою голову.

...Погоди немного —
Отдохнешь и ты.

Как знать, быть может, час уже пробил.
Одно только тяготит — ни живой души рядом, —

Всюду встречи безотрадные,
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей.

Почему тебя нет здесь, саго mio?
Я отправляю Эммуво *вторник*, а может быть, сам уеду раньше.

На обороте: Егору Федоровичу.

22. Г. ГЕРВЕГУ

18 (6) мая 1850 г. Париж.

18. Samedi.

Une journée tant soit peu plus tranquille qu'hier. Tata va mieux. Mais Elise très mal, elle a une fièvre typhoïde. — Emma part le 21, les places sont déjà arrêtées. Je voudrais bien partir le 22 — mais cela ne dépend pas de moi — et je reste comme sentinelle ou comme chien fidèle gardant (sans aider en rien) ma famille. — Je suis enchanté du départ d'Emma, enfin ça ira, et

ensuite la prudence n'appartient pas aux vertus distinctives de m<ada>me — elle risquait ici d'avoir encore une mer d'offenses à boire...

Cette fatigue assoupissante et profonde qu'on ressent après un orage, en attendant un plus grand, m'enfoncé et me rend stupide. — Hier j'étais vraiment noir comme un charbon, aujourd'hui vide comme une bouteille de bourgogne chez nous.

Tu n'écris pas — probablement cela ne sont que des représailles, dans ce cas c'est bête — et si je me trompe, c'est aussi bête, mais *vice versa*.

Je t'embrasse...

На обороте: Егору Васильевичу.

Персод

18. Суббота.

Сегодня чуть-чуть спокойнее, чем вчера. Тате лучше. Но Элизе очень плохо, у нее тифоидная горячка. Эмма едет 21-го, места уже заказаны. Я хотел бы отправиться 22-го, но это от меня не зависит, и я остаюсь, охраняя (без всякой пользы), как часовой на посту или как верный пес, свою семью. — Я очень рад, что Эмма едет, наконец-то все наладится; кроме того, осторожность не принадлежит к числу добродетелей, присущих этой даме, — она рисковала здесь вновь испытать море оскорблений.

Эта расслабляющая, глубокая усталость, которую ощущаешь после бури, в ожидании другой, еще более ужасной, гнетет меня и оупляет. — Вчера я был черен, прямо как уголь, сегодня — пуст, как бутылка из-под бургундского на нашем столе.

Ты мне не пишешь — очевидно, это только мера воздействия, в таком случае это глупо; а если я ошибаюсь — то это также глупо, но *vice versa*¹.

Обнимаю тебя.

На обороте: Егору Васильевичу.

23. Г. ГЕРВЕГУ

19 (7) мая 1850 г. Париж.

Le 19 mai.

Les nuages qui s'amoncelèrent sur notre tête, les maladies et les tracasseries commencent à se disperser avec le beau temps. Tata va bien, Elise pas mal — mais elle ne peut encore se mettre en route. D'un autre côté les affaires commencent à prendre une autre tournure et il n'y a rien à craindre avant la fin de la semaine.

¹ наоборот (лат.). — *Ред.*

Мы идем в 25 — может-быть вперед. Моя жена и Тата требуют много уступок, мы идем до Шалона и там они отдохнут 24 часа, затем на пароходе по Соне и Роне...

Гассер написал, что 13-го — это уже совершенно точно и определенно — он получит исчерпывающий ответ. 13 + 8 = 21—22-го мая мы будем знать, нужно ли тебе ехать в Штутгарт или нет. Надеюсь, что нет, а тогда *sia il benvenuto*¹, и мы затащим наше «*Vieni, sposa da Libano*». Докажи теперь, что ты самый легкий на подъем, самый быстрый и, главное, самый решительный из всех нас... Addio. Письма мои — просто бюллетени...

Наш врач дает им шампанского; Тате он разрешил

Рукѣ Н. А. Герцен:

Идите, идите, идите в Ницу!..

Это все, что я могу написать, остальное я хочу вам сказать, мой друг. — Я устала до такой степени, что у меня нет даже одной мысли.

На обороте: Егор Федоровичу.

Перевод

19 мая.

С наступлением погожих дней тучи, сгустившиеся над нашей головой, — болезни и неприятности, — начинают рассеиваться. Тата чувствует себя хорошо, Элиза тоже неплохо, но пуститься в путь она еще не в силах. С другой стороны дела принимают другой оборот, и до конца недели можно ничего не опасаться. Мы выезжаем 25-го, — быть может, и раньше. Жена и Тата требуют очень бережного отношения. Мы поедем до Шалона, там они отдохнут сутки, а дальше — на пароходе по Соне и Роне...

Гассер написал, что 13-го — это уже совершенно точно и определенно — он получит исчерпывающий ответ. 13 + 8 = 21—22-го мая мы будем знать, нужно ли тебе ехать в Штутгарт или нет. Надеюсь, что нет, а тогда *sia il benvenuto*¹, и мы затащим наше «*Vieni, sposa da Libano*». Докажи теперь, что ты самый легкий на подъем, самый быстрый и, главное, самый решительный из всех нас... Addio. Письма мои — просто бюллетени...

Как только больным становится лучше после приступа лихорадки,¹ наш доктор дает им шампанского; Тате он разрешил

¹ добро пожаловать (итал.). — Ред.

дать сколько она захочет. — Он в самом деле очень славный старик; это он выхлопотал Эмме документы, но он говорит, говорит, говорит, — больше чем Жан-Батист.

Рукой Н. А. Герцен:

Поезжайте, поезжайте, поезжайте в Ниццу!

Это все, что я могу написать, об остальном я хочу вам рассказать, дорогой близнец. Я так утомлена, что у меня нет в голове ни одной мысли.

На обороте: Егор Федоровичу.

24. Г. ГЕРВЕГУ

21 (9) мая 1850 г. Париж.

21 mai.

Tu es, George, d'une injustice terrible, tu ne veux donc jamais entrer dans les positions dans lesquelles tes amis peuvent se trouver. Tu me parles de ce que je n'ai presque pas écrit — mais quoique je n'aie pas la prétention d'être ultra-nerveux, pourtant je ne suis non plus une machine. Tracassé comme une bête fauve qu'on chasse par force, de tout côté, empêché dans chaque pas, et par-dessus le marché ne pouvant ni tout écrire, ni rien faire. — Il ne faut non plus oublier les circonstances inouïes dans lesquelles nous sommes, où l'homme le plus clairvoyant ne peut prévoir ce qui arrivera dans une heure. Crainte, agitation, attente convulsive — et prostration, apathie enfin. C'est un des temps les plus noirs que j'aie vécus, — et tu penses qu'on puisse avoir assez de sérénité, de concentration pour écrire de longues lettres?..

Emma part dans une heure. C'est très bien, c'est le premier pas, nous avons du temps jusqu'au 25 mai. Aujourd'hui le caractère des débats se dessinera, et nous saurons combien il faut se presser ou non, pour ne pas faire d'imprudence. Schomb^{ourg} voudrait aussi que nous restions jusqu'au paiement du billet, pour régler l'affaire des dépenses, tout cela ne peut retarder le départ que d'un ou de deux jours.

Je reviens à l'instant même après avoir reconduit Emma jusqu'à la diligence. Rien de nouveau, tout est très tranquille, et personne ne comprend rien.

На обороте: Егору Васильевичу.

Перевод

21 мая.

Ты ужасно несправедлив, Георг, ты никогда не хочешь войти в положение, в котором могут оказаться твои друзья. Ты говоришь, что я почти ничего не писал тебе, но пусть я не при-

тяжаю быть чересчур нервным, однако я все же не машина. Я мечусь, как затравленный дикий зверь, на каждом шагу наталкиваясь на препятствия, и в довершение всего не могу обо всем писать и не могу ничего делать. — Не следует также забывать чрезвычайные обстоятельства, в которых мы находимся, когда даже самый прозорливый человек не может предвидеть того, что произойдет через час. Боязнь, беспокойство, судорожное ожидание — и затем протрация, апатия. Это, пожалуй, одно из самых мрачных времен, какие мне пришлось пережить. — И ты думаешь, что можно еще сохранить достаточно душевного спокойствия и сосредоточенности, чтобы писать длинные письма?..

Эмма уезжает через час. Это очень хорошо, это первый шаг, у нас есть время до 25 мая. Сегодня характер дебатов выяснится, и мы будем знать, нужно ли нам торопиться или нет, чтобы не допустить неосторожности. Шомбург тоже советует нам остаться до оплаты билета, чтобы уладить вопрос о расходах, но все это задержит отъезд не больше, чем на один-два дня.

Только что вернулся, проводив Эмму до дилижанса. Ничего нового, очень спокойно, и никто ничего не понимает.

На обороте: Егору Васильевичу.

25. Г. ГЕРВЕГУ

23 (11) мая 1850 г. Париж.

23 mai.

Eh bien, George le muet, George le taciturne, George le sans mot... eh bien, voilà deux jours qu'Emma roule et elle fait bigrement bien qu'elle roule et *Rule, Britannia*. A présent je m'en veux te prouver qu'elle le fait bien qu'elle roule. La Chambre de mise en accusation a décidé qu'elle est accusable, pendable et Nouka-Hivable. Elle sera donc pendue en effigie comme Bem... et toi, tu dis dans ta lettre à elle: «On t'a intimidée». *Timeo Baroches et justitia ferentes*. — Il n'y a ni preuve, ni évidence assez forte pour prouver l'innocence lorsqu'on veut la cupabilité, Thémis est aveugle, Thémis est sourde, — Thémis doit être envoyée chez Schibel.

Le magnanime Bahrman est venu lui-même le dernier jour chez Emma pour demander si elle a besoin de quelque chose — juste lorsque tout était arrangé.

Nous partons le 27 ou le 28, mais si l'affaire avec Rotsch<ild> est terminée le 25 — nous partirons le 26.

Hier nous avons ri à gorge déployée d'une matinée de réception chez moi. Je commence à penser que je suis nommé ministre

ou archevêque. Le c(om)te Branicky qui n'a jamais été chez moi, est venu faire une visite, en la motivant sur ce qu'il avait entendu que je devais quitter Paris, et qu'il voulait etc., etc. ... Une demi-heure après, entre un homme svelte, d'extérieur distingué, et commence qu'étant Russe et admirateur de cela et autre chose que j'ai écrit, il avait entendu que je parlais... *idem*. Je demande avec qui j'ai l'honneur de parler — c'était le prince Lobanoff-Rostovsky (mari de la fille du maréchal Paskévitch). Un homme charmant — quoique officier russe. Tu penses que c'est la fin — non; le soir en rentrant je trouve la carte du c(om)te Ostrovsky.

«Mais, fichtre, — me suis-je dit à moi-même, — a-t-on jamais vu un homme encomté et enprincé de cette manière — mis à la porte par cette polissonne de police. Moi que le *Lloyd* appelle baron russe — je suis aristocrate comme Wellington, comme Ivan Golovine, comme la maison de Reuss-Greuss Hohen-Sigmaringenberg-Zaum» (voir *Almanach de Gotha* — que ma mère achète tous les ans depuis 1808).

Les lettres de la Russie ne m'encouragent pas trop. Mlle Ern peut te traduire. Ah, cette bête timide — mon chargé d'affaires! Ah, cette bête brute — mon frère bien-aimé! Si j'avais le malheur de ne pas avoir un frère, et la prudence de ne pas avoir un chargé d'affaires, tout serait sauvé — parce qu'il n'y aurait pas de traître, et le gouvernement aurait attendu, attendu — et toutes les mesures pourraient être prises.

Pense un peu que mon chargé d'affaires a livré tous les papiers et documents à la police après sommation.

Pense qu'il m'a envoyé une forte somme d'argent en me l'adressant à moi — après avoir renoncé à toute correspondance avec moi. L'argent a été arrêté — et ils n'ont pas même réclamé.

Ah, quel malheur d'avoir le bonheur d'un frère existant.

Lis l'*Indépendance Belge*, tu y trouveras beaucoup de choses que tu ne trouveras pas ailleurs.

Adieu.

Внизу листа: Егору Федоровичу.

Перевод

23 мая.

Итак, Георг немой, Георг молчаливый, Георг бессловесный... итак, вот уже два дня, как Эмма катит, и она чертовски хорошо делает, что катит, и Rule, Britannia. Теперь я хочу доказать тебе, что она прекрасно сделала, укатив отсюда. Обвинительная палата постановила, что она подлежит обвинению, повешению, водворению на Нука-Иву. Стало быть, она будет повешена заочно, как Бем... а ты, ты пишешь в своем письме к ней: «Тебя запугали». Timeo Baroches et justitia ferentes. Когда хотят

засудить, тут не помогут никакие доказательства и самые очевидные факты в пользу невинности,— Фемида слепа, Фемида глуха, Фемиду надобно отправить к Шибелю.

Великодушный Барман сам пришел к Эмме накануне ее отъезда осведомиться, не нуждается ли она в чем-либо,— и как раз тогда, когда все уже было улажено.

Мы едем 27-го или 28-го, но если дело с Ротшильдом решится 25-го, мы уедем 26-го.

Вчера мы от души хохотали над состоявшимся у меня утренним приемом. Я начинаю думать, что меня произвели в министры или в архиепископы. Граф Браницкий, который никогда раньше у меня не бывал, нанес мне визит, мотивируя это тем, что он слышал, будто я должен покинуть Париж, и что он хотел и т. д., и т. д. ... Полчаса спустя входит стройный человек благородной наружности и начинает с того, что, будучи русским и почтателем такого-то и такого-то моего произведения, он, услышав о моем отъезде... *idem*; я спрашиваю его, с кем имеем честь говорить,— оказалось, это князь Лобанов-Ростовский (муж дочери фельдмаршала Паскевича). Милый человек, хотя и русский офицер. Ты думаешь, что это всё — нет, вечером, вернувшись домой, я нахожу визитную карточку графа Островского.

«Но, черт возьми,— сказал я сам себе,— видапо ли, чтобы человек, столь ографленный и окпяженный, был выставлен за дверь озорницей полицией? Я, кого „Lloyd“ называет русским бароном,— я тоже аристократ, не хуже Веллингтона, Ивана Головина и дома Рейс-Грейс Гоген-Зигмарингенберг-Цаумского» (см. «Готский альманах», который моя мать покупает ежегодно с 1808 года).

Письма из России не очень меня обнадеживают. М-ль Эрн может их тебе перевести. Ах, что за трусливое животное мой поверенный в делах! Ах, что за неразумное животное мой возлюбленный братец! Если бы я имел несчастье не иметь брата и имел осторожность не иметь поверенного в делах, все было бы спасено, потому что тогда не было бы предателя и правительство ждало бы и ждало — и можно было бы принять нужные меры.

Подумай только, мой поверенный передал полиции по ее требованию все мои бумаги и документы.

Подумай, ведь он послал крупную сумму денег прямо на мое имя после того, как отказался от всякой со мной переписки. Деньги были задержаны, а они даже не потребовали их возвращения.

Какое несчастье иметь такое счастье, как братец!

Читай «L'Indépendance Belge», там ты найдешь много такого, чего не найдешь в других газетах.

Прощай.

Внизу листа: Егору Федоровичу.

23 (11) мая 1850 г. Париж

23 mai 1850. Paris.

Eh bien, Pénélope n'est plus Pénélope — mais bien Proserpine, enlevée par un Pluton policé, Pluton polisson, — Pluton de la police. Mais savez-vous que vous passerez par toutes les divinités de l'Olympe. Vous <êtes> Pallas à la maison et Bellone — sur le champ. Vous n'avez pas besoin de livre pour apprendre à Horace la mythologie. — Sie sehen in diesem Stil noch einen Hauch, denn der wirkliche H<aug> ist erst gestern nach London gegangen. Wenn aber das zu poetisch klingt, so kann ich anfang<en> ohne Hauch à la Kapp. So:

Laut unserer letzten Verabredung, beiläufig zu Paris Anno 1850 d<en> 21. Mai gehalten, verpflichtete ich mich, Hochgeehrte Frau, Ihnen eine Nachricht von den Alten und von den sämtlichen Kindern zu erstatten... Hiermit tue ich auch <das> Obenversprochene...

Sehen Sie, das ist schon viel prosaischer. Aber ich kann auch juristisch anfangen. Die Kammer *de mise en accusation* hat entschieden, daß man die Person für die Billets ins Gericht fordere. Also werden wir das Glück haben, noch in den Zeitungen ein kleines Prozeßchen zu lesen...

Was noch? — Schwer zu sagen. Palmier und Reichel gesehen, über Pathologie und Musik gesprochen — etwas gegessen, etwas getrunken, viel geschlafen, Schlüssel verloren, Schlüssel gefunden... edle *indignation* gegen alles, was man macht und keine Macht, etwas zu tun. — Et voilà tout.

Nous partons mardi — c'est-à-dire le 28. Nous attendons les détails de votre pèlerinage. Le passeport de J<eannette> a été envoyé le même jour.

Que fait Rachel Ada?

Après votre départ il y a chez nous un calme de l'Océan pacifique, et si je ne faisais pas de bruit et de calembours — on pourrait bien penser que tout le monde est parti avec vous...

Mais ne l'est-il pas, mais n'avez-vous donc pas emporté nos cœurs — *das Ihnen ein Reiseübergewicht von 7 fr. machen* — Adieu.

Рукой Н. А. Герцен:

Cette fois, comme toujours, A<lexandre> parle et moi je me tais, quoique je n'en dise pas moins à celui qui veut bien m'entendre, — m'entends-tu toi, Emmal? Pas de lettre de G<eorges>.

Les malades vont mieux, Elise très faible. Tata me tourmente toujours impitoyablement et embrasse Horace et toi, et Ada... moi aussi... Adieu, en attendant nos chers, chers amis! Que votre voyage et arrivée soient aussi agréables que je le désire!

A vous, à vous de tout mon cœur
N,

Рукой Саши Герцена:

Chère Emma!

J'ai à te communiquer quelque chose que tu dois savoir: après que tu étais partie on descendit de ton appartement tous les meubles et je trouvai dans un des fauteuils ton crochet pour boutonner les bottines. A présent je ne sais plus ce qui en est devenu.— Nous ne partons que le 28, c'est ennuyeux! Papa a acheté ton minotaure avec le piédestal noir pour en faire cadeau à Palmier.

Vive Nice! Vive la mer! Vive^(nt) les monts! Vive l'été!

Porte-toi bien et amuse-toi jusqu'à notre arrivée!

S a c h a.

Перевод

23 мая 1850 г. Париж.

Итак, Пенелопа больше не Пенелопа, а Прозерпина, которую похитил Плутон — Плутон цивилизованный, Плутон повеса, Плутон полицейской службы. А знаете, вы можете сойти за все божества Олимпа.— Дома вы Паллада, а в поле — Беллона. Вы не нуждаетесь в книгах, чтоб обучать Гораса мифологии. В этом стиле вы уловите и еще некое дуновение, так как настоящий Г^(ауг) только вчера отбыл в Лондон. Если же это звучит слишком поэтично, я могу начать без дуновений, по-капповски. Так:

Согласно последним нашим переговорам, имевшим место в Париже 21 сего мая 1850 года, я обязался, достопочтенная сударыня, прислать вам уведомление обо всех старых и малых. Сим и приступаю к исполнению вышеобещанного.

Как видите, это уже куда прозаичнее. Но я могу начать и юридическим языком. Судебная обвинительная палата постановила привлечь оную персону за оный билет к суду. Стало, мы еще будем иметь счастье прочитать в газетах о маленьком пропессике...

Что же еще? Трудно сказать. Пальмье и Рейхеля видел, о патологии и музыке толковал, немного ел, немного пил, много спал, ключи потерял, ключи отыскал... благородное возмущение против всего, что делается, и никаких сил что-либо делать. Вот и все.

Мы едем во вторник, т. е. 28-го. Ждем подробностей о вашем странствовании. Паспорт Ж^(анетты) был отослан в тот же день.

Что делает Рашель Ада?

После вашего отъезда у нас царит спокойствие Тихого океана, и, если бы я не шумел и не каламбурил, вполне можно было бы подумать, что с вами уехали все... а разве это не так, разве вы не увезли наши сердца, что и даст излишек весу в вашем багаже на 7 фр.

Прощайте.

Рукой Н. А. Герцен:

И на этот раз, как всегда, А<лександр> говорит, а я молчу, хотя тот, кто захотел бы меня у<лышать, и без того услышит,— ты, Эмма, слышишь ли меня!? Писем от Г<еорга> нет.

Больные наши поправляются. Элиза очень слаба. Тата продолжает меня безжалостно мучить и обнимает Гораса, и тебя, и Аду... я тоже... А пока прощайте, дорогие, дорогие друзья! Пусть ваше путешествие и приезд будут столь приятны как я вам того желаю.

Ваша, всем сердцем ваша

Рукой Саша Герцена:

Н.

Дорогая Эмма!

Я хочу сообщить тебе кое-что, что тебе нужно знать: после того как ты уехала, из твоей квартиры спесли вниз всю твою мебель и на одном из кресел я нашел твой крючок для ботинок. Теперь не знаю, куда он делся.— Мы уезжаем только 28-го, так надоело! Папа купил твоего минотавра на черном пьедестале, чтобы подарить его Пальме.

Да здравствует Ницца! Да здравствует море! Да здравствуют горы! Да здравствует лето!

Будь здорова и проводи весело время до нашего приезда!

С а ш а.

27. Г. ГЕРВЕГУ

24 (12) <?> мая 1850 г. Париж.

Lorsqu'un homme tracassier, criard etc., etc., comme moi, se trouve enfin au bout de son latin, et par-dessus le marché de son allemand, russe, français — c'est quelque chose. J'ai passé des époques plus douloureuses, plus déchirantes — mais plus stupides — jamais. Stupide — *im Allgemeinen*, stupide — *im Besonderen*, stupide *im Einzelnen*, *an sich, für sich, außer sich, in Paris, in Zürich, in Petersburg*.

Vraiment je me sens plus bête et, chose étrange, je sens que les autres sont toujours les mêmes, donc qu'ils sont aussi plus bêtes.

Une demi-année être à la veille du départ, attendre chaque semaine une réponse, avoir des espérances, des certitudes — et rester sans avancer en rien comme le premier jour.— *Coricare e non dormire, servire e non gradire, più tosto morire*.— Et pas un homme avec lequel dans un moment de désespoir boire une bouteille en pestant contre les dieux et les hommes, les éléments et...

et voilà ta lettre — vieux sophiste Georgias par amitié et cher George pour tes amis.— Au revoir, et alors je t'expliquerai pourquoi j'étais et je suis nécessaire à l'affaire.

Pour Kolatchek, s'il désire, je peux lui envoyer le petit article *Omnia mea mecum porto!*..— Ou lui écrire quelque chose dans le genre. Ou aussi l'*Épilogue*.— Pourtant l'*Épilogue* a été promis à Hoffmann.

Tu écris toujours des affaires, comme si elles allaient à merveille, et me fais jouer un rôle d'un homme qui s'alarme pour rien. Mais, vois-tu ou non que même il y a possibilité de perdre les 80 000 — et alors cela réduit encore. Les Rougemont n'ont aucun avis — et l'avis vient avant une lettre de change.

Et quel animal ce Kl<utchareff> — envoyer au nom de ma mère.

На обороте: Егору Васильевичу.

Перевод

Когда такой сварливый, крикливый и т. п., и т. п. человек, как я, не находит уже в своем лексиконе ни немецких, ни русских, ни французских слов — это что-нибудь да значит. Мне случалось переживать более тяжелые, более мучительные времена, но более дурацкие — никогда. Дурацкие im Allgemeinen, дурацкие im Besonderen, дурацкие im Einzelnen, an sich, für sich, ausser sich, in Paris, in Zürich, in Petersburg.

Право, мне кажется, что я поглупел и, удивительное дело, мне кажется, что другие остались такими, какими были, — значит, они тоже поглупели.

Полгода готовиться к отъезду, каждую неделю ждать ответа, питать надежду, уверенность — и не продвинуться ни на шаг, остаться при том же, что в первый день. — *Coricare e non dormire, servire e non gradire, piuttosto morire*¹. И никого, с кем бы в минуту отчаяния можно было распить бутылку вина, проклиная и бога и людей, стихии и...

Ну вот и письмо от тебя, старый софист Georgias дружбы ради и дорогой Георг для друзей. — До свидания, при котором я тебе объясню, почему, как прежде, так и теперь, дело требует моего присутствия.

Что до Колачека, то если он хочет, я могу послать ему маленькую статью «*Omnia mea mecum porto!*»... — Или написать для него что-либо в этом роде? Или же «Эпилог»? — Но «Эпилог» был обещан Гофману.

Ты постоянно пишешь о делах так, словно они идут превосходно, и заставляешь меня играть роль человека, который попусту бьет тревогу. Но разве ты не понимаешь, что можно потерять и 80 000, и тогда сумма еще сократится. Ружмоны не получили никакого извещения, а извещение приходит раньше векселя.

И что за скотина этот Ключарев — посылать деньги на имя моей матери!

¹ Ложиться спать и не засыпать, служить и не угодить — лучше уж умереть (итал.). — *Ред.*

26 (14) мая 1850 г. Париж.

Le 26 mai 1850. Paris.

Man hat wieder einen Schelmenstreich gemacht in der Sache Ihres Billets — es ist um rasend zu werden. G<asser> schreibt, daß die Bank jetzt nichts gegen die Auszahlung des Billets hat, *daß alle Hindernisse gehoben sind*. Aber sie will, daß Ihre Prokuration vom Ministerium der Ausw<ärtigen> Ang<elegenheiten> legalisiert wäre, und das Min<isterium> sagt, daß es nicht visiere. — Da stehen wir jetzt. — Auf Rothschild ist nicht viel zu rechnen, er ist überdrießig, dazu, glaube ich, hat Kisseleff gut gearbeitet. — Aber auf diesem Terrain hat ja das Würtemb<ergische> Minist<erium> die beste Position. Was hat man denn von dort gemacht, wie ist es möglich, keine Antwort zu schicken bis jetzt. Bitten Sie Georg gleich wieder zu schreiben.

In Folge dieser Neuigkeiten habe ich alle meine Projekten geändert. Ich schickte nach der Prefekt<ur>, um zu sagen, daß ich vor dem 1. Juni unmöglich reisen kann. Und den 1. reise ich ab (denn G<asser> sagt, er wird nach einer Woche noch einmal schreiben, sein Brief ist vom 16. Mai). — Ich werde Natalie und die Kinder installieren in Nizza, und dann gehe ich nach Zürich oder eine andere Stadt nahe von Würtemberg und Paris, um die Sache nicht einschlafen lassen. Denn ohne mich wird im Hause Rotsch<ild> nichts gemacht.

Sie können noch einen Brief schreiben hierher. Adress<ieren> an Reichel¹.

Ну, Марья Каспаровна, признаюсь — тяжела шапка Мономаха, я с каждым днем более и более устаю, что за обилие

¹ В деле с вашим билетом опять какие-то плутни — можно дойти до бешенства. G<asser> пишет, что банк теперь уже не возражает против оплаты билета, *что все препятствия устранены*. Но он хочет, чтобы ваша доверенность была засвидетельствована министерством иностранных дел, а министерство заявляет, что не станет визировать. За этим теперь и остановка. На Ротшильда особенно рассчитывать не приходится, ему все надоело, мне думается, что Киселев тут хорошо поработал. Но ведь при таком положении самая выгодная позиция у вюртембергского министерства. Что же там предпринято и как это можно до сих пор не присылать ответа. Попросите Георга сейчас же еще раз написать.

В связи с этими новостями я изменил все свои планы. Я послал сказать в префектуру, что раньше 1 июня мне нельзя уезжать. А первого я уеду (так как G<asser> говорит, что через неделю еще раз напишет, а письмо его от 16 мая). Натали и детей я устрою в Ницце, а затем поеду в Цюрих или другой какой-либо город поблизости от Вюртемберга и Парижа, чтобы не дать делу заглухнуть. Ведь без меня в банкирском доме Ротшильдов ничего не будет сделано.

Вы можете написать еще одно письмо сюда. Адресуйте Рейхелю (нем.). — Ред.

неприятностей, мелких и крупных, частных и общих, да еще сверх того эта лихорадка с билетом. — И все эти беды какие-то пресные, от которых только тупеешь, с которыми даже бороться нельзя. Мне отсрочили отъезд до 1 июня. Я свезу наших в Ниццу, а потом приеду хлопотать о деле к вам.

Писал длинное письмо к Егору Ив(ановичу), все разложив по пальцам что делать.

Прощайте.

Kola Kuß von P a p a,
M a m a,
T a t a,
S a s c h a¹.

Рукой Н. А. Герцен:

Ах любезные друзья! уж и грустно наконец, и жаль смертельно и вас-то и Алек(сандра).

Тата так похудела, что у меня сердце болит глядя на нее, и ужасно слаба, но здорова, а Колоточка только утешает.

29. Э. ГЕРВЕТ

27 (15) мая 1850 г. Париж.

Le 27 mai. Paris.

Préparez-vous, chère Emma, aux malédictions, à prononcer l'anathème, l'excommunication, aiguisez vos flèches, lancez vos foudres — et tout cela contre votre chétif ami, contre le petit barbare slave de l'hôtel Mirabeau.

E perchè? (Je pense que vous ne parlez que l'italien.)

1°. Nous ne partons que samedi le 1 juin. — «*I'ho saputo, i disgraziati*». — No, no, signora, madama, eccellenza, no... vous n'avez rien su, parce que cela dépend complètement du 2.

2°. Une lettre de Gasser nous dit que l'affaire de ma mère a roulé derechef dans un abîme, et que c'est le ministère des affaires étrangères qui s'oppose à présent. A ce qu'il paraît, les braves Wurtembourgeois n'ont rien fait. Et voilà *noi, miserabile genta*, pas plus avancé d'un diamètre des grains homéopathiques que le 29 décembre où j'ai eu l'honneur de me prosterner à vos pieds et de vous offrir mes remerciements pour le Cognac et la sauce anglaise.

Et bien, que faire?.. «*Quod faciamus nos*», comme le dit le prêtre dans *Wallensteins Lager*. Ah voilà la question.

Mais je crains de l'aborder, vous êtes encore sous le charme de la première fureur, calmez-vous, regardez un peu Ada, ensuite la mer (cela peut au besoin servir pour un calembour si vous avez une glace devant vous) — eh bien, voilà mon plan. J'irai

¹ Коле пошелуй от папы, мамы, Таты, Саши (нем.). — *Ред*

reconduire Natalie sous votre haute protection, j'engagerai Georges de venir *idem* après le voyage au front de Wurtem^(berg) et je vous quitterai à l'instant même pour aller à Stuttgart et remuer terre et ciel.

J'attends avant mon départ la réponse de George, et j'agirai de commun accord. Que voulez-vous, G^(eorge) a bien raison, en disant <qu>'entre la coupe et les lèvres il y a toujours assez de place pour un malheur.

Merci pour votre lettre. — *Übergewicht, Übergewicht...* mais au nom de tous les saints et de quelques pecheurs (de la Méditerranée) pourquoi donc avez-vous pris tout cela avec vous, le roulage n'est pas une nouvelle invention, il existe du temps de César à Paris, lorsqu'il allait faire la guerre en Angleterre.

Avez-vous reçu le passeport de Jeannette et voulez-vous recevoir mes salutations amicales?

Рукѡй Н. А. Герцен:

Merci, merci pour ta lettre! Si tu savais combien je suis peinée te savoir seule et encore tourmentée, accablée... Nous ne nous amusons pas non plus. — Palmier dit qu'il ne faut pas laisser Ada crier longtemps et qu'il faut lui bander le ventre comme on le fait aux nouveaux-nés; Horace aura ses poids. Ton manteau est charmant et payé...

Chère Emma! Je t'embrasse, toi et les enfants. *Peut-être* j'écirais plus — mais Mr Palmier est venu nous chasser à la campagne.

A toi N.

Natalie embrasse Horace. Je suis heureuse <de> le savoir bien portant et gai...

Перевод

27 мая. Париж.

Приготовьтесь, дорогая Эмма, проклинать, предавать анафеме, отлучать от церкви, заострите ваши стрелы, мечите ваши громы и молнии — и все это против вашего жалкого друга, против маленького славянского варвара из отеля Мирабо.

E perche? ¹ (Думаю, что вы говорите теперь только по-итальянски).

№ 1. Мы едем лишь в субботу 1 июня. — «I'ho saputo, i disgraziati». No, no, signora, madama, eccellenza, no...² вы еще ничего не узнали — все целиком зависит от № 2.

№ 2. Из письма Гассера выясняется, что дело моей матери снова провалилось и что на этот раз возражает министерство иностранных дел. Насколько можно судить, brave вюртембергцы ничего не сделали. И, значит, poi, miserabile genta ³, продвинулись не более чем на диаметр гомеопатической крупинки

¹ А почему? (итал.); ² «Я это знала, бедняжка». — Нет, нет, сеньора, мадама, эчченца, нет... (итал.); ³ мы, несчастные люди (итал.). — *Ред.*

с 29 декабря, когда я имел честь пасть к вашим ногам и принести выражение своей благодарности за коньяк и английский соус.

Что же делать?.. «Quod faciamus nos?», как говорит священник в «Wallensteins Lager». Ах, в этом и вопрос.

Но я боюсь затрагивать его, вы все еще во власти первого порыва гнева, успокойтесь, поглядите на Аду, потом на море (это на худой конец может сойти за каламбур, если перед вами зеркало). Итак, вот мой план. Отвезу Натали под ваше высокое покровительство, попрошу Георга, после поездки на вюртембергский фронт *idem*¹ приехать и тотчас покину вас, чтобы направиться в Штутгарт и перевернуть небо и землю.

Думаю до отъезда получить от Георга ответ и буду действовать с общего согласия. Что поделаешь, Г<еорг> совершенно прав, когда говорит, что между кубком и устами всегда найдется место для несчастья.

Спасибо за ваше письмо. *Übergewicht, Übergewicht...*² но, во имя всех святых и нескольких грешников (Средиземного моря), зачем вы взяли все это с собой, перевозка гужом не является недавним изобретением, она существует в Париже со времен Цезаря, когда он собирался в поход на Англию.

Получили ли вы паспорт Жапетты и сообразовали ли принять мой дружеский привет?

Рукой Н. А. Герцен:

Спасибо, спасибо тебе за письмо! Если бы ты только знала, как меня гнетет мысль, что ты одна и притом измучена, удручена... Мы тоже не веселимся — Пальмье говорит, что нельзя позволять Аде долго кричать и что ей надо бинтовать животик, как новорожденным. Гири свои Горас лолучит. Твоя накидка прелестна и оплачена.

Дорогая Эмма, обнимаю тебя и детей. *Может быть*, написала бы и больше, но пришел г-н Пальмье гнать нас за город.

Твоя Н.

Натали обнимает Гораса. Радуюсь, что он здоров и весел.

30 Г. ГЕРВЕГУ

27 (15) <?> мая 1850 г. Париж.

Eh bien, tu le vois, un malheur a passé derechef entre la coupe et les lèvres. Tu liras dans la lettre de ma mère les particularités de l'affaire. A présent il faut frapper le coup le plus décisif de Stuttgart; comment ose-t-il nier un acte légalisé par le consul russe de Paris — on peut envoyer encore une reconnaissance de la procuration de la part de ma mère par l'ambassade de Pétersb<ourg>

¹ тоже (лат.); ² лишний вес, лишний вес... (нем.).— *Ред.*

légalisée au ministère à Stuttgart. Il faut que l'ambassadeur entre tout bonnement en communication avec Gasser. Lui ou le consul.— Mais à te dire franchement, je crois que tout le ministère wurtem<bergeois> tremble devant Nesselrode, et voilà pourquoi il ne fait rien jusqu'à présent.— Tirez donc une réponse de Stut<tgart> pour savoir au moins ce qu'on a fait.— Dans votre lettre ne vous appuyez pas sur les communic<ations> de Rotsch<ild>, mais dites: «Nous apprenons pourtant» tout bonnement. Lui, il est homme à *oublier* ce qu'il a dit, il m'a donné lui-même le conseil de faire écrire par le minist. wurt<embergeois>, en ajoutant que cela reste entre nous, qu'il est très loin de vouloir entreprendre quelque chose de blessant pour le gouv<ernement> russe. Mais que c'est dans mon intérêt qu'il me donne *privatim* un conseil...

Que feras-tu?— Je pars pour Nice le 1 juin, grâce à la mansuétude des Carlovingiens. Si l'affaire l'exige je viendrai tout de suite de là vous rejoindre. Mais Emma est capable de me brûler vif, de m'empoisonner pour la prolongation de cette maudite séparation. Alors arrange au plus vite l'affaire de Wurtem<berg> et va à Nice — je t'attendrai là et j'irai ensuite finir l'affaire avec ma mère.— Gas<ser> lui-même est furieux, il dit formellement qu'il en usera de tous les moyens pour parvenir à l'encaissement. La présence d'un de nous (ou des deux) est absolument écessaire, à présent plus que jamais; je vois là que mon séjour ici a été très utile, je te le prouverai...

Le tout ensemble, ensemble avec les affaires générales, avec tout ce que nous voyons tous les jours, est un lourd fardeau, sous lequel l'âme à force d'être comprimée, vieillit, dessèche.

Tu demandes pourquoi ce départ hâtif d'Emma; mais elle est partie tout bonnement le jour désigné par le pr<éfet> — pour ne pas subir le vaudeville correctionnel. *Caro mio*, tu ne connais pas les mœurs et us modernes, pour t'édifier par un pendant de l'histoire du billet — pense bien qu'on a un de ces jours condamné un auteur pour avoir envoyé par la poste sa brochure à quelques connaissances, on l'a condamné sans prév<ention> de colportage et distribution des imprimés...

Porte-toi bien.— Je suis *tristissimo* et *indignatissimo*.— Le prince Lobanoff dont je t'ai parlé est un homme distingué, avec cette largeur et richesse des natures russes lorsqu'elles ne sont pas bêtes foutues. Nous en parlerons — c'est-à-dire de lui. Adieu.

Рукѣй Н. А. Герцен:

Que vous dirai-je, mon cher, cher besson? Que je vous aime de tout mon cœur, ce n'est pas nouveau — mais ce n'est pas si ennuyeux comme tout le reste.

Ну вот, ты сам видишь, опять между устами и кубком проскользнуло несчастье. Подробности о деле ты прочтешь в письме моей матери. Сейчас нужен самый решительный удар из Штутгарта. На каком основании смеет он оспаривать документ, засвидетельствованный русским консулом в Париже? Можно переслать еще доверенность моей матери, засвидетельствованную посольством в Петербурге и заверенную штутгартским министерством. Нужно, чтобы посланник непосредственно связался с Гассером. Посланник или консул. — Но, откровенно говоря, я думаю, что все вюртембергское министерство дрожит перед Нессельроде, поэтому оно до сих пор ничего не сделало. — Добейтесь же ответа из Штутгарта и выясните по крайней мере, что было сделано. — В письме вашем не ссылайтесь на сообщение Ротшильда, просто скажите: «Нам стало однако известно». Он из тех людей, которые склонны *забывать* то, что говорят; он сам посоветовал мне писать через вюртембергское министерство, предупредив, что это должно остаться между нами и что он отнюдь не расположен предпринимать что-либо неприятное для русского правительства. Но, охраняя мои интересы, он дает мне *privatim*¹ совет...

Что ты собираешься делать? — Я еду в Ниццу 1 июня благодаря благодущию Карловингов, а оттуда, если это потребуется для дела, тотчас же приеду к вам. Однако Эмма способна сжечь меня заживо, отравить меня за продление этой проклятой разлуки. Поэтому улаживай поскорее вюртембергское дело и отправляйся в Ниццу. Я подожду тебя там, а затем поеду вместе с моей матерью кончать дело. — Гассер и сам взбешен, он категорически заявляет, что употребит все средства, чтобы добиться оплаты билета. Присутствие одного из нас (или нас обоих) совершенно необходимо теперь, больше чем когда-либо. Итак, я вижу, что мое пребывание здесь было очень полезно, я тебе это докажу.

Всё вместе — и общее положение дел, и то, что приходится видеть всякий день, — бремя, под тяжестью которого старится, иссыхает душа.

Ты спрашиваешь о причине столь поспешного отъезда Эммы. Да просто-напросто она уехала в день, указанный префектом, чтобы не подвергаться этой исправительной комедии. Саго тю, ты слишком мало знаком с современными нравами и обычаями; вот тебе в назидание история, схожая с историей с нашим билетом, — подумай только, на днях осудили одного писателя за то, что он переслал знакомым по почте свою брошюру.

¹ частным образом (лат.). — Ред.

Без всякого суда и следствия его обвинили в незаконной продаже и распространении печатной литературы!

Будь здоров.— Я *tristissimo* и *indignatissimo*¹. Князь Лобанов, о котором я тебе говорил, человек благородный, со всей широтой и богатством русской натуры, когда она не подлая скотина. Мы еще поговорим об этом — т. е. о нем.

Прощай.

Рукой Н. А. Герцен:

Что сказать вам, мой дорогой, дорогой близнец? Что я вас всем сердцем люблю — это не ново, зато и не так скучно, как все остальное.

31. Г. ГЕРБЕГУ

30 (18) мая 1850 г. Париж.

30 mai.

Le jour de notre départ reste invariablement pour le 1 juin. Je pars gaiement en pensant qu'enfin là ou là, nous nous retrouverons, gaiement en pensant que je me sauverai enfin de cette existence convulsive, absorbante, irritante et malade — que j'ai traînée pendant une demi-année.— Il y a pourtant une grande unité logique dans chaque homme, et s'il se dévie sous la pression des circonstances, peu-à-peu il s'arrête comme une pendule à sa ligne verticale. Pour un instant (et tu m'en faisais déjà des reproches) j'ai pensé me réconcilier avec Paris — et je le quitte à présent avec le même sentiment d'indignation que je l'ai quitté en 47 et en 49. Je ne me console pas de la réponse éternelle — que partout ailleurs la vie est encore plus dégoûtante, — et ensuite elle peut être dégoûtante comme elle veut, mais puisqu'elle n'intéresse pas, elle vous laisse libre.— A propos, j'ai reçu une longue lettre de Kapp, et une lettre bien intéressante, il est tout à fait ébahi de New York; ce qu'il cite et raconte dans sa lettre, sans être nouveau, a ce cachet de réalité qu'une chose acquiert répétée par un homme que nous connaissons. Oui, la liberté individuelle n'est pas une plaisanterie là.— Eh bien, *caro mio*, tôt ou tard nous nous promènerons à New York, je te le dis non en prophète, mais en calculateur. Et l'Europe peut se décomposer et pourrir, comme elle l'entend.— Frœbel a lu quelques pages *V<om> and<ern> Ufer* dans ses leçons du mouvement révolutionnaire en Europe, il a raconté mes opinions sur la Russie, et tout cela a donné lieu à quelques articles de journaux — *also, ich bin bekannt am andern Ufer*.

K<app> écrit qu'un journal a dit: «Un Russe ne peut être qu'esclave ou anarchiste».—Le lendemain le c<om>te Gourovsky,

¹ крайне огорчен (<и> крайне возмущен (итал.).— *Ред.*

espion russe, a envoyé demander chez Frœbel qui est l'auteur russe, avec lequel lui (Gour<ovsky>) sympathise complètement. Frœbel n'a pas dit le nom. Mais Gourovsky le rencontrant lui a dit qu'il connaissait que cet ouvrage est de Golovine. — *Transatlantische Cancans*. Les Russes sont espionnés même là. Je crois qu'il <y> a des espions dans la Polynésie, Bandalésie et Magésie.

D'un autre côté, je suis de mauvaise humeur, cette affaire russe est un plomb, c'est lourd, c'est dégoûtant (on m'a plombé une dent — passe encore, mais plomber l'esprit) — et je dois partir juste au moment où il faut encore faire quelques démarches. Ta nouvelle concernant Goloch<vastoff> est bonne, mais l'argent est-il encore en Russie ou non? S'il y est, on peut toujours le confisquer. Comme on a déjà fait. Mais qu'ils sont bêtes, ces gens-là, la Banque de Commerce donne des billets anonymes, qui peuvent être vendus partout. Harcelle un peu tes Souabes, ils n'ont jusqu'à présent rien fait de visible. Rot<schild>, à ce qu'il paraît est complètement dégoûté de cette affaire — et je dois partir. On attend samedi une lettre de Gass<er>; je l'attendrai. Adieu.

J'ai aussi écrit une dénonciation mais plus est contre toi, à ma mère, demande-lui — scélérat que tu es!..

Comme je ne serai pas avant le 5 à Nice tu peux envoyer un petit mot à Marseille poste rest<ante>; pourvu que cette lettre arrive le 4.

Блажен... je te rappelle le *Beatus ille qui procul negotiis* de Пушкин:

Перед обедом водку пьет,
Имеет чин и в бога верит.

Перевод

30 мая.

День нашего отъезда, намеченного на 1 июня, остается без изменений. Мне радостно уезжать с мыслью о том, что тут ли, там ли, но мы, наконец, встретимся; мне весело думать, что я избавлюсь, наконец, от этого судорожного, засасывающего, беспокойного и болезненного существования, которое я влачил в течение полугода. Но в каждом человеке есть большая логическая цельность, и если под давлением обстоятельств он отклоняется от своего пути, то затем постепенно опять возвращается, как маятник, на свою вертикаль. Была минута (ты уже упрекал меня за это), когда я думал, что примирился с Парижем, но я покидаю его теперь с тем же чувством негодования, с каким покидал в 1847 и 1849 годах. Я не утешаюсь вечным ответом, что повсюду в другом месте жизнь еще более отвратительна, — пусть она будет как угодно отвратительна, но раз она вас не

интересует, она вас и не затрагивает. Кстати, я получил длинное и очень интересное письмо от Каппа. Он совершенно ошеломлен Нью-Йорком. То, что он приводит и рассказывает в своем письме, хоть и не ново, а все же носит ту печать реальности, которую приобретают факты, когда их подтверждает человек, вам знакомый. Да, личная свобода там — не насмешка. Итак, саго mio, рано или поздно мы с тобой погуляем по Нью-Йорку, — говорю это не как пророчество, а все взвесив. Европа же пусть себе разлагается и гниет сколько ей угодно. — Фрёбель прочел несколько страниц из «V<om> and<ern> Ufer» в своих лекциях о революционном движении в Европе; он изложил мои взгляды на Россию, и все это вызвало несколько газетных статей — also ich bin bekannt am andern Ufer¹.

К<апп> пишет, что одна газета заявила: «Русский может быть либо рабом, либо анархистом». На другой день граф Гуровский — русский шпион — послал к Фрёбелю спросить, кто этот русский автор, которому он (Гуровский) всецело симпатизирует. Фрёбель не назвал фамилии. Гуровский же, встретив его, сказал, будто знает, что это сочинение Головина. — Transatlantische Cancans². За русскими шпионят даже там; шпионы, верно, есть и в Полинезии, и в Бандалезии, и в Магнезии.

С другой стороны, настроение у меня дурное, — это русское дело, как свинцовая пломба, это тяжело, отвратительно (мне запломбировали зуб — куда ни шло, но запломбировать мозги...) — и я должен уехать именно теперь, когда нужно было бы предпринять еще кое-какие шаги! Твоя новость о Голохвастовой приятна, но деньги-то еще в России или нет? Если они там, их всегда могут конфисковать, как это однажды уже было сделано. Но как они глупы, эти люди. Коммерческий банк выдает билеты на предъявителя, которые можно продать где угодно. Потормоши немножко своих швабов, они до сих пор ничего ощутимого не сделали. Видимо, Ротшильду это дело окончательно опротивело, а мне надо уезжать. В субботу ожидается письмо от Гассера, я его дождусь. Прощай.

Я тоже написал донос, но кроме того — на тебя моей матери, спроси у нее, злодей ты эдакий!

Так как я раньше 5-го не попаду в Ниццу, ты можешь послать мне несколько слов в Марсель до востребования; нужно только, чтобы письмо дошло к 4-му.

Блажен... напоминаю тебе *Beatus ille qui procul negotiis* Пушкина:

Перед обедом водку пьет,
Имеет чин и в бога верит!

¹ значит, меня знают на том берегу (нем.); ² Трансатлантические сплетни (нем.). — *Red*

Hört und bewundert, was das für ein Land ist, das Russische Land.— Noch ein Brief von Gass(er); et schreibt, daß er eine Audienz bei Nesselrode forderte und ihm die Sache als eine unerhört ungerechte vorstellte. Nesselrode war ganz derselben Meinung, und sagte dem Gasser, er soll in der Kanzlei die Prokuration legalisieren. Man nahm die Prokuration an — aber ein *chef de bureau* sagte, daß man nicht legalisieren wird. Gas(ser) erwiderte, daß selbst der Kanzler befohlen hat. Der *chef de bureau* aber erwiderte: «Er weiß also nicht, was er befohlen hat»... Den andern Tag hat man die Legalisation abgeschlagen.— Nun was sagen Sie dazu? Der Kanzler und ein Spion! Und der Spion wie ein Hampden widersetzt sich und macht, was er will.— Wenn das nicht anders geht, so glaube ich, muß man einen Geschäftsmann nach Petersburg schicken, vielleicht müssen Sie auch eine Reise dorthin machen. Schomb(our)g ist ein vortrefflicher Mensch, ohne ihn wäre die Sache halb vergessen. Er fordert, daß ich hier noch ein paar Wochen bleibe. Heute gehe ich zu Carlier und werde noch im selben Brief schreiben, ob ich morgen reise oder hier bleibe.

Freilich wird man auch die andere Summe unterschlagen. Lassen Sie dieses Geld vom Württembergischen Gesandten oder Konsul grade in die Stuttgart(sche) Bank schicken; überhaupt nehmen Sie alle Mittel, sonst können Sie die größten Schwierigkeiten haben...

Und du, stolzer Brite Georg, als du mir geschrieben hast, der Kaiser Nik(olaus) kann wohl Russen plündern, aber doch eine Würtembergerin.— Er wird bald Stuttgart nehmen und nach Siberien *aux travaux forcés* schicken mit Häuser und Pedanten, Minister und Philister.

Agissez, agissez, agissez — ich mache alles, was möglich ist, eine neue Prokuration war nicht nötig, sie zweifeln ja nicht, daß die erste gut ist, sie *wollen nicht* legalisieren.

Sollte alle Hoffnung verloren sein, so muß man recht bedenken, wie man d(as) Billet zurückbekomme. Mit der Post unmöglich — auch durch den Gesandten. Hier hat mir der Graf Branicky ein Mittel vorgeschlagen, durch seinen *chargé d'affaires* in London zu verkaufen d(as) Billet, freilich nicht *au pair*...

Hier ist es ruhig, aber schlecht ruhig, keine Luft ¹...

¹ Слушайте и изумляйтесь, что за земля такая, русская земля.— Еще письмо от Гассера; он пишет, что потребовал аудиенцию у Нессельроде и представил ему дело как неслыханно несправедливое. Нессельроде был полностью того же мнения и сказал Гассеру, чтобы он засвидетельствовал доверенность в канцелярии. Доверенность была принята, но один из *chef de bureau* (столона начальников) заявил, что ее не засвидетельствуют. Гассер возразил, что это приказал сам канцлер. Le chef de bureau

Пишите на Рейхеля, если что есть; никогда не надобно посылать письма вперед. Вот и теперь — что в Марселе лежат...

Впрочем, я припишу, остаюсь я или нет; если нет, то завтра едем...

Прощайте. Скучно.

Рукой Н. А. Герцен:

Нет куражу писать вам, друзья, да и вам не будет, верно, охоты читать, не до того. Трудно жить на свете!..

Дети целуют ваши ручки, тебя, Машенька, благодарят за письмо. Колюточку целуем!

Ваша Н.

П о с т с к р ы п т у м.

4 часа пополудни.

Карловинги до того удивились моему прошению еще остаться, что говорят: «Да нечего делать — *две недели можно*». Итак, я буду ждать ответа еще от Гассера до 14 июня — пишите сюда обо всем.

Весь ваш.

Kola, sei nicht böse, daß Papa nicht schreibt, aber küßt¹.

возразил: «Значит, он сам не знает что приказывает...» На другой день в засвидетельствовании было отказано. — Ну что вы на это скажете? Канцлер и шпион? И этот шпион, подобно Гемпдену, сопротивляется и делает что хочет. Если не произойдет изменений, я думаю, нужно будет послать какого-нибудь доверенного человека в Петербург; может быть, и вам придется туда съездить. Шомбург превосходный человек, без него дело было бы уже наполовину забыто. Он требует, чтобы я остался здесь еще неделю-другую. Сегодня пойду к Карлье и в этом же письме припишу, уезжаю ли завтра или остаюсь здесь.

Запрещение будет наложено, конечно, и на другую сумму. Добейтесь, чтобы вюртембергский посол или консул переслал эти деньги непосредственно в штутгартский банк; вообще, примите всяческие меры, иначе у вас могут быть очень большие затруднения.

А ты, гордый бритт, Георг, ты еще писал мне — император Николай волен, конечно, грабить русских, но тут ведь вюртембергская подданная... А он вскорости захватит Штутгарт и пошлет всех вместе с чадами и домочадцами, педантами, министрами и филистерами в Сибирь *au travaux forcés* (на каторжные работы).

Agissez, agissez, agissez (Действуйте, действуйте, действуйте) — я делаю все, что возможно; в новой доверенности не было нужды; они не сомневаются в правильности первой, но *не хотят* засвидетельствовать.

Если надежда окажется окончательно потерянной, нужно будет хорошенько обдумать, как получить билет обратно. По почте невозможно, через посланника — тоже. Здесь граф Браницкий предложил мне способ продать билет через его *chargé d'affaires* (поверенного в делах) в Лондоне. Разумеется, не *au pair* (по номинальной цене).

Здесь спокойно, но не по-хорошему спокойно — душно (нем.). — *Ред.*

¹ Коля, не сердись, что папа не пишет, а целует (нем.). — *Ред.*

33. М. К. ЭРН

Конец мая 1850 г. Париж.

Пришлю ваше письмо. Ну, с 80 000, видно, также придется проститься. Ни avis¹ у Ружемона, ничего подобного нет. Да и как же Григор<ий> Ив<анович> послал на мам<енькино> имя? Что это за скоты, что за звери. А вы-то — радости, сурпризы...

34. Л. И. ГААГ и М. К. ЭРН

1 июня (20 мая) 1850 г. Париж.

1 июня 1850 г. Париж.

Вчера я писал вам, что остаюсь здесь ждать ответа, пожалуй до 15 июня. А потому прошу вас сейчас сообщить все подробности насчет голохвастовского долга и если что есть из Штутгарта. Может, вы обо всем этом писали в Марсель — так еще раз облагодетельствуйте. Пишите прямо на наш адрес. — Я могу многое вынести, но ожидать, просто ожидать — и потом «а то лыком — а то шелком», а только это ужасно. Чего стоит ходить к Рот<шильду> и, наконец, уж к Карлу Ивановичу — и всё оттого, что не было человека, который бы во-время умел написать строку.

Едем сегодня в Сен-Клу.

Рукой Н. А. Герцен:

Ну, еще бог знает, поедет ли, — это была моя мысль, провести эти 15 дней где-нибудь за городом: задохнуться можно в Париже, да и квартера наша пропитана, я думаю, заразой — да пет, кажется. А присутствие необходимо в П<ариже>. Да, такой тяжелой эпохи не было в нашей жизни, была *горчее*, а это все равно, что быть съедену комарами или клопамп; ну, уж потом в море... да так и не выходить оттуда. — Вчера у нас до ниточки все было готово к отъезду. сегодня разбираемся опять; право, от одного этого Эл<пза> захворает. А впрочем, *в сущности-то*, все хорошо, Тата выправляется. Вчера мы делали визит Морицу, потом дети завтракали в вашем ресторане Cha<mps> El<ysées>, воображали, что у вас в гостях. — Я подъезжала к Константино, он уж может ходить.

35. Э. ГЕРВЕГ

1 июня (20 мая) 1850 г. Париж.

1 juin. Paris.

An Ort und Stelle... j'ai encore un délai de 15 jours. Ne me donnez pas de horions, chère Emma; je courbais toujours ma tête aux fourches caudines des nécessités — donc je continue. L'affaire va très mal; à ce qu'il paraît, les autorités de Wurtemberg

¹ уведомления (франц.). — *Ред.*

n'ont aucune autorité.— Je ne resterai pas les 15 jours à Paris, dès que Rotschild aura reçu une réponse définitive — je m'embarque. Pour toucher Nice, votre main, votre cœur, et partir pour Zurich si le procès m'y oblige.— Avant mon départ je m'informerai chez Bahrmann concernant vos papiers...

Je suis las et stupide...

J'ai reçu une lettre de Kapp, il est tout enchanté de New York. Froebel a consacré une leçon à ma brochure, ce qui a donné lieu à une polémique dans les journaux allemands de New York.— Je m'en vante

et mets ma gloire transatlantique
et transouraliennne à vos pieds.

Перевод

1 июня. Париж.

An Ort und Stelle¹... мне дали отсрочку еще на две недели. Не награждайте меня тумками, дорогая Эмма, я всегда склонял голову перед Кавдинскими фурулами необходимости. Итак, продолжаю. Дело обстоит очень плохо, вюртембергские власти, по-видимому, не имеют никакой власти.— Я не проживу в Париже двух недель. Как только Ротшильд получит окончательный ответ, я отбываю, чтобы тронуться в Ниццу, дотронуться до вашей руки, тронуть ваше сердце и уехать в Цюрих, если этого потребует процесс.— До отъезда справлюсь у Бармана о ваших бумагах...

Я устал и отупел...

Получил от Каппа письмо, он в восхищении от Нью-Йорка, Фрёбель посвятил одну лекцию моей брошюре, что вызвало полемику в немецких газетах, выходящих в Нью-Йорке.— Хвалюсь этим

и слагаю свою заокеанскую
и зауральскую славу к вашим ногам.

36. Г. ГЕРБЕГУ

2 июня (21 мая) 1850 г. Париж.

Le 2 juin.

A toi, cher George, deux mots. Attends un peu la réponse de Stuttgart, et pars pour Nice, je te conjure. Emma est trop malheureuse là, et moi, je suis déchiré par la pensée que c'est pour mon affaire que tu restes.— Tu ne feras rien et personne ne fera rien.— Sois maudite cette demi-année perdue en d'ignobles tracasseries.— C'est un parti pris de ruiner les hommes ennemis au gouvernement.

¹ На месте (нем.).— *Ред.*

Et, sacré nom de Dieu, perdre d'un seul coup... on le fait avec courage, on s'oriente, mais être sucé par goutte, traîné des mois, trompé, trahi peut-être — c'est au-dessus des forces humaines.

Je reste ici seulement pour savoir des nouvelles des 80 000 fr(ancs). — L'affaire du billet, je la laisse à la providence et aux prières de St. Ignace

L'idée me vient quelquefois — si notre chargé d'affaires à Mos(cou) n'est pas un espion. Il a été honnête homme, mais... mais *tempora mutantur*... Fais un dernier effort, écris à Stuttgart, promets beaucoup d'argent et expose la nouvelle affaire, comment peut-on *confisquer* l'argent envoyé à une Wurtembergeoise qui n'a jamais été ni jugée, ni sous une enquête.

Weiter, muß man fordern, daß man wenigstens die Renten schickt vom Billet, alle Prozente, die jetzt eine große Summe machen...

Et cela sera le dernier effort — je ne peux rien faire. Lorsqu'on a des mulets de frère, et des taupes de chargé d'affaires — il faut se résigner. Je crois même que le ministre à Stut(tgart) est un énorme Jean f...re et que Nesselrode l'a tout bonnement intimidé.

Il fallait envoyer quelqu'un en Russie — mais qui, mais comment faire?

На обороте: Егору Федоровичу.

Рукой Н. А. Герцен:

Ein herzlicher Gruß und Kuß.

P(aris). 2 Juni.

N. H.

Перевод

2 июня.

Два слова для тебя, дорогой Георг. Подожди еще немного ответа из Штутгарта и поезжай в Ниццу, заклинаю тебя. Эмма слишком несчастна там, и меня терзает мысль, что ты остаешься из-за моего дела. — Ничего ты не сделаешь, и никто ничего не делает. Да будут прокляты эти полгода, потерянные в подлых хлопотах. — Очевидно, решено разорять людей, враждебных правительству

Но, черт возьми, когда теряешь всё сразу... это переносишь мужественно, как-то приспособляешься, но когда из тебя высасывают всё по капле, месяцами водят за нос, обманывают, а может быть, предают — это выше человеческих сил.

Задерживаюсь здесь только для того, чтоб узнать, что слышно о 80 000 фр. — А дело с билетом предоставлю providению и молитвам св. Игнатия.

Иногда у меня появляется мысль, уж не шпион ли наш московский поверенный в делах. Он был честным человеком, но...

no tempora mutantur¹. Сделай последнее усилие, напиши в Штутгарт, пообещай много денег и изложи суть нового дела — как это можно *конфисковать* деньги, посланные вюртембергской гражданке, ни под судом, ни под следствием никогда не состоявшей.

Затем, надо требовать, чтобы по крайней мере прислали проценты с билета, все проценты, которые составляют сейчас крупную сумму.

Это будет последним усилием — больше я ничего не могу сделать. Когда у тебя братец — осел, а поверенный слеп, как крот, надобно покориться необходимости. Думаю даже, что штутгартский посланник — страшный <...> болван и что Нессельроде просто-напросто его запугал.

Надо бы послать кого-нибудь в Россию. Но кого, и как это сделать?

На обороте: Егору Федоровичу.

Рукой Н. А. Герцен:

П<ариж>. 2 июня.

Сердечный привет и поделуй.

Н. Г.

37. Л. И. ГААГ

3 июня (22 мая) 1850 г. Париж.

3. Juni.

Jetzt eben war Reichel bei uns und sagte die gute Nachricht v<om> Gelde — was wollen Sie damit machen? Schicken Sie durch Ihren Banquier zu Rotschild, auf meinen Namen — *au compte de Mr Alex<andre> de Herzen*, ich werde amerik<anische> Papiere kaufen lassen. Es wird immer vorstellen eine neue Rente von 3 750 fr.— Dazu werde ich Ihnen noch eine kleine Freude machen — von den 25 000, die Sie damals gaben, werden schon 18/t nach einem Monat frei.

Nur mit dem großen Billet geht es nicht vom Fleck.

Schreiben Sie, was Sie anfangen wollen mit d Gelde und wie Sie bekommen haben etc., etc.

Georg lacht jetzt, daß ich fürchtete.— Wir bleiben wahrscheinlich bis d<en> 15. noch hier.

Adieu.

Keine Zeit mehr.

Пишите же.

¹ времена меняются (лат.).— *Ред.*

3 июня.

У нас только что был Рейхель и сообщил приятную новость о деньгах. Как вы думаете с ними распорядиться? Пошлите через вашего банкира к Ротшильду на мое имя, au compte de Mr Alex<andre> de Herzen¹. Я велю купить американских бумаг. Это, во всяком случае, составит новую ренту в 3750 фр. А я вас и еще немного порадуя — из 25 000, которые вы тот раз дали, 18 т. через месяц уже освободятся.

Только с главным билетом все ни с места.

Напишите, что вы намерены предпринять с деньгами, как вы их получили etc, etc.

Георг смеется теперь над моими опасениями. Мы останемся здесь, вероятно, еще до 15.

Прощайте.

Больше нет времени.

Пишите же.

38. Г. ГЕРВЕГУ (приписка)

3 или 4 июня (22 или 23 мая) <?> 1850 г. Париж.

Oggi o mai...

«Mai» also Mai, in Anfang Juni, lieber Georg, ja.— *Lasciati ogni speranza.* — Die Welt geht unter wie fauler Fisch...— *Fichtre!*

Перевод

*Oggi o mai*²...

«Никогда» — значит в мае, в начале июня, милый Георг, да.— *Lasciati ogni speranza.* — Мир разлагается, как гнилая рыба...— Тьфу, пропасть!

39. Г. ГЕРВЕГУ

5 июня (24 мая) 1850 г. Париж.

Le 5 juin.

Il est difficile de te le dire, avec quel pénible sentiment de douleur j'ai lu les $\frac{3}{4}$ de tes deux lettres — je dis $\frac{3}{4}$ parce que je n'avais pas le caractère de boire d'un seul trait ces 8 pages d'offenses et d'incriminations.

¹ На личный счет г-на Алекс<андра> Герцена (франц.); ² Сегодня или никогда (итал.).— *Ред.*

Une des choses qui m'a frappé c'est l'inculpation que nous avons laissé partir Emma, et que nous sommes restés à Paris. Et primo, quel mal y a-t-il qu'Emma soit à Nice et qu'elle n'ait pas fait ce voyage avec nous, ou que nous ne soyons pas venus deux jours après? Emma a beaucoup d'amitié pour nous — mais pour son existence il n'y a rien de nécessaire que d'être avec toi; si elle ne nous voit que quinze jours plus tard — ce n'est pas un grand changement. — Je savais très bien cela et je conseillais d'aller à Zurich encore au mois de mars, mais tu n'as pas voulu, tu l'as arrêtée à Paris. Survient cette maudite affaire policière. — Vraiment, c'est une tâche très facile, *post facto*, de faire des observations, comme nous les avons faites critiquant, *ex<empli>gr<atia>* toutes les révolutions. Peut-être je n'aurais pas insisté sur le départ si prompt cinq jours après, mais je demande à tout Paris, si le 20 mai on savait que le 1 juin Paris serait la ville la plus tranquille du monde; j'avais la plus ferme intention de partir le 26. Les circonstances changèrent — pas le moindre danger à présent, de très graves alors. Et qui donc pouvait prévoir que tu voulais venir à Paris, un mot dans ta lettre suffisait pour arrêter le projet de voyage. Non, tu ne l'as pas dit, tu as laissé faire — pour nous dire ensuite: «On a été 3 fois chez Car<lier> pour vous». — Et cela s'appelle amitié *plenaria*. Non, avare en protestations d'amour, je suis avare et sobre en injures, au moins de ce genre. Tu n'as donc pas compris sur quoi était basé tout mon droit de demander les délais, je suis propriétaire d'un immeuble dans la ville-même, c'est un droit très important. — Et qu'en sais-tu au fond <de> ce que j'ai fait et <de> ce que je n'ai pas fait? As-tu là un Alexis qui te le raconte? Et qui donc t'a dit qu'Emma ne voulait pas partir elle aussi — *ou est-ce qu'elle dit le contraire?*

Et enfin de quoi s'agit-il? Tu vas à Stuttgart, tu me fais ce sacrifice de quelques jours et ensuite tu vas à Nice, comme nous. Emma ne pouvait pas partir sans les circonstances, elle voulait à tout prix attendre l'argent de Berlin, l'argent n'est pas venu, et elle <est> à Nice...

Que je reste ici encore 10 jours ou 8 et que c'est pour mon plaisir, c'est ridicule, je peux faire des fautes, des bêtises, mais de l'hypocrisie — non. Et enfin, connaissant un peu mon caractère, on a la possibilité de deviner qui donc m'attache à Paris — le gaz, ou Léontine, ou les frères Provençaux — je n'ai personne ici, et je ne vois presque personne.

L'affaire. On pourrait ne pas s'<en> occuper, c'est prosaïque, c'est ennuyeux. Mais je ne lâcherai pas cette puissance de mes mains—j'en ai besoin, je ne veux pas me désarmer.—Eh bien. Est-ce que Gasser n'avait pas écrit il y a 14 jours que dans 8 jours la somme serait remboursée? — Une semaine après il rend compte de son entrevue avec Nesselrode. L'affaire paraît être terminée,

il ne faut qu'attendre quelques jours — craque. On ne légalise pas la procuration. Et ici commence la lâcheté évidente de R<otschild> — il n'ose pas s'offenser.

D'un autre côté — pas un mot sur vos démarches à Stut<tgart>, avez-vous fait quelque chose là ou non?

Dans cette indécision aller — où — à Nice? C'est à dire s'éloigner dans un coin et ne rien faire. Aller à Londres, à Zurich même serait plus facile... et je le ferai peut-être après avoir installé ma femme à Nice. — Concer<nant> Sch<om>b<ourg> tu te trompes, il m'a donné un conseil que je ne t'écirai pas à présent et que je te dirai un jour; ce conseil sera un dernier coup...

Je regrette que tu perdes à présent le temps pour cette affaire — mais probablement votre besogne de Bodensee est terminée. Va-t'en à Nice. Peut-être le beau ciel de l'Italie te guérira de cette injuromanie — c'est de la légèreté, je le fais aussi plus qu'il n'en faut, mais mes inculpations portent un autre caractère, vont plus profondément — ou ne font que sourire. Ta lettre m'a tout bonnement blessé; en cachant le nom on pourrait penser que cette lettre était adressée à Rufenacht ou à Holinsky ou même à Tardif de Mélo. — Emma a aussi un peu de cette habitude, — je trouve que c'est une habitude détestable.

P. S. Tu peux pour t'édifier encore sur la nécessité du départ d'Emma lui demander, comme elle craignait l'infâme R<ode> qui avait fait toute l'affaire, et qui l'avait déjà offensée une fois dans la rue. — A présent, figure-toi la belle position devant la police correct<ionnelle> et ayant un témoin à charge de cette farce d'ignominie. Qu'en dis-tu?

J'écirai à l'instant même à Emma. Je lui enverrai une lettre de recommandation à Avigdor pour avoir en cas de besoin quel<un>.

Eh bien, quelle conséquence peut-on tirer de ce que je me sois trompé sur l'argent de m-me Goloch<vastoff>? — On a envoyé une somme — elle est perdue, on a envoyé une autre — elle n'est pas perdue. Connaiss-tu le calcul des probabilités? — c'est donc $\frac{2}{2} = 1$. Même chance.

Перевод

5 июня.

Трудно передать тебе, с каким тяжелым, мучительным чувством прочел я $\frac{3}{4}$ двух твоих писем, я говорю $\frac{3}{4}$, потому что у меня не хватило характера испытать единым духом эти 8 страниц оскорблений и обвинений.

Больше всего меня поразила упрек в том, что мы отпустили Эмму, а сами остались в Париже. Но, во-первых, разве это

так уже плохо, что Эмма в Ницце и что она совершила эту поездку без нас, а мы не приехали два дня спустя? Эмма очень привязана к нам, но для нее необходимо только одно — быть с тобою; если она увидит нас двумя неделями позже, ничего особенного не случится. — Я очень хорошо знал это и советовал ей поехать в Цюрих еще в марте, но ты не захотел и задержал ее в Париже. Потом вдруг началась эта проклятая полицейская история. — Право, *post facto*¹ весьма легко рассуждать, как это мы делали, критикуя *exempli* *gratia* все революции. Может быть, через пять дней я и не настаивал бы на таком поспешном отъезде, но спросим весь Париж: знал ли кто-нибудь 20 мая, что 1 июня Париж станет самым спокойным городом в мире. У меня было самое твердое намерение ехать 26-го. Обстоятельства изменились — теперь нет ни малейшей опасности, а тогда грозила очень серьезная. И кто же мог предвидеть, что ты захочешь приехать в Париж? Стоило тебе написать хоть слово, и мысль об отъезде была бы отложена. Но не тут-то было, ты ничего не написал, ты предоставил всему идти своим чередом, чтобы потом заявить нам: «Для вас трижды ходили к Карлье». — И это называется дружбой *plenaria*¹. Нет, скупой на уверения в любви, я столь же воздержан и скуп на оскорбления, по крайней мере такого рода. Ты не понял, значит, на чем основывалось все мое право требовать отсрочки: я владею недвижимым имуществом в самом Париже, — это очень важное право. — И много ли ты, в сущности, знаешь о том, что я делал и чего не делал? Уж нет ли у тебя Алексиса, который тебе это рассказывает? И кто тебе сказал, что Эмма тоже не хотела ехать — или она утверждает обратное?

И, наконец, в чем дело? Ты поедешь в Штутгарт, ты пожертвуешь для меня несколькими днями, а затем отправишься в Ниццу, как и мы. Эмма не могла бы выехать при создавшихся обстоятельствах: она хотела во что бы то ни стало дожидаться денег из Берлина, но деньги не пришли, а она в Ницце.

Говорить, что я остаюсь здесь еще на 10—8 дней только для собственного удовольствия, смешно. Я могу наделать ошибок, глупостей, но на лицемерие я не способен. И наконец, зная хоть немного мой характер, можно догадаться, что удерживает меня в Париже, — газ, Леонтина или «Провансальские братья», — никого у меня здесь нет и я почти ни с кем не вижу.

О деле. Им можно было бы и не заниматься, это прозаично, это скучно. Но я не выпущу из рук этой силы, мне она нужна, я не хочу складывать оружие. — Так-то. И разве Гассер не писал две недели назад, что через *неделю* деньги будут уплачены? Неделю спустя он дал отчет о своей встрече с Нессельроде.

¹ задним числом (лат.); ² безграничной (лат.). — *Ред.*

Казалось, дело закончено, нужно было подождать только несколько дней — трах! Не заверяют доверенности. И тут обнаруживается явная трусость Р<отшильда>, он не смеет оскорбиться.

С другой стороны, ни слова о ваших хлопотах в Штутгарте. Сделали ли вы там что-нибудь или нет?

При такой неопределенности ехать — куда — в Ниццу? Иначе говоря, забиться в угол и ничего не делать. Легче было бы поехать в Лондон, даже в Цюрих, — может быть, я так и сделаю, когда устрою жену в Ницце. — Относительно Шомбурга ты ошибаешься. Он дал мне совет, о котором я тебе сейчас ничего не пишу, расскажу как-нибудь, этот совет будет последним ударом.

Мне жаль, что ты тратишь сейчас время на это дело, но, вероятно, ваши бодензейские труды уже закончены. Ступай же в Ниццу. Быть может, прекрасное небо Италии излечит тебя от твоей мании браниться — это признак легкомыслия, я тоже грешу этим, и больше чем надобно, но мои обвинения носят иной характер — они либо проникают глубже, либо вызывают только улыбку. А твое письмо меня просто оскорбило. Если скрыть имя, то можно подумать, что письмо адресовано Руфенахту, или Гольнскому, или даже Тардифу де Мело. Да и Эмме не чужда эта привычка, а я нахожу, что это отвратительная привычка.

Р. S. Чтобы лучше убедиться в необходимости отъезда Эммы, можешь спросить у нее, как она боялась негодяя Р<оде>, который затеял все дело и уже оскорбил ее однажды на улице. Теперь вообрази, в каком красивом положении она бы очутилась перед исправительной полицией, имея в этом позорном фарсе подобного свидетеля со стороны обвинения. Что ты на это скажешь?

Я тотчас же напишу Эмме. Я пошлю ей рекомендательное письмо к Авигдору, чтобы в случае нужды у нее было к кому обратиться. Ну, а какой вывод можно сделать из того, что я ошибся относительно денег госпожи Голохвастовой? Какую-то сумму послали — она пропала, послали другую — она не пропала. Знаком ли ты с теорией вероятностей? Ведь $\frac{2}{2} = 1$. Шансы одинаковы.

40. Э. ГЕРВЕГ

5 июня (24 мая) 1850 г. Париж.

Le 5 juin. Paris.

Je me suis proposé de vous écrire une lettre charmante, avec calembours sots, piquée d'anecdotes... et même de quelques observations contre votre lettre d'hier, lorsque j'ai reçu une philip-

pique de George qui m'a d'autant plus révolté que je ne l'attendais pas le moins du monde. — Comme je vous envoie la lettre, je n'ai pas besoin de faire beaucoup de commentaires — mais je vous dirai que c'est une étrange manière d'aimer ses amis à condition de les souffleter lorsqu'on sent une démangeaison dans la main droite. — C'est *L'amour et la cravache*, vaudev<ille> du théâtre Montansier.

La fine fleur de la lettre est l'accusation que je vous ai poussée à partir pour Nice — et que je reste encore à Paris. Dieu des dieux, vous savez toutes les circonstances (et lui aussi), j'ai agi comme ami, comme frère — je n'étais nullement tranquille sur votre compte avant votre départ, — j'en ai parlé à Haug, à Bernad<cky>. Cet infâme R<ode> après votre scène avec l'Allemand pouvait faire des choses diablement blessantes. Oui, je vous poussais hors de Paris — et j'ai bien fait. Et ensuite, quel mal s'en est suivi? — que vous êtes séparée de nous pour 20 jours. — J'estimais toujours votre franchise, eh bien dites-le moi — est-ce que c'est cela qui vous préoccupe? Je suis sûr que vous nous aimez, que vous voudrez nous voir — mais la question pour vous n'est pas là...

George me fait le sacrifice à présent de quelques jours — eh bien; ne me les reprochez pas. Je ferai tout mon possible pour l'engager à terminer au plus vite...

Vous êtes à présent sans argent, — mais je serais allé chez votre chargé d'affaires, mais vous ne m'avez rien écrit — où le trouver. Pouvez-vous attendre jusqu'à notre arrivée? — Voilà ce que vous ferez¹.

Nous partons le 15. — Je ne comprends rien dans le conseil que vous me donnez d'aller à Zurich avec ma femme et ensuite à Nice — en ajoutant que le voyage à Nice *est très long*; mais est-ce qu'il sera plus court si on va par Zurich ou par Berlin... voilà, c'est cette logique dont les lois m'échappaient toujours. — Ne vous fâchez pas si je ne suis pas tout à fait convaincu de la nécessité de faire deux voyages immenses pour obvier <à> un seul très long, mais plus court que les deux ensemble.

Donnez votre main et rions-en de nos projets, conseils etc. Il y a un fatum, fatalité ou Ἀνάγκη — qui brouille les cartes, débrouille les cartes. *E sempre bene*.

¹ Далее в автографе зачеркнуто: J'ai envoyé une lettre à la maison de banque de M. Avigdor, une lettre où je le prie de vous être agréable etc. Je crois qu'il peut même aller jusqu'à vous donner quelques centaines de francs, en général il peut être utile. — *Peθ*.

Je vous envoie 200 francs par Avigdor, c'est encore mieux, envoyez les prendre chez lui; et si vous n'en avez pas besoin, vous me les remettrez.

Alessandro furioso.

Je n'envoie pas la lettre de George.

Перевод

5 июня. Париж.

Я собирался написать вам очаровательное письмо, начиненное глупыми каламбурами, анекдотами... и даже некоторыми соображениями по поводу вашего вчерашнего письма, как вдруг получил от Георга филиппику, которая меня тем более возмутила, что я меньше всего ее ожидал. — Я пересылаю вам это письмо и освобождаю себя тем самым от необходимости в подробных комментариях. Должен сказать однако, что это довольно странная манера любить своих друзей при условии, что будешь давать им пощечины всякий раз, как у тебя зачесется правая рука. — Это «L'Amour et la Cravache», водевиль театра Монтансье.

Соль письма — обвинение меня в том, что я побудил вас ехать в Ниццу, а сам до сих пор в Париже. Господи боже мой, ведь вы знаете все обстоятельства (да и он тоже), я поступил как друг, как брат. Пока вы оставались здесь, я отнюдь не был за вас спокоен, я говорил об этом Гаугу, Бернацкому. Негодяй Р<оде>, после вашей сцены с немцем, был способен черт знает на какие оскорбления. Да, я гнал вас из Парижа, и хорошо делал. И потом — что плохого от этого произошло? — Вы разлучены с нами на 20 дней. Я всегда ценил вашу искренность, так скажите же мне — разве это именно то, что вас заботит? Я уверен, что вы нас любите, что вы хотели бы нас видеть, но вопрос для вас не в этом...

Георг жертвует мне теперь несколько дней, не упрекайте же меня за это. Я сделаю все возможное, чтоб уговорить его поскорее все закончить.

Вы сейчас без денег — я, конечно, сходил бы к вашему поверенному, но вы не писали, где его найти. Можете ли подождать до нашего приезда? А вы вот что сделайте ¹.

Мы уезжаем 15-го. — Не понимаю, почему вы мне советуете ехать с женой в Цюрих, а затем в Ниццу — добавляя, что путь в Ниццу очень долг, но разве он станет короче, если ехать

¹ Далее в автографе зачеркнуто: Я отослал в банкирский дом г. Авидора письмо, в котором прошу его оказать вам любезность и т. д. Я думаю, что он пойдет даже на то, чтобы дать вам несколько сот франков, вообще он может быть полезен. — *Ред.*

через Цюрих или Берлин? — вот логика, законы которой от меня всегда ускользали. Не сердитесь же за то, что я не совсем уверен в необходимости совершить два бесконечно долгих путешествия, чтобы избежать одного очень продолжительного и все же более короткого чем два других вместе взятых.

Дайте же руку, и посмеемся над нашими планами, советами и т. д. Существует фатум, рок или 'Ανῆκη¹, которая путает и распутывает карты. E sempre bene².

Посылаю вам 200 франков через Авигдора, так еще лучше; пошлите за ними, а если они вам не нужны, вы мне вернете их.

Alessandro furioso.

Письмо Георга не посылаю.

41. Т. А. АСТРАКОВОЙ

7 июня (26 мая) 1850 г. Париж

Рукой Н. А. Герцен:

Париж, 1850, июня 7.

Знаю, моя Таня, что тебе так же тяжело было не получать от меня известий, как мне не писать тебе. Не писала я потому, чтоб письмом моим не наделала тебе более горя, чем молчаньем. Мне было так трудно, так душно, как будто черная туча обернула меня с ног до головы, не только луча — ни одной ясной точки всю зиму, я трех раз не выходила, все была больна; в постеле я узнала, что тезку мою постигло ужасное несчастье, но какое — это мне было неизвестно около трех месяцев, и все-то это время я мучилась, в полном смысле этого слова, и день и ночь; теперь страшно вспомнить, что вынес. Какая жестокость оставлять друзей в такой неизвестности! Наконец пришли слухи о ее семье, а от нее и до сих пор ни слова! Бог знает, что бы дал за него. — Ну, продолжаю мой невеселый рассказ: едва я встала на ноги — дети, весь дом, кроме самого старшего сына, запомогли, это и другие дела *приковали* меня здесь, а в то же время *необходимость* оставить здешний климат, который до невыразимой степени противен *моему здоровью*, я думала, что погибну здесь... но, мало-помалу, туча расходится, все выздоровели, и я уезжаю в Италию купаться в Средиземном море. Ты пиши мне, я пиши сей час по получении этого письма, на тот же адрес в Цюрих³ с передачею Mme Elise Brouker, из Италии напишу новый. Пиши, ты *должна* это сделать, о всех моих родных. Тезке скажи, что это тяжкий грех не писать мне. Прощай, написала б больше, кабы совсем прояснилось, — *но родство* остается непоколебимо никакими грозами и бурями. Надеюсь, что ты понимаешь и ценишь смысл единственного числа.

Твоя Н.

Дайте руку — и да будет мир вам.

На обороте: Татьяне Алексеевне Астраковой.

¹ Судьба (греч.); ² И всегда хорошо (итал.). — Ред.

³ Вставка рукой Герцена. — Ред.

8 juin.

Tout ce que tu as fait, tu <1>'as fait parfaitement bien (à l'exception de la lettre que tu m'as écrite). L'affaire donc n'est pas si facile — comme tu le vois toi-même.

L'identité (o Schelling, toi le *maestro der Identitätslehre*) — se prouve encore par le très illustre titre de *Hofrat*, et parce que je suis inscrit au livre de la noblesse du *gouvernement de Moscou* et propriétaire dans le *gouv<ernement> de Kostroma*; le diplôme est resté à Moscou, je le ferai venir...

Weiter,— sollten Sie mir den Rat geben, so werde ich bei Rotschild die Zurückgabe des Billets fordern, aber es ist immer bedenklich, solche Sachen durch die Post zu schicken. Geben Sie Ihre Meinung. Heute ist der 8., also kann ich eine Antwort den 12. oder d<en> 13. bekommen.

Jetzt habe ich nichts in Paris zu machen.

Weder Gasser noch Sch<ombourg> sind das, was du meinst, aber der R<otschild> nachdem er Kiselew gesehen hat, ist verflucht abscheulich geworden. Ich habe alle Briefe von Gasser gelesen — er ist wütend über diese Geschichte und beleidigt; weil auch sein Endossement da ist. Der andre ist nicht beleidbar—der letzte Makabeer.

Ich möchte dir doch eine gute Phrase schreiben — aber ich bin bis jetzt sehr böse über deinen Brief.

Et viv'nos ennemis, les amis!..

На обороте: Егорю Васильевичу.

Перевод

8 июня.

Все, что ты сделал, ты сделал превосходно (за исключением письма, которое ты мне написал). Дело-то, как ты сам видишь, не такое уже легкое.

Тождество моей личности (o Шеллинг, o *maestro der Identitätslehre*¹) подтверждается и блистательным званием надворного советника, равно как и тем, что я внесен в дворянскую книгу *Московской губернии* и являюсь помещиком *Ростромской губернии*; диплом остался в Москве, я выпишу его сюда.

Далее, если вы мне это посоветуете, я буду требовать у Ротшильда возвращения билета, но всегда рискованно посылать такие вещи по почте. Сообщите ваше мнение. Сегодня 8-е, стало быть, я могу получить ответ 12-го или 13-го.

Теперь мне в Париже нечего делать.

¹ виртуоз учения о тождестве (итал. и нем.).— Ред.

Гассер и Ш<омбург> — совсем не то, что ты о них думаешь, а вот Р<отшильд>, после того как повидался с Киселевым, стал до черта противен. Я читал все письма Гассера — он взбешен этой историей и обижен, так как на билете стоит и его передаточная надпись. Другой же — тот не обидчив — наш последний из Маккавеев.

Мне хотелось бы все же написать тебе несколько добрых слов, но я до сих пор еще очень зол на твое письмо.

Et viv' nos ennemis, les amis!..

На обороте: Егору Васильевичу.

43. Г. ГЕРБЕРУ

11 июня (30 мая) 1850 г. Париж.

Le 11 juin.

Tu es, cher George, tout à fait comme Ney; le brave des braves, tu ne te rends jamais et tu fais bien. Tu as tort — mais il n'y a pas de raison d'en convenir; enfin, moi de guerre lasse, je cèderai — car répéter pour la 500 fois les mêmes arguments c'est acheter une justification à un prix énorme. — Tu écris que tu portes haut la tête et le cœur, — moi aussi; mais quelquefois je les porte très humbles, c'est nommément quand j'ai tort, quand, entraîné par un mouvement passionné, j'offense mes amis; tu veux absolument avoir raison, et en manquant tu prends par les sentiments, tu ris et tu pleures — pour ne pas être forcé de convenir que tu avais tort. Ce n'est pas moi le premier qui l'aie remarqué; Emma aussi bien que moi et avant moi. En moi tu trouveras toujours une résistance acharnée. — L'autre jour je n'étais pas fâché, j'étais affligé par ta lettre, je sais que tu devais revenir toi-même; mais cela n'est pas assez d'avoir le désir de frapper — pour frapper; tu es trop habitué aux concessions amicales, — moi je ne peux le faire, avec toute mon amitié, c'est contre ma nature...

Pour mettre sur un autre terrain la question, moi je demande où fallait-il aller, quand? — Est-ce que tu as jamais écrit qu'il fallait venir à Zurich, la seule chose possible pour nous réunir, moi je l'ai proposée, mais Zurich te déplaisait comme ville, — votre voyage à Stuttg<art> n'était-il pas nécessaire, et il n'y a que 3 jours que vous l'avez terminé. Quand fallait-il donc aller? Si tu n'as pas gardé toutes mes lettres, au moins rappelle-toi les réponses de Gasser, chaque semaine se terminait par une promesse.

L'affaire entière a été traitée de facile au commencement, eh bien, tu vois à présent que le ministre ne peut pas même obtenir

de réponse de l'ambassadeur. Et que Rot<schild> ne fait rien contre, mais ne fait rien pour. Quelle serait donc la folie de quitter une affaire entamée, sans même connaître l'état dans lequel on la laisse.

Pourquoi me fais-tu répéter tout cela? Je n'avais d'autre manière d'agir. Enfin on me renvoie de Paris,— toute la maison <est> malade, mais vers le 1 juin je pouvais partir, non pas pour te rejoindre, mais pour aller à Nice — eh bien, Rot<schild> lui-même était tellement persuadé vers la fin du mois de mai que l'affaire allait se terminer — qu'il a ordonné d'acheter des papiers amér<icains> pour ma mère, que la police a eu l'évidence de la nécessité de rester quelques jours encore.

A présent, je dois dire concernant le conseil de Sch<ombourg> dont j'ai fait mention l'autre jour; il m'a dit qu'une démarche énergique de la part de R<otschild> finirait en une semaine l'affaire et en même temps qu'il n'y a pas de doute qu'il ne le fera pas. Si on perd le temps à présent, le gouv<ernement> russe, voyant que l'affaire n'est pas poussée, s'acharnera encore plus. Donc il faut frapper un coup décisif, le coup décisif serait de demander définitivement <à> R<otschild>, veut-il continuer ou non l'affaire, et par quels moyens. Sinon — transporter immédiatement l'affaire à Londres. J'attends demain ou même aujourd'hui la réponse de Bamberger, auquel j'ai communiqué tous les détails — après avoir fait le transfert, Gasser n'aura qu'à endosser à Pétersb<ourg> le billet au nom désigné par le banquier anglais.— En tout cas, c'est un pas — et qui ne serait pas fait sans moi...

Tu penses qu'il <y> a un dualisme dans ce que je dis, que je me soumetts aux nécessités extérieures. Non, c'est aussi du réalisme, le vin de Xérès me donne régulièrement des maux de tête — eh bien, je ne le prends pas. Je sais qu'il m'est impossible d'aller à Naples,— j'aime Naples par-dessus tout — et bien, non seulement je n'irai pas à Naples, mais je ne me bercerais pas même de projets inexécutables — qui donc est dans la réalité et qui dans les fantaisies? Mais moi, je ne t'en veux pas pour cela.— Je déteste Paris — et je restais là parce que je pensais pouvoir faire quelque chose pour le procès. Tu aimes Paris, tu meurs d'ennui à Zurich et pendant 6 mois l'idée ne t'est pas venue de venir passer ici une semaine ou deux; cela ne prouve non plus une grande décision de caractère... Je crois qu'il suffit.— Amen.

Ecris donc à Kol<atchek> que je suis très flatté etc. et que je lui enverrai quelque chose. Reichel t'apportera l'*Epilogue*, tu peux le faire copier par quelque'un à Zurich (c'est le seul exemplaire) et envoyer sans traduire à Kol<atchek> — mais comme cet *Epil<ogue>* a déjà été promis par Kapp à la 2e édit<ion> de la brochure, moi je donnerai à Campe encore un petit article. C'est dommage seulement que l'*Epilogue* à lui seul ne présente rien de

Ganzes, il fallait aussi l'autre article.— Ou s'il veut attendre, je lui écrirai de Nice quelques «actualia».

Proposition:

1) M'attendre à Zurich, aller avec moi à Londres, de Londres à Lisbonne, Cadix, Sicile, Malte, Gênes et Nice.

2) Venir à Nice, faire le même voyage *vice versa* et retourner par Zurich...

Qu'en pensez-vous, cela m'occupe fortement. Londres peut devenir indispensable.

J'irai à Londres et je viendrai te chercher, si tu ne viens pas à Nice.

☞ *Vide la lettre de ma mère.*

На обороте: Егору Федор(овичу).

Перевод

11 июня.

Дорогой Георг, ты совсем как этот храбрец из храбрецов Ней, ты никогда не сдаешься, и хорошо делаешь. Ты неправ, но убедить тебя в этом невозможно; словом, наскуча долгим сопротивлением, я готов уступить, ибо повторять в 500-й раз одни и те же аргументы значит купить оправдание непомерно дорогой ценой. Ты пишешь, что несешь высоко и голову и сердце,— я тоже; но иногда я несу их весьма смиренно, а именно тогда, когда я неправ, когда в порыве страсти оскорбляю своих друзей. Ты хочешь во что бы то ни стало быть правым, и когда это тебе не удастся, ты начинаешь играть на чувствах, смеешься, плачешь — лишь бы не быть вынужденным признать свою ошибку. Не я первый это заметил: так же, как я, и до меня заметила это Эмма. У меня ты всегда встретишь ожесточенное сопротивление.— Но в тот раз я не рассердился, я был удручен твоим письмом, я знаю, что ты и сам бы одумался. Но чтобы ударить — недостаточно одного желания ударить; ты слишком привык к дружеским уступкам, а я, при всех моих дружеских чувствах, не могу пойти на это: это противно моей натуре...

Но поставим вопрос иначе: я тебя спрашиваю, куда же надобно было ехать и когда?— Разве ты хоть раз написал, что нужно ехать в Цюрих? Эту единственную для нас возможность встретиться я предлагал, но Цюрих не нравился тебе как город. А вапа поездка в Штутгарт — разве она не была нужна, и только три дня назад вы ее завершили. Когда же надобно было ехать? Если ты не сохранил всех моих писем, то припомни хотя бы ответы Гассера, каждая неделя заканчивалась обещанием.

Вначале дело представлялось легким, ну а теперь — ты видишь, что даже министр не может добиться ответа от посланника. А Ротшильд ничего не предпринимает ни за, ни против. Ведь было бы безумием оставить начатое дело, не выяснив даже, в каком положении его бросаешь.

Зачем ты заставляешь меня повторять все это? Я был лишен возможности поступать иначе. Наконец, меня высылают из Парижа, все дома больны, но к 1 июня я мог бы уехать, однако не с тем, чтобы присоединиться к тебе, а чтобы отправиться в Ниццу, — ведь сам Ротшильд в конце мая был настолько уверен, что дело близится к концу, что даже распорядился купить для моей матери американские акции, и полиции было очевидно, что мне необходимо задержаться здесь еще на несколько дней.

Теперь я должен рассказать о том совете Ш(омбурга), о котором упомянул в прошлый раз; он мне сказал, что энергичные меры со стороны Р(отшильда) помогли бы закончить дело в одну неделю, но в то же время можно не сомневаться, что тот их не предпримет. Если упустить теперь время, то русское правительство, увидя, что дело не двигается с места, будет еще больше упорствовать. Следовательно, нужно нанести решительный удар. Таким решительным ударом было бы потребовать от Р(отшильда) окончательного ответа — хочет ли он продолжать дело или нет, и какими средствами. Если нет, немедленно перевести дело в Лондон. Жду завтра или даже сегодня ответа от Бамбергера, которому я сообщил все подробности. После перевода дела в Лондон Гассеру останется только сделать в Петербурге передаточную надпись на билете на имя лица, указанного английским банкиром. Во всяком случае, это шаг вперед — я без меня он не был бы сделан.

Ты усматриваешь дуализм в моих словах, когда я говорю, что подчиняюсь внешней необходимости. Нет, это тоже реализм, — херес постоянно вызывает у меня головную боль, ну что ж, я не пью его. Я знаю, что мне нельзя ехать в Неаполь, а я люблю Неаполь больше всего на свете, — так вот, я не только не поеду в Неаполь, но не стану даже лелеять этот невыполнимый план. Кто же из нас живет в мире реальном и кто в мире фантазии? Но я не сержусь на тебя за это. Я ненавижу Париж, но я оставался здесь, ибо думал, что могу что-то сделать для процесса; ты любишь Париж — ты умираешь от скуки в Цюрихе, а за полгода тебе не пришла в голову мысль приехать сюда на недельку или на две; это также отнюдь не свидетельствует о большой решительности твоего характера... Думаю, что достаточно. — Амен.

Напиши же Колачеку, что я весьма польщен и т. д. и что я ему пришлю кое-что. Рейхель привезет тебе «Эпilog», дай его

кому-нибудь в Цюрихе переписать (это единственный экземпляр) и отошли, не делая перевода, Колачеку. Но так как Капп уже обещал «Эпилог» для 2-го издания брошюры, я дам Кампе еще небольшую статейку. Жаль только, что «Эпилог» сам по себе не представляет нечто Ganzes¹. Надо было бы также и другую статью. Если же он согласен ждать, я напишу ему из Ниццы какие-нибудь «actualia»².

Предложение:

1) Ждать меня в Цюрихе, ехать со мной в Лондон, из Лондона в Лиссабон, Кадикс, Сицилию, Мальту, Геную и Ниццу.

2) Приехать в Ниццу, проделать то же путешествие vice versa³ и вернуться через Цюрих...

Что вы об этом думаете? Меня это очень занимает. Поездка в Лондон может оказаться совершенно необходимой.

Я поеду в Лондон и заеду за тобой, если ты не приедешь в Ниццу.

☞ ☞ Vide⁴ письмо моей матери.

На обороте: Егору Федор(овичу).

44. Э. ГЕРВЕГ

11 июня (30 мая) 1850 г. Париж.

Le 11 juin.

Hier depuis le matin on a commencé à porter chez moi les lettres que vous avez eu la bonté de m'adresser du 5 juin sous toutes les enveloppes possibles et sur les adresses les plus variées. Je les ai reçues, comme vous pouvez penser, avec un plaisir qui dépasse toutes les limites, d'autant plus que j'avais une migraine des deux côtés de la tête. Tout ce qui est faisable sera fait. — C'est un peu bête mais ne présente pourtant rien de grave. — Nous partons le 15. Samedi. Edmond aussi: je l'ai justifié moi-même, mais que voulez-vous, la faiblesse est aussi un vice.

George sent, à ce qu'il paraît, qu'il a tort, parce qu'il cherche par tous les moyens de me prouver que c'est moi qui ai eu tort. — Vous savez que chez lui cela veut dire qu'il s'excuse.

Je pense déjà d'aller de Nice à Londres par Cadix!.. Je ne ferai rien de tout cela.

¹ цельное (нем.); ² статьи на темы дня (лат.); ³ в обратном направлении (лат.); ⁴ Смотри (лат.). — *Ред.*

Et bien, à bientôt et vivez en paix, et Dieu vous garde des cousins et des mouchérons...

Herrn Junker Horaz meine Empfehlung, so wie auch der gnädigen Frau Ada.

Перевод

11 июня.

Вчера с утра стали приходить ваши письма, которые вы, начиная с 5 июня, столь любезно адресовали мне во всевозможных конвертах и по самым разнообразным адресам. Как вы сами понимаете, их получение доставило мне безмерное удовольствие, тем более, что у меня была двухсторонняя мигрень. Все, что можно сделать, будет сделано. — Это немного глупо, но не представляет никаких трудностей. — Мы едем 15-го в субботу. Эдмон тоже; я и сам признал его правым, но как хотите, а слабость — тоже порок.

Георг как будто чувствует свою неправоту, ибо всячески старается доказать мне, что именно я был во всем виноват. — Вы ведь знаете, у него это означает извинение.

Я уже подумываю о том, чтобы поехать из Ниццы в Лондон через Кадикс!.. — Ничего этого я не сделаю.

Итак, до скорого свидания, мир вам, и да хранит вас господь от комаров и мошек...

Почтение благородному господину Горасу, равно как и милостивой государыне Аде.

45. Л. И. ГААГ

14 (2) июня 1850 г. Париж.

14 июня.

Da haben Sie den hochgeschätzten Kapellenmeister Reichel früher in Egypten Herr Meß Trismegistus genannt. Mehr habe ich nichts für heute zu schreiben. — Er wird Ihnen die vortreffliche Szene mit dem Baronen erzählen. Ich schicke auch die letzten Brief(e) v(on) Bamberger für Georg, die Sache ist doch nicht zu leicht, und alles hat in London mich gescheutert. Jetzt kann man rechnen, daß R(otschild) vieles machen wird. Warum hat er früher das nicht gemacht? — Reichel kann das nicht begreifen. Und es ist doch klar; bis auf die vorletzte Antwort v(on) Gasser hat Rot(schild) die ganze Geschichte für leicht gehalten, — jetzt sah er aber, mit welcher Hartnäckigkeit die Regierung die Zahlung weigert.

Wenn es möglich wäre, jetzt den Gesandten mit Gasser in Berührung bringen. — Und doch kann man noch nicht bald ein Ende sehen.

Großes Glück, daß d<as> Geld von Mme Golochwastow angekommen ist,— es bleiben bei ihr noch 38 000, wenn sie aber 20 000 zahlt, so ist es gut.

Перевод

14 июня.

Вот вам сам драгоценный капельмейстер Рейхель — некогда в Египте именовавшийся Гермесом Трисмегистом. Сегодня мне больше не о чем писать. — Он расскажет вам о великолепной сцене с бароном. Посылаю также последние письма Бамбергера для Георга, однако дело совсем не так просто, все в Лондоне меня отпугнуло. Теперь можно рассчитывать, что Р<отшильд> многое сделает. Почему он раньше этого не сделал? Рейхель не может понять. Между тем ясно — до предпоследнего ответа Гассера Ротшильд считал всю историю пустячной — теперь он увидел, с каким упорством правительство уклоняется от платежа. Если бы можно было свести теперь посла с Гассером. — И все же конец еще не скоро будет виден.

Большое счастье, что пришли деньги от г-жи Голохвастовой, — за ней остается еще 38 000, ежели она заплатит 20 000, то и это хорошо.

46. Г. ГЕРВЕГУ

17 (5) июня 1850 г. Тоннер.

Medice, cura te ipsum!

Dès que j'eus terminé mes affaires, je me suis mis dans un wagon, et nous sommes à Tonnerre. Je ne croyais pas que notre départ fut nécessaire ou utile avant, pas même trop agréable. A présent comme je laisse les affaires, je ne puis rien ajouter — je me hâtais lentement, mais je suis en route.

Ce papier infâme a été acheté par Reichel pour toi, il n'y a pas de dérision plus amère que d'acheter quelque chose d'ignoble comme ce papier, mais il faut l'excuser. Le dernier temps il avait des symptômes d'hydrophobie très prononcés.

Avant mon départ on m'avait invité à un petit dîner, où nous avons passé notre temps jusqu'à 4 heures du matin...

Adieu. Je voudrais dire *au revoir* — mais comme je ne sais pas quand tu viendras — j'hésite. Pour le voyage à Londres, il ne pourra s'effectuer que dans 2 mois.

Summa cum pietate

A. H.

Перевод

Medice, cura te ipsum!

Покончив с делами, я тотчас же сел в вагон, и вот мы в Тоннере. До сих пор я не считал, чтобы наш отъезд был необходим,

полезен и даже особенно приятен. Теперь, когда я бросил дела, ничего не могу к этому прибавить — я поспешал медленно, но я в пути.

Эта гнусная бумага была куплена Рейхелем для тебя. Нельзя придумать более горькой насмешки, чем купить такую дрянь, как эта бумага, но надобно его извинить. В последнее время у него появились резко выраженные симптомы водобоязни.

Перед моим отъездом меня пригласили на скромный обед, за которым мы засиделись до 4 часов утра.

Прощай. Хотел бы сказать *до свидания*, но, не зная, когда ты приедешь, не решаюсь. Что до поездки в Лондон, то она может осуществиться не раньше, чем через 2 месяца.

Summa cum pietate¹

A. Г.

47. Э. ГЕРБЕГ

17 (5) июня 1850 г. Тоннер.

17 juin. Tonnerre.

Dans cinq jours je me précipiterai à vos pieds avec tous mes descendants... etc. Ce n'est que le premier pas qui coûte, vous voyez qu'il est fait...

Cette lettre viendra, je crois, quelques heures plus tard que nous, peut-être je la porterai moi-même pour être plus sûr qu'elle vous parviendra...

Vous comprenez donc qu'il n'y a pas de cause de bavarder plus longtemps; nous ne faisons qu'attendre la diligence pour aller à Chalon nous nous arrêterons à Arles. Chojecky brûle de désir de voir les vieux monuments et les jeunes filles d'Arles. Massol lui a monté la tête avec les Abyssiniennes, moi je veux les enfoncer par anticipation.

Bernacky a reçu votre épître. J'ai été chez lui avec ma femme et les enfants et il a fait les honneurs de la maison «avec la grâce la plus parfaite» (style du *Moniteur* du soir).

Le reste... je le garde, pour avoir quelque chose à raconter lorsque je serai où die *Zitronen blühen*.

A. H.

Рукой К.-Э. Хоецкого:

Nous sommes arrivés par un temps magnifique au milieu de tonnerre, ce que me prédispose particulièrement de joindre à la présente l'expression de mon amitié pour vous et pour vos enfants. Dans quelques heures nous nous mettons en route pour ne nous arrêter (qu') à Arles, où Herzen veut voir les mines romaines à ce qu'il dit. Dieu donne que cet homme subversif n'ait pas d'autres idées! Heureusement je suis là et tant que j'y serai, la vertu n'aura qu'à s'applaudir de la manière dont nous nous conduirons à son égard.

Votre dévoué Ch. E d m o n d.

¹ С совершенным почтением (лат.).— Ред.

17 июня. Тоннер.

Через пять дней я брошусь к вашим ногам со всем своим потомством... и т. д. Труден лишь первый шаг,— как видите, он сделан.

Я думаю, что это письмо будет получено на несколько часов позже нашего приезда; может быть, я сам его доставлю для большей уверенности, что оно до вас дошло...

Итак, вы понимаете, что незачем продолжать мою болтовню; мы ждем только дилижанса, чтобы ехать в Шалон; мы остановимся в Арле. Хоецкий горит желанием увидеть древние памятники и юных девушек Арля. Массоль вскружил ему голову рассказами об абиссинках, а я уже заранее желаю им провалиться. Бернацкий получил ваше послание. Я был у него с женой и детьми, он встретил нас радушно и «с изысканной любезностью» (стиль «Moniteur du soir»).

Об остальном... остальное приберегаю, чтобы иметь что рассказать, когда буду там, где die Zitronen blühen.

А. Г.

Рукой К.-Э. Хоецкого:

В прекрасную погоду мы оказались посреди грома, что меня особенно располагает сопроводить настоящее письмо выражением своих дружеских чувств к вам и к вашим детям. Через несколько часов мы снова отправимся в путь и остановимся уже только в Арле, где Герцен, по его словам, хочет осмотреть римские раскопки. Дай бог, чтоб этому ниспровергателю основ не взбрело еще что-нибудь в голову. К счастью, я тут, а в моем присутствии добродетели не придется жаловаться на наше поведение по отношению к пей.

Преданный вам Ш. Э д м о н.

48. Г. ГЕРВЕГУ

19 (7) июня 1850 г. Лион.

Рукой Н. А. Герцен:

18, bateau à vapeur *Hirondelle* —
de Chalon à Lyon.

Ce voyage me rappelle si vivement ceux que nous avons faits ensemble; je ne puis pas m'empêcher de ne pas vous dire un mot, serrer la main, causer avec vous — dans la pensée... parce que le mouvement est très désagréable.

Рукой К.-Э. Хоецкого:

Lieber Georg. Da ich krank war und es noch bin, so habe ich ganz vergessen deutsch zu schreiben, ich kann nur Sie für tausend mal freundlich zu küssen.

Ihrer E d m (u n d).

Рукой Н. А. Герцен:

19. Lyon.

On monte ici l'observatoire pour voir Mont Blanc. Moi je n'ai besoin ni de montagnes, ni de lunettes pour vous voir (o Emma! o A<lexandre>!), cher besson. En effet, je pense beaucoup à nos excursions... si vous étiez avec nous!...

Lyon.

Les lions et les tigres, les ogres (c'est moi) sont arrivés à Lyon — et l'embrassent. Le voyage se fait facilement. Et tout le monde se porte bien. Edmond seul a été malade, mais par malheur il n'est pas mort à Chalon — et il chante «Ça ira» sans céder (cela veut dire Kaira).

На обороте: G. H<erwegh>.

Перевод

Рукой Н. А. Герцен:

18, пароход «Ласточка» —
из Шалона в Лион.

Это путешествие так живо напоминает мне те, что мы совершали вместе с вами, что не могу удержаться, чтобы не сказать вам несколько слов, нежать вам руку, мысленно не поговорить с вами... ибо качка крайне неприятна.

Рукой К.-Э. Хоецкого:

Дорогой Георг. Так как я болел и продолжаю болеть, то совсем разучился писать по-немецки и могу только тысячу раз дружески вас поцеловать.

Ваш Эдмунд.

Рукой Н. А. Герцен:

19 июня. Лион.

Здесь поднимаются в обсерваторию, чтобы видеть Монблан. Мне не нужно ни гор, ни очков, чтобы видеть вас (o Эмма! o A<лександр>!), дорогой близнец. В самом деле, я много думаю о наших прогулках... ах, если бы вы были с нами!..

Лион.

Львы и тигры, людоеды (это я) прибыли в Лион — и обнимают его. Путешествие протекает легко. И все чувствуют себя хорошо. Один Эдмон был нездоров, но, к несчастью, он не умер в Шалоне и распевает «Ça ira» без седиля (т. е. «Ка-ира»).

На обороте: Г. Г<ервегу>.

49. Г. ГЕРВЕГУ

21 (9) июня 1850 г. Марсель.

Le 21 juin. Marseille.

A peine sortions-nous des wagons d'Avignon, qu'un transport de tes lettres a été apporté par un garçon oriental, qui succombait sous le fardeau. Ce qui est bon — est bon. Et non seulement le nombre, mais le contenu calme, serein... pourquoi n'as-tu pas envoyé ces lettres à Paris, et la lettre atrabilaire à Marseille (ce serait encore mieux au Havre).

Еh bien, nous voilà — *presso al fine*; jusqu'ici le voyage a été excellent, d'Avignon par chemin de fer, de Dijon à Chalon — *idem*, de Chalon à Valence — par bateau à vap<eur>. A présent je pense prendre un bateau jusqu'à Cannes, et aller de la à pied (de cheval) avec ma canne — pour ne pas faire là quarantaine et pour ne pas rester 28 h<eures> en diligence comme Emma.

Je suis un peu enrhumé (voilà le Sud pour un ours du Nord). Cela m'empêche de goûter pour la dernière fois les vins français, sans empêcher de sentir l'atmosphère puante des rues. Cela me rappelle Paris. Il y a dans tes lettres une déclaration d'amour pour Paris. Aime-le. Mais sois bien persuadé que le premier pas vers un avenir meilleur pour l'humanité — c'est de se dégriser de Paris et de la France. — Peut-être cela ne viendra pas; oui, c'est très possible que l'Europe n'aie pas d'avenir humain — mais canin, iroquois. Regarde cette race abâtardie, ces fronts rétrécis, ces yeux qui ne peuvent se concentrer, cette pensée bornée, ce vague des actions et des convictions.

На обороте: G. H<erwegh>.

Перевод

21 июня. Марсель.

Едва мы вышли из вагонов авиньонских, как какой-то восточный малый, сгибаясь под тяжестью своей ноши, притащил целую кипу твоих писем. Что хорошо — то хорошо. И не только количество, но и содержание, спокойное, ясное... Почему ты не послал эти письма в Париж, а желчное свое письмо — в Марсель (еще лучше было бы в Гавр)?

Ну вот, мы и *presso al fine* ¹. До сих пор мы ехали превосходно: из Авиньона — по железной дороге, от Дижона до Шалона — *idem*, от Шалона до Валенса — на пароходе. Теперь я думаю сесть на корабль до Канна, а оттуда с тростью в руках шагом (лошадиным): чтобы избежать карантина и не просидеть, как Эмма, 28 часов в дилижансе.

У меня небольшой насморк (вот что значит юг для северного медведя). Это мешает мне в последний раз насладиться французскими винами, не мешая однако чувствовать зловоние улиц. Это напоминает мне Париж. В твоих письмах ты признаешься в любви к Парижу. Люби его. Но могу тебя уверить, что первый шаг на пути к лучшему будущему человечества — это трезвый взгляд на Париж и Францию. А быть может, оно и не наступит; ведь вполне возможно, что у Европы нет человеческого будущего, а только собачье, ирокезское. Взгляни на эту выродившуюся расу, на эти узкие лбы, на эти глаза, взгляд

¹ близки к цели (итал.). — Ред.

которых не может сосредоточиться, на эту ограниченность мысли, на эту неопределенность в действиях и убеждениях.

На обороте: Г. Гервергу.

50. Г. ГЕРВЕРГУ

27 (15) июня 1850 г. Ницца.

Le 27 juin. Nice.

Eh bien, voilà! De quoi nous occuper, discuter, disputer, nous fâcher... le billet payé, nous — à Nice. On dit, lorsque Gibbon a terminé son histoire et lorsqu'il a relu la dernière page, il devint triste. C'est presque la même chose qui m'advint lorsque j'ai reçu la lettre de Sch<ombourg> — à quoi bon à présent ma haute diplomatie, mes conjectures, mes complications, indications, prévisions — la chose est gagnée... Plaignez-moi!

Basta, dorénavant tes oreilles ne seront plus écorchées par des dissertations financières.

A présent de Nice. Jamais de ma vie je n'ai senti un tel bien-être climatologique comme ici; même la chaleur n'y fait rien. Nous avons des appartements très vastes, nous nous déshabillons, au lieu de nous habiller, nous nous baignons dans l'eau et dans l'air du soir embaumé, doux — et au diable ces beautés féroces de la Suisse, ces monuments du régime de la terreur géologique. Pour aucun prix je ne monte plus au nord, mais je descends volontairement jusqu'au Basiliat si tu veux, — au reste, le Piémont est très habitable; je trouve beaucoup de changement, beaucoup plus de douceur gouvernementale qu'en 47 et plus de ressources. Somme générale, je suis tout à fait content d'avoir quitté Paris — ce cancer général de l'Europe — et d'avoir fait ce choix et non un autre.

L'été on peut vivre presque sans argent. Emma payait assez cher avant nous, à présent l'hôte (dont la maison est complètement vide) consent de prendre 10 fr. ou 12 par jour — chambres, nourriture, bonne — et tout compris, et sans augmenter quand tu viendras. Nous pouvons rester un mois ou deux à l'hôtel. Et ensuite louer une maison près de la mer. Il y en a une quantité...

Tu n'écris pas, on dit que tu es fâché — est-ce que tu nous en veux encore pour la lettre que tu as éc<rite>.

Santo padre, justitia!

На обороте: Георгу Гервергу.

Перевод

27 июня. Ницца.

Ну, вот и дождались! Не из-за чего больше стараться, спорить, препираться, сердиться... билет оплачен, мы — в Ницце. Говорят, когда Гиббон закончил свою историю и перечел

последнюю страницу, ему стало грустно. Почти то же произошло и со мной, когда я получил письмо от Ш<омбурга>. К чему теперь моя высокая дипломатия, мои догадки, сложные расчеты, мои указания, моя предусмотрительность — дело выиграно... Пожалейте меня!

Баста! Твой слух впредь уже не будут терзать финансовые рассуждения.

Теперь о Ницце. Ни разу в жизни я еще не испытывал такого климатологического блаженства, как здесь, даже жара ему не помеха. Комнаты у нас очень просторные; мы раздеваемся вместо того, чтоб одеваться, мы купаемся в воде и в благо-вонном, теплом вечернем воздухе — и к черту эти дикие красоты Швейцарии, эти памятники режима геологического террора. Ни за что на свете не стану я больше подниматься на север, зато охотно спущусь, если хочешь, до Базиликаты; впрочем, в Пиэ-монте вполне можно жить, я нахожу здесь большую перемену, гораздо больше послаблений со стороны правительства, чем в 47 году, и больше возможностей. В общем, я очень доволен, что покинул Париж — этот всеевропейский рак — и сделал именно такой, а не иной выбор.

Лето можно прожить почти без затрат. Эмма до нас платила довольно дорого, теперь же хозяин (дом его совершенно пустует) согласен брать 10—12 фр. в день за комнаты, со столом и услугами включительно, и ничего не набавлять, когда ты приедешь. Мы можем остаться в гостинице месяц-два. Затем нанять дом у моря. Их здесь множество!

Ты не пишешь — говорят, ты сердит. Уж не обижен ли ты все еще на нас за письмо, которое ты написал?

Santo padre, justitia! ¹

На обороте: Георгу Гервергу.

51. Г. ГЕРВЕРГУ

28 или 29 (16 или 17) июня 1850 г.

29 ou 28.

J'attends de Zurich la description de l'arrivée du billet, l'effet magique, psychique, chique etc. En attendant je te remercie pour les dernières lettres. Mais que diable fais-tu donc à Zurich, ou par hasard est-ce que tu astrouvé là un perce-cœur quelconque, une Léontine helvétique au teint frais et aux dents noires, — il faut enfin motiver ou venir. — Si Reich<el> n'est pas parti, ne pourrait-on l'utiliser pour le pauvre B<akounine>, au moins lui faire parvenir de l'argent; si c'est possible — dis à ma mère qu'elle me prête ce que tu jugeras convenable, je pourrais

¹ Святой отец, будь справедлив (итал., лат.). — *Ред.*

même envoyer d'ici.— Pense à cela et réponds avec *Behutsamkeit*. Emma a des projets fantastiques — par malheur, ces choses ne se réalisent presque jamais. *Pia desideria!*

Dis-moi encore, comment envoyer à Kolatchek un article, quelle adresse et pourtant je voudrais te le lire avant d'envoyer. J'enverrai l'article en français, cela n'est pas une chose difficile de traduire.

J'ai commencé de nouvelles lettres. Ensuite il faut enfin raconter l'histoire de l'invasion des barbares de la rue Jérusalem chez Emma. Qu'en pense votre grâce?

Je salue tout le monde et m'éclipse.

На отдельном листке:

Agis comme on conseille à ce chien.

Перевод

29 или 28.

Жду из Цюриха описания того магического, психического, феерического и пр. действия, которое произвело прибытие билета. А в ожидании благодарю тебя за последние письма. Но какого черта сидишь ты в Цюрихе, уже не завелась ли у тебя там какая-нибудь зазноба, какая-нибудь швейцарская Леонтина со свежим цветом лица и черными зубами — короче говоря, нужно либо объяснить причину, либо приехать.— Если Рейхель еще не отбыл, то нельзя ли через него сделать что-нибудь для бедного Б<акунина>, хотя бы переслать ему денег; если это возможно — попроси мою мать одолжить мне столько, сколько ты сочтешь необходимым, я мог бы даже послать отсюда. Подумай об этом и ответь со всей *Behutsamkeit*!¹ Эмма строит фантастические планы — к несчастью, подобные вещи почти никогда не удается осуществить. *Pia desideria!*²

И еще скажи, как переслать Колачеку статью, по какому адресу; а все же хотелось бы, прежде чем отослать, прочесть ее тебе. Статью пошлю на французском языке — перевести ее не представляет трудностей.

Я принялся за новые письма. Затем надобно же, наконец, рассказать историю вторжения варваров с Иерусалимской улицы к Эмме. Что думает об этом ваша милость?

Передаю всем привет и исчезаю.

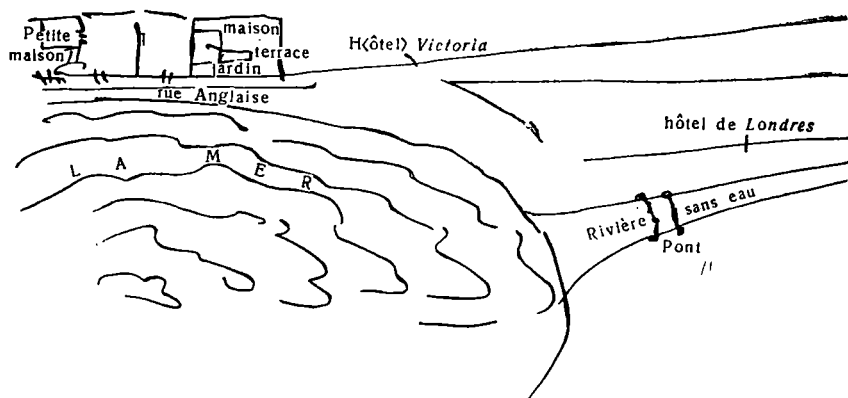
На отдельном листке:

Поступай так, как советуют этой собаке.

¹ осмоторительностью (нем.); ² Благоле желания (лат.).— *Ред.*

30 juin.

Cette lettre ne doit partir que demain; je suis en retard.— Rien de nouveau, j'ai un abcès dégoûtant sur la main gauche et j'ai trouvé avec Emma une maison magnifique que je prendrai peut-être. C'est-à-dire non magnifique dans le sens de la richesse, mais de la position. Il y a tout près une autre qui pourrait être occupée par toi, voilà le plan:

Il y a un troisième étage, mais un peu sale, dans la maison que j'ai choisie. 200 fr<ancs> par mois. Pour l'autre on demande 120. Pourtant je reste encore un mois à l'hôtel et je conseille à Emma de rester aussi, le bon marché est humiliant.

Elle a aussi beaucoup travaillé pour trouver une maison pour nous; je ne sais la remercier dignement qu'en te racontant la manière étrange comme elle s'y est prise. Elle a visité toutes les maisons qui ne peuvent pas être louées par nous, *ex<empli> gr<atia>* sur des montagnes où il faut avoir 50 domestiques et 25 mulets avec écuries, 40 chambres à coucher, et qui a été occupée par lord Devonshire pour 15 000 par été.

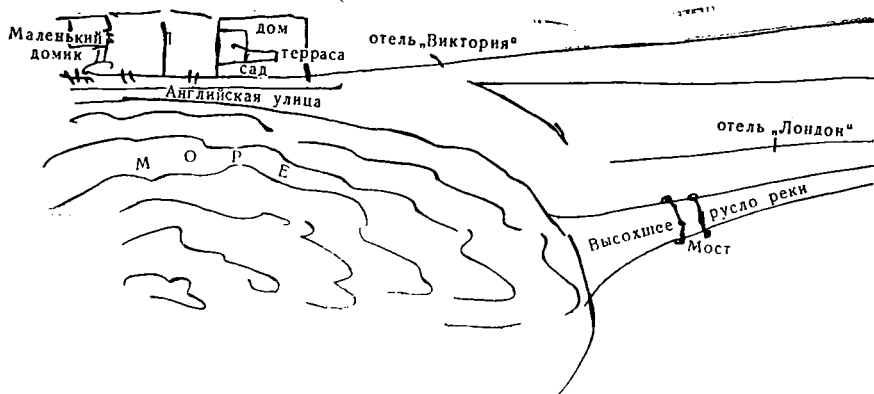
Emma nous a menés dans toutes ces maisons, en disant ensuite: «Vous voyez que cela ne nous convient pas». Comme la ville n'est pas grande, nous savions que les autres maisons étaient de celles entre lesquelles il fallait chercher. La couronne de ces recherches était hier. Emma nous dit qu'elle a trouvé quelque chose de magnifique, nous allons à *S. Hélène*. Arrivés là, et après avoir cherché avec le cocher, un cabaretier et un maçon une demi-heure, Emma nous dit que c'est à *S. Etienne*, nous allons; après quelques heures de voyage par des montagnes nous arrivons — un jardin magnifique. Une vue encore plus magnifique. La maîtresse de la

маaison, avertie dès le matin, nous attend, donne des fleurs aux enfants, propose un petit verre de lait de chèvre à moi... enfin je demande à voir la maison, la maîtresse dit qu'elle n'est pas encore *tout-à-fait* arrangée.—Nous disons: ce n'est rien, et nous allons. Figure-toi ma stupéfaction, lorsque je vois une 20 de maçons travaillant au rez-de-chaussée d'une maison *in spe*.— La maîtresse me dit avec la plus grande sûreté qu'elle pense finir la maison vers le mois d'octobre 1851 — et qu'on travaille déjà 3 mois. Edifié de cet édifice futur, j'ai mis fin aux recherches — on ne peut mieux trouver. Je te dis que c'est magnifique (quoique un peu sale; que veux-tu — l'Italie n'est pas Hollandaise).

Перевод

30 июня.

Это письмо будет послано только завтра; я опоздал.— Ничего нового, на левой руке у меня препротивный нарыв, и мы с Эммой нашли великолепный дом, который, может быть, я сниму. Т. е. великолепный не в смысле роскоши, а в смысле местоположения. Рядом есть другой, который мог бы занять ты, вот план:

В доме, который я выбрал, есть третий этаж, но грязноватый. 200 франков в месяц. За другой дом спрашивают 120. Однако я остаюсь еще на месяц в гостинице и советую Эмме тоже остаться — унизительно дешево.

Эмма тоже немало потрудилась, чтоб отыскать для нас дом, я не могу отблагодарить ее более достойно, чем рассказав тебе, каким странным образом она принялась за это дело. Она обошла все дома, которые мы снять не можем, ех^{empli} gr^{atia} расположенные на горе, где нужно держать 50 слуг и 25 мулов; такой дом с конюшнями и 40 спальнями снимал лорд Девоншир, плативший 15 000 за лето.

Эмма водила нас по всем этим домам, заявляя затем: «Вы видите, что это нам не подходит». Так как город невелик, мы поняли, что остальные — именно те, среди которых надобно искать. Но венец всего — это вчерашние поиски. Эмма объявила нам, что нашла нечто великолепное, и мы отправляемся в *Сент-Элен*; прибыв туда, после получасовых поисков с помощью кучера, трактирщика и каменщика, мы узнаем от Эммы, что это не здесь, а в *Сент-Этьене*. Отправляемся туда и после нескольких часов путешествия по горам прибываем — сад великолепен. Еще более великолепный вид. Хозяйка дома, предупрежденная с утра, ожидает нас, дарит детям цветы, а мне предлагает стаканчик козьего молока. Наконец я прошу показать дом, хозяйка отвечает, что он еще *не совсем* отделан. — Мы говорим, что это пустяки, и идем. Вообрази мое изумление, когда я увидел десятка два каменщиков, возводивших первый этаж дома *in spe*¹. Хозяйка с глубочайшей уверенностью заявила мне, что она думает закончить дом к октябрю 1851 года и что работы ведутся уже 3 месяца. Вид этого неоконченного здания убедил меня, что надо положить конец поискам — лучшего не найти. Говорю тебе, это великолепно (хотя и грязновато, но что поделаешь, Италия — не голландка).

53. Л. И. ГААГ и М. К. ЭРН

3 июля (21 июня) 1850 г. Ницца.

D<en> 3. Juli. Nizza.

Ich habe alle Rechnungen von Rotschild bekommen. Er fordert Ihren Brief, schicken Sie ihm gleich.

Jetzt um das Sie sich noch mehr freuen sollen, haben Sie beinahe 20 000 fr. gewonnen auf dem Coursus. Meine Billete waren gezählt 3 fr./85, Ihr Billet 4 fr. für ein Silberrubel. Die ganze Summe, die Ihnen gehört, ist 471 000 fr.

Gasser hat 6000 fr. für die Ausgaben genommen. Rotschild seine 3% und doch haben Sie 471.

Ich habe vor der Abreise kaufen lassen—100 000 fr. in Virginien, 100 000 fr. in New York. Und jetzt noch 50 000 in New York. Es bleiben also 221 000 — was wollen Sie damit machen, fragen Sie Georgs Meinung. Ich habe dem Rotschild geschrieben, daß ich auf Ihre Befehle warten werde.

Da die amerik<anischen> sehr teuer sind — 120 für 100, so bekommen Sie 5% anstatt 6%, das heißt, Sie haben jedenfalls 25 000 fr. Rente.

Was habe ich Ihnen früher gesagt, Sie wollten mir nicht glau-

¹ будущего (лат.).— *Ред.*

ben in 48.— Jetzt werde ich Ihr Banquier, und wie wir nur das Geld placieren, nehme ich auf mich die 25 000 zu zahlen.

Amen mit dieser verfluchten Geschichte, jetzt kann man ruhig sein.

Ich rate keine französische Papiere zu kaufen. Die englische geben 3%.— Aber ein Haus oder ein Land könnte man suchen.

Adieu. Ich habe schon ein Haus gemietet vom 1. August, ein Garten immens.

Kommt der Herr Doktor Herwegh oder nicht? Ich habe keine Zeit heute ihm zu schreiben¹.

Марья Каспаровна, прошу скорее к Рокшильд у письму. А уж вы на Зонненберге валялись, ну что его зуб?

Весь ваш.

Когда вы в Ниццу? Есть и для вас квартира.

54. Л. И. ГААГ

4 июля (22 июня) 1850 г. Ницца.

4. Juli. Nizza.

Dieser Brief wird an Ihren Geburtstag kommen.— Ich gratuliere und wünsche, daß wir nach 25 Jahren, alle gesund zusammen diesen Tag <über> die ganze Geschichte des Billets — lachen — Herwegh wird ohne Haare, ich ohne Füße, desto lustiger wird es gehen.

¹ Я получил от Ротшильда все расчеты. Он требует письма от вас. Пошлите ему тотчас же.

А теперь я хочу вас еще порадовать — вы выиграли на курсе почти 20 000 фр. По моим билетам платили 3 фр. 85 <сантимов>, по вашим 4 фр. за рубль серебром. Вся принадлежащая вам сумма равняется 471 000 фр.

Гассер взял за расходы 6000 фр. Ротшильд свои 3%, и все-таки у вас 471.

Перед отъездом я велел купить—на 100 000 вирджинийских и на 100 000 нью-йоркских. И теперь еще на 50 000 нью-йоркских. Итак, остается 221 000. Что вы желаете с ними делать, посоветуйтесь с Георгом. Я написал Ротшильду, что буду ждать ваших распоряжений.

Так как американские бумаги очень дороги — 120 за 100, вы получите 5% вместо 6%, это значит, что 25 000 фр. ренты вам во всяком случае обеспечены.

А что я вам раньше говорил, вы не хотели мне верить в 48 году.— Теперь я буду вашим банкиром и как только мы поместим деньги, я возьму на себя выплату этих 25 000 франков.

Аминь этой проклятой истории, теперь можно быть спокойным.

Французских бумаг я не советую покупать. Английские дают 3%. Но дом или землю можно было бы подыскать.

Прощайте. Я уже панял с 1 августа дом, сад огромный. А что господин доктор Гервег приедет или нет? Мне некогда сегодня ему писать (нем.).— *Ред.*

Hört man denn gar nichts aus Rußland? Wir erwarten Sie hierher. Schicken Sie die Bücher mit der Roulage nach der letzten Grenzstadt, oder auch grade nach Nizza. Aber viel besser selber über die Grenze zu bringen. Dann sieht man nicht. Man kann auch ein Depot irgendwo machen, nur näher als in Zürich.

Oder haben Sie vielleicht andere Projekten?

Wo ist Reichel?

Перевод

4 июля. Ницца.

Это письмо придет в день вашего рождения. Поздравляю и желаю, чтобы через 25 лет все мы, в добром здравье, вместе посмеялись в этот день над всей историей с билетом. Герверт будет без волос, я без ног, и тем веселее будет.

Неужели из России ничего не слышно? Мы ждем вас сюда. Отправьте книги через транспортную контору в ближайший к границе город или прямо в Ниццу. Но гораздо лучше самим перевезти через границу. Тогда не осматривают. Можно также устроить где-нибудь склад, только поближе, чем в Цюрихе.

А может быть у вас другие планы?

Где Рейхель?

55. Г. ГЕРВЕРТУ

7 июля (25 июня) 1850 г. Ницца.

Le 7 juillet. Nice.

Donc vous tous, y compris *unseren zarten Mozart-Reichel und Moritz Reichel*, vous n'avez pas eu assez de perspicacité pour vous être aperçus qu'il y avait une lettre perdue. Et pourtant vraiment il ne fallait pas de génie d'invention pour comprendre que la première lettre de Nice *devait* commencer par quelques mots sur l'arrivée. — Mais comme tu aimes à gronder, tu nous grondes pour la poste, tu me grondes pour les enveloppes même et les adresses. Le climat de Zurich agit mal sur tes nerfs.

La correspondance languit par manque de franchise de ta part, on n'écrit pas lorsqu'on attend tous les jours un homme; d'après tes lettres à Paris, j'étais sûr de te rencontrer ici deux, trois jours après mon arrivée. C'est ainsi qu'Emma t'attendait aussi. Je ne puis m'imaginer que la cause qui te retient se soit produite après notre départ de Paris. Donc tu savais bien, en nous poussant de deux mains à Nice, que tu n'y arriverais pas encore de si tôt. Moi j'ai perdu tout intérêt à écrire des lettres. La solitude est un peu exagérée ici, je voudrais de tout mon cœur te voir à Nice, mais je n'insiste pas, et je te jure que ce n'est pas un sentiment d'indifférence, mais ma profonde vénération pour la liberté de mes amis. — Ensuite il m'est impossible de ne pas te faire un reproche: pourquoi laisses-tu donc Emma t'attendre tous les jours —

pour moi je sais que cela me serait mille fois plus amer qu'une séparation de six mois. Ce qu'il y avait de dégoûtant dans ma dernière existence à Paris, c'était l'incertitude, mais une incertitude qui ne dépendait pas de moi; dès que le temps était venu (d'après ma conviction), j'ai su prendre une résolution. Prends en au moins pour dire, à peu près, que tu viendras au mois d'octobre... de mars... je ne sais quand, mais qu'on cesse de t'attendre chaque jour lorsqu'il n'y a pas de lettre.

As-tu écrit concernant Bak<ounine>; je te prie — écris un seul mot, par rapport aux hommes arrêtés — et cite l'exemple de Salvotti que j'ai cité.

J'ai écrit une petite notice sur le développement du libéralisme et de l'opposition dans la littérature russe. Cela doit être très intéressant par les faits. Mais je suis absolument sans livres, apporte-moi l'ouvrage de Melgounoff *Bilder aus der russischen Literatur von König* — n'oublie pas.

L'article pour Kolat<hek> est traduit par Emma. Mais je ne sais pas si le nouvel article *Sur la littérat<ure>* ne serait plus à sa place dans son journal. Haug m'a écrit de Kiel d'un article de Hauenschild concernant ma brochure — l'as-tu? — J'ai lu le 1 volume de Fallmerayer. C'est un homme de beaucoup d'esprit, d'une érudition immense, il connaît l'histoire russe mieux que nous autres, mais il s'arrête trop sur les descriptions de la nature, des pages entières de Bernardin <de> S. Pierre.

Réclame la lettre perdue, tu peux dire à la poste que tu as un avis sûr que deux lettres ont été expédiées (une à m-me Haag) le 24 juin de Nice.

Melg<ounoff> könnte sagen, wo Ogareff ist und ob er keine Hoffnung hat hierher zu kommen; dann müsste man ihm d<as> Mikroskop schicken.

Перевод

7 июля. Ницца.

Итак, ни у кого из вас, в том числе и у unseren zarten Mozart Reichel und Moritz Reichel, не хватило проицательности, чтобы заметить потерю одного письма. Но, право же, не нужно обладать особым воображением, чтобы понять, что первое письмо из Ниццы *должно* было начинаться несколькими словами по поводу приезда. Но поскольку ты любишь браниться, ты бранишь нас за неаккуратность почты, бранишь меня даже за конверты и адреса. Цюрихский климат дурно действует на твои нервы.

Наша переписка замирает из-за недостатка искренности с твоей стороны. Не стоит писать, когда ждешь человека со дня на день; судя по твоим письмам в Париж, я был уверен, что увижу тебя здесь через два-три дня после моего приезда. Тогда же ждала тебя и Эмма. Не могу себе представить, чтобы при-

чина, удерживающая тебя теперь, возникла после нашего отъезда из Парижа. Стало быть, когда ты настойчиво гнал нас в Ниццу, ты отлично знал, что сам не приедешь туда так скоро. Что до меня, то я потерял всякий интерес к писанию писем. Здесь, пожалуй, уж чересчур уединенно, я от всей души желал бы видеть тебя в Ницце, но я не настаиваю и клянусь, что это не из равнодушия, а из глубокого уважения к свободе своих друзей. Наконец, не могу не высказать тебе упрека: зачем ты заставляешь Эмму ждать тебя всякий день? Я знаю, что для меня это было бы в тысячу раз горше, чем разлука на полгода. В последнее мое пребывание в Париже всего противней была неопределенность, но эта неопределенность не от меня зависела. Как только (на мой взгляд) время пришло, я сумел приять решение. Решай же и ты, и хоть приблизительно скажи, когда приедешь — в октябре, в марте, — не знаю когда, но пусть перестанут ждать тебя каждый день, раз от тебя нет письма.

Написал ли ты о Бакунине? Прошу тебя, напиши же несколько слов о тех, кто арестован, и приведи пример Сальвотти, приведенный мною.

Я написал небольшую заметку о развитии либерализма и оппозиции в русской литературе. Это должно быть очень интересно благодаря приводимым фактам. Но у меня совершенно нет книг, привези мне работу Мельгунова «*Bilder aus der russischen Literatur*» v(он) König — *не забудь*.

Статья для Колачека переведена Эммой. Но я не знаю, не подойдет ли больше для его журнала новая статья «О литературе». Гауг писал мне из Килия по поводу статьи Хауеншильда о моей брошюре — есть ли она у тебя? — Я прочел первый том Фальмерайера, это человек большого ума, огромной эрудиции, он знает русскую историю лучше, чем кое-кто из нас, но он слишком увлекается описаниями природы — целые страницы в духе Бернардена де Сен-Пьера.

Потребуй на почте пропавшее письмо, можешь сказать, что имеешь точные сведения о двух отправленных 24 июня из Ниццы письмах (одно из них — г-же Гааг).

Мельгунов мог бы сообщить, где находится Огарев и действительно ли нет никакой надежды, что он сюда приедет; тогда нужно было бы послать ему микроскоп.

56. Г. ГЕРВЕГУ

10 июля (28 июня) 1850 г. Ницца.

10 juillet. Nice.

Tu as tellement raison concernant l'inconséquence tragique dans laquelle nous tous *mouvemur et sumus*, et individuellement tellement raison parlant de moi — que moi-même j'ai écrit

dans l'*Epilogue* que tu ne connais pas et qui est devenu vieux avant d'être imprimé. (Si Kolat<chek> le désire, je le lui pourrais envoyer, mais je crains Hoffm<ann>).

«Et nous, derniers chaînons qui rattachons deux mondes, sans appartenir in à l'un, ni à l'autre — nous n'avons aucun place aux tables qui sont dressées, nous sommes abandonnés à nos propres forces. Hommes de la négation pour le passé, hommes du doute pour l'avenir, au moins pour l'avenir prochain — nous n'avons ni domaine, ni port, ni travail dans le monde contemporain, nous sommes appelés à donner un témoignage de notre force et de notre complète inutilité. — Que faire donc? — S'en aller, abandonner le monde et commencer une existence nouvelle, donner l'exemple de la liberté individuelle aux autres en s'émancipant des intérêts d'un monde qui va à sa perte? — *Mais sommes-nous prêts à le donner?* Emancipés dans nos convictions, *sommes-nous libres* en réalité? N'appartenons-nous pas, malgré nous, à ce monde que nous détestons et par nos vices, et par nos vertus, par nos passions et par nos habitudes? *Que ferons-nous sur un sol vierge* — nous qui ne pouvons passer une matinée sans dévorer une dizaine de feuilles publiques. Nous sommes de mauvais Robinson, il faut l'avouer». — Avec tout cela Bamb<erger> avait le droit de dire que «ce n'est pas sérieux», c'est-à-dire que c'est un syllogisme et non une conduite, une pensée et non une résolution. Nous sommes dans la position des pédérastes, ils ont des remords, ils sentent qu'il y a quelque chose de sale dans leur commerce, et trahissent la raison (se dégradent donc à leurs propres yeux) ne pouvant résister à un entraînement habituel, — pour nous cet antre de corruption c'est la politique... Mais, parbleu, nous ne sommes ni morts, ni trop vieux, un grand pas vers le *sérieux* est fait par le changement de l'existence.

J'ai terminé le 1 vol<ume> de Fallmerayer. Je comprends que la lettre à Mazzi<ni> doit lui plaire encore plus que la tienne. C'est son idée à lui aussi, que Byzance sera le centre d'un monde gréco-slave. Mais il y a des fautes énormes chez lui, il juge d'après l'Anatolie et les chrétiens de Byzance le peuple russe. Il parle de la haine contre l'analyse et le scepticisme des chrétiens Orientaux, de leur mutisme complet. Tout cela n'existe pas en Russie. Le Russe est idolâtre, froid, lorsqu'il n'est pas civilisé. Avec la civilisation la première chose qui tombe c'est la religion. La noblesse russe est matérialiste, voltairienne. — Moi je suis prêt à lui écrire sur ce thème. Encore une faute, il ne tient pas compte de la révolution de Pierre le Gr<and>. — Le tzarisme était à Moscou effectivement byzantin; la pompe, l'extérieur, l'indolence, l'absolutisme muet, la ferveur religieuse — tout cela était de Constantinople. — Mais Pétersb<ourg> a jeté tout cela à tous

les diables. — Pierre le Grand qui allait la nuit ivre-mort, entouré de ses ministres, avec un tambour battre le rappel par les rues, Pierre I marié à une garce de Revel — a terminé complètement l'époque byzantine. Il a commencé l'empire athée, militaire, aucune religion — à l'exception de la religion *de l'Etat*, tout pour l'Etat. — Nicolas voudrait bien retourner — mais que faire avec la noblesse qui est entièrement conséquente aux principes de Pierre I?

Fallm(erayer) termine par une allocution aux rois d'Europe de se préparer à la grande lutte avec le monde gréco-russe — *e tanto poco tedesco*... la seule allocution qu'on puisse leur faire, c'est de les prier de s'en aller. Point de salut avec ces messieurs.

Dis donc à M. Kolat(chek) qu'il m'envoie son journal constamment (Nice, poste restante). Et n'oublie pas l'article de Bamb(erger) et celui de Fallmer(ayer). Je t'ai dit que j'écris à présent une petite lettre concernant la littérature russe — elle est aux ordres de Kolat(chek). Emma a traduit un article que je t'enverrai demain, mais je voudrais l'imprimer ensemble avec l'*Epilogue*, ces deux choses se complètent.

A présent de Lœwe. Il faut avoir une permission de Turin pour être officiellement médecin. Mais on n'y regarde pas de trop près si on l'a ou non. On permet d'avoir une pratique chez les étrangers sans permission de Turin. L'été il n'y a pas de pratique. Les Anglais ont deux assassins qui leur fourrent des livres et des kilos de calomel, d'iode, d'arsenic, et d'autres moyens doux dans le genre d'un coup de pistolet tiré à bout portant. Les aborigènes ont deux médecins indigènes qui, effrayés de l'audace des Anglais, ne donnent absolument rien que des bains de mer. Il y a beaucoup d'étrangers chaque hiver — nous ferions des réclames, je réponds pour les Russes radicaux... mais... mais tout cela est chanceux. Tu ne peux pas répondre pour les Allemands — les Allemands sont si scrofuleux qu'ils ne sont jamais ni malades ni bienportants: *ex(empli) gr(alia)* Kapp.

Eh bien, jamais James Fazy ne pourra obtenir le prénom anglican de «J'aime sans terre». Jetzt kann er 2 m(al) wöchentlich zu den Müttern gehen. — *Evviva!* A présent il pourrait bien m'encitoyonner, j'achèterai un mètre de terrain ex-militaire.

Adieu. Tu penses qu'Emma a une volonté de fer... Vous deux vous avez encore des côtés tout à fait enfantins, et l'*immaginativa calda*... — j'aime beaucoup Emma, mais je ne me suis pas aperçu d'une volonté de fer. Activité énergique, oui, plus de sens réel que chez toi — cela peut être encore. — Pour aller chez B(akounine) il faut encore, outre tout cela, être moins péné-

trable, ne pas s'abandonner pour un instant etc. Au reste on ne parle plus de l'intention de le livrer à Nicolas.

Recevez l'expression de mes sentiments.

Перевод

10 июля. Ницца.

Ты до такой степени прав в отношении трагической непоследовательности, в которой все мы *movemur et sumus*¹, и, в частности, до такой степени прав, говоря обо мне, что я и сам написал это в «Эпиллоге», которого ты не знаешь и который, еще не выйдя из печати, успел состариться! (Если Колачек хочет, я мог бы его послать ему, но боюсь Гофмана).

«А нам, последним звеньям, связующим два мира и не принадлежащим ни к тому, ни к другому, — нам нет места за накрытыми столами, мы предоставлены нашим собственным силам. Люди, отрицающие прошедшее, люди, сомневающиеся в будущем, по крайней мере в ближайшем будущем, — мы не имеем ни угла, ни пристанища, ни дела в современном мире, мы призваны дать свидетельство своей силы и полной своей ненужности. — Что же делать? — Идти прочь, покинуть мир и начать новое существование, дать другим пример индивидуальной свободы, отрешившись от интересов мира, идущего к гибели? — *Но готовы ли мы дать его?* Свободные в своих убеждениях, свободны ли мы на деле? Не принадлежим ли мы, вопреки нашей воле, к этому ненавистному нам миру и своими пороками, и своими добродетелями, и своими страстями, и своими привычками? *Что станем мы делать на девственной земле*, мы, которые не можем провести и утра, не проглотив десятка газет. Мы, надо сознаться, плохие Робинзоны». — Все это давало Бамбергеру право сказать, что «это несерьезно», иными словами, что это силлогизм, а не руководство к действию, мысль, а не решение. Мы попали в положение педерастов — они испытывают угрызения совести, они чувствуют, что в их поведении есть что-то грязное, но поступают вопреки рассудку (роняя себя, следовательно, в собственных глазах), не будучи в силах устоять перед привычным влечением; для нас же вертепом разврата является политика. Но, черт побери, мы еще не мертвы и не слишком стары, большой шаг в сторону *серьезного* сделан переменной жизни.

Я кончил первый том Фальмерайера. Я понимаю, что письмо к Мадзини должно ему нравиться еще больше, чем письмо к тебе. Он тоже разделяет мысль, что Византия станет центром греко-славянского мира. Но он допускает огромные ошибки: он судит о русском народе по Анатолии и христианам

¹ движемся и пребываем (лат.). — *Ред.*

Византии. Он говорит об отвращении восточных христиан к анализу, к скептицизму, о полной их безгласности. Ничего этого нет в России. Русский человек остается идолопоклонником, остается равнодушным, пока он не цивилизован. Первое, что рушится с цивилизацией, это религия. Русские дворяне — материалисты, вольтерьянцы. Я готов писать к нему на эту тему. И еще ошибка — он не считается с переворотом, совершенным Петром Великим. В Москве царизм был действительно византийским: пышность, обличие, апатия, немой абсолютизм, религиозное рвение — все это пришло из Константинополя. — Но Петербург послал все это ко всем чертям. Петр Великий, отправлявшийся ночью, в окружении своих министров, мертвецки пьяный, бить в барабан, сзывая по улицам сбор, — Петр Первый, женатый на ревельской девке, решительно положил конец византийской эпохе. От него ведет начало атеистическая военная империя — никакой религии, кроме религии *государства*, все для государства. Николаю очень бы хотелось повернуть вспять, но как быть с дворянством, которое всецело придерживается петровских принципов?

Фальмерайер заканчивает, *e tanto poco tedesco*¹, кратким призывом к королям Европы готовиться к великой битве с греко-русским миром... но единственный призыв, с которым можно было бы к ним обратиться, — это просить их убратся вон. От этих господ нечего ждать спасения.

Скажи же г. Колачеку, чтобы он регулярно высылал мне свой журнал (Ницца, до востребования). И не забудь статью Бамбергера и статью Фальмерайера. Я говорил тебе, что пишу сейчас небольшое письмо о русской литературе — оно к услугам Колачека. Эмма перевела статью, которую я завтра тебе отправлю, но мне хотелось бы напечатать ее вместе с «Эпилогом» — обе эти вещи дополняют одна другую.

А теперь о Лёве. Чтобы официально быть врачом, надо получить разрешение из Турина. Но есть ли оно или нет — на это здесь смотрят сквозь пальцы. Заниматься практикой среди иностранцев допускается и без туринского разрешения. Летом практики нет. У англичан есть тут два душегуба, которые пичкают их фунтами и килограммами каломели, йода, мышьяка и прочих нежных средств, действующих вроде пистолетного выстрела в упор. У коренных жителей есть два местных врача; напуганные решительностью англичан, они ничего, кроме морских купаний, не прописывают. Каждую зиму приезжает много иностранцев — мы создали бы рекламу, за русских радикалов я ручаюсь... но... но все же это дело рискованное. За немцев ты не поручишься — немцы такие золотушные, что ни-

¹ и немножко на немецкий лад (итал.). — *Ред.*

когда не бывают ни больны, ни здоровы: ex<empli> gr<atia> Капп.

Ну что ж, Джеймс Фази никогда не дожидется англиканского имени «Джеймс безземельный». Jetzt kann er 2 m<al> wöchentlich zu den Müttern gehen.—Evviva!¹ Теперь он вполне мог бы меня огражданить, я куплю метр земли в бывшей военной зоне.

Прощай. Ты полагаешь, что у Эммы железная воля.— У вас обоих есть еще много совершенно ребяческого и immaginativa calda²... я очень люблю Эмму, но железной воли у нее не заметил. Живость, энергия — не спорю, больше здравого смысла, чем у тебя,— это пожалуй. Но чтобы отправиться к Б<акунину>, надобно, кроме того, обладать большей непроницаемостью, ни на минуту не терять самообладания и т. п. Впрочем, о выдаче его Николаю уже нет и речи.

Примите выражение моих сердечных чувств.

57. Г. ГЕРВЕГУ

11 июля (29 июня) 1850 г. Ницца.

11 juillet. Nice.

Avant tout — les faits, ensuite viendra une homélie amicale.— Lorsque j'ai trouvé la maison que nous'avons louée, j'ai si bien pensé à toi, que j'en étais sûr que vous prendriez le second. Cette maison a déjà été visitée par Emma avant notre arrivée— le second lui déplaisait. Dans toutes les autres il n'y avait aucune possibilité. Devais-je insister?— Emma cherchait une habitation d'un Nabab des Indes pour 1200 fr<ancs> par an. Cela serait la répétition de la rue du Cirque. Elle en est revenue maintenant, voyant que pour ce prix, il est impossible de louer quelque chose de mieux. — L'appartement est vide, à mon avis il est bon, il y a 4 ch<ambres> à coucher et un salon. Encore une fois, je n'insistais pas, parce que je voyais d'un côté que l'appart<ement> ne plaisait pas à Emma, et de l'autre — pas le moindre désir d'en avoir un dans une même maison. Nous avons cherché tout près. Je ne savais pas que traverser une rue ou une ville fût la même chose p<our> toi.

Moi, je crois que c'est un pas très grand de fait que j'ai loué cette maison, et que nous l'habiterons avant ton arrivée. D'après ta lettre je prévois que dans le cas contraire, nous aurions la répétition de Veytaud.— Moi, je ne me doutais pas le moins du monde de cette aversion contre la rue Anglaise. Emma a regardé une 50<-aine> de maisons, moi de même. Nous

¹ Теперь он может дважды в неделю посещать матушек.— Ура! (нем. и итал.); ² пылкое воображение (итал.).— Ред.

n'avons pas même pensé aux maisons près du port avec une puanteur dégoûtante,— de tout ce que nous avons vu les meilleures maisons sont dans le quartier Anglais, avec des jardins et des vues magnifiques. Cela commence à te déplaire — l'appartement, c'est assez probable, ne te plaira non plus, il faut y penser à présent, pour ne pas en parler une année entière tous les jours.

A présent, puisque la chose est terminée pour nous, tu auras au moins le bon goût et l'humanisme de trouver que c'est bon, que ça va. Et quant à toi, l'appartement restera vide jusqu'à ton arrivée.— Emma a voulu 2 secondes après ta lettre courir là-bas, arrêter, contracter, déménager. Cela n'est pas mon avis — tu n'as pas le caractère ni assez accommodant, ni même assez tempérant pour ne pas nous punir ensuite. Et faut-il te le dire, cela m'ennuie; faut-il donc s'arrêter dans la vie devant chaque chambre, rue, plat, sauce, *mit Grübeleien*, faut-il donc attacher des poids énormes à chaque pas, lorsque nous en portons assez sur les épaules.— Il y aura des inconvénients, je te le prédis; ces inconvénients ont une cause palpable — l'état financier, si tu pouvais le changer, autre chose, mais comme c'est assez impossible — *Mut des Lebens*, et *vorwärts*, en secouant la poussière des bottes — sans dépenser ni colère, ni nerfs.— Voilà l'homélie. Si tu pouvais lire au fond de mon âme, avec quel désintéressement profond je voudrais, pour vous (sans même parler relativement à moi) que les roues de l'existence soient plus graissées chez vous, et que le sabot des caprices et des petites misères ne les arrêtât point. C'est toujours une mouche dans une coupe...

Tu vois que je suis fort sur l'allégorie, j'ai quelque chose d'oriental, depuis qu'Edmond est allé — au Sud.

Aujourd'hui nous allons dans la vallée de St. André — première journée possible — c'est à dire, chaleur supportable.

Compliments et saluts à toute la maison de l'oiseleur.

Перевод

11 июля. Ницца.

Сначала — факты, затем следует дружеское наставление.—

Когда я нашел дом, который мы сняли, я, конечно, подумал о тебе и был уверен, что вы займете третий этаж. Но Эмма осматривала уже этот дом до нашего приезда — третий этаж ей не понравился. В остальных устроиться невозможно. Следовало ли мне настаивать?— Эмма искала за 1200 франков в год дворец индийского набоба. Это было бы повторением улицы *Cirque*. Теперь она раздумала, увидев, что за подобную цену невозможно нанять что-либо лучшее.— Помещение пустует, по-моему, оно хорошее, там есть четыре спальни и гостиная.

Повторяю, я не настаивал, ибо, с одной стороны, видел, что квартира не нравится Эмме, а с другой — что у нее нет никакого желания снимать квартиру в том же доме. Мы искали где-нибудь поблизости. — Я не знал, что для тебя перейти улицу или пройти через весь город — одно и то же.

Я же считаю очень удачным шагом, что снял этот дом и что мы поселимся в нем до твоего приезда. Судя по твоему письму, я вижу, что в противном случае нам грозило бы повторение Вето. Я же меньше всего подозревал о таком отвращении к *gue Anglaise*. Эмма осмотрела домов 50, я тоже. Дома близ порта, с его отвратительным зловонием, нам и в голову не приходили. Самые лучшие из всех, что мы видели, — в английском квартале, с садами и великолепными видами. Все это уже тебе не нравится — квартира, весьма возможно, тебе тоже не понравится. Нужно сейчас подумать хорошенько, чтобы после не говорить об этом целый год изо дня в день.

Надеюсь, что теперь, когда для нас вопрос решен, у тебя хватит по крайней мере такта и гуманности согласиться, что это неплохо, что это сойдет. А что касается тебя, то квартира останется незанятой до твоего приезда. Получив от тебя письмо, Эмма уже через 2 минуты готова была туда бежать, снимать, заключать контракт, переезжать. Я другого мнения — ты не так покладист и даже не так сдержан, чтобы не казнить нас потом. Нужно ли говорить, что это мне надоело? Нужно ли в жизни останавливаться *mit Grübeleien*¹ перед каждой комнатой, улицей, блюдом, соусом; нужно ли на каждом шагу подвязывать к ногам тяжелый груз, когда его и на плечах достаточно? — Неудобства будут, говорю тебе наперед, и причина их очевидна — это финансовое положение. Если бы ты мог его изменить, другое дело, но так как это почти невозможно, то вооружись *Mut des Lebens* и *vorwärts*, отряхнув прах со своих сапог, не растрчивая ни своего гнева, ни нервов. — Это и есть наставление. Если бы ты мог прочесть в тайнике моей души, с каким глубоким бескорыстием я желаю вам (говоря даже безотносительно к себе самому), чтобы колеса вашей жизни были лучше смазаны, чтобы капризы и безделицы не служили им тормозом и не останавливали их. Ведь это — как муха в бокале вина...

Видишь, сколь я силен в аллегориях, во мне появилось что-то восточное с тех пор, как Эдмон отправился на юг.

Сегодня мы едем в долину Сент-Андре — первый сносный день, т. е. жара терпима.

Приветы и поклоны всему дому птицелова.

¹ мудрствуя (нем.). — *Ред.*

13 juillet.

Tu es malade ou tu deviens un peu troglodyte, ce qui n'est pas étonnant à Zurich, on ne peut pas devenir trop... glodyte demeurant face à face avec Schibel — pourquoi donc cette longue histoire, ces récriminations pour la maison, et pourquoi ce manque de confiance? Moi, à ta place, j'aurais dit: «*Certes il y a une cause* qu'ils n'ont pas pris les appartements dans une même maison, il faut s'arranger de manière à avoir un appart(ement) tout près». Toi, tu te penses abandonné et je ne sais quoi, tu veux rester à Zurich, aller à Genève, je ne sais où. Tu ne feras rien de tout cela, j'ai plus de confiance en toi qu'en tes paroles — mais pourquoi faire ces alarmes? Et Emma s'est habituée à cela, et vous vous tourmentez par une surexaltation nerveuse — je commence même à soupçonner que cela vous fait plaisir, — ces désespoirs, ces paroles atroces, ces résolutions qui ne s'exécuteront jamais. — Mais le comble de l'injustice, c'est l'inculpation que tu me fais, à moi.

Moi j'étais le seul qui dès le premier jour — jusqu'au 13 juillet — n'avait qu'une opinion, qu'il fallait prendre une maison ensemble... Sans parler de l'évidence que dans nos relations, étant dans une ville étrangère, il faut être réunis, je prenais pour une folie de tenir deux maisons, lorsqu'on peut tenir une. La première fois lorsque j'étais dans la maison de Sue, j'ai regardé les 2 étages. Le 2 n'a pas plu à Emma — *primo* (et je le comprends de tout mon cœur), elle ne peut se faire encore aux 2000 Tal(ers). Je voyais avec grande tristesse que ses recherches n'aboutissent à rien; ce n'était pas à moi de dire: «Vous cherchez des logements trop chers pour vous» — c'était à elle d'y penser. *Secondo*. — Tu es un grand psychologue. Mais cela n'empêche en rien de faire des appréciations irréelles — en quoi, par quoi as-tu vu qu'Emma voulait demeurer dans une même maison? Je ne le crois pas. Elle a un exclusivisme, très compréhensible du reste, et un exclusivisme nourri en elle non seulement par l'amour pour toi, mais aussi par un amour propre un peu napoléonien. — Elle nous aime, j'en suis si sûr, si convaincu, que si un jour elle me disait le contraire, je ne le croirais pas. Mais pour elle, vivre sous un même toit ou sous deux, est une question secondaire. A présent, en véritable orthodoxe docile, elle le désire. — Pourquoi n'as-tu pas pensé à tout cela, avant de lancer tes flèches de Vatican d'Oberschönenberg? Je ne t'en veux pas pour tes doutes — je sais tout ce qu'il y a d'amitié même dans le doute. Mais finissons en avec ces scènes de jeunes filles qui se querellent pour se réconcilier. J'adore la sérénité dans la vie. Sous ce rapport je pourrais citer

l'harmonie réelle, c'est-à-dire pratique, qui existe entre moi et Natalie — les grandes questions individuelles sont terminées entre nous — il y a un calme de confiance et de confiance qui n'est pas enfin troublé par les petites disputes qu'on peut avoir tous les jours. Nous pourrions passer cette année à Nice d'une manière magnifique — à qui sera la faute si nous ne le faisons pas. — C'est un fardeau immense que d'éduquer tous les côtés de l'âme jusqu'à cette irritabilité qui fait crier «au feu» à la première appréhension — n'avons-nous pas assez de malheurs non inventés?

Pourquoi louer une maison pour 10 mois? — *Solution.* Parce qu'à Nice celui qui voudrait prendre non par saisons, mais par mois payerait le double, et celui qui prend pour l'hiver — paie très peu le reste. Et comme en général la vie provisoire coûte plus cher, j'ai conseillé de louer non seulement pour 10, mais pour 12 mois. Ce qui a été fait. — Plus de papier. Adieu.

Перевод

13 июля.

То ли ты болен, то ли становишься немного троглодитом — в Цюрихе это неудивительно: живя друг против друга с Шибелем, слишком... глодитом стать невозможно — к чему же эта длинная история, эти обиды из-за дома, и почему такое недоверие? — На твоём месте я бы сказал: «*Наверное, есть причина*, почему не сняли квартиру в одном и том же доме, надо устроить так, чтобы найти квартиру поблизости». А ты считаешь, что тебя бросили и не знаю что ещё, ты хочешь остаться в Цюрихе, поехать в Женеву, не знаю ещё куда. Ничего этого ты не делаешь, я больше доверяю тебе самому, чем твоим словам, но к чему бить тревогу? А Эмма уже привыкла к этому, и вы мучаете себя нервной сверхэкзальтацией — я даже начинаю подозревать, что все это — и взрывы отчаяния, и жестокие слова, и решения, которые никогда не будут выполнены, — доставляет вам удовольствие. Но верх несправедливости — это обвинение, брошенное мне.

Только я один с первого же дня — по 13 июля — был того мнения, что надобно снять дом сообща... Не говоря уже о том, что при наших отношениях, находясь в чужом городе, нам, совершенно очевидно, нужно быть вместе, — я считал безумием держать два дома, если можно держать один. Когда я был в доме Сю в первый раз, я осмотрел оба этажа. *Primo*, третий этаж Эмме не понравился (я всем сердцем ее понимаю), она ещё не привыкла довольствоваться 2000 талеров. Я с глубоким огорчением видел, что ее поиски ни к чему не приводят, но не мне же было говорить: «Вы ищете квартиры слишком для вас дорогие» —

она сама должна была об этом подумать. Secondo. — Ты великий психолог, но это нисколько не мешает тебе высказывать самые невероятные суждения. Где, в чем ты усмотрел, что Эмма хотела поселиться в том же доме? Я этого не думаю. В ней живет дух исключительности, вообще говоря очень понятный, — дух исключительности, питаемый не только любовью к тебе, но и самолюбием, чуть-чуть наполеоновским. Она нас любит, я в этом так уверен, так убежден, что если б она когда-нибудь сказала мне обратное, я б этому не поверил. Но для нее жить с нами под одной или под разными крышами — вопрос второстепенный. Теперь она, как истая и послушная правояз, этого уже хочет. Почему ты не подумал об этом, прежде чем метать ватиканские стрелы из своего Верхнекрасногорья? Я не сержусь на тебя за твои сомнения, я знаю, сколько дружбы кроется даже в сомнении. Но давай покончим со сценами, приличествующими молоденьким девушкам, которые ссорятся для того, чтобы мириться. В жизни я страстно люблю ясность, здесь я мог бы сослаться на подлинную, иначе говоря, действительную гармонию, существующую между мной и Натали, — большие вопросы личного порядка между нами решены, у нас воцарился покой — покой, основанный на доверии, и те мелкие разногласия, которые могут возникать в повседневной жизни, уже не в силах нарушить это доверие. Мы могли бы чудесным образом провести в Ницце нынешний год — кто будет виноват, если мы этого не сделаем? — Довести себя до той степени душевной возбудимости, когда при малейшем испуге начинаешь кричать «пожар», значит взвалить на себя огромное бремя: разве у нас мало несчастий, чтобы их еще придумывать?

Почему надо снимать дом на 10 месяцев? *Ответ:* потому что тот, кто пожелает снять в Ницце дом не посезонно, а помесечно, заплатит вдвое, тот же, кто снимет на зиму, платит за оставшиеся месяцы совсем немного. А так как обычно временное пребывание обходится дороже, я посоветовал снять не только на 10 месяцев, но на год, что и было сделано. — Бумага кончилась. Прощай.

59. Г. ГЕРБЕГУ

15 (3) июля 1850 г. Ницца.

15 juillet.

L'ultima lettera a Zurigo.

Cher Georges, *Ende gut alles gut* — viens ici et laisse à Zurich toutes les *Grubeleiken*. Tu as voulu un étage dans la même maison — tu l'as, tu as voulu un jardin commun, tu en as un comme deux. Tu as même plus ce que tu as voulu — la rue Anglaise que tu n'as pas voulue; ch bien, va prendre une place dans la diligence. Moi je refuse complètement, sans intervention de force

majeure (comme incendie, guerre, peste, démosocio...) d'écrire à Zurich.

Ma femme m'a lu ta dernière lettre — elle devait le faire, cela serait presque une trahison de ne pas me faire part de tes doutes étranges sur mon compte. J'en étais profondément chagriné. — Mais qu'as-tu donc, *caro mio*, tu prends mes reparties, mes intolérances, enfin mes impatiences pour une preuve que moi j'ai quelque rancune contre toi. Tu es dans l'erreur la plus profonde. Tout ce que j'avais sur le cœur, je l'ai écrit, je l'ai écrit le même jour — mais je n'avais pas de rancune. Et pourquoi — suis-je fou? Quelle dose de dureté ingrate tu devais me supposer — non, non, tu n'y crois non plus.

Vous avez un mauvais laps de chemin à passer, j'ai cru qu'il ne fallait pas augmenter par des maux fantastiques des maux véritables. — Depuis mon arrivée à Paris, je répétais la même chose. — Laissons cela — à quoi bon ce rôle d'ami perroquet, d'ami aumônier — quelque chose restera, tu y penserás quelquefois. Quand je regarde cette agitation, que ta correspondance soutient entre Emma et toi — faut-il te le dire, un sourire me vient sur les lèvres, en pensant qu'au commencement de l'hiver j'en étais aussi agité. — En attendant, ni toi, ni elle ne pensent, en vérité, à une nécessité très prosaïque de fixer votre manière de vivre, le peu d'argent s'en va dans ce trouble, dans cette agitation stérile. Comment palper à chaque instant, mettre en question à chaque lettre toutes les bases de votre existence?

Je ne m'approche pas trop légèrement des hommes, mais une fois lié avec eux, je tiens cela pour un fait, le jeu de Gretchen — «*liebt mich, liebt mich nicht*» — n'était possible qu'au commencement — chez vous cela continue.

Subjectivement j'étais souvent froissé par ce que j'ai appelé dans une de mes dernières lettres l'intempérance du style. Je trouve qu'il y a quelque chose de l'est de traiter tout de suite son ami en goujat. Comprends-tu que c'est la même chose que de flétrir l'amour d'une femme en lui reprochant l'infidélité — à tort et à travers. On peut dire que c'est de l'amour outré... Mais... mais... j'aime avec fanatisme l'indépendance, même dans les affections.

Donc. Prends une place dans la diligence. — Aujourd'hui c'est le 15. Le 1 août nous serons installés dans la maison Sue — je te donne cette quinzaine, pas plus.

Ordre du jour donné

Sous les Alpes Maritimes

Il 15 luglio.

Merci pour les renseignements. Rotsch<ild> m'a proposé encore à Paris l'emprunt piémontais — je n'ai pas voulu. Je

prendrai, au reste, des notes. Il ne vous donnera jamais les 3%. Mais à quoi bon se presser, à présent cette affaire a perdu tout l'intérêt; l'argent est sauvé, de manière ou d'autre on pourra le placer. — Bamberger qui a pris des renseignements à Londres ne conseille que l'Amérique. — Nous verrons.

L'article de Fallmerayer m'intéresse. La lettre à toi est attaquable parce qu'elle est peu développée. Mais je suis prêt à défendre la pensée dirigeante avec acharnement et respect pour un homme comme Fallmerayer. — J'ai lu moi-même dans la *Gazette d'Augsbourg* l'infamie concernant Bakounine et voilà comment. «*Prague*. Des bruits sans fondement disent que B<akounine> sera livré à la Russie, et s'étonnent que l'Autriche a pris sur elle le rôle d'exécuteur de hautes œuvres — tout cela est une invention grossière. B<akounine> a été amené à Prague pour être confronté avec d'autres accusés politi<ques>. — La nécessité de cette démarche est complètement justifiée, déjà il y a une vingtaine d'arrestations faites sur les dépositions de B<akounine>...» Je réponds pour le sens, j'ai lu cela ici vers le 1 juillet, on peut donc retrouver...

Pour que tu ne fasses point d'illusion, je dois t'avertir les larmes au yeux et le cœur fendu de douleur, qu'on ne peut plus boire du vin de Bourgogne (quoiqu'il soit très bon) — ni cognac, ni bourgogne, cela chauffe tellement, qu'on craint l'apoplexie. Mais il y en a de très bon bordeau, et, chose étrange, le climat pousse l'homme (*das Ebenbild Gottes*) — au bordeau ici...

Enfin — est-ce que l'arrivée de Vogt est sûre? Si Löwe venait avant lui, il pourrait aussi donner des leçons.

Adieu.

J'ai lu avec vénération pour notre sympathie que la mort de Sir R. Peel nous a fait tout de suite penser à Adèle de Genève. — Mais je crois que James le Territorial peut à présent la consoler — au moins avec du gravier.

Перевод

15 июля.

L'ultima lettera a Zurigo¹.

Дорогой Георг, Ende gut alles gut² — приезжай сюда и оставь в Цюрихе все свои Grübeleien³. Тебе хотелось снять этаж в том же доме — этаж в твоём распоряжении, тебе хотелось, чтоб у нас был общий сад — в твоём распоряжении сад, равный по величине двум. Ты получил даже больше того, чего желал, — Английскую улицу, которой не желал, так садись же поскорее в дилижанс. Что до меня, то я категорически отказываюсь, если только не случится какое-либо чрезвычайное происшествие (вроде пожара, войны, чумы, демосии...), писать в Цюрих.

¹ Последнее письмо в Цюрих (итал.); ² все хорошо, что хорошо кончается (нем.); ³ раздумья (нем.). — *Ред.*

Моя жена прочла мне твое последнее письмо — она должна была это сделать: не сообщить мне о твоих странных сомнениях на мой счет было бы почти предательством. Они меня глубоко огорчили. — Но что с тобой, саго mio, ты принимаешь мои возражения, мою нетерпимость, наконец, мое нетерпение за доказательство того, что я затаил какую-то обиду на тебя. Ты глубоко ошибаешься. Обо всем, что у меня на сердце, я написал, — написал в тот же день, но никакой обиды я не затаил. Да чего ради, разве я сумасшедший? Сколько же черствой неблагодарности ты должен был предполагать во мне — нет, нет, ты сам это больше не веришь.

Впереди у вас трудные времена, я полагал, что не надобно прибавлять к действительным неприятностям несуществующие. С самого моего приезда в Париж я повторял одно и то же. Оставим это, к чему играть роль друга-попугая, друга-исповедника, — кое-что в памяти сохранится, и ты нет-нет да и задумаешься над этим. Должен признаться, что, видя возбужденное состояние, в котором твоя переписка с Эммой держит вас, я не могу не улыбнуться, вспоминая, как в начале зимы она и меня приводила в волнение. А пока ни ты, ни Эмма по-настоящему не думаете о весьма прозаической необходимости ввести в определенные рамки свой образ жизни, и небольшие средства тают среди этих душевных тревог, среди этих бесплодных волнений. Можно ли каждую минуту, в каждом письме затрагивать и поднимать все основные вопросы вашего совместного существования?

Я не очень легко схожусь с людьми, но, однажды сблизившись с человеком, я считаю это за совершившийся факт: играть, как Гретхен, в «*liebt mich, liebt mich nicht*» можно только вначале, у вас же это все еще продолжается.

Меня часто корбило то, что я назвал в одном из последних своих писем невоздержанностью стиля. Я нахожу, что как-то легкомысленно обращаться, не задумываясь, с другом, словно с негодяем. Понимаешь ли, это все равно, что надругаться над любовью женщины, упрекая ее ни за что ни про что в неверности. Можно сказать, что это от чрезмерной любви, но... но... я фанатично люблю независимость, даже в привязанностях.

Итак, садись в дилижанс. — Сегодня 15-е число. 1 августа мы поедем в дом Сю — предоставляю тебе эти две недели, не больше.

Сей приказ дан
У приморских Альп

Il 15 luglio¹.

Спасибо за присланные сведения. Ротшильд предлагал мне еще в Париже пизмонтский заем, я не захотел. Впрочем, я наведу

¹ Сего 15 июля (итал.). — *Ред.*

справки. Он никогда вам не даст 3%. Но зачем же торопиться, теперь это дело потеряло весь интерес, деньги спасены; так или иначе, их можно будет куда-нибудь поместить. Бамбергер, который навел справки в Лондоне, советует только американские бумаги. — Посмотрим.

Статья Фальмерайера меня интересует. Уязвимое место моего письма к тебе — недостаточная полнота изложения. Но при всем уважении к такому человеку, как Фальмерайер, я готов яростно защищать основную идею. — Я сам читал в «Аугсбургской газете» гнусность о Бакунине, а именно: «Прага. По недостоверным слухам, Б<акунин> будет выдан России, и вызывает удивление, что Австрия взяла на себя роль палача, — все это грубая ложь. Б<акунин> был привезен в Прагу для очной ставки с другими политическими обвиняемыми. — Необходимость такой меры полностью себя оправдала. В результате показаний Б<акунина> уже арестовано два десятка человек». За смысл я ручаюсь, я читал это здесь числа 1 июля — значит, можно отыскать.

Чтобы ты не строил себе иллюзий, я должен предупредить тебя со слезами на глазах и с разбитым сердцем, что бургундское (хотя оно и очень хорошее) больше пить нельзя — ни коньяк, ни бургундское: они так горячат, что можно опасаться апоплексического удара. Но есть очень хорошее бордо и, как ни удивительно, здесь сам климат толкает человека (das Ebenbild Gottes ¹) в бордель...

И, наконец, действительно ли Фогт приедет? Если бы Лёве приехал раньше его, он тоже мог бы давать уроки.

Прощай.

Прочел, проникнувшись уважением к средству наших чувств, что смерть сэра Р. Пилля заставила нас сразу же подумать о женеваской Адели. — Но я полагаю, что Джеймс Земельный может теперь ее утешить — по крайней мере песочком.

60. Г. ГЕРВЕГУ

17 (5) июля 1850 г. Ницца.

Егору Васильевичу.

Рукой Н. А. Герцен:

17 Сер<еда>.

Я с восторгом читала ваши выписки из Веневитинова, во-первых, потому, что они сделаны вами, а потом — это напомнило мне так живо мою молодость. Александр подарил мне Веневитинова, это был первый поэт, которого я узнала, полюбила, в котором нашла бездну симпатичного; даже я была влюблена в его портрет, который с него сняли уже с мерт-

¹ образ и подобие божие (пем.). — Ред.

вого, и перед отъездом из России простилась с его могилой. И как знакомы те места, которые вы выписали!.. Эта книга была долго моим другом; с каким наслаждением я перечитаю ее с вами! — Да как же вы достаете рус(ские) книги? Я так многим поручила прислать мне рус(ских) книг, что, я думаю, осенью мы получим целую библиотеку. — Все мы ждем с нетерпением от вас письма, в котором вы сознаетесь в своей ошибке и назначите день приезда; Ал(ександр)¹ думает, что вы уже в дороге. — Итак, до свидания.

Обнимаю вас от души.

N. H.

P. S. à ma dernière lettre du 15.

Oui, on peut trouver un historien magnifique, je parle de Kaveline ou de Solovieff. Mais je crois que pour les Scythes l'honneur paraîtra petit — eh bien, on chauffera par la gloire, la propagande. — Je t'envoie l'article pour Kolatchek et j'ai un mal de tête beaucoup plus convenable à un chien enragé, qu'à un littérateur polyglotte².

На обороте: Ягору Васильевичу Ервергу.

61. Г. ГЕРБЕГУ

18 (6) июля 1850 г.

P. S. № 2 à la dernière lettre du 15 juillet.

18 juillet.

J'ai envoyé hier au nom de ma mère un cahier monstre pour Kolatc(hek), j'attends de toi une lettre fulminante, écrasante — pour une lettre tant soit peu fâchée que j'ai écrite, si je ne me trompe, le 10. Je profite donc du temps que ta réponse se promène par la Corniche pour donner les instructions suivantes.

Tu verras toi-même que l'*Epilogue* et l'autre article se complètent nécessairement — je voudrais les voir imprimés ensemble, mais comme l'*Epilogue* est moins imprimable, s'il se trouvait quelque obstacle, il faudrait l'envoyer à Hoffmann & C(ampe) — en toute justice il lui appartient parce que j'ai promis. Mais dans un temps où le roi de Saxe, de Wurtemberg etc., etc. ne tiennent pas la parole jurée, je ne veux pas servir de trouble-fête et tenir la mienne, ce qui pourrait même offenser ces petits polissons.

Est-ce que le journal de Kolatchek paraît à Zurich? Prie-le de m'envoyer du № suivant tous les №(№). — Si c'est faisable, je voudrais avoir une dizaine d'exempl(aires) de mon article.

¹ у него страшная головная боль.

² P. S. к моему последнему письму от 15-го.

Конечно, можно пойти замечательного историка, я говорю о Кавелине или о Соловьеве. Но я думаю, что гонорар покажется скифам маловат — ну что же, можно подогреть их славой, пропагандой. — Посылаю тебе статью для Колачека, а я страдаю от головной боли, приличной скорее бешеной собаке, нежели литератору-полиглоту (франц.). — *Ред.*

Concernant les livres, on pourrait les envoyer à l'adresse de Visconti, libraire à Nice, par des libraires, aber nicht den ganzen Strunt, einen Teil kann man irgendwo lassen.

Ensuite que ferons-nous des exemplaires de ma brochure? On peut prendre avec quelques exemplaires, mais les autres?

Pourquoi ne pas laisser tout cela chez un libraire pour garder jusqu'à ce que nous demanderions? Ici les voyageurs n'ont aucune difficulté avec les livres, mais lorsqu'on envoie, il y a toujours du fil à retordre.

Перевод

Р. С. № 2 к последнему письму от 15 июля.

18 июля.

Вчера я отослал на имя моей матери толстенную тетрадь для Колачека, жду от тебя грозного, сокрушительного письма за мое немного сердитое послание, которое я написал тебе, если не ошибаюсь, 10-го. Итак, пользуюсь временем, пока ответ твой еще гуляет по Корниче, чтобы дать нижеследующие указания.

Ты сам увидишь, что «Эпилог» и статья естественно дополняют друг друга, я хотел бы, чтобы их напечатали вместе, но «Эпилог» менее годится для печати, поэтому, если возникнут какие-либо препятствия, надобно будет переслать его Гофману и К(ампе), он по всей справедливости принадлежит им, так как я им его обещал. Но в то время, когда король саксонский, вюртембергский и пр. и пр. не держат своего клятвенного обещания, я тоже не хочу нарушать порядок, сдержав свое, что могло бы даже оскорбить этих проказников.

Разве журнал Колачека выходит в Цюрихе? Попроси его высылать мне все номера, начиная с ближайшего. — Если можно, я хотел бы получить экземпляров десять моей статьи.

Что касается книг, то их можно послать по адресу книжного магазина Висконти в Ницце, через книготорговцев, aber nicht den ganzen Strunt, einen Teil kann man irgendwo lassen¹.

Затем, что нам делать с экземплярами моей брошюры? Несколько экземпляров можно захватить с собой, а остальные?

Нельзя ли оставить всё у какого-нибудь книготорговца на хранение, пока мы не затребуем? У приезжающих никаких затруднений с книгами не бывает, но с пересылкой их сюда всегда большая канитель.

¹ только не весь хлам, часть можно где-нибудь оставить (нем.). — Ред.

23—24 (11—12) июля 1850 г. Ницца.

3 supplément à la dernière lettre.

23 juillet.

Qu'aurais-tu dit en recevant une lettre qui ne contiendrait que ces peu de paroles, tu m'aurais inculpé de trahison, d'assassinat, d'inceste, d'être péd... pédicure c'est-à-dire. Et que faire contre la fatalité; à peine eus-je écrit ces mots «23 juillet» qu'Elise vint me dire qu'il y a juste 3 minutes pour finir ma lettre, la cacheter et la porter à la poste, or donc il faut 6 minutes pour aller jusqu'à Visconti et la poste est plus loin. — A ce récit de Thérémène, j'ai voulu dire ce que Thésée avait oublié: «taisez-vous» — ne voulant pas faire un mauvais calembour le jour même du décès orléanique (*ad instar* du duc d'Orléans) d'Hippo<lyte>. Mais Elise était loin — et moi, pâle, malheureux, avec une lettre d'Emma, de ma femme, de Tata, d'Ada, à toi, à ma mère, à la mer Méditerranée — non, tu ne me comprends pas et voilà pourquoi il faut venir ici et ne plus parler par écrit — vois-tu, tu penses qu'il y avait une lettre pour la mer Méditerranée — du tout — j'ai voulu courir et me noyer pour ne pas recevoir le 2 août une lettre fulmicotonnante, accablante de toi et pour ne jamais rencontrer Emma me disant: «Et toi, traître». Ainsi je recommandai à Dieu mes enfants et je me proposai de finir comme *Méduse*.

Mais la pensée me vint de te féliciter sur la prochaine arrivée à Nice de la belle c<om>tesse octogénaire, de la Didone trois fois abandonnée, elle viendra baigner ses beaux nus sous les Alpes Maritimes — et grâce à Emma — sous tes fenêtres. — Eh bien, j'aurai toujours le temps de me noyer pour l'éternité, je veux voir les beaux nus de la c<om>tesse. A demain...

24 juillet.

Je ne t'inculpais pas l'autre jour des dépenses etc., relis la lettre, et tu verras qu'il s'agissait d'Emma. Vos deux dernières années on fait une grande brèche — et de longtemps elle ne sera comblée. Pour moi, c'était pénible à voir qu'Emma te traitait en enfant et ne te faisait qu'un tableau adouci, c'était pénible pour moi de voir que tu te laissais à ce ménagement — c'était *ein bewußtes Ignorieren*. Cela ne doit pas être, parce que ça vous ruinera. Oui, on peut vivre en Italie avec votre revenu — mais il faut savoir s'arranger. Je t'assure que je connais tes affaires *mieux* que toi. J'ai vu au mois de janvier quel gouffre il fallait emplir (tu n'éciras pas de cela).

Pense bien, comme nous sommes encore du vieux monde, pourquoi tu t'es fâché de ce que j'aie dit quelques mots sur ce sujet?

Corpo di Bacco, nous parlons librement de nos sentiments les plus intimes, les plus sacrés — et nous n'osons ouvrir la bouche sur les affaires pécuniaires.

Перевод

3-е прибавление к последнему письму.

23 июля.

Что бы ты сказал, получив письмо, содержащее лишь эти несколько строчек? Ты обвинил бы меня в предательстве, в убийстве, в кровосмешении, в том, что я пед... педикюрщик то есть. Но что поделаешь против судьбы? Едва я написал слова «23 июля», как Элиза пришла предупредить, что в моем распоряжении ровно 3 минуты, чтобы закончить, запечатать и отнести письмо на почту; но ведь чтобы дойти до Висконти, нужно 6 минут, а почта еще дальше. — При этой Тераменовой речи я хотел было сказать то, что позабыл сказать Тезей: «Молчите», — не желая неудачно скаламбурить в самый день орлеанической кончины (*ad instar*¹ герцога Орлеанского) Ипполита? Но Элиза была далеко, а я сидел бледный, несчастный, держа в руках письма Эммы, моей жены, Таты, Ады, к тебе, к моей матери, к Средиземному морю — нет, ты не понимаешь меня, и вот почему тебе нужно приехать сюда, а не объясняться больше письменно: видишь ли, ты полагаешь, что было письмо для Средиземного моря, отнюдь нет — я хотел бежать и утопиться, чтобы не получить от тебя 2 августа пропироксиленинное, удручающее письмо и чтобы никогда больше не встречаться с Эммой, бросающей мне слова: «И ты, предатель». И вот я поручил богу своих детей и решил покончить с собой, как «Медуза».

Но тут мне пришла в голову мысль поздравить тебя по случаю предстоящего приезда в Ниццу прекрасной восьмидесятилетней графини, трижды покинутой Дидоны, она придет омыwać свои нагие прелести у подножья Приморских Альп — и, благодаря Эмме, под твоими окнами. — Ну что ж, у меня всегда будет время кануть в вечность, но прежде мне хочется увидеть нагие прелести графини. До завтра.

24 июля.

В прошлый раз я не тебя винил в лишних расходах и т. д., перечитай письмо, и ты увидишь, что речь шла об Эмме. За последние два года в вашем состоянии образовалась огромная брешь — и она еще долго не будет заполнена. Мне тяжело было видеть, что Эмма обращается с тобой, как с ребенком, рисуя тебе все в светлых тонах; мне тяжело было видеть, что ты позволяешь так оберегать себя — это было *ein bewußtes Ignorieren*.

¹ на манер (лат.). — Ред.

ген¹. Так не должно быть, потому что это разорит вас. Да, на ваши доходы можно прожить в Италии, но надобно уметь устраниваться. Поверь мне, я знаю твои дела *лучше* тебя. Я видел в январе, какую бездонную яму нужно было заполнить (ты не станешь писать об этом).

Подумай только, до чего мы еще принадлежим старому миру. Почему ты рассердился на то, что я сказал несколько слов по этому поводу? *Corpo di Basso*², мы свободно говорим о наших самых интимных, самых заветных чувствах — и не смеем рта раскрыть, когда дело касается денежных вопросов.

63. Г. ГЕРВЕГУ (приписка)

30 (18) июля 1850 г. Ницца.

On peut envoyer l'épilogue tout bonnement à Hoffmann & Campe auxquels il est promis.

Перевод

Эпilog можно просто послать Гофману и Кампе, которым он обещан.

64. Г. ГЕРВЕГУ

30 (18) июля 1850 г. Ницца.

30 juillet.

Tu m'as fait beaucoup de plaisir en me disant... devine, si tu peux, — en me disant que tu étais malade. Je commençais déjà à m'indigner sérieusement de ces délais éternels, d'autant plus que je savais que tu trouvais qu'il fait encore trop chaud pour le voyage, et je le savais parce que ma mère a écrit: «Je suis d'accord avec G(eorges) qu'il fait, etc.» J'ai pensé que dans ces temps révolutionnaires la chaleur pouvait continuer jusqu'au mois de mai de l'année 1857.

Par un ordre du jour daté de Zurich, tu <as> mis une défense complète à faire des suppositions, hypothèses, probabilités et autres opérations, par lesquelles l'esprit humain cherche à savoir ce qu'il ne sait pas — concernant ton absence. Mais tu sais la faiblesse de l'homme; après avoir longtemps pensé, nous nous sommes arrêtés à cette supposition: «Ma mère a écrit il y a deux mois que tu avais coupé tes cheveux — or donc tu attends qu'ils repoussent pour repousser du littoral Suisse la barque qui doit te rendre à Nice». — C'était la dernière hypothèse lorsque ta

¹ сознательное игнорирование (нем.); ² Черт возьми (итал.). — *Ред.*

lettre a dit que tu étais malade. Pourquoi ne m'as-tu pas écrit avant? je t'aurais ménagé beaucoup de reproches de la part d'Emma, et j'aurais trouvé les moyens de la consoler, mais comme j'étais moi-même *tanto poco arrabiato* — j'ai aussi pesté, vociféré, julesfavisé tes retards. Au reste — Dieu et Löwe aidant — cela doit passer et tu viendras — et cela sera fini.

Il y a ici à l'hôtel une femme de chambre qui ne parle ni le français, ni l'italien, mais un jargon incompréhensible. Emma a de suite commencé à parler avec elle. Elle est allée d'une supposition magnifique, si on estropie tous les mots français et italiens, elle doit comprendre. *Exempli gratia*, elle dit à la femme: «Porta cana dans l'appartamento del aguua fredigosca», ou: «Ba la cete parquetoccio nel Salone mangisco»...

C'est bien dommage que la femme de chambre comprenne encore moins cette nouvelle langue.

Tout ce que ma femme et Emma ont écrit concernant mes disputes avec Emma, n'est que la suite d'une calomnie qui ferait honneur à Basile. Il n'y a qu'un seul point sur lequel nous disputons: en vérité je suppose qu'il ne faut rien faire lorsqu'on n'a rien à faire — et Emma pense que c'est alors qu'il faut faire.

Moi, je dis non seulement, <qu'> il ne faut pas mentir, mais qu'il ne faut pas dire la vérité — lorsqu'on peut s'en passer... etc. Moi, je suis vieux conservateur, et en qualité de Slave et de Russe — un peu plus rusé.

Melgounoff déplore depuis 5 ou 6 ans l'ouvrage de Kœnig, il lui a dicté sous des influences de clocher. Par ex<emple>, il parle de Khomiakoff comme d'un grand poète etc. Il me <le> fallait pour faciliter la mémoire. Au reste, j'ai fait un traité politique, au lieu d'un <traité> littéraire.

Je pourrais préparer pour le 1 sept<embre> l'article.

Dis à Kol<atchek> de m'envoyer le journal *sous bande*, mais *affranchi* — autrement cela ne partira pas.

J'ai reçu le *Peuple*, l'article de Proud<hon> est froid, le reste...!

Et encore un mot. Tu demandes pourquoi je ne réponds pas sur tes dispositions *égalitaires*. Premièrement il n'y avait pas de question, et ensuite je ne répondais pas, parce que je les rejette complètement, absolument, comme offense à notre amitié, comme ironie du mot même de la besonnerie, comme *Spießbürgerlichkeit*, comme *Philisterei* — et comme impossibilité complète. — A ces conditions (si je les prenais au sérieux) je céderai mon appart<ement> à la co<m>tesse d'Ag<oult> ou au v<icom>te d'Arlincourt, — voilà ma réponse et je trouverai fort juste, si tu prends les mêmes mesures disciplinaires contre la c<om>tesse (au moins le jour).

Proposant à Emma de demeurer ensemble, sans parler de choses intimes, je représentais l'immense économie d'avoir *une* salle

à manger, *une* cuisine, *un* cuisinier, enfin je pensais moi à une vie commune et non à un *voisinage vertical*. Sans me faire perdre quelque chose — cela aurait diminué vos dépenses de la moitié. — Comment le faire avec l'étiquette espagnole que tu exiges? Comment dresser aujourd'hui la table en bas, demain chez toi, comment enfin savoir quand il faut être sur la terrasse et quand dans le jardin qui est commun, et si une promenade dans le jardin est équivalente à une visite...

Je n'ai pas répondu — et voulais passer à l'ordre du jour pur et simple. Tu ne l'as pas voulu.

Weiter: tu me demandes «où j'ai montré le courage de la vie?» — Nulle part — mais 1° est-ce que c'est une cause pour que tu n'en aies pas, ou que moi ne puisse le comprendre et 2° où est-ce que j'ai montré le contraire? Dans la crainte de perdre la moitié de la fortune, mais je me tiendrais pour fou à lier, pour Struve, pour S<aint> Siméon le Stylite, si je n'avais pas épuisé tous les moyens pour la sauver, et même si cela avait duré 16 mois au lieu de 6.

Mais tout cela n'empêche pas de te dire que tu as parfaitement raison en parlant des Slaves et encore plus des Russes, c'est vrai au point que même Gans à Berlin disait que l'imitation et l'acceptibilité sans assimilation est le caractère distinctif des Slaves. — Il y a de graves considérations pourtant à faire; la manie de se jeter sur tout, de tout entreprendre et étudier est une suite de l'état dans lequel on se trouve. N'oublie jamais l'état abnormal qui est créé pour nous autres par la civilisation forcée. Par malheur le peuple restant de l'autre côté, le gouvernement a pu civiliser et opprimer en même temps. De là l'ironie, de là cette démangeaison d'émotions, pour s'oublier, et pas de racines. La période de Pétersbourg n'est qu'une dure école, n'est qu'une transition — et ce que tu vois n'est que le caractère de la transition.

Je ne sais pas pourquoi tu parles de mon patriotisme, je connais plus que vous la race slave, j'en parle; je vois comme Haxthausen l'immense possibilité du développement et la jeunesse vigoureuse de la race. Je vois, comme Fallmerayer qu'une guerre, une lutte à mort avec la Russie est imminente et que la vieille Europe succombera. Custine en parla, Donoso Cortès en est convaincu. Que la Russie crèvera comme un vampire, — cela peut être, mais elle pourra aussi légèrement passer au communisme le plus illimité, comme elle s'est jetée avec Pierre le Grand dans l'Européisme.

Non seulement la victime n'est pas douteuse, mais elle est faite moralement. La Turquie sans exagération n'est pas aussi dépendante de la Russie comme l'Allemagne. La question de Schles<wig>Hol<stein> est une dernière épreuve.

L'exemple de Sas<onoff> — ne prouve pas grand'chose contre le caractère, l'exemple d'Ogareff, donnant la liberté à 1900 pay-sans — peut en cas de besoin servir d'objection. — Et là-dessus je me prosterne à vos pieds.

Dis à Kolat<chek> que la première lettre sur la Russie est prête, mais il faut la traduire. Au lieu de parler de la littér<ature>, je parle du développement des idées politiques jusqu'en 1812.

Перевод

30 июля.

Ты доставил мне большое удовольствие, написав о том... догадайся, если можешь, о чем, — о том, что ты был болен. Я уже пачинал всерьез возмущаться этими вечными отсрочками, тем более что мне стало известно, будто ты считаешь погоду еще слишком жаркой для путешествия, а мне это стало известно, так как маменька написала: «Я согласна с Г<еоргом>, что погода и т. д.» Я подумал, что в нынешние революционные времена жара может затянуться до мая 1857 года.

Приказом из Цюриха ты безоговорочно запретил заниматься какими бы то ни было предположениями, гипотезами, теориями вероятности и прочими операциями, при помощи которых человеческий разум стремится узнать то, чего он не знает, — касательно твоего отсутствия. Но ты ведь знаешь человеческую слабость; после долгих раздумий мы остановились на следующем предположении: «Два месяца назад маменька написала, что ты остриг волосы — уж не ожидаешь ли ты, пока они отрастут, чтобы оттолкнуть от швейцарских берегов челн, который доставит тебя в Ниццу». Такова была последняя гипотеза перед твоим письмом с сообщением, что ты болен. Почему ты не написал мне об этом раньше? Я бы избавил тебя от многих упреков со стороны Эммы и нашел бы способ ее утешить, но я и сам был tanto poco arrabiato ¹, я тоже бранился, ругался, жюльфаризировал твои проволочки; впрочем — с помощью бога и Лёве — все это пройдет, ты приедешь, и с этим будет покончено.

Здесь в гостинице есть горничная, которая не говорит ни по-французски, ни по-итальянски, а на каком-то непонятном жаргоне. Эмма тотчас стала с ней разговаривать. Она исходила из такого великолепного предположения: если калечить все французские и итальянские слова, та должна понять. Ехempli gratia она говорит женщине: «Приносите в appartamenti солодный вода» — или «Подметайте паркеточчо в обеденный салон»...

Очень жаль, что этот новый язык горничная понимает еще меньше.

¹ немного взбешен (итал.). — *Ред.*

Все, что моя жена и Эмма написали о моих спорах с Эммой,— только следствие клеветы, которая сделала бы честь Базилию. Разногласия у нас лишь в одном пункте: действительно, я думаю, что не нужно ничего делать, когда нечего делать. А Эмма думает, что именно тогда-то и нужно.

Я утверждаю, что не только не нужно лгать, но не нужно говорить и правду, когда можно обойтись без этого... и т. д. Что до меня, то я старый консерватор, а как славянин и русский — чуть похитрее.

Мельгунов уже 5-й или 6-й год оплакивает работу Кёнига, он ему диктовал ее, находясь под влиянием церковников. Например, он говорит о Хомякове как о великом поэте и т. д. Она мне была нужна, чтоб освежить кое-что в памяти. Впрочем, я написал политический трактат вместо литературного.

Я мог бы приготовить статью к 1 сентября.

Скажи Колачеку, чтобы он присылал мне журнал *бандеролью*, но пусть *франкирует*, иначе не уйдет.

Я получил «*Peuple*», статья Прудона холодна, остальное...!

Еще одно слово. Ты спрашиваешь меня, почему я ничего не отвечаю по поводу твоих *уравнительных* требований. Во-первых, об этом не было речи, и, во-вторых, я не отвечал потому, что решительно и безоговорочно отвергаю их как оскорбление нашей дружбы, как насмешку над самым понятием союза близнецов, как *Spießbürgerlichkeit*¹, как *Philisterei*² — и как вещь совершенно невозможную. На таких условиях (если бы я их принял всерьез) я мог бы уступить свою квартиру графине д'Агу или виконту д'Арленкуру — вот мой ответ, и я счел бы вполне справедливым, если бы ты принимал такие же дисциплинарные меры против графини (по крайней мере днем).

Предлагая Эмме поселиться вместе, не касаясь вопросов личного порядка, я указывал на огромную экономию, которая достигается при *общей* столовой, *общей* кухне, *общем* поваре, — словом, я-то думал о совместной жизни, а не о *вертикальном соседстве*. Я ничего не потерял бы при этом, а вы сократили бы наполовину расходы. — Но как все это совместить с тем испанским этикетом, которого ты требуешь? Как это сегодня накрывать стол внизу, завтра у тебя, как, наконец, узнавать, когда надобно находиться на террасе, а когда в саду, который является общим, и надобно ли прогулку по саду считать равноценной визиту...

Я не ответил, я хотел просто перейти к очередным делам. Ты этого не захотел.

Weiter³, ты спрашиваешь, «где я проявил жизненное мужество?» — Нигде, но 1-е — разве это основание для того, чтобы

¹ мешанство (нем.); ² филистерство (нем.); ³ Далее (нем.). — *Ред.*

и у тебя его не было или чтобы я не мог понимать, в чем оно состоит? И 2-е — где же это я проявил обратное? Боясь потерять половину состояния? — Но я счел бы себя за буйно помешанного, за Струве, за св. Симеона Столпника, если бы не исчерпал всех возможностей для спасения денег, даже в том случае, если бы на то потребовалось не 6, а 16 месяцев.

Но все это не мешает мне утверждать, что ты совершенно прав в своем суждении о славянах и, еще более, о русских, — это бесспорно, и сам Ганс в Берлине говорил, что подражание и восприимчивость без ассимиляции — отличительная черта славян. Однако необходимо серьезно принять в соображение, что мания набрасываться на все, желание все испробовать и изучить — это следствие существующего положения вещей. Нельзя забывать того ненормального положения, которое создалось для людей нашего круга в результате принудительной цивилизации. К несчастью, народ оставался по другую сторону, и вот правительство получило возможность одновременно и цивилизовать, и угнетать. Отсюда ирония, отсюда жажда эмоций, чтобы забыться, и отсутствие корней. Петербургский период — лишь суровая школа, лишь переходное время, и то, что ты наблюдаешь, всего только особенность этого переходного времени.

Я не понимаю, почему ты говоришь о моем патриотизме; я знаю славянскую расу лучше, чем вы, и я говорю о ней. Как и Гакстгаузен, я вижу огромные возможности развития и мощную юность этой расы. Как и Фальмерайер, я вижу, что война, смертельная борьба с Россией неминуема и что старая Европа падет. Кюстин говорил об этом, Донозо Кортес в этом убежден. Быть может, Россия так и издохнет вампиром, но она может и перейти к самому неограниченному коммунизму с той же легкостью, с какою она бросилась с Петром Великим в европеизм.

Неизбежность жертвы не только не вызывает сомнения, но морально она уже принесена. Без всякого преувеличения, Турция находится в меньшей зависимости от России, нежели Германия. Вопрос о Шлезвиг-Гольштейнии — последнее испытание.

Пример Сазонова не является серьезным опровержением характерных черт, пример Огарева, отсутствовавшего на волю 1900 крестьян, может, если понадобится, служить возражением. Засим низко вам кланяюсь.

Скажи Колачеку, что первое письмо о России готово, но его надобно перевести. Вместо того чтобы говорить о литературе, я говорю о развитии политических идей до 1812 года.

2 août.

Addition pénultième à la lettre du 15.

Pourquoi restez-vous 4 ou 3 jours à Genève et non 43 ou 34? Dis cela à la compagnie. Et voilà la preuve, si on n'a rien à faire à Genève, on ne peut se résigner à rester 3 jours, seulement dans l'espérance de voir Golovine et le libraire Kessmann et sa femme, m-me Kessfrau. — Si on a à faire quelque chose, comment peut-on terminer une affaire sérieuse en 3 jours, il faut 3 semaines, 3 mois etc.

J'ai reçu ta lettre, je suis tout-à-faitissime d'accord avec toi sur tous les points; au reste, je n'ai jamais dit que je prends la seule possibilité du renouvellement du vieux monde par une nouvelle race, je mettais toujours l'autre élément, l'élément volcanique à côté. Mais c'est aussi une race nouvelle, elle qui n'a rien reçu de cette civilisation que le malheur. — Oui, c'est une position exceptionnelle, aristocratique qu'on nous fait, mais que faire? Se taire? Mais il y a quelquefois une démangeaison de leur dire en face qu'on comprend au moins la position. — Regarde ce qui se passe en France, c'est déjà la démence de l'agonie, *diese ziellose Unruhe, das Umsichgreifen des Sterbenden*. Et regarde la bêtise, la stupidité même dans Emi(le) Girardin. La presse entière peut être abolie (la presse existante) sans un grand mal. — Et l'épisode de Schleswig! Ce qui couve, ce qui agite l'âme du peuple, n'est pas encore disible, pas même comme mythe. Eh bien — comment donc ne pas rester dans une position d'expectation, de séparation?

J'ai terminé l'ouvrage de Fallmerayer, il y a des choses «stupendisch», concernant la puissance de l'élément slave dans la Grèce moderne. Voilà la scène où se produira la tragédie slave; les véritables scènes sont toujours près de la Méditerranée.

Adieu. Demain ou après demain nous déménageons.

Rue Anglaise, maison Sue.

A rivederci.

Перевод

2 августа.

Предпоследнее прибавление к письму от 15-го.

Почему вы остаетесь в Женеве на 4 или на 3 дня, а не на 43 или на 34? Рассказывай кому хочешь. И вот тебе доказательство — если делать в Женеве нечего, никто не согласится остаться еще на 3 дня ради одной надежды увидеть Головина

и книжного торговца Кессмана с его женой мадам Кессфрау. Если же есть что делать, то можно ли закончить серьезное дело в 3 дня? На это нужно 3 недели, 3 месяца и т. д.

Твое письмо получил, я совершеннissimo согласен с тобой по всем пунктам; впрочем, я никогда не говорил, что считаю возможным возрождение старого мира лишь через новую расу, я всегда ставил рядом другой элемент,— элемент вулканический. Но это тоже новая раса,— раса, которая не получила от нынешней цивилизации ничего, кроме горя.— Да, разумеется, мы поставлены в исключительное, аристократическое положение, но что делать? Молчать? Но иногда так неудержимо хочется хотя бы сказать им прямо в лицо, что мы понимаем, как обстоит дело. Обрати внимание на то, что происходит во Франции, это уже безумие агонии, это ziellose Unruhe, das Umsichgreifen des Sterbenden¹. Обрати также внимание, сколько глупости, тупости даже у Эмиля Жиардена. Вся печать (существующая печать) может быть упразднена без особого ущерба.— А события в Шлезвиге! То, что пазревает, то, что волнует душу народа, еще не укладывается в слова, даже в виде мифа. Ну, как не занять выжидательной позиции, как не отмежеваться?

Я закончил труд Фальмерайера, там есть вещи «stupendisch»² относительно господства славянского элемента в современной Греции. Вот театр, на котором разыграется славянская трагедия, подлинная арена действий всегда находится близ Средиземного моря.

Прощай. Завтра или послезавтра мы переезжаем.

Rue Anglaise, дом Сю.

A rivederci³.

66. Г. ГЕРБЕРУ

3 августа (22 июля) 1850 г. Ницца.

Clôture de la correspondance.

3 août.

Avec la correspondance il faut en finir avec les explications, mésentendus et les entendus, *caro mio*. Oui, nous nous sommes conduits quelquefois en enfants, d'autres fois en vieillards, toujours sous l'impression de quelque irritation nerveuse. C'est vraiment pitoyable, et pourtant il fallait passer par là, il fallait connaître où les angles saillants ne correspondent plus aux angles rentrants de l'autre. Ce n'est pas comme expérience, comme critique

¹ бесцельное метание, хватательные движения умирающего (нем.);

² изумительные (нем.); ³ До свидания (итал.).— *Ред.*

ou observation préméditée que je l'entends. La vie elle-même pousse de petits cailloux sous les pieds, en heurtant on s'aperçoit, etc., etc..—Tu aimes tant soit peu dans ces cas de fermer les yeux, moi non — voilà toute la différence. *Das ewige Râsonieren* est insupportable, mais je déteste *das ewige Schonen*; votre philosophie pratique (*caro mio*, ne t'en fâche pas) de la vie avec Emma ne vaut pas le diable; la main sur le cœur, je ne vous accuse pas, ni l'un, ni l'autre — mais je trouve qu'on pourrait acquérir plus de poésie mâle à la place de la poésie de jeunes filles, je trouve que vous êtes grands par le temps, et les manches deviennent courtes, et les couleurs sont un peu trop enfantines. Si tu veux me comprendre tu me comprendras; je ne veux pas dire par cela que notre jeunesse est passée, je ne veux pas t'entraîner dans la prose d'une existence d'indifférence et de bonne santé — mais je crois que votre existence pourrait être plus facile, plus musculeuse, et j'ai parlé tant, à tort et à travers, parce que nommément à présent, vous avez besoin de quelque courage, vos circonstances étant changées.

J'ai disputé, j'ai parlé avec Emma plus ce que nous avons écrit, elle voit avec la plus parfaite clarté que j'ai raison — mais cela n'a pas la moindre influence sur elle; elle aime encore l'excentricité, l'agitation — elle reste une femme Schillerienne avec le développement Goethique; par malheur, au lieu de richesse cela fait un *tohu-bohu*.— Mais je n'en parlerai plus, ni par écrit ni en paroles. Tout ce que j'avais à dire sous ce rapport, je l'ai dit, — *repetitio est mater* — de l'ennui.

Et pour te prouver que moi, comme feu l'archevêque Robespierre après la fête de Dieu — je suis toujours prêt à combattre pour la justice, même lorsqu'un homme est en voyage, je te dirai que précisément tu n'as pas compris ni la disposi<tion>¹

Demande à Fazy, si je mets une assez grande somme d'argent dans la banque de Genève — pourra-t-il me faire alors citoyen?— Adieu.

Je ne suis pas, comme tu vois, le Robespierre.

Garde les cigares.

Перевод

Завершение переписки.

3 августа.

Вместе с перепиской надо покончить и со всеми объяснениями, расхождениями и соглашениями, *caro mio*. Да, мы иногда вели себя как дети, иной раз как старцы, и всегда — под впечатлением какого-нибудь нервного раздражения. Жаль, конечно,

¹ Нижняя часть листа отрезана.— *Ред.*

и все же через это надо было пройти, надо было узнать, где выступающие углы одного не соответствуют вогнутым углам другого. Но я не рассматриваю это ни как опыт, ни как критику, ни как заранее задуманное наблюдение. Жизнь сама бросает под ноги камешки; споткнувшись о них, замечаешь, и т. д., и т. д. — Ты любишь в таких случаях чуть-чуть прикрыть глаза, а я нет — вот и вся разница. Das ewige Raisonieren¹ невыносимо, а я ненавижу das ewige Schonen²; практическая философия (не сердись, caro mio) вашей с Эммой совместной жизни ни черта не стоит; положи руку на сердце, я не обвиняю вас, ни того, ни другого, но я нахожу, что можно было бы обрести, вместо девической поэзии, более мужественную; я нахожу, что с годами вы выросли и рукава стали коротки, да и краски, пожалуй, слишком детские. Если хочешь понять меня, то поймешь; я не хочу этим сказать, что наша молодость прошла, я не хочу тащить тебя в прозу безразличного существования в добром здоровье, но я думаю, что ваша жизнь могла бы быть более легкой, более мускулистой, и я столько на все лады говорил об этом потому, что теперь-то, когда обстоятельства ваши изменились, вам и нужно некоторое мужество.

Я спорил, я говорил с Эммой больше, чем мы об этом писали, и для нее совершенно ясно, что я прав, но это не оказывает на нее ни малейшего влияния; ей по-прежнему нравится эксцентричность, возбуждение — она остается шиллеровской женщиной с гётевским развитием, что, к несчастью, не обогащает, а производит один сумбур. — Но я не стану больше говорить об этом ни письменно, ни устно. Все, что я хотел сказать по этому поводу, я сказал, — repetitio est mater — скуки.

И чтобы доказать тебе, что я так же, как покойный архиепископ Робеспьер после праздника тела господня — всегда готов бороться за справедливость, даже когда человек в пути, я скажу тебе, что ты как раз ничего не понял ни в расположении³

Спроси у Фази, сможет ли он сделать меня гражданином, если я внесу довольно крупную сумму денег в женеvский банк? — Прощай.

Как видишь, я не Робеспьер.

Сохрани сигары.

67. Г. ГЕРВЕГУ

6 августа (25 июля) 1850 г. Ницца.

6 août.

Je dirai comme le vicomte d'Arlincourt: «Dieu le veut» — oui, Dieu veut que tu te fatigues avec Emma des choses les plus fa-

¹ Вечное резонерство (нем.); ² вечное желание щадить (нем.). — *Ред.*

³ Нижняя часть листа отрезана. — *Ред.*

ciles, et que tu mettes des efforts inouïs pour soulever un brin de paille. — Je crois qu'à la fin tu me détesteras pour mon langage et je n'en ai pas d'autre. — Hier Emma s'adresse à moi pour trouver ensemble un moyen < afin > que tu puisses venir seul ici. Mais si tu avais ce désir, pourquoi es-tu donc resté à Zurich — ensuite, quoi de plus simple que de dire à présent que tu as reçu de telles lettres, que tu te décides à faire une surprise, etc. Et à la fin des fins je comprends que cela serait beaucoup plus agréable de venir tout seul — mais enfin il n'y a pas de quoi désespérer si on vient autrement; rester pour cela quelques jours à Turin — mais c'est une plaisanterie.

Tu m'inculpes de ce que j'ai engagé ma mère de venir ici, et que *miei dolci sospiri* ont ému M^{selle} E<rn>. Pour cela < ce > n'est pas vrai, ma femme a lu toutes les lettres... Sais-tu que tu pousse le rigorisme ou la naïveté jusqu'à prendre les choses qu'on écrit au bas d'une lettre — pour des engagements sacrés. Elles m'écrivaient < à > chaque lettre de leur désir; qu'elles arrivent le 20 août ou le 10 septembre; cela n'a pas d'importance pour moi, et je te dirai encore plus, je me tiens et je me tenais toujours dans une telle indépendance qu'il leur est difficile de changer en quoi que cela soit notre train de vie. Je suis très avare en matière de protestation d'amour et de sympathie, mais je suis comme toujours très humain avec les personnes étrangères. D'autant plus que, *ex<empli> gr<atia>* mes rapports avec m^{selle} E<rn> ont toujours été parfaitement bienveillants, sans aucune intimité. J'ai écrit à Bernacky: « Quittez donc votre Paris empesté, ayez le courage d'abandonner les journaux et venez vous baigner dans la Méditerranée ». Eh bien, si Bernacky (comme il se le proposait) venait demain ici — est-ce à dire que moi j'en serai la cause? Au reste — cela suffit.

Tu m'as déjà expliqué une fois la théorie de la superexcitation nerveuse; je ne l'admets pas, et tu peux te moquer comme tu veux de ce que je prêche le courage de la vie, la mesure. Prêcher n'est pas le mot, je le sens, je le dis à ceux qui me sont chers — pour quoi donc souffrez-vous plus qu'il n'en faut, vous blâmez les enfants qui crient lorsqu'ils tombent — eh bien, ne criez donc pas, même intérieurement. On s'emporte, on se fâche — on passe outre. Emma s'est tellement habituée à cela, c'est-à-dire au désespoir que cela devient périodique, sans cause, et cela passe sans consolation. — Gronde-moi comme tu veux, mais il m'est impossible de sympathiser avec cela, et je regarde avec tristesse, enfin je regarde comme on regarde une maladie — qui est curable.

J'ai écrit dans le sens voulu, ou plutôt Nat<alie> a écrit à ma mère, d'après le désir d'Emma.

Au revoir.

Рукой Н. А. Герцен:

Qu'est-ce que c'est encore, mon cher besson, ça n'a pas de nom! Rester à Turin?... Je n'y crois pas, tout bonnement. Nous vous attendons, attendons, attendons, le pantalon même vous attend déjà. A<lexandre> l'a fini. — Selon moi, on ne pouvait pas s'arranger mieux que nous l'avons fait. Jardin, maison, cuisinier — pas *magnifique* mais *parfait*, et si vous donnez encore un coup de maître...

Venez, venez et venez... Je n'ai rien de mieux à dire ni pour vous, ni pour moi!.. Je salue de tout, de tout, de tout mon cœur Genève, Rhône et notre bessonnière ci-devant etc.

Перевод

6 августа.

Я скажу, как виконт д'Арленкур: «Так угодно богу» — да, богу угодно, чтобы вы с Эммой мучились над самыми простыми вещами и ты должен был прилагать неслыханные усилия, чтобы поднять соломинку. — Думаю, что в конце концов ты меня возненавидишь за мой язык, — а другого у меня нет. — Вчера Эмма обратилась ко мне с просьбой придумать вместе какой-нибудь способ, чтобы ты мог приехать сюда один. Но если тебе этого хотелось, почему же ты оставался в Цюрихе? — И чего проще сказать теперь, что ты получил какие-то письма, что желаешь сделать сюрприз и т. п. В конце концов, я понимаю, что гораздо приятнее приехать одному, но не из чего приходить в отчаяние, если приедешь и не один; оставаться из-за этого несколько дней в Турине — ведь это смешно.

Ты ставишь мне в вину то, что я пригласил мою мать приехать сюда и что miei dolci sospiri¹ взволновали м-зель Э<рн>. Ну, уж это неправда, жена моя читала все письма. Знаешь, ведь ты в своем ригоризме или в своей наивности доходишь до того, что принимаешь за священные обязательства фразы, которые обычно ставятся в конце письма. Они писали мне в каждом письме о своем желании приехать; 20 августа или 10 сентября — это не имеет для меня значения, и скажу даже больше: я сохраняю и сохранял всегда за собой такую независимость, что им трудно в чем бы то ни было изменить наш образ жизни. Я весьма скуп на уверения в любви и симпатии, но здесь, как всегда, я подхожу очень по-человечески к посторонним людям. Тем более что мои отношения, ex<empli>gr<atia> с м-зель Э<рн> всегда были самыми доброжелательными, но без какой бы то ни было близости. Я написал Бернацкому: «Покиньте же ваш зачумленный Париж, имейте мужество оставить ваши газеты и приезжайте купаться в Средиземном море». Что же, если бы Бернацкий (как он сам предполагал) приехал завтра сюда — значит, можно было бы сказать, что я этому причиной? Впрочем — довольно.

¹ мои нежные вздохи (итал.). — Ред.

Ты мне уже изложил однажды теорию нервной сверхвозбудимости; я с ней не согласен, и ты можешь издеваться как угодно над тем, что я проповедую мужество в жизни и соблюдение меры. Проповедовать — я сам это чувствую — не то слово, но я говорю дорогим мне людям: зачем же вам страдать больше, чем следует? Вы браните детей, которые поднимают крик, когда падают, так не кричите же сами, даже внутренно. Бывает, что выходишь из себя, злишься, но не останавливаешься на этом. Эмма настолько привыкла к такому состоянию, т. е. к отчаянию, что оно возникает у нее периодически, без всякой причины и проходит без всякого утешения. — Брани меня как хочешь, но я не могу сочувствовать ничему подобному, и я с грустью гляжу на это, — словом, гляжу как на болезнь, которую можно вылечить.

Я написал то, что от меня требовали, — вернее, Натали написала моей матери по желанию Эммы.

До свидания.

Рукой Н. А. Герцен:

Что опять случилось, мой дорогой близнец, этому нет названия! Остаться в Турине?.. Я просто не верю. Мы вас ждем, ждем даже pantalon уже вас ожидает. А<лександр> это устроил. По-моему, мы обособились как нельзя лучше. Сад, дом, повар — все хотя и не роскошно, но чудесно. А если вы еще приложите свою руку мастера...

Приезжайте же, приезжайте — ничего лучшего ни для вас, ни для себя не могу сказать!.. Кланяюсь от всего сердца Женеве, Роне и нашему бывшему гнезду близнецов и т. д.

68. Г. ГЕРВЕГУ

11 августа (30 июля) 1850 г. Ницца.

11 août.

Vieni, sposa da Libano.

J'ai écrit cela avant votre arrivée à Genève, eh bien je bisse...

Les lettres de la Russie sont plus ou moins, non, moins ou plus dégoûtantes. — Mon rôle de bourreau des amis *wird wieder in Anspruch genommen*. Venez donc, nous attendons — tout est suspendu,

И не пьется водочка
По этой причине.

Comment feras-tu ici sans vin, il est impossible d'en boire. Au reste, j'ai trouvé du bordeaux très bon (Léoville). Vous devez arriver le 20 d'après nos comptes.

Salut et devoir.

11 августа.

Vieni, sposa da Libano.

Я написал это перед вашим приездом в Женеву. Ну что ж, бисирую...

Письма из России более или менее, нет, менее или более противны. От меня wird wieder in Anspruch genommen ¹ исполнение роли палача своих друзей. Приезжайте же, мы ждем — все приостановлено,

И не пьется водочка
По этой причине.

Как ты будешь тут обходиться без вина, здешнее пить невозможно. Впрочем, я нашел очень хорошее бордо (Леовиль). По нашим расчетам, вы должны приехать 20-го.

Поклон и почтение.

69. Г. ГЕРВЕГУ

15 (3 августа) 1850 г. Ницца.

Le 15 août.

Oui, caro mio, ce n'est donc pas en vain que je répétais et re-répétais à Genève que nous <nous> en souviendrions encore maintes fois de ce temps tranquille — à présent c'est toi qui le dis, — mieux <vaut> tard que jamais.

Je ne veux rien écrire, comment peut-on écrire quelques jours avant l'arrivée.

Distribue de ma part tout ce qu'il faut en compliments.

Рукой Н. А. Герцен:

J'écirai la fois prochaine, на сей раз только привет с embrassements.

Перевод

15 августа.

Да, caro mio, значит я не напрасно повторял и повторял в Женеве, что мы еще не раз вспомним об этом спокойном времени. Теперь и ты говоришь это — лучше поздно, чем никогда.

Я ничего не буду писать; как можно писать за несколько дней до приезда?

Передай от моего имени все положенные приветы.

Рукой Н. А. Герцен:

Напишу в следующий раз, на сей раз только привет с объятиями.

¹ снова потребовалось (нем.). — Ред.

13 sept<embre> 1850. Nice.

Votre lettre m'a fait beaucoup de bien, il y a tant d'expressions sympathiques, amicales, et on est si heureux de les entendre d'une personne qu'on aime et qu'on estime. Oui, je vous estime de tout mon cœur et je n'ai aucune crainte de vous dire franchement ma pensée concernant les publications dont vous me parlez dans votre lettre. Vous m'écoutez avec indulgence, n'est-ce pas?

Vous êtes le seul acteur politique du dernier temps dont le nom est resté entouré de respect, de gloire, de sympathie; on peut être en désaccord avec vous, il est impossible de ne pas vous estimer. Votre passé, Rome de 1849 vous obligent à porter haut le grand veuvage — jusqu'à ce qu'un nouvel avenir viendra inviter le combattant.

Eh bien, c'était triste pour moi de voir ce nom ensemble avec les noms de ces hommes incapables qui ont compromis une position admirable, qui ne nous rappellent rien que les désastres amenés par eux.

Ce n'est pas une organisation — c'est la confusion. Ni vous, ni l'histoire n'ont plus besoin d'eux, tout ce qu'on peut faire pour eux — c'est de les amnistier. Vous voulez les couvrir de votre nom, vous voulez partager avec eux votre influence, votre passé, — ils partageront avec vous leur impopularité et leur passé.

Regardez le résultat. Quelle est la *bonne nouvelle* qui nous est apportée par le *Proscrit* et par la proclamation? Où est l'enseignement grave et douloureux qui nous a été imposé par les terribles événements depuis la journée du 24 février? C'est la continuation du vieux libéralisme et non le commencement de la nouvelle liberté, ce sont des épilogues, et non des prologues. Pourquoi ces hommes ne peuvent s'organiser comme vous le désirez — parce qu'on s'organise non sur la base d'une sympathie vague, mais d'une pensée profonde, active — où est-elle? Où est le progrès depuis la Montagne de 92? Ces hommes sont les bourbons de la révolution, ils n'ont rien appris.

D'un autre côté, la première pièce devrait avoir un grand caractère de sincérité; eh bien, qui pourra lire sans un sourire ironique le nom d'Arnold Rouge (que je connais beaucoup et que j'estime) sous une proclamation qui parle au nom du Dieu et de la providence — de Rouge, qui a prêché depuis 1838 dans les *Hallische Jahrbücher* l'athéisme, pour lequel l'idée de la providence (s'il est logique) doit être toute la réaction en germe.

Cette concession, c'est de la diplomatie, de la politique — moyens de nos ennemis. Malheureusement cette concession était inutile; la partie théologique de la proclamation est du

luxe, elle n'ajoute rien ni à la popularité, ni à l'entendement. Les peuples ont une religion positive, une église. Le déisme n'appartient qu'aux rationalistes, c'est le régime constitutionnel dans la Théologie, c'est une religion entourée d'institutions athées.

Vous avez jeté un coup d'œil sur mes deux brochures, faites en autant pour un assez long article qui a paru dans le journal de Kolatchek sous le titre *Omnia mea mecum porto*. Vous verrez qu'il m'était impossible de vous parler un autre langage. Ce que je demande, ce que je prêche, c'est la rupture complète avec les révolutionnaires incomplets, — ils sentent la réaction à deux cents pas. Après avoir accumulé faute sur faute, ils tâchent encore de les justifier, — meilleure preuve qu'ils les feront encore une fois. Prenez le *Nouveau Monde* — quel *vacuum horrendum*, quelle triste rumination des aliments verts et secs — et qui restent toujours mal digérés.

Ne pensez pas que c'est une manière de dire pour ne pas travailler. Je ne reste pas les bras croisés, j'ai encore trop de sang dans les veines et trop d'énergie dans le cœur pour me complaire dans le rôle de spectateur passif. Depuis l'âge de 13 ans jusqu'à 38 j'étais au service d'une seule idée, j'avais un seul drapeau: guerre à toute autorité, à tout esclavage au nom de l'indépendance absolue de l'individu. Je continuerai cette petite guerre de partisan en véritable cosaque, «*auf eigene Faust*» — comme disent les Allemands, — attaché à la grande armée révolutionnaire, mais sans me mettre dans les cadres réguliers — jusqu'à ce qu'elle ne soit complètement réorganisée, c'est à dire révolutionnée.

En attendant j'écris; peut-être cette attente durera plus longtemps, que nous ne le pensons, — peut-être, mais cela ne dépend pas de moi de changer le développement capricieux de l'espèce humaine. Mais parler, convertir — cela dépend de moi, et je le fais en m'y donnant entièrement.

Quant aux articles sur la Russie, dès que j'aurai quelque chose — je vous l'enverrai. Je signe à présent tous mes articles de mon pseudonyme russe *Isclander* — j'ai un long article sur la Russie, mais je l'ai déjà promis pour le journal de Kolatchek qui devient un organe très avancé de l'Allemagne.

En Allem<agne> et nommément en Autriche la propagande va avec une rapidité incroyable; le ministre actuel, — par politique et par opposition au régime dégoûtant de la Prusse — tolère beaucoup plus la liberté de la presse, il pense que lorsque le temps viendra, on mettra un bâillon, — mais ce qui sera dit sera dit.

Quant à la Russie, les nouvelles sont tristes. On se *résigne*, on désespère, la tyrannie est atroce, on a arrêté des individus soupçonnés d'avoir été en correspondance avec moi, on fait des perquisitions domiciliaires. Le mécontentement pourtant est

grand, les paysans et plus encore les schismatiques, murmurent; je ne crois en Russie à aucune autre révolution qu'à une guerre de paysans. Celui qui saura réunir les paysans schismatiques comme Pougatcheff a réuni les cosaques de l'Oural — frappera à mort le despotisme glacial de Pétersbourg.

Vous me pardonnerez et la franchise et la *longueur* d'une franchise; vous ne cesserez pas de m'aimer, de me compter parmi les hommes qui vous sont dévoués, mais qui sont aussi dévoués à leurs convictions.

Je me trouve bien dans ma solitude — l'isolement le plus complet, une manière de vivre de Mont Athos et une nature admirable, — je me purifie. Loin des hommes on se concentre, on comprend mieux, on devient plus soi-même.

Ma femme remercie pour votre salut par le sien. Le climat est très bon pour elle, je pense rester ici encore une dizaine de mois.

Salut, sympathies, amitiés et respect sans bornes.

Перевод

13 сентября 1850. Ницца.

Ваше письмо подействовало на меня очень благотворно: в нем так много сочувственных, дружественных выражений, а их так отрадно слышать от человека, которого любишь и уважаешь. Да, я вас уважаю всем сердцем и нисколько не боюсь откровенно высказать вам мое мнение относительно прокламаций, о которых вы говорите в своем письме. Вы меня выслушаете снисходительно — не правда ли?

Вы — единственный политический деятель последнего времени, имя которого осталось окружено уважением, славой и сочувствием. Можно не соглашаться с вами, но не уважать вас нельзя. Ваше прошедшее, Рим 1849 года — обязывают вас гордо нести великое вдовство, пока грядущие события вновь не призвуют бойца.

Потому-то мне было больно видеть ваше имя вместе с именами людей неспособных, скомпрометировавших превосходную ситуацию, — с именами, которые нам только напоминают бедствия, ими на нас навлеченные.

Это не организация — это одно смешение. Ни вам, ни истории эти люди больше не нужны; все, что для них можно сделать, — это отпустить им их преступления. Вы их хотите покрыть вашим именем, вы хотите разделить с ними ваше влияние, ваше прошедшее — они разделят с вами свою непопулярность и свое прошедшее.

Посмотрите на результат. Что за *благую весть* принес нам «Le Proscrit» и прокламация? Где следы грозных и мучительных уроков, которые дали нам страшные события, следовавшие за

24 февраля? Это — продолжение старого либерализма, а не начало новой свободы, это эпилоги, а не прологи. Почему эти люди не могут организовать так, как вы желаете? Потому что нельзя организовать на основании неопределенных симпатий: необходима глубокая и активная мысль — но где же она? Где прогресс со времен Горы 92 года? Эти люди — бурбоны революции: они ничему не научились.

С другой стороны, первая публикация должна была бы быть исполнена великой искренности. Но кто же может прочесть без иронической улыбки имя Арнольда Руге (я хорошо его знаю и уважаю) под прокламацией, говорящей во имя бога и божественного провидения, — того самого Руге, который с 1838 года проповедовал атеизм в «Hallische Jahrbücher», для которого идея провидения (если он логичен) должна представлять в зародыше всю реакцию.

Эта уступка — это дипломатия, политика, это — оружие наших врагов. К несчастью, такой компромисс был совершенно лишним; богословская часть прокламации — чистая роскошь: она ничего не прибавляет ни к популярности, ни к разумению дела. Народы имеют положительную религию, церковь. Деизм — религия рационалистов, это конституционная система в богословии — религия, окруженная атеистическими учреждениями.

Вы перелистали обе мои брошюры, перелистайте также и довольно длинную статью, появившуюся в журнале Колачека под заглавием: «*Omnia mea mecum porto*». Вы увидите, что говорить с вами иначе я не мог. Я требую, я проповедую полный разрыв с неполными революционерами: от них на двести шагов несет реакцией. Нагромоздив ошибку на ошибку, они все еще стараются оправдать их, — лучшее доказательство, что они их повторяют. Возьмите «*Nouveau Monde*» — что за *vacuum horrendum*¹, что за печальное пережевывание пищи, и зеленой и сухой — и которая все-таки остается плохо переваренной.

Не думайте, что с моей стороны это предлог отклониться от дела. Я не сижу сложа руки, у меня еще слишком много крови в жилах и энергии в сердце, чтобы удовлетвориться ролью страдательного зрителя. С 13 до 38 лет я служил одной идее, был под одним знаменем: война против всякой власти, против всякой неволи, во имя безусловной независимости лица. Я буду продолжать эту маленькую партизанскую войну, как настоящий казак, «*auf eigene Faust*»², как говорят немцы, связанный с великой революционной армией, но не вступая в правильные кадры ее, пока она совсем не преобразуется, т. е. не станет вполне революционной.

¹ ужасающая пустота (лат.); ² на свой собственный риск (нем.). — Ред.

В ожидании этого я пишу; может, это ожидание продолжится дольше, чем мы думаем,— может быть — но не от меня зависит изменение капризного людского развития. Но говорить, обращать зависит от меня, и я это делаю, всецело отдаваясь этому.

Что касается статей о России, я вам пришлю, как только у меня что-нибудь будет. Я подписываю теперь все статьи своим русским псевдонимом «Искандер». У меня есть большая статья о России, но я ее уже обещал для журнала Колачека, который делается весьма передовым органом Германии.

В Германии, и именно в Австрии, пропаганда развивается с невероятной быстротой; теперешний министр — из политических соображений и из оппозиции отвратительному прусскому режиму — обнаруживает гораздо более терпимости к свободе печати. Он думает, что когда настанет время, всегда можно будет заткнуть рот печати,— но ведь то, что будет сказано, будет сказано.

Что касается России, вести оттуда печальны. Одна *покорность судьбе*, одно отчаяние и ужасная тирания; несколько человек, заподозренных в переписке со мною, были арестованы; производятся домашние обыски. Однако недовольство велико: крестьяне и особенно раскольники ропщут. Я не верю ни в какую революцию в России, кроме крестьянской. Тот, кто сумеет объединить раскольников и крестьян, как Пугачев уральских казаков, поразит насмерть ледяной петербургский деспотизм.

Простите мне и мою откровенность, и *длину* этой откровенности и не переставайте ни любить меня, ни считать среди преданных вам людей, но преданных также и своим убеждениям.

Я чувствую себя хорошо в своем уединении — полная изолированность, образ жизни как на Афоне и дивная природа,— я очищаюсь. Вдали от людей углубляешься в себя, лучше все понимаешь, больше становишься самим собою.

Моя жена благодарит вас за поклон и с своей стороны кланяется вам. Климат здесь очень для нее хорош, и я думаю остаться тут еще месяцев десять.

Привет, сочувствие, дружба и безграничное уважение.

71. А. Ф. ОРЛОВУ

23 (11) сентября 1850 г. Ницца.

Ваше сиятельство,

граф Алексей Федорович,

императорский консул в Ницце сообщил мне высочайшую волю о моем возвращении в Россию. При всем желании я нахожусь в невозможности исполнить оную, не приведя в ясность моего положения.

Прежде всякого вызова, более года тому назад, наложено было запрещение на мое имя, отобраны деловые бумаги, находившиеся в частных руках, наконец захвачены деньги, высланные мне из Москвы. Такие строгие и чрезвычайные меры против меня показывают мне, что я не только в чем-то обвиняем, но что прежде всякого вопроса и всякого суда — признан виновным и наказан — лишением части средств моих.

Я не могу надеяться, чтоб одно возвращение мое могло меня спасти от печальных последствий политического процесса. Мне легко объяснить каждое из моих действий, но в процессах этого рода судят мнения, теории, — и на них основывают приговоры. Могу ли я, должен ли я подвергать себя и все мое семейство такому процессу?

Ваше сиятельство оцените простоту и откровенность моего ответа и повергните на высочайшее рассмотрение причины, заставляющие меня остаться в чужих краях, несмотря на мое искреннее и глубокое желание возвратиться на родину.

С чувством искренней преданности и глубочайшего почтения честь имею пребыть

вашего сиятельства покорнейшим слугою.

Александр Герцен.

Ницца 1850. Сентября 23.

На обороте: Его сиятельству графу Алексею Федоровичу Орлову.

ЧЕРНОВАЯ РЕАКЦИЯ

Monsieur le Comte,

Le Consul Impérial de Nice m'a communiqué [la volonté] l'ordre de S. M. de rentrer en Russie. Indépendamment de [mon désir] ma volonté je me trouve dans l'impossibilité d'obtempérer à l'ordre de S. M.

Bien avant la [communication] sommation faite par M. le Consul de Nice, mes biens ont été séquestrés, des fonds qui m'étaient destinés ont été retenus, tout cela non seulement sans jugement, sans sommation et sans les formalités, prescrites par la loi, mais sans que j'ai eu connaissance de [quoi on m'accusait] ce qu'on m'inculpait. Ces mesures extraordinaires [ne pouvaient être que le résultat de quelque inculpation vague] montraient avec évidence [non seulement] que j'étais non seulement accusé [de quelque chose], mais [même] déjà condamné à la perte [sans avoir été] d'une partie considérable de mes biens — [quoique je n'étais ni inculpé, ni jugé] sans avoir été jugé.

Il m'est impossible de présumer que je ferai tomber une accusation politique par mon seul retour, quoique il m'est bien facile d'expliquer tous mes actes, mais dans les procès [politiques] de ce genre on inculpe ordinairement non les faits, mais les

opinions et les théories. Dois-je, monsieur le Comte [faire courir] soumettre le sort de toute ma famille aux chances douteuses d'un procès politique.

Vous apprécierez, monsieur le Comte, la simplicité et la sincérité de ma réponse et soumettrez à S. M. Imp. les causes qui me forcent à rester [dans les pays étra<ngers>] hors de la Russie.

Agréez l'assurance de mes hommages respectueux avec lesquels j'ai l'honneur d'être, m. le Cte,

Votre serviteur dév<oué>

Н е р з < е н > .

Nice.

П е р в о д

Граф,

императорский консул в Ницце сообщил мне [волю] приказание е. в. возвратиться в Россию. Независимо от моей воли я нахожусь в невозможности исполнить приказание е. в.

Много ранее [сообщения] требования, предъявленного мне г. консулом в Ницце, на мое имение было наложено запрещение, предназначавшиеся мне деньги задержаны, и все это не только без суда и вызова и без соблюдения законных формальностей, но и без того, чтобы мне стало известно [в чем меня обвиняют], что мне вменяется в вину. Такие чрезвычайные меры [могли быть вызваны лишь каким-либо неопределенным обвинением] со всей очевидностью показывали [не только], что я не только обвинен [в чем-то], но [даже] уже приговорен к лишению [не будучи] значительной части моих средств [хотя я не был ни судим], не будучи [обвинен, ни] судим.

Мне нельзя ожидать, что одним своим возвращением я смогу сбросить с себя политическое обвинение, хотя мне легко объяснить каждое из моих действий, но в процессах [политических] этого рода обычно вменяют в вину не действия, а мнения и теории.

Должен ли я, граф, [подвергать] ставить судьбу всего моего семейства в зависимость от сомнительных шансов политического процесса.

Вы оцените, граф, простоту и откровенность моего ответа и повергнете на рассмотрение е. в. причины, заставляющие меня остаться [в чужих краях] за пределами России.

Примите уверение в совершенном почтении, с которым имею честь быть, граф,

вашим покорным слугою.

Г е р ц е н .

Ницца.

72. РУССКОМУ КОНСУЛУ В НИЦЦЕ А. П. ГРНВУ

23 (11) сентября 1850 г. Ницца.

Monsieur le Consul,

J'ai l'honneur de vous prévenir que j'ai expédié aujourd'hui la lettre à monsieur le Comte Orloff, dans laquelle j'ai exposé les motifs qui ne me permettent pas de retourner immédiatement en Russie.

Agréez l'assurance de mes hommages respectueux avec lesquels j'ai l'honneur d'être,

monsieur le Consul,

Votre serviteur dévoué

Alexandre H e r z e n.

23 septembre 1850.

Nice.

Перевод

Господин консул,

имею часть уведомить вас, что я отправил сегодня письмо графу Орлову, в котором изложил причины, не позволяющие мне немедленно возвратиться в Россию.

Примите уверение в чувствах почтения, с которыми имею честь быть,

господин консул,

вашим покорным слугою.

Александр Г е р ц е н.

23 сентября 1850 г.

Ницца.

73. М.-А. ПИНТО

23 (11) сентября 1850 г. Ницца.

Le 23 septembre. Nice.

Il n'y a pas longtemps que vous avez, cher monsieur Pinto, quitté Nice en me donnant la permission de vous écrire en cas de besoin — et je frappe déjà à votre porte. Vous pouvez vraiment m'obliger en prenant des renseignements sur ma position en Piémont. Pour cela il faut vous dire ce qui s'est passé.

Il y'a quatre jours de cela, m-r le consul de la Russie est venu chez moi et m'a transmis l'ordre impérial de retourner immédiatement. J'ai refusé. C'est plus que probable qu'à présent Nesselrode insistera sur mon éloignement du Piémont (je ne crois pas qu'il ose aller jusqu'à demander l'extradition d'un homme qui n'est coupable que d'un crime géographique, qui ne veut pas vivre sous le 59 degré de latitude boréale). C'est pour cela qu'il m'est absolument nécessaire de savoir si je puis rester tranquille après une note de la Russie. Mais ne voulant par m'affi-

cher avant que cela soit nécessaire, j'ai inventé un autre moyen. Je désire acheter une propriété à Nice ou dans les environs, j'ai placé une partie de mon bien dans les fonds sardes, mais avant de m'établir je veux un permis de séjour ou une garantie quelconque contre les éventualités d'une expulsion. Quelles sont les lois sous ce rapport? — Ne dois-je pas exposer l'affaire au ministre de l'Intérieur? Enfin, que me conseillez-vous, cher monsieur Pinto? Si on me garantit ma position, je transporterai toute ma fortune en Piémont. Sinon, je me proposerai d'aller à Londres — qui me dégoûte, ou en Suisse que je déteste, ou en Amérique — qui m'ennuie.

La note dont je parle ne peut venir avant un mois (j'expédie ma réponse écrite aujourd'hui). Auriez-vous assez d'amitié pour charger quelqu'un de savoir le contenu?

Peut-être même le gouvernement russe s'abstiendra, car les relations diplomatiques ne sont pas tout à fait rétablies.

En tout cas j'attendrai une réponse, écrivez-moi, poste restante ou maison Sue, et ne vous fâchez pas que je prenne au sérieux les offres obligeantes de mes amis.

Ma femme vous salue.

Tout à vous A. H e r z e n.

P. S. Je voudrais prévenir la note, — c'est pour cela que j'écris à présent.

Перевод

23 сентября. Ницца.

Еще совсем недавно, дорогой господин Пинто, уезжая из Ниццы, вы разрешили мне написать вам в случае нужды — и вот я уже стучусь к вам в дверь. Вы окажете мне истинную услугу, если наведете справки о моем положении в Пиэмонте. Для этого надо вам рассказать, что произошло.

Четыре дня тому назад меня посетил русский консул и передал мне высочайшее повеление немедленно вернуться на родину. Я отказался. Более чем вероятно, что теперь Нессельроде будет настаивать на моей высылке из Пиэмонта (не думаю, чтобы он пошел еще дальше и осмелился потребовать выдачи человека, который виновен лишь в географическом преступлении, т. е. просто не желает жить под 59-м градусом северной широты). Вот почему мне совершенно необходимо узнать, могу ли я спокойно оставаться здесь после ноты русского правительства. Однако, не желая привлекать к себе внимания раньше, чем это будет необходимо, я придумал другой способ. Я хочу приобрести земельное владение в Ницце или в ее окрестностях; часть моего капитала помещена в сардинские процентные бумаги, но прежде чем обосноваться, мне нужно получить разрешение на

жительство или какую-либо гарантию против возможной высылки. Какие существуют законы на этот счет? — Не следует ли мне изложить свое дело министру внутренних дел? Одним словом, что вы мне посоветуете, дорогой господин Пинто? Если мне гарантируют спокойствие, я переведу все свое состояние в Пизмонт. Если нет, мне придется переехать в Лондон, который мне претит, или в Швейцарию, которую я терпеть не могу, или в Америку, которая наводит на меня скуку.

Упомянутая нота может прийти не раньше, чем через месяц (я послал письменный ответ сегодня). Не окажете ли вы мне дружескую услугу, поручив кому-нибудь разузнать содержание ноты?

Может быть, русское правительство даже воздержится от этого шага, ибо дипломатические отношения еще не вполне восстановлены.

Во всяком случае я буду ждать ответа; пишите мне до восстребования или на дом Сю и не гневайтесь, что я принимаю всерьез любезные предложения моих друзей.

Моя жена вам кланяется.

Весь ваш А. Герцен.

P. S. Мне хотелось бы принять меры до получения ноты — поэтому я и пишу вам теперь.

74. М.-А. ПИНТО

4 октября (22 сентября) 1850 г. Ницца.

Le 4 octobre 1850. Nice.

Mille et mille remerciements, cher monsieur Pinto, pour votre bonne lettre. Si vous pensez que l'expulsion est peu probable, faut-il alors écrire au ministre ou non? N'est-ce pas mieux d'attendre encore une réponse (car il est de toute nécessité que le gouvernement russe m'écrive quelque chose après mon refus donné par écrit).

Je crains qu'en m'affichant trop précipitamment je tournerai l'attention de la police, et qu'alors on demandera à Paris ou à l'ambassade — et quoique ni la préfecture, ni notre ambassade ne puissent rien dire, mais les cancans des mouchards sont pires que le caquetage des vieilles femmes.

Si on pouvait demander tout particulièrement le ministre ce qu'on fera avec un Russe en cas que son gouvernement voulût demander son expulsion. Cela serait peut-être mieux. Pourtant je vous donnerai tous les détails de ma position. J'ai quitté la Russie en 1847. Lorsque le gouvernement Russe a vu que j'ai fait passer le capital que j'avais en Russie à Paris, il a mis le séquestre sur mes biens (sur une possession seigneuriale à Kostroma); il a intercepté une partie de mon argent — ensuite il a fait une

sommatiоn à moi, j'ai refusé de rentrer. Je désire me fixer, moi et ma famille — c'est à dire ma femme et trois enfants — en Piémont, à Nice ou près de Nice, j'ai acheté une rente de 9000 fr<ancs> (c'est à dire pour une somme de 150 000 du 5%) de Piémont par Rotschild et Avigdor.

J'ai en ma disposition un capital de 200 000 outre la rente sarde, que je pourrais employer à l'achat d'une grande propriété (tous les titres sont chez moi. La maison Avigdor en a connaissance, de même que d'autres capitaux aussi que j'ai placé en Amérique — à New York, Ohio, Virginie), tout cela donne certaines garanties pour le gouvernement. Je suis propriétaire d'une maison à Paris. Jamais l'idée n'a passé par ma tête de m'occuper de politique en Piémont. Je désire avoir un point fixe (me naturaliser si cela était facile à faire) pour ma famille; je désire avoir la certitude que sans une *provocation* de ma part je ne serai pas victimé à la politesse diplomatique envers la cour de Pétersbourg.

Si vous pensez que c'est utile d'en parler de ces détails à m-r le ministre, vous m'obligerez infiniment, je vous autorise d'en agir comme vous le trouverez bien et je serai en tout cas reconnaissant à l'impossible.

Au reste, si vous le conseillez encore, je suis prêt à vous envoyer une lettre pour le ministre et exposer avec encore plus de clarté mes désirs; la réponse ne peut venir que vers la fin du mois d'octobre et comme il n'y a pas d'ambassadeur russe, elle viendra à Nice chez le consul.

Vous aurez besoin de toute votre condescendance et de toute votre bienveillante amitié pour me pardonner de vous inquiéter de cette manière; mais je vous assure, que plus les choses vont mal, plus on a le besoin d'avoir un petit port pour finir ses jours après le naufrage, au moins pour attendre que le mistral et la tramontane cèdent au vent plus humain.

Vous m'obligerez infiniment en me donnant un petit mot de réponse; dois-je envoyer avant la note de Nesselrode (si note il y a?) — un mémoire où est-ce qu'on peut demander l'opinion du min<istre> d'après les renseignements donnés. Je ferai aveuglément ce que vous me conseillerez.

Tout à vous

Al. H e r z e n.

Ma femme vous salue bien amicalement.

Jusqu'à présent nous sommes très bien à Nice.

Перевод

4 октября 1850 г. Ницца.

Тысячу раз благодарю, дорогой господин Пинто, за ваше милое письмо. Если вы полагаете, что высылка маловероятна,

то стоит ли писать министру или нет? Не лучше ли подождать ответа (ибо русское правительство непременно должно что-нибудь написать в ответ на мой письменный отказ)?

Боюсь, что, выступив слишком рано, я привлеку внимание полиции, и тогда обо мне запросят в Париже или в посольстве, и хотя ни префектура, ни наше посольство ничего не могут сказать, однако сплетни шпииков еще хуже, чем болтовня старух.

Нельзя ли частным образом спросить у министра, как поступит с русским подданным, в случае если его правительство потребует его изгнания? Это, может быть, будет лучше. Впрочем, опишу вам свое положение во всех подробностях. Я покинул Россию в 1847 г., после чего русское правительство, узнав, что я перевел капиталы из России в Париж, наложило секвестр на мое имущество (родовое поместье в Костроме); власти перехватили часть моих денег, затем потребовали моего возвращения, но я отказался вернуться. Я хочу обосноваться вместе с семьей, т. е. с женою и тремя детьми, в Пиэмонте, в Ницце или около Ниццы; я приобрел в Пиэмонте через Ротшильда и Авигдора ренту в 9000 фр. (т. е. 5% от суммы в 150 000).

Я располагаю капиталом 200 000 помимо сардинской ренты и мог бы употребить его на покупку крупного земельного владения (все ценные бумаги при мне; банкирский дом Авигдора осведомлен об этом, так же как о прочих суммах, помещенных мною в Америке — в Нью-Йорке, Огайо, Виргинии), все это представляет известные гарантии для правительства. Кроме того, я владелец дома в Париже. Мне никогда и в голову не приходило заниматься политикой в Пиэмонте. Я хочу иметь постоянное пристанище для своей семьи (натурализоваться, если это нетрудно сделать); хочу быть уверенным, что без какой-либо *провокации* с моей стороны меня не принесут в жертву дипломатической вежливости по отношению к петербургскому двору.

Если вы сочтете полезным сообщить эти подробности господину министру, вы меня бесконечно обяжете; предоставляю вам действовать, как вы найдете нужным, и во всяком случае, даже при неудаче, буду вам благодарен.

Впрочем, если вы посоветуете, я готов переслать вам письмо к министру и изложить свои пожелания с еще большей ясностью; ответ может прийти не раньше конца октября, и так как здесь нет русского посольства, он будет передан консулу в Ниццу.

Вам потребуется вся ваша снисходительность и доброжелательная дружба, чтобы простить беспокойство, которое я вам причиняю; но уверяю вас, что чем хуже идут дела, тем сильнее стремишься обрести тихую пристань, где можно было бы после кораблекрушения окончить свои дни или по крайней мере дожидаться, когда мистраль и трамонтана сменятся более мягким ветром.

Вы меня бесконечно обяжете, черкнув мне несколько слов в ответ — должен ли я послать письмо до ноты Нессельроде (если таковая нота будет) или можно просто узнать мнение министра на основании данных мною разъяснений. Я слепо исполню все, что вы мне посоветуете.

Весь ваш

Ал. Герцен.

Моя жена дружески вас приветствует.
До сих пор нам в Ницце очень хорошо.

75. М. К. РЕЙХЕЛЬ

24 (12) ноября 1850 г. Ницца.

24 ноября 1850. Ницца.

Я только ждал совершенного окончания начала свежей дочери, чтобы положительно сказать, что все окончилось хорошо. Сегодня с обеда будет 5 день. Все это в порядке. Ну, а об вас я все пел, когда узнал, что вы мери-лись, следующее:

Жду я мою Мери,
Милую Мери мою,
Веду ее в mairie,
Возьму ее в Лювру,
Отдам ее я мэру
Для разного примеру.

Из этого видите, что вы мне мерещитесь беспрестанно, mehr als viel¹.

Письма ваши хороши. Вы делаете обратное тому, что мальчишки: те уходят подальше, чтобы показать нос, а вы уехали за тридевять земель, чтобы оказывать дружеские чувства. — Ну, дайте вашу руку, тонкую, длинную — так, как в песне поется о конопле.

Я больше удивился, что у меня родилась Ольга, нежели то, что родилась дочь. Но с Любашей как-то соединяются одни ненавистные воспоминанья прачек и марательниц, а с Ольгой — Олег Вещий. К тому же хорошо по части равенства:

Саша
Тата
Коля
Оля

А если будет еще лет через 10, то я назову просто «Ля».

¹ больше, чем много (нем.). — Ред.

Что же письмо о Бакунине?

А вот что-то из России? Известите, если есть что.

Отдали ли письмо Массолу — жду ответа.

Что же Ротбург
и Шомпильд?

76. М. К. РЕЙХЕЛЬ

25 (13) декабря 1850 г. Ницца.

25 декабря.

Ваши письма отраду мне в старости подают; право, карейшая «Машá», как вас называют немцы, думая, что это по-русски.

Вот за это вам, что пишет об вашем мерильстве брачном Мельгунов, прошу затвердить: *«ему* желаю быть основной то-никой; ей доминаптой, *обсим* желаю accord parfait с разреше-нием en fis, и этому fis желаю перехода из mineur в majeur, даже в tambour majeur, — только не в русский и немецкий dur. Fermata».

1849—1850

77. ГЕРВЕГАМ

Je crois que la meilleure manière d'écrire la lettre à M. de Pragen est de l'écrire au nom de Mme Haag.

Перевод

Я думаю, что лучший способ написать письмо к г. Pragen— это написать от имени г-жи Гааг.

78. Г. ГЕРВЕГУ

G. Herw<egh>.

Je n'ai pu me décider d'envoyer cette lettre de peur, je ne veux pas enrichir la poste; au reste, je prierai d'envoyer cette lettre par Adelhaid — elle aura tout l'air de venir par la poste.

Перевод

Г. Герв<егу>.

Я со страху не смог решиться отправить это письмо; я не хочу обогащать почту; впрочем, я попрошу отправить это письмо через Адельгайду — оно будет иметь вид полученного по почте.

1851

79. Э. ГЕРБЕР

7—12 января 1851 г.

(26—31 декабря 1850 г.). Ницца.

Payé à Jeannette	}	— 380
à Mallard		
au docteur		
Les places p<our> les enfants		— 65
Gymnastique et Jenny		— 45
Pour M ^{me} Reichel		
d'après l'ordre de madame		— 50
A Chartreux		— 600
Pour d'autres comptes		— 50
		1190

Ma mère ne veut rien pour les leçons de dessin, elle vous les offre, et j'ajoute les 300 fr<ancs> qui resteront chez moi en lettre de change sur m-r Avigdor.

A. H.

Jeannette a voulu faire des emplettes, mais je n'ai pas eu le courage de les lui permettre.

		<i>Перевод</i>
Уплачено Жанетте	}	— 380
Маллару		
доктору		
Места для детей		— 65
Гимнастика и Женни		— 45
Г-же Рейхель по распо-		
ряжению мадам		— 50
Шартрё		— 600
По другим счетам		— 50
		1190

Моя мать ничего не хочет брать за уроки рисования, она их дарит вам, и я прибавляю 300 франков, которые останутся у меня в виде векселя на имя г. Авигдора.

А. Г.

Жанетта хотела сделать кое-какие покупки, но у меня не хватило духа ей их разрешить.

80. Г. ГЕРВЕГУ

16 (4) января 1851 г. Ницца.

16 janvier 1851, N^{ice} ¹.

Je jure sur mon honneur que je n'ai lu que la première page — cette dissertation est trop longue pour l'état dans lequel je me trouve. Je n'ai pas besoin ni de commentaires, ni de correspondance. Je laisse pleine liberté à tout le monde. Qu'on respecte la mienne. Et si on ne savait pas respecter mon amitié — qu'on ait des égards à mon malheur et à ma haine, je les exige.

Перевод

16 января 1851, Ницца.

Клянусь честью, я прочел только первую страницу — такая диссертация слишком длинна для меня в моем теперешнем состоянии. Я не нуждаюсь ни в объяснениях, ни в переписке. Я предоставляю полную свободу всем. Но пусть уважают и мою свободу. И если не умели уважать моей дружбы — пусть считаются с моим несчастьем и моей ненавистью, я этого требую.

81. С. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

18 (6) января 1851 г. Ницца.

Рукой Н. А. Герцен:

Не пеняй, Таня, что я так редко, так мало пишу, я не заслуживаю горьких упреков. Самой мне хотелось бы иной раз поговорить — возьми перо в руки — и опять положишь. Вместо радости — не наделать бы горя ... в сию минуту 1851 года, января 18, 5 часов пополудни — все мы живы, здоровы и вместе ... что же еще прибавить? О, много, слишком много б можно — поэтому-то я и пожму только тебе крепко, крепко руку. Да будет тебе хорошо. Привет сердечный тем, кому он будет приятен, да и тем, кому неприятен, лишь тем говорить его не надо, на что же делать неприятное кому б то ни было...

А N^{atalie} отошли не медля, я прошу тебя, мою записочку, отошли же не медля.

Твоя Н.

Здравствуйте.

Прощайте.

На обороте рукой Н. А. Герцен: Татьяне Алексеевне.

¹ Угол листа в автографе поврежден. — *Ред.*

Ручкой М. К. Рейхель:

Сердечный поклон от меня, милая барыня, вот письмецо посылаю на этот раз не франкируя, чтобы оно не лавируя нашло прямо хозяйку. Ваша — А получили ли мое письмо с вложением?

82. Э. ГЕРБЕГ

21 (9) января 1851 г. Ницца.

21 janvier.

Madame, Mr Vogt part pour Gênes. Tout le monde connaît la rupture, *personne* — le véritable état des choses.

Vos confidences concernant votre mari dans nos entretiens de Paris m'ont montré que v<ous> ne ménagez pas vos prochains. Vous me permettrez donc de v<ous> rendre responsable si quelque chose d'attentatoire à l'honneur de ma famille sera ébruité.

Vous me ferez encore une grâce, c'est de cesser toute correspondance avec moi. Je n'ai absolument rien à vous dire, ni vous à moi — les choses blessantes peuvent très bien être sousentendues. Dans votre dernière lettre, il v<ous> a plu par exemple de vous moquer de ma position en la trouvant égale à la vôtre. Et en quoi, s'il vous plaît? Vous étiez du secret, madame, comme vous me l'avez avoué v<ous>-même, vous pressiez tous les jours la main d'un ami, aidant à le perdre, en perdant votre propre dignité.

Vous avez pris part à rendre malheureux un homme après avoir entretenu toute votre famille à ses frais, et avoir payé vos dettes avec son argent.

Car vous, madame, vous connaissez trop le monde pour ne pas croire à la plaisanterie des 200 fr<an>cs que vous m'avez payés par mois.

Non, madame, la différence est immense même en cela que de ma bouche il n'est jamais sorti une parole contre N<atalie>; je ne l'ai pas traînée dans la boue comme vous faisiez avec votre mari en parlant avec moi. — J'ai bonne mémoire, madame, et aucune parole ne sortira de cette bouche, car je l'aime d'un amour digne et fier, car je sais qu'elle a un grand amour pour moi — *et qu'elle reste.*

Tandis que vous n'êtes pas gâtée sous ce rapport.

Madame, c'est dur, mais c'est l'honneur outragé qui parle. Recevez mes desirs sincères de ne plus continuer de correspondance hors le cas où vous aurez une *véritable* nécessité d'argent que je me donnerai le plaisir de v<ous> envoyer.

P. S. Je ne répondrai plus, madame, à aucune lettre, je n'en recevrai pas même; pour les petites affaires il vaut beaucoup mieux de v<ous> adresser par l'intermédiaire de Mr Vogt.

21 января.

Милостивая государыня, г. Фогт уезжает в Геную. О разрыве знают все, *никто* — об истинном положении вещей.

Откровенности ваши относительно мужа во время наших парижских бесед показали мне, что ближних своих вы не щадите. Позвольте мне поэтому считать вас ответственной, если разгласит что-либо задевающее честь моей семьи.

Окажите мне еще одну любезность — прекратите всякую переписку со мною. Мне совершенно не о чем говорить с вами, а вам со мной — вещи же оскорбительные с полным успехом могут остаться подразумеваемыми. В своем последнем письме вы вздумали, например, поиздеваться над моим положением, находя его таким же, как ваше. В чем же сходство, скажите на милость? Вы, сударыня, посвящены были в тайну, как сами мне в том признались, вы ежедневно пожимали руку друга, способствуя в то же время его гибели и теряя при этом всякое право на уважение.

При вашем соучастии человеку причиняли горе, а вы между тем содержали на его средства всю свою семью и оплачивали свои долги его деньгами.

Ибо вы, сударыня, слишком хорошо знаете свет, чтобы принимать всерьез шутку о 200 франках, которые вы мне выплачивали ежемесячно.

Нет, сударыня, различие неизмеримо велико, хотя бы потому, что с моих уст никогда не срывалось ни одного слова против Н^атали; я не обливал ее грязью, как это делали вы в отношении своего мужа, разговаривая со мною. — У меня превосходная память, сударыня, но ни одно слово не вырвется из этих уст, ибо я люблю ее любовью, полной достоинства и гордости, ибо я знаю, что ее любовь ко мне велика, *и потому что она остается.*

Вы же не избалованы в этом отношении.

Сударыня, сказанное — жестко, по то говорит поруганная честь. Поверьте в мое искреннее желание не продолжать более переписки, кроме того случая, когда вы испытаете *действительную* нужду в деньгах, которые я с удовольствием вам пошлю.

Р. S. Я не буду более отвечать, сударыня, ни на одно письмо, я не стану даже принимать их; по мелким вопросам вам гораздо лучше прибегать к посредничеству г. Фогта.

Nice, 22 janvier 1851.

Monsieur,

Me voilà de rechef dans l'humble position d'un solliciteur devant vous.

Vous vous rappelez certainement mes rêves de naturalisation chez vous à Genève, et la bonté avec laquelle vous les avez encouragés. On me propose maintenant de faire une pareille démarche ici; mais vous concevez très bien les causes qui me font préférer la naturalisation genevoise.— Je sais que pour tout cela ma présence est nécessaire, et je suis tout prêt à me mettre en chaise de poste et m'abriter sous la protection de M. Kohler. Mais il y a deux questions que vous me permettez de vous adresser.— Combien de temps dois-je rester à Genève? et puis-je compter positivement que la naturalisation sollicitée ne sera pas refusée?

Mes titres sont prosaïques, j'offre à la ville une petite somme, je mettrai si on désire 50 000 fr. dans la banque de Genève, je suis propriétaire d'une maison à Paris et d'un capital que je ne demande pas mieux que d'employer en Suisse.

J'ai ensuite un passeport et une carte de séjour, qui certifient que je suis domicilié à Genève depuis le mois de juin 1849.

Vous me mettez, cher Président, hors de l'atteinte du tzar, et la ville ne perdra rien, ayant un fainéant de plus.

J'attendrai avec impatience une réponse de vous. Dites-moi franchement votre opinion, en cas d'impossibilité, je ne perdrai pas le temps et j'accepterai ce qu'on propose ici.

Recevez mes salutations sincères

A. H e r z e n.

Nice s(ur) mer.

Maison Sue au bord de la mer.

Перевод

Ницца, 22 января 1851.

Милостивый государь,

вот я снова перед вами в скромной роли просителя.

Вы, вероятно, помните, как я мечтал получить гражданство у вас в Женеве и как благосклонно вы поощряли меня в этом. Теперь мне предлагают начать подобные же хлопоты здесь: но вы прекрасно понимаете, какие причины заставляют меня предпочесть женеvское гражданство.— Я знаю, что для этого необходимо мое присутствие, и готов в любую минуту сесть в почтовую карету и верить себя покровительству г. Колера. Но позвольте мне обратиться к вам с двумя вопросами.— Сколько времени придется мне пробыть в Женеве? И могу ли я твердо рассчитывать, что мне не будет отказано в просьбе о натурализации?

Мои доводы самые прозаические, я принесу в дар городу небольшую сумму, внесу, если пожелают, 50 000 франков в женеvский банк,— я владелец дома в Париже и имею капитал, который охотно поместил бы в Швейцарии.

Далее у меня есть паспорт и свидетельство о прописке, удостоверяющее, что я проживал в Женеве с июня месяца 1849 года.

У вас, дорогой президент, я окажусь недосыгаемым для царя, а город ничего не потеряет, если в нем будет одним бездельником больше.

С нетерпением буду ожидать вашего ответа. Скажите мне откровенно ваше мнение; если это невозможно, я не буду терять времени и соглашусь на то, что мне предлагают здесь.

Примите мои искренние приветствия.

А. Герцен.

Приморская Ницца.
Дом Сю на берегу моря.

84. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ

2 февраля (21 января) 1851 г. Ницца.

2 февраля 1851. Ницца.

Итак, наконец, случай писать к вам.— Я писал к вам в августе, но мое письмо воротилось ко мне через два месяца. Оно цело, но я его не пошлю. Скажу коротко и добрее то, что в нем пространно и исполнено горечи или, лучше, сердечной боли. Ваши последние письма удивили меня. Это старчество, резонерство, вы заживо соборуетесь маслом и делаетесь нетерпимыми не хуже наших врагов. У вас было одно благо, маленький дружеский кружок, он распался. Тон, с которым вы пишете об «гнусной истории, об грязной истории, об омуте, в котором вы не хотите купаться», возмутителен; вы эдак говорите о лучшем друге, говорите *мне* — и не прибавляете в доказательство ничего, кроме слов дурака Закревского. Зачем вы согласны с ним,— и что вам за дело до мнения «порядочных людей» — т. е. Бербендовского и Перхуновского. И чем же вы будете дорожить в жизни, если вы не дорожили такою связью ... подумайте!

Дурно сделаете вы, если рассердитесь за эти строки — я вас люблю; еще больше—я знаю, что вы лучше ваших писем, я не так опрометчив, чтоб верить вам на слово; но не хорошо то, что вы привыкли с таким цинизмом судейским говорить о друге. Я не мог не высказать вам всего этого: моей независимой натуры и откровенной переменить нельзя. Отбросьте эту дрянь, отбросьте вашу безутешную мораль, которая вам не к лицу, это начало консерватизма... этим путем вы не уйдете дальше Каченоvских, Дальманов и Венедеев.

Ну, давайте ваши руки — и согласитесь, что вы жестоко поступили, по крайней мере жестоко выражались.

Об себе я могу мало сказать. 1850 год был годом тяжчайших испытаний, да, друзья мои, я уцелел от всевозможных единборств, я уцелел — но я не тот. Жизнь моя действительно окончилась, потому что у меня нет ни одного верования больше, не я, а люди развили мой скептицизм, кругом обман, ни на что нельзя опереться... и если я буду писать, то это единственно с целью заявить людям, что я сколько-нибудь их знаю и не верю ни в их будущее, ни в их настоящее. — Индивидуально для себя я жду одного свиданья с вами — при малейшей возможности я примчался бы в Москву. Проезд нашего приятеля оживил меня... Неужели никто не придет?.. Ведь эдак откладывать в долгий ящик, пожалуй, сам прежде попадешь в ящик. Если б вы могли передать Nat(alie) и ему, что я жажду как последнего утешения поговорить с ними; какие препятствия, чего нельзя желающему. Отчего, если нужно, не взять денег у Филиппыча; кстати о деньгах — не мешало бы напомнить ему и Михайловичу, что пусть они плотят хоть по 6 проц(ентов) — мне здесь деньги очень нужны и не на один вздор. Проц(енты) заплоч(ены) до осени 1849. Между прочим, возьмите сейчас 200 руб. сер. и отошлите Егору Ив(ановичу) для отправления в Тамбов Акинью Иван(овне). — Все это необходимо, и писать случается так редко, что прошу вас — не ждите повторения. Да велите сказать Егору Ив(ановичу), что он может для того же употребления и еще взять из процентов. — Если же хотите проц(енты) прислать сюда, то чего же лучше как на имя маменьки и на адрес Avigdor'a, здешнего банкира, обязав Ценкера или Редлиха отвечать за доставку; вексель (оставить вторые векселя у себя) может быть на Париж, на Марсель, все равно. — Ну, довольно по части министерства финансов.

Жизнь европейская огадела мне до невозможности. Все мелко, все развратно, все гнило, толкуют о том, чтоб насиловать, а у самих impuissance¹ и знают, что как до дела дойдет — не тут-то было, а все ярятся. Наконец, нравственное растение всего образованного действительно доходит до чудовищного. В одной Англии есть порядочные люди. — И, странное дело, чем больше меня здесь начинают признавать, чем больше мне уступают мест и прав в их делах — тем дальше я с ними расхожусь, тем меньше у меня доверия. Я счастлив, что живу в таком захолустье, как Ницца. Кстати, я сижу день и ночь за испанской грамотой и еду около конца нынешнего месяца в Барселону и оттуда до Кадикса по литоралию, прошу это объявить маросейскому андалузцу. Дети и дом останутся здесь, также и мамонька.

Прощайте, друзья, мне казалось, что я ужасно много

¹ бессилие (франц.). — Ред.

напишу, но дух стал короток, прощайте. Любите меня, да приплите хоть по жеребью одного из вас сюда. Передайте непременно в Саранск мою просьбу ... грех будет, если не сумеют сладить. Мое путешествие в Испанию продолжится не больше как до конца мая. — И денежную комиссию справьте.

Ах где эти острова,
Где росла трын-трава!
Братцы!

85. А. КОЛАЧЕРУ

12 февраля (31 января) 1851 г. Ницца.

Nice, le 12 février 1851.

Voilà, monsieur, l'avant-dernière partie de mon article sur la Russie, dans une huitaine je vous enverrai la conclusion. — Vous m'obligerez infiniment en m'envoyant chaque fois 2 exemplaires et expédiant après 8 ex<emplaires> des N^{os} qui contiennent l'article par un libraire quelconque à l'adresse de Visconti libr<airie> à Nice.

Quant à la brochure — arrangez-vous comme cela vous paraîtra mieux et dites-moi un mot après.

Il y a une faute très grave dans le 1 art<icle> page 17 dernière ligne: au lieu de «Beschränkung» — lisez «Unbeschränktheit» — il faudrait insérer cela dans la livraison qui va paraître.

J'ai lu avec beaucoup d'attention l'article plein de verve et de talent où on me maltraite avec tant d'esprit que j'en suis enchanté. Mais il y a une grande erreur dans la manière d'envisager mes articles de ce point de vue. Non, je n'ai pas prêché un égoïsme aristocratique, il y a peut-être plus d'amour que d'orgueil dans «l'admonition», mais d'un amour outragé, brisé. L'auteur n'a pas voulu voir le côté tragique, fatal, lyrique, si vous le voulez, de la chose.

Ce ne so<nt p>as des essais logiques, ce sont des aspirations vers une autre activité, c'est l'articulation de la douleur, et de la nécessité de s'émanciper de *l'activité passée*.

L'auteur pense qu'il reste avec le peuple, qu'il va au peuple. Mais de grâce, regardez la France, le peuple par instinct a anticipé les hommes politiques, il ne s'occupe pas le moindre du monde de la montagne, de la dotation, de Changarnier — a mes yeux c'est un progrès immense et pourtant c'est la mort de l'état existant, et de la démocratie telle qu'elle existe. Eh bien qui de nous deux, s'il vous plaît, est plus près du peuple, moi, disant qu'il n'y a rien à faire avec les politiciens, criant à l'émancipation de l'individu, montrant les bouts de galon dans tout ce qu'on appelle libre ou l'auteur?

Je suis convaincu que dans les voies révolutionnaires dans lesquelles on marchait jusqu'à présent on ne peut qu'accélérer le triomphe complet du despotisme. Je ne vois pas d'hommes libres, je crie donc, halte là—commençons par nous émanciper nous-mêmes, ne donnons pas toutes nos forces à cette rumination des hauts-faits du Parlement ou de la Chambre, occupons-nous de quelque autre chose que de ces querelles entre les morts (qui peuvent très bien enterrer les uns les autres comme dit l'écriture).—

Pourquoi j'ai parlé?— Parcequ'il <me se>mbloit¹ que j'avais quelque chose à dire, j'avais des Erlebnisse, des doutes, des larmes — et je parlais. Je m'éloignais emportant une tristesse profonde — je me détournais avec dévouement. L'auteur ne m'a pas tenu gré de cela.

Au reste je vous demanderai la permission de répondre après. Les quelques lignes écrites à la hâte ne sont pas dirigées pour les lecteurs de votre journal, mais seulement pour vous.

Schreiben Sie mir deutsch, ich habe die französische Sprache nur aus Koketterie gewählt, um meine Unbeholfenheit in der deutschen zu verbergen.

Grüßen Sie Herrn Löwe et recevez les salutations les plus sympathiques.

A. H e r z e n.

J'irai pour deux-trois mois en Espagne, mais comme ma maison reste à Nice, adressez ici tout ce que vous désirez.

Si on ne pouvait insérer la dédication à Bak<ounine> faites imprimer sous le titre:

«A mon ami et frère Bakou<nine>»
au reste on pourrait l'imprimer à la fin.

Перевод

Ницца, 12 февраля 1851 г.

Вот, милостивый государь, предпоследняя часть моей статьи о России, через неделю пришлю вам заключение.— Вы бесконечно меня обяжете, если каждый раз будете посылать мне по 2 экземпляра номеров со статьями, а потом отправлять по 8 экземпляров через какого-нибудь книгопродавца в книжный магазин Висконти в Ницце.

Что до брошюры — поступайте так, как сочтете нужным, и потом известите меня.

В первой статье на странице 17 в последней строке есть очень серьезная ошибка: вместо «Beschränkung» — следует читать «Unbeschränktheit» — надо бы исправить это в следующем выпуске.

Я прочел с большим вниманием пылкую и талантливую ста-

¹ Автограф поврежден.— *Ред.*

тью, где меня громят с таким остроумием, что я пришел в совершенный восторг. Носа самая манера рассматривать мои статьи с такой точки зрения — большая ошибка. Нет, я не проповедовал аристократического эгоизма, в моих «увещаниях», быть может, больше любви, чем гордости, но любви оскорбленной, разбитой. Автор не пожелал увидеть трагическую, фатальную, лирическую, если хотите, сторону вопроса.

Это не логически обоснованные очерки, это стремление к новой деятельности, это вопль страдания, сознание необходимости отрешиться от *прежней деятельности*.

Автор думает, что он остается с народом, что идет к народу. Но посмотрите, бога ради, на Францию, — народ инстинктивно опередил политических деятелей, он меньше всего на свете интересуется «горой», дотациями, Шангарнье — на мой взгляд, это огромный прогресс, и однако это гибель существующего строя, гибель демократии, какова она теперь. Так вот, скажите пожалуйста, кто же из нас ближе к народу, я ли, когда убеждаю не иметь дела с политиками, призываю к освобождению личности, разоблачаю все так называемые свободы, — или автор статьи?

Я убежден, что на тех революционных путях, какими мы шли до сих пор, можно лишь ускорить полное торжество деспотизма. Я нигде не вижу свободных людей, и я кричу: стой! — начнем с того, чтобы освободить самих себя, не будем тратить сил на пережевывание высоких подвигов парламента или палаты депутатов, займемся чем-нибудь другим, а не этими дрызгами между мертвецами (которые отлично могут сами хоронить друг друга, как сказано в писании).

Почему я начал говорить? — Потому что <мне>¹ казалось, что мне есть что сказать, я познал *Erlebnisse*², сомнения, слезы — и я заговорил. Я уходил, унося с собой глубокую скорбь, я отстранился, сохраняя преданность делу. Автор не оценил этого по достоинству.

Впрочем, я попрошу у вас разрешения ответить ему позже. Эти несколько строк, набросанных наспех, предназначены не для читателей вашего журнала, а только для вас.

Ich schreiben Sie mir deutsch, ich habe die französische Sprache nur aus Koketterie gewählt, um meine Unbeholfenheit in der deutschen zu verbergen.

Grüßen Sie Herrn Löwe³ и примите мои сердечные приветствия.

А. Герцен.

¹ Автограф поврежден. — *Ред.*

² треволнения (нем.); ³ Пишите мне по-немецки, я выбрал французский язык лишь из кокетства, чтобы скрыть свою беспомощность в немецком. Поклонитесь от меня г-ну Лёве (нем.). — *Ред.*

Я поеду на два-три месяца в Испанию, но так как дом мой по-прежнему в Ницце, адресуйте сюда все, что вам будет угодно мне послать.

Если нельзя вставить посвящение Бакунину, распорядитесь напечатать под заглавием:

«Моему другу и брату Бакунину».

Впрочем, можно это напечатать и в конце.

86. К. КАППУ

18 (6) марта 1851 г. Ницца.

Le 18 mars 1851. Nice.

Cher monsieur Kapp! Je ne sais pas si vous avez reçu de Zurich 50 exemp<lares> V<om> andern Ufer que je vous ai fait envoyer, il y a 4 mois. Vous me le direz dans une petite lettre, et voilà une nouvelle proposition: je publie un ouvrage sur la Russie sous le titre *Du développement des idées révolutionnaires en Russie* — je voudrais bien envoyer chez M. Mangelsdorf au moins 25 exemp<lares> en commission — le prix sera entre 3 et 3 $\frac{1}{2}$ francs. Ecrivez-moi comment je dois vous les expédier. Que fait Jakoby, je voudrais lui envoyer aussi à Königsberg.

Il y a deux semaines que j'ai reçu une lettre de New York, votre frère se porte bien, et ses affaires ne vont pas mal.

Adieu. Je vous salue de tout mon cœur.

A. H e r z e n.

Adresse: Nice Maritime (Piémont), Maison Sue, au bord de la mer.

Перевод

18 марта 1851 г. Ницца.

Дорогой господин Капп! Не знаю, получили ли вы из Цюриха 50 экземп<ляров> «V<om> andern Ufer», которые я 4 месяца тому назад распорядился вам послать. Известите меня об этом письмом, а вот и новое предложение: я издаю сочинение о России под заглавием «*Du développement des idées révolutionnaires en Russie*», мне весьма хотелось бы послать г. Мангельсдорфу на комиссию по меньшей мере 25 экземпляров — цена будет 3—3 $\frac{1}{2}$ франка. Напишите мне, каким образом я должен вам их переслать. Что поделявает Якоби, я не прочь бы отправить и ему в Кёнигсберг.

Две недели тому назад я получил письмо из Нью-Йорка. ваш брат здоров, и дела его недурны.

Прощайте. От всей души кланяюсь вам.

A. Г е р ц е н.

Адрес: Приморская Ницца (Пизмонт), дом Сю, на берегу моря.

20 (8) марта 1851 г. Ницца.

Рукой Н. А. Герцен:

Вчера я получила твоё письмецо, моя милая, добрая Таня, оно так тронуло меня, что я сейчас же отвечаю; а когда пошлю ответ, ещё не знаю.

Глупенькая ты моя, как же ты не отгадываешь причины моего краткого писания, когда я тут же и объясняю его, говоря, что боюсь надеть тебе более горя, чем радости, своим многоглаголанием.

Твое настоятельное требование успокоивает меня, и я рада поговорить с тобой. «... Хорошо ли мне?..» — трудно отвечать на это. Ведь ты знаешь мою натуру, знаешь мое детство, юность... с ранних лет мне нужно было знать и любить безмерно... а окружающее меня вгоняло, втесняло меня в самое себя; то, что должно было питаться, развиваться, расцвести, — выглянув в жизнь, замирало на первом шаге или возвращалось назад отравленным и раздвело бездны мучений во мне, внутренний мир становился все шире и шире, а стенки делались все тоньше и тоньше... но потерплю, думала я, — подожду... — и ждала, и терпела в надежде осуществления моих идеалов, удовлетворения моих требований, а идеалы и требования росли между тем со мною, перерастали меня... Если б не Александр, я погибла б, совсем бы погибла... ну уж тут мне нечего прибавить тебе нового, ты знаешь, что он мне... потом Саша, — чувство матери поглотило меня совершенно, все другие задремали... вот дальше, дальше в жизнь — и они пробудились с новой силой, с большей энергией, я рылась на каждом шагу до тех пор, пока дорывалась до ключа, много и попустому труда было, — но там, где являлась хоть тень симпатии, я привязывалась страшно, горячими кусками сердца платила за одно доброе расположение; и все живое, сладкое или горькое, частное или общее, все — привлекало, увлекало меня, обращалось во мне вместе с кровью покамест... я и не искала одного хорошего, искала полноты — и нашла ее; более жизнь не может дать, я расстанусь с ней с величайшей благодарностью, как бы рано ни пришлось расставаться.

Через несколько дней.

Смешно бы было мне писать все это кому-нибудь, кто меня знает и любит менее тебя, — тебе мне нужно объяснить, что мне *только* хорошо не могло и не может быть, никогда, а очень хорошо и очень дурно *всегда*.

Последняя дочка моя, Оленька, красавица, здоровенькая, любимица всей семьи; кормилица у нее чудесная женщина... ну видишь, ты меня уверила, что можно писать к тебе, так я и хочу дать тебе понятие о нашем житье-бытье. Тата выросла, славная такая, ее я учу гимнастике, танцевать, рисовать, музыке, а *потом* немножко русской граммоте, вот и все; и со всем этим она большая вольница, целый день на дворе и в саду, сад у нас огромный, теперь уж там цветут фиалки; деревья покрыты апельсинами, розы... коза — единственный товарищ Наташи. Против дома — море... в жары тут же у берега и купаются ребятишки. Коля как маленький царек живет у Л(уизы) Ив(ановны), их дом несколько шагов от нас, мы видаемся несколько раз в день, у него гувернер отличный человек, любит его и учит его с любовью к ребенку и к ученью, Коля говорит по-немецки, читает, пишет, весел и здоров как нелзя больше, умен и сметлив поразительно и не изменил своей страсти к Машеньке. О ней я не пишу тебе, потому что ты с ней в переписке сама; жаль нам было расстаться с ней, лишь дай бог ей счастья.

Саша — почти с меня ростом, милый, благородный малый — он, мне кажется, будет натуралист и живописец; тому и другому учиться постоянно и с большею склонностью, чем всему остальному. Знакомых у нас — двое, трое и только.

После всех бурь дети — моя пристань. Для себя я не ишу в жизни более ничего; пересоздавать мир — отложила попечение. Если я могу под старость впдеть детей, слышать о них, быть для них старой няней, верной собакой — для меня довольно. Все страсти, все самолюбивые, несбыточные замыслы унеслись, сознание, что отдаю себя всю, что делаю насколько только есть во мне — успокаивает меня. Если я научу детей быть любимыми — стало и любить — из этого одного стоило жить...

В будущее я не заглядываю, что будет то будет, все прошедшее — настоящее для меня...

Все урывками пишу тебе; то то, то другое... то лень. Ну, так... Да, все мое прошедшее я пошу с собою, оно — я сама. И после всех бурь не утратилось во мне ни любви, ни теплоты; Таня, я часто вспоминаю даже о шляпе Кет<чера>, которой он покрыл меня от солнца 8-го мая, как увез меня... все святыня, все мощи, все люблю, люблю, люблю *страшно*...

А что же ты не написала мне ни о ком и ни о чем, коли можно нам переписываться?

Я все поджидала письма от N<atalie>, да и не придумаю, что такое, что она не пишет... ждать уж не буду, а поплю.— С<ергею> Ив<ановичу> жму руку — вот как... да, если б он показывался на Лондонской выставке, так и я бы на старости лет потащилась туда.

От N<atalie> письма жду, жду, жду, жду, жду... поторопи ее! — Да и сама пиши через Машеньку.

Твой старый друг.

Руку — руки и память.

$\frac{20}{8}$ марта.

На обороте рукой Н. А. Герцен: Татьяне Алексеевне.

Машенька! Предаю судьбу письма этого — в твои руки.

88. А. КОЛАЧЕКУ

30 (18) марта 1851 г. Ницца.

30 mars 1851. Nice.

Mon cher monsieur Kolatchek,

J'ai reçu votre lettre et je m'empresse de vous dire, que les 10 exempl<aires> dont je vous ai parlé ne sont plus nécessaires, et voici la cause: quelques Russes m'ont prié d'imprimer mon manuscrit (qui était écrit en Français) ici, en Piémont — j'ai donc accédé à cela, à condition de ne pas faire paraître avant la publication de la conclusion dans votre Revue. Cette édition tirée à 500 ex<emplaires> et principalement dirigée pour la Russie, me permet de ne pas en prendre les exemp<lares> Allemands.

Ne m'en voulez pas pour les observations contre le correcteur, je crois bien que ce n'est pas sa faute — avec quelle horreur j'ai lu par ex<emple> que mon ami le poète Koltzoff a été *zu Tode g e p u d e l t*. — J'ai eu entre mes mains la traduction. «Mea culpa!»

Je ne saurai vous dire si je vous enverrai bientôt ma réponse. Je voudrais beaucoup écrire à ce sujet — non pour la polémique, mais pour démontrer que ce n'est pas l'individualisme négatif (le satan des chrétiens) que je prêche — mais l'autonomie, l'autocratie de l'individu. Non le repos du dépris — mais une activité dans une autre sphère sur d'autres bases. Non l'abstention froide et dédaigneuse — mais un dévouement libre ¹. — Or. Le cœur est gros, je voudrais beaucoup dire, mais je ne sais pas, je suis distrait, préoccupé. — Enfin je crois que je quitterai bientôt Nice, et alors peut-être je vous enverrai quelque chose. En tout cas faites-moi parvenir ce qu'on écrira contre. Au moins l'article de Solger a le mérite d'être plein de verve et d'intelligence; tandis qu'un autre (à propos de Buchner) — ne partage pas ces avantages, quoiqu'il est excessivement peu poli.

Peut-être j'aurai le plaisir de vous voir vers le mois de mai — mes plans espagnols finissent par les Alpes à ce qu'il paraît.

Je vous salue fraternellement.

Herzen.

Ma mère et la *ci-derant* M^{selle} Ern (qui a eu l'avantage d'avoir été damée et porte le nom de Frau Reichel) — vous saluent.

Перевод

30 марта 1851. Нипца.

Дорогой господин Колачек,

я получил ваше письмо и спешу сообщить, что те 10 экземпляров, о которых я писал, мне уже больше не нужны, и вот почему: несколько русских просили разрешить им напечатать мою рукопись (написанную по-французски) здесь, в Пиэмонте, — и я согласился с условием, что она не выйдет в свет до опубликования заключительной части в вашем журнале. Появление этого издания, которое будет напечатано в количестве 500 экземпляров и предназначено главным образом для России, позволяет мне не брать экземпляров на немецком языке.

Не сердитесь на меня за нападки на корректора, я вижу, что это не его вина, — с каким ужасом я прочел, например, что мой друг, поэт Кольцов, был *zu Tode g e p u d e l t*. — А ведь у меня был в руках перевод. «*Mea culpa!*» ²

Не могу сказать, скоро ли я пришлю свой ответ. Мне хотелось многое написать на эту тему — не ради полемики, но для того чтобы доказать, что я проповедую вовсе не всеотрицающий

¹ Avez vous lu «Gribouille» de G. Sand — comme elle a bien compris le dévouement dont je parle.

² «Моя вина!» (лат.). — *Ред.*

индивидуализм (сатану христиан) — но автономию, автократию личности. Не покой отщепенца — но деятельность в иной сфере, на иной основе. Не холодное, высокомерное отрешение, но свободную преданность¹. — И вот. На душе тяжело, я хотел бы многое сказать, но сам не знаю — я рассеян, озабочен. — Словом, я, вероятно, скоро уеду из Ниццы, и тогда, может быть, пришлю вам что-нибудь. Во всяком случае присылайте мне все, что напишут против меня. Статья Зольгера имеет по крайней мере то достоинство, что написана горячо и умно, между тем как другая (по поводу Бухнера) — не блещет этими качествами, хотя и чрезвычайно невежлива по тону!

Быть может, я буду иметь удовольствие увидеть вас в мае — мои испанские планы, кажется, ограничатся Альпами.

Шлю вам братские приветствия.

Г е р ц е н.

Моя мать и бывшая мадемуазель Эрн (которой посчастливилось пройти в дамки, и она именуется теперь фрау Рейхель) — вам кланяются.

89 А. КОЛАЧЕКУ

15 (3) апреля 1851 г. Ницца.

15 avril 1851. Nice.

J'ai eu le plaisir de recevoir votre bonne lettre, cher monsieur Kolatchek. Si vous avez un éditeur pour ma brochure (en Allem^{and}) je ne demande pas mieux, mes conditions sont d'une simplicité antique — l'éditeur doit m'envoyer 500 fr. de Fr^{ance}, 25 exemp^{laire} de la brochure — et voilà tout. Mais il m'est impossible de permettre une édition sans la corriger, d'après le texte français — que je vous enverrai dans une dizaine de jours. Les trois premières parties fourmillent de fautes. Outre cela j'ai ajouté à l'épilogue quelques pages (Socialisme russe et l'émigration) — c'est absolument nécessaire.

L'édition française a été prise par Franck à Paris, j'en ai gardé une centaine d'exemp^{laire}. Si Schultheß (ou un autre lib^{aire}) désire une vingtaine, j'enverrai, le Ladenpreis est de 3 fr., pour les libraires 2 fr. — J'ai reçu un de ces jours une note de la librairie Wohler d'Ulm, ne veut-il pas accepter pour payement quelques exemp^{laire} V^{om} and^{ern} Ufer et de la brochure française? — Si vous êtes en correspondance avec lui vous m'obligerez. A propos des comptes, j'en ai reçu deux petites notes de Schultheß et l'autre de Wohler pour la *Deutsche Monatsschrift*.

¹ Читали ли вы «Грибуля» Ж. Санд — как хорошо она поняла преданность, о которой я говорю.

J'ai pensé que votre revue m'est envoyée par la rédaction — pour montrer comment mes articles sont imprimés, en tout cas il me suffit à présent d'avoir un exemplaire. — Savez vous que j'ai reçu quelques №^{os} de votre revue trois fois, il y a une petite confusion, je vous la dénonce.

J'ai lu hier la traduction de Wolfsohn, Franck l'a envoyée, elle est bonne. J'étais bien jeune lorsque j'écrivais de pareilles nouvelles.

Envoyez de grâce à l'adresse de Vogt 3 exemplaires de cette traduction, pour ma mère, qui vous salue, — je dis à l'adresse de Vogt, car je pense toujours à quitter Nice.

Je vous salue de tout mon cœur.

A. H e r z e n.

P. S. Mon compatriote Golovine me charge de vous demander s'il n'y a pas de possibilité de trouver un éditeur en Brême ou à Zurich pour une brochure Allemande *Umriss einer Volksphilosophie* — dont le manuscrit est à présent à Leipzig chez Avenarius, qui refuse de l'imprimer pour des causes politiques. Certainement M. Golovine exigera un petit paiement. Vous m'obligerez infiniment, en me disant votre opinion.

Перевод

15 апреля 1851. Ницца.

Я имел удовольствие получить ваше милое письмо, дорогой господин Колачек. Если у вас есть издатель для моей книжки (немецкой), я ничего лучшего не желаю, мои условия классически просты — издатель должен послать мне 500 французских франков и 25 экземпляров брошюры — вот и все. Но я ни в коем случае не разрешу печатать, не исправив ее по французскому тексту, который я вам пришлю дней через десять. Три первые части кишат ошибками. Кроме того, я добавил в эпилоге несколько страниц («Русский социализм и эмиграция») — это совершенно необходимо.

Французское издание вышло у Франка в Париже, я сохранил сотню экземпляров. Если Шультес (или другой издатель) захочет получить десятка два, я пришлю. Ladenpreis¹ — 3 франка, книготорговцам 2 франка. — На днях я получил извещение от книжного магазина Волера в Ульме; не хочет ли он получить в уплату несколько экземпляров «Vom und zum Ufer» и французской брошюры? — Если вы состоите с ним в переписке, вы меня очень обяжете. Кстати о счетах: я получил два небольших счета от Шультеса и один от Волера за «Deutsche Monatsschrift». Я думал, что ваш журнал высылается мне

¹ Продажная цена (нем.). — Ред.

редакцией, чтобы показать, как напечатаны мои статьи,— во всяком случае теперь мне достаточно одного экземпляра.— Знаете ли вы, что некоторые №№ вашего журнала я получал по три раза, здесь какое-то недоразумение, сообщаю вам об этом.

Вчера я прочел перевод Вольфсона, Франк прислал мне его, перевод хорош. Я был еще очень молод, когда писал такие повести.

Пришлите, пожалуйста, на адрес Фогта 3 экземпляра этого перевода для моей матери, которая вам кланяется,— я даю адрес Фогта, потому что все еще собираюсь уехать из Ниццы.

Приветствую вас от всего сердца.

А. Герцен.

Р. S. Мой соотечественник Головин просит узнать у вас, нельзя ли найти в Бремене или в Цюрихе издателя для немецкой брошюры «Umriß einer Volksphilosophie» — рукопись находится сейчас в Лейпциге у Авенариуса, который по политическим причинам отказывается ее печатать. Разумеется, г. Головин потребует небольшого вознаграждения. Вы бесконечно меня обяжете, если выскажете свое мнение на этот счет.

90. Н. А. ГЕРЦЕН

5 июня (24 мая) 1851 г. Марсель.

5 июня. Марсель.

Все как следует, и Марсель на месте, приехали сюда так себе, ничего, в пять часов утра, в 12 отъезжаем в Лион и утром 7-го будем в Париже. Жар на дороге был страшный, к тому же за нами сидел вонючий и больной жид в шубе. Паспорты спрашивали 4 раза.— Здесь мы умылись и разделись, ничего еще не потеряно из несессера — но, надеюсь, к Лиону окажется. Я, вероятно, не остановлюсь в Hôtel Mirabeau. Впрочем, мне все сдается, что я еду на два, на три дня в Париж, может, даже махнем в Лондон или в Фрибург, смотря по погоде, а, кажется, она не отличная. Наконец, всего бы лучше опять в Ниццу хоть на время,— каков-то ответ от министра.

Ты знаешь, друг мой, неприятную пустоту головы после дороги, хотелось бы сказать и то — да после. Последние пять-шесть дней я был покойнее, мне стало мерещиться, что будущее не все покрыто одной черной полосой — я так привык себя считать под каким-то фатумом, что даже принимаю и светлое. Об этом после и после — а теперь прощай.

Саше, как сказано, будет большое письмо особо. Поцелуй всех детей, особенно несчастную Олю с видом грудной вдовы.

Александре Христиановне (ей-богу, нельзя такое длинное

имя носить) жму руку, верно, ее здоровье лучше от моря, от того, что мы за морем, от того, что нет ни дразнителей, ни свидетелей.

Ну, а Тате будет тоже со временем особое письмо, а теперь только:

Папа кланяется.

Полковник вел себя всю дорогу превосходно, т. е. мы оба молчали, спали и нюхали жид. Он, т. е. не жид, а полковник, здоров.

В. Я оставил в спальню №№, списанные с сардинских фондов. Спрячь эту записку.

91. Н. А. ГЕРЦЕН

6 июня (25 мая) 1851 г.

6 июня. Пятница.

Au bord du «Bourdon»¹ на Роне.—

12 часов пополудни и мы уже отобелали.

Рукой В. А. Энгельсона:

Вчера мы писали вам из Марселя,— это сообщаю я вам так по аккуратности моей привычной.— Теперь вот плывем мы по Роне. В кабина сидит жандар, который наблюдает за французом, его добычею, завтракающим с премиленькою буфетчицею парохода.

Видите, как дело: господина везут два жандарма и не выпускают из глаз; он было заснул в каюте, тогда жанд<арм> пришел и сел тихо, как словно мать родная, возле, а арестант, должно быть, видел во сне жену, детей и прочий вздор, лицо его стало печально, и полковник взглянул на солдата, тот покраснел, сконфузился и посмотрел в окно.

Рукой В. А. Энгельсона:

Да ведь чужое дело скоро позабыто, скажу вам лучше, что Александр Ивапович печется обо мне словно о пленце, кормит paté froid², спрашивает, отчего я мало ем и т. п. Он здоров по видимому, я здоров и по видимому и в самом деле.—В Лионе мы отдохнем сутки, потом пароходом поедem по Соне до Chalon, а оттуда по железной дороге до Парижа. Вы видите, что перо скверное, оттого я больше писать не буду, не взыщите и не подумайте, что я выпил, ничуть,— а только тряска парохода и скверное перо. В Авиньоне в Hôtel d'Europe чучело собаки, которым восхищались Саша и Наташа, все еще существует.— До свидания

...да, оно существует, до свидания. А дальше путь идет так: из Парижа едем мы в Нью-Йорк и Калифорнию. И обо всем следующий раз. А впрочем, хотя полковник и говорит, что одна тряска, однако он, будучи не пьян, тоже и не терз.

¹ На борту «Шмеля» (франц.); ² паштетом (франц.).— *Ред.*

Детям и всем.

Тата, представь себе, что корабль, на котором я ехал, называется «Bourdon». Bourdonnons. Bourdonnons¹. — Поцелуй же Колю и Олю.

92. Н. А. ГЕРЦЕН

7 июня (26 мая) 1851 г. Лион.

6 или 7 июня 1851. Лион.

Вчера нельзя было отослать письма, и мы посылаем оба вместе. Все идет хорошо; но переезд от Марселя до Лиона устроен варварски, а потому, если вам придется ехать, я напишу целую инструкцию, как брать места и куда.

Полковник вчера к вечеру наконец-таки поприустал, я его обмыл тепленькой водой, попоил винцом и уложил в десять спать, теперь он встал и прыгает — мы могли бы сегодня к вечеру быть в Париже, но думаем остаться — в хорошем городе можно остаться, отчего же в хорошем городе не остаться, т. е. до пяти вечера. Видите ли, как теперь быстро идет: от Шалона прямо железная дорога через чудовищный туннель в 4500 метров, и мы, стало, завтра утром рано в Шалоне, в 7 по железной дороге и 3 часа пополудни в объятиях M^{selle} Cousin.

Путь наш был долею отравлен арестантом, о котором я писал с лодки: молодой человек, недавно женатый, богатый, — как француз, показывал он вид совершенного беспечья, но, глядя пристально, так и видны были когти кошек, которые скреблись на душе. Взгрустнулось нам от этого зрелища, нет, в Париже нам, кажется, не жить. Mais comme tout est compensé dans le meilleur des mondes possibles² — вот и забавная часть пути. На дороге из Марселя мы сидели в купе, а внутри поместилась англичанка с братом, очень педурная, — мы подумали, отчего же это нам судьба не дала ее в соседи. Едем мы станцию, другую, садится в дилижанс человек, может, очень почтенный, но без носу, англичанка протрадала два, три реле и стала умолять, чтоб ее пустили в купе (осмотревши прежде, есть ли у нас два носа, и притом не два в сумме, а у каждого по носу), с нами ехал дѣмос³ и тотчас уступил место. Ну мы ее закутали и так приголубили, что довели вместе до самого Hôtel d'Europe, где она через коридор от нас.

Что я тебе скажу о себе — здоров я до противности, так что полковнику делается тошно, как Шпоньке при виде жиру ин-

¹ «Шмель». Пожужжим, пожужжим (франц.); ² Но так как все уравновешено в этом лучшем из миров (франц.); ³ демократ (сокращ. от франц. démocrate). — *Ред.*

деек своей тетушки. Хлопоты и тракастри не дают ни малейшего места сосредоточиться. Не скажу, впрочем, чтоб очень было хорошо на душе, *mein Herz gleicht ganz...* да не морю, а кисло-сладкому хлебу, и, право, я один из самых печальных шутков в мире. Я иду в какое-то новое будущее, похожее на этот туннель в пять верст — целого, я это чувствую, ничего не осталось в душе, но много дорогого, и я еще раз повторяю, что в последнее время мне казались возможны счастье не счастье, — а светлая, хотя и трагическая симпатия — но дальше не пойду сегодня, как только издали коснусь, то у меня кипиток в груди и слезы на глазах... К тому же у меня сделались *физиологические* воспоминания вроде безумия, совершенно спокойно засыпаю я, и вдруг во сне что-нибудь из чернейших дней былого — и кончено, я не могу быть ни светел, не могу даже свыкнуться, как мало, как мало была оценена сторона сердца во мне.

Пожить одному мне хорошо, опомниться... а это, впрочем, вздор, зачем же привыкать к утрате, к несчастью, привыкать к пустой жизни, к холодному старчеству, нет, пусть рана не заживает, пусть мучит, унижает, давит, — лечение одно и может быть — воскреснувшая из гроба любовь, — и Христос был три дни в аду после смерти и прежде воскресенья. Прощай. Хотелось бы плакать — а потому довольно.

Саше кланяюсь уж не как маленькому, а как молодому другу и прошу его в память мою не терять времени и даже не забывать, как мне были неприятны некоторые манеры его.

Что Александра Христ<иановна>? Два или восемь. Я думаю, вы живете славно, и я всего более хочу возвратиться в Ниццу или возле. Книги в Париж отправлены. — Если не позволят нам в Ницце, найдем у принца Монака, не шутя это было бы отлично.

Маменьке земно кланяюсь.

Пишите лучше на адрес Мар<ьи> Каспар<овны> *p<our> r<emettre> à M. Alexandre*¹.

93. Н. А. ГЕРЦЕН

9 июня (28 мая) 1851 г. Париж.

9-е июня. Париж.

Вчера, друг мой, в 8 вечера приехали мы безостановочно из Лиона, теперь эта дорога просто ничего, мы были в 24 часа в Париже, новой железной дорогой от Шалона.

Самый въезд в Париж был скучен, прозаичен, освещение мутно после Италии, и какая-то тягость ломила душу; были в

¹ для передачи г. Александру (франц.). — *Ред.*

пяти отелях, все занято, наконец, поместились в маленьком «Prince Régent» на улице Hyacinthe S. Honoré, но писать туда не нужно, а лучше на Мар<ью> Касп<аровну>, буду же к ней пилигримствовать.

Сейчас записал белье: 1 paletot
1 pantalon
3 chemisettes¹ и пр.

для прачки и заметил ей, что надо крахмалить. Помнишь, как я с удивлением и хохотом писал из Перми, что хозяйка предлагала мне корову... тогда шло в гору, в гору, и именно оттого ничего не было видно впереди, теперь с тормозом шажком под гору и все видно, теперь не смешно и белье записать.

Получил твою записку от M^{selle} Cousin. Благодарю за нее, она писана так, как надобно, она меня много утешила, и Оленькин дагерротип, я не знаю отчего, но он как-то на меня действует как calmant². Полков<ник> живет в другом этаже... Совершенное одиночество, типина, ни одного знакомого лица... я искал этого, но на душе все же нехорошо. Не знаю как, но я переменился совершенно в последние полгода. Меня постоянно разбедает какая-то злоба и какая-то тоска. Я в 40 лет могу à la Гретхен сказать:

Meine Ruh ist hin,
Mein Herz ist schwer,
Ich finde sie nimmer
Und nimmermehr.

В 14 лет это больно, но с тем вместе хорошо к росту, а сердцу сложившемуся трудно. Сегодня утром я сидел, думал и вдруг слезы полились градом, все это новое. А святое равнодушие ко всему, что бы ни случилось, в Англию, в Америку, куда угодно, лишь вы были бы живы, лишь бы я знал, что это не торжество для гнусного эгоизма; желание мести у меня развивается более и более.— Ты называла это самолюбием, я тут вижу то же чувство, которое проводило меня через всю жизнь, наполнило все артерии, все волосянные сосуды и которое только так казалось слабым, оттого что оно мне было естественно, что я в нем жил,— теперь оно стало latent³, оттого что оно болезненное чувство, оттого что оно теперь столько же отравляет меня, сколько живит.

Мне что-то сомнительно, можно ли здесь поселиться, очень сомнительно, и гораздо скорее можно вообразить, что отсюда ни за что ни про что выгонят. Что у вас Бонфис—какой ответ дает. За сим Англия. В Швейцарии я не могу жить — разве один.

¹ 1 халат, 1 кальсоны, 3 манишки (франц.); ² успокоительное средство (франц.); ³ затаенным (франц.).— *Ред.*

Не в Ницце — так в Турине, в Генуе можно поместиться. Только очень скоро всего этого не узнаешь. Мы с полковником не на шутку собираемся в Лондон, 12 часов в пути.

Марья Каспаровна встретила с распростертыми объятиями и была просто вне себя от радости. Они живут очень мило, маленькая квартирка, деревья и bal Mabille возле.

Нынче отправляюсь к Ротшильду и к Пальмье.

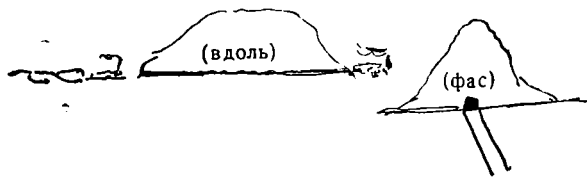
Если наша Офелия в духе, т. е. весела, что к ней так удивительно идет, то скажи, что мы в дороге беспрестанно вспоминали и веселье, и изгояние, и пр. Хотя говорили мы мало, как все сердило и бесило, что делалось. Полковник всю дорогу вез дагерротип Офелии при себе и иногда посматривал даже украдкой от меня (меня заведомо считают врагом всего нежного); в силу этого и взяв в расчет их нервность, я начинаю обдумывать, нельзя ли их, как эти escargots ¹, телеграфически приладить для быстрых сношений. Например, ты что хочешь передать, скажи Алексandre Христиановне, она подумает, а полковник с дагерротипа прямо мне и скажет.

Маменьке я напишу особо, потому что нечего писать. Марья Каспаровна ее ждет, я нашел лицо Марьи Каспаровны изменившимся от ее положения. Рейхель гордо и значительно посматривает на плоды своих музыкальных занятий. Все у них, как кажется, хорошо. Чего же лучше. Коле приписую.

В письмах, скажи всем, чтоб были осторожны, а если есть от Гавриловича, то сперва прочти, и если сально, оставь до меня.

Получено ли наше письмо из Лиона? Это 3-е после отъезда. Я буду номер ставить.

Обнимаю тебя, Саша, и целую, когда будет больше досуга, напишу целое письмо. Мы ехали новой железной дорогой, возле Дижона туннель в 4200 metr. Это значит 4 с половиной версты под целой горой.

Энгельсон смотрел на часы: ровно шесть минут. Возле Тоннера машина остановилась и мы ждали час и 17 минут.

¹ улитки (франц.).— Ред.

10—11 июня (29—30 мая) 1851 г. Париж.

10 июня 1851. Париж.

Ну, писать вы довольно скупы, вчера ничего не было, сегодня еще не знаю. — Солнца нет, небо серое, а впрочем, я уже теперь начинаю чувствовать всю разницу с климатом Ниццы, нет той усталости, чувствуешь себя свежее. Вчера мы были в театре — глупо. Здесь такой сумбур и хаос, что надобно жить закрывши глаза, понять нельзя ничего, всё предсказывает грозу, но какую — трудно сказать.

11-е июня.

Письмо твое от 5 принесли еще вчера. Я думаю, ты права, мы должны были сплавиться, сделаться необходимостью друг для друга, я всегда так думал, страшный опыт показал иное, но, может, он победится. Иногда кажется, что и этот опыт должен выработаться в новую силу, что тут-то и завершение развития, потеря последней религиозной мечты — т. е. что следует сделаться независимее, свободнее, умнее. Да. Но почему это? С такой премудростью — прощай поэзия в жизни, равнодушие старости; это и без того с годами придет, — я ведь был ужасно молод, чист даже по-детски во многом до этой страшной осени, тут я переродился и стал вовсе не так прост и прям, как прежде, я чувствую, что я стал зол, скрытен, постоянно присущее чувство великого оскорбления, как дрожжи, бродит и мучит. — Ты скажешь, что я опять все говорю о себе да о себе. Да о чем же, друг мой, говорить мне с тобою, как не об нас. — Разлука наша теперь должна быть время *pour se recueillir*¹, она чрезвычайно на месте. Если б только дойти мне до кроткой грусти и тебе до того, чтоб понять, что все это не было заслужено мной, как ты говоришь, и не имело того характера, — который я понимаю, отчего ты придаешь — тогда с склоненной головой мы наружно забудем прошедшее, тогда не нужно говорить, тогда свяжутся порванные концы и гармония восстановится вполне, тогда и воспоминанья об наших первых годах не будут тебе казаться так бедны; тогда последние остатки демонического, лихорадочного и солнечного чувства иссякнут. О если б это было!

Воспитанье детей дает огромный шаг вперед — и наших детей. Я вчера еще долго с Мар<ьей> Касп<аровной> смотрел дагерротипы их.

Должно быть, Мар<ья> Кас<паровна> многое знает. Я это замечаю по тому, как она тщательно избегает малейший

¹ собраться с мыслями (франц.). — *Ред.*

намаек, малейшее воспоминанье. Я ей душевно благодарен за эту пощаду, особенно в первые дни я был так беспокоен, взволнован. Ну, прощай, мой друг, дай руку, обними меня — моей любви «ни ветер не разнес, ни время не убелило». — Это чувство — моя *moelle epinière*¹, оно проводит меня (что б ни было) до гроба.

Мы с полковником собираемся завтракать. — Он кланяется, до сих пор все идет недурно, сегодня хотим слушать Альбони. — Едим мы с изяществом невероятным, мало, но все с перышком и с шпичком.

Как только Барман получит мои бумаги из Фрибурга, я начну действовать, а именно чтоб получить дозволение поселиться в Южной Франции — превесьма хвалят Бордо, а не то и в Монпелье. Переезд вам будет легкий. Но прежде я все же побываю в Фрибурге — и хотелось бы хоть на смех Панину возвратиться в Ниццу.

Маменьке, Луизе и детям всем поклоны и поцелуи. Писать что-то не хочется. Александре Хр<истиановне> посылаю отрывок из «Прессы», вот, мол, какие сносшибающие есть в Париже.

Спроси Фока, как адрес того виртембергского чиновника, которому следует послать деньги за маменьку.

Ну что ваш рок — хорошо ли кормит? Кормилице почтенье.

Шпильману спасибо за его письмецо, да для чего же он извиняется.

Harum, bitschkarum, bim, bam, bum.

Aschgrau, dunkelgrau — это все Шпильману.

95. САШЕ ГЕРЦЕНУ

12 июня (31 мая) 1851 г. Париж.

Любезный Саша, в ожидании твоего рапорта о твоих занятиях за прошлую неделю я хочу написать тебе несколько слов. Ты входишь теперь в тот возраст, когда дети бедных людей начинают уже работать и серьезно заниматься, а потому я тебе расскажу не о Цюрихе, не о ипподроме, а о том, что здесь было в суде.

Ты слышал о знаменитом французском мыслителе Викторе Гюго; вчера судили его сына за то, что он написал в журнале статью, в которой говорил, что казнить людей отвратительно. Отец его сам стал защищать сына и, предвидя, что его сына все же обвинят и посадят в тюрьму, вот чем он кончил свою речь:

«Сын мой, тебе делают сегодня великую честь: тебя считают достойным страдать за правду. С сегодняшнего дня ты вступаешь в действительную жизнь. Ты можешь гордиться, что в твоих летах ты уже на той скамье, на которой сидели Беранже и

¹ спинной мозг (франц.). — *Ред.* —

Шатобриан, — будь тверд и незыблем в твоих убеждениях, ты их принес в крови, ты им научился у твоего отца».

Сына Гюго осудили на шесть месяцев. Когда они с отцом вышли из суда, народ, ожидавший их, окружил карету и кричал: «Да здравствует Гюго!» Гюго отвечал: «Да здравствует республика!»

Ты видишь, дружок Саша, что как ни больно отцу, что он должен сына отдать в тюрьму, но что для него этот день останется как один из лучших в жизни. Вспомни маленького Грибуля: и он пострадал за правду и за желание, чтоб всем было хорошо. Те, которые гонят, осуждают за это, те хотят, чтоб только им было хорошо.

Надобно быть или Грибулем, или Бурбоном: надобно бороться, собою жертвовать или приносить себя на жертву друзей и врагов. Но быть Грибулем не только выше, но и веселее. Помнишь, как он в тюрьме приучил мышей, лягушек и пел песни? На совести у него ничего не было, он сделал свое дело, а какой-нибудь Бурбон, отравивши жизнь другим, мучится, завидует, боится, стыдится.

Так-то и я хочу со временем видеть тебя идущего по дороге, по которой я шел 25 лет. Не думай, чтоб нужно было натывать самому на беды — нет, надобно быть готовому на всякую борьбу. Не придет она — можно другое делать. Но если придет — что бы ни было, стой за свою истину, за то, что ты любишь, а там что бы ни вышло.

Целую тебя крепко.

Мамаше скажи, что я вчера получил головинс<кое> письмо. Скажи еще, чтоб Мамаша послала у Visconti взять № «Прессы» от 12 июня и прочла бы весь процесс Гюго, но только в «Прессе».

Кланяйся Александре Христиановне. Занимайся как можно больше русским языком. Ты никогда не забывай, что ты должен быть русский.

Тате и Коле будут следующие письма. Скажи только Тате, что ей кланяется Palmier, у которого я вчера обедал.

Энгельсон кланяется.

А ты не забудь поцеловать руку у бабушки, пожать у Луизы и Шпильмана.

Кланяйся Рокке и всем.

Вчера мы слушали Alboni.

96. ТАТЕ ГЕРЦЕН

12 июня (31 мая) 1851 г. Париж.

Милая Тата,

я вчера обедал у твоего старого приятеля у Пальмье, и мы поминали об тебе и пили за здоровье Мамашы и вас. — Обезья-

нок здесь нет, а я поищу что-нибудь другое. Ты только будь умна, тотчас вставай с постели, как проснешься. Целую тебя очень много и Оленьку.

П а п а.

Сейчас была Элиза и с своей маленькой дочкой, на ней твоя шляпка. Элиза кланяется премного.

Поцелуй Сашу.

97. Н. А. ГЕРЦЕН

13—14 (1—2) июня 1851 г. Париж.

13 июня. Париж.

Париж решительно утратил способность меня веселить, я скучаю — и тут, душа моя, я забываю о других внутренних причинах, а говорю просто о том, что они не рассеиваются, — удивительно, как все меняется, когда мы меняемся. Вот лучшее доказательство, что школьники напрасно ищут *истинную* истину, есть только *человеческая* истина. — Мы были в театре Montansier, я хохотал, но мне было скучно, вчера водил я полковника в Мабиль, он никогда не видал, его ужасно электризовал шик танцев, я только и веселился им и в сущности пропадал со скуки. Улицы, журналы, разговоры — все скучно, ни одного живого слова, все газетные рассуждения — битые места, седые от неисполнения надежды, и как-то все это поверхностно — нет, не хотел бы я поселиться в Париже.

Многие говорят, что юг Франции для нас возможен, Пальме советует поселиться не в Марселе, а в окрестностях, советует, если без моря, то выбрать Бордо или Ним (Саша пусть тебе покажет все это на карте), я думаю тоже, что это недурно, на первый случай мы могли бы съехаться в Марселе, путь тебе легкий.

Я готов бы был ехать хоть сегодня, я сыт Парижем. Меня держит вот что: Шаллер писал мне, что мои бумаги окончены будут к 15, стало, к 20 придут сюда, я только этого и жду, чтоб начать мои демарши.

1-е. Если можно будет остаться в Пиэм(онте), я возвращусь через Фрибург, и разве, разве только с полков(ником) сбегам на выставку, что займет не больше десяти дней.

2-е. Если нет, то переедете вы в июле в Марсель, и я прямо отсюда поеду вас устроить.

3. Если, наконец, и это нельзя — то остается *forcément*¹ Англия. — Жаль, очень жаль, что для меня Швейц(ария) отравлена присутствием этого Каина de la *bessonne*. —

¹ поневоле (франц.). — Ред.

Жаль, что и мерзавка эта в Piemont'e— ну, да против судьбы прать нельзя.

Все это надобно решить скорее,— иногда какие-то грозные предчувствия тревожат, неопределенные, но страшные. А впрочем, кто перенес то, что я перенес — тот перенесет все, что попадет на плечи. Но это значит старость, равнодушная, бесчувственная — только ее нет еще в главном; кровь еще льется огнем, и в душе у меня так же два противоположные потока, два кровообращения, любовь и ненависть, любовь со страданием и ненависть с раскаянием, да, да, с раскаянием, самым жгучим, что я не раздавил эту змею. Я презираю себя за эту слабость.

Кстати, в утешенье тем, кто думает о бедности этих господ: Гуман, портной, мне сказывал, что он на днях отправил по ее заказу платья — величественно и поэтически несут судьбу, а ты пишешь, т. е. писывала, о суме и милостыне, о помещательстве и вертерстве. О, как невыразимо хорошо именно такое крапулезно-мелко-мещанское существо, полное эгоизма и lâcheté¹, отправить dahin, dahin. Как я был слеп, я слушаю теперь, что говорят посторонние о их характере вообще, и рву себе волосы — ну, да и наказан за ошибку. Много ли было писем с моего отъезда оттуда?

Тат<ьяне> Алекс<еевне> тотчас по получении письма отослал 350 фр., да еще через Мар<ью> Каспар<овну> велел ей взять у С<ати>на в Москве 100 серебр.

Пришли на адрес Мар<ьи> Касп<аровны> газету, в которой будет интерpellация Valerio, и попроси Шпильмана послать sous bande² 1 экзем<пляр> в Турин M. Valerio, 1—в редакцию «De l'Opinione», один в редакцию «Progresso», и если еще есть такие же листы — журналам, это может сказать Фок. Головин еще спокойно в Турине, как же книги возвратились? Пусть он спросит у Висконти, послал ли он в Геную, а то и туда в редакцию какого-нибудь оппозиционного журнала можно послать. Все это из тех №№, которые были посланы к Голов<ину>. Да, кстати, я Дельену остался должен, кажется, 6 или 7 фр., ему следует отдать.

14 июня.

Небо вечно серо, почти никогда нет солнца,— тоска по Италии, но климат здешний для меня несравненно здоровее, я теперь уже чувствую перемену, нет этой усталости и тяжести. Но жить все же кажется противно, по крайней мере до перемены. Полковник, кажется, проклинает на чем свет стоит за то, что поехал, я, как ни желаю, не могу быть веселым собесед-

¹ малодушия (франц.); ² бандеролью (франц.).— *Ред.*

ником, и чем бы разговор ни завязался (или он пуст) — оканчивается заупокой. Твое присутствие еще наполняло все пропасти, один взгляд детей действовал лекарственно — но в этом кlostральном одиночестве, в этой жизни в сторону нет ничего смягчающего. Писать я решительно не могу, все кажется так мелко, так ненужно. Все это, может, и послужит на что-нибудь, но все это тяжело. И ты, друг мой, не сердись за печальные звуки, которые примешиваются ко всему. Представь иногда себя на моем положении, и ты простишь это оханье или этот стон. Как далеко от меня желание мучить тебя моими словами, да они и не мучительны, если любовь воскресла, — а ведь в это-то мне и необходимо верить, чтоб жить.

Если письмо из Лиона не пришло, требуйте, оно было отправлено 7 числа.

В заключение скажу, что я решительно не пью водки.

Жму дружески руку Алекс<андре> Христ<иановне>. Ну что, как ведет себя Фок № 47?

98. Н. А. ГЕРЦЕН

15 (3) июня 1851 г. Париж.

15. Воскресенье.

Пишу сегодня, друг мой, оттого что вчера Маша опоздала за меня отправить свое письмо. — Думаю, что скоро разрешатся все вопросы, мне хочется всего более опять в Ниццу или в Пиэ-монт. Здесь в воздухе примешано что-то оскорбительное и раздражающее. Ни меня, ни полков<ника> в сущности ничто не веселит, мы натягиваем веселье. Представь себе, что мы вчера были в Château Rouge на бале втроем — кто же третий, отгадай... Бернацкий, который свеж, умен, откалывает комплименты, ну словом, моложе полков<ника>.

В одинокой жизни моей я еще более вижу, как я мало имею способности к фамелизму. Мне нравится эта совершенная тишина, целое утро душа человеческая не взойдет, кроме мальчика с кофеем, мне нравится совершенное безучастие, самобытнее стоишь, умирай себе, порти себя, никому нет дела. Думая об этом вчера, я с горькой улыбкой вспомнил, что ты меня упрекала когда-то за то, что взятое поглубже должно было служить лучшим доказательством, как сильна моя любовь. — Было время, в которое ты не хотела ее видеть, и это своего рода крик совести. — Ты упрекала, что я говорил с предилекцией о жизни в трактире одному. Да что же удивительного, что человек, который ищет семейной жизни, живет в ней? Тут нет сильного чувства, это та форма жизни, которая ему сообразна. Но

когда люди по внутреннему влечению имеют настолько дикости, довольства собой, независимости и общих интересов, когда такие люди не могут без страданий и боли оставить семью на неделю или на две, когда все мелкие невзгоды этой жизни покрываются одним присутствием существа, которое сделалось необходимо, как кислород для жизни, — тогда вряд упрек обдуман ли. Если б наши отношения были на одну степень слабее с моей стороны — я начал бы новую жизнь, с моей энергией, с моей силой, — ан нет, я сижу с стиснутыми зубами, я боюсь своих снов, я боюсь воспоминаний, мне больно глубоко внутри — и хотя много добра ты сделала мне в последние дни и первой запиской, но ведь боль, как ты пишешь, и в отрезанном мне чувствуется.

Сейчас получил от Гол(овина) вырезку из газет, да я желал бы иметь, мне это нужно, тот № «Gazetta piemontese», где помещена tornata¹ Камеры 10-го июня, когда были интерpellации, пришли его на имя Мар(ьи) Каспар(овны) — если же нельзя скоро достать, то сохрани до приезда или до свиданья.

Мне кажется, что можно будет воротиться. Детей обнимаю.

99. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ

19—20 (7—8) июня 1851 г. Париж.

19 июня 1851. Париж.

Я сидел в величайшей хандре и, конечно, всего менее ожидал от вас письма — как вдруг оно явилось. Спасибо за несколько строк, они отогрели меня, повеяли тепло на душу и я до вечера был весел. (Бывало, я был весел 24 часа в сутки, *tempi passati* ².)

Какие у меня планы — трудно сказать, теперь я здесь один, все наши в Ницце, я полюбил в жизни *случайность*, доверяться случайности умнее, нежели делать умные планы. Все же не выйдет по желанию. Ну, господа, полицейская германдада, травят людей как зверей, не дают покоя ни минуты. Теперь я воюю с пизмонтским министерством по милости Панина, жившего в Ницце, оппозиция за меня горой, журналы и интерpellации в Камере ардантные — не знаю, чем кончится. Если ничем, уеду в Единбург — должно быть, удивительно хорошо жить в стране, не зная языка. А рггрос, в Испании я вовсе не был, только собирался. Здесь жить и думать нечего, в Швейцарии

¹ заседание (итал.); ² былые времена (лат.). — Ред.

скучно. Пизмонт я люблю, там люди помоложе, у них еще *lune de miel*¹ свободных учреждений и у короля такие усы и такая борода, смотря лии нет ня там тивен. — ску с

смеетесь от души — но на деле все это скучно и *fade*².
Вы не находите в моих книжках того симпатического элемента, который был прежде, — его нет во мне. Я не люблю научиться здесь, а ненавидеть, не смеяться, а оскорблять. Я страшно одинок,

Всюду встречи безотрадные,
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы холодные
Иль бессмысленных детей.

Дети эти могут и привязываться, да глупы из рук вон. — Один человек подошел было поближе, одного человека я полюбил было — это самый худший, этот показал мне все двоедущие, всю пропасть безнравственности гнусного поколения, к которому мы принадлежим, — поколения, которое могло бы фурировать и не одного Горгия венгерского.

Полгода тому назад смерть прошла возле меня — после того я окончательно закалился в моей злобе, в моем недоверии.

Хотелось бы перед финалом поглядеть на вас, много дали бы вы мне сил — а иной раз я боюсь вас, мне кажется, что гармоническое отношение оттого и живо в нас, что мы в разлуке; в разлуке именно все то забывается, что мешает гармонии... И то, друзья мои, я на вас был сильно сердит и писал вам презлое письмо, кажется, в генваре, да оно не дошло, видно, до вас. Я сердился за вашу нетерпимость, за юридическую точку зрения etc., etc.

Я напечатал в Ницце небольшую брошюрку о России, это исправленное издание статей, бывших в журнале Колачека о России — искаженных редакцией и переводчиком; достаньте. Прочтите еще, если не читали, в том же журнале за 1850 «*Deutsche Monatsschrift*» статейку «*Omnia mea mecum porto*» и в декабрьской книжке мой «Эпилог». Есть еще письмо о Франции «*Erinnerungen eines Russen...*», но это вам трудно достать, оно напечатано в Лондоне в журнале Кинкеля и Гауга «*Kosmos*» — а оно бы вас позабавило.

¹ медовый месяц (франц.); ² пресно (франц.). — *Ред.*

Брошюрка находится у Франка в Париже, rue Richelieu 67.

Зачем вы жалеете об том, что я остался здесь. В сторону самолюбие и скромность — когда был для России такой оргазм в Европе, вся моя сила, все мои помышления обернуты к вам — и голос мой получил вес. Не далее еще как два дня тому назад, я толковал часа два Мишле об России, я их заинтересовал Россией. Что я сделал бы в России с железным намордником? А пр<опо?>, посмотрите, как в здешнем revue «Liberté de penser» подробно излагают все сказанное мною о России, — с этой стороны я не могу упрекнуть себя, что был недейтелен, и не могу думать, чтоб там сделал больше.

Но вперед не знаю, что будет, я устал, я сломан, я составил... будущности у меня нет, это я знаю, да я ничего и не жду, я не обрадуюсь ничему особенно, да и не умру, кажется, ни от какого удара. Я писал в одной неудавшейся и неоконченной статейке: «Я равно не желаю ни жить очень долго, ни умереть завтра. Пускай себе придет конец так же случайно и бессмысленно, как начало — да, по правде сказать, как и самая середина...»

«Под сим телом погребен N.N. Жития его было 38 лет... Да будет ему пищеварение легко. А ты, читатель, прими дух его с миром».

Кажется, на этом можно и остановиться, тем более что я не верю, дойдет ли это письмо.

Я хочу напечатать повесть, которую вы, кажется, читали — «Долг прежде всего», — и думаю о другой, откуда приведенные слова, под заглавием «Межуев-fils»¹ — но главное, что мне мешает, — это тоскливая апатия, я решительно ничего не делаю, кочую по кафе и читаю газеты, больше ничего.

Как скверно вы все сделали, что не прислали книг русских, сколько я ни просил. Это просто антигуманно.

Р. С. Я перечитал твое письмо. Да вы всё не так смотрите на мою философию истории, это не наука, а обличение, это бич на нелепые теории и на нелепых риториков-либералов, фермент — и больше ничего, но это захватывает и ведет к жизни, это сердит и заставляет думать. Но об этом другой раз.

Целую вас. Прощайте.

20
8 июня

Вверху перед текстом: NB. Я требую и прошу известить о получении этих строк как-нибудь.

¹ младший (франц.). — Ред.

20 июня.

Ну, вот, друг мой, что: будто тите и улеглось на сердце. Вчера я писал в Москву, и тьма воспоминаний занимали целый день... Теперь я жду твоего письма, и если оно будет хорошо, то и нынче будет покойный день.— Полков<ник> скучает и грустит, он хочет на днях (когда я поеду в Фрибург) из Лиона ехать прямо в Марсель. Решить еще ничего нельзя, одно яснее прочего — что жить во Франции скверно,— и опять Англия или Пиэмонт. Бумаг все еще нет, их-то я и жду, во всяком случае к 1 июля я уеду отсюда. Здесь каменная плита на душе.— Кажется, что в Турин можно, ответ министра ободрителен. Полков<ник> советует в Единбург, я не прочь, вот будем вдаль,— вдаль от всех. Если б тебе было довольно меня, с каким восторгом полетел бы я туда, мне ничего не нужно, наконец, я хочу окончить жизнь с возобновленной любовью. Но в твоих ли это силах. Могу ли я дать столько... Я не верю в себя...

Итак, Саше будет 12 лет. Святое, великое время 1839 года, как я был счастлив тогда. Зачем ты не скрыла от меня, как мало полноты ты нашла в этом былом,— оно у меня носилось таким светлым воспоминанием, а теперь оно подернуто флером — и я боюсь приподымать. Ведь я оттого-то и был так счастлив, что верил столько же в твое счастье, как в свое.

Если б судьба утешила меня не во мне, но в Саше, если б, как я ему писал, я мог бы преемственно передать мою недосказанную речь и мое недоделанное дело — долею он получил это в фибрине, вторая доля разовьется жизнью с нами. Я не способен учить, может, со временем — но к пропаганде я способен. Ему раскрыта дорога ширины необъятной, j'ai tiré le cordon¹ — стоит только идти.

Гран<овский> ждет еще, что я сделаюсь великим писателем, нет, моя будущность переломлена. Сил я принес много — оттого-то я и мог выдержатъ, но на выдержку и защиту пошло все. И вот тут-то и призвание детей, рода — продолжать личный труд, сменить уставшего. Тут действительная аристократия.— Но, если и дети пойдут в другую сторону... это будет моя вина, именно оттого-то и будет это большее, а может, и не доживу до этого — а может, переживу, несчастье не опиум, от которого Шпильм<ан> не может отделаться, все мелет жернов.

Вчера был у меня Абель, какой он отвратительный дурак, дурак-немец. Это не то, что дурак всех стран, подхалюзый дурак. Он мне был противен — ни такту, ни деликатности — словом, немец.

Писем, видно, не будет. Вчера тоже не было.

¹ я открыл дверь (франц.).— *Ред.*

101. САШЕ ГЕРЦЕНУ

20 (8) июня 1851 г. Париж.

20 июня 1851. Париж.

Любезный Саша, тебе через пять дней будет двенадцать лет. Поздравляю тебя, мой друг, ты становишься больше и больше человеком. Пора тебе продолжать начатое мною: я сам был по тринадцатому году, когда пошел по трудной дороге, и вот двадцать пять лет шел я по ней; ни тюрьма, ни ссылка, ни даже вы все не отклонили меня, я служил на пользу России словом и делом... Теперь я устал, но тебе приготовил и место, и имя, которое ты можешь носить с гордостью; ты будешь уметь воспользоваться ими, ты будешь продолжать спокойнее и дольше — я буду радоваться твоим успехам. Но для этого первое дело — образование: учись, учись и учись.

Я тебе привезу рельефные карты географические, — это мой подарок. А пока возьми у Мамаши 10 франков и истрать их как хочешь. Проведи этот день весело, — это будет второй раз, что я этот день провожу не с тобой: в 1849 году я был в Женеве, — это был дурной год.

Прощай, целуй Тату, Олю и Колю, ein Gruß ¹.

Также и бабушку.

Сегодня я иду смотреть оперу, сделанную из «Пиковой дамы» Пушкина.

Надеюсь, что ты мои письма бережешь.

Обнимаю тебя.

Еду в Лувр. Сегодня второй день, что писем нет.

102. Н. А. ГЕРЦЕН

21—22 (9—10) июня 1851 г. Париж.

21 июня.

Судьба полковника и их обоих не так легко сложена, друг мой, как ты думаешь. Есть люди, рожденные с силой, с светлым взглядом, с энергией, — натуры полные надежд, лучезарные — они не вырабатывают из себя яда, но страшно страдают, когда им дают отраву. Они верны себе, отражая боль страданием и улыбкой счастье. Долею я принадлежу к таким натурам. Я юношей не искал ни Огар(ева), ни тебя, встретившись с вами, и не сразу, а мало-помалу, я наполнялся любовью к вам, мне надобно было уехать в Вятку, чтоб отдать себе отчет — тебя я полюбил всей способностью любви в моей душе и верил беспрдельно — и беспрдельно глубоко пал потом и беспрдельно

¹ привет (нем.). — Ред.

но страдаю, даже не думаю, чтоб когда-либо изгладился, залечился рубец, нанесенный прошлым годом. — Полковник — совсем напротив, он страданьем любит, он страданьем чувствует, мыслит, для него жизнь не пир, не праздник, а болезнь, он слаб телом, он не верит в себя, он мучает ее потому, что он сам мучается. Он страшно привык ко всему, что пугает душу, et il a une certaine intempérance de style qui la lui fait non seulement avouer mais renchérir sur son scepticisme etc¹. Я понял, что он ее ужасно любит только в их приезд из Неаполя. Прежде я думал, что их связь — связь дружбы, участия, привычки, потом увидел с его стороны раздраженную страсть, а с ее — раздражительную. Они влекут себя к гибели, им надобно не так тесно жить вместе, больше пространства, больше интересов, — горе строящим дом свой не в своей и не во всемирной груди.

Но я скорее думаю, что все обрушится на нем, а не на ней.

Теперь иду в посольство швейцарское, кажется, бумаги пришли. Это дело окончено. Больше недели здесь не пробудем, а там через Фрибург.

Вчера был у меня Мишле — он вельми доволен брошюрой.

Детям сегодня не пишу. Записочку твою от 17 принесли. — Прощай.

Целую детей и вдову грудную.

Р.С. Добрый сын и злой интендант могут говорить что угодно, я поеду в Турин через Швейцарию и в Ницце буду.

22-е.

Полковник собирается ехать прямо к вам — он не может жить без нее, я люблю и уважаю его любовь. Он нездоров. Пальмье находит, что он *много* имеет порчи в организме — об этом, разумеется, не говори. Я полагаю, что он поедет 27 или 28. Итак, к 4 будет дома: ровно месяц; я долго в Фрибурге не заживусь.

103. Н. А. ГЕРЦЕН

22 (10) июня 1851 г. Париж.

22 июня. Воскресенье.

Вот твое письмо от 18. Я до такой степени привык быть откровенным, друг мой, что и теперь признаюсь, что несмотря на глубокое чувство симпатии к тому, что ты пишешь о воспита-

¹ у него замечается какая-то невоздержность, которая заставляет его не только признаваться в своем скептицизме, но преувеличивать его и т. д. (франц.). — Ред.

нии — все вместе произвело на меня опять тягостное действие. Я хочу невозможного — и хочу любви 1838 года, той, в которую я верил, я готов ревновать к детям, мне что-то мало в этом, мне что-то кажется это удалением от меня, желанием занять себя... и снова ужас истомляет мою душу. Да, я молод, я жажду еще любви для себя, — но уже ее не будет. Я должен абдикировать, а как трудно скидается корона после 11 лет, зачем я не умел дожить себя в эти 11 лет, зачем воскресли мечты юности тогда, когда — раненный навывлет — мне осталось идти в инвалиды.

Но не перетолкуй слов моих. Да, соединимся на великом деле воспитания, надгробная группа своего бывшего, поставленная в поучение юной жизни, — да, да, — ты видишь, мой дебют недурен, я буду писать для Саши, это мне легче, нежели давать уроки. Но только я ему буду проповедовать не одну любовь — а и ненависть; кто никогда не ненавидел, тот еще не жил вполне, какое это живое, вечно присущее, вечно жгучее чувство. — В моей жизни не доставало долго этой живости... она взошла. Не одну веру* надобно проповедовать — но готовить к сомнению, готовить к тому, что жизнь принесет потом из-за угла, à l'improviste ¹.

С полк<овником> много толковали мы вчера, для него Ал<ександра> Хр<истиановна> — его дитя, словом, вся сторона сердца, — боюсь я за него, — и он-то на словах так бравировал и говорил, что женился для того, чтоб ей было ехать с кем, и рад бы был новой встрече... Я, может, очень ошибаюсь, но не думаю, чтоб она могла так любить, она порывиста — но скупа собой. Встреча с ними весьма замечательна, я желал бы ее сделать полезною, но трудно иметь влияние на него.

Прощай. Гран<овский> пророчит мне судьбу великого писателя, — а я до того утратил всякий талант, всякую охоту писать, кроме писем к тебе, что досадно — просто двух слов не умею связать.

Теперь опять о проектах. Жить или не жить в Ницце зависит не от меня, не от интенданта — а от известной тебе твари. Зачем *mir nichts, dir nichts* ² переезжать из города, где все есть для ученья. В южной Франции — для климата хорошо, но так, как дела идут, жить в провинции во время полицейского террора невозможно. Швейцария вся открыта — но там есть одно дыхание лишнее и в этой близости может прийти мне желание приостановить его. Может, пустят и в Париже остаться — это я узнаю через Бернацкого, но все же нечего ехать теперь.

¹ неожиданно (франц.); ² ни с того, ни с сего (нем.). — *Ред.*

Я не могу думать, чтоб не пустили в Пиэмонт — тогда успеем переменить планы. Теперь 20 июля я в Ницце.

Что за поляк был у вас, будьте осторожны.

Письма до моего приезда адресуйте по-прежнему Марье Каспар<овне>.

«Мольер» Ж. Занд из рук вон плох, а мог бы быть хорош.

104. Н. А. ГЕРЦЕН

24 (12) июня 1851 г.

24 июня.

Записочку твою от 19 вчера получил. В Лондон я не поеду, у меня нет никаких любопытств, а что можно было узнать, я узнал. Брейтон — город полуфранцузский и возможный в Единбурге жить дешево. Сегодня Бернацкий спрашивает позволения в случае нужды проехать через Францию. Все это в предположении, что нельзя остаться в Пиэмонте. На юг Франции я раздумал селиться — не по капризу, а потому, что террор растет со всяким днем, там нельзя отвечать за один час, что же это за жизнь.

Документы все пришли. Барман выдал пасс швейцарский, сардинское посольство визировало, след. сообщения нет. Завтра вечером мы выезжаем, а 27 я оставляю полковника в Лионе и еду в Фрибург, куда буду 1 июля. Письмо теперь можешь адресовать — à Fribourg (Suisse), poste restante¹.

Вчера у меня сидел часа три Мишле, успех моей брошюры в серьезном кругу великий, вообще меня что-то здесь ласкают, не понимаю отчего; я был вчера же у Ротшильда, он меня принял с величайшим радушием, и узнавши, что я собираюсь в Лондон, велел без моей просьбы написать рекомендательное письмо к Lionel Ротшильду. Он мне сообщил, что О'Коннель Авигдор прибыл в здешнюю столицу, я его постараюсь увидеть.

Франк отошлет три карты выпуклые на Висконти. Европа, Швейцария и Россия, других, кроме Германии (которую я Саме позволяю не знать), нет, господин этот обанкротился. — Я сейчас иду с Мар<ьей> Касп<аровной> покупать всякую всячину.

Внутри я продолжаю скучать на другую методу, но все так же пустота, боль, страшные воспоминания². Того покойного доверия, о котором ты пишешь, нет, мне все кажется, что ты из сожаленья, из резигнации успокоиваешь. Благодарю

¹ до востребования (франц.). — Ред.

² Ведь ты все это понимаешь очень хорошо, что иначе быть не может, ты только не сознаешься, что понимаешь.

и за это, но не того хотелось бы. Я смотрю на полковника и думаю: любовь истинная — это анафема, которая рано или поздно стащит человека в пропасть, надобно легче любить — тогда это чувство бросает венки из роз; как он страдает и в разлуке и в сознании того, что он *не так* любим. Я утешаю его, пользуясь тем, что имею два фунта стеарина в день на собственное сожжение, которых у него нет. — Мы даже ни разу весело не выпили бутылки вина, хотя пили много.

Как нелепо и бедно замышлен «Мольер» Ж. Занд, посылаю тебе с полков<ником> экземпляр, подумай, что бы можно было сделать, если б она представила, что жена Мольера его прежде в самом деле любила. Впрочем, прочтите.

В «Республике» и в «Univers» было напечатано об моей истории в Сардинии. — По всему, стало, отсюда отправляться пора. Скажи маменьке, что Шидеру 820 фр. — т. е. 400 гулденов.

Детушки-мелкота,
Отворяйте ворота,
Скоро приедет ваш Папаша.
Рады ли вы ему будете?
Умны ли вы?

Мне полковник все напишет, он приедет прежде меня.

А ты, милый Саша, пожалуйста, не пиши в твоих письмах каламбуров — зачем перенимать одно дурное. Пиши просто, это всего лучше.

Тата, поцелуй Колю и Олю.

Palmier свихнул себе последнюю ногу и лежит — и писал ко мне, чтоб для развлечения я прислал дагерротип Таты и Саши.

Сейчас письма от 19 и 20-го. Благодарю за них. Что Ал<ександра> Хр<истиановна> пишет насчет причин высылки — это смешно, и если так, то я напечатаю все это в позор дураку интенданту.

В Турин еду и буду там около 10-го.

Сейчас увижу Авигдора.

105. САШЕ и Н. А. ГЕРЦЕНАМ

25 (13) июня 1851 г. Париж.

25 июня. Париж.

Для дня твоего рождения, любезный Саша, я выезжаю отсюда и приближаюсь к вам; для меня нет лучше средства праздновать этот день; без вас, вдали от вас мне скучно.

Я привезу, сверх карт, очень умную игрушку для тебя и Коли вместе: два телеграфа со всеми знаками больших телеграфов, так что ты можешь сообщать через стол Коле все, что хочешь. Но для этого надобно выучиться знакам. Я уверен, что Коля поймет тотчас, а ты постарайся ему хорошенько объяснить.

Едем мы сегодня вечером, ночью будем в Тоннере, утром в Дижоне, а ночью в Лионе. Там мы отпразднуем именины бабушки, а 28 разедемся; 29 к ночи я приеду в Женеву, а 1 июля буду в Фрибурге. Ты всякий день можешь, стало, по карте справляться.

Я выбрал тебе материю на платье, которое Мат. дарит. Ну а как не понравится? Я точно такое подарил Мар<ье> Кас<паровне> и, чтоб лучше его разглядеть, прибавил зрительную трубочку.

Я рад, что я еду; особенно буду рад, когда уеду. Что-то этот раз я сделался очень львом, в моде; вчера получил письмо от одного профессора. Все это должно разрешиться полицейской гадостью; наконец это надоело.

Пиши тотчас в Фрибург.

106. ТАТЕ ГЕРЦЕН

25 (13) июня 1851 г. Париж.

Тата,

зачем же ты все падаешь, ведь и мне больно, когда ты ушибаешься.

Я тебе купил такую игру, что можно из кусочков делать всякие портреты и рожицы.

Прощай, маленькая душка.

Твой Папа.

25 июня.

107. САШЕ И ТАТЕ ГЕРЦЕНАМ

*Между 8 и 25 июня (27 мая и 13 июня)
1851 г. Париж.*

Саша и Тата, Папаша вас целует много и много. Письмами Таты я очень доволен, также и Колиными; но ты, Саша, мог бы писать побольше, обо всех и о твоих занятиях, как и где с Женни гуляешь. Поклонись ему. А ты, Тата, скажи Рокке, что я всякий день вспоминаю о его кофе, здесь прескверный.— Оленьке поклон.

108. САШЕ ГЕРЦЕНУ

8—25 июня (27 мая — 13 июня)
1851 г. Париж.

Саша, тебе особенно поручаю расцеловать Колю и Тату. Напиши мне, как они себя ведут и поминают ли об старике Папаше, который думает об вас и день и ночь.

П а п а.

Краски отличнейшие тоже пришлю или привезу.

109. ТАТЕ ГЕРЦЕН

8—25 июня (27 мая — 13 июня)
1851 г. Париж.

Здравствуй, Таточек, думаешь ли ты часто о старичке Папаше, а Папаша об тебе часто думает, и ему жаль, что Таточка не приходит здороваться. Маша тебя целует и спрашивает, не ссоришься ли с Колей, я сказал: «Тата теперь большая и умная, Коля тоже — и не ссорятся».

110. ТАТЕ ГЕРЦЕН

8—25 июня (27 мая — 13 июня)
1851 г. Париж.

Таточка,

здесь в Елисейских Полях ездит какой-то человек в маленькой тележке, запряженной 8 собаками, небольшими, и ездит так скоро, что едва успеешь за ним бежать. А сзади за ним еще собак восемь. Мы с Э<нгельсоном> утешаемся этим. Целую тебя за твои милые письма, я тебя часто вижу во сне.

На обороте: Наталье Александровне.

111. Н. А. ГЕРЦЕН

28 (16) июня 1851 г. Женева.

28 июня 1851.
Женева. Кафе.

Что со мною и как, суди сама.

Он все рассказал Саз<онову> ... Такие подробности, что я без дыхания только слушал. Он сказал, что «ему жаль меня, но что дело сделано, что ты упростила молчать, что ты через несколько месяцев, когда я буду покойнее, оставишь меня»...

Друг мой! Я не прибавлю ни слова. Саз<онов> меня спросил, что это, будто ты больна. Я был мертвый, пока он говорил. Я требую от тебя ответа на последнее. Это все превзошло самые смелые мечты. Саз<онов> решительно все знает... Я требую правды... Сейчас отвечай; каждое слово я взвешу. Грудь ломится... И ты называешь это связным развитием.

Еду я завтра в Фриб<ург>... Так глубоко я еще не падал. Письмо ко мне в ответ на это адресуй в Турин, *poste restante*.

Неужели это о тебе говорят?.. О боже, боже, как много мне страданий за мою любовь... Что же еще... Ответ, ответ в Турин!

112. САШЕ ГЕРЦЕНУ

28 (16) июня 1851 г. Женева.

28 июня.

Здравствуй, Саша! Часто ли ты думаешь обо мне, маленький друг мой? Думай: мне от этого будет веселее, легче. Я, может, приеду скорее, нежели думал, — может, около десяти. Как бы я дорого дал, если б я мог теперь перейти к вам, посмотреть, как ты и Тата спите.

Прощай, друг мой.

В Фрибург я приеду 30 июня, пробуду 5 дней; если 6 выеду, то 8 буду в Турине.

Опиши мне, как ты встретил полковника.

113. Н. А. ГЕРЦЕН

28 или 29 (16 или 17) июня 1851 г. Женева.

Еще дополнение для полковника. Дядя Саз<онова> прислал ему сенатское и царское решение об нем. Сенат приговорил к ссылке в каторжную работу за ослушание высочай<шего> повеления. Но Госуд<арственный> совет смягчил и государь утвердил... *risum teneatis*...¹ осудить его, Сазонова, на вечное изгнание из пределов империи. — Вот наказание-то для эмигранта. Дядя ему прислал 6000 фр. — и он едет в Лондон.

Немец, который видел в Праге Бакунина, говорил, что последнее время его держали *прикованным к стене!*

114. Н. А. ГЕРЦЕН

Около 29 (17) июня 1851 г. Женева.

Детей обнимаю, буду им писать из Фрибурга, а теперь некогда, надобно кой-куда сходить. Я поздно вчера лег и проспал сегодня.

¹ удержитесь от смеха (лат.). — *Ред.*

Маменьке и всем как следует.

Зачем заплатили за книги, которые воротились, — Гол(овин) должен был их требовать из Турина.

115. М. К. РЕЙХЕЛЬ

29 (17) июня 1851 г. Женева.

29, утро. Женева.

Сегодня вечером я еду в Фрибург и, следственно, завтра буду там, пробуду никак не более 4 или 5 дней, стало, получивши это письмо, вы можете отправить, буде есть еще письма, просто в Турин *poste restante*.

Ступивши на швейцарскую землю, я почувствовал действительно себя свободным; да, здесь, до военного занятия всей страны, опасности нет, сверх того, швейцарца в самом деле нельзя изгнать из Пиэмонта. Стало, с этой стороны все хорошо. С других сторон, что вам сказать, — я состарился, это писал я вам, это вы видели сами, минутами как будто я попадаю на старую колею, но нет того элемента лимпидности, темная вода, мутно, туманно и очень незабавно. А ведь вы, Марья Каспаровна, очень добро меня встретили и проводили, дайте вашу руку, старые друзья; смотрите, чтоб долгое отсутствие, иные занятия не ослабили (вы не сердитесь, натура человека слаба, изменчива, в ней ничего нет заветного) в вас вашей деятельной дружбы. Может, жизнь опять столкнет нас — все может быть, потому что все случайно.

Вероятно, вы отослали уже ответ Бернацкого.

Прощайте, жму руку Рейхелю.

Доволен ли был Маврикий игрушками?

Полковник печальный поплелся из Лиона — он много страдает, оттого что много любит, он сжег себя внутренним огнем, и этот огонь не зальешь ваннами пальмовыми.

Еще раз прощайте. Кланяйтесь Бернацк(ому).

116. САШЕ ГЕРЦЕНУ

2 июля (20 июня) 1851 г. Фрибург.

2 июля. Фрибург.

Любезный Саша,

вчера ездил я с здешним канцлером в Мора и оттуда с префектом в деревню, которая нас приняла: Бург, а по-французски Шатель. Маленькая деревенька; жители вышли навстречу,

и синдик сказал мне речь на изломанном немецком языке, на которую я отвечал как умел; потом поднесли мне огромный стакан вина, и учитель школы сказал свою речь. Синдик извинялся, что не успели приготовиться и, главное, что не стреляли. Люди они все добрые и простые, мной остались очень довольны и звали приехать со всеми на будущий год. Прощай, друг мой.

Целую Тату, Колю, Оленьку.

Бабушке поцелуй руку.

117. Н. А. ГЕРЦЕН

5 июля (23 июня) 1851 г. Женева.

5 июля. Суббота.
Женева.

Час тому назад приехал я сюда, вот уж и ближе к тебе, мой друг. Не знаю, как-то пойдет в Пиэмонте, думаю выехать послезавтра в 11 вечером — а если не найду место, то 8; стало, 10 буду в Турине и 13 могу быть дома; но это еще не верно.

Праздник здесь колоссальный, я был действительно тронут величием приема федерального знамени и депутации из Аргау; да, что ни говори, а здесь республика.

Писать не могу, устал ужасно, в час ночи сел я в дилижанс и приехал, не выходя почти, в четыре часа перед обедом. Но усталъ мне благодетельна, только рука не пишет и мысли не вяжутся.

Я все разузнал насчет воспитания в Вевее — если нужно, можно и там быть, а сверх того, мы ни разу не думали об Итальянской Швейцарии, т. е. о Тессине; говорят, Лугано очень милый город и пока не будет европейской войны, там жить можно.

Прощай, друг мой, мне несколько лучше, но все это зависит от сновиденья, от воспоминанья, от ничего.

Детей целую.

Шамбери вздор.

118. САШЕ ГЕРЦЕНУ (присписка)

10 июля (28 июня) 1851 г. Турин.

10 июля 1851.
Турин.

Мамаша тебе так много пишет, что меня прижала к краю. Зато скоро, друг мой, поговорим: я думаю, через три дня мы можем отправиться.

119. САШЕ ГЕРЦЕНУ

13 (1) июля 1851 г. Турин.

13 июля 1851. Турин.

Может быть, любезный Саша, мы успеем приехать во вторник, а в среду почти наверное можешь ожидать в дилижансе, который идет из Генуи; он останавливается, кажется, в Hôtel York. Получил ли ты телеграф? Научи Колю играть, — это игрушка преумная и должна его много забавлять.

Я с глубоким удовольствием прочел в письме Энгельсона, что он доволен твоим поведением. Впрочем, тебе тринадцатый год, и, если б мы были люди бедные, ты должен бы был уже работой снискивать себе хлеб и помогать семье. Ты можешь сам заметить, что дети работников гораздо умнее, солиднее, особенно во всем практическом; они меньше боязливы и осторожнее. То, что с ними делает необходимость, то нам надобно достигать волею.

Р. С. Сейчас принесли ваши письма от 11-го.

120. ТАТЕ ГЕРЦЕН

13 (1) июля 1851 г. Турин.

Рукой Н. А. Герцен:

Таточка, душечка, милушечка, ласточка, звездочка, цветочек, радость ты моя!

Я тороплюсь к тебе. Скоро увижу тебя, и как нам будет весело вместе, я расскажу тебе, как я ездила по горам и долам. А пока до меня, крошечка моя, будь здорова и весела и умна.

Поцелуй Олю так, как я тебя целую. Пупоньку обними.

Твоя м а м а.

Турин, 13 июля 1851.

Ну, вот мы и едем и едем... машина постукивает, лошади фыркают, бич хлопает, всё едем и вдруг приехали... Франсуа бежит отворять ворота. Рокка жарит и печет. А Тата-то — та... бежит, кричит и бух Папаше на шею...

Смотри за Хоецким, чтоб он не шалил.

Александре Христиановне поклонись пониже, да руку пожми покрепче.

Рукой Н. А. Герцен:

Поклонись Мари и Жюли.

121. ТАТЕ ГЕРЦЕН

29 июня — 13 июля (17 июня — 1 июля)
1851 г. Швейцария.

Таточка моя, как я давно тебя не видал. — Ты бы теперь подошла ко мне и рассказала бы что-нибудь, Фогтову сказочку — а вот вдали-то и нет, не увидишь тебя.

Что Оленька, не выросла ли и так же ли мила?

Кланяйся Александре Хр<истиановне>, а Э<нгельсону> скажи, что я бы теперь дал дорого-дорого, чтоб он был со мною.

122. А. А. ЧУМИКОВУ

26 (14) июля 1851 г. Ницца.

Nice Maritime. 26 июля 1851.

Милостивый государь!

Письмо ваше от 22 июля я получил и спешу искренно поблагодарить вас за него. Мне так редко удается слышать симпатическое слово по-русски — хотя я и не сомневаюсь в некотором сочувствии к моим трудам. Не сомневаюсь я потому, что источник их — одна любовь к России, к народу *будущего*. Я никогда не чувствовал яснее, насколько я русский, как в последние годы.

Благодарю вас за предложение и принимаю его с радостью. Если у вас много материалов, т. е. тетрадь, то вручите ее просто Франку или его помощнику Фивегу, написавши на мое имя. За эту тетрадью явится к 10 августа один господин с запиской от меня. Если же сведения ваши поместятся на двух или трех листах — перешлите, не франкируя, сюда: Mr A. Herzen. Nice Marit<ime> (Piémont). Maison Sue, au bord de la mer ¹.

Я на днях еду отсюда, буду в Генуе или Специи, но адресуйте, это вернее, и тотчас мне доставится.

Si vous désirez prendre avec vous deux ou trois exempl<aires> de ma brochure, j'en serai enchanté. Monsieur Franck aura l'obligeance de vous la remettre *gratis*, si vous me le permettez².

Жму вашу руку

Ал. Герцен.

Р. S. В Париже письма распечатывают, особенно на имена, известные Карлье; в Пиэмонте не распечатывают, и потому

¹ Г-ну А. Герцену. Приморская Ницца (Пиэмонт). Дом Сю, на берегу моря (франц.); ² Если вы пожелаете взять с собой два-три экземпляра моей брошюры, я буду этому очень рад. Господин Франк любезно вручит ее вам безвозмездно, если вы позволите (франц.). — *Ред.*

лучше послать по почте не из Парижа. Как бы я ни желал противного, но предоставляю вам сохранить ваше incognito.

Вот еще замечание: если вы будете посылать не из Франции, Англии и Швейцарии, то необходимо франкировать, иначе письмо не отправится. Пизмонт не имеет почтового договора с немцами.

123. А. А. ЧУМИКОВУ

9 августа (28 июля) 1851 г. Ницца.

Nice, 9 août 1851.

Письмо ваше от 5 получил я вчера. За бумагами к Франку уже послано, я опасаюсь почты за вас и за собственные имена в ваших бумагах; меня компрометировать невозможно, я открыто стою в той кучке людей, против которых всемирная полиция идет крестовым походом, а потому посылайте все что хотите на мое имя из Парижа или Берлина и России, — но знайте, что, кроме Швейцарии, Англии и Пизмонта, письма будут прочтены. Я останусь в Ницце до конца мая, если не вышлют во второй раз (полагаю, что этого не будет: первый раз им обошлось солоно, благодаря энергическим интерпелляциям Валерио в Камере) — и буду ждать ваших присылок с нетерпением.

Вы спрашиваете о надеждах, о демократии. Мое мнение о европейской демократии вы знаете; взгляните еще на мою статью «Omnia mea mecum porto» и «Lebe wohl», помещенные в журнале Коломачека прошлой осенью, кажется, в октябре и в декабре. Демократия стоит вся на старой монархической и христианской почве; она, как Бурбоны во время революции, ничему не научилась в грозные два года после 1848, — народ, между тем, более и более переходит от симпатии к ней к равнодушию. В Июньские дни 1848 он ее звал на площадь, — но она спряталась. 13 июня 49 она сошла на площадь, но народ не пошел. Народ не с ними, он ужасно много научился: массы, как женщины, учатся не школой, а несчастиями и разом узнают каким-то инстинктом и созерцанием конкретную истину. Когда я говорю «народ» — я, разумеется, говорю об одном народе, который существует в Европе, — о французском народе. Насколько вся образованная часть Франции развращена, гнусна и не имеет никакого будущего, настолько велики пролетарии и даже крестьянин, — и это важнейшая победа после 1848. Раньше французский крестьянин был консерватором, теперь же все возбуждено, — разумеется, не по политическим вопросам, а по социальным. Кто не социалист — тот легитимист (быть легитимистом глупо, но не подло; сверх того, легитимисты далеки от

власти); реакционный консерватизм начинается с городской цивилизации; все города заражены им, кроме тех, в которых много работников; орлеанизм — самая позорная проказа и самая вредная, но сила. — В цивилизованном классе есть меньшинство официально революционное; оно-то именно и стоит на одном месте, обойденное реакцией и народной мыслью. Это критическое положение ждет своего Сервантеса: Дон Кихот революционных кругов стоит своего рыцарственного предшественника. Если бы реакция не была так невежественна и глупа, она давно бы подавила морально эту литературно-политическую партию с ее полупониманиями, полумерами, с ее «правом работы и правом инсurreкции». Работник с своим тактом чисто критическим улыбается над правом работы и не верит в право восстания, когда не чувствует себя в силах; а когда силен, то не нуждается в праве.

Отойти от литературно-либеральных людей, от парламентских привычек оппозиционных членов, от прежних неисправимых политических республиканцев — для меня казалось необходимостью; я это говорил до тех пор, пока озлобил против себя добрых людей. С ними, я убежден, революция может только погибнуть. Межа новые — для вина нового.

Еще несколько слов о французском народе. Народ вообще слишком хвалит, это революционный jargon¹: французский народ вовсе не готов ни к социализму, ни к свободе, — но он готов к революции; сознание общественной неправды, злоба и удивительное единство — вот его сила. Французский народ — армия, армия не демократии, как воображают монтаньяры, а армия коммунизма.

Но ведь в борьбе армия-то и нужна. И вот отчего французы теперь, как и прежде, стоят в авангарде. Индивидуальность, уважение к лицу больше развито в Италии (т. е. в Риме и Романье), даже в Испании; вообще итальянец самобытен, больше любит независимость — но его силы разбросаны, не устроены; жить с ними славно, они доблестны, благородны, чисты даже — но les faubouriens Антония и Марсо, но лионский Croix rousse, но gamin и vouou² — вот истинные надежды истории и человечества. — Коммунизма бояться нечего, он же неотвратим, это будет истинная ликвидация старого общества и введение во владение нового.

Переходя к частному, я не могу вам сказать, чего бы вы не знали прежде. Все приостановлено до мая 1852, все едва дышит, ждет; веры в торжество революции я не имею, но она *может* восторжествовать, особенно при помощи этого элисейского шута. Если реакция победит — в Европе будет страшно,

¹ жаргон (франц.); ² гамен <и> сорванец (франц.). — *Ред.*

победа может продлиться на целое поколение, от 15 до 17 лет; надобно бежать в Америку, борьба не будет возможна.

Если хотите, это вопрос совершенно личный, потому что победа реакции вызовет через поколение такой отпор и такой разгром, о каком мы и не мечтали.

Позвольте мне теперь объяснить мое выражение «народ будущего». Я нахожу в нашей русской душе, в нашем характере что-то более мирное, нежели в западных европейцах. Разумеется, речь о лицах; как народ мы еще страдательны. Немцы, напр<имер>, при всей своей учености, при освобождении теоретической мысли, не имеют даже *притязания* на то, чтоб быть народом будущего, — и не правда ли, что фразу Deutschland — Volk der Zukunft ¹ без смеху нельзя читать: «К липу ли вам эти вещи?» Про Россию говорить это — до того не смешно, что французы (в ней) чают соперника и не стыдятся сознавать, что тут есть сила, — вспомните, это говорит Кюстин; французы ненавидят Россию, потому что они ее смеиваются с правительством, но вне ненависти есть уважение. У Австрии и Пруссии не меньше, а больше штыков, но их французы презируют.

Кент говорит прогнанному Лиру: «В тебе есть что-то заставляющее меня называть тебя царем». Я вижу это помазание на нашем челе. Да, одна дерзость подумать о том есть или патент на китаизм, или великая надежда. Ну, мы не китайцы.

Но *будущего нет*, оно делается людьми, и, если мы будем продолжать гнить в нашем захолустье, может из России в самом деле выйти avortement ². Тут-то и является наше дело, наше признание. Что можем мы делать? Всякое слово человека преданного есть дело; я, по необходимости оставшийся на западном берегу, я только и желаю быть вашею бесцензурною речью; я, между прочим, для того и не старался о возвращении, чтоб знакомить Европу с Россией и быть свободным ее органом. Эмиграция очень полезна теперь, но русских дельных очень мало; я могу назвать одного Сазонова, человека сильно даровитого и имеющего вес в европейском движении. Подождите, чем окончится май 1852, и приезжайте к нам. (Русские, желающие оставаться в Европе, никогда не берут никаких мер и теряют свое имя, — это благородно, но несовершеннолетне). Если победа с нашей стороны, будем работать вместе. До тех пор пишите, говорите и посылайте мне материалы. — Как? Это вы придумаете: или через книгопродавца, или через банкиров.

Прощайте, жму горячо вашу руку. Спасибо вам за письмо и за симпатию. Готов всегда писать, лишь бы было безопасно для вас.

¹ Германия — народ будущего (нем.); ² недоносок (франц.). — *Ред.*

Читали ли вы последнюю книгу Прудона и его конфессии 2 изд(ание).— Ему надобно простить ругательный тон против Руссо и революции 93 года за огромные достоинства последних этюдов. Это — долею озлобление от тюрьмы, долею темная сторона этого огромного таланта. Как далеко оставил он за собою всех французов, напр(имер), в статье «Justice». Еще видел я объявление о книге de Hott'a <?>; книги я не имею, но жду от de Hott'a много хорошего.

Желал бы я вам послать мои «Briefe aus Italien und Frankreich», но не нашел ни одного экземпляра и не знаю, есть ли у Франка.

Прошу вас написать о получении письма.

Г.

Когда бы вы вздумали что-либо послать без имени и очень верно, то посылайте так, через банкиров: *Confié aux soins bienveillants de Mrs de Rothschild à Paris. Pour remettre à Melle Olga¹.*

Но если можно, пишите просто.

124. М. К. РЕЙХЕЛЬ

12 августа (31 июля) 1851 г. Ницца.

Рукой Таты Герцен:

Моя милая Маша, мы живем теперь в новом доме, у нас хорошо. Целую тебя.

Твоя Т а т а.

1851, августа.

Рукой Н. А. Герцен:

Радуюсь за тебя, Машенька, и утешаю себя в отсутствии Коли тем, что ему весело. Пиши мне об нем, много. Напиши, какую нашла в нем перемену. Жму руку, будь здорова. Рейхелю челобитье.

И от меня боковой поклон прошу принять прямо и за меня расцеловать Колю.

12 августа.

125. М. К. РЕЙХЕЛЬ (приписка)

Около 12 октября (30 сентября) 1851 г. Ницца.

Посылаю вам место о моей книге Мишле так, как оно было передано Даметом в «Avenir», — он, т. е. Мишле, еще в «Événement» раскомплиментил. Дайте эту штуку Мельгун(ову); если б можно ее довести до Москвы, это был бы ответ. Письмо

¹ При благосклонном содействии гг. Ротшильд в Париже. Для передачи м-зель О л ь г е (франц.).— *Ред.*

мое будет напечатано особо, я вам его доставлю к 1 ноября. Скажу вам вперед, что это — одна из самых удачных вещей, сначала я сердился на Мишле, а потом на наших трамблеров,— это помогло. Как это они не поймут, что с сумой нищего лучше идти в Европу и кричать о России, нежели так жить, как они. А прогос, скажите Мельг<унову>, что я к нему писал на днях, адресуя во Франкф<урт>; пусть он выпишет: v. H. Humbert im Humbertschen Hause. Да что же еще нового о Русланде?

Был ли Рейхель у Бернацкого? Я его сильно прошу сообщить Мишле, что ему будет письмо, и сказать, что я очень буду рад, если он велит его напечатать в «*Événement*» с ответом или без...

Уж кутить, так кутить, —
Я пишу так и быть...

Ну, сделали же пользу они, хотевши мне намордник надеть ругательными письмами!

Александр-Николаю Рейхелю и его отцу-родителю почитание.

126. КОЛЕ ГЕРЦЕНУ

Конец октября — начало ноября 1851 г. Ницца.

Рукой Н. А. Герцен:

Mein lieber Sohn! Mein Kola! Du bist wieder mit Großmutter und Luise, ich habe viel Freude!

Vorgestern kommt die Sonne zu und sagt: «Ich war in Paris, ich habe meinen lieben Kola gesehen, hab ihn geküßt, alles geküßt, sein Gesicht, seinen Rock, seinen Hut, seine Schuhe; Kola ist sehr schön, denn er ist gut und fleißig» — das freut mich sehr, mein Schatz. Nun jetzt, ich werde die Sterne bitten zu dir gehen in der Nacht, um zu sehen, wie du schläfst und was du träumst, *jeder* Stern wird dir einen Kuß von Papa, Mama, Sascha, Tata und Olinka bringen.

Deine M a m a.

Ich grüße Spillmann, danke ihm und bitte, kein Skelett zu kaufen, aber was *anderes* zu suchen für Sascha sein Naturstudium.

Ich küsse dich auch vielmal, lieber Kola, sei gesund und munter. Sage Spillmann, daß ich in einer Woche ihm mein neues Buch schicken werde.

Рукой Н. А. Герцен:

Перевод

Мой милый сын! Мой Коля! Ты опять с бабушкой и Луизой, я очень рада!

Позавчера приходит солнце и говорит: «Я было в Париже, видело моего милого Колю, поцеловало его, расцеловало его всего, его лицо, его куртку,

его шляпу, его башмаки; Коля очень хорош, потому что он добр и прилежен—это меня очень радует, сокровище мое. А теперь я попрошу звезды пойти ночью к тебе и посмотреть, как ты спишь и что тебе снится, *каждая* звезда принесет тебе поцелуй от папы, мамы, Саши, Таты и Оленьки.

Твоя М а м а.

Привет Шпильману, благодарю его и прошу не покупать скелета, а поискать что-нибудь *другое* для Сашиных занятий естественными науками.

Я тоже целую тебя много раз, милый Коля, будь здоров и бодр. Скажи Шпильману, что через неделю я пошлю ему свою новую книгу.

127. Ж. МИШЛЕ

7 ноября (26 октября) 1851 г. Ницца.

Monsieur,

Votre lettre m'a fait un bien immense; j'en étais profondément touché. Permettez-moi de serrer votre main, avec reconnaissance, avec vénération, avec amitié.

J'ai encore foi en 1852, et si j'ai parlé de notre perte à la fin de ma lettre, je n'ai pensé qu'à nous autres Russes. Nous sommes à l'avant-garde *de l'arrière-garde*, pour nous, comme Russes, il n'y a rien, que de servir d'exemple comme Pestel, Mouravioff, Bakounine.

Voilà les détails biographiques sur notre ami malheureux, après demain je vous enverrai ceux concernant Pétrachevsky. Et je prendrai la liberté de vous adresser encore 3 exemplaires de ma lettre, craignant que Franck ne pourrait la recevoir que dans une semaine.

On critique ici ma langue française. J'avoue mon ignorance. Un Polonais de mes amis, M. Chojecki, a bien voulu corriger mon manuscrit; mais avec tout cela il y a des fautes; je n'ai qu'à demander votre indulgence. Lorsque j'écris le russe, je suis complètement libre, je me sens là dans mon élément, je me laisse entraîner, sans penser à l'arrangement des mots.

J'attends vos observations, elles me seront précieuses. Je vous dois beaucoup, car j'étais dans une apathie malade les derniers temps. Vous m'avez réveillé et, plus encore, votre dernière lettre, si sympathique, m'a réchauffé le cœur, grâce vous soit rendue.

Je vous salue de tout mon cœur.

A. H e r z e n.

Je tâcherai d'avoir les portraits de nos martyrs; ils existent, mais ce n'est pas facile de les faire venir de Moscou.

Милостивый государь,

ваше письмо было для меня неоценимым благом; я был им глубоко тронут. Позвольте мне пожать вашу руку с чувством признательности, глубокого уважения и дружбы.

Я еще сохранил веру в 1852 год, и если в конце своего письма упомянул о нашей гибели, то имел в виду лишь нас, русских. Мы находимся в авангарде *арьергарда*, и поэтому нам, русским, остается только служить примером, подобно Пестелю, Муравьеву, Бакунину.

Посылаю вам биографические подробности о нашем несчастном друге. Послезавтра вышлю вам такие же сведения о Петрашевском. Позволю себе также адресовать на ваше имя еще три экземпляра моего письма, так как опасаясь, что Франк сможет получить их не раньше, чем через неделю.

Здесь критикуют мой французский язык. Признаю свое неведение. Один из моих польских друзей, г-н Хоецкий, любезно выразил готовность исправить мою рукопись, но и после этого в ней остались ошибки. Мне остается лишь просить вас о снисхождении. Когда я пишу по-русски, я совершенно свободен, тут я чувствую себя в своей стихии, даю себе волю, не задумываясь над расположением слов.

Жду ваших замечаний, они будут для меня драгоценны. Я вам многим обязан, так как в последнее время находился в состоянии болезненной апатии. Вы пробудили меня — и, более того, ваше последнее письмо, столь благожелательное, согрело мне душу. Признательность моя безгранична.

От всей души приветствую вас.

А. Герцен.

7 ноября 1851.

Приморская Ницца.

Постараюсь достать портреты наших мучеников. Они имеются, но не так-то легко получить их из Москвы.

128. М. К. РЕЙХЕЛЬ

11 ноября (30 октября) 1851 г. Ницца.

11 ноября 1851 г.

Вот теперь-то у вас, вероятно, «сарынь на кичку» — Шпильман шумит, Коля кричит, Луиза болит голову, Луиза Ивановна покупает, Адельгейда бегаёт, дилижанс свищет:

Les v'la donc partis¹

А у нас Наталья Александровна № 1 в лихорадке, ветер, тишина и слабительный лимонад. Саша рисует вату и думает,

¹ И вот они, наконец, уехали (франц.) — *Ред.*

что это облака, для бабушки. Ольга гораздо живее представляет, что как бы человек ни был молод, а нужды имеет большие и малые.

Avviso importante¹.

Я послал два экземпляра брошюры на адрес Луизы Ивановны 7 числа, их можно получить на почте, если не получены, до отъезда. Один из них отдайте Сазонову для Прудона, а у него есть для Массоля. Сверх того, у Франка в вашем распоряжении 5 экземп(ляров), да только попросите, ради бога, Рейхеля спросить его, отослал ли он по приказанию Мишле, чтобы непременно в редакции журналов доставить. От Мишле я получил превосходное письмо, насчет этого письма он будет отвечать в издании своих легенд.

Турне сильвуплэ.

А я уже с тех пор еще статейку махнул о Бакунине. Мишле ее пришлет и напечатает. Да, хотел бы он портрет, помните, что у Боткина был,— как бы, где бы? Головин взбешен, что я написал брошюру к Мишле, из зависти. А здесь что-то толкуют, что скоро, с позволением сказать, в кандалы рефугиариев, да всех на остров Сардинию, а потом сортировать:

Прусских — к прусским,
Русских — к русским etc., etc...
За хохол да на съезжий двор,
За виски да стисни.

Вот вам и Фегрд Мануйлоч, я даже—шью! уши навострил в Швейцарию. Мельгунову второй экземпляр отдайте.

129. Ж. МИШЛЕ

15 (3) ноября 1851 г. Ницца.

Nice, 15 novembre 1851.

Monsieur,

De grâce disposez de la petite notice sur Bakounine, comme vous le désirez, son but était de vous faciliter votre travail sur lui, elle ne vous a pas déplu et c'est tout ce que je désirais. Maintenant si ce souvenir d'un ami et d'un martyr peut encore servir pour soulager un malheureux — j'en serai tout heureux.

En faisant imprimer, on pourrait, pourtant dire, que la notice est insuffisante; je n'ai, ici, aucun moyen de me renseigner.

¹ Важное уведомление (итал.). — *Ред.*

(Après la prise de Prague, il ne demeurerait pas à Ketten comme je l'ai dit, mais à Dessau.)

Les journaux allemands commencent à parler de sa mort «à la suite d'une *hydropisie*». Serait-ce vrai? Pauvre Bakounine! Je vous envoie, monsieur, un petit croquis que *ma femme a fait* de mémoire, la ressemblance est assez grande.

Quant aux autres articles, je voudrais bien voir quelques passages dans un journal, et si faire se peut l'article entier dans la *Liberté de penser*.

Mon compatriote qui a écrit les deux articles est un travailleur vigoureux et il ne fait que commencer, cela serait pour lui un encouragement, qu'il mérite sous tous les rapports. Son nom est encore un secret.

A propos de nom, je prierai de signer ma lettre sur Bakounine par mon pseudonyme *Iskander*, tout ce que j'ai imprimé en Russe, a été signé de la même manière.

Je pense, monsieur, avoir reçu toutes vos lettres, une lettre du 3 nov<embre> m'est parvenue un jour plus tard, mais le temps était horrible. Quant au Piémont, les lettres ne sont pas décachetées ici. La Chambre a refusé ce droit au ministère. Mais les lettres qui me viennent de Paris, portent très souvent des traces suspectes; *tandis* que les lettres venant de la Suisse ou de l'Angleterre sont toujours bien cachetées.

Je vous salue de tout mon cœur.

A. H e r z e n.

La nouvelle concernant le nom de la Pologne m'est suspecte, car l'année passée, avant le nouvel an on disait la même chose. Au reste il n'y<a> aucune cruauté, ni aucune absurdité complètement impossible pour Nicolas et ses ministres.

Un mot concernant ma langue française pour laquelle vous êtes si indulgent. J'ai eu, en effet, quelque succès comme styliste dans la littérature russe. J'ai essayé en 49 pour la première fois d'écrire des articles, allemands et français, mais j'ai bientôt vu qu'il me manque une connaissance approfondie et sûre des langues, je prenais par l'audace,— et je ne pouvais me résigner à étudier, lorsque le cœur, la pensée débordaient; mais il m'est impossible de ne pas faire corriger, le côté matériel de la langue. Je combats comme un preux chevalier pour mon style, avec mes amis les correcteurs — mais je cède humblement pour le subjonctif.

M. Biernacky pourrait bien dire si le croquis de Bakounine lui paraît aussi *ressemblant*.

Je vous ai envoyé le 7 ou le 8 sous bande encore 3 exempl<aires> de ma brochure, les avez-vous reçus? C'est toujours pour contrôler la poste que je le demande.

Ницца, 15 ноября 1851.

Милостивый государь,

прошу вас располагать моей небольшой заметкой о Бакуanine по своему усмотрению: ее целью было — облегчить вашу работу о нем. Вы нашли ее приемлемой — это все, чего я желал. Если же теперь это воспоминание о друге и мученике сможет еще облегчить страдания несчастного, я буду очень рад.

Отдавая статью в печать, следовало бы однако указать, что она недостаточна: я здесь совершенно лишен возможности навести справки. (После взятия Праги Бакунин жил не в Кеттене, как сказано у меня, а в Дессау.)

Немецкие газеты заговорили о его смерти «от последствий водянки». Неужели это правда? Бедный Бакунин! Посылаю вам, милостивый государь, небольшой эскиз, который *моя жена набросала* по памяти. Сходство довольно большое.

Что до других статей, то мне бы хотелось видеть несколько отрывков в одной из газет и полностью, если это возможно, статью в «*Liberté de penser*».

Мой соотечественник, которому принадлежат обе эти статьи, — энергичный труженик, и он делает лишь первые шаги. Это было бы для него ободрением, которого он заслуживает во всех отношениях. Его имя — пока тайна.

Кстати, об имени. Прошу подписать мое письмо о Бакуanine моим псевдонимом *Искандер*, как подписано все, что я напечатал по-русски.

Я полагаю, милостивый государь, что получил все ваши письма. Одно из них, от 3 ноября, запоздало на день: была ужасная погода. Что до Пизмонта, то здесь письма не вскрываются: палата отказала министерству в праве на это. Но письма, которые я получаю из Парижа, очень часто носят подозрительные следы, *тогда* как письма из Швейцарии и Англии всегда запечатаны исправно.

Приветствую вас от всего сердца.

А. Герцен.

Известие относительно переименования Польши кажется мне сомнительным, так как и в прошлом году перед Новым годом говорили о том же. Впрочем, нет такой жестокости и такой нелепости, которые были бы совершенно невозможны для Николая и его министров.

Два слова по поводу моего французского языка, к которому вы столь снисходительны. В русской литературе я действительно добился некоторого успеха как стилист. В 49 году я впервые попробовал написать несколько статей по-немецки и

по-французски, но вскоре убедился, что мне не хватает углубленного и точного знания языков. Я брал смелостью и не мог принудить себя заняться изучением этих языков, когда переполнены были сердце и разум. Поэтому мне приходится поручать кому-либо исправление грамматической стороны языка. Я воюю за свой стиль с моими друзьями-корректорами как доблестный рыцарь, но смиренно уступаю, когда речь идет о солагательном наклонении.

Г-н Бернацкий мог бы сказать, находит ли и он *сходство* в наброске портрета Бакунина.

Я выслал вам 7-го или 8-го бандеролью еще три экземпляра моей брошюры. Получили ли вы их? Спрашиваю об этом все еще для того, чтобы проверить почту.

130. Н. А. ГЕРЦЕН

17 (5) ноября 1851 г. Фрежюс.

10 h<eures> du matin. Fréjus.

A Cannes on ne sait absolument rien. Le capitaine est malade. J'irai à Hyères à l'instant même. Cela ne va pas si vite, il faut 10 heures pour arriver. On dit que les passagers sont tous à Hyères.

Adieu. Je te recommande encore une fois la patience: je ne perdrai pas mon temps.

J'embrasse les enfants.

A l e x.

Первое

10 часов утра. Фрежюс.

В Канне совершенно ничего не известно. Капитан болен.

Я немедленно отправлюсь в Иер. Это не так быстро делается, надобно 10 часов, чтобы туда добраться. Говорят, что все пассажиры находятся в Иере.

Прощай. Снова советую тебе запастись терпением: времени терять я не буду.

Целую детей.

A л е к с.

131. М. К. РЕЙХЕЛЬ

23 (11) ноября 1851 г. Ницца.

23 ноября, вечер. Ницца.

Искренний, ближайший друг Марья Каспаровна, мне принадлежит великий и тяжелый долг сказать вам, что я воротился в Ниццу один. Несмотря на все старания, я не нашел нигде следа наших. Один сак Шпильмана достали из воды.

Что у нас и как провели эту неделю — страшно вздумать. Десять раз я брал перо писать к вам — и не мог, решительно не мог. Что это сон, безумие ... дайте мне вас прижать к моей груди, плакать с вами, останьтесь вы наша сестра во имя этого Ангела. Буду писать все подробно, не теперь только. Я даже боюсь вашего ответа. Наташа очень плоха, она исхудала, состарилась в эту проклятую неделю. Она надеется. Консул и все отыскивают по берегу — я не знаю, что может быть, но не верю.

Бедная Луиза Ивановна — какая смерть!

Фу, как все гадко, отвратительно, я смотрю теперь на других детей как будто в последний раз.

Дайте же руку, помните, что у вас есть Саша, берегите себя — я, отец Коли, успокаиваю вас. Прижмитесь теснее к нам, наша жизнь не должна идти врозь.

Я пишу один, Нат<аша> лежит, она хотела писать — но не могла.

После напишу. Еще раз во имя Коли и вашего малютки, будьте сильны.

Луиза и Адельгайда целы.

Помните, я говорил, что в жизни ничего нет прочного, заветного... вот она и сломилась. Угол где-нибудь и доживать: ничего, ничего после такого глупо-чудовищного удара — ничего не надобно.

На обороте:

Cher Reichel, des choses atroces ont frappé ma famille, atroces... J'en écris à Marie, mais donnez cette lettre avec ménagements. Oh que j'ai vieilli dans cette semaine¹.

132. М. К. РЕЙХЕЛЬ

28 (16) ноября 1851 г. Ницца.

28 ноября. Ницца. 1851.

Дайте руку вашу — прибавить мне нечего, последние надежды исчезли: сегодня 13-ый день и все молчит.

Бедна стала жизнь. И злоба в душе, рядом с страданием; дом наш изменился, стен узнать нельзя, да, *бог посетил* его — точно чума была или казнь. Даже люди присмирели, будто испугались. Один я стою и дерзко смотрю судьбе в глаза — пусть еще что-нибудь выдумает, мне все равно: готов умереть или

¹ Дорогой Рейхель, ужасные события поразили мою семью, ужасные... Я пишу об этом Марии <Каспаровне>, однако передайте это письмо с предосторожностями. О, как я состарился за эту неделю (франц.). — *Ред.*

жить, — готов, — т. е. окончен. Наташа в дурном состоянии: то спит часов пять-шесть, то в какой-то неестественной экзальтации, чисто нервной, и тает, точно после месяцев болезни.

Дети здоровы, Оленька растет.

Я все боюсь ваших писем, так сердце и сожмется, как подают пакет.

Прощайте, берегитесь, умоляю вас... Я буду вам писать и расскажу все после, дайте немного забыть.

133. Ж. МИШЛЕ

30 (18) ноября 1851 г. Ницца.

Nice, 30 novembre 1851.

Monsieur,

Un de mes amis vous a informé du malheur affreux qui a frappé ma famille. Il m'était impossible de vous écrire moi-même, et vous remercier pour votre lettre du 15 nov<embre>.

Maintenant je reviens à la vie, avec un fond de douleur sans bornes et d'une colère impuissante. Ce qui blesse le plus dans ces sinistres, c'est qu'il n'y a pas même de lutte possible, on n'a pas la consolation de haïr son ennemi, de maudire, d'injurier son bourreau. Le monde physique, c'est un chaos à demi-organisé, désordre consolidé, un tâtonnement aveugle, ivre, stupide et inintelligent.

J'ai perdu ma mère, mon fils âgé de 8 ans et un ami. C'était l'instituteur de mon fils, jeune homme de 25 ans. Nageur parfait, il pouvait se sauver, il tenait déjà une corde, lorsque ma mère, entraînée par l'eau, cria: «Sauvez l'enfant». Le jeune homme, voyant que personne ne peut lui donner l'enfant, lâche la corde et se précipite vers le petit, il le prend sur ses bras — et le steamer disparaît sous l'eau. Le nom de ce jeune homme sublime est Jean Spillmann.

Ah, monsieur, si vous connaissiez un statuaire, j'élèverais un monument à cet ami dévoué, près du phare d'Hyères. Quel groupe — ma mère qui au moment de la mort ne pense qu'à son petit-fils et implore de le sauver, le jeune homme qui meurt pour le sauver, et l'enfant beau comme un ange. — Je donnerais volontiers 15, même 20 000 francs pour ce monument. Il m'est impossible d'offrir plus. — C'est une scène de la vie intime de ces réfugiés, <victimes des> ennemis de la famille et de la moralité...

Je serai très reconnaissant à M. Noël s'il désire signer les articles, en général faites tout ce que vous trouverez bon et gardez — moi votre amitié.

Je vous serre la main avec beaucoup de sympathie.

Al. Herzen.

Ницца, 30 ноября 1851.

Милостивый государь,

один из моих друзей известил вас о страшном несчастии, поразившем мою семью. Сам я был не в состоянии вам написать и поблагодарить за ваше письмо от 15 ноября.

Теперь я возвращаюсь к жизни, но душа полна безграничной скорби и бессильного гнева. Самое мучительное в этих роковых несчастиях — то, что борьба невозможна, не имеешь даже утешения ненавидеть своего врага, проклинать и поносить своего палача. Физический мир — это какой-то полуорганизованный хаос, упроченный беспорядок, блуждание ощупью, слепое, пьяное, бессмысленное и неразумное.

Я лишился матери, восьмилетнего сына и друга. Это был учитель моего сына, молодой человек 25 лет. Прекрасный пловец, он мог спастись. Он держался уже за веревку, когда моя мать, увлекаемая течением, крикнула: «Спасайте ребенка!» Молодой человек, видя, что никто не может передать ему ребенка, выпускает веревку и бросается к малышу, берет его на руки — и в это мгновение пароход исчезает под водой. Имя этого благородного юноши — Иоганн Шпильман.

Ах, сударь, если у вас есть знакомый скульптор, я воздвиг бы у Иерского маяка памятник этому преданному другу. Какая группа: моя мать, в момент гибели думающая только о внуке и умоляющая спасти его; юноша, жертвующий собой ради его спасения; и ребенок, прекрасный как ангел. Я охотно дал бы 15, даже 20 тысяч франков за такой памятник, больше предложить не могу. Это сцена из интимной жизни изгнанных, <жертв> врагов семьи и нравственности...

Я буду очень признателен г. Ноэлю, если он пожелает подписать статьи своим именем. Вообще же поступайте так, как найдете нужным, и не лишайте меня своей дружбы.

С искренней симпатией жму вашу руку.

Ал. Герцен.

134. М. К. РЕЙХЕЛЬ

1 декабря (19 ноября) 1851 г. Ницца.

1 декабря 1851. Ницца.

Я жду с нетерпением и боюсь письма от вас. Как страшно у вас теперь. У нас первый день была какая-то судорожная преокупация. А у вас письмо — и молчание. Чем ближе человек, тем труднее писать.

Воображение мое до сих пор отказывается представить, я все думаю — завтра кто-нибудь будет.

Жму руку Рейхелю. Прощайте.

И письмо из России не дошло до меня.

135. М. К. РЕЙХЕЛЬ

3 декабря (21 ноября) 1851 г. Ницца.

3 декабря 1851. Ницца.

Я читаю и перечитываю ваше письмо и благодарю вас от души. Мы в самом деле близки с вами. Вы из любви к нам сделали то самое, что мы сделали для вас. Вы имели деликатность, нежность скрыть стон и умерить печаль.

Дайте же еще раз руку. Нет надежды на будущее — мы слишком стары, но силу иметь надобно. Сила в горести — победа. Ну, печально идти, так печально, — тяжело нести судьбу, так тяжело, пусть ломаются плечи, грудь и голова.

Свирепость судьбы против маменьки ужасна, невыразима, едва полтора года прожила она. И как покойно и весело ехала она к нам, все эти вещицы, подарки даже Фогту и жене его, о которых рассказывала Луиза... и вдруг, между надеждами и планами — смерть. Смерть в море, холод — невероятно, голова отказывается верить. И у нас здесь ждали, когда показался пароход «Nante et Bordeaux» с торжеством, весь дом был освещен фонарями.

В тот же вечер отправился я в Нуёрес. У меня была смутная надежда на спасенье Коли, насчет маменьки я не надеялся, Луиза видела, как она поскользнулась и упала в море. — Вечером с жандармами и комиссаром осматривал тела, наших не было. Тяжело было ехать назад с такою вестью, что сказать — но и тут на дороге я думал об вас не меньше, чем о Наташе, я слышал, что вы сами кормите. Я продиктовал Луизе первое письмо, чтобы вас приготовить.

Когда всякая надежда на спасенье была невозможна, мы ждали, что по крайней мере тела найдут. Хотел ехать в Нуёрес схоронить их. Но и этого утешенья нет. Только на море в первые дни было большое пятно оливкового масла, над тем местом, где потонул корабль, и нашли сак Шпильмана. Шпильман вел себя героически, он погиб за Колю, для Коли. Вы некоторые подробности видели в «Прессе»; он держал в руке веревку, брошенную из лодки, когда маменька, увлекаемая водой, закричала ему (что слышала Адельгейда): «Retten Sie nur Kolia»¹. — Шпильман кричал: «Donnez l'enfant!»² Но было поздно. Коля стоял у борта, поставленный Шпильма-

¹ «Спасайте только Колю» (нем.); ² «Дайте сюда ребенка!» (франц.). — Ред.

ном, пока он ходил за веревкой. Видя, что вода поднимается, Шпильман бросил веревку и ринулся к Коле, он его взял, поднял на руки и бросился в воду. Далее никто не видал ничего. В одно мгновение пароход был под водою. Лодка торопилась отъехать, чтобы не попасть в водоворот, и пароход ушел на 20 футов глубины.

Говорят, что вытащили из воды немца замертво и привели в жизнь в больнице, что этот немец был в отчаянии о своей семье, не взял денег, не записался и ушел неизвестно куда. Иногда мне сдается, что это Шпильман; писали мы в Цюрих. Я мечтаю о статуе, о группе Шпильмана с Колей на руках и внизу утопающая женщина, последнее слово которой: «Спасите дитя». На днях я отправляю туда известного живописца Каффи (помните, может, по Риму) сделать вид того места между Нуёрес и островами. Пришлю и вам.

Результат всего — что жизнь страшна, что решительно не на что опереться. Завтра, может быть, вы получите весть о нашей смерти — или мы оба об вашей. Остается одно настоящее, но чтобы им пользоваться, надобно силу, юность и охоту.

Прощайте, переводите Рейхелю письмо и пожмите ему руку.

136. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Около 5 декабря (23 ноября) 1851 г. Ницца.

Ницца. Декабрь 1851.

На этот раз буду писать мало — вот после удара частного удар общий. Скоро пора думать об Англии; я, впрочем, становлюсь равнодушен ко всему — это старость, довольно — пора паруса подобрать, усталость страшная.

Погоди немного,
Отдохнешь и ты.

Прощайте, наш добрый, добрый друг. Пришлите, sous bande¹, брошюру Мишле «La Pologne et la Russie» — там, кажется, его ответ мне.

137. М. К. РЕЙХЕЛЬ

8 декабря (26 ноября) 1851 г. Ницца.

8 декабря 1851. Ницца.

Еще остается 23 дня 1851 года. Двадцать три несчастия еще могут случиться. Между губами и кубком всегда есть место протолкнуться беде. Наконец, я думаю, что в этом хаосе уже не страшно и не жалко погибнуть. — Едва мы стали оправляться

¹ бандеролью (франц.). — *Ред.*

и привыкать к ужасному лишению 16-го ноября, вдруг уже не семья, а целая страна идет ко дну, и с ней, может быть, век, в который мы живем.

Это новая гомеопатия — ударом более общим снимать удар частный. Но, наконец, силы сочтены, боль и все прекращаются минутами и дают место одеревенелому равнодушию.

Мы отрезаны от вас. Вчера не было курьера. Я даже думаю — писать или нет?

...Помните ли вы, как в евангелии пророчится конец мира? Матери возьмут детей своих и разобьют об камень, — время это пришло. Все страшное и черное, что я пророчил с 49 года, страшнее и чернее сбывается.

Зачем мы, маленькая кучка людей, развились и ослабили нервы, зачем мы не Дмитрий Иванович Пименов, не Егор Иванович. Они переживут нас всех и 1-го января 1862 г. поедут спокойно поздравлять друг друга, говоря о морозе и желая «нового счастья».

Помните ли мой эпилог 49 году? Что же я скажу за надгробье 1851 году? Какое проклятье... пора уж и молчать.

С 16 ноября, кажется, прошел год, два, и думать о 1 января просто кажется смешно, будто еще лет пятнадцать. Вы знаете, что военным или морякам год в кампании или экспедиции считается за два, ну а такой год, по справедливости, как считать, я думаю, что я ровесник Бернацкому.

9 ч. вечером.

Получил ваше письмо и последние вести... Молчу. Вы поймите и предшествующую болтовню, вялую, не то пишу, что хочется. Погодите располагать будущим, сговоримся как-нибудь вместе. Вряд и тут долго ли климат продержится.

Швейцария или Англия.

Да, я и не сообщал вам, что мне следует, исполняя письмо, давно написанное маменькой, вручить вам 10 000 фр. Я по этим делам и вступил в сношения с Ротшильдом.

Ну и прощайте, ночь, ночь и финал — право, я рад, что у меня сегодня болит голова.

Очень хотелось бы знать о здоровье Николая Ивановича, Массоля и пр.

Да что Мельгунов не пишет?

Прощайте, обнимаю вас, и Рейхеля, и Сашу.

138. М. К. РЕЙХЕЛЬ

14 (2) декабря 1851 г. Ницца.

14 декабря 1851. Ницца.

На сегодня буду писать мало, опоздал, не оттого, что много дела, а оттого, что ничего не делаю. — Вас мы помним и любим

не по-прежнему, а больше. — Бедный, бедный Коля и как не начаться равнодушьем ко всему! Зачем? А спрашивать-то и не у кого. А тут жизнь своей мышью бегом рассеивает — и это противно, но зато в иную минуту так горько. — Об общем что сказать вам: по-моему, это шаг вперед, но для нас лично все погибло, это-то и есть смерть старого общества, которую проповедовали.

Прощайте. Дружески обнимаю вас. Рейхеля благодарю за Шомбурга.

Пришлите же sous bande хоть два экземпляра «Pologne et Russie» Michelet. Стоит 60 cts и продается à la Librairie nouvelle¹, 15 Boulevard des Italiens.

139. М. К. РЕЙХЕЛЬ

22 (10) декабря 1851 г. Ницца.

22 декабря 1851. Ницца.

Особенного писать нечего, я задержал письмо, думая, что будет от вас, но почты нет и не будет сегодня (т. е. сегодня придет вчерашняя), видно, дороги плохи.

Я, кажется, забыл вам написать, что в записке маменьки назначены 3000 фр. Марии Фед(оровне) Корш, — ведь, я думаю, вам легче бы переслать их через Шомпильда. А я и без того боюсь, писал я к Ег(ору) Ив(ановичу) открыто. Поэтому как бы не догадались по вашим письмам, о ком речь. Я только жду известия о продаже моих фондов, чтобы писать Ротшильду, доверенность я послал 17 числа; уж попросите благодушно Рейхеля сходить да спросить Шомбурга, получены ли и проданы ли фонды. Тогда я тотчас напишу, чтобы вам выдали деньги — 13 000, а вы три и отправили. Насчет Беляева советую вам написать ему, чтобы пока % прислал. Пожалуй-ста, вы не перемоньтесь, пишите просто ему.

Что вы хотите делать с 10 000? Поступите по совету Шомбурга.

Письмо мое вроде записки министра финансов, я сегодня глуп. Простите. У меня, наконец, в душе одна злоба и Trotz² на смех судьбе, людям — жить и обижать.

Ваш последний могикиан.

¹ в новом книжном магазине (франц.); ² упрямство (нем.). — Ред.

Nice, 26 décembre 1851.

Je vous remercie beaucoup pour votre excellente lettre du 27 nov<embre>, elle m'a fait un grand bien. [La] Une sympathie [des personnes que nous aimons, que nous estimons sans bornes] pareille nous rend notre souffrance plus humaine, moins accablante.

Vous me dites [en terminant]: «Hâtez-vous de pleurer vos malheurs domestiques car bientôt si un effort suprême de raison pacificatrice ne vous rend le calme, vous verrez des choses, qui vous rendront le cœur de pierre pour toutes vos misères».

Vos paroles prophétiques se sont terriblement accomplies. Et la raison pacificatrice n'a pas fait de grands efforts. — [Et réellement] Je n'ai plus de larmes. Il me semble parfois, que la catastrophe terrible, qui m'a enlevé ma mère, mon fils et un ami le 16 du mois passé, est déjà très éloignée. Entre le sinistre personnel et le présent un monde entier a fait naufrage. Sa perte était prévue. Vous lui avez dit, il y a deux ans: «Ce n'est pas Catilina qui est à vos portes — c'est la mort». Mais le malheur surprend toujours. La mort qui frappait alors aux portes, les a entrouvertes maint<enant>. Triste [métier de ne lire que] et lugubre métier que des messes de morts et de passer immédiatement de l'enterrement de ses proches à l'enterrement général — sans donner un peu de repos au cœur brisé.

Mais il faut laisser aux morts — enterrer les morts. Nous n'appartenons pas au passé qui s'écroule, nous appartenons à l'avenir.

Comme nous serions heureux de vous savoir hors de Paris et hors de France. — Paris c'est Jérusalem après Jésus, gloire à son passé, à sa grande révolution, mais il a terminé sa carrière. Le règne de la bourgeoisie libérale, civilisée, frondeuse — est passé. Elle a tout vendu pour garder son argent, pour cette simonie elle doit être traitée comme les Nègres, comme les Russes. Elle craignait l'excès de liberté — eh bien elle aura l'excès du despotisme; elle ne voulait rien céder au peuple — eh bien le peuple [fume] se croise les bras, lorsqu'on la fusille. Elle inventait un spectre rouge, elle tremblait devant une barbarie — venant d'en bas; la barbarie vient d'en haut. Y a-t-il au monde une idée plus pauvre que l'idée de l'ordre; l'ordre abstrait — c'est la mécanique, c'est la négation de l'initiative, de la métamorphose. *L'ordre et l'avarice* — mais le principe monarchique a été mille fois plus riche, plus social, plus poétique. La police et la bourse au lieu du trône et de l'églisol

La France retombée dans l'enfance, et la Russie, qui n'en

est pas sortie encore — toutes les deux sous un joug dégradant — [sont arrivées] arrivent au même niveau. La Russie n'a rien gagné, la France a tout perdu. Le despotisme préparera des moyens colossaux pour le communisme — et non pour le conservatisme. Il n'y a de conservatisme qu'en Angleterre, et elle seule restera comme un échantillon magnifique du monde civilisé, du monde chrétien et féodal; je pense que pour nous (avant l'Amérique) il n'y a pas d'autre endroit; car si nous pouvons entrevoir le fil rouge du progrès à travers la barbarie, il me semble qu'il est impossible de traîner, sans y être forcés, une existence triste et humiliante dans ce luxe de bassesse et de servitude, dans cette débauche d'arbitraire et de despotisme. Certes on pourrait commencer par la Suisse (moi, je suis naturalisé Suisse) — mais j'ai peu de confiance dans cette république fossile — «libres comme les montagnes» disent les Suisses, oui «et stériles comme les montagnes».

Votre œuvre a été immense, vous avez tout fait pour montrer le danger, vous leur avez indiqué les moyens de salut, de transition, les solutions organiques, la nécessité de la morphologie sociale, qui demandait à haute voix de nouvelles formes. Le monde civilisé depuis New York jusqu'à Moscou vous admirait. Et la partie civilisée de la France vous a-t-elle jamais compris? Lorsque vous disiez — développement, elle comprenait destruction, vous parliez en pacificateur — et on prenait vos paroles pour des cris de guerre. Eh bien maintenant c'est trop tard, ils auront un cataclysme terrible. Les braves gens craignaient de perdre sur les fonds publics — et ils ont perdu l'honneur, les libertés, les droits, ce qui n'empêche pas qu'ils perdront aussi sur les fonds.

Jusqu'à présent nous vivons tranquillement sous la protection de la *Croce di Savoia* — mais je pense quitter Nice dans deux, trois mois. De grâce, comptez sur moi, sur mon dévouement et mon amitié. — Je vous suis obligé plus que vous ne le pensez. Hegel et vous — vous avez fait la moitié de mon éducation philosophique, je serai heureux de pouvoir travailler ensemble avec vous ou vous être utile. Je vous serre la main avec beaucoup, beaucoup de sympathie.

Перевод

Ницца, 26 декабря 1851 г.

Я очень благодарен вам за ваше превосходное письмо от 27 ноября, оно подействовало на меня весьма благотворно. Такое сочувствие [людей, которых мы любим, которых безгранично уважаем,] делает наши страдания более человечными, менее тягостными.

Вы говорите [заканчивая]: «Торопитесь оплакать ваши частные горести, ибо вскоре, если последнее усилие примиряющего разума не сведет покоя на землю, вы увидите вещи, от которых сердце ваше окаменеет и вы сделаетесь нечувствительными к собственным бедствиям своим».

Ваши пророческие слова страшным образом сбылись. Примиряющий разум не прилагал больших усилий. [И действительно]. У меня нет больше слез. Мне иногда кажется, что страшная катастрофа, которая 16-го числа прошлого месяца отняла у меня мать, сына и друга, случилась уж очень давно. За время, прошедшее после личного несчастья, потерпел крушение целый мир. Его гибель была предвидена. Вы сказали ему два года назад: «Не Катилина стоит у ваших ворот, а смерть». Но горе всегда застаёт врасплох. Смерть, которая тогда стучалась в ворота, теперь их приотворила. Печальная и скорбная обязанность [служить лишь] присутствовать на заупокойных мессах и прямо с похорон своих близких идти на общие похороны, не дав ни малейшего отдыха разбитому сердцу.

Но надо оставить мертвым погребать мертвых! Мы не принадлежим прошлому, которое рушится, мы принадлежим будущему.

Как были бы мы счастливы знать, что вы за пределами Парижа и за пределами Франции. Париж — это Иерусалим после Иисуса; слава его прошлому, его великой революции, но он завершил свой жизненный путь. Царство либеральной, цивилизованной, фрондирующей буржуазии прошло. Она продала все, чтобы спасти свои деньги; за эту симонию она заслуживает, чтобы с ней обращались как с неграми, как с русскими. Она боялась чрезмерной свободы — ну что же — она получит чрезмерный деспотизм. Она ничего не желала уступить народу, и вот народ [покуривает] сложа руки смотрит, как ее расстреливают. Она выдумала красный призрак, она дрожала перед варварством, идущим *снизу*, и вот варварство пришло *сверху*. Существует ли на свете более убогая идея, чем идея порядка; абстрактный порядок — это механика, это отрицание инициативы, метаморфозы. *Порядок и скупость* — но ведь монархический принцип был в тысячу раз богаче, социальнее, поэтичнее. Полиция и биржа — взамен престола и церкви!

Франция, впадшая в детство, и Россия, еще не вышедшая из него, — обе, сгибаясь под унижительным ярмом, оказались на одном уровне. Россия ничего не приобрела, Франция все потеряла. Деспотизм подготовит огромные возможности для коммунизма — а не для консерватизма. Консерватизм сохранился в одной лишь Англии, и она одна останется великолепным образцом мира цивилизованного, мира христианского и феодального; я думаю, что для нас (до Америки) нет другого

места, ибо, если мы и в состоянии различать сквозь варварство красную нить прогресса, то мне кажется невозможно, не будучи к тому принужденным, влечить печальное и оскорбительное существование среди такой необузданной подлости и раболепства, среди такого безудержного произвола и деспотизма. Конечно, можно было бы начать с Швейцарии (я сам натурализованный швейцарец), но я не очень-то верю в эту окаменелую республику: «свободны, как горы», говорят швейцарцы, да, но и «бесплодны, как горы».

Ваш труд был безмерен, вы все сделали, чтобы предупредить об опасности, вы наметили средства спасения, пути перехода, органические решения, указали на необходимость социальной морфологии, громко требовавшей новых форм. Весь цивилизованный мир, от Нью-Йорка до Москвы, восхищался вами. А понимала ли вас хоть когда-либо цивилизованная часть Франции? Когда вы говорили — развитие, она понимала — разрушение; вы выступали со словами умиротворения, она принимала их за призыв к войне; ну, а теперь слишком поздно — их постигнет страшный катаклизм. Бедняги боялись потерять на своих процентных бумагах — и вот они потеряли честь, свободы, права, что нисколько не помешает им потерять и на процентных бумагах.

Мы живем пока спокойно, под покровительством *Croce di Savoia*¹, но через два-три месяца я думаю покинуть Ниццу. Рассчитывайте, прошу вас, на меня, на мою преданность и дружбу. — Я обязан вам больше, чем вы думаете. Гегель и вы, — вот кто наполовину определил мое философское развитие. Я был бы счастлив, если бы мог работать с вами и быть вам полезным.

Жму вашу руку с большой, большой симпатией.

ДРУГАЯ РЕДАКЦИЯ ПИСЬМА

26 décembre 1851. Nice.

Je vous remercie beaucoup pour votre excellente lettre du 27 novembre, elle m'a fait un grand bien. Votre sympathie m'est chère, elle m'a rendu mes souffrances moins accablantes, plus humaines.

Vous me dites: «Hâtez-vous de pleurer vos malheurs domestiques, car bientôt, si un effort suprême de raison pacificatrice ne vous rend le calme, vous verrez des choses qui vous rendront le cœur de pierre pour toutes vos misères».

Ces paroles prophétiques se sont terriblement accomplies. Et la raison pacificatrice n'a pas fait de grands efforts. Je n'ai

¹ Савойского креста (итал.). — *Ред.*

plus de larmes. Il me semble parfois que la catastrophe terrible qui m'a enlevé ma mère, mon enfant et un de mes amis, est déjà très éloignée. Un monde entier a eu le temps de faire naufrage depuis ce sinistre. Triste sort de passer immédiatement de l'enterrement de ses proches à l'enterrement général — sans donner un peu de repos au cœur brisé!

La perte de ce monde a été prévue, mais le malheur frappe toujours comme quelque chose d'inattendu. Les déductions dialectiques ne consolent pas. Il y a plus de deux ans que vous avez dit: «Ce n'est pas Catilina qui est à vos portes, c'est la mort!» Elle frappait alors, maintenant elle a ouvert les portes. Le règne de la révolution bourgeoise est passé, le règne du libéralisme frondeur, du républicanisme rhétorique, des mots, des abstractions, est terminé. La bourgeoisie a vendu la liberté, l'honneur, tout pour garder son argent et ses monopoles: eh bien, il est juste que pour cette simonie elle soit punie par un esclavage sans bornes. On craignait l'excès de liberté — on aura l'excès de despotisme, on craignait la barbarie d'en bas — on aura la barbarie d'en haut, on ne voulait rien céder au peuple — eh bien, le peuple reste tranquille lorsqu'on fusille les républicains au nom de l'ordre. Y eut-il jamais au monde une idée plus maigre, plus pauvre que l'idée de l'ordre? L'ordre et l'avarice au lieu du trône et de l'église! Mais le principe de la monarchie catholique était mille fois plus poétique, plus social. La manie de l'ordre et de l'accapariement c'est la peste qui emporte ce monde; il termine d'une manière ignoble, mais enfin cela le tuera aussi, comme le communisme l'aurait fait, et ses destinées s'accompliront. Mais il faut laisser aux morts enterrer les morts.

Comme nous serions heureux de vous savoir hors de Paris et hors de la France. Paris, c'est Jérusalem après Jésus; gloire à son passé, — mais c'est un passé.

Il ne reste maintenant qu'un seul échantillon de la civilisation, un seul pays conservateur, c'est l'Angleterre. L'individu ne peut être libre que là. Hors de l'Angleterre il n'y a que la Russie — la Russie jeune de Pétersbourg et la *vieille* Russie en France. Entre les deux, comme un chiffon entre deux diamants l'Allemagne, lymphatique, transcendente et passive. Nous pouvons entrevoir le fil rouge du progrès à travers la barbarie qui a englouti le continent, mais il est impossible de traîner, sans y être forcés, une existence humaine au milieu de ce luxe de bassesse, au milieu de cette débauche d'arbitraire.

Votre œuvre a été immense. Vous avez tout fait pour montrer à la France le danger qui s'approchait. Vous avez indiqué les moyens de salut, les transitions. Le monde entier, depuis Moscou jusqu'à New York, vous admirait. Eh bien, franchement, la France vous a-t-elle compris? Lorsque vous parliez de paix —

elle comprenait guerre, lorsque vous parliez en pacificateur — on prenait vos paroles pour un cri de haine.

Maintenant — *troppo tardi*: la catastrophe est arrivée, les cosaques de Vincennes, les prêtres de l'ordre ont le dessus — détournons-nous du spectacle affligeant d'un monde en démence et sachons nous émanciper, nous sauver si nous n'avons pu sauver le monde.

Je vous serre la main avec beaucoup de sympathie. Comptez sur moi, je serai bien heureux de vous prouver par des actes toute l'amitié et tout le dévouement que je vous porte.

A. H.

Перевод

26 декабря 1851 г. Ницца.

Я очень благодарен вам за ваше превосходное письмо от 27 ноября, оно действовало на меня весьма благотворно. Ваше сочувствие мне дорого, оно сделало мои страдания менее тягостными, более человечными.

Вы говорите: «Торопитесь оплакать ваши частные горести, ибо вскоре, если последнее усилие примиряющего разума не сведет покоя на землю, вы увидите вещи, от которых сердце ваше окаменеет и вы сделаетесь нечувствительным к собственным бедствиям своим».

Эти пророческие слова страшным образом сбылись. А примиряющий разум и не прилагал больших усилий. У меня нет больше слез. Мне иногда кажется, что страшная катастрофа, которая отняла у меня мать, ребенка и одного из друзей, случилась уже очень давно. Со времени этого несчастья успел потерпеть крушение целый мир. Печальная участь — переходить прямо с похорон своих близких на общие похороны, не дав ни малейшего отдыха разбитому сердцу!

Гибель этого мира была предвидена, но горе всегда поражает как нечто неожиданное. Диалектические дедукции не утешают. Больше двух лет тому назад вы сказали: «Не Катилина стоит у ваших ворот, а смерти!» Тогда она стучалась, теперь она отворила ворота. Царство буржуазной революции прошло, царство фрондирующего либерализма, риторического республиканства, слов, абстракций — кончилось. Буржуазия продала свободу, честь, все, чтобы сохранить свои деньги, свои монополии; ну что же, справедливо, что за эту симонию она наказана безграничным рабством. Боялись чрезмерной свободы — получают чрезмерный деспотизм, боялись варварства снизу — получают варварство сверху, не желали ничего уступить народу, так вот, народ остается спокойным, когда республиканцев расстреливают во имя порядка. Существовала ли

когда-либо на свете более скудная, более бедная идея, чем идея порядка? Порядок и скупость — взамен престола и церкви! Но ведь принцип католической монархии был в тысячу раз поэтичнее, социальнее. Страсть к порядку и стяжательству — вот чума, которая уносит этот мир; он идет к концу позорным образом, — впрочем, это его так же убьет, как убил бы коммунизм, и судьба его свершится. Но надо оставить мертвым погребать мертвых.

Как были бы мы счастливы знать, что вы за пределами Парижа и за пределами Франции. Париж — это Иерусалим после Иисуса; слава его прошлому, но это прошлое.

Теперь остался один лишь образец цивилизации, одна страна, охраняющая что-то, это Англия. Только там личность может быть свободной. Кроме Англии, только Россия — *молодая* петербургская Россия и *старая* Россия во Франции. Между ними двумя, как лоскут между двумя алмазами, Германия, лимфатическая, трансцендентальная и пассивная. Мы в состоянии различить сквозь варварство, поглотившее континент, красную нить прогресса, но невозможно, не будучи к тому принужденным, влечь человеческое существование среди такой необузданной подлости, среди такого безудержного произвола.

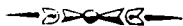
Ваш труд был безмерен. Вы все сделали, чтобы предупредить Францию о приближающейся опасности. Вы наметили средства спасения, переходные ступени. Весь мир, от Нью-Йорка до Москвы, восхищался вами. А понимала ли вас, откровенно говоря, Франция? Когда вы говорили — мир, она понимала — война, когда вы выступали как умиротворитель — ваши слова принимались за крик ненависти.

Теперь troppo tardi¹: катастрофа наступила, венсенские казаки, попы порядка одержали верх — отвернемся же от печального зрелища мира, впавшего в безумие, и постараемся освободиться, спасти себя, если мы не могли спасти мир.

Жму вашу руку с большой симпатией. Рассчитывайте на меня, я был бы очень счастлив доказать вам на деле всю дружбу и преданность, которые питаю к вам.

А. Г.

¹ слишком поздно (итал.). — *Ред.*

1852

141. М. К. РЕЙХЕЛЬ

1 января 1852 г. (20 декабря 1851 г.) Ницца.

1 января 1852.

Я вчера уж думал, думал, что бы вам написать и с каким новым счастьем поздравить, начал было, да глупо.

Не хочу даже проклинать прошедший год, я проклинал 49, я проклинал 50, для 51 это мало. Но вот каков был год, что я, по совести, нисколько не желаю видеть 1 янв<аря> 1853 года, все равно — жив не жив, и еще более все равно — в Америке, в Ницце, в Шлюссельбурге.

Fuimus, — были! Давайте-на руку вы, последняя могиканка нашего круга, который свелся голов на пять. Как вы встретили Новый год, а мы недурно — Наташа четвертый день в постели, колотье и общее нервное расстройство, доходящее до *très douloureux*, грудь, глаза — все болит. Это — отдание 16 ноября.

Об Америке мысль Рейхеля, может, и дельная, но торопиться не надобно, погодите, и соберемтесь куда-нибудь вместе. Здесь все еще тихо, но я думаю весною перебираться в Швейцарию, а если война будет, то в Брейтон.

Франк никаких книг мне не посылал, что же это значит, да уж и брошюрку Мишле-то бы *sous bande*¹. А я за ваше неоставление вам приготовил подарочек, только пришлю не ближе как к 1 февралю, отгадайте.

Ну, и довольно. Я все не писал к вам на траурной бумаге, но вы уж слишком знаете, и черный ободок не прибавит.

Прощайте. Узнайте от Мел<ьгунова>, что сделалось с Вольфзоном, я ему послал рукопись в октябре, письмо в ноябре, ни слуха, ни духа. Пусть он требует в почтамте.

Рейхеля и Китайца поздравляю, особенно Китайца, да не

¹ бандеролью (франц.).— *Ред.*

с Новым годом, а с тем, что в память страсти Прасковьи Андреевны к Сян-лину и Маюкопу он отстранил хохол,— это показывает, что у него семейные чувства и уважение к старшим развито.

Ну что же ваши С<танкевичи> не едут. Все еще боятся? А я жду из России вестей, вот уж год прошел, а еще там никого не сослали, не посадили на кол, не повесили за мою брошюру. Эдак, пожалуй, *страх-то не был основателен*. И вряд не опаснее ли здесь писать, нежели там даже не читать.

Нат<аша> кланяется много.

Полковник поздравляет.

142. Ж. МИШЛЕ

5 января 1852 г. (24 декабря 1851 г.). Ницца.

5 janvier 1852. Nice.

Monsieur, il y a une semaine que j'ai eu le plaisir de recevoir votre lettre du 25 décembre. Ne m'en voulez pas mon silence. Je n'avais rien à dire, digne d'être entendu par vous. Ma tête est vide, mon cœur commence à s'endurcir.

J'ai apporté assez de courage pour braver la vie, mais enfin mes épaules fléchissent, une lassitude indicible s'empare de moi. A peine je me sentais un peu soulagé des deux terribles catastrophes, desquelles l'une m'enleva ma mère et mon fils, et l'autre jeta le linceul d'un monde entier, pour couvrir les cercueils des miens qui s'effaçaient devant l'énormité du malheur universel — qu'un nouveau coup de foudre tombe sur ma tête.

Ma femme indisposée depuis l'événement du 16 novembre, est gravement malade d'une pleurésie. Je n'ai ni la force d'espérer, ni la force du désespoir. J'ai un seul devoir au monde — envers mes enfants, je me dévoue, tête baissée et maudissant la vie.

Pardonnez-moi de vous entretenir de mes souffrances. Vous en avez assez autour de vous.

Je vous remercie beaucoup pour les renseignements concernant le monument; je tiens fortement à cette idée, mais je ne puis rien dire pour le moment. Mes pensées sont incohérentes, je vous prierai la permission d'écrire sur ce sujet une autre fois.

J'ai déjà écrit, il y a deux ou trois semaines, pour avoir votre dernier ouvrage *Pologne et Russie*, j'attendais l'exemplaire que vous avez eu l'amitié de me promettre, et je n'ai rien reçu encore...

Je vous serre bien affectueusement la main.

A. H.

5 января 1852. Ницца.

Милостивый государь, неделю тому назад я имел удовольствие получить ваше письмо от 25 декабря. Не сетуйте на меня за мое молчание. Мне решительно нечего было сказать заолуживающего вашего внимания. В голове у меня пустота, сердце начинает черстветь.

У меня нашлось достаточно мужества, чтобы выстоять перед жизнью, но плечи мои начинают сгибаться, невыразимая усталость овладевает мною. Едва я стал приходить в себя после двух ужасных катастроф, одна из которых лишила меня матери и сына, а другая — набросила саван на целый мир, чтобы скрыть гробницы моих близких в огромности всеобщего несчастья, как новый удар, подобно молнии, разразился над моей головой.

Моя жена, захворавшая после события 16 ноября, сейчас тяжело больна — у нее плеврит. Я не чувствую в себе ни силы надеяться, ни силы отчаяния. У меня остался в жизни единственный долг — по отношению к моим детям, и я жертвую собой, склонив голову и проклиная жизнь.

Извините меня, что занимаю вас своими страданиями — их достаточно и вокруг вас.

Очень благодарен вам за сведения относительно памятника, этой мыслью я очень дорожу, но сейчас ничего не могу сказать. Мои мысли спутаны, и я прошу разрешения написать вам по этому поводу в другой раз.

Две-три недели назад я уже писал вам насчет экземпляра вашего последнего сочинения «Польша и Россия», который вы мне дружески обещали. Я ждал его, но до сих пор ничего не получил...

С искренней симпатией жму вашу руку.

А. Г.

143. М. К. РЕЙХЕЛЬ

5—6 января 1852 г.
(24—25 декабря 1851 г.) Ницца.

5 января. Утро.

Я думаю, или, лучше, спрашиваю: что же, будет всему этому конец или нет. И что судьба опрокинулась на меня — неужели нет хуже людей на свете.

Поди, ищи тут справедливость. Rouge ou noire, — rouge — выиграл, rouge — проиграл. Наконец, я хвастался силой, но не хочу больше иметь ее.

Болезнь Наташи развилась в злую плерези, вчера ставили пиявки, сегодня пиявки, дают опиум, чтоб унять боль хоть наружно. Между тем силы уходят, и что из всего этого будет — не знаю. К тому же оказывается, что 16 ноября пришло в начале беременности. Все это вместе в лучшем случае предполагает несколько месяцев страданий — а тут еще, пожалуй, ехать отсюда. Ну, словом, чаша полна.

Как Байрон-то был прав, говоря, что порядочный человек не живет больше 38 лет. Смолоду, сгоряча еще идет, а потом меньше да меньше сучьев, ветвей, листа и к зиме готов.

Прощайте. Письмо это пойдет завтра, я еще припишу.

4 часа.

Хуже, хуже и хуже...

6-е. Вечер.

Ну, еще два дни жизни. Довольно вам сказать, что полтора суток не было никакой надежды, Бонфис и Фогт были безотлучно, последний ночевал. Плерези развилась — сил нет. Лихорадка, как разумеется. — Пиявки и каломель победили на первый случай, с сегодняшнего вечера лучше. — Если эта чаша пройдет мимо, то последнее спасибо жизни. Я изнашиваюсь.

До какой степени слаба и изменилась Наташа, вы не можете представить. Она не может одна перевернуться.

Письмо мое идет завтра утром. Если не будет лучше, я его не пошлю. Стало, лучше, если вы получите.

Ваше письмо получил, сегодня. Берите пиэмонтские фонды или белгийские $2\frac{1}{2}$ %, они довольно выгодны, — впрочем, Шомпильд знает.

Прощайте.

Рейхелю и М(ельгунову) жму руку. Устал, устал, подам в отставку из людей.

144. М. К. РЕЙХЕЛЬ

8 января (27 декабря 1851 г.). Ницца.

8-го, четверг.

Вчера был ужасный день. Я потому уже не писал, *tic doulougeux* с воспаленьем в боку и кашляет. К ночи стихло. Сегодня *relâche*¹, но кризису, т. е. важной перемены еще нет, поту не было, воспаление легче. Силы мало.

¹ передышка (франц.). — *Ред.*

На сей раз рассуждать не хочу: и то только одна вера в вашу дружбу и боязнь, что вы еще более будете беспокоиться, не получив вестей, заставили меня взяться за перо.

Дети ничего. Письмо пойдет завтра утром рано, а потому вечером припишу. Сегодня седьмой день, а по другим — шестой. Мне начинает казаться, что пароксизмы сравнительно слабее. Вчера утром я почти терял надежду.

Прощайте.

145. М. К. РЕЙХЕЛЬ

9 января 1852 г. (28 декабря 1851 г.). Ницца.

9 января. Утро.

Второй день без пароксизма, но лихорадка продолжается. Пота не было. Вообще все вместе — к лучшему, если только слабость потом не одолеет.

Можно надеяться на жизнь, столько же, сколько от 4 до 7 не было надежды. Заметьте, что плерези в левом боку и легком, т. е. возле сердца.

Третьего дня был день страшный. Теперь жизни мышья беготня и суета начинает поднимать голову из-под савана.

Вчера получил письмо от Шпильм(анова) друга, никаких вестей нет, стало, бесспорно и он погиб, и отправил матери 4000 фр.

Больше ничего. И устал, и скука, и как-то все становится пуще, пуще около... все уходит и, удаляясь, кивает головой, говоря:

Погоди немного,
Отдохнешь и ты.

И это обман, разве гнить значит отдыхать; решительно человек не удался природе.

Прощайте.

Что же à la fin des fins¹ брошюрка Мишле существует или нет, и Франк что мне посылал или нет?

9 часов вечера.

День прошел спокойно, и опасность очень уменьшилась. Остается ожидать транспирации и быть осторожным.

Послезавтра буду писать опять.

¹ в конце концов (франц.).— *Ред.*

11 января 1852 г. (30 декабря 1851 г.) Ницца.

11 января. Вечер.

Хотя прямого кризиса не было, но болезнь очевидно уменьшается, и, если ничего не помешает снова, можно положительно надеяться. Но какая бережь надобна, и прошла ли такая болезнь бесследно? — Сколько сил унесено.

Ну, словом, год этот удался.

Письмо ваше получил, но портрета еще нет. Сегодня рождение бедного Коли. Больше писать нечего, прощайте. Погода скверная — и на сердце темь и усталъ.

Рейхелю жму руку.

10 часов вечера.

Все идет хорошо. Нат<аша> благодарит вас очень за портрет — который еще не получен...

16 (1) января 1852 г. Ницца.

16 января 1852. Ницца.

Портрет Коли и письмо потом получили. Портретом, признаюсь, я не совсем доволен, присланный из Штутг<арта> лучше, но все же и Нат<аша> и я благодарим очень.

Болезнь перешла опасный период, но выздоровление медленно и тягостно, еще Нат<аша> не может ни приподняться, ни лечь на правый бок, лихорадка все продолжается, и поту еще не было. Слабость чрезвычайная, сегодня три недели с начала болезни и 12 дней с воспаления. Кроме нескольких ложек бульону, она ничего не брала в рот.

И я что-то старею, голова болит чаще и чаще. Скука такая, тоска, что, наконец, если б не дети, то и все равно, впереди ничего, кроме скитаний, болтовни и гибели за ничто. Если б в Москве не было так бесконечно глупо, проситься бы домой. Да ведь и туда свезешь же себя самого.

*Finita la commedia*¹, матушка Марья Каспаровна. Укатал меня этот 1851 год. — *Fuimus* — были.

Пришлите письмо Тат<ьяны> Ал<ексеевны>; да что же Егор-то Иваныч, хочет отмолчаться, о люди, люди. — А в «Прессе» только и пишут, что об Рейхелевых обедах; вы эдак не метите ли в интер<скую> капеллу — вот протекция-то тогда. Что Мельгу<нов>?

¹ Представление окончено (итал.). — *Ред.*

Вечер.

Хоецкий просит вас или Рейхеля побывать у М^{ме} Le-moine насчет его малютки. Дело в том, что он хочет знать, получила ли она большое письмо и может ли он благонадежно послать деньги г. Беше в Нантер, да сверх того он желает знать, что маленькая — как там содержана. Не гневайтесь за комиссии — у всех, видите, своя зазноба.

Прощайте.

148. М. К. РЕЙХЕЛЬ

20—21 (8—9) января 1852. Ницца.

20 января.

Все шло было довольно хорошо, но пластырь до того стал мучителен, что стали делаться спазмы и нервные припадки. Не думаю, чтоб это было очень опасно, но страдания страшные. Сегодня всю ночь Н(аташа) не спала, к утру сделалась страшная слабость. И все еще нельзя ни повернуться, ни встать — три недели.

Письмо ваше и Тат(ьяны) Ал(ексеевны) получил. Вы пресмешны, между прочим, толкуете о том, что я не забываю вам писать. Да сколько ж нас остается старомосковцев, да и много ли новоприбывших. Пустота около меня делается с всяким днем страшнее. Есть добрые люди — бог с ними, есть умные — черт с ними, те недопечены, эти пережжены, а все, почти все, готовы любить до тех пор, пока не выгоднее ненавидеть. Я за вас держусь не только из дружбы к вам, а из трусости — ну как и последние могикане, Огар(ев), Астр(аковы), вы, канете в воду, а тут еще семья поуменьшится — так эдак и останешься сам большой.

На записке Луизы Ивановны находится 1500 фр. Вере Артамоновне, о которых я Егору Ивановичу писал. Но он не отвечает; пожалуй, я их через вас и Рот(шильда) пошлю на его имя. Даже предварительно вы можете ему написать, что я беру на себя все потраченные им для Луизы Ивановны деньги и что прошу особенно продолжать жалованье Вере Арт(амоновне).

Я вам очень не советую деньги брать ни у Бел(яева), ни у От(арева), лишь бы знать, что они у них. По 8 проц(ентов) вы здесь не найдете помещенье, а если год-два и задержат, я ручаюсь за уплату.

21.

Сегодня ночь прошла хорошо и можно надеяться значительного улучшения. Прощайте. Завтра или послезавтра пошлю обещанный подарок, который пригодится снаружи для вас, а снутри для Саши.

Рейхелю поклон.

2 февраля (21 января) 1852 г. Ницца.

2 февраля 1852. Ницца.

Пожалуйста, вы не укладывайте ваших чемоданов и не ездите ни в Гокенкукерлинг, ни в Унтер Лауб Циген — без моего позволения. Вот посадили свинью за стол, а она и ноги на стол. Я вам не даю позволения уезжать из Парижа (без моей визы) — надолго. А именно я сперва хочу знать, поеду ли я в Пекин или Каир, буду ли сидеть на креслах отца (это намеки на Père-Lachaise) — или на скамейке матери (это дальние апроши к намеку на Mme Galère) и еще более хочу знать: что вы и Рейхель можете по первому свисту — ехать если не ко мне, то к детям. Дело в том, что после 16 ноября и начала января я убедился, что в прописях очень дельно замечено, что «все люди смертны», — причем прибавлено: «но Кай человек, следственно, Кай смертен». Вы можете сомневаться, что я Кай, во что я человек — трудно, ибо звери не курят и не пьют водку. Черед, кажется, за мной.

Это не мешает мне прожить лет полтораста; но я русского авось начинаю не любить.

Во всей Европе (и Австралии) у меня нет человека, к которому бы я имел более доверия, как вы (оттого, собственно, я вам ничего и не доверял). Огарев в России и вы здесь. — Но вы в качестве женщины мало можете сделать, в дружбе и высококой чести Рейхеля я отроду не сомневался, а потому, *considérant cela et autre chose*¹,

читайте вместе.

Cher Reichel. Vous êtes un des hommes les plus purs que je connaisse; vous m'aimez comme un homme, lié depuis l'enfance avec Marie, et vous ne me refuserez pas le service que je vous demanderai.

Vous avez une preuve de l'état maladif de ma femme.

Moi, je peux mourir d'un coup d'apoplexie... ou d'un coup d'Etat.

Que feront les enfants? On gaspillera le bien, on négligera tous les soins. J'ai des amis excellents — mais ils ne peuvent pas rester près de mes enfants.

Prenant tout cela en considération, je veux vous nommer un de mes exécuteurs testamentaires et membre de la tutelle sur mes enfants. (Tout à fait comme le président.)

Je vous enverrai des instructions détaillées. Je désire que Marie ait une influence très grande sur l'éducation, et vous — sur la gestion des biens.

¹ принимая во внимание и это и другое (франц.). — *Ред.*

Comme tout cela ensemble peut vous prendre beaucoup de temps, vous n'aurez rien contre une rémunération de ma part...

Pour le coup, vous aurez pour collègues:

tuteur	{	Sazonoff
seul exécut(eur)		Engelson
		J. Challer de Fribourg
		<i>Bonfils, Dr</i>

et vous direz que j'ai agi en *bon père*.

Je finis le testament par un calembour — Mut der Konsequenz: E<ure>r Ex<ze>l<len>z!

Mais ne partez pas ou allez seul de Paris *avant l'automne*.

A. Herzen.¹

150. Н. Н. САЗОНОВУ (черновое)
15—16 (3—4) февраля 1852 г. Пуща.

Рукой Н. А. Герце:

Нидца 1852, февр. 15.

Я желаю, Николай Иванович, вас, как и всех, принимающих живое участие в моем муже, вывести из заблуждения насчет нашего отношения

¹ Дорогой Рейхель. Вы один из самых чистых людей, каких я только знаю; вы любите меня как человека, с детских лет связанного с Мариёй <Каспаровной>, и вы не откажете мне в услуге, о которой я попрошу вас.

У вас в руках доказательство болезненного состояния моей жены.

Я же могу умереть от апоплексического удара... или от государственного переворота.

Что станется с детьми? Состояние их пустят на ветер, никакого ухода за ними не будет. У меня есть превосходные друзья — но они не могут оставаться с моими детьми.

Приняв все это в соображение, я хочу назначить вас одним из своих душеприказчиков и членом опеки над моими детьми (в роли полномочного президента.)

Мною будут высланы вам подробные наставления. Я желаю, чтобы Марии <Каспаровне> принадлежало значительное влияние на воспитание, а вам — на управление имуществом.

Поскольку все это может отнять у вас много времени, вы не возражаете против вознаграждения с моей стороны...

На сей раз вашими сотоварищами будут:

единственный душеприказчик	{	Сазонов
		Энгельсон
		Ю. Шаллер из Фрибурга
		<i>Бонфис, д-р</i>

и вы подтвердите, что я действовал, как *добрый отец*.

Заканчиваю свое завещание каламбуром — Mut der Konsequenz: E<ure>r Ex<ze>l<len>z!

Но не уезжайте же *до осени* из Парижа, а если уедете — то уезжайте один.

A. Герцен.

о ням. Александр спишет для вас копию с письма, которое я написала и отправлю [в скором времени] завтра. Вы увидите из него, что я не имею нужды в [его] великодушии моего мужа, в том смысле, как вы его понимаете.

Хоть я для вас остаюсь и останусь, вероятно, навсегда [тою незнакомой, как и [всегда] прежде,— по, как женщина, пришедшая в себя после безумного увлечения, и как жена вашего друга,— я прошу вас соединиться с ним и защитить меня от моего врага.

Н. Герцел.

Переписываю тебе письмо сам, потому что моя жена не может долго писать, она не покидает еще постели.

«Vos persécutions et vos infamies me forcent à vous répéter aujourd'hui devant des témoins ce que je vous ai déjà écrit depuis longtemps. Oui, mon entraînement pour vous a été grand, aveugle, mais votre caractère traître, vil, juif et votre égoïsme effréné m'ont bientôt apparu dans toute leur effroyable nudité — au moment de votre départ, aussi bien qu'après. Tandis que la dignité et le dévouement d'Al^{exandre} grandissaient à tout moment. Ma malheureuse passion n'a servi que de piédestal pour élever à une nouvelle hauteur mon amour pour lui. Ce piédestal vous avez essayé de le couvrir de boue, mais vous ne savez plus porter atteinte à notre union, à présent plus que jamais indissoluble et inébranlable. Vos dénunciations basses et calomnieuses contre une femme n'inspirent à mon noble ami que du mépris et du dégoût pour vous,— vous vous êtes complètement déshonoré par cette lâcheté.— Où sont donc vos protestations d'une vénération religieuse pour ma volonté, d'adoration pour mes enfants (!), vos serments de disparaître de la surface de la terre plutôt que de troubler le repos d'Al^{exandre}... Ne vous ai-je pas dit *de tout temps* que je ne survivrais pas un jour à une séparation de lui, que s'il venait à me quitter ou à mourir, je resterais seule tout le reste de ma vie. Quant à ma promesse de venir vous voir un jour, oui, je l'ai faite, j'avais besoin de la faire, j'avais encore de la pitié pour vous, car j'ai voulu vous dire adieu d'une manière humaine. Vous m'avez rendu impossible l'accomplissement de cette promesse. Depuis votre départ vous n'avez pas cessé à me torturer pour avoir d'autres. Vous avez voulu disparaître pour des années, aller en Egypte — emportant une ombre d'espérance. [Voyant que vous n'avez] Lorsque vous avez vu que vous n'aviez pas réussi, vous m'avez proposé une foule d'arrangements absurdes et ridicules, et vous avez terminé par des menaces de publicité, par des menaces de me séparer avec Al^{exandre}, de le forcer à vous tuer, à avoir un duel avec vous, enfin vous disiez que vous ne vous arrêteriez à aucun crime, pour arriver à votre but — [vous tenez bien la partie] les intimidations n'ont plus de prise sur moi, vous les avez trop souvent répétées. Je n'ai qu'à répéter ce que

je vous ai dit dans ma dernière lettre (d'octob<re> ou de sep-
t<embre> 1851): „Si je ne pouvais rester, comme mère, comme
épouse, j'y resterais bonne, servante. Je reste dans ma famille;
ma famille — ce sont mon mari et mes enfants — point de pont
entre vous et moi. Vous m'avez rendu odieux même le passé“.

[Vos intimidations, vos menaces de suicide, d'assassinat
n'ont plus de prise sur moi, vous les avez trop de fois répétées...
et pourtant cela serait le moment de vous défaire d'une existe-
tence qui est au comble de l'opprobre.]»¹ Это вынуждено <1 нрзб.>

Письмо это было переписано, когда я получил твой ответ. —
Я было призадумался, посылать или нет. Если ты не веришь

¹ «Ваши преследования и ваше гнусное поведение заставляют меня по-
вторить вам сегодня перед свидетелями то, что я вам уже давно написала.
Да, мое увлечение вами было велико, слепо, по ваш характер, ве-
роломный, подлый, еврейский, и ваш необузданный эгоизм вскоре яви-
лись передо мной во всей безобразной наготы своей — в момент ва-
шего отъезда, так же, как и после. В то самое время как достоин-
ство и преданность А<лександра> росли с каждой минутой. Моя не-
счастливая страсть послужила только пьедесталом, чтобы поднять на
новую высоту мою любовь к нему. Этот пьедестал вы попытались по-
крыть грязью, но вам ничего не удалось сделать против нашего союза,
неразрывного и непоколебимого теперь больше, чем когда-нибудь. Ваши
низкие и клеветнические доносы против женщины внушают моему благо-
родному другу лишь презрение и отвращение к вам, — вы полностью ое-
счистили себя этой низостью. — Куда же делись ваши протестации в рели-
гиозном уважении моей воли, обожании моих детей (!), ваши клятвы скорее
исчезнуть с лица земли, чем смутить покой Ал<ександра>... — Разве я не
всегда говорила вам, что я и дня не переживу в разлуке с ним, что если б
он меня оставил или умер, — я осталась бы одна до конца жизни? Что ка-
сается до моего обещания когда-нибудь навестить вас, — да, я его сделала,
у меня была потребность сделать это, во мне была еще жалость к вам, ибо
я хотела по-человечески проститься с вами. Вы сделали для меня невоз-
можным исполнение этого обещания. С самого отъезда вы не переставали
пытать меня, добиваясь других обещаний. Вы хотели исчезнуть на годы,
уехать в Египет, унося с собою тень надежды. [Видя, что вы не]
Когда вы увидели, что это вам не удалось, вы сделали мне множество не-
лепых и смешных предложений и кончили тем, что стали угрожать пуб-
личностью, угрожать разлучить меня с Ал<ександром>, заставить его
убить вас, драться с вами на дуэли; наконец, вы сказали, что не оста-
новитесь ни перед каким преступлением, чтобы достигнуть своей цели
[вы хорошо выполняете обещанное] — запугивания уже не действуют
на меня, вы их слишком часто повторяли. Мне остается только вам
повторить то, что я сказала в последнем письме моем (от октября
или сентября 1851 г.): „Если б я не могла остаться как мать, как жена,
я осталась бы нянькой, служанкой. Я остаюсь в моей семье, моя семья —
мой муж и мои дети, между вами и мной нет моста. Вы мне сделали отвра-
тительным самое прошедшее“.

[Ваши запугивания, ваши угрозы самоубийством, убийством больше
уже не действуют на меня, вы их слишком много раз повто... а вещь
именно теперь для вас подходящий момент отделаться от жизни, дости-
гшей предела позора]» (франц.). — *Ред.*

мне, если тебе хочется защищать этого негодяя, — делай как знаешь и не бери моей стороны. Но так как я не хотел бы лишиться твоей помощи, то в последний раз скажу тебе, в чем дело. — Ни истинной, высокой страсти, ни безумья я не вижу, а вижу зависть, досаду и дерзость. До страсти мне нет дела. Вспрос проще. Держу ли я *насильно* — *интимидациями*, натягиванием, уговариванием женщину или нет. Где доказательства, где ее обещание, [ее] желание уйти? Совсем напротив — женщина, по несчастью увлекшаяся, хочет остановиться, ей не позволяют и, потеряв всякую надежду, лезут на дуэль и позорят ее направо и налево. — Если ты сомневаешься, что человек, делающий на женщину циничский донос и хвастающийся таким делом — мерзавец, считай меня мерзавцем. Он хочет отравить мою семейную жизнь, но я предостерегся, он одного не предполагал, именно что я готов не стреляться с подлецом — а дать публичность всему делу. Я слишком чист — чтоб мне бояться всякого суда. — Жена моя, раз раскаявшись, готова на всякие покаяния.

16, вечер.

Отвечай скорее.

151. М. К. РЕЙХЕЛЬ.

18(6) февраля 1852 г. Ницца.

Рукюй Н. А. Герцен:

Машенька, вот уже несколько дней меня мучает, что я не могу собрать довольно сил, написать тебе письмо-исповедь. Я не хочу ни с кем быть в ложном отношении, не только с тобой, по многому одним из самых близких существ мне, как всей семье моей. Прежде это не мучило меня и в голову не приходило, потому что оно было для меня совершенно прошедшее, выстраданное, выболевшее, отболевшее; потому что я готова была, желала выйти перед всем светом и сказать с гордостью: «Да, увлечение мое было безумно (кто знает меня, тот знает, что мне увлечься нелегко), испытанье велико, — но я вышла из него закаленная, с большой силой, с большой верой в себя и во все святое, истинное, заветное; тот, кто вел меня с детства, кто дал мне жизнь, кем я жила, — я достойнее его теперь, чем когда. Но сказать это всему свету я не могла и была уверена, что оно останется втайне навек; вышло не так, — тут мне надо рассказать тебе несколько фактов для объяснения. После того, как я открыла все Александру, необходимо было немедленно оставить наш дом. Я не могла оттолкнуть человека бесчеловечно, я хотела объясниться и расстаться достойным образом. А<лександр> был согласен со мной. Но там оскорбленное самолюбие поглотило все человеческое. После отъезда начались требования примирить их, устроить непременно возвращенье в дом; не успевая в этом — требования оставить А<лександра> хоть через долгое время, хоть дать тень надежды на это, обещая тогда замолчать, исчезнуть, — я не говорю о том, было ли для меня когда в возможности хоть подумать, дать кому-нибудь это обо мне, не только обещать исполнить — — — «впядящие да видят».

Мщенье возросло пепстовым образом, ни малейшего следа, никакого другого чувства — — пошли страшные угрозы — публичность, смертоубийство; наконец, клятвы вынудить во что бы то ни стало Александра убить его, клятвы не остановиться ни перед каким преступлением для того, чтобы меня «обманутую, потерянную спасти против моей воли».

Никакие просьбы с моей стороны не могли остановить эту бесплодную, безумную, страшную переписку (в которой я увидела такую черноту, грязь, что глазам своим не верила), ни даже обещания — с согласия Александра — увидиться через год. В октябре и в сентябре я сказала, наконец, что не пишу более, что не приму больше писем. Но отославные письма возвращались по десяти раз, я жгла их потом не читая — — и думала (опять безумье!), что все кончено, начала успокаиваться, жить обновленной жизнью, юнее стала, свежее... до ноября. Несчастье наше спаяло нас с Александром еще более, мы терялись друг в друге, помогая друг другу нести невыносимое — — — по сила моя сломилась, я была полуживая, потом болезнь — — — «Скажите по совести, есть ли 24 часа жизни?» — спросил Александр доктора. — «Я отвечаю за 4 дня, — ответил тот. Вслед за этим письмо отсюда к Александру, с оскорблениями ему, с доносами и страшнейшими клеветами на меня, оклеветав уже Александра перед кем мог, что он насильно меня держит и тиранит. Я узнала это едва воскресающая — гигантская сила явилась во мне для защиты его, его, моего Александра, и вот я перед всем светом как желала.

Мне больно только, что до тебя после многих чужих дойдет мой голос.

Прощай, устала.

Твоя душа — мера в суде; что до меня касается, несмотря каков он — до гроба та же к тебе.

Н. Герцен.

Нпца, 1852. Февр 18.

Вместо длинного письма от меня, любезная Марья Каспаровна, вот вам письмо, которое объяснит все. Да, эта женщина встала с двойной ореолой, я больше, нежели прежде, горд ею и собою. Но — поймите, отчего я молчал. Такие процессы проделываются не легко. Я мечтал, что *тайна* останется между нами. — Я ошибался. Зачем мне тайна... я смело иду рука в руку с моей женой и смело говорю: виновата ли она, что напелся человек, который ничего не нашел в груди своей, что бы остановило его употребить дружбу средством. Да, она была не *infaillible*¹ — но вот ров, разделяющий высокие натуры от пошлых. Она встала выше Раскаянием. Мы, как говорит Ангел(ьсон), саламандры, прошедшие огнем. (Кстати, Анг(ельсон) страшно много сделал для меня.)

Итак, вашу руку. Я мог иметь минуты слабости — но я живуч. Вы, кажется, начали меня оплакивать — а я, видите, восстал из гроба. Буду писать потом больше. Прочтите все это Мельгу(нову), пожалуй, Саз(онову). — Ангел(ьсон) переписал вам свой ответ и письмо. Как бы в Россию не дошел вздор...

Вверху перед текстом Герцена: Отвечайте немедленно.

¹ непогрешима (франц.). — Ред.

20 (8) февраля 1852 г. Ницца.

20 февраля. Ницца.

У меня точно большой, тяжелый камень свалился с груди тем, что вы теперь через нас знаете страшную историю; которая чуть на сгубила нас. Я переболел эту эпоху — и, разумеется, по самому этому закалился. Что теперь может быть — это не внутреннее, это *физическое* окончание, оно может быть губительно — но только физически. Впрочем, все *humainement possible*¹ я сделаю, чтоб и этого не было. Мое положение так безусловно чисто, что нет в мире *jury d'honneur*², которое не было бы с моей стороны.

Словом, я начал действовать — *c'est le réveil du lion*³, — такой злодейской безправственности я не ждал; на несколько времени это пришибло меня.

Прилагаю записочку в Россию, отошлите ее с Сабур<овым> — вместо той, которую я дал. А не с Саб<уровым>, так с кем-нибудь. — Писал ли Мельгу<нов> и кому, прежде, или вы — мне все это надобно знать.

Мантилья сегодня приехала. Благодарим.

Прощайте. Жму руку Рейхелю.

26 (14) февраля 1852 г. Ницца.

26 февраля.

Ожидая от вас письма, начинаю грамотку, и опять и опять поручения. 1^е. Вот вам два письма: одно к Нат<алье> Алекс<еевне>, другое к Тат<ьяне> Ал<ексеевне>; если была бы возможность их послать с оказией, было бы лучше, но можно и по почте. Только я бы советовал послать к Нат<альи> Ал<ексеевне> через Юлию Богдановну, потому что через Астракову слишком часто посылали. Письмо же к Тат<ьяне> Ал<ексеевне> можно послать позже.

2^е. При случае отошлите прилагаемое письмо к Ник<олаю> Ив<ановичу>, я потерял его адрес; что он не даст еще раз, а то Рейхелю не весело ездить с моими писульками.

3^е. Скажите Мельгунову, чтобы непременно прислал в письме шведскую мелодию, которую он пел, — я по ней болен.

4го нет.

А и письма нет. Что же вы замолкли?

¹ что в человеческих силах (франц.); ² суда чести (франц.); ³ это пробуждение льва (франц.). — *Ред.*

1 марта (18 февраля) 1852 г. Ницца.

1 марта.

Насчет маленькой Хоецкой надобно что-нибудь сделать; я напишу об этом на особом листе у него. Он идет сегодня к Кошуту потолковать. А вот у меня какая явилась мысль: хочу попробовать поехать в Бельгию, но для этого надобно бы проезд иметь через Францию и Париж. Рейхель кабы, будучи на улице Лафит, зашел к Шомб<ургу> и спросил бы его, как это сделать.

6 марта (23 февраля) 1852 г. Ницца.

6 марта.

Ну что концерт? И что все дела по части маленькой Х<оецкой>? Вот бы Стан<кевичам> ее сюда привезти, он бы и сам съездил за нею, да здешняя трагикомедия остановила. Негодяй этот написал Эн<гельсону> ответ — трудно себе представить такое совершенное отсутствие всякого подозрения нравственного чувства или совести. Во-первых, он ему говорит, что письмо его слишком длинно (вы помните, оно в несколько строк), ничего не говорит насчет обвинения в безумии и насчет презрения с моей стороны. Отводит всех свидетелей (как будто бывают дуэли без свидетелей) и требует встречу со мной à huis clos¹. Мы ничего не будем отвечать. Он говорит, что приложенное письмо он не читал, и заключает, что в мире нет человека, достойного его понять. Пусть придет, тут увидим, что и как. Его супруга вздумала мне прислать по городской почте какой-то пакет с тремя печатями, но я надписал своей рукой refusé² и не взял из почтового бюро. Это холодное презрение и молчание сводит мещан с ума. А пророс, он пишет, что я разгласил всю эту историю, а что он скорее умрет, нежели кому-либо скажет слово. Was sagen Sie dazu³.

На первый случай — бояться нечего; впрочем, у меня в столе лежит пистолет на случай визита, и я не выхожу на улицу без оружия. Думаю, впрочем, что далес руки не пойдет, но клевет и гнусности будет много. Что вы глухо пишете о ваших слухах, Колач<ек>, что ли, ими снабжает? Мельг<унов> мог бы ему раскрыть глаза, а пророс, отчего же он не пишет.

¹ при закрытых дверях (франц.); ² возвращено (франц.); ³ Что вы на это скажете? (нем.). — *Ред.*

Хоец<кий> получил письмо, Беше не отдает маленькую. Нельзя ли милостиво дать знать М^{ме} Lemoine, что Хоец<кий> готов вести процесс и что в его распоряжении будет хоть 5000 фр., если понадобится; а la longue¹ дитя все же отдадут; это не мешало бы довести до сведения Мате², rue Mazarine 40 ou 42 chez М^{ме} Aligre. Вы не сердитесь за все сии докуки.

За ваше последнее письмо благодарю, письмами Саз<онова> я недоволен (это между нами) — он трактует совершенно поверхностно и хочет отстранить дуэль, которого, вероятно, и не будет, ибо тот господин только этим и хочет реабилитироваться, а я не боюсь торжественно отказать; если моя честь зависит, после 25-летней публичной жизни, от такого мерзавца, я хочу быть обеспечен.

Н<аташа> хотела вам писать завтра, но я посылаю письмо для дела Х<оецкого> сегодня.

Вексель Вере Ар<тамоновне> пришло, да нельзя ли вам через кого намекнуть Сатину, чтоб он отдал Егор Ив<ановичу> 5000 фр., из коих 4 Петруше и 1 Акс<инье> Иван<овне>. Они мне должны бездну процентов, могут же с Павловым заплатить раз.

Хочу оставить в конце апреля Ниццу и испытать перед Англией Belgiu. Для этого здешний новый консул Аладенис послал третьего дня представление, нет ли у Бернацкого знакомых (т. е. чтоб дали пропуск по Франции) или у Шомпильда.

Засим прощайте. Буду скоро опять писать.

156. М. К. РЕЙХЕЛЬ

8 марта (25 февраля) 1852 г. Ницца.

Рукой Н. А. Герцен:

6 марта.

Давно б сообщила тебе, кабы было что, но ни мы, ни кто догадаться не можем, что выплывет из этого не ада, а грязного шантажа.

Ты знаешь письмо Э<нгельсона>, на него в ответ говорят, что оно — слишком длинная (?) диссертация, что третьему вмешиваться тут нельзя (как же дуэль без секундантов?), что только с глазу на глаз с А<лександром> можно решить дело и что, наконец, вложенное письмо (мое) не читано, по незнанию, от кого оно (я подписала всеми буквами свое имя), а по письму видно, что читано, да и как же не прочесть опроверженья причины вызова? Храбрых, наступательных действий от такой трусости и ожидать нельзя; но так как отношения с А<лександром> оставались единственным якорем спасенья в свете (имя и пр.), и как этот якорь подрезан мною, то все гнуснейшие козни мужа и жены и устремились против

¹ со временем (франц.). — Ред.

² Хорошо, если б Прудонца повидался с каким-нибудь министром и представил бы ему дело как оно есть.

меня, для того чтобы (как он выр^ажался) реабилитировать его перед А^лександром и перед светом.

Ты должна писать нам, если знаешь более нас. Пославши вызов А^лександру, он в то же время известил об этом жену, а об ответе на этот вызов ни слова, напротив: уверяет, что я пишу ему страстные письма. Вот все, что знаю.

Не понимала я ни мести, ни презренья — пришлось ощущать то и другое в высшей степени.

Когда бы прекратились эти внешние дразги — сколько у нас с А^лександром материала на прекрасную жизнь, жизнь полную, глубокую, мудрую — гармоническую!

Хоть у меня и не было со встречи с ним ни одного мгновенья, в которое я бы не чувствовала более или менее ясно *одного кровообращения* с ним, как с сросшимся близнецом, по при всем бывала Фома неверный, наконец, как он же, вложила персты...

Восход нашей жизни сливается с закатом, только зарево последнего жарче.

Ну, вот я написала тебе столько, сколько ты и не просила, — нужды нет, если оно не для тебя, так для меня. Иной раз душа через край, и не всякий раз можно удержаться отлить.

Послала ли письма в Россию? Поскорее пошли.

Писавши тебе первое письмо, я не думала, чтобы кто третий его читал, да и Саз^онова мудрено *обратить*, он никогда не предполагал сердечной стороны в нашем отношении с А^лександром и неблагоприятствовал мне издавна, особенно за то, что не мог этого отношения поставить в уровень с своим итальянским... Мне противно, что я пишу об этом, но может быть тебе пригодится для объяснения.

Я встаю с постели, но только для того, чтобы одеться и лечь в нее опять.

Море еще страшнее, еще ужаснее! Нет, не жизнь мне с ним в соседстве! Это слабость, я сержусь на себя и не могу победить. Бегу, бегу из Ниццы, как только будет возможно! — Да и Саше нужен большой город, теперь он здоровяк такой, сердцем его и головой я тоже довольна, а характер, необходимый в жизни, никогда не разовьется *при нашем воспитании*, когда ему необходимы равные, борьба пужна, так хоть на некоторое время общ^еественное завед^ение придется, скрепя сердце (может, Брюссель). Коли С^танкевичи хорошие люди, так они рады будут случаю сделать доброе дело — прислать сюда малютку — бедная! Спасайте ее во все руки.

Н.

Письмо это я начала вечером вчера и уснула с ним, а А^лександр свое рано утром сегодня отправил, так и я ж, хоть поздно, да отправлю сегодня же.

Тата целует тебя, она такая умница, большая выросла, кроме нее, никто мне не служит. Оля бегает, как снежный шарик, по комнатам, живая, как А^лександр, и питает к нему великую страсть.

Видно или нет из письма Е^гора Ив^ановича, что мы, или хоть я, можем писать к нему?

Прощай и будь здорова.

8 марта.

Зачем вы не пишете и никто не пишет? И без писем и с письмами довольно скверно, но ведь надо писать и не отвечать.

13 (1) марта 1852 г. Ницца.

Рукой Н. А. Герцен:

13.

От души радуемся и поздравляем с успехами концерта. Хотелось бы послушать из него что-нибудь, у нас есть кому спеть.

Ай да Сашка Богатонов, хоть бы ты его дагерротип прислала, ведь усадила же я Оленьку. А смиреннем его не слишком увлекайся, Оля была уж такая, водой же замути — и сделалась такая, что боже упаси. — Расцелуй его за меня.

Я хотела тебе написать некоторые подробности — — — но из письма к М<ельгунову> увидишь en gros ¹.

N.

Сию минуту твое письмо — ну, коли под печатью молчанья хранилось что-нибудь для нас угрожающее, вредное, ты сломала бы эту печать — я уверена в этом, а, стало, это клеветы, которые он на меня делал перед женой, во 1-х, перед А<лександром>, перед своими друзьями и, наконец, *передо мной самой*.

На ответ Эн<гельсона>, которого у тебя копия и где вложено было мое письмо, он писал ты знаешь что, уж я тебе писала, — вдруг, третьего дня письмо Эн<гельсона> является *с целыми печатями* (??) на мое имя с *припиской на пакете*, что это письмо не ему, а мне (?)... Ну вот и гадай. — Да прочтите же Колач<еку> мое-то письмо, а вызова нового, о котором ты пишешь, *нет*.

На сей раз две строки. Прочтите прежде письмо к Мел<ьгунову>, оно вам объяснит дело. Вызова второго не было. — Хорошо, кабы М<ельгунов> Колач<еку> прочел письмо от Н<аташи> и от Эн<гельсона>. А впрочем, все вместе так скучно — что лучше 5 дуэлей.

Прилагаю вексель в 2500 — 2000, отошлите Егору Ив<ановичу> с тем, чтоб 1500 Вере Арт<амоновне>, а 500 Акс<инье> Ив<ановне> отослал; остальные 500 — оставьте у себя и за комис<сии>.

158. М. К. РЕЙХЕЛЬ (приписка)

14 (2) марта 1852 г. Ницца.

14 марта 1852.

Вы видите, что дело не так, как вы думаете. Будьте же так добры написать и, если что можно, сделайте.

Все в восхищении от успеха концерта. Мел<ьгунов> мне писал об нем. Жму руку Рейхелю.

Corpo di Vasso ², когда же сойдет покой на главы наши или уж с землей...

¹ в общих чертах (франц.); ² Черт возьми! (итал.). — Ред.

Тяжела шапка Мономаха! — Скажите Мельг<унову>, чтоб он хорошенько потолковал с Кол<ачеком>, если считает нужным.

Не послать ли вам к М^{me} Lemoine, чтоб она узнала, Мат<ьё?> в Париже ли?

Пишите ответ, не ленясь.

159. М. К. РЕЙХЕЛЬ

16 (4) марта 1852 г. Ницца.

16 марта. Сегодня 4 месяца после 16 нояб<ря>.

Неутомимейший из корреспондентов, я опять за пером. Вчера Х<оецкий> получил письмо от М^{me} Lemoine, она пишет, что Беше, услышав о том, что у Х<оецкого> есть деньги, между прочим сказал: «Пусть сделают сомацию (une sommation légale)¹, то я и отдам». Из этого мне кажется, что если ему предложить фр. 500, 1000, то он устроит хорошо; я охотно дам на это, но только надобно сделать осторожно и сначала более 500 не давать, т. е. не предлагать. Потому, во-первых, что он вдвое запросит, и потому еще, что в таком случае процесс не может стоять дороже.

Вчера получил я из Парижа проект надгробного памятника, заказанного Мишле, вы можете проект этот видеть, сходивши от меня в улицу Rue Madame № 26, chez M. Auguste Prévault — statuaire. Я ему пишу сегодня ответ, фигура и колонна хороши. Но вот мое замечание: «Votre idée est pleine de cette beauté triste et lugubre qui fait tant souffrir l'homme dans l'ancienne tragédie par la fatalité — car au fond la douleur n'est que la conscience d'une lutte terminée, de l'homme vaincu, de la démence cosmique triomphante. Mais il y a encore *un fait* que je voudrais y ajouter, un enfant qui tend ses petites mains, demandant du secours — et la douleur n'ayant que des larmes et couverte, comme elle est chez vous, ne s'apercevant même pas de l'enfant. Cela serait *l'individualisation*, la spécification du monument»². Вы ему можете рассказать всю историю и о Шпильмане, — нельзя ли барельеф прибавить — или медальон сзади.

¹ официальное требование (франц.); ² «Ваш замысел преисполнен той печальной и мрачной красоты, которая так заставляет страдать от фатума человека в древней трагедии, — ибо, в сущности, скорбь — не что иное, как сознание, что борьба окончена, сознание собственного поражения и торжество космического безумия. Однако мне хотелось бы прибавить еще *одно* — ребенка, протягивающего свои ручки с мольбой о помощи, — и скорбь, у которой есть только слезы, окутанную покрывалом, как у вас, даже и не замечающую ребенка. Это придало бы *индивидуальность*, своеобразие надгробному памятнику» (франц.). — Ред.

Памятник я еще не закажу тотчас — место не выбрал, может, поставлю его в будущем саду нашем, где?.. но проект надобно отделать в голове и на бумаге à tête reposée¹. Может, и Мел(ь)гунов(ы) съездит. — А может, кстати, и нас под этот памятник вы велите положить.

Я получил превосходное письмо от Гаука по этому делу, т. е. по дуэльному. Он, Мельг(унов) и Энгельс(он) показали себя самыми близкими людьми и самыми глубоко понимающими. Об вас я забываю в этих случаях, вы всегда были часть семьи, а после 16 нояб(ря) еще сроднились больше. Письмо Гаука — ответ на писанное мною к Мац(цини), — если такие люди за нас, то еще можно пожить и опозоренному. Мне надобно одно — *год времени*, тогда я восторжествовую вполне, но, признаюсь, мои силы истощаются на борьбу, а главное — на перенесение дерзостей и сплетней; первая минута слабости — и я оправдаюсь перед дураками, и я дам волю чувству мести... и сспорчу великую позицию. — А потому лишь бы сил, лишь бы сил.

160. Э. ГАУГУ

Около 16 (4) марта 1852 г. Ницца.

Cher Haug,

Votre lettre du 10 mars m'a fait un bien immense. J'ai tant souffert ce dernier temps, je suis tellement brisé, froissé dans tout ce qu'il y avait de plus cher, de plus saint pour moi, qu'il y a des moments où les forces m'abandonnent, un désespoir complet s'empare de moi, je me sens déchu, avili... Votre lettre m'a trouvé dans un de ces moments, elle m'a remis, — grâce vous en soit rendue! Oui, j'accepte la solidarité fraternelle, j'accepte votre main — non pour combattre pour moi, mais pour me soutenir dans une lutte difficile à terminer comme je le désire.

Pourtant avant de vous engager plus loin dans cette affaire triste, noire, il vous faut connaître les faits. Je veux vous les raconter; cela me coûte beaucoup, mais il le faut. Après le récit, je vous dirai: «Jugez et agissez maintenant d'après votre cœur».

Vous m'avez rappelé dans votre lettre une conversation que nous avons eue, en nous promenant une nuit près de la Madeleine. Oh, que je vous remercie de vous en être rappelé. Cette conversation non seulement abrège ma tâche pénible, mais elle me sert de preuve, de base, de document — au moins par rapport à vous. Oui, j'ai ouvert alors mon âme, je vous ai dévoilé mon

¹ спокойно обдумав (франц.). — *Ред.*

cœur. Cela m'arrive rarement, je ne parle jamais de mes sentiments, il y a je ne sais quelle pudeur qui m'en empêche,— mes sentiments sont pour moi seul.— Je vous disais donc alors qu'une seule femme a joué un rôle dans ma vie, et que ce rôle était immense, que je n'ai aimé qu'une seule femme et que cet amour était vivant dans mon cœur, comme le premier jour. Une sympathie profonde nous a liés, lorsque nous étions encore enfants, et cette sympathie a survécu à toutes les vicissitudes d'une existence orageuse. J'ajouterai maintenant que ce même amour me donne la force de supporter le supplice de ma position actuelle. Oui, notre union a fait un miracle bien plus grand que la durée de quatorze années: elle a survécu à une secousse qui devait amener sa perte. Jamais nous n'étions plus étroitement liés qu'après le malheur qui nous a frappés; il nous a soudés encore plus l'un à l'autre; les offenses que je supporte pour elle, la moitié du crime que je prends sur moi — ont découvert un nouveau terrain pour notre sympathie.

Nous ne sommes pas les mêmes — et c'est à cause de cela que rien n'est changé entre nous.

Nous entrâmes fiers dans la vie, nous tenant par la main; nous pensions que nous passerions la tête haute devant la foule étonnée. Qu'y avait-il à craindre après douze années d'amour, d'union?... Une rencontre impure, un souffle délétère auquel on n'a pas su résister, nous rappela à l'humilité.

Nous sortons maintenant de la vie plus humbles, accablés d'une réminiscence terrible, nous allons vers la tombe, la tête baissée, flétris, mais nous tenant par la main comme autrefois. Il n'y a pas de coupable ou d'innocent entre nous: celui qui a trouvé la force d'absoudre a pris sur lui la solidarité du passé. Que celui qui nous méprise, s'éloigne, qu'il nous oublie; notre lien, si humainement saint, est traité de prostitution — par l'homme qui l'a prostitué. Mais vous qui nous aimiez tant, vous devez vous arrêter, vous devez approfondir ce que je vous dis, et savoir reconnaître le caractère de cette union impérissable sous la boue et l'ignominie dont on l'a couverte.

Je passe aux faits.— Lorsque nous nous rencontrâmes pour la seconde fois avec l'individu en question, il était bien malheureux. Conspué par les hommes de son parti, accusé de lâcheté et même d'improbité pour l'expédition de Bade,— sa position n'était pas meilleure à l'intérieur. Attaché par des liens d'argent à une femme qu'il n'aimait pas et qui lui faisait bien sentir ses bienfaits, il ne pouvait rien entreprendre, corrompu et efféminé qu'il est par la soif la plus ardente de petites jouissances. Il était seul; il y avait des hommes qui respectaient ses talents, il n'y avait pas un seul qui eût estimé son caractère. Je lui tendis ma main. Je voyais au fond de cette âme énervée un

talent poétique, une pensée grave qui m'éblouissait. Il s'attacha à moi avec passion; il ne me quittait pas; jamais de ma vie un homme ne m'a tant parlé de son amitié,— il était jaloux de moi, il éloignait mes amis, il m'appelait frère, besson, unique ami et soutien; il m'écrivait que si je voulais l'abandonner, il se cramponnerait à moi, car pour lui il n'y avait pas d'existence sans moi; il me reprochait ma froideur et versait des larmes au souvenir de notre rencontre. Je vous montrerai ses épîtres qu'heureusement j'ai conservées. Cette amitié enthousiaste, ardente pour moi et un amour sans bornes pour mes enfants, firent le premier rapprochement entre N<atalie> et lui. Elle s'abandonnait sans scrupule à une telle sympathie — il avait tout le temps pour entraîner de plus en plus une femme qui tomba plus naïvement que ne l'aurait fait une autre, en se défendant. Rien n'a arrêté cet homme profondément dépravé, il n'a rien trouvé dans son cœur qui lui eût dit, ce qu'il y avait de lâche, d'ignoble dans un attentat pareil. Ni respect pour les enfants, ni respect de l'hospitalité, ni respect de soi-même — car il continuait ses interminables déclarations d'amour pour moi.

Savez-vous ce que c'est qu'un doute qu'on n'ose pas prononcer, un soupçon qu'on n'a pas le courage d'avouer? Je ne veux pas vous faire l'histoire lyrique de ce temps affreux — nous en parlerons un jour,— aujourd'hui je vous dirai seulement que j'ai vieilli dans cette lutte, que j'ai dépensé pour elle tout ce qui me restait de forces et d'énergie.— «Non,— me disais-je,— c'est impossible, comment aurait on caché de moi la vérité, de moi, l'ami dévoué, sincère — on m'aurait abaissé au rôle d'un spectateur — par quoi ai-je pu mériter tant de mépris?»— D'un autre côté, je voyais clairement qu'on évitait toute explication.— C'est de Paris au mois de décembre 49 que j'ai commencé à montrer plus clairement mes soupçons. J'étais seul à Paris, N<atalie> restait à Zurich où l'individu demeurerait dans la maison de ma mère. N<atalie> protestait dans ses lettres, me parlait de ce lien indissoluble qui nous unissait, et finit par venir à Paris.

Pendant mon séjour à Paris j'ai eu la possibilité de mieux étudier le caractère de l'individu. Il y avait toujours quelque chose qui me révoltait en lui,— une injustice égoïstique, une grossièreté cruelle envers les autres, et plus encore envers sa femme qu'il exploitait pécuniairement d'une manière indigne. Mes lettres de Paris étaient pleines d'indignation contre ses procédés, je l'accusais avec toute ma sincérité et sans ménagement. Ses réponses devenaient de plus en plus tendres, il ne parlait que d'une existence commune «pure et sérieuse — loin des hommes, existence qui devait servir d'exemple et être le commencement de la vie de l'avenir pleine d'harmonie»... Je lui répon-

dis: «Vous importerez dans cette vie un élément dissolvant, égoïstique qui l'empoisonnera», et je lui citai les vers de Pouchkine qui fait dire à un homme «fuyant la vieille civilisation» par un vieux Bohémien qui le chasse de son tabor: «Va-t-en, homme fier, — tu ne veux être libre que pour toi — nous sommes simples et ne pouvons pas rester avec toi».

Expulsé de Paris, j'allais en juin 1850 à Nice. — C'était une faute énorme, il aurait fallu aller à Londres. — L'individu demeurait pendant tout ce temps chez ma mère à Zurich; vers la fin du mois d'août elle l'emmena à Nice. Deux jours avant son arrivée, Mme H(erwegh) prévoyant la collision, emprunta chez moi 10 000 frs. pour deux années. — Ils étaient sans moyens, je leur proposai un étage dans la maison que je louais; par délicatesse je prenais une bagatelle pour quote-part des dépenses. Et voilà que toute la famille, femme et enfants, s'installe à mes frais. L'individu le savait, il laissait faire m(ada)me, et elle ose maintenant m'accuser de ce que je le lui ai dit avant son départ.

C'est à Nice que j'ai pu mesurer tout le mal. N(atalie) luttait entre deux sentiments, elle cherchait à s'étourdir, elle craignait la vérité. J'étais outragé, stupéfait, profondément malheureux. Et regardant ce caractère mesquin, lâche qui fuyait toute explication, qui opprimait sa femme, qui commençait à être envieux de ma richesse, je répétais souvent les paroles qu'adressait Hamlet à sa mère: «Et tu as pu préférer à ton ami si dévoué, si aimant, — le petit juif qui te rendra malheureuse, car son âme est vulgaire!», et une voix intérieure me disait qu'il n'en était pas ainsi. Je voyais de mes yeux — et je ne croyais pas. Cette foi m'a sauvé, a sauvé N(atalie), a sauvé les enfants.

Il fallait en finir — au moins avec le mensonge. L'idée de me poser en mari et juge ne m'est jamais entrée dans la tête. Je n'ai en rien dans toute ma vie introduit le lâche dualisme entre les convictions et la conduite. J'exigeai la vérité, j'en avais le droit. — Après deux, trois conversations fiévreuses, N(atalie) m'avoua *tout* (vous verrez ensuite quel usage infâme a fait l'individu de ce mot de «tout»). Ce que j'ai souffert en écoutant, — il faut en effet avoir un organisme de fer, comme le mien, pour avoir pu supporter les quatre, cinq nuits blanches qui suivirent la première conversation. Une de ces nuits nous étions assis sur un sofa, j'avais la mort dans le cœur, des idées de suicide se présentèrent pour la première fois à moi; je voulais boire le calice jusqu'à la dernière goutte. Je fis quelques questions. Elle me répondit. Et nous nous tûmes. J'étais anéanti; une exaltation de rage, de douleur et de honte s'empara de moi, et — je vous l'avoue franchement, — la pensée me vint de tuer H(erwegh); je m'arrêtais à cette pensée avec un sentiment de jouissance...

Le silence dura... Enfin je levai les yeux sur elle; son visage était affreux, blême, livide, bleuâtre,— les lèvres blanches, les traits altérés, crispés — elle ne parlait rien et fixait sur moi avec une expression interrogative un regard trouble. Elle me faisait tant de peine, qu'oubliant tout, je pris sa main, j'appuyai ma tête sur son épaule et d'une voix douce qui me sortait du cœur, je la consolai. Pendant quelques minutes, elle ne répondait rien. C'est alors qu'une véritable crise s'opéra en N<atalie>. Elle se jeta à mon cou en sanglotant; je la déposai demi-évanouie sur le canapé; elle n'eut que la force de me dire: «Ne t'effraye pas; ce sont de *bonnes* larmes, des larmes d'admiration pour toi, des larmes d'attendrissement (le mot russe est beaucoup plus expressif — *умиления*). Non, non,— disait-elle,— je ne t'abandonnerai jamais, si toi, tu peux me supporter, oublier le passé»... Son âme, sous l'influence d'une passion malade, se réveilla; elle était, comme auparavant, énergique, forte, elle se relevait. Elle rentrait, comme elle l'a dit dans une de ses lettres, «comme un vaisseau rentre dans un port après l'orage,— à demi-anéanti, mais enchanté de son salut».

Dans son entraînement elle ne savait pas où elle allait. Elle allait à la mort. Lui, il convoitait encore «un avenir brillant» comme le dit Mme H<erwegh> qui faisait déjà — je le jure sur mon honneur — un projet de partage de mes revenus.

Après cette scène, je voyais que N<atalie> restait, mais qu'elle était encore subjuguée par les intimidations de l'individu et par le passé. Il fallait agir. Je proposai le lendemain de partir de Nice et de laisser tout le monde s'arranger comme on le voudrait. N<atalie> ne voulait pas entendre parler de mon départ,— alors j'exigeai que l'individu quittât la maison. Comme N<atalie> craignait fortement un duel ou une rencontre sanglante, elle me dit que pour témoignage de ma réconciliation, de mon pardon, elle me demandait ma parole de ne pas le provoquer. Je donnai ma parole, mais à la condition qu'il quitte la maison.— Voilà ce que l'individu nomme ma «pression» et «l'abus de ma position». Certainement j'influénçais — par mon dévouement, par mon amour; aussi, n'ai-je pas dit que j'étais indifférent, j'ai dit et je le répète — j'ai donné pleine liberté à tout le monde. Mettre des obstacles et convaincre — ce sont des choses très différentes. En ce moment-ci je vous influence...

Il faut vous dire que pendant tout ce temps l'individu se tenait caché dans sa chambre au deuxième et ne descendait plus ni au salon, ni à la salle à manger. Mais il m'expédia sa femme qui vint me faire la proposition la plus monstrueuse, avec cette dépravation naïve qu'on ne trouve que chez les Berlinoises. Elle me proposa de laisser partir N<atalie> avec l'individu et de rester avec moi. J'ai répété pour la dernière fois que j'étais

prêt à partir, si N<atalie> le désirait; aussitôt elle courut chez N<atalie>. — Elle connaît la réponse et peut vous la communiquer; moi, je connais le résultat. — D'abord l'individu se refusa, joua encore une fois au suicide, me fit lire par sa femme qu'il était prêt à un duel à mort, mais qu'il ne tirerait jamais «contre un ami devant lequel il se sent coupable». Bientôt pourtant sa nature lymphatique et méticuleuse prit le dessus, et il s'en alla très bourgeoisement avec bagage, femme, bonne et enfants à Mentone, de là — à Gênes.

Il y avait quelque chose de tellement humiliant et ridicule dans cet Agar mâle avec son Ismaël de Berlin, piteusement chassés d'une maison qui leur avait donné l'hospitalité, que je ne fis aucune démarche ultérieure. Une tout autre question me préoccupait: je voulais approfondir le véritable état de l'âme de N<atalie>. L'acte qu'elle venait de faire, était une compensation nécessaire à l'outrage qu'on m'avait fait subir. La passion pouvait prendre le dessus... quel était le moteur qui la faisait agir maintenant, — était-ce de l'abnégation, un sacrifice, un dévouement sans amour? et dans ce cas trouvera-t-elle assez de force, ne succombera-t-elle pas dans la lutte, et dois-je enfin moi-même accepter un pareil sacrifice? Après les premières semaines, où les conversations prenaient souvent un caractère fiévreux et sombre, je vis bientôt que ce n'était chez elle qu'un retour tout naturel vers l'amour qui l'avait guidé toute sa vie; elle rentrait dans son état normal, la passion passagère était une exception, — elle se sentait plus libre, elle rajeunissait de cœur, après avoir secoué le joug d'un être exigeant, capricieux et qui n'agissait que par intimidation.

La conduite ignoble de l'individu éteignit bientôt les dernières traces de cette affection malheureuse. Dans toute la *première* lettre qu'il a adressée à N<atalie>, il l'implorait de ne pas se justifier à ses dépens, de prendre tout sur elle; dans les suivantes recommencèrent les menaces de scandale, d'assassinat, et des propositions étonnantes, comme celle de la réhabiliter à mes yeux et de le prendre, comme instituteur, auprès de mes enfants. — N<atalie> pensa qu'il ne fallait pas le pousser au désespoir et demanda mon autorisation à lui écrire quelquefois. Je dis que mon opinion était complètement contraire, mais qu'elle n'avait qu'à faire comme elle le désirait. — Cette correspondance qui passait par mes mains, a amené toutes les horreurs subséquentes. N<atalie> lui fit la promesse d'un rendez-vous dans une année à condition qu'il n'abuse pas du droit de correspondance; cela ne fit qu'augmenter son intempérance épistolaire. N<atalie> retira sa promesse et rompit enfin au mois d'août ou de septembre toute correspondance avec lui. Elle le méprisait, elle en était honteuse.

Il ne manquait qu'une chose pour couronner cette ignoble apparition,— il ébruita toute l'affaire, lui de son côté, et sa femme de l'autre. Et non seulement ils l'ébruiterent, mais ils ajoutèrent des calomnies.— Jamais personne n'osa prononcer le nom de cet homme en ma présence, je me taisais avec cette religion du silence, qui n'a jamais eu place dans les âmes des bourgeois. Et voilà que tout-à-coup j'entends au mois de juillet à Genève de Mr Sasonoff que l'individu lui a tout conté. Cette bassesse inattendue m'attrista, je retournai à Turin triste et sombre. N<atalie> qui vit par mes lettres l'état de souffrance dans lequel je me trouvais, accourut de Nice à ma rencontre et arriva le même jour que moi à Turin.— Cette marque d'attention me toucha. C'est là que nous parlâmes pour la dernière fois de cette affaire. Nous nous reconnûmes encore plus. Oui, nous étions les mêmes, plus un souvenir terrible, une cicatrice profonde. Ces journées à Turin me rappelèrent notre brillante jeunesse; elles me rappelèrent notre vie à Vladimir. Oui, c'était un second mariage, un mariage plus profond, peut-être, que le premier: il se concluait avec plus de conscience, avec une parfaite connaissance de toute la responsabilité que nous contractions de nouveau l'un envers l'autre, en vue d'un passé qui a failli nous perdre et nous flétrir. Je laisse à N<atalie> elle-même le soin de vous raconter le côté lyrique de cette réconciliation et de la complète harmonie dans notre vie de famille, qui dura jusqu'à ce qu'un malheur affreux vint nous frapper. Le 16 novembre ma mère, mon second fils et un de mes amis, son instituteur, périrent dans la Méditerranée. Ce coup abattit la santé de N<atalie>; la débilité et la faiblesse finirent par une maladie aigüe. Elle gagna une pleurésie; le 2 et le 3 janvier le mal empira de manière que les médecins commencèrent à douter de la possibilité de la sauver.

C'est le temps que choisit ce misérable pour m'envoyer une ignoble provocation. Il savait tout ce qui se passait chez nous par sa femme, qu'il avait forcée à vivre à Nice. Je n'aurais pas ouvert sa lettre s'il n'avait pas écrit sur l'enveloppe: «Provocation honorable».— Eh bien, au lieu d'un cartel, j'ai trouvé une lettre sale, dégoûtante de cynisme, pleine de dénonciations contre N<atalie> et de révélations inqualifiables. Il couvrait la sordidité de sa démarche en disant: «On vous a dit tout»,— comme si jamais j'eusse voulu m'abaisser, moi, et abaisser N<atalie> jusqu'à un récit révoltant des détails.— Je parlai de cette lettre à un de mes amis, Mr Engelson (la seconde personne, après Sasonoff, avec laquelle j'ai parlé de l'affaire). Quel fut mon étonnement lorsque je vis qu'il était bien instruit de tout ce qui s'était passé. M^r et Mme H<erwegh> ont initié toutes leurs connaissances à la triste histoire de notre rupture, oubliant que le titre de traître revenait de droit à l'un, comme celui d'entremet-

teuse à l'autre. J'en étais ébahi et scandalisé. Quel duel pouvait arrêter les on-dit?— Et N<atalie> avec moi gardant le plus profond secret, nous leur avons laissé tout le temps pour répandre les calomnies les plus infâmes.— Le lendemain on savait déjà qu'une provocation m'était adressée; l'individu en avertit sa dame. Peu de jours après Mme Reichel communiqua de Paris à N<atalie> qu'une provocation m'était envoyée, comme elle venait de l'apprendre de M. Kolatchek.

Faire un duel de parade avec l'intervention de la héroïne de Bade, c'était trop ridicule pour une si triste histoire. Le duel ne réparait rien, il était stupide, c'était un guet-apens; le seul homme qui pouvait se réhabiliter par le duel — c'était lui. Quant à mon honneur — je n'y pensais pas trop; je voulais punir ce scélérat, me venger, mais défendre mon honneur contre lui, cela ne me préoccupait que médiocrement. Je le dirai franchement; mes antécédents, — à commencer par la prison et l'exil de 5 années aux frontières de la Sibérie et à finir par mon expulsion de Paris, — m'ont donné sinon des droits, au moins quelque confiance en moi-même. Si mon honneur pouvait dépendre d'un traître, dont les antécédents ne sont pas moins connus que les miens, je voudrais être déshonoré.

Refuser un duel n'est pas chose légère. N'oubliez pas que je vous écris deux mois après la provocation. J'ai fait pendant ce temps une véritable maladie psychologique — avant d'engager mon honneur à moi-même par une décision immuable, forte, de tenir tête à cet homme dénué de tout sentiment de noblesse, de dignité, et aux préjugés invétérés — en persistant dans mon refus d'élever ce misérable à l'honneur d'un duel. Je connaissais très bien, à quel monstre puissant et implacable j'allais m'attaquer. La divinité altière, inhumaine et injuste du point d'honneur, est omnipotente; elle fascine les hommes les plus indépendants, et ils s'arrêtent devant ses décrets et renient leurs convictions pour montrer qu'ils ont assez de courage pour soutenir la vue d'un pistolet. Je m'insurge contre le despotisme, car moi, je me sens pur et innocent, car je me sens la force de faire appel à mes amis et de leur tout dire.— Mon refus avait encore une autre signification plus étendue; j'ai voulu par ce fait définitivement, solennellement reconnaître en réalité la liberté de la femme. J'ai voulu donner toute la plénitude de l'indépendance à la femme pour se réhabiliter elle-même. Ce ne sont que les imbéciles, les mineurs et les faibles qui doivent être défendus par les autres — mais cette femme est forte, et elle est plus forte seule. Cet homme, pour se venger de ce qu'une femme n'est pas restée fidèle au crime, qu'elle ne voulut pas subir son esclavage, veut l'écraser par son cynisme.— Eh bien, elle l'écrasera par la grandeur de son repentir... A peine depuis un mois cette

femme a commencé à parler, et déjà l'opinion étonnée se tourne vers elle. Naguère encore on me plaignait seul et on répétait les accusations calomnieuses répandues pendant une année par dame H(erwegh), et maintenant déjà on trouve N(atalie) sublime d'énergie, de volonté.

Voilà le commencement de mon triomphe!

Je m'arrête, cher Haug. — Les détails, les lettres écrites par mes amis, les démarches insolentes et stupides de l'individu, son refus, p. ex., de recevoir la réponse de mon témoin, la demande d'un duel à huis clos, le renvoi d'une lettre — tout cela vous sera raconté par mes amis, qui se pressèrent autour de moi avec cette bienveillance et ce dévouement qui me donnèrent les forces pour supporter le chagrin de l'humiliation. Ces récits ne peuvent en rien changer les faits principaux; vous y verrez seulement jusqu'où peut aller la corruption dans une âme vile, vulgaire, bourgeoise et lâche. Car, au fond, à quoi bon cette parade de rhétorique, tant de lettres, tant de mots? — Pourquoi n'est-il pas venu à l'improviste, le pistolet à la main; pourquoi s'est-il enfui de la maison, pourquoi n'a-t-il pas essayé (comme il l'a écrit une vingtaine de fois) d'assassiner N(atalie) ou moi, pourquoi enfin ne s'est-il pas suicidé? — Il n'en a ni l'énergie, ni le courage. — Calomnier, diffamer, faire des intimidations à la femme, c'est plus facile, et il le fait. Il faut enfin y mettre un terme et châtier le scélérat. Il me faut, pour cela, le secours de mes amis, leur conseil; il me faut surtout la foi que si, pour comble d'ironie, je succombais dans cette lutte, mes amis donneront un exemple terrible de justice et de solidarité.

Votre ami A. H.

Перевод

Дорогой Гауг,

ваше письмо от 10 марта было для меня великим благом. Я столько выстрадал в последнее время, я так истерзан, оскорблен во всем самым дорогим, самым святым для меня, что бывают минуты, когда силы покидают меня, полное отчаяние овладевает мною, я чувствую себя опустившимся, униженным... Письмо ваше застало меня в одну из подобных минут, оно возвратило мне бодрость, — глубокая благодарность вам за это! Да, я принимаю выражение братской солидарности, я принимаю вашу руку — не с тем, чтоб она сражалась за меня, а с тем, чтоб она поддержала меня в борьбе, которую очень трудно завершить так, как мне хотелось бы.

Но прежде чем вы подойдете вплотную к этому печальному, мрачному делу, вам следует ознакомиться с фактами. Я хочу рассказать вам их; это чрезвычайно тяжело для меня, но сде-

лать это необходимо. Закончив свою историю, я скажу вам: «Судите и поступайте теперь так, как велит вам ваше сердце».

В своем письме вы напомнили мне о разговоре, который мы вели как-то ночью, прогуливаясь возле собора св. Магдалины. О, как благодарен я вам за то, что вы о нем напомнили. Разговор этот не только облегчает мою мучительную задачу, но и служит для меня доказательством, основанием, документом — по крайней мере в том, что касается вас. Да, я открыл тогда свою душу, я обнажил перед вами свое сердце. Это случается со мною редко, я никогда не говорю о своих чувствах, какая-то непонятная мне самому стыдливость удерживает меня, чувства мои — для меня одного. — Итак, я говорил вам тогда, что только одна женщина сыграла роль в моей жизни и что роль эта была громадна, что я любил только одну женщину и что любовь эта продолжает жить в моем сердце, как и в первый день. Глубокая симпатия связала нас, когда мы были еще детьми, и симпатия эта пережила все превратности бурной жизни. Прибавлю теперь, что эта же любовь дает мне силу переносить муку пынешнего моего положения. Да, наш союз совершил чудо, гораздо большее, чем его четырнадцатилетняя давность: он пережил потрясение, которое должно было его сокрушить. Никогда еще не были мы теснее связаны, нежели после поразившего нас горя; оно еще более спаяло нас друг с другом: оскорбления, которые я выношу за нее, половина вины, которую я беру на себя, — создали новую почву для нашей взаимной симпатии.

Мы уже не те — и потому именно ничто не изменилось в наших отношениях.

Гордо, рука об руку вступили мы в жизнь; мы полагали, что с высоко поднятою головою пройдем перед изумленной толпой. Чего можно было опасаться после двенадцати лет любви, супружества?.. Одна нечистая встреча, одно смертоносное дуновение, перед которым не удалось устоять, привели нас к смирению.

Мы выходим теперь из жизни более смиренные, отягощенные ужасным воспоминанием, мы движемся к могиле с опущенной головой, опозоренные, но рука об руку, как и прежде. Между нами нет виновного или невинного: тот, кто нашел в себе силу простить, взял на себя ответственность за прошлое. Кто презирает нас, пусть идет себе прочь, пусть выбросит нас из памяти; нашу связь, столь человечно святую, именуя позорной — и делает это человек, ее опозоривший. Но вы, так сильно нас любивший, вы должны остановиться, вы должны глубоко понять смысл того, что я вам говорю, и суметь разглядеть подлинный характер этого нетленного союза под пеленою грязи и срама, которыми его покрыли.

Перехожу к фактам. — Когда мы во второй раз встретились с субъектом, о котором идет речь, он был крайне несчастен. Очерненный людьми из своей же партии, обвиненный в трусости и даже в нечестности в связи с баденским походом, он был в не лучшем положении и у себя дома. Связанный денежными узами с женщиной, которую он не любил и которая ошутительно давала ему чувствовать свои благодеяния, он не в состоянии был что-либо предпринять, до такой степени был он испорчен и изнежен неуголимой жаждой мелочных утех. Он был одинок; встречались люди, питавшие уважение к его талантам, но не было ни одного, который уважал бы его характер. Я протянул ему руку. Я видел в глубине этой расслабленной души поэтический талант, серьезную мысль, меня ослеплявшую. Он страстно ко мне привязался; он не отходил от меня; никогда в течение всей моей жизни ни один мужчина не говорил мне столько о своих дружеских чувствах — он ревновал меня, он отдалял моих друзей, он называл меня братом, близнецом, единственным другом и опорой; он писал мне, что если я вздумаю его покинуть, он уцепится за меня, ибо для него без меня нет жизни; он упрекал меня в холодности и проливал слезы при воспоминании о нашей встрече. Я покажу вам его послания, которые, по счастью, я сохранил. Эта восторженная, пылкая дружба ко мне и безграничная любовь к моим детям положили начало сближению между Н<атали> и им. Она безоглядно отдалась этому чувству симпатии — а он располагал достаточным временем, чтобы все сильнее и сильнее увлекать женщину, которая пала простодушнее, нежели это сделала бы всякая другая защищаясь. Ничто не остановило этого глубоко развращенного человека, ничто в его сердце не могло сказать ему, сколько подлости, бесчестия в подобном вероломстве. Ни уважения к детям, ни уважения к гостеприимству, ни уважения к самому себе — ибо он продолжал свои бесконечные излияния в любви ко мне.

Знаете ли вы, что такое сомнение, которое не решаешься высказать, подозрение, в котором не имеешь смелости признаться? Я не собираюсь излагать вам лирическую историю этого ужасного времени — мы когда-нибудь поговорим о ней, — скажу вам теперь только, что я состарился в этой борьбе, что я израсходовал на нее всю остававшуюся во мне силу и энергию. «Нет, — говорил я себе, — это невозможно, как могли бы от меня скрыть правду, от меня, друга преданного, искреннего, — меня унизили до роли зрителя — чем заслужил я такое презрение?» — С другой стороны, я ясно видел, что от всякого объяснения уклоняются. — Только в письмах из Парижа, в декабре 49 года, начал я более ясно высказывать свои подозрения. В Париже я был один, Н<атали> оставалась в Цюрихе, где

этот субъект жил в доме моей матери. Н<атали> протестовала в своих письмах, говорила мне о нерасторжимой связи, нас соединяющей, и в конце концов приехала в Париж.

Во время своего пребывания в Париже я имел возможность лучше изучить характер этого субъекта. В нем было нечто постоянно меня возмущавшее, — эгоистическая несправедливость, жестокая грубость по отношению к другим и еще более — к собственной жене, которую он самым недостойным образом эксплуатировал в денежном отношении. Мои парижские письма были исполнены возмущения его поступками, я обвинял его со всей присущей мне искренностью и нисколько не щадя. Ответы его становились все более и более нежными, он не переставая говорил о совместной жизни — «чистой и серьезной — вдали от людей, — жизни, которая должна послужить образцом и положить начало будущей жизни, полной гармонии...» Я отвечал ему: «Вы внесете в эту жизнь разрушительное, эгоистическое начало, которое ее отравит», и приводил ему стихи Пушкина, который вложил в уста старого цыгана, изгоняющего из своего табора «беглеца древней цивилизации», такие слова: «Оставь нас, гордый человек, — ты для одного себя хочешь свободы — мы простодушны и с тобою жить не можем».

Изгнанный из Парижа, я в июне 1850 г. уехал в Ниццу. — То была огромная ошибка — надобно было ехать в Лондон. — Этот субъект все это время жил у моей матери в Цюрихе; в конце августа она привезла его с собою в Ниццу. За два дня до его приезда г-жа Г<ервер>, предвидя столкновение, взяла у меня взаймы 10 000 франков на два года. — Они были без средств, и я предложил им этаж в нанятом мною доме; из деликатности я брал с них сущую безделицу в качестве их доли расходов. И вот вся семья, жена и дети, устранивается за мой счет. Субъекту это было известно, он не вмешивался в дела супруги, а она теперь смеет обвинять меня за то, что я сказал ей это перед ее отъездом.

Только в Ницце я смог измерить всю глубину несчастья. В Н<атали> боролись два чувства, она пыталась забытья, ее пугала истина. Я был унижен, ошеломлен, глубоко несчастен. При виде этого человека с жалким, трусливым характером, избегавшего всякого объяснения, угнетавшего свою жену, начинавшего завидовать моему богатству, я часто повторял слова, с которыми Гамлет обратился к своей матери: «И ты могла предпочесть такому преданному, любящему другу этого ничтожного ростовщика, который сделает тебя несчастной, ибо у него низменная душа!», но внутренний голос внушал мне, что это не так. Я видел все собственными глазами — и не верил. Эта вера спасла меня, спасла Н<атали>, спасла детей.

С этим надобно было покончить — по меньшей мере с ложью.

Никогда не приходила мне в голову мысль выступать в роли мужа и судьи. В течение всей жизни я не допускал трусливого дуализма между убеждениями и поведением. Я домогался истины, я имел на нее право. — После двух, трех лихорадочных объяснений Н<атали> призналась мне *во всем* (вы скоро увидите, какое гнусное употребление сделал этот субъект из слова «всё»). Сколько выстрадал я, слушая ее, — поистине надобно обладать таким железным организмом, как мой, чтобы суметь перенести те четыре-пять бессонных ночей, которые последовали за первым разговором. В одну из этих ночей мы сидели на диване, в душе моей царилла смерть, впервые возникли у меня мысли о самоубийстве; я захотел испытать чашу до последней капли. Я задал несколько вопросов. Она мне ответила. И мы замолчали. Я был совершенно уничтожен; неистовство, проникнутое скорбью и стыдом, овладело мною и — признаюсь вам откровенно — мысль убить Г<ервега> пришла мне в голову; с чувством наслаждения задерживался я на этой мысли... Молчание затянулось... Вдруг я поднял на нее глаза; лицо ее было ужасно, мертвенно-бледно, бледно до синевы, — губы были белы, черты лица искажены, сжаты судорогой — она ничего не говорила, устремив на меня недоумевающий, мутный взгляд. Вид ее вызвал во мне такую жалость, что, позабыв всё, я взял ее руку, положил голову ей на плечо и кротким голосом, идущим от сердца, стал ее утешать. Несколько минут она ничего не отвечала. Именно тогда-то и произошел в Н<атали> настоящий кризис. Она бросилась, рыдая, мне на шею; я опустил ее на диван в полубморочном состоянии, у нее хватило лишь силы сказать мне: «Не пугайся; это *хорошие* слезы, слезы восхищения тобой, слезы растроганности (русское слово гораздо выразительнее — «умиления»). Нет, нет, — говорила она, — я никогда не покину тебя, если ты сам в состоянии переносить мое присутствие, забыть прошлое...» Ее душа, подавленная болезненной страсти, пробудилась; она стала энергичной, как прежде, она воспрянула. Н<атали> возвращалась — это сказано ею в одном из ее писем — «как корабль возвращается в гавань после бури, — полуразбитый, но в восторге от своего спасения».

В своем увлечении она не знала, куда идет. Она шла на смерть. Он же все еще жаждал «блестящего будущего» по выражению г-жи Г<ервег>, которая подготавливала уже — клянусь вам честью — проект раздела моих доходов.

После этой сцены я увидел, что Н<атали> остается, но что она все еще подавлена угрозами этого субъекта и всем прошедшим. Надобно было действовать. На следующий же день я предложил, что уеду из Ниццы и предоставлю всем устраиваться по своему усмотрению. Н<атали> и слышать не хотела

о моем отъезде,— тогда я потребовал, чтобы субъект покинул дом. Поскольку Н<атали> страшно боялась дуэли или кровавого столкновения, она сказала мне, что как свидетельство моего примирения, моего прощения она просит дать слово не вызывать его. Я обещал, но при условии, что он покинет дом.— Вот что этот субъект называет моим «давлением» и «злоупотреблением властью». Конечно, я оказывал влияние — своей преданностью, своей любовью; к тому же разве я не сказал, что остаюсь безучастным; я уже сказал и повторяю, что предоставляю всем полную свободу. Препятствовать и убеждать — вещи совершенно разные. В настоящую минуту, например, я влияю на вас...

Надобно вам сказать, что в течение всего этого времени субъект прятался в своей комнате на третьем этаже и больше не спускался ни в гостиную, ни в столовую. Однако он прислал мне свою жену, которая сделала мне самое чудовищное предложение с той простодушной развращенностью, какую можно встретить только у берлинок. Она предложила мне отпустить Н<атали> с субъектом, чтобы самой остаться при мне. Я повторил в последний раз, что готов уехать, если это угодно Н<атали>; она тотчас же поспешила к Н<атали>).— Ответ ей известен, и она может вам его сообщить; мне же известен результат.— На первых порах субъект отказался уехать, снова поиграл в самоубийство, передал мне через жену, что готов к смертельному поединку, но что он ни за что не выстрелит «в друга, перед которым чувствует себя виноватым». Вскоре однако его лимфатическая и мелочно-осмотрительная натура взяла верх и он самым буржуазным образом уехал — с пожитками, женой, служанкой и детьми — в Ментону, а оттуда — в Геную.

В сей Агари мужского пола с ее берлинским Измаилом, изгоняемых самым унижительным образом из дома, где им было оказано гостеприимство, было нечто столь жалкое и смехотворное, что я не предпринял никаких дальнейших действий. Меня занимал совсем иной вопрос: мне хотелось постигнуть подлинное душевное состояние Н<атали>. Только что совершенный ею поступок являлся необходимой компенсацией за оскорбление, которое было мне нанесено. Страсть могла взять верх... какая же сила побуждала ее действовать теперь,— было ли это самоотречение, жертвенность, преданность без любви? и в таком случае, найдет ли она в себе достаточно силы, не падет ли она в борьбе, надлежит ли мне, наконец, принять подобную жертву? После первых недель, когда разговоры наши часто принимали лихорадочный и мрачный характер, я вскоре увидел, что у нее это было не чем иным, как совершенно естественным возвращением к любви, которая вела ее в

течение всей ее жизни, она возвращалась в свое нормальное состояние, мимолетная страсть была лишь исключением, — Н<атали> чувствовала себя свободней, она помолодела сердцем, освободившись из-под гнета требовательного, капризного существа, действовавшего на нее одним запугиванием.

Гнусное поведение субъекта вскоре уничтожило последние следы этого злополучного увлечения. В первом письме, с которым он обратился к Н<атали>, он только умолял ее не оправдываться за его счет, принять все на себя; в следующих возобновились угрозы скандала, убийства и самые поразительные предложения — например, реабилитировать его в моих глазах и взять его в воспитатели к моим детям. — Н<атали> подумала, что не следует его доводить до отчаяния, и попросила у меня разрешения иногда писать ему. Я сказал, что держусь совсем противоположного мнения, но что она может поступать по своему усмотрению. — Переписка эта, проходившая через мои руки, привела ко всем последующим ужасам. Н<атали> пообещала ему свидание через год, при условии, что он не злоупотребит правом переписки; это только увеличило его эпистолярную невосдержанность. Н<атали> взяла назад свое обещание и прервала, наконец, в августе или сентябре всякую с ним переписку. Она презирала его, ей за него было стыдно.

Недоставало только одного для увенчания этой гнусной истории — субъект разгласил все случившееся — он со своей стороны, жена его со своей. И они не только разгласили, но вдобавок примешали всякого рода клеветы. — Никто и никогда не смел произнести имя этого человека в моем присутствии, и я молчал, повинувшись тому священному долгу молчания, который неведом мещанским душам. И вот в июле я вдруг узнаю в Женеве от г. Сазонова, что субъект ему все рассказал. Эта неожиданная низость глубоко огорчила меня, я возвратился в Турин огорченный и в самом мрачном настроении. Н<атали>, увидев из моих писем, в каком мучительном состоянии я нахожусь, поспешила из Ниццы мне навстречу и в тот же день, что и я, приехала в Турин. — Этот знак внимания тронул меня. Именно там в последний раз поговорили мы об этом деле. Мы еще лучше узнали друг друга. Да, мы были все те же, хоть и прибавилось ужасное воспоминание, глубокий рубец. Эти дни в Турине напомнили мне нашу блестящую юность; они напомнили мне нашу жизнь во Владимире. Да, то было второе венчание, — венчание, быть может, более глубокое по смыслу, чем первое: брак этот заключен был с большим участием сознания, с превосходным пониманием всей той ответственности, которую мы снова брали на себя в отношении друг к другу, пред лицом прошлого, едва не погубившего и не

опозорившего нас. Я предоставляю самой Н<атали> рассказать вам о лирической стороне этого примирения и о полной гармонии в нашей семейной жизни — до того дня, когда нас поразило страшнейшее несчастье. 16 ноября моя мать, мой второй сын и один из моих друзей — его воспитатель — погибли в Средиземном море. Удар этот сокрушил здоровье Н<атали>; слабость и упадок сил привели к острому заболеванию. Она захворала плевритом; 2 и 3 января болезнь настолько усилилась, что у врачей возникло сомнение, возможно ли будет спасти ее.

Это-то время и избрал негодяй, чтобы прислать мне гнусный вызов. Ему было известно все, что у нас происходит, от его жены, которую он заставлял жить в Ницце. Я не распечатал бы этого письма, если б он не подписал на конверте: «Честный вызов». — И что ж, вместо картеля, я обнаружил там грязное, отвратительное по своему цинизму письмо, полное доносов на Н<атали> и невообразимых разоблачений. Мерзость своего поступка он прикрывал словами: «Вам рассказали всё» — как будто я когда-либо собирался унижить себя и унижить Н<атали> возмутительным рассказом о подробностях. — Я сообщил об этом письме одному из своих друзей, г. Энгельсону (второму человеку после Сазонова, с которым я говорил об этом деле). Каково же было мое изумление, когда я увидел, что он хорошо осведомлен обо всем случившемся. Г-н и г-жа Г<ервеги> посвятили всех своих знакомых в печальную историю нашего разрыва, позабыв, что одному из них по праву принадлежит звание предателя, а другой — сводни. Я был поражен и возмущен. Какой поединок мог приостановить сплетни? — И Н<атали> и я, сохраняя глубочайшую тайну, оставили им достаточно времени для распространения самых гнусных клевет. — На следующий день уже стало известно, что мне послан вызов; субъект известил об этом свою барыню. Несколько дней спустя г-жа Рейхель сообщила из Парижа Н<атали>, что, как она узнала от г. Колачека, мне послан вызов.

Пойти на показательную дуэль с участием баденской героини — было бы слишком смешно для столь печальной истории. Дуэль ничего не могла исправить, она была бы бессмыслицей, она была бы ловушкой; единственный человек, которого реабилитировала бы дуэль, был он. Что до моей чести, я не слишком-то о ней думал; я хотел наказать этого мерзавца, отомстить за себя, а не защищать свою честь от него, — последнее весьма мало меня беспокоило. Скажу откровенно, предшествующие обстоятельства моей жизни, начиная с тюрьмы и 5-летней ссылки у границ Сибири и кончая моим изгнанием из Парижа, давали мне если не право на уважение, то, по крайней мере, на некоторую уверенность в себе самом. Если честь моя могла

зависеть от предателя, предшествующая жизнь которого не менее известна, чем моя, я предпочел бы быть обещенным.

Отказаться от дуэли — дело нелегкое. Не забудьте, что я пишу вам через два месяца после вызова. За это время я перенес настоящую психологическую болезнь — прежде чем я поставил на карту собственную честь, приняв неизменное, твердое решение дать отпор этому человеку, лишенному всякого чувства благородства, достоинства и с закоренелыми предрассудками, — упорствуя в своем отказе предоставить этому мерзавцу высокую честь дуэли. Я очень хорошо знал, на какое могущественное и неумолимое чудовище я собираюсь напасть. Надменное, бесчеловечное и несправедливое божество чести — всесильно; оно покоряет даже самых независимых людей, и они повинуются его велениям и отрекаются от своих убеждений, дабы показать, что они достаточно храбры и могут устоять при виде направленного на них пистолета. Я восстаю против этого деспотизма, ибо чувствую себя чистым и невиновным, ибо чувствую себя достаточно сильным, чтобы обратиться с призывом к своим друзьям и рассказать им все. — Мой отказ имел и другое, более широкое значение; я хотел этим поступком окончательно, торжественно утвердить на деле свободу женщины. Я хотел предоставить всю полноту независимости женщине, чтобы дать ей возможность самой реабилитировать себя. Только глупцы, несовершеннолетние и слабые должны получать защиту от других, а эта женщина сильна, и она еще более сильна, когда защищается одна. Человек этот, желая отомстить за то, что женщина не осталась верна преступлению, что она не захотела оставаться его рабыней, намерен раздавить ее своим ципизмом. — Но нет, она раздавит его величием своего раскаяния... Едва лишь месяц прошел с тех пор, как эта женщина начала говорить, и вот уже общественное мнение в изумлении склоняется на ее сторону. Совсем недавно еще жалели меня одного и повторяли клеветнические обвинения, распространявшиеся в течение года супругой Г(ервега), а теперь уже восторгаются энергией и силой воли Н(а-тали).

Вот начало моего торжества!

Я кончаю, дорогой Гауг. — Все подробности, письма моих друзей, наглые и дурацкие выходки субъекта, его отказ, например, выслушать ответ моего секунданта, требование дуэли при закрытых дверях, возвращение письма — обо всем этом вам расскажут мои друзья, сомкнувшиеся вокруг меня с той благожелательностью и преданностью, в которых я нашел силы перенести муку унижения. Рассказы эти ни в чем не могут изменить основные факты; вы только увидите из них, до какого предела может идти развращенность в низ-

менной, вульгарной, мещанской и подлой душе. Ибо к чему, в сущности, этот риторический парад, столько писем, столько слов? — Почему не явился он внезапно с пистолетом в руке, почему убежал из дому, почему не попытался он (как писал об этом раз двадцать) убить Н(атали) или же меня, почему, наконец, не покончил он с собой? — У него не хватает для этого ни энергии, ни смелости. — Клеветать, чернить, а также запугивать женщину — гораздо легче, и он это делает. Надобно, в конце концов, положить этому предел и наказать негодяя. Мне необходима для этого помощь моих друзей, их совет; особенно необходима мне вера, что если — в довершение прои — я паду в этой борьбе, мои друзья явят грозный пример справедливости и солидарности.

Ваш друг А. Г.

161. П.-Ж. ПРУДОНУ

23 (11) марта 1852 г. Ницца.

23 mars. 1852. Nice.

Il y a bien longtemps que je désire me rappeler à votre souvenir, mais il y a un tel *vacuum horrendum* dans mon âme, je suis tellement malade et, si non découragé, au moins dégoûté de la vie, que je ne trouvais rien de digne de vous être communiqué.

Notre temps appartient en effet à ces époques écrasantes, dont l'histoire ne dit rien, dans lesquelles il ne se passe rien, mais pendant lesquelles l'année se compose de 365 jours et le cœur de l'homme fait ses 60 pulsations par minute. Ce sont les époques des souffrances subjectives dont le lyrisme s'évapore sans même pouvoir atteindre une mention sèche et honorable dans une chronique. Heureusement la bonne nouvelle sur la petite de notre ami Edmond nous a galvanisé pour quelques heures et j'en veux profiter pour vous serrer la main — et vous remercier de notre part (pour) votre secours amical; car, ma femme et moi, nous avons aussi nos droits sur la petite Marie. Elle va s'installer chez nous et j'espère que vous ne viendrez pas nous la prendre avec M^r C(retin), que j'embrasse de tout mon cœur, et, appuyé sur la force armée, sur la majesté des lois et autorités du maire de Nanterre, plus héroïque que B. le détenteur, je déclare que je ne la livrerai pas... au moins avant son mariage.

Vous changez bientôt de prison. Dieu veuille que la grande ne vous paraisse pas plus dégoûtante que la petite. Le Piémont est encore le meilleur coin de l'Europe. — Peut-être aurons-nous le plaisir de vous voir ici?

Je vous salue de tout mon cœur.

A. Herzen.

23 марта 1852. Ницца.

Мне уже давно хочется напомнить вам о себе, но в моей душе такой *vacuum horrendum*¹, я чувствую себя таким больным, а если и не пришел в уныние, то жизнь мне по меньшей мере так опротивела, что я не находил ничего, что стоило бы сообщить вам.

Наше время в самом деле принадлежит к тем всеподавляющим эпохам, о которых история ничего не говорит, в которые ничего не случается, но год в них все-таки состоит из 365 дней, и человеческое сердце делает свои 60 ударов в минуту. Это эпохи субъективных страданий, лиризм которых исчезает, не заслужив даже сухого и почетного упоминания в какой-нибудь хронике. К счастью, доброе известие о малютке нашего друга Эдмона принесло нам на несколько часов оживление, и я пользуюсь этим, чтобы позвать вам руку и с нашей стороны принести вам благодарность за дружескую помощь, потому что и мы с женой имеем некоторые права на маленькую Мари. Она поселится у нас, и вы, надеюсь, не явитесь, чтобы отнять ее, — вы, вместе с г. К<ретенон>, которого я обнимаю от всего сердца, и превосходя хранителя ее Б<еше> в героизме, опираясь на вооруженную силу, на могущество законов и на полномочия нантерского мэра, я заявляю, что не выдам ее... по крайней мере до ее замужества.

Вы вскоре перемените тюрьму. Дай бог, чтобы большая не показалась вам омерзительнее малой. Пиэмонт все еще лучший уголок Европы. Быть может, мы будем иметь удовольствие видеть вас здесь?

Сердечно кланяюсь вам.

А. Герцен.

162. М. К. РЕЙХЕЛЬ

26 (14) марта 1852 г. Ницца.

26 марта.

Пишу вам мало — оттого что нечего писать. Но вы уж так избаловались моими частыми рапортами — что думаю, как бы вы и не начали «горячку пороть», как говорил Лаврентий Журавлев.

Все идет по-старому. У Н<аташи> вместо плерези сделался грипп, с ней вместе Нат<аша> № 2 и Оленька в гриппе. — Тоже Юлия (bis), т. е. и я разнемогаюсь. Это и скучно, и глупо, и сопливо, особенно когда есть другого дела по уши. (Это в па-

¹ ужасающая пустота (лат.). — *Ред.*

мать дочери Пьяскоиѣ Матвеевны Вайван Петiovны и ее дос-ки.)

Стан<кевичи> были и очень, очень освежили меня, мне русский дух необходим, и русские люди глубже возбуждают во мне и ненависть и любовь.

Опять вышли из дали и снега эти фигуры близкие и родные: Кетч<ера>, бранящегося за бокалом, и Гран<овского>, плачущего мирясь... Корш<а>, бессмертно заикающегося, и Бот<ки-на>, с эстетическим желудком.

Ах, если б эдак на недельку дернуть: Николай мол Палыч, ей-богу мол, там московским чудотворцам поклониться, можно мол позволить бродячему человеку, а т. е. замысла как против здоровья или чего иного иметь бродячему человеку не придется. Мы мол все порядки сами знаем — в питейной, конечно, с Листафорочем посидим, наказание от него примем — и опять к поганым морям поедем.

Дело идет — идет к развязке. Мое положение становится лучше. Хор за меня, особенно после письма от Мац<цини>, но тяжело, очень тяжело — профанация etc. Роль я на себя страшную, назад идти нельзя, — итак, вперед, друзей, кажется, не посрамлю, ну а свою шею, может, и сломаю, но не так просто, как вы думаете. Гаук едет затем сюда — чтоб подумать.

В Ницце нового одно: здесь прискал удивительный актер Modena — трагик, по-моему, чуть ли не выше Леметра. Он играл на днях роль Cittadino di Gent, которая сильно действовала на меня. Там человек так же позорится — имея свою великую цель и (так же или нет) умирает подозреваемый. А *propos*, откуда взяли Стан<кевичи> подозрение насчет Сазо<нова>.

Рукой Н. А. Герцен:

Ну вот Ал<ександр> все и рассказал. Я в постеле, Тата возле на другой и т. д. ... а *надо* выздороветь: я настою на том, чтоб возвращенное письмо прочли ему при мне и при нескольких свидетелях, после чего сделаю словесное дополнение.

Приезд Стан<кевичей> очень порадовал, да грипп проклятый не дал и напроситься досыта. — О конц<ерте> Ел<ена> К<онстантиновна> уж читала прежде в вагоне, говорит.

Так до следующих раз...

Жаль от души М. — — — у нас возле тоже раздирает душу.

163. М. К. РЕЙХЕЛЬ

2 апреля (21 марта) 1852 г. Ницца.

2 апреля.

Вы, милостивая государыня, буквой N не шутите теперь, после «штатского удара», как выражается Мел<ьгунов>. А то вот какие выходят блазни — вы упорно называете Villa Douis

(т. е. Дуйс) Villa Donis — оно бы и ничего, даже и лучше и на Донизетти похоже, но беда в том, что Ст<анкевичи> искали час, а Бот<кин> — два.

Рад был я очень увидеть опять москвича. Товарищ его не нашел сил и храбрости явиться. Застал он нас всех в гриппе, даже меня. Н<аташа> № 1 пострадала более всех, даже я начинал побаиваться, чтоб не вышло тифоидной горячки, — четыре месяца в постеле, да еще проклятое дело это как туча.

Что касается до дела, оно вступает в новую фазу и окончится скоро (прочтите мою записку к Мел<ьгунову>). Он дошел до того, что уж страшает — чем бы вы думали — *ассизами*, он пишет к жене и Хоецк<ому> (а та читает всему городу), что он намерен чудеса преступлений наделать, и хочет «эту женщину» посадить на лавку подсудимых... во что б ни стало. У него есть какой-то план клевет, — — может, и удастся ему меня подкузмить, но что-то сдается мне, что это не так. Если мне на роду написано — фатализм бывает во всякой трагедии, это *west-indian Pickles*¹ ее — пройти через земский суд и попробовать на конце жизни с противоположной стороны Сибири то, что пробовал в начале, то мне что-то сдается, что именно его при этом не будет. Но бог милостив, мы и *постоим* (понимаете каламбур насчет посиделок, т. е. ассизов).

Я может на днях пришлю вексель на имя Рейхеля, о употреблении тогда сообщу.

Р. S. Рейхелю и вам большой поклон от Энгельсона, «крепкий», — прибавляет он.

164. Н. П. ОГАРЕВУ (черновое)

3 апреля (22 марта) 1852 г. Ницца.

3 апреля 1852. Ницца.

Хочу писать тебе, Огарев... не для того, чтоб рассказывать тебе страшную историю последних полутора годов, ее ты узнаешь [из рассказов] от друзей, из моего письма к Гауку, и из целого пука разных писем. У меня нет больше охоты еще раз вызывать воспоминание всех пыток, [более] страданий, унижений, которыми я прошел.

Я хочу просто с тобой говорить, раскрыть состояние моей души. Мне сдается, что не долго придется мне говорить и не часто, особенно с тобой.

Что делать... прошлое несчастье, как рок, влечет меня к гибели, остановиться невозможно, все [то], что я придумал для

¹ вест-индские пикули (англ.). — Ред.

спасения лиц мне дорогих, все мои пожертвования, усилия — [были] побеждены низостью моего врага и случайностями жизни. Может, с одной низостью я сладил бы, но [когда все мои опоры одна за одной] к злобе, к преследованию присовокупились дикие, бессмысленные силы, как будто самой природе хотелось меня наказать за притязание на независимость и [самоопределение] волю, за притязание разумом [и волей овладеть несчастьем] победить несчастье. [Тогда] Мне оставалось, как воину, который видит невозможность победы, броситься, закрывая глаза, в борьбу и [не терять избранного] отдаться той же случайности, оставаясь верным избранному пути. Так я и сделал.

[Я себя ни в чем не могу упрекнуть, я чист и не вижу ни одной вины в моем былом — но меня-то судьба и тащит на казнь. В этом ее юмор.]

Грозная судьба двигается на меня, идет с такой быстротою, что если я на несколько часов забудусь, развлекусь... то с ужасом вижу, насколько она подвинулась ближе, насколько стала неотразимее.

Я больше нежеле чист, совесть моя больше нежеле покойна, я горд моими поступками, я показал [силу, любовь, преданность и не могу] и воли силу и силу любви, ни в чем не могу упрекнуть себя... но меня-то судьба и тащит на казнь — в этом ее юмор, ее атеизм.

Или, лучше, в этом обвинении ее — наша глупость, наша неисправимая религиозность, вера в всеобщий разум, в высший порядок.

Нравственной связи между поступками и событиями нет, во все формулы, стремящиеся составить уравнения между дел и происшествий, вторгается элемент, совершенно несоизмеримый, который мешает, путает последствия и лишает их окончательно той юридической разумности, которую мы ищем, которую насильно вносим¹.

165. М. К. РЕЙХЕЛЬ

5 апреля (24 марта) 1852 г. Ницца.

5 апреля.

Я ничего не могу себе вообразить скучнее моих писем. Они должны поневоле повторять теперичную жизнь мою. Я почти

¹ В автографе начало этого абзаца имеет следующие варианты:

а) [Пока] Где же связь между поступками и событиями, на чем основано понятие или уравнение дел и происшествий, во все формулы эти вторгается элемент...

б) Нравственной связи между поступками и событиями нет, понятия об уравнении дел и происшествий...— *Ред.*

начинаю хохотать над тупым ожесточением судьбы, с которым она меня мучит и толкает в пропасть. Может, пора — завтра мне сорок лет.

Представьте себе второе представление первых чисел января. Бонфис по два раза в день, припарки... опиум, вместо плерези от гриппа сделалось мускульное воспаление брюшного муск<ула> — мученья страшные при кашле. Слабость от четырехмесячной болезни такова, что лекарства бояться давать... и *au bout*¹ всего этого или изнурительная лихорадка или даже тифоидная; если же сойдет с рук, то через три месяца роды — а сил нет.

А с другой стороны — мерзавец тот не унимается.

Одни дети цветут — новое поколение, молодая жизнь, свежая смена. Я, как Карл V, откажусь от жизни — прежде смерти. Как богаты были религиозные люди, на все у них были средства — и монастырь, и пилигримство; право, кажется, пошел бы пешком на Афонскую гору, да со скуки пропадешь.

И всё-то мы сердимся на несправедливость судьбы — почему она избирает невинного и над ним тешится. Это нас ужасно оскорбляет, а все оттого, что в нас еще бездна религии.

Судьба — дура с завязанными глазами — она и не тешится и не наказывает, а ломится вперед, нанося направо и налево удары и толчки.

Сорок лет! — Шутка... и все хорошее сзади, и все скверное впереди — впрочем, сквернее настоящего не может быть.

А впрочем, пожил... год, два наберется хороших. Недавно какой-то англичанин считал свою жизнь перед смертью и свел ее на несколько дней. Например, так... Мне 40 лет, из них 10 бессмысленного детства, 10 проведены во сне, 10 ел, мылся, надевал сапоги... Остается *10 лет*. Исключить из них тюрьму, ссылку, болезни близких и последние полтора года, то увидите, что больше 5% не дают, а то и $4\frac{1}{2}\%$, как у вас фонды. А тут еще прибавить — сколько времени я искал часовой ключик, терял перо, платок, сердился, так и останется два, три дня до свадьбы, да год после, свиданья с Огар<евым>, пиры с друзьями, февраль 1848, две-три беседы...

Ну стоит растить после этого вашего Сашку — на четверть часа счастья и полстолетия горя и пищеваренья.

Н<аташа> для него и для Маврикия нашла короб платьев, я было его и послал, но сказали в таможне, что готовые платья очень дороги и что с вас в Париже за это слупят, я и жду okazji.

¹ в конце (франц.).— *Ред.*

Я советовал для Сашки сделать платье сзади так — с подвижным на застежках задом, тогда можно бы было пристегивать второй экземпляр в случае сырости — мысль умная, но ее не приняла Н<аташа>.

Прощайте. Целую Рейхеля. Сегодня страстной понедельник, и ведь мне жаль, что я не слышу великопостного звона... что не нужно идти к заутрени, слушать XII евангел<ий> и отмечать воском на свече... а хлопоты исповеди и причастия... усталъ,

грибы, правила, дьячок охрипый, диакон заспанный... чем все это заменить?.. Нечего будет нашим детям поминать, свели мы их жизнь на прозу пищеварения да на скуку рассудка.

Ваши менины тоже скоро. Поздравляю, к ним-то, собственно, и велено отправить куртки, да не знаю, успею ли. А ведь Рейхель ни слова не написал, хочет ли в опекуны — или он думает — я застраховал себя.

Да поклонитесь много Мел<ьгунову> (прочтите ему письмо) — что он едет когда-нибудь домой или остается? Коли мосты не снял, пусть едет. Ник<олай> Сем<енович> стал на ноги припадать, пухнет, видно, готовится потонуть сам в себе — *nafrage à l'intérieur*, знаете, как Монталамб<ер> говорил Ришелье: поход внутрь. Признак водяной.

Прощайте. Скучно, грустно, и какая-то злоба жгучая и бессильная буравит. — А впрочем, ничего...

Письмо — почта завтра утром.

Итак, сорок лет без сорока минут, а через 9 лет я буду подписывать Pie IX лет. (Pie — сорока!)

166. М. К. РЕЙХЕЛЬ

7—9 апреля (26—28 марта) 1852 г. Ницца.

7 апреля. Ницца.

Глупый праздник рожденья тем глупее прошел, что Н<аташе> хуже и хуже. Силы не возвращаются, лихорадка сильнее и сильнее... словом, мы быстро подходим к тому, что было в начале января. — Но я спокойнее, не оттого чтоб надеялся, но оттого, что в два последние месяца я сжился с всеми ужасами и ежели не окреп, то притупился, одеревенел.

Итак, этот мерзавец, этот злодей достиг своей цели. Он не мне мстит, он мстит Н<аташе>... и убил ее. Если б я продолжал молчать после картеля, тогда клевета и грязь, расхожаясь его женой, были бы подтверждены. Мне было необ-

ходимо дать Н<аташе> оправдаться самой, на это оправдание, сделанное торжественно, пошли все силы, оставшиеся от 16 ноября. Обиды росли, наглость его, *издали*, не знала пределов. Все это падало ядом на больную грудь, и тем сильнее, что она беспрерывно говорила, что все это заслужено. И вдруг ничтожная болезнь переполнила чашу, совершенная прострация делает невозможным всякое лечение. Фогт опять ночевал. Утром опять получше, но пароксизм делается в 5 часов.

8-е. Полдень.

Кажется, будто лихорадка меньше, и боли поутихли. Но зато готовятся *fausses couches*¹, хотя еще определенно сказать нельзя. Во всяком случае скоро должно идти к лучшему или худшему.

9. Полдень.

Лихорадка все так же. Кажется, надежда за надеждой уносится. Я собрал все силы и готов, насколько сил есть, выносить бремя, — после всего испытанного, жизнь только бремя, одно любопытство может заставить жить — остальное увяло.

Получил я письмо от Ник<олая> Ал<ександровича>. Напрасно он думает, что я осержусь на его письмо. Я так уверен в его любви, что и тогда, когда бы его мнение было иное с моим, я бы не сердился. — Его мнение умнее моего, — но справедливо ли от человека, который дал залог своей силы, как я, требовать еще и еще. — Ассизы в устах этого подлеца страшнее угроз огнем и водой — потому на это надобно только подлость; Мел<ьгунов> говорит об оправданье... да разве вы не понимаете, что цель не в обвинении, а в том, чтоб публично в суде дошла речь до разрыва и переписки, т. е. чтоб женщина была потеряна. Как же мне молчать? ...Я и то молчу — другие не будут молчать. Фатум, оставимте что-нибудь случаю и инстинкту.

От вас письма нет, хотя Мел<ьгунов> и пишет, что есть?? Какое?

167. М. К. РЕЙХЕЛЬ

10—11 апреля (29—30 марта) 1852. Ницца.

10 апреля.

Не хуже — это очень много. Будто есть надежда, дни в два можно сказать более. Вы поймите сложность болезни. — Середь долгого выздоровления, обыкновенно следующего за

¹ преждевременные роды (франц.). — *Ред.*

плерезией, явился эпидемический грипп. Спазматический кашель тотчас произвел начало воспаления в боку (но ниже того места, где была плерези), с страшным колотьем оно спустилось и захватило абдоминальные мускулы. Отсюда боль в животе, ждали родов, вышло воспаление в животе, болезнь сама по себе чрезвычайно опасная. Вот вам одна сторона. Другая — беспрерывная лихорадка, сменяющаяся потом, — лихорадка, стремящаяся сделаться перемежающейся, но со всеми признаками воспалительной. Дать хинину — значит еще более раздражить воспаление. Не давать — значит позволить усиление лихорадки.

...Ждем. День за днем идет, унося силы, которые и не возобновлялись после плерези...

11 апреля.

Вот вам и «Христос воскрес». Революционное праздника быть не может. — После «штатского удара» я написал небольшой дифирамбик с эпиграфом:

...«Совершилось», и Христос испустил дух. —
...Чего ты плачешь, — сказал он Магдалине, —
иди и скажи ученикам: «Христос воскрес».

Между этой фактической гибелью и этой поэтической верой именно та полоска людей, которая собою обновляет вялую массу живого мяса и отдает себя в *ненужную* жертву и которая на краю гибели — кричит: «Чего ты плачешь... Христос воскрес».

Вот вам и слово по святой пасхе.

Болезнь ни шагу назад, ни шагу вперед.

Писали ли вы ко мне письмо вместе с Мел(ьгуновым), т. е. в тот же день, как он, а его пришло 9го, стало, писано 6го... Oui ou non?..¹ У Хоец(кого) на днях украли письмо, будьте осторожны, как приятель Ботк(ина), который не смел ко мне зайти.

Мне по многому кажется, что я мою карьеру кончил, спокойно смотрю назад — было много хорошего, кое-что сделано. Если я переживу болезнь эту и здоровье того негодая — мне бы хотелось покоя... покоя — я в сущности старше, нежели кажусь — у меня манера молодая... а сердце старо. Помните вы фореятора у Льва Ал(ексеевича), Папкрата, ему было лет 60, с наружностью — мальчика, издали, но вблизи весь в морщинах.

У меня юности осталось больше в отрицательном — негодование, даже «недаром близь Корсики живу» — «недаром на

¹ Да или нет?.. (франц.). — *Ред.*

святом берегу Италии обретаюсь», чувство ненависти и вендетты молодо — и то на минуту.

Да старчески чувство — любви к тем, кого люблю, а в том числе и к вам. Учтивее кончить нельзя.

Прощайте.

Рейхелю посылаю мысленно крепкое яйцо, выкрашенное сандалом.

Мел<ьгунову> не посылаю — он изувер, Фейербаха читал, волтерианец, против Греча писал и безмерно справедлив и нравственно рассуждает: во-1^х говорит так, а во-2^х так — стало, так. А будто не знает пословицы: «Si la raison dominait dans ce monde, rien ne s'y passerait». — Можно прибавить: «on se passerait même de la création»...¹

168. М. К. РЕЙХЕЛЬ

13 (1) апреля 1852 г. Ницца.

Рукой В. А. Энгельсона (?):

Через несколько часов после вашего письма я увидел того, о котором вы мне писали. Дальше он не поедет, итак, будьте спокойны. Дело, по всем вероятностям, будет длиться — бесконечно. Чем оно развяжется — не знаю, но думаю — кончиною Нат<алии> Алекс<андровны>. Сегодня она мне сказала, что хоть она и не замечает, не чувствует, чтоб ее положение становилось хуже, но что мучения невыносимы. Доктора говорят, что если жизнь продлится на 4 недели, то они ручаются еще за 4 месяца дальше — т. е. до родов. — Вот все, что я имею сказать вам. Скучно! очень скучно! так что с трудом слово высказываешь. — Постарайтесь не заботиться, — в таких положениях лучшее дело — смирение. —

13 апреля.

Посылаю вам вексель на 3500 фр., возьмите эти деньги на всякий случай. Может, я попрошу приехать сюда вас, вы не отказывайтесь — может, еще гроза и пройдет. — Главное теперь должно быть устремлено на детей. Верьте в то, что делается все, что можно.

В Россию стоит написать, что я удивляюсь ответу Сат<ина>. Разумеется, об вещах пишите Кетчеру.

Пока вот и всё.

169. М. К. РЕЙХЕЛЬ

15 (3) апреля 1852 г. Ницца.

15 апреля.

Не хуже, даже долею лучше. Лихорадка, т. е. жар меньше. Есть надежда. — Впрочем, вы будьте reisefertig², и Рейхель

¹ «Если бы разум главенствовал в мире, в нем ничего не происходило бы <...> даже обошлись бы без сотворения мира»... (франц.); ² готовы к отъезду (нем.). — Ред.

пусть вас отпустит на два месяца. Друзья вы мои — я на вас ведь считаю как на себя.— Да скажите Мел<ьгунову>, что я благодарю его за письмо, только как можно писать такими тер-минами — сургуч дело тающее...

Завтра больше. Прощайте.

170. М. К. РЕЙХЕЛЬ

17 (5) апреля 1852 г. Ницца.

17 апреля. Суббота.

Болезнь как будто идет тише. Но лихорадка не прервана, и слабость еще больше. Надежд мало — но есть. Я до того присмотрелся ко всему ужасному, что повторяю все эти страшные вещи, как будто их смысл легок.

Если пойдет хуже — я тотчас напишу, приезжайте сюда с вашим Сашкой и возьмите с собою детей в Париж.— Я хочу непременно, чтоб вы стояли в главе воспитания женского. За Сашу я возьмусь — если я останусь цел, после всех этих ударов.

Cher Reichel, ne craignez aucune responsabilité, je vous donnerai des collègues et des aides. Mais je veux que Marie et vous restiez près des enfants jusqu'à leur majorité, en cas de ma mort. Vous aurez, comme conseil — Engelson et Haug et encore deux, trois personnes.— Maintenant dites-moi avec franchise, était-ce une plaisanterie ou votre sérieux, d'aller en Amérique?— Peut-être nous pourrions faire ce voyage ensemble,— ne pensez jamais aux frais, il y va seulement de votre désir¹.

При случае отдайте Саз<онову> записку.

Мел<ьгунов> пусть радуется. Новая болезнь снова опустила мои руки. Но, право, я не вижу причины радоваться друзьям. Всякое несчастье вынес бы я легче, нежели эту страдательность; я было воскрес, но судьба и дружеские предусмотрительности снова оставили меня с оскорблением и без всякого конца.

Я слабею,— я хочу удаление, я хочу разорваться со всем прошлым (кроме двух-трех связей, сплетенных давно и которых не выдерешь из сердца без сердца).

¹ Дорогой Рейхель, не страшитесь ответственности, я вам дам сотоварищей и помощников. Но я хочу, чтобы Мария <Каспаровна> и вы оставались при детях до их совершеннолетия в случае моей смерти. Вы будете иметь для совета Энгельсона и Гауга и еще двух-трех человек.— Теперь скажите мне откровенно, в шутку или всерьез высказали вы намерение уехать в Америку?—Быть может, мы могли бы предпринять эту поездку совместно—пусть вас никогда не смущают расходы, дело только в вашем желании (франц.).— *Ред.*

Помните, что я писал насчет осторожности в письмах, и прощайте.

Иногда мной овладевает животное равнодушие, и иногда болят все поры, все нервы. Я страшно несчастен — и стыжусь этих жалоб, они мне не к лицу, и чем — черт возьми — чем я созвал их на голову свою.

171. М. К. РЕЙХЕЛЬ

18 (6) апреля 1852 г. Ницца.

18 апреля 1852. Воскресенье.

Силы видимо исчезают. — Я не знаю, есть ли два дня вперед. Молчу, креплюсь, но по многому не могу всего взять на одного себя. Га<у>к мне большое утешение, но его пребывание не упрочено здесь. Можете ли вы приехать, к 1 маю вы были бы здесь. — Если до тех пор все переменялось бы к лучшему, несчастье не велико, что проедетесь. Во всяком случае я в Ницце не остаюсь, может, уеду очень скоро — одна полная надежда на вас; думаю, что Га<у>к и Эн<гельсон> вам помогут. А потому — если вы здоровы, пошлите-ка за местом в дилижанс и с Сашей, а еще лучше возьмите при нем няню (пожалуйста, не думайте о расходах и тратьте из 3500 сколько хотите). — Возьмите целое купе до Лиона. Там отдохните. Потом до Марселя, на пароход не садитесь. Если бы вы и меня не застали, застанете инструкции, всё приготовите, уложите и поедете в Париж. Все это, разумеется, на случай страшного окончания болезни. — Я тороплюсь писать, боясь, что после не будет ни головы, ни сил. А между тем детей нельзя оставить без положительного руководства.

Вечер.

Не хуже — и не лучше. Если вы решились, то думаю, что во всяком случае лучше решиться, да и в дорогу. И совестно мне, да — вы ведь моя сестра.

Прощайте...

Письмо придет 22 или 23. Напишите, едете ли. А впрочем, я теперь буду писать всякий день.

172. М. К. РЕЙХЕЛЬ

20(8) апреля 1852 г. Ницца.

20 апреля. Утро.

Вчера не писал я вам и не умею объяснить отчего — целый день собирался, да голова идет кругом.

Крутой и горячий характер болезни как будто приостановился с 18го (вечера), но кашель и воспаление в легких очень сильны. Мы с утра до утра стоим как на лезвии ножа, малейшее движение в сторону — и все погибло. Ни Бонфис, ни Фогт не имеют, кажется, надежды — но я знаю невероятную силу этого организма, духовную и физическую. Это отчаянная борьба — может, из нее и выйдет она, так же торжественно, как из нравственной.

Я жду, останавливаю суждение и готовлюсь.

Вас тоже ожидаю. Что бы ни было, вы очень необходимы. Может, я уеду из Ниццы, и нам надобно хорошенько согласиться насчет всех дел.

От Мельг<унова> письмо. Его письма всегда служат мне отрадой и отдыхом. Я ничего не знаю противоположнее его теплоту, полному любви вниманью, как *такое же* Ник<олая> Иван<овича>, который, наконец, вывел меня из терпения. «Фраза, холод и гранит». Пожмите руку Мельгунову — много и скажите Рейхелю, чтоб он на меня не сердился за небольшую разлуку.

Остальные деньги от 3500 привезите с собой, француз<скими> банковыми билетами.

Скажите Мельгун<ову>, чтоб он опять писал, я его прошу, письма его утешительны, а, право, теперь мне всякая капля отрады — богу свечка.

Да кстати, скажите, чтоб он прибирал мои письма, в которых есть завиральные мысли.

12. вечера.

День тяжелый, т. е. если не совсем хуже, то в том же положении. Письмо ваше получил. Вы добры, как я ждал, а потому писать буду на имя Рейхеля — а вас жду.

173. А. РЕЙХЕЛЮ

26 (14) апреля 1852 г. Ницца.

Nizza, 26 April.

Gestern habe ich, lieber Reichel, den Brief von Maria bekommen, aus welchem ich sah, daß sie schon auf der Reise ist. Dank und Dank. Ja, Freunde haben mich nicht verlassen. Sie nehmen die Hälfte der Schmerzen, <das> fürchterliche Kreuz, welches mir als Lohn von der Fatalität zugefertigt war.

Ich stehe am Wendepunkt: oder wird alles untergehen, oder etwas gerettet. In beiden Fällen fange ich ein neues Leben an. Den letzten Teil.

Alles hängt von der Krankheit ab, den 24-ten glaubten alle Doktoren und wir, daß alles sich beendigen wird; aber die Kranke erholte sich und war 2 Tage heil.

Die Schwäche ist unendlich groß. Aber der Organismus kämpft mit *acharnement*.

Bereit auf alles, stehe ich da — die Hände gefaltet und warte auf <eine> stupide Sentenz einer stupiden Macht und werde alt und dumm.

Adieu, geben Sie das Zettelchen an Melg<unow>.

Перевод

Пнцда. 26 апреля.

Вчера милый Рейхель, я получил письмо от Марин <Каспаровны>, из которого узнал, что она уже в пути. Спасибо, спасибо. Да, друзья меня не покинули. Они берут на себя половину страданий, ужасный крест, ниспосланный мне судьбою как возмездие.

Я стою у поворотного пункта: или все погибнет, или что-нибудь будет спасено. В обоих случаях я начну новую жизнь Ее последнюю часть.

Все зависит от течения болезни; 24-го все доктора и мы думали, что все кончено, но больная пришла в себя и 2 дня ей было лучше.

Слабость беспредельная. Но организм борется с *acharnement*¹.

Готовый ко всему, стою я сложа руки и ожидаю бессмысленного приговора бессмысленной силы и становлюсь старым и глупым.

Прощайте, передайте записочку Мель<гунову>.

174. А. РЕЙХЕЛЮ

27 (15) апреля 1852 г. Пнцда.

27 April.

Keine große Änderung weder zum Guten, noch zum Schlechten. Die Prostration ist groß. Sie ißt beinahe nichts. Da haben Sie meinen Bericht. An Melg<unow> werde ich ein anderes Mal schreiben. Wir warten übermorgen Mme Reichel. Sascha wird Sie empfangen auf dem *Pont du Var*.

Sagen Sie H<errn> Bernazky, daß anstatt mir die Erlaubnis zu geben über Frankreich zu gehen — hat man mir ein *Refus* vom *Ministre des affaires étrangères* geschickt.

¹ упорством (франц.).— *Ред.*

Le soir.

Cela va très mal.—Toutes les espérances s'évanouissent. Dieu des dieux, ce qu'elle souffre. Demain je vous écrirai, si cela ira bien.

Перевод

27 апреля.

Никаких существенных перемен ни к лучшему, ни к худшему. Полная протрация. Она почти ничего не ест. Вот вам мой ответ. Мельг<унову> напишу в другой раз. Послезавтра ждем М^{ме} Рейхель. Саша встретит ее на Варском мосту.

Скажите г. Бернацкому, что, вместо того чтобы дать мне разрешение на проезд через Францию, мне прислали refus от ministre des affaires étrangères¹.

Вечером.

Очень плохо.— Все надежды исчезают. О господи, как она страдает. Завтра напишу вам, если будет все благополучно.

175. ГЛАВНОМУ ИНТЕНДАНТУ НИЦЦЫ

О. ФЕРРЕРО ДЕЛЛА МАРМОРА

Около 13 (1) мая 1852 г. Ницца.

Frappé de nouveau par un malheur terrible, ma pensée se tourne vers d'autres infortunés. Permettez-moi de vous remettre la somme de cinq cents francs pour qu'elle soit distribuée, par votre entremise, aux indigents de la ville de Nice.

Agréez, etc.

A. H e r z e n.

Перевод

Вновь постигнутый ужасным несчастьем, я мысленно обращаюсь к другим обездоленным. Позвольте передать вам сумму в пятьсот франков для распределения ее, через ваше посредство, среди нуждающихся жителей города Ниццы.

Примите и пр.

A. Г е р ц е н.

176. А. РЕЙХЕЛЮ

21 (9) мая 1852 г. Ницца.

Nice. 21 mai 1852.

Cher Reichel,

Demain part Marie et mes enfants, je les laisse sous votre garde — c'est la limite de la confiance. Marie et vous — vous

¹ отказ <от> министра иностранных дел (франц.).— *Ред.*

me remplacerez pendant quelque temps. C'est un bienfait pour moi. Mais vous ne devez pas en souffrir. J'ai parlé avec Marie et j'insiste sur ce point; je veux avoir la permission d'évaluer moi-même les dépenses. Si les enfants restent une année je vous remettrai 5000 frs.— Vous pouvez disposer de 2500 dès aujourd'hui et cela sera pour les premiers six mois. Ne m'objectez rien, de grâce, vous me chagrinez profondément.

Je ferai tout mon possible pour revenir à Paris. Alors je prendrai une petite maison près de vous. Dans le cas contraire Marie m'amènera les enfants dans quelques mois. Dites à Bernazky que c'est le temps de pousser ses amis, ses ennemis, à m'aider un peu et demandez Schombourg s'il n'y a pas de possibilité de faire quelque chose par Rotschild.

Je vous envoie une lettre de change à votre ordre sur Rotschild, sur une somme de 5000 frs. J'en ai déjà donné l'avis. Faites vous rembourser le même jour et remettez 1000 frs. à Ernst.— Gardez les 2500 pour vous et 1500 laissez les en billets chez vous, je les demanderai, moi ou Ernst, une partie ou le tout.

Aimez les enfants.

Aujourd'hui il y a 14 ans que je me suis marié — il n'y a que des tombeaux autour.—Je ne suis pas vivant non plus, mais je me tiens.

Je vous embrasse.

Перевод

Ницца. 21 мая 1852 г.

Дорогой Рейхель,

завтра уезжает Мария <Каспаровна> с моими детьми, оставляю их на ваше попечение — это предел доверия. Мария <Каспаровна> и вы будете заменять меня некоторое время. Для меня это благодеяние. Но вы не должны от этого пострадать. Я говорил с Марией <Каспаровной> и настаиваю на этом пункте; позвольте мне самому определить расходы. Если дети проживут у вас год, я выдам вам 5000 франков. Вы можете уже с сегодняшнего дня располагать 2500, и это будет взносом за первое полугодие. Не возражайте, ради бога, вы меня глубоко огорчите.

Я сделаю все для меня возможное, чтобы возвратиться в Париж. Тогда я найму домик вблизи от вас. В противном случае Мария <Каспаровна> привезет мне детей через несколько месяцев. Скажите Бернацкому, что пора потормозить его друзей, его врагов, чтоб они мне немного помогли, и спросите Шомбурга, нельзя ли что-либо сделать через Ротшильда.

Посылаю вам вексель на Ротшильда в 5000 франков на ваше имя. Я уже послал об этом уведомление. Пусть вам выплатят в тот же день, и передайте 1000 франков Эрнсту.— 2500

оставьте себе, а 1500 сохраните в векселях, я или же Эрнст затребуем их у вас, частично или все.

Любите детей.

Сегодня исполнилось 14 лет со дня моей женитьбы — и вокруг лишь одни могилы. — Я и сам уже не живу, однако еще держусь.

Обнимаю вас.

177. М. К. РЕЙХЕЛЬ

24 (12) мая 1852 г. Ницца.

24 мая, утро.

Если бы я вымерил прежде, как трудна разлука с детьми, может, я, вопреки уму и разуму, оставил бы их. Особенно отсутствие Таты. Такая пустота и тоска в огромном доме, да к тому же отвратительная соседка моя.

Если все пойдет хорошо, я постараюсь, так или иначе, навестить их через три месяца. Судорожное волнение, в котором я жил, улеглось, зато пустота и весь ужас потери яснее, живее. Всякую ночь я вижу во сне смерть Н<аташи> с такими страшными подробностями, и мне так кажется, что еще можно спасти, — сегодня я даже видел Ив<ана> Ал<ексеевича>. Фантазия, сон и быль — все обращено на былое, на кладбище. Видел еще и Огарева.

Лишь бы время искуса прошло, чтобы отдаться тихо и спокойно воспоминанью. — Сегодня, может быть, будет письмо из Марселя. Прощайте. Если увидите Саз<онова>, скажите ему, что я усердно благодарю за письмо, но писать особо не имею еще ни сил, ни желания.

Дружески жму руку Рейхелю.

Сейчас получил письмо из Драгиньяна. Вот это мило. Ай да генерал!

178. М. К. РЕЙХЕЛЬ

24 (12) мая 1852 г. Ницца.

24 мая 1852.

И второе письмо, т. е. из Марселя, пришло. Теперь вы, вероятно, в Париже. Я жду письма, чтобы ехать в Геную. Письма адресуйте туда или сюда *poste restante* — все равно дойдут, лучше даже, пока я не напишу еще раз, посылать в Ниццу.

Моей нравственной усталости и ничтожности нет предела. Мне трудно написать вам несколько строк. Нет ни определенных

мыслей, ни желаний. Серо и тяжело. Таты мне сильно недостает, но не бейся, сердце,— время воли еще не пришло.— Вы обещали наметнуть насчет Никол(ая) Пл(атоновича) в России.

Кольните Сат(ина) слегка.

Скука у нас царит. Купаемся, спим, пустота, тоска, бегать бы куда-нибудь. А тут эта пошлая дура кокетничает, янется, дуется и здоровеет.

Нет Ахилла и Патрокла,
Жив презрительный Терсит.

Это грубо и гадко. Но, во-первых, она мне мешает жить, во-вторых, она в моих глазах топит человека, которого я много и сильно люблю.

С другой стороны, берлинка только и охает о векселе. Это ее так занимает, что не мешало бы передать Петерсону.— Он меня очень утешил своими письмами. Какая нежная и крепкая натура.

Прощайте. Вас я продолжаю любить безмерно и даже без всякой подлости, чтобы этим детям заслужить сахарную булочку.

Рейхеля обнимаю.

К следующему разу я напишу адрес доктора, на случай необходимости, ибо Пальм стар, а незнакомых боюсь.

179. ТАТЕ ГЕРЦЕН

24 (12) мая 1852 г. Ницца.

Друг мой Таточка.

Скучно мне без тебя, пиши мне скорее письмо. А я скоро начну писать сказочку, о которой, помнишь, как ты меня просила.

Будь здорова. Поцелуй много, много Оленьку. Думай часто о Маме, какая она была добрая и как любила Тату.

Твой П а п а.

Ницца. Мая 24.

180. М. К. РЕЙХЕЛЬ

31 (19) мая 1852 г. Ницца.

31 мая 1852. Ницца.

Вчера получил ваше письмо из Парижа. Ну, это дело, стало, с концом, пусть дети пока поживут под кровом вашим. Пока страшный фатум, который играет со мной так по-тигри-

ному два года, не доиграет, я несвободный человек и живу, задерживая дыхание и не делая планов на будущее. Потом отдохнем, — а как хочется отдохнуть. — Ну, да это все известно.

Доктор, о котором я писал, — Comparaou, — к нему будет записка от Тессье, но он не уверен в адресе, а потому рекомендует спросить Mme Tessié — ей от меня искренний, дружеский поклон.

Полковник отправился вчерашнего числа в Геную. Я остаюсь еще здесь дней пять (если не будет особых обстоятельств), и, верите ли моему малодушию, я остаюсь только потому, что полковница в Генуе, а мне от нее тошно, как от корабельной качки.

Бедный полковник, мне его смертельно жаль. Портрет для Оли очень удался, и я желаю еще с него копию. Ту и отправлю.

У нас теперь духа женского в доме нет, точно état-major¹ или казарма, или, пожалуй, монастырь. Прощайте. Я еще заеду на почту, и, если есть письмо, прежде прочту и припишу вам.

Скажите Морицу, чтобы он не обижал ваших приемышей, ибо он maître de la maison².

181. М. К. РЕЙХЕЛЬ

2 июня (21 мая) 1852 г. Ницца.

2 июня 1852. Ницца.

Второе письмо ваше из Парижа пришло. Ах вы, моя милая Маша, как вы рассуждаете о том, что я не уехал или что я не один. Сердцем, умом, бешенством и грустью, всем — понимаю я это. Но я год и десять месяцев склоняюсь перед какой-то силой и имею не волю, а упорство.

Последние минуты N<atalie>, первые дни после ее кончины были отравлены тревогой, беспокойством, ожиданием. Мне не дали сосредоточиться шумом, говором, напоминанием злодея — меня развлекли... Теперь стало тише, но та же туча висит над головой, изнашивая силы вечной борьбой. Я думаю, что я скоро дойду до колоссальной апатии, — надломленная душа сломится тогда.

Мне в будущем ничего нет, и нет мне будущего. Дети. По совести, разве они не воспитаются, не вырастут после меня, когда есть друзья, как вы и как двое, трое еще. Заметьте, что во мне нет ни малейшей способности учить, напр<имер>, Сашу. Мое положение ужасно изменилось после 2-го мая и даже после отъезда детей.

¹ штаб (франц.); ² хозяин дома (франц.). — Ред.

Я становлюсь независимее и ненужнее, все интересы мало-помалу тухнут, грусть и думы о былом, грусть и страшное желанье казни и обличения — вот три четверти моей души, четверть принадлежит друзьям. Дети входят во все. — Но дети — будущее, которого у меня нет да которого я уж не ищущу. — При всем этом меня иногда ужасает, иногда пугает мое каменное здоровье, это что-то нечеловеческое.

Жизнь более покойная непременно придет, но я должен дойти до нее исподволь, я слишком еще завишу от обстоятельств и людей, чтобы делать круто. Au reste¹ с отъезда М^{ше} Енгелсона у нас гораздо лучше, тише, серьезнее. Жду только писем от Петер., т(ак) ч(то), вероятно, все-таки к субботе уеду. Обо всем извещу.

Р. S. Письмо, извещающее о Трио, от Таты, пришло. Так как от Петерс. ничего, то я опять день-другой больше здесь.

182. М. К. РЕЙХЕЛЬ

5 июня (24 мая), 1852 г. Ницца.

5-го июня. Ницца. 1852.

Сегодня едет Эдмунд в Турин, во вторник утром, места уже взяты, отправляемся мы в Геную. От вашего спутника получили грамотку из Лондона, он здоров. Наконец я двигаюсь с места — что будет, где осяду, как — не знаю, да, по правде сказать, все это равнодушно. — Дети у вас, Саша не останется один. Хорошо, если я в наличности, а нет — так и это недурно. Людей совершенно ненужных не бывает, у кого нет детей — есть Фаяль, у кого нет Фаяля — есть дом, сад, огород, стало, такой надобности не переживешь.

Два месяца, два года тому назад я был необходим. Передо мною было страшное событие, и крик раскаянья, и крик спасения — я спас и спас бы торжественно, но пароход «Bordeaux et Nantes» был не в моей воле, но ряд злодейств чудовищных, нечеловеческих был не в моей воле. Я, как восстановитель, как мост между светлым былым и настоящим, брошенный через пропасть, был необходим. И вы знаете, сколько гордости, предрасудков я принес на жертву — все это кончилось смертью. Я чувствую почти всегда эту холодную руку, покрытую потом. С этой смертью я сделался почти лишним. Великое дело, когда человек умеет понимать, что он перешел высшую точку своей жизни.

Моя высшая точка был этот *страстной год*. Кто хотел, кто мог взглядеться во все совершившееся во мне — тот не откажет

¹ Впрочем (франц.). — Ред.

мне в силе и последовательности. Далее самое это делается ролей, манерой. Надобно удалиться со сцены, пятый акт оканчивается, театр покрыт гробами — кому же нужно видеть, как Тальма, после, у себя раздевается, как его кусают блохи и как он чешется. Живи или умирай, — это все равно, но знай, что ты доигран; но знай, что 3-го мая были и твои похороны. Это так верно, что стоит подумать, напр<имер>, о Пие IX, о Ледрю-Роллене и С^{ie}: если бы они вовремя умерли — они остались бы великими теньями, а теперь один гадок, а другой смешон.

Все, что вы можете против этого сказать, — дети. Я это чувствую, но я вам писал третьего дни: я неспособный человек; впрочем, они-то и держат в узде. Да еще — дружба. Она проводила меня и теперь окружает, не оттого ли это чувство долговечнее, что оно не столько дает, не столько требует, не все берет, — об этом рассуждайте сами, а я довольно беседовал.

183. М. К. РЕЙХЕЛЬ

7 июня (26 мая) 1852 г. Ницца.

7-го июня 1852. Ницца.

Завтра утром мы выезжаем, адресуйте впредь до перемены à Gênes (Etats Sardes), poste restante¹. Мне очень больно расстаться с Ниццей — это последнее подтверждение всех несчастий. Может быть, годы пройдут прежде, нежели я увижу дом Сю, для меня это скала, к которой был прикован Прометей, — дом Дуйс и могилу. Но выбора нет, пятое действие несется быстро — веет концом. Не концом грусти, — сломленная душа не склеится, — но концом тревоги, чувством унижения.

Да, намекните Огареву — а куда он приедет? Пожалуй, мы и в Нью-Йорк лупнем. Я беру назад, что писал в прошлом письме о ненужности. На мне еще лежат обязанности сказать погребальное слово и слово благодарности.

Прощайте.

Р. S. Сейчас получил из Лондона второе посланье, и от Осипа Ивановича тоже. Петерс. молодец, — да, дружба себя показала. — Прощайте, а из Генуи скажу: «Здравствуйте!» М^{ше} Raselli целует Тату.

При свидании поклонитесь М^{ме} Tessié и скажите, что ее муж — мое единственное утешенье теперь с Сашей.

¹ Генуя (Королевство Сардинии), до востребования (франц.). — Ред.

184. ТАТЕ ГЕРЦЕН

24 мая — 7 июня (12 — 26 мая) 1852 г. Ницца.

Тата, вчера живописец принес два портрета Мамы, один повеселее, а другой такой печальный, я его оставил себе, а тебе и Оле посылаю тот, который веселее. Повесь его над своей кроваткой и всякий день здоровайся и прощайся с ним, и Олю приучай.

Твой П а п а.

Рейхелю кланяйся.

Рукой Саши Герцена:

И я тебя целую, милая сестрица, поцелуй Олю.
Тебе кланяется Мария Рокка.

Твой С а ш а.

185. ТАТЕ ГЕРЦЕН

24 мая — 7 июня (12 — 26 мая) 1852 г. Ницца.

Тате на этот раз только поклон и много раз целую, также Олю. — Помнит ли она Фаяля? — Саша сам будет писать.

Рукой Саши Герцена:

Милая Тата!

Благодарю тебя за поцелуй и посылаю тебе такой же от меня. Скажи мне, рада ли ты быть в Париже и играть с Морицем? Мне тут хорошо, но все-таки хочется уехать.

Я вчера был в доме Sue и видел там садовника; он тебе кланяется. Ты помнишь эту маленькую курицу, которая была у тебя в том доме и которую ты подарила Клаудине, у нее теперь тринадцать маленьких, которые очень милы. Вместо Зеты теперь у Jean презлая собака. Викторину они отдали ее матери.

Поцелуй от меня Ольгу очень крепко, Сашу, Машу и Морица, кланяйся Рейхелю.

Твой брат С а ш а.

186. ТАТЕ ГЕРЦЕН

31 мая — 8 июня (19 — 27 мая) 1852 г. Ницца.

Сказочку, Тата, не так легко написать, вот когда я уеду отсюда и буду совсем покойно жить, тогда напишу и сказочку, а Саша нарисует картинки. — Будь здорова и помни всегда Мамашу, какая она была добрая, как тебя любила и ласкала, и рассказывай об ней Оле. — Ей кланяется Мари. — Прощай.

10^е июня 1852 г. Генуя.

Ну вот мы и переехали и сидим в Генуе. Перед самым отъездом, т. е. сидя в *malle-poste*¹, получил ваше письмо. Вы делаетесь в моей жизни представителем мягкой и теплой стороны ее, стороны женственной, той женственной стороны, которая выражается дружбой, чувством братства. Вообще я женщин глубоко ненавижу, они звери, да и притом злые: довели эгоизм до бешенства и всё скрывают под личиной любви. Зато если выщется исключение — ну, так женщина головой выше мужчины, который даже не зверь, а животное.

Вот вам и философия с дороги. Получил я еще письмо от Фох(та). Цюрихский мерзавец побеждает, подробности о его жизни до того возмутительны, что он, кажется, превзошел самого себя. Он живет на содержанье у отставной обогатившейся лоретки 45 лет, подличает перед нею, облупливает ее, и все это с октября месяца. Стало, убийство Н(аташи) сделано просто-напросто по расчету холодной злобы и чтоб чем-нибудь отомстить мне. Его во всей Швейцарии презирают как негодяя.

Какая страшная судьба постигла такое высоко и широко развитое существо, за одуренье, за чад, за кружение сердца... Ряд подвигов раскаяния, новая высота, сила — ничего не помогло. Презренный, грязный палач добил, добил грязью. Палач и виноватый вместе. То, что схоронено, не исправишь, но справедливость, т. е. тот же фатализм с своей беспощадной последовательностью, требует примера. Он будет. Он должен быть, — ибо только на этом основании я могу жить.

Здесь меня приняли с распростертыми объятиями, час после приезда друзья Осип Ивановича были уж у меня. Я расту моими несчастьями — это называют, вероятно, вытягивать жилы. Почетно, да вдвое того больно.

И с Ниццей расстались хорошо. А тяжело было, когда я в последний раз вошел в ту комнату и снова чувствовал холодный пот и слышал стон, и еще тяжелее на горе, мы там были за полчаса до отъезда... будто действительно разлука... и это были похороны, так, как ваш отъезд с детьми, так, как моя поездка в Иер. Прощайте. Дайте вашу руку — умнейшую из мне знакомых рук, так как у Mme Eng(elson) — рука дура; заметили вы эти глупые пальцы из дерева, кривые, обломанные и жесткие, как коровий язык.

¹ почтовой карете (франц.). — *Ред.*

Кланяйтесь М^{ше} Тесье. Мужа ее в Геную доставил благополучно.

Писал я вам или нет, что Адельгайдин муж пристал ко мне: плати ему да и только еще несколько сот за потерянные в море вещи. Да что еще — «я, — говорит, — в суд подам» и счета представлю. Слыхали ли о такой неблагодарности.

Получили ли вы мое последнее письмо, я его послал 8 — но не знаю, второпях не забыл ли Рокка отправить. Пишите просто

à Gênes (Etats Sardes),
poste restante.

До 25, вероятно, пробуду здесь. Считаю дни и часы — жду не отрадной вести, для меня отрадных вестей не будет, но жду обновленной, серьезной жизни, жду свободу от заражающего мои легкие дыхания.

Обнимите Рейхеля, и Морица, и Сашку, который меня любил даже в поносе. Прошел ли онный?

188. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Около 10 июня (29 мая) 1852 г. Генуя.

Тата, дружок маленький, мы приехали в Геную, и Франсуа с нами. А Рокка и Жюли остались в Ницце. Здесь город большой, дома все мраморные и кафе богаче ваших. Получила ли портрет ты, а Маша памятник?

Прощай. Может, скоро, т. е. через месяц, мы увидимся.

Оленьку поцелуй.

Саша ушел смотреть ход и будет писать следующий раз, а Энгельсон тебя дразнит отсюда.

189. М. К. и А. РЕЙХЕЛЯМ

12 июня (31 мая) 1852 г. Генуя.

12 июня. 5 часов пополудни.

Письма нет от вас, давно что-то нет, вот и вы стали забывать скучного и вечно хныкающего старика. Я последнее послание получил в Ницце 8.

Нового ничего. Черное воспоминание тут как тут — в настоящем ничего, и ожиданье *последней* хоршей вести... она все-таки придет скоро.

А вот важный совет Рейхелю, и прошу тотчас отвечать на него.

Cher Reichel. Les journaux anglais parlent beaucoup d'une crise financière en Amérique et prétendent que les fonds baisseront terriblement, comme en 1836. Moi, j'ai, comme vous le

savez, la grande partie de mon bien aux Etats-Unis, — vous en avez aussi, or donc, c'est une chose trop grave pour ne pas nous en occuper. J'ai des 6% de l'*United States* et ensuite de l'Ohio et de Virginie. De grâce, demandez Mr Schombourg ce qu'il en est de ces bruits et priez-le de prendre des mesures pour la vente des papiers dangereux. Adieu, tout à vous

А.¹

Что у вас есть Лермонтова или Пушкина? Тесье переводит отлично со мной, я вам пришлю.

Рукой Саши Герцена:

Вот мы и в Генуе, милая Тата! Я привез сюда маленькую палочку, которую ты взяла у баранов.

Третьего дня я гулял с Пупенькой по городу, мы были в большом саду, в середине которого фонтан с зеркалами так, что сад кажется вдвое больше. Там три собаки: отец, мать и сын, — отец и сын мне лизали руки, но мать хотела укусить.

Мы часто ходим в кафе, который пазывается *Stabilimento della Concordia*; там чудесные комнаты, все позолочены, с огромными зеркалами и с разноцветными стеклами в окнах. При этом там сад с фонтаном, в котором много рыб.

Я думаю часто о нашей славной Маме, которая так много нас любила. Мы были перед отъездом у нее и простились... Смотри часто на ее портрет и не забывай ее черты.

Целую тебя и Ольгу, кланяйся другим, и пожми Маше руку.

С а ш а.

12 июня.

Саша тебе все описал, как мы живем, моя милая Таточка, мне остается тебя поцеловать. Напиши мне, какие новые слова Оленька говорит и учишь ли ты ее по-русски.

190. М. К. РЕЙХЕЛЬ

15 (3) июня 1852 г. Генуя.

15 июня. Генуя.

Вчера было шесть недель.

Может, друзья отслужили панихиду.

Бедная, бедная мученица — последняя светлая минута был ваш приезд, помните, как она бросилась к вам: вы —

¹ Дорогой Рейхель. Английские газеты много говорят о финансовом кризисе в Америке и предсказывают страшное падение фондов, как в 1836 году. Как вам известно, большая часть моего состояния — в Соединенных Штатах, — у вас также есть американские бумаги, следовательно, это событие слишком важное, чтобы нам им не заняться. У меня есть шестипроцентные *United States*, затем Огайо и Виргинии. Узнайте, ради бога, у Шомбурга, что это за слухи, и попросите его принять меры для продажи опасных бумаг. Прощайте, весь к вашим услугам. — А. (франц.). — *Ред.*

дружба *тех* юных святых годов, вы должны были представиться ей прошедшим, идущим на примирение с недавними страданиями...

✱ Письмо Тат<ьяны> Ал<ексеевны> глубоко тронуло меня. Вот вам и женщины и мужчины. Никто не победил мудрой осторожности, одна женщина нашла силы — а впрочем, может, мое желчевое расположение все так видит. Напишите ей слова два от меня. Я письмо ее раз прочел — и боюсь перечитывать. Пусть они знают, что я нравственно *не погиб*, совсем напротив: выше я никогда не стоял, я гордо несу венок с терниями на голове, я его несу как корону. Впрочем, они, я думаю, и без вас скоро узнают многое, мы хотим дать торжественную гласность. Здесь я окружен величайшей симпатией — но эта-то симпатия, сверх собственной воли, обязывает ко многому. Друзья не покраснеют за меня.

Вот что еще, пришлите мне письмо Тат<ьяны> Ал<ексеевны> к вам; я знаю, что мне будет больно его читать, но прошу вас: в моем письме она берегла меня, дайте взглянуть на всю скорбь.

Трудно будет Ог<ареву> вырваться — и где он сыщет меня, Фази и швейц<арцы> зовут очень в Женеву; здешние имеют иные виды, но все же все зависит от Петерс. А страшно хотелось бы видеть его.

Не рвите моих писем к вам этой эпохи, когда Ог<арев> придет, а меня не будет или я буду далеко (в Нью-Йорке) — почитайте их с ним или с Nat<alie>.

Мельгун<ов> совсем не пишет.

Прощайте.

Саша начинает заниматься. Тесье его тормозит с авторитетом, ему привили оспу, здесь зараза, и Mme Engel<son> привили *коровью* оспу, должно быть, примется по сочувствию. Жизнь наша идет так. Я встаю рано, часов в 6, в 12 завтрак — Тесье, Саша и я; от 12 до 5 комната полна Италией, в пять уходят, Тесье работает, я не могу ничего делать и таскаюсь по улице, *в половине девятого* — я отправляюсь с Тесье обедать в Stabilimento, пью много вина и в 12 спать. Вот вам полный отчет.

А ведь страшно пусто!

191. М. К. РЕЙХЕЛЬ и ТАТЕ ГЕРЦЕН

20 (8) июня 1852 г. Генуя.

20 июня 1852. Генуя.

Ну вот, наконец отчаливаем от берега. Слава богу, конец томительному ожиданию, хотя и не конец, по крайней мере деятельность — а потом будет и берег. Вчера вечером я еще

думал, что проживу здесь месяц, но получил любезное приглашение от Петерс. и сегодня отправляюсь с Сашей и Тесье к брегам Лаго-Мажоре. Куда писать вам, я не знаю, напишу послезавтра. Впрочем, Энгелен может всегда переслать из Генуи.

Насчет доктора Тесье говорит, что и этот очень хорош, а потому, если М^{ше} Тесье думает предпочесть — то и хорошо.

Прощайте, старый друг, куда я еду? — когда увидимся... увидимся ли. За одно ручаюсь: дело идет торжественно и грозно, мерзавец обличен и нравственно уничтожен совершенно.

Может, очень скоро увидимся.

Таточка милая, Саша купил тебе сегодня браслет, но не знает, как послать. — Мы с ним едем из Генуи погулять, и будем писать с дороги. А ты поцелуй Олю.

20 июня.

192. М. К. РЕЙХЕЛЬ

22 (10) июня 1852 г. Белинцона.

22 июня 1852. Белинцона.

Ну вот, опять Швейцария. Я замечаю, что, когда я переезжаю из одного места в другое, я начинаю словом: «Ну вот».

Приехал сейчас и устал, и получил депеши разные, и довольно недоволен. Все идет вяло, надобно, видно, самому приняться. Помните сказку о жаворонке и жнецах?

Для забавы мы приехали на австрийском корабле (т. е. пароходе) под двуглавым орлом. Прощайте на этот раз. Тате и Оле скажите, что я устал очень и Саша тоже. Оттого и писать будем после.

Письмо пошлите, адресуя — *à Bellinzona (Suisse)*.

193. М. К. РЕЙХЕЛЬ

26 (14) июня 1852 г. Лугано.

1852. 26 июня. Lugano.

Albergo del Lago.

Если б можно было приотворить грудь и разом бы передать все, что в ней происходит, — какой горький и ядовитый *масédoine*¹ вы бы увидели!

¹ беспорядок (франц.). — *Ред.*

Я столько потерял и так мало остается терять, что поневоле смотрю равнодушно на то, что делается. А в самом деле, есть от чего треснуть и черепу и сердцу.

Слыхали ли вы когда-нибудь об пытке, которая продолжается полтора года и в которой, как только свыкнешься с одной болью, принимаются за другую, противоположную.

Зачем меня выписали сюда, кажется, затем, чтобы опозорить, а всё из дружбы, из преданности. Петерс., как только попался с немцами, так и потерял чутье, такт. И все у него не клеится... я хлопочу его спасти как-нибудь из импасса — все это кончится каким-нибудь громом, который удивит, испугает и от которого, я думаю, останется цел один мерзавец цюр<ихский>... Он сидит назаперти, никуда не выходит, и даже ставни затворены. Жена окружила нас шпионами. Петер. из всех сил старается вредить себе и нам, чувствительно и дружественно. И все там нет покоя — ни на минуту. Ах вы, Марья Каспаровна, Марья Каспаровна, неделю бы отдохнуть, собрать рассеянные мысли, страдать от несчастий, а не от ударов тупыми ножами.

Нет, от фатума не отвертись. Но голову свою я не склоню и не продам ее дешево. Рвусь я назад в Италию, у меня нет другой родины, я сжился и с природой и с людьми. Какая славная порода; в Генуе как чудесно я провел время (впрочем, благословенье Осипа Ивановича провожает меня даже в глуши Тессин). Медичи я просто люблю с нежностью. А тут эти тедески, золотуха с идеализмом. В Геную, в Ниццу, на кладбище, на море, которое тоже для нас кладбище. А может, еще и в Италию съезжу. Лишь бы вынырнуть из этой клоаки. Дела затянулись. Надобно дать успокоиться умам.

И в Лондон я собираюсь на несколько дней. По делам особенным. А когда увижу детей? Ничего не знаю! А может, и совсем не увижу. Прощайте. Пишите пока сюда — Lugano (cant<one> Tess(in>)), пришлют за мной, если уеду.

Природа здесь удивительная. Италия по плодородности и роскошная до избытка, и место очень красиво.

Рейхеля обнимаю.

194. М. К. РЕЙХЕЛЬ

30 (18) июня 1852 г. Лугано.

1852. 30 июня. Lugano.

Ваши письма, посланные в Геную, получили вчера. Сижу все еще у озера Lugano с сосредоточенной злобой и с почти ироническим смехом à l'adresse¹ бессильной нашей демократии.

¹ по адресу (франц.). — *Ред.*

Вот уж ей можно сказать пушкинские стихи:

Нет ни в чем вам благодати,
И со счастьем разлад,
И прекрасны вы некстати,
И умны вы невпопад.

Дело шло как нельзя лучше. Генерал с той же дружбой и с той же преданностью испортил было всё. Теперь Тесье поскакал умирять генерала, это последняя карта и самая сильная. Вы его знаете, после вас я еще больше сблизился с ним, сильная воля, огромный ум и отвага вандейца и революционера вместе. На него надеюсь, если он покорит генерала. За сим выступлю я. Впрочем, одно дело сделано. Цюрихский злодей окончательно опозорен. Он сидит назаперти в своей комнате и не смеет показаться на улице. Я напечатаю свой отказ, и с ним вместе все наши, свою декларацию, что честного боя с таким подлецом иметь нельзя. Узнайте от Бернацкого, не желал бы он дать и свое имя, но с условием, чтобы Сазонов не знал об этом. С этим документом я отправлюсь в Цюрих и поселюсь в том же отеле. — Он может меня прирезать, но на это надобно побольше храбрости. Друзья все отказались от него, он сам живет на хлебах у г-жи Кох, вроде наемного фаворита. Ну, а стрелять из-за угла ему не приходится, т<ак>, к<ак> убили Салдиш <?>, — здесь нездорово — пахнет виселицей. Я же готов быть подстрелен им, лишь бы его повесили. Я попрошу Сашу привести на место казни и показать: «Так, мол, оканчивается душевный разврат и растление всего человеческого». — Вот тут и ломайте себе голову над этими словами «фатума», словами без мысли, выражающими справедливость, всемирную насмешку над разумом, безумие и власть. — «Ты думаешь, что ты свободен, — ну, так я пошлю бешеную собаку тебе на дорогу. Ты презирай собаку, ты гордись чистотой, правотой, но собака тебя укусила за ногу, и тебя посадят на цепь, и ты умрешь, страдая собой окружающих, и перекусаешь других, что же ты в сравнении с бешеной собакой?» И добрые люди умилялись и говорили: «Велик бог, умеющий приготавливать бешеных собак». Слабым это особенно привилось, потому именно, что сильные были поставлены с ними вместе в зависимость собачьего яда — ими искусно придуманного Иеговы.

Я хотел очень много писать вам, но такие подлые чернила, что не могу с ними сладить. Вы пишете, что сохраняете мои письма — вот я и придумал из вас сделать *Mère Lachaise* и хоронить себя мало-помалу. Я принялся было писать о всех последних событиях моей жизни для Огарева и московских друзей, но невозможно — невозможно, как всякая другая

работа, а так *rôle-mêle*¹ набросать — это еще идет. Не хотелось бы мне, чтобы что-нибудь осталось бы неясным. Письмо к Гауку, которое в Лондоне наделало столько шуму и приобрело мне столько симпатии, слишком сжато. (А *propos*, Mme Biggs писала сама ко мне, предлагает, в случае поездки в Англию, свой дом, для меня и для детей), но, кажется, теперь это не будет нужно. Вы знаете мою жизнь с 1837 г. Она развивалась так пышно, я был так избалован любовью, дружбой, успехами, что беззаботно и самонадеянно отдавался судьбе, как будто нечего было бояться. Меня баловали все. Я платил искренней, преданной любовью. Блестящий период русской жизни окончился торжественно прощанием в Черной Грязи, в январе 1847 г. Мы вместе с вами переехали границу. Год целый я изучал, присматривался. Наша жизнь в Риме и первые месяцы после Февральской революции — составляют второй и последний период поэзии. Это был закат, принимаемый мною за восхождение новой жизни. Когда я совершенно ознакомился с людьми и делами в 1849 г., — тогда только оценил я, что в этом мире движенья я еще сильнее, нежели в русской тишине. Тогда я понял, какое место здесь я займу и как подниму русский вопрос.

Успех был огромный, лучшее, что я написал, написано в конце 1848 и начале 1849 г. Занять это положение, которое я имею, мне не стоило ни малейшего труда, но оно занимало меня, поглощало. Между тем с каждым днем 1849 г. истинные надежды исчезали, озлобление, стыд, глупость стольких, с одной стороны с нами, нервная раздражительность — все это поддерживало судорожное и болезненное состояние духа. — Во время этой болезни подошел еще ближе ко мне злодей, которого я считал другом, с которым я никогда и не думал меряться. Он был потерян, опозорен, я рвался вперед, он старался скрыть отступление. Мое искреннее негодование нашло в нем отзыв — но его негодование было следствием раздраженного самолюбия. Я отдался ему с тою опрометчивостью, с которой человек отдается *sans arrière-pensée*².

Помните, я вам давал в Ницце читать его письма. Оставленный всеми, он держался за полу моего платья, как дети держатся за мать, проходя толпою незнакомых. Он плакал, раставаясь, он ютился ко мне по-женски. Я видел, что он очень несчастен, я верил, что он из неосторожности навлек на себя нареканье, думал, что какой-то противный для меня элемент скрытного разврата и жесткого эгоизма пройдет. Так мы приехали в Женеву. Холодно и неприязненно встретила немецкая

¹ как попало (франц.); ² без задней мысли (франц.). — *Ред.*

эмиграция баденского беглеца; я его спас от остракизма, я защищал его перед всеми, перед Фази и Струве, перед Маццини и его собственными приятелями. В это время обдуманно, осторожно, по капле он отравлял мое существование и, сжимая мне руку, благодаря горячо за мою деятельную дружбу, он изменял, лгал.

Не буду повторять писанного в письме к Гауку — может, в другой день, писавши вам, мне захочется снова подвергнуть себя пытке, тогда я напишу. Теперь скажу вам несколько общих замечаний. Я никогда не мог понять того страшного «круженья сердца», как я раз писал вам. Ибо, сверх любви, я торжественно должен сказать, что я не встречал шире и выше развитой эстетически и разумно души, как N<atalie>. — Шесть месяцев настойчивой клеветы, хитрого предательства, вечной угрозы самоубийства, вечного отчаяния — так резко оттенявшегося на моем светлом характере; ревнивого отчуждения себя от людей — в противность моей гуманности, ежечасного занятия с детьми — в противоположность моей рассеянности — погнули сердце высокой, необыкновенной женщины. Такова была моя незабываемая вера, таков еще был мой полет, моя самонадеянность, что я, видя многое, не подозревал ни двоедушья, ни предательства. Страсть не есть преступление. И верите ли, что я понял истинный характер поступков, слов в Ницце, когда вы приехали. Сличая, вспоминая, я долго мало-помалу со страшной внимательностью изучал его прежде, нежели вскрикнул: «Да! Это злодей, растливший душу свою до того, что всякий след совести исчез». Мое заблуждение оправдывает заблуждение N<atalie>. — Две вещи у меня лежат на совести: что я прежде <не> узнал его — и второе, мучающее меня и день и ночь, — что я, узнавши, не убил его.

Ко всему прочему, я с презреньем увидел в последнее время, что в груди его гнездилося еще одно подлое чувство, именно — «зависть ко мне».

Ирония хотела, чтобы я лучше ударился в грязь, поднять меня в нашей партии симпатией, которую имели ко мне и в которой отказывали ему. Признание моих трудов и презренье к его праздности точило его, несмотря на вечный разговор о том, что ему ничего не нужно, кроме круга двух людей и отшельнической жизни. Наконец — сластолюбивый, изнеженный, мелко-мещанский Сарданапал — он, уверяю вас, завидовал моим деньгам (которые бросал горстями).

Снова ссылаюсь на письмо к Гауку. Когда, наконец, великие дни раскаянья показали мне, как недаром я верил в N<atalie> и тогда, когда она была в чаду, тогда высотой преданности, любовью сильной, мужественной я взял половину ноши на свои плечи. Когда я думал, что раздавил этого червя, — он поднял

голову с дерзостью, неизвестной на галерах, и, уличенный во лжи, предательстве, с той же настойчивой злобой, клеветал, спрятавшись за 100 лье, — тогда я оценил мою слабость, мое преступление, что оставил его в живых.

С самого начала моей борьбы я вымерил, чего она мне стоила. Жизнь моя, разбитая неповинно, незаслуженно, не могла больше идти вперед. Вдруг исчезла вера в себя и вера в других. Я теперь иногда ищу развлечения, но ничего не делаю в самом деле. — Как будто на минуту воротились старые времена, как эти летние дни в ноябре, когда зелень разнообразнее и цветистее, нежели в мае, — это время от июля 51 и до 16 ноября. Время, в которое N<atalie> поднялась на высоту раскаянья, которая дала ей силу так величаво защищаться потом, реабилитировать себя. Но ее существование было сильно потрясено этими событиями, даром не могло пройти такое испытание, это была болезнь, но болезнь острая, разлагающая кровь. Она принимала с бесконечной любовью мой мир и мое забвение, но свобода равенства казалась ей разрушенной. К тому же и я <не> мог, стоя возле, скрыть всякий стон, всякую минуту негодования за бывшее, грусти и сомнения.

Едва последние следы бури прошли, как разразилось 16-ое ноября. Вот вам опять фатум. Она пережила 16-ое ноября, но стояла одной ногой в гробе, когда этот изверг обрадовался нашей беде, чтобы сильной рукою толкнуть эту женщину, которую называл святою, — ему удалось.

Я три недели не раздевался и не спал у кровати больной, — казалось, первая опасность прошла, плерези была прервана. Усталый от опасений, выздоравливая сам от безнадежности, ослабленный тревогой, сидел я раз у себя в комнате, когда мне подали письмо от этого мерзавца. Это было 28-го января.

С юности я никогда не был оскорблен никем. Теперь преступник, мерзавец пишет слогом пьяного извозчика записку, пятнает меня, пятнает доносами N<atalie> — и я прикован к постели едва вышедшей из опасности больной.

Что я испытал, боже мой, что я испытал в первые дни! Итак, думал я, все эти блестящие <...>¹, все это пестрое и пышное предисловье для того, чтобы меня, избитого семейно гибелью Коли, матери, борьбой, болезнью N<atalie>, — дать на поруганье, на побои — кому же? — Злодею, которому я подарил жизнь потому, что две женщины, бледные и отчаянные, просили о ней. — И что я сделаю теперь? Кругом все чужие, не с кем посоветоваться, не с кем слова сказать. А тут и дети. Так и быть, самоотвержение до конца, сбейте венок с головы навозом. Я вынесу и позор. Вот вам награда за 39 л<ет>, про-

¹ Пропуск в копии. — *Ред.*

веденных на бреши — на одну доску с Булгар<иним> и Базилевским. И притом я с хохотом чувствовал, что я, опозоренный, выше *того*, которому с таким легким признанием бросали венки, — в сто раз выше, что я совершил... величайший акт преданности. Но ведь этот акт преданности и не должен был быть для других.

Первый человек, подошедший с пониманием, был Энгельсон. — «La collazione se comanda»¹ — говорит Франсуа. Прощайте.

После завтрака.

До 6-го февраля я был в каком-то безумии, не мог спать и помню очень, что в день отъезда Луизы, т. е. в ночь, вдруг меня осенила новая мысль, дерзкая, смелая — отказаться от чести драться с этой бестией, но отказаться не просто, но с шумом, открыто. — Я вскочил и написал письмо Мац<цини> — этим письмом я сам себя компрометировал перед собою. — Вместе с отказом и главным поводом ему было религиозное чувство оправдания N<atalie>, — но для этого надо было непременно дать ей самой речь. Я подождал до 15 февраля и сообщил ей двадцатую долю, и то едва, гнусных доносов. Она уже знала, кто он, но такой гнусности, такой роскоши паглости — не ожидала. Она встала во весь рост, и под ее проклятьем он еще погибнет.

Риск был страшный. Но где же иной выход? Представьте себе смерть без оправдания. Что значило мое свидетельство и двадцать дуэлей? — Все склонилось перед ее объяснением, и с тех пор около меня составила новая броня друзей. — Вы знаете ответ из Лондона и пр. Один человек — Сазонов — поступил гадко, безумно. Моя дружба, мое знакомство с ним кончены на веки веков. Кто тут не умел понять, в том не было ни искры души. Жир и гордость, ничем не оправданная, не заменяют ее.

Казалось, я восторжествую. Но кладбище между мной и торжеством. Но рок между им и мной и против меня.

Да, он еще побьет варвара, осмелившегося быть свободным человеком между крамольными холопами Запада. Он нападает за веру в гниль, за доверье к старческому бессилью, и подлая рука его сведет еще в могилу и покроет позором *на время* меня и всю семью, несмотря на безусловную чистоту мою, на то, что, оглядываясь, мне не в чем упрекнуть себя.

Да, ирония, ирония. Генерал, который так высоко понимал вопрос, теперь нудит меня драться с подлецом.

Трудно было отказать. Но теперь «troppo tardi»². Теперь

¹ «Пожалуйте завтракать» (итал.); ² «слишком поздно» (итал.). — *Ред.*

скорее цепи и Сибирь, нежели равный бой. Храбрость я могу еще показать на другом поле. Его я могу наказать, раздавить, сделать несчастным, презрительным, свести с ума, свести со света, но драться с ним — никогда! Это мой ultimatum.

И довольно на этот раз.

Прощайте, искренний, добрый друг, вам поручаю мою честь, вам мое оправданье перед русскими — насчет других...

Итальянцы поняли всё это прежде других, да и Тесье не даст посрамить. Во всяком случае первая часть второй части должна окончиться скоро. Верьте в меня неизменно. На досуге и в светлую минуту напишу насчет детей, на случай какого-нибудь сюрприза.

Жму много и крепко вашу руку. Я видел вчера Тату и Олю во сне. Оля выросла будто и меня не узнала.

Я рвусь назад в Геную, но не поеду с осмеянным видом, а восторжествовать, или совсем не поеду.

Что Мельгунов?

Рейхелю дружеский поклон.

Addio.

Получила ли Тата особое письмо, адресованное к ней?

195. М. К. РЕЙХЕЛЬ

2 июля (20 июня) 1852 г. Лугано.

2 июля 1852. Lugano.

Получил тысячу франков и письмо. Детей, разумеется, Егору Ив<ановичу> не дам, а вы можете ему написать, что теперь-де более, нежели когда-либо, надобно ему подумать о детях и изменить духовную, пусть он посоветуется с Гр<игорием> Ив<ановичем>, может, наконец, на ваше имя перевести, а вам поручить передать.

Дела, кажется, немного поправились. Генералы оставили свои намеренья, и теперь идет правильная осада. Всякий день открывается новая гадость, новое злодейство этого изверга. Если б не его подлая трусость, нельзя вымерить, до чего бы он дошел. Что-нибудь да будет, хорошо ли — мудроно сказать, но «что-нибудь» лучше этого застоя.

Я пишу инструкцию Рейхелю насчет опеки. Я хочу, чтобы Рейхель заведовал всею финансовой частью, исключая перемещение капиталов, которое надобно делать сообща и еще с советом Прудона и Шомбурга. В этой инструкции будет речь и о воспитании (с материальной стороны), и о будущем разделе капитала. В Совете о воспитании будут Тесье, Фогт, Энгельсон, Хоецкий и Мельгунов, если остается. Да еще и Мишле. По юридическим делам Фази с Шаллером.

Вы царствуете над Татой и Олей. Я полагаю, что сначала Саша должен учиться в Женеве — у Фогта, потом в Париже. В Париже он должен жить у вас.

Вы — альфа и омега, прошу не умирать ни под каким видом. Дело в том, что, кроме вашего пристрастия к нам, вы сделаете из детей русских. Саша и так верит, что он швейцарец (это его консерватизм, так, как давно в Париже консерватизм Таты). Я вам завещаю развить в них сильную любовь к России. Пусть даже со временем они едут туда — может, и с вами. Об этом буду еще писать много. Сашей я доволен. Он чрезвычайно инфлуенцируется средой, в Ницце он был похож на Пьера Рокка, здесь стал похож на нас. Итальянцы в Генуе сильно на него подействовали — он вообразил себя защитником Италии, это детски, но хорошо и несколько не похоже на сухую политику, в которую его топил Капп.

Вот вам об нем анекдот. Один из итальянских друзей пода-рил ему небольшую шпагу, говоря: «Для кроатов и казаков». Саша был ужасно рад шпаге, но серьезно отвечал: «Отчего же не против итальянцев, которые против нас, *contre notre cause?*..»¹ Недурно? Итальянец расцеловал его.

Живу я все в городе, которого нет, Lugano состоит из огромного отеля, превосходно содержимого, при котором находится озеро — остальное вздор. Трактир называется *Albergo del Lago*², а озеро, вероятно, *Lago del Albergo*³. Тесье уехал, и я с Эдмундом и Сашей до того иногда скучаю, что становится весело. Прощайте. А что, деньги пришли в Россию, и как Егор Ив(анович) распорядился?

196. ТАТЕ ГЕРЦЕН (привписка)

8 июля (26 июня) 1852 г. Лугано.

8 июля. Лугано.

Это неправда: Эдмонд тебя зовет «монстр марин» и говорит, что в Марселе тебя за деньги показывали.

Целую тебя и Оленьку. А ты читай письмо от Саши.

197. М. К. РЕЙХЕЛЬ

8 июля (26 июня) 1852 г. Лугано.

8 июля. Лугано.

Вероятно, вы с большим нетерпением ждете подробностей казни известного вам мерзавца. Казнь была отличная, но

¹ против нашего дела (франц.); ² «Гостиница озера» (итал.); ³ «Озеро гостиницы» (итал.). — *Ред.*

потом опять все изгадил милый и добрейший генерал.— Но сперва хорошее.

1 июля явился генер<ал>, Тесье и швейцарский офицер штаба к мерзавцу. Он их встретил бледный и дрожащий. «Мы пришли исполнить желание покойницы и прочитать ее письмо»— Тесье стал читать. По окончании Г<ервер> сказал, что это «письмо вынужденное» и что он имеет свидетелей — каков? Генер<ал> сказал, чтоб он дал двух честных свидетелей. Потом показали ему письмо, отосланное им нераспечатанным, и под печатью Энгел<ьсона> им вложенное письмо. «Вы шулер и подлец»,— сказал ему ген<ерал>, бросая ему в лицо письмо. Тогда Гер<вер>, растерянный, бросился в двери и стал звонить на лестнице. Весь hôtel выбежал, гарсоны, девки, постояльцы. Гер<вер> кричал: «Жандармов, жандармов...» — Тогда подошел к нему ген<ерал>, толпа все росла, и, сказав ему: «Ну, видишь ли ты, какой ты негодяй» — ударил его в рожу. Гер<вер> закачался, и ген<ерал> с Тесье величественно прошли, написав ему свой адрес. Тут ген<ерал> обратился к содержателю отеля и сказал: «Я повинен извиниться перед вами и объяснить дело, чтоб вы могли сказать вашим гостям, что меня побудило так поступить». После объяснения трахтирщик, тронутый, сказал: «Вы благородный человек и поступили с подлецом так, как с подлецом следует поступить». Это было первого июля, до 5 генер<ал> и Тесье ждали в Луцерне его вызова— но он с разбитой рожей молчит.

Это не токмо не секрет, но сделайте одолжение, рассказывайте всем: и г-же Дивовой, и Марихен, и, словом, кому угодно. Между тем наши итальянцы так горячо приняли новое предложение о моей дуэли, что хотят протестовать с подписями неапольских генералов и полков<ников> и других. Равно и здесь полковник Фраполи (о котором, вероятно, слышали).

Теперь придумайте, как можно было изгадить такое превосходное положение. Генер<ал> сыскал средств. Он напечатал огромное письмо, в котором компрометировал всех, разумеется, с желанием добра. Я послал к нему два письма, умоляя остановить раздачу, и жду теперь на иголках, поспеет ли моя просьба.

Мое положение хуже всякой тюрьмы в Лугано. Однако берег виден. Долго это продолжаться не может. Хотелось бы мне смертельно где-нибудь отдохнуть, и опять с детьми. Всего лучше, может, было бы у вас, но надежд мало, может, поеду в Брюссель. Но это не верно. Надо итальянцев поблагодарить.— А pporos, Фогт с своей стороны уделал цюрих<ского> г<осподина> иным средством: он им отрезал все деньги из Берлина, к тому же скоро подходит срок моего векселя, словом, положение незавидное. Что дальше, не знаем. Рихард Вагнер — музыкант и литератор — писал мне письмо, *извиняясь*, что он не хочет

участвовать в побиении Г<ервега>, и говоря, что он, конечно, мерзавец, но может исправиться. Это единственный защитник, и хорошо защитил, нечего сказать. Вот вам полная реляция. Вложу записочку к Огар<еву>, постарайтесь ее доставить через Тат<ьяну> Ал<ексеевну>. — Вероятно, я уеду отсюда в конце недели, но посылайте письма сюда, это вернее, их перешлют.

Я думаю, что вы берете все меры насчет записок в Россию, будьте осторожны, как змий. — Что Ор<арев>, когда писал вам насчет ваших денег, — предложите ему их взять на дорогу, а я вам уплачу их. — Рейхелю дружеский поклон.

198. P. WAGNER

Около 8 июля (26 июня) 1852 г. Лугано.

Monsieur Richard Wagner à Zurich.

Juillet 1852. Lugano.

Monsieur,

Permettez-moi de vous remercier pour votre lettre du 30 juin. Elle est une nouvelle preuve pour moi de cette réprobation générale qui commence à entourer de tous côtés l'homme en question — et qui finira par l'engloutir.

J'apprécie de tout mon cœur le besoin que vous avez eu de m'expliquer votre protection généreuse pour cet individu. Je ne puis vous donner un meilleur témoignage de mon profond estime qu'en vous parlant dans toute la franchise de mon âme.

Je ne partage nullement vos espérances — il y a des degrés de dépravation dont on ne se relève plus, car pour y tomber, il a déjà fallu détruire en soi tous les éléments humains.

Soyez persuadé, monsieur, que je comprends très bien et l'autonomie des passions, et les collisions tragiques avec leurs suites irresponsables, fatales. Malheureusement les crimes de cet *individu* portent un tout autre caractère. Un caractère vil, profondément bourgeois, vulgaire, cynique et peureux. La passion, pour s'imposer, doit être combinée avec une puissance, avec une force irrésistible — alors, et alors seulement, elle est amnistiée. Elle doit être ce qu'elle est, c'est-à-dire, foudroyante, fougueuse; elle entraîne, elle brûle, elle assassine... mais elle n'empoisonne pas goutte à goutte, mais elle ne médite pas une année entière pour trahir un ami, une autre année pour se venger d'une femme par une dénonciation; la passion se fait tuer, mais ne se laisse pas chasser d'une maison par un coup de pied.

J'ai fait votre connaissance, en lisant votre bel ouvrage sur le chef-d'œuvre de l'Avenir. Vous avez admirablement compris la solidarité de tous les arts qui doivent concourir par une production harmonieuse et concrète. Je fais appel à votre sens esthétique. Comment pouvez-vous absoudre une existence dénuée

de toute religion et rêver pour elle un avenir de silence, de retenue, une existence qui manque de virilité, de tout élément chevaleresque, généreux, de toute trace de la conscience humaine. Un homme, non — une hétaire mâle qui pour quelques francs a vendu sa jeunesse à cet hermaphrodite de femme, digne complice de ses turpitudes; un homme qui pour son *confort*, a trahi ses convictions et n'a pris part à la révolution germaine qu'en prenant la fuite d'un champ de bataille, et en oubliant de rendre compte des deniers publics confiés entre ses mains, — cet homme n'a pas d'avenir. Un homme qui pressait tous les jours la main de son ami avec effusion, qui l'appelait dans ses lettres son unique soutien, sa seule défense, son frère, qui cherchait à surprendre les moments d'épanchement et d'abandon, qui parlait avec enthousiasme de son amitié — et trahissait en même temps son ami... Cet homme n'a pas fait de la tragédie, il a fait le métier de scé-lérat.

Un homme qui introduit sa propre femme pour souiller la maison d'un ami, qui l'introduit dans le seul but de faire entretenir sa famille, payer ses dettes aux frais de l'ami, cet ami n'est pas un Werter, mais un *Robert Macaire*.

Toutefois la seconde partie surpasse de beaucoup la première. Je ne parle pas ici des calomnies, qui se répandaient sous main, mais si bien qu'on les connaissait en Russie; ni de la férocité dénuée de toute délicatesse, d'avoir planté son ex-femme à Nice — pour m'espionner, pour m'offenser, pour me faire quitter la ville. *Une année* après s'être laissé expulser de ma maison, il m'envoie une ignoble provocation. Peu versé dans les affaires d'honneur, il me l'envoie par la poste, sans même nommer ses témoins; puis il renvoie les lettres des miens après avoir *faussé les cachets*. Le cartel dégoûtant, où, entre autres, il se moque de la mort malheureuse de mon fils, — le cartel ne mentionne offense de ma part; impossible de comprendre quelle est l'injure, dont on poursuit la réparation. Ce n'était pas un cartel, mais un bon pour des soufflets. Malheureusement, j'étais alors auprès du lit d'une mourante, d'une femme sublime, d'une femme, dont le repentir a été saint, qui comprit bien avec qui elle avait à faire — et que cet être dégradé a achevée par ses attaques boueuses.

Un duel entre moi et lui — jamais! Que prouvera-t-il? — Nous ne sommes pas pairs. Moi, je suis son juge, je peux être son bourreau, mais non son adversaire. Le duel n'est une expiation, ni une punition, car le duel restaure l'honneur, et moi, je tiens à constater son déshonneur.

Socialiste et révolutionnaire, je me suis adressé à la seule puissance que je reconnaisse. J'ai eu l'audace, le courage de porter cette affaire à la connaissance de nos amis de la démocratie. J'ai montré les lettres, j'ai raconté les faits.

Mon appel réveille de tous les côtés un seul cri de réprobation unanime.

La mort morale du sieur Herwegh est prononcée. Conspué de tous les hommes de bien, mis au ban de la démocratie, il sera forcé de cacher son existence flétrie dans quelque coin éloigné du monde. Car en Suisse, en France, en Italie il n'aura pas de repos.

Je le jure, et avec moi mes amis,— chaque jour m'apporte des preuves que nous sommes soutenus par tous les hommes de la révolution militante.

Recevez...

A. Herzen.

Перевод

Господину Рихарду Вагнеру в Цюрих.

Июль 1852. Лугано.

Милостивый государь,

позвольте мне поблагодарить вас за ваше письмо от 30 июня. Оно для меня новое доказательство общего осуждения, которое начинает со всех сторон окружать этого человека — и которое в конце концов поглотит его.

Я вполне понимаю появившуюся у вас потребность объяснить мне, чем вызвано ваше великодушное покровительство этому субъекту. С моей стороны лучшим свидетельством глубокого уважения будет полная душевная откровенность в разговоре с вами.

Я ни в коей мере не разделяю ваших надежд — бывает такая степень развращенности, при которой уже не исправляются, ибо, чтобы так пасть, надобно было искоренить в себе все человеческие свойства.

Поверьте, милостивый государь, что я прекрасно понимаю самопроизвольность страстей и трагические коллизии с их безотчетными, роковыми последствиями. К несчастью, преступления этого субъекта носят совсем иной характер. Характер подлый, глубоко буржуазный, вульгарный, циничный и трусливый. Страсть, достойная уважения, непременно должна сочетаться с мощью, с непреодолимой силой — тогда, и только тогда она оправдана. Она должна быть такой, какая она и есть, т. е. сокрушительной, неистовой; она увлекает, она жжет, она убивает... но она не отравляет капля за каплей, но она не размышляет целый год о том, как предать друга, и следующий год — как отомстить женщине доносом; страсть дает себя убить, но не позволяет себя выгнать из дому пинком.

Я познакомился с вами, прочитав ваше прекрасное сочинение о шедевре Будущего. Вы отлично поняли взаимосвязь всех искусств, которые должны сочетаться в гармоничном и конкретном творчестве. Взываю к вашему эстетическому чувству. Как можете вы оправдывать существо, совершенно

лишенное какой-либо веры, и воображать, что для него возможна в будущем тихая и скромная жизнь,— существо, которому неведомо мужество, малейшее понятие о рыцарстве, о великодушии, у которого не осталось и следа человеческой совести. Мужчина — нет, гетера мужского пола, за несколько франков продавший свою юность гермафродиту в юбке, достойному соучастнику его мерзостей, человек, который ради своего *somfort*’а предал свои убеждения и который принял участие в германской революции лишь тем, что бежал с поля боя, позабыв отдать отчет в доверенных ему общественных суммах,— человек этот не имеет будущего. Человек, каждый день с жаром пожимавший руку друга, называвший его в письмах своей единственной опорой, единственной защитой, своим братом, стремившийся использовать минуты душевной откровенности и непринужденности, с энтузиазмом говоривший о своей дружбе — и в то же время предававший своего друга... Человек этот не пережил трагедии, он занят был своим ремеслом злодея.

Человек, который вводит собственную жену для того, чтобы осквернить дом друга, и вводит ее с единственной целью — содержать свою семью, оплачивать свои долги за счет друга,— друг этот не Вертер, а *Робер Макэр*.

И все же вторая часть во многом превосходит первую. Но говорю здесь о клеветах, распускавшихся исподтишка, но столь искусно, что о них знали в России; ни о жестокосердии, не имевшем и тени деликатности,— поселить свою отставную жену в Ницце, чтобы шпионить за мной, чтобы оскорблять меня, чтобы принудить меня покинуть этот город. Через год после того как он дал себя выгнать из моего дома, он присылает мне гнусный вызов. Малосведущий в делах чести, он посылает мне его по почте, даже не назвав своих секундантов; затем он возвращает письма близких мне лиц, предварительно *подделав печати*. Отвратительный картель, в котором он, между прочим, издевается над злополучной гибелью моего сына,— картель, в котором он даже не упоминает о каком-либо оскорблении с моей стороны; невозможно понять, за какую же обиду требуют удовлетворения. То был не картель — то была квитанция в получении пощечины. К сожалению, я находился тогда у постели умирающей женщины, исполненной высоких достоинств,— женщины, чье раскаяние было свято,— женщины, которая хорошо поняла, с кем она имеет дело, и которую это низкое существо прикончило своими грязными нападка.

Дуэль между мной и им — никогда! Что она докажет? — Мы с ним не равны. Я — его судья, я могу быть его палачом, но отнюдь не противником. Дуэль — не искупление, не наказание, ибо дуэль восстанавливает честь, я же стремлюсь доказать его бесчестие.

Социалист и революционер, я обратился к единственной признаваемой мною власти. У меня хватило мужества, отваги ознакомить с этим делом моих друзей по демократии. Я предъявил письма, я сообщил факты.

Призыв мой возбуждает со всех сторон лишь возглас единогодушного осуждения.

Моральная смерть вышеупомянутого Гервега провозглашена. Преданный поруганию всеми честными людьми, извергнутый из рядов демократии, он вынужден будет скрывать свою опозоренную жизнь в каком-нибудь отдаленном уголке мира. Ибо ни в Швейцарии, ни во Франции, ни в Италии покоя ему не обрести.

Клянусь в этом, а со мной клянутся мои друзья, — каждый день приносит мне доказательства, что нас поддерживают все деятели воинствующей революции.

Примите...

А. Герцен.

199. М. К. РЕЙХЕЛЬ

11—13 июля (29 июня — 1 июля) 1852 г. Лугано.

11 июля. Лугано.

Все еще сижу у озера и жду, когда меня отпустят. *Naben Sie warten gelernt*¹, — говорят немцы; не одному терпению, а многому надобно еще учиться в сорок лет. — Генерал удивляет меня: ни малейшего такта и упорность, а причина всему самолюбие. Самолюбие почти всегда в пропорции ограниченности. И смотрите, все прекрасные качества его погублены через это; он на меня дуется. Я ему писал пять писем, чтоб он не начинал полемики в печати, — не могу добиться ответа, жду его, т. е. ответа, для того, чтоб ехать, если он не послушается, в Брюссель, где думаю увидеться с *вами*; если послушается — в Цюр<их>.

Как же вы, милая Мария Каспаровна, не понимаете, что я не могу и не хочу закрывать воспоминания: если гробовая доска может закрывать — то в самом деле нет никакого бессмертия души. Сверх того, бывшие события никогда не могут быть прошедшими для самих актеров, напротив, они тут, неизменные, неисправимые. Что касается до мучительного истощения сил в настоящем импассе — это правда, я просто глупею и уничтожаюсь. Пуще всего меня донимает грубая неделикатность, с которой люди и судьба меня бьют, точно будто на мне шкура носорога. — Ну, да вынесем — а много ли останется. А вот, кстати, Алекс<андра> Христ<иановна> прислала мне филиппи-

¹ Вы научились ждать? (нем.). — *Ред.*

ку, в которой говорит, что Н<аташа> намекала ей, что детей оставляет ей, что вы говорили Тате, «что теперь Пупенька будет все указывать тебе» (хороши доказательства), и что я скрыл от нее, по интригам Гаука (которого ругает на чем свет стоит), что отдаю детей к вам и пр. и пр. Я ей писал с полусмехом ответ, но не мог пройти молчанием главного. Н<аташа> никогда не думала об ней, она со мной сто раз говорила и всякий раз оставалась на двух лицах: на вас и на Тучковой. И умоляла меня после плерези — не отдавать детей никуда при моей жизни, а пригласить жить к нам Натали или вас с Рейх<елем>. — Я бы и не отдал так скоро. Но мне надобно было перервать суетную надежду женщины, которой вряд можно ли поверить Фаяля; с другой стороны, я не мог до окончания истории с подлым и битым поэтом ничего сделать сам для воспитания. — Я сделаю усилие приехать на житье в Ch<amps> Ellysées; если же не удастся, я начинаю думать о перемещении всех в Брюссель. Если вам, т. е. Рейх<елю>, нельзя, то мне придется со временем взять гувернанту, этого я боюсь больше укуса бешеной собаки — но что же делать? Вы видели из приписки Ог<арева>, что надежда плоха (пожалуйста, когда будете писать, повторите, что их приезд — единственное желание и что об материал<ьных> средствах очень нечего печься). Я даже думал о Тат<ьяне> Ал<ексеевне> — но, при всей ее дружбе, я не думаю, чтоб она была способна, к тому же курит трубку. Для Саши пока Тесье может быть очень полезен — у него большой дар серьезного преподавания. Я говорю «пока», потому что Тесье долго не станет терять время.

12 июля.

От вас письмо между Татиных строк от 9 и ни слова об важной новости, сообщенной вам от 4го.

Мы сидим третьи сутки без всяких вестей. — Кажется, генер<ал> нас наказует. — О Мар<ия> Касп<аровна>, как тяжела дружба одоляющая; неужели и вы когда-нибудь приметесь меня теснить за то, что теперь делаете для детей. Благодарность — начало рабства, так, как страх божий — начало премудрости. Как грубо люди дают чувствовать, что они делают для друзей, и дадут займы денег, да прежде их разменяют нарочно на пятаки, тащи на спине... Я исхожу от желания покоя, и вся живость моя, наконец, недостаточна, чтоб спасти от скуки и тоски. Прощайте.

13 июля.

Сейчас получил письма. — Печать остановлена. — Я скачу в Луцерн, сегодня вечером. — Оттуда напишу, куда писать. Прощайте. Впрочем, если вы еще пришлете письмо сюда, оно дойдет.

Рукой Саша Герцена:

Любезная сестрица!

Когда мы готовились вчера ехать купаться, то пришел тот господин, который был на горе с Али, и поехал с нами в лодке; когда мы переехали одну реку, которая течет в озеро, то мы бросили Али в воду и он плыл за лодкой; когда я взошел в воду, то он пришел ко мне и я его взял за уши и окунул, с тех пор он боялся ко мне подходить. Он был мокрый и если б он взошел на лодку, он замарал бы всех, так его хозяин сказал ему остаться на берегу, и ему так хотелось прийти, что он плакал, но не смел.

Потом Эдмунд все хотел меня дразнить, говоря, что он лучше Фаяля, но так как он не говорил правду о Фаяле, то я его не слушал.

Целуй Ольгу, Сашу, Морица и тебя.

Пожми руку Маше, Рейхелю и тебе.

С а ш а.

Рукой К.-Э. Хоецкого:

Милая Тата. Один господин сказал мне, что он видел тебя в Шан Элпе на лошади верхом в шляпе с великим пером. Я прошу тебя, любезная девочка, написать чем скорее, правда ли это или нет. Во всяком случае ты поклонись Марии Каспаровне и Рейхелю, а Оленьку и малого Сашу крепко два раза поцелуй. Твой преданный друг и будущий портье дома твоего.

С. Ед.

Мы едем, Тата, в Луцерн и будем переезжать по горам высоким, покрытым снегом.

Оттуда буду опять тебе писать. А сегодня я тебя видел во сне, а Оленьку не видал.

Прощай, мой дружок милый, поцелуй Оленьку, Сашку и Маврушку, а Рейхелю скажи, что я ему новые туфли привезу с Гримзеля, если Ольгушки износит.

Лугано, 1852 год. 13 июля. Вторник.

200. М. К. РЕЙХЕЛЬ

17 (5) июля 1852 г. Люцерн.

17 июля 1852. Lucerne.

Я вам написал дней пять на листе и с тех пор переселился в Люцерн. Прокламации остановлены; будет одно дружеское письмо ко мне от генерала, в котором рассказ.

Он еще не посылал никакой прокламации. Явилась жена его из Ниццы, теперь пойдет, должно быть, политическая часть трагедии.

Представьте, что он, избитый, отправился к комиссару полиции, говорит, что его хотели убить, комиссар сказал, что он не может вступить в разбор частного дела, но что готов его принять под покровительство полиции.

Что за пучина гадости и разврата! Получил письмо от Гартмана и прошу вас вот что для меня сделать — пошлите Рейхеля за ним или записочку, он живет Rue et Hôtel des trois frères, и скажите, что я собираюсь ему писать много, но должен еще отдохнуть. Я собираю демократический вердикт против подвига Гервега и прошу его участвовать со всей демократической Италией. Расскажите ему вкратце в чем дело, похождение 1-го июля, и покажите приложенную статейку, не имеет ли он возможности тиснуть ее в парижском журнале?

Приезд мой сюда дал делу иной вид. Вероятно, первая его часть скоро кончится, а может, и последняя. Ему все хочется дать вид дуэли со мной, и он, уже битый, говорит, что он уверен, что я обниму его на поле битвы. Я не в духе писать. Скажите Гартм(ану) просто, что я в Швейцарии.

201. Ф. ВИЛЛЕ

18 (6) июля 1852 г. Люцерн.

Monsieur,

J'ai eu l'honneur de recevoir votre lettre du 7 et 18 juillet.

Mes amis Ernst Haug et Tessié du Motay que j'ai priés de me représenter en cas de provocation se sont chargés de vous répondre.

Permettez-moi, monsieur, de vous remercier pour l'urbanité toute chevaleresque avec laquelle vous vous êtes acquitté de cette commission.

Recevez, monsieur, l'expression de mes sentiments les plus distingués.

Alexandre H e r z e n.

Lucerne, 18 juillet 1852.

Перевод

Милостивый государь,

я имел честь получить ваше письмо от 7 и 18 июля.

Мои друзья Эрнст Гауг и Тессье дю Мотэ, которых я просил быть моими представителями в случае вызова, взялись ответить вам.

Позвольте, милостивый государь, поблагодарить вас за чисто рыцарскую учтивость, с какой вы выполнили возложенное на вас поручение.

Примите, милостивый государь, уверения в моих самых почтительных чувствах.

Александр Г е р ц е н.

Люцерн, 18 июля 1852.

21 июля 1852. Lugano.

Мне кажется, что я давно к вам не писал. С тех пор я успел уже съездить в Берн и возвратиться.

Да чего же лучше записку послать с Боткиным, дайте ему непременно статью из ниццкой газеты, два-три экземпляра, пусть подкладку подошьет.

Расскажите 1ое июля. Напишите Марии Федоровне дружеский поклон, писать в даль еще не могу, когда совсем успокоюсь, буду писать.

Теперь к делу. Наконец благородный противник наш дал залп, т. е. прислал новый картель мне — чрезвычайно учтивый на этот раз, говоря, что ему прискорбно, но делать нечего. Я отвечал секунданту, что он и что злодеев наказывают, а не дерутся с ними. Между тем он осведомился у адвокатов, нельзя ли завести процесс с Гауком и Тесье *pour la violation du domicile*¹. Адвокаты сказали, что он не только не выиграет, но что ведь тогда публично придется сказать, что ему надавали плюх. Его экс-жена шумит, кричит, что надобно дуэль непременно с генералом. Между тем, он, т. е. битый, составил акт, в котором доносит, что я посылаю каждые 15 дней спадассинов. Этот акт подписал какой-то дурак профессор.

Теперь Тесье, генерал и Фока дурака учат, что де спадассинами не ругают честных людей.

Опасности большой нет. Все, что может быть, — это дуэль с секундантом или с кем-нибудь, кто мне в глаза бы сказал, что он за него хочет драться.

Что Колачек дрянь — не подлежит сомнению, он даже его денежно поддерживает. Фогт собрал целый анекдотник мерзостей об их эксплуатации отца барыни.

Но вы не можете себе представить, что за могильная усталость одолевает мною иногда, особенно после спора и междоусобий. Люди так немые, иногда так неделикатно глухи, что приходится говорить то, что следовало бы только слышать и кричать, о чем следовало бы едва намекнуть. Все это портит душу, делает ее грубее, отнимает тот пушок, который сопровождает только юное, только то, до чего грубо не касались.

В Берне старыми знакомыми принят был хорошо, видел Фази, Шаллера.

Фогт сегодня будет сюда. Потом поеду в Женеву, хотелось бы увидеть детей. И хоть зиму прожить спокойно. Не поедет ли Mme Tessié в Женеву, дети могли бы у нее пожить. Досадно, что мне нельзя в Париж.

¹ за нарушение неприкосновенности жилища (франц.).— *Ред.*

Неужели Боткин не заедет сюда или Станкевич? Я просто прошу настойчиво об этом. Найти меня будет не трудно, но всего лучше назначить rendez-vous в Интерлакене или в Веве, в Женеве, одним словом, где хотят. Позаботьтесь об этом. Прощайте. Записку Огареву доставьте, только со всеми осторожностями.

203. А. ГОФШТЕТТЕРУ (черновое)

23 (11) июля 1852 г. Люцерн.

Le 23 juillet 1852.

Monsieur,

Permettez-moi de vous exprimer ma profonde et sincère reconnaissance et de vous serrer fraternellement la main — pour la part que vous avez prise dans cette affaire pénible, malheureuse qui nous occupe.

Vous avez apporté votre témoignage à un acte de haute moralité.

Vous m'avez aidé, sans me connaître, dans la tâche difficile que j'ai osé entreprendre. — J'ai voulu confondre un traître et réhabiliter une victime sans tribunal, sans duel; par la seule force morale de la démocratie. J'ai presque atteint ce but, grâce soit donc rendue aux hommes nobles qui m'ont donné leur concours.

Vous avez pu juger l'homme avec lequel j'ai à faire. Lorsqu'on lui lisait la lettre, il ne tremblait que pour lui; ayant entendu cet arrêt d'outre tombe — il a nié l'authenticité de la pièce, dont il connaissait la véracité.

Rien d'humain ne s'est réveillé dans cette âme dépravée — ni remords, ni repentir.

Je ne doute pas que je réussirai complètement. C'est une toi <...>¹

Votre assistance m'en est une preuve, je vous remercie donc encore une fois et de tout mon cœur.

Перевод

23 июля 1852.

Милостивый государь,

позвольте мне выразить вам свою глубокую и искреннюю признательность и братски пожать вам руку — за то участие, которое вы приняли в занимающем нас сейчас тягостном и злополучном деле.

¹ В источнике — пропуск неразобранного слова. — *Ред.*

Своим свидетельским показанием вы скрепили акт высокого морального значения.

Не будучи со мной знакомы, вы оказали мне помощь в трудном деле, на которое я решился. — Я захотел изобличить предателя и реабилитировать жертву без суда, без дуэли, одной лишь нравственной силой демократии. Этой цели я почти достиг, и хвала благородным людям, оказавшим мне свое содействие.

Вы имели возможность судить, каков человек, с которым мне приходится иметь дело. Когда ему читали письмо, он трепетал лишь за себя; услышав этот замогильный приговор, он стал опровергать подлинность документа, достоверность которого была ему известна.

Ничто человеческое не пробудилось в этой растленной душе — ни угрызения совести, ни раскаяние.

Я не сомневаюсь в том, что добьюсь полного успеха. Вера эта <...>¹

Ваша поддержка — доказательство этому, и потому я снова и от всего сердца благодарю вас.

204. М. К. РЕЙХЕЛЬ

23 (11) июля 1852 г. Люцерн.

23 июля. Люцерн.

Ваше письмо от 21-го. Каково почта ходит. Я с тех пор написал вам, был в Берне, видел Фази, Шаллера и прочих кесарей Швейцарии — все идет хорошо. Но *alea jacta est*, т. е. была не была, делать нечего, мы должны были спуститься на грязную арену журналистики. Сначала будет грязь, одна грязь... но, если через нее пронесу гроб, но если я не упаду с ним или не буду убит, — то торжество огромное. Я чувствую силу только на этот подвиг, даже сумасшедшую, это моя *idée fixe*, оттого-то я и покоряю других... с такой *argière-pensée*² можно смириться и вынести площадную брань человека, который отвечает ею на плюхи.

Мерзавец этот напечатал в цюрихской газете, что я подослал наемных спадассинов, что он отдается под покров общества, что редакторы «*Italia e popolo*» — Schurken³. От нас будет протест, ну и пойдет подлеяшая полемика, лишь бы, говорю я, пережить ее, пересилить, лишь бы в середину не вклеился посторонний дуэль.

Генерала обвинять нечего, он имеет несчастный характер, многого не понимает, сердится, — но он любит меня, и, хоть

¹ В источнике — пропуск неразобранного слова. — *Ред.*

² задней мыслью (франц.); ³ негодяи (нем.). — *Ред.*

тяжело бывает, оканчивается все же как я хочу. Я писал вам, кажется, что он, т. е. битый поэт, мне прислал второй картель. Я отказался, говоря, что со злодеями драться нельзя. На этот вызов я напечатаю свой *appel*¹ демократии и, с тем вместе, вердикт, подписанный страшными именами. Он говорит в статье: «...Какая демократия — это чернь, подлецы», — ему в ответ будут подписи Прудона, Маццини. Знаете ли, кто теперь работает славно? — Фогт, от него я и не ждал столько дружбы.

А *propos*, узнайте, ради бога, как пропало письмо Прудона ко мне. Я получил письмо *Mme Tessié*, записку Даримона (превосходную), в которой он мне пишет об *adresse'e* Прудона, говоря, <что> письмо его опоздало. А *Mme Tessié* прибавляет и посылает со следующей почтой. Идти оно должно было через Женеву. Письмо от 11-го пришло, пока я был в Берне, 18-го, — но другого нет, это досадно до бесконечности, напишите *Mme Tessié*, пусть он напишет еще раз, делать нечего. Завтра я пишу к Мишле в Нант, получил от него на днях. Важность вопроса не терять из вида, это вовсе не несчастная трагедия, а вопрос колоссальный — вопрос всей революционной религии, всех последних надежд для меня. Действительно я сознаю себя *новым* человеком, как выразился *Саффи*. И вот я делаю опыт наказать злодея без старого суда, без старого поединка — одной силой демократического мнения. *Новые* люди восторжествовали, они поняли важность и отвагу предприятия; но, если они не сумеют провести, не найдут сил раздавить мерзавца, труса, если погибнем мы, а не он, — ну что же тогда? Не будет ли это микроскопическое доказательство, что не только на больших размерах, но и в самых мелких, демократия бесплодна, неспособна, что внутренние, незримые волокна ее так же бесильны, как и ее вестовая труба, как ее воззвание? Понимаете, как у меня теперь все это сплетено в один жизненный вопрос.

Может, придется пожить в Люцерне (самый скучный и глупый город в мире, после Лугано и Белинцоны), я близко от всего, я налицо — и в глуши, в месте, где нет ни одного знакомого. Впрочем, Люцерн, Мадрас, Нью-Йорк — мне все равно.

Скажите Боткину, что непременно требую свиданья с ним перед его отъездом. Теперь есть железная дорога до Страсбурга, от Базеля до Люцерна прогулка; возле Тиволи *am Hafen*², дом Фанера, близ кладбища на берегу озера. Я думаю по такому адресу *Moritz* найдет. В трактире *Schweizerhof* он может спросить г.г. *Francis Dillon* и *Tessié*. Для меня очень важно видеться с таким человеком, как он, до время его возвращения. Прочтите ему письмо. Кланяйтесь Мельгунову, что же он не стыдит Кол<ачека>?

¹ призыв (франц.); ² у порта (нем.).— *Ред.*

Об надеждах ехать в Париж ничего не понимаю, а желал бы. Иначе придется зимовать около Женевы.

Прощайте. Записку Огареву может и Боткин взять. Если я перемену место, тогда сообщу точно час, чтобы вы сказали Боткину.

Эдмундишка и генерал вам кланяются усердно и Рейхелю.

Нидергуберу пошлите что хотите, я что-то об нем слышу, но не вовсе выгодные отзывы. Говорят, впрочем, что он своей прапечной сильно эксплуатировал жену. А может это и вздор.

205. Ж. МИШЛЕ

25 (13) июля 1852 г. Люцерн.

25 juillet 1852.
Lucerne.

Cher et vénérable monsieur. Votre lettre du 4 juillet ne m'est parvenue que le 18. Elle a été à Nice, à Gênes, à Lugano, enfin elle m'a trouvé à Lucerne.

Il y a longtemps que j'avais un grand besoin de vous écrire, mais les choses que j'avais à vous communiquer étaient si sombres, si tristes et si difficiles à être dites que je ne pouvais me décider à prendre la plume. Votre lettre si affectueuse, si amicale mit fin à mon hésitation.

Vous me plaignez sincèrement, et pourtant vous ne connaissez qu'une partie des malheurs qui m'accablent. La perte de ma famille par le naufrage, la mort de ma femme qui s'est éteinte dans les larmes ce n'est pas tout, il fallait encore l'offense, la calomnie, la trahison d'un ami pour combler cette coupe amère qu'une fatalité féroce ne cesse de me présenter.

Je me suis enfui, révolté contre ses coups; j'ai senti encore une fois ma nature révolutionnaire et j'ai commencé une lutte dans laquelle je périrai peut-être,—mais du moins cela ne sera pas sans vendre chèrement ma tête.

J'ai fait un acte qui sera taxé d'héroïsme ou de lâcheté.

Je joue mon honneur, c'est la dernière carte qui me soit restée.

Un homme infâme que j'ai eu le malheur d'aimer comme un ami intime, et que j'étais dans la nécessité de chasser de ma maison, il y a près de deux ans, attendit la maladie mortuaire de ma femme pour l'offenser sur son lit de douleur, en *dénonçant*, par un sentiment de vengeance atroce et lâche, un passé oublié. Il ajouta les calomnies, les plus noires, à la dénonciation. Ce scélérat s'appelle G. Herwegh ci-devant poète allemand, connu par sa fuite d'un champ de bataille. Il terminait son œuvre, en m'envoyant une sorte de provocation conçue en termes ignobles. J'ai refusé de donner suite à un pareil cartel.

Cette décision m'a coûté beaucoup. Il me fallait plus que le sentiment de la justice, plus que celui de la confiance dans une vie antérieure, traversée au grand jour, au vu et au su de tout le monde; il fallait un moteur plus puissant que tout cela pour me faire agir de la sorte. Le duel ne réhabilitait en rien la noble victime: le duel, tout en cachant le fond, faisait ébruiter l'apparence. Aussi ne pouvait-il servir qu'à restaurer l'honneur d'un traître ou bien fournir une satisfaction à mon point d'honneur. C'était, en vérité, trop donner à une divinité altière et froide, — homme d'un monde barbare et d'un monde nouveau, j'ai osé m'attaquer à cette idole.

En même temps j'ai brisé une autre encore, et en le faisant jamais je ne me suis senti plus conséquent avec tout ce que j'ai écrit, avec tout ce que j'ai prêché.

J'ai laissé avec respect la pleine liberté de la défense à la femme elle-même, et non seulement de la défense, mais de la punition. La femme ne doit plus être l'éternel mineur. J'ai atteint mon but, elle se fit un piédestal de l'infâmie de son persécuteur, elle l'écrasa du haut de sa grandeur morale. Palpitante d'indignation, elle lui écrivit une lettre sublime. Il renvoya la lettre sans *l'avoir décachetée*. Alors elle convoqua quelques amis autour de son lit, pour apporter un témoignage à tout ce que je leur disais, elle leur communiqua la lettre et la remit à mon ami, le général Haug (un des héros de Rome en 1848), en le priant de notifier cet arrêt à l'individu — elle y tenait tant, — elle y voyait la plus haute satisfaction pour moi — et elle avait raison.

Elle était grande, cette pauvre martyre dans cet acte, la réhabilitation était plus que complète — tout le monde s'inclina devant tant d'énergie. Mais bientôt les forces physiques l'abandonnèrent; le 2 mai elle cessa d'exister.

J'ai juré de la venger.

Ma vengeance devait commencer avec la même conformité de mes principes, avec laquelle j'ai réhabilité la victime. Je voulais porter la cause au seul tribunal que je reconnaisse, je voulais punir le traître par la seule force morale de la Démocratie. C'était à elle, à ses représentants de prononcer l'excommunication d'un misérable qui ose se compter dans les rangs révolutionnaires. Si la démocratie n'est pas une puissance, si elle ne comprend pas la solidarité de tous pour chacun — elle n'est pas une réalité. Si elle n'est pas assez forte pour protéger un de ses frères, ni assez morale pour flétrir un traître — elle n'a pas d'avenir.

J'écrivis à un ami que je respecte beaucoup, à Mazzini, sa belle réponse augmenta mes forces. Les fougueux Italiens avec lesquels je vivais à Nice et à Gênes, applaudirent avec enthousiasme à ma décision. Lé <...>¹ Giacomo Medici était le premier

¹ В источнике — пропуск неразобранного слова. — Ред.

à demander que son nom parût sous le verdict. Un incident a modifié la position...

L'ami Haug, devenu exécuteur testamentaire, quitta Londres pour remplir la volonté de la défunte et alla à Zurich. Accompagné de deux amis, tous les deux très bien connus dans la démocratie, — il alla chercher l'individu chez lui. Il lui notifia l'arrêt d'outre-tombe; le coupable l'entendit pâle, tremblant — non de remords, mais de peur. Après avoir entendu la lecture, il eut la bassesse de nier l'authenticité de la lettre; on lui montra l'enveloppe, il la reconnut, — mais en même temps on trouva une autre lettre écrite *de sa main*, qui était dans l'enveloppe qu'il disait ne pas avoir décachetée. C'était un commentaire odieux de la lettre qu'il disait n'avoir pas lue.

Le coupable n'a retrouvé quelque semblant de courage que pour fuir et invoquer à grands cris le secours *de la police*. Ernst Haug alors, transporté d'une juste indignation, a puni le lâche en lui imprimant sur le visage le cachet de son mépris. C'était le 1-ier juillet.

Sept jours après Hervegh m'envoya une seconde provocation. Mon refus était à prévoir.

Cependant le fait a transpiré, les journaux le portèrent à la publicité. L'homme prostitué, me parodiant alors, a eu l'impudence alors d'imprimer un article sale dans un journal réactionnaire (*Neue Züricher Zeitung*) où il traite mes amis de spadassins et déclare qu'il ne se battra pas avec Haug.

Me voilà donc engagé dans une polémique dégoûtante que je désapprouve, et qu'il n'est pas en mon pouvoir d'arrêter, — il m'est impossible de me taire lorsqu'on offense mes amis, qui se sont dévoués avec tant de générosité à une œuvre de haute moralité.

Si après tout je trouve la force suffisante de traverser ce marais boueux, avec le cercueil que je porte, la tête haute, sans faillir, j'en sortirai victorieux. Si non — il n'y a pas de salut pour moi. Et je recommande mes enfants à mes amis, je vous les recommande à vous, vénérable ami, d'une manière toute particulière.

Je ne suis pas encore à bout de mes forces. Mais quelquefois un abattement, un désespoir s'emparent de mon âme: l'idée me vient que j'ai entrepris une tâche beaucoup au-dessus de mes forces, je tremble à la pensée qu'ayant le premier fait appel à la publicité, je ne trouverai ni assez de talent, ni assez de puissance pour la dominer — et qu'alors je n'ai fait que livrer à la foule une cause sainte pour moi, que je l'ai profanée en voulant l'entourer d'une auréole de respect et de vénération.

J'imprimerai un appel aux frères de la démocratie, qu'ils me soutiennent dans ma route ou qu'ils m'abandonnent à mon

sort par leur silence. Dites votre opinion, ne m'épargnez pas, dites — la avec sincérité — j'attendrai avec impatience votre lettre. Proudhon et ses amis partagent ma manière de voir — ainsi qu'ils viennent de m'assurer.

Je ne veux pas vous parler de ce que j'ai souffert, combien je me sens épuisé depuis ma dernière lettre (écrite, je crois en janvier). C'est une triste chronique de pathologie — qui peut bien rester ensevelie dans ma poitrine. Ce n'est qu'un organisme pareil au mien, qui pouvait résister à cette incessante torture.

Mes deux petites sont à Paris, chez cette dame russe que vous avez rencontrée une fois chez moi. Moi, j'erre avec mon fils dans les montagnes de la Suisse; je resterai quelque temps à Lucerne, ville qui me plaît, parce^(que) je ne connais âme qui vive.

Permettez-moi, maintenant, de vous communiquer une chose qui pourrait vous intéresser et vous faire oublier un peu mon triste récit. Vous connaissez qu'on organise à Genève une académie; les genevois ont déjà engagé des hommes illustres de la science, entre autres — mon ami C. Vogt. Je pense qu'ils seraient enchantés de vous posséder au moins pour six mois, j'ajoute même, d'après les assurances des personnages compétents qu'on irait volontiers à plus de 3000, entre 3 et 4000 frs à vous offrir. Le semestre commence au 1 novembre. Je serai tout heureux si vous voudriez me permettre d'entrer en rapport sur ce sujet avec mes amis de Genève.

Excusez amicalement la longueur de ma lettre. Moi-même, je suis fatigué, c'est très douloureux de rouvrir ces plaies saignantes. — Je vous laisse en serrant votre main et en répétant que c'est un don bien maudit que la vie.

Votre ami tout dévoué.

A. H.

P. S. Je recommanderai ma lettre, par crainte de la poste française, qui ne se borne pas à lire les lettres, mais qui croit prudent de les retenir — ce qui ne se fait en aucun pays.

Vous faites mention d'un ouvrage sur la Russie, je n'en ai aucune connaissance. Je voudrais bien en connaître le titre.

Mon adresse: Lucerne, poste restante.

Перевод

25 июля 1852.

Люцерн.

Дорогой и глубоко уважаемый г. Мишле. Ваше письмо от 4 июля дошло до меня только 18. Оно побывало в Ницце, Генуе, Лугано и, наконец, застало меня в Люцерне.

Уже давно я испытываю настоятельную потребность написать вам, но то, что я собирался сообщить, было столь мрачно,

печально, и так тягостно было об этом говорить, что я не решался взяться за перо. Ваше письмо, столь теплое и дружеское, положило конец моим колебаниям.

Вы искренно мне соболезнуете, однако вам известна лишь часть обрушившихся на меня несчастий. Гибель семьи во время кораблекрушения, смерть жены, угасшей в слезах, — это еще не все; понадобилось еще оскорбление, клевета, предательство друга, чтобы переполнить горькую чашу, которую жестокая судьба не перестает мне преподносить.

Уединившись, я решился восстать против ее ударов; я еще раз почувствовал свою революционную натуру и начал борьбу, в которой если и погибну, то по крайней мере заставлю дорого заплатить за свою голову.

Я совершил поступок, который будет расценен либо как героизм, либо как трусость.

Я ставлю на карту свою честь — это моя последняя ставка.

Один бесчестный человек, которого я имел несчастье любить как душевного друга и которого вынужден был выгнать из моего дома около двух лет тому назад, дождался смертельной болезни моей жены, чтобы оскорбить ее на ложе страданий, огласив из чувства жестокой и подлой мести преданное забвению прошлое. К своему доносу он присоединил самую черную клевету. Имя этого негодяя — Г. Гервег, бывший немецкий поэт, прославившийся бегством с поля битвы. В довершение всего он послал мне нечто вроде вызова, составленного в самых гнусных выражениях. Я отверг подобный картель.

Это решение мне дорого стоило. Нужно было нечто большее, чем чувство справедливости, большее, чем доверие к своему прошлому, выставленному на свет божий для всеобщего обозрения. Понадобилась сила более могущественная, чем все это, чтобы заставить меня так поступить. Дуэлью ни в чем нельзя было оправдать благородную жертву: скрывая сущность, дуэль лишь предала бы огласке внешнюю сторону дела. К тому же она могла бы лишь восстановить честь предателя или же дать какое-то удовлетворение его самолюбия. Это, право, значило бы отдать слишком большую дань надменному и бесчувственному божеству. Как человек и варварского мира и нового, я отважился на борьбу с этим идолом.

В то же время я сокрушил еще и другой кумир и, поступая так, чувствовал, что я еще никогда не был так верен всему тому, что писал и что проповедовал.

Уважение к женщине побудило меня предоставить ей самой полную свободу защиты — и не только защиты, но и наказания. Женщина не должна вечно оставаться несовершеннолетней. Я достиг своей цели: она воздвигла себе пьедестал на бесчестии своего преследователя, она уничтожила его с высоты

своего нравственного величия. Дрожа от негодования, она написала ему прекрасное письмо. Он вернул его *нераспечатанным*. Тогда она пригласила к своему ложу нескольких друзей, чтобы подтвердить все то, что я им говорил. Она сообщила им содержание своего письма и вручила его моему другу, генералу Гаугу (одному из героев Рима в 1848 году) с просьбой объявить субъекту свой приговор. Ей это представлялось чрезвычайно важным, так как она видела в этом самое глубокое удовлетворение для меня, — и она была права.

В этом поступке раскрылось все величие этой бедной мученицы, реабилитация оказалась более чем полной — все преклонились перед такой силой духа. Но вскоре физические силы покинули ее, 2 мая она скончалась.

Я поклялся за нее отомстить.

Моя месть должна была полностью соответствовать тем же принципам, на основе которых я реабилитировал жертву. Мне хотелось вынести это дело на тот единственный суд, который я признаю, я хотел покарать предателя только моральной силой демократии. Только ей, ее представителям давалось право отлучить презренного негодяя, который осмеливается причислять себя к революционной среде. Если демократия бессильна, если она не предполагает всеобщей солидарности — она нежизненна. Если она не в состоянии защитить одного из своих братьев и не обладает достаточной нравственной силой, чтобы заклеить предателя — у нее нет будущего.

Я написал Маццини, своему другу, которого очень уважаю. Его сердечный ответ придал мне новые силы. Пылкие итальянцы, с которыми я жил в Ницце и Генуе, восторженно приветствовали мое решение. <...>¹ Джакомо Медичи первый попросил, чтобы его имя было поставлено под вердиктом. Однако неожиданное происшествие все изменило...

Мой друг Гауг, ставший душеприказчиком покойной, отправился из Лондона в Цюрих, чтобы исполнить ее волю. В сопровождении двух друзей, хорошо известных в среде демократов, он направился прямо на дом к субъекту. Он объявил ему приговор покойной. Виновный слушал, бледнея и дрожа — не от угрызения совести, а от страха. Выслушав письмо, он имел низость отрицать его подлинность; тогда ему показали конверт — он узнал его, в тот же самый момент было обнаружено другое письмо, написанное *его рукой*; оно находилось в конверте, который он, по его словам, не вскрывал. Это был гнусный комментарий к письму, которого он якобы не читал.

У виновного хватило подобия мужества только на то, чтобы

¹ В источнике — пропуск неразобранного слова. — *Ред.*

спастись бегством и громко призвать на помощь *полицию*. Тогда Эрнст Гауг в порыве справедливого негодования наказал подлеца, запечатлев на его лице знак своего презрения. Это было 1 июля.

Через неделю Гервег направил мне второй вызов. Мой отказ можно было предвидеть.

Между тем об инциденте стало известно, газеты предали его огласке. Тогда этот растленный человек имел наглость, пародируя меня самого, напечатать в одной реакционной газете («*Neue Züricher Zeitung*») грязную заметку, в которой называет моих друзей наемными убийцами и заявляет, что он не будет драться с Гаугом.

И вот я вовлечен в отвратительную полемику, которую осуждаю и которую не в силах прекратить. Я не могу молчать, когда оскорбляют моих друзей, так великодушно преданных делу высокой морали.

Если после всего этого я найду в себе достаточно сил, чтобы с гробом на руках, но с высоко поднятой головой успешно перебраться через это топкое болото, я выйду победителем. В противном случае — нет для меня спасения. И я поручаю моих детей своим друзьям, и особенно вам, глубокоуважаемый друг.

Мои силы еще не исчерпаны. Но порою какое-то уныние, какое-то отчаяние овладевают душой: мне начинает казаться, что я взвалил на себя непосильное бремя; я содрогаюсь при мысли о том, что, первым обратившись к общественному мнению, я не найду в себе ни таланта, ни сил, чтобы им овладеть, и что тогда я только отдам толпе святое для меня дело, которое я сам профанировал, желая окружить его ореолом уважения и благоговения.

Я напечатаю призыв к братьям-демократам; пусть они или поддержат меня на моем пути, или своим молчанием предоставят меня моей судьбе. Выскажите свое мнение, не падите меня, скажите откровенно, я с нетерпением буду ждать вашего письма. Прудон и его друзья разделяют мой взгляд; по крайней мере они только что заверили меня в этом.

Я не стану рассказывать вам, как я страдал, до какой степени чувствую себя опустошенным со времени моего последнего письма (написанного, кажется, в январе). Это печальная патологическая история, которой лучше остаться погребенной в моей груди. Только организм, подобный моему, способен вынести эту бесконечную пытку.

Обе мои дочурки в Париже у той русской дамы, которую вы как-то встретили у меня. Я же с сыном брожу по горам Швейцарии. Я пробуду еще немного в Люцерне, он правится мне тем, что я не знаю здесь ни души.

Позвольте теперь сообщить вам одну вещь, которая, быть может, вас заинтересует и заставит хоть немного забыть мою печальную историю. Вам известно, что в Женеве создается академия; женевцы уже пригласили известных ученых, между прочим, и моего друга К. Фогта. Я думаю, что они были бы очень рады пригласить вас хотя бы на полгода. Со слов компетентных людей могу прибавить, что вам охотно предложили бы более 3000 франков — от 3 до 4 тысяч. Семестр начинается 1 ноября. Я буду бесконечно счастлив, если вы позволили бы мне обратиться по этому поводу к моим женевским друзьям.

Дружески извините мне мое многословие. Я и сам устал: невыносимо больно беречь кривоточащие раны. На прощанье жму вашу руку и повторяю: жизнь — злополучный дар.

Всецело преданный вам друг

А. Г.

P. S. Я боюсь письмо, так как не доверяю французской почте, которая не ограничивается чтением писем, но из предосторожности задерживает их, — это не делается ни в одной стране.

Вы упоминаете о какой-то книге о России, мне о ней ничего не известно. Очень хотелось бы знать ее название.

Мой адрес: Люцерн, до востребования.

206. ТАТЕ ГЕРЦЕН

26 (14) июля 1852 г.

Тебя, дружок Тата, целую много, много. Писать некогда, поцелуй Олю. Я часто смотрю на твой дагерротип.

Твой П а п а.

26 июля. 1852.

207. М. К. РЕЙХЕЛЬ

29 (17) июля 1852 г. Люцерн.

29 июля 1852. Люцерн.

Отправляю вам экземпляр статьи Г<ервега> и наш ответ, читайте и не очень горюйте. Надо пройти грязь; но тем не менее дело идет. Он исчез, одни говорят, что он бросился в Пиэмонт, другие — что он поехал с секундantom на меня войной, — но тогда он ошибся местом, я, как видите, в печати объявил, что я здесь, а они проскакали пять дней тому назад.

Нашлись покровители у него, даже такие, которые дают деньги.

От Станкевича получил, поеду к нему непременно.

Вы понимаете, как важно мне видеть русского. Я еду завтра. Пишите в Берн, à *Mr Charles Edmond*. Poste restante.

А пророс, он распустил слух, что все, сделанное мною, сделано для того, чтобы не потерять часть имения, принадлежащего Н(аташе).— Что скажете? Справлялись ли о письме Прудона, и не напишет ли он другое?

Тате писать некогда, пора на почту, поцелуйте ее. Я ужасно дорого бы дал взглянуть на нее... иногда меня преследует глупая мысль, что, может быть, мы не увидимся.

Рейхель без пощады должен быть опекуном. Я еду составлять testament с Шаллеровой помощью.

С подлецом не будет дуэли — за это я отвечаю.

Но мало ли что может быть. Война.

Прощайте. Жму крепко вам руку.

208. М. К. РЕЙХЕЛЬ

2 августа (21 июля) 1852 г. Берн.

2 августа 1852. Берн.

Здравствуйте. Я, точно Никол(ай) Семен(ович), из угла в угол по Швейцарии, на почтовых, на пароходах — быстро и нелужно.

Вчера был в Фрибурге и сделал завещанье. Рейхель, как мне сказывал Науг, не очень был доволен, что я хотел назначить опеку из нескольких лиц. Я назначил одного Рейхеля — он один ответственный опекун. Совет — для чрезвычайных дел. Вот и все. Это формальность, теперь я бы желал очень, чтобы Огарев и Тучкова участвовали своим советом и содействием. Это вы сделаете. Я желал бы тоже, если только будет возможно, чтобы Саша жил у вас. Цель моя, сверх надзора, поддерживать связь между ним и сестрами. Насчет его ученья Тесье и Фогт могут дать наилучшие советы. Да и тоже наши-то, московские, — неужели не помогут!

Словом, я с этой стороны спокоен. Поеду к Станкевичу в Женеву. Сашу свезу к Фогту в Интерлакен, где оставлю его под надзором Э. Хоецкого и под охраною француза. И поеду один. Я себя отучаю мало-помалу от всех.

Г(ерверг) скрылся из Цюриха. Говорят, будто поехал в Пизмонт, это недурно. Жена его напечатала какое-то письмо. Тягостное время. Может, скоро окончится. А знаете ли, что на днях к вам будет гость, с которым пришлю многое?

Отгадайте кто?

2 августа (21 июля) 1852 г. Берн.

2 août 1852. Berne.

Cher Reichel,

J'ai fait hier par devant un notaire de Fribourg mon testament; je me suis cru en droit après votre lettre et celle de Marie de vous nommer *seul* tuteur de mes enfants. En cas de besoin vous pourrez convoquer un conseil de famille, — il est composé de six personnes, mais cela n'aura lieu — la convocation — que dans les cas très graves, par exemple déplacement de fonds, changement de ville pour les enfants; outre cela le conseil de famille donnera son avis sur la direction générale de l'éducation. — En cas de votre mort ou départ de l'Europe, vous serez remplacé par Engelson et Cie et Vogt. Jules Schaller et C. Vogt sont nommés exécuteurs testamentaires. Vous n'avez à rendre aucun compte détaillé sur l'emploi des sommes destinées à l'éducation de 12 000—15 000 par an.

Je crois, cher Reichel, qu'on ne pouvait plus faciliter votre tâche; j'ai même bataillé contre le désir tout mon < ! > naturel de vous soumettre plus que je ne l'ai fait, aux autorités pupillaires.

Le conseil n'est pas bien composé, quant à la position sociale des personnes, mais je ferai des changements.

Moi, je voudrais mettre deux Russes — Ogareff ou Melgounoff ou Granovsky. Mais pour cela il faut que l'un d'eux se soit expatrié. Maintenant nous avons:

ces trois seulement	× Engelson.
ont un domicile fixe.	Tessié.
Les autres ne restent	× C. Vogt.
jamais ni en Suisse	× J. Schaller.
ni à Paris.	Haug.

Il y a dans le testament une instruction complète concernant les legs et le partage. Tout cela est d'une simplicité antédiluvienne. — Je vous ai chargé de faire des démarches pour lever la séquestration du bien de Kostroma. Le gouvernement suisse vous aidera. Je vous ai chargé d'une seule affaire compliquée, c'est de faire rentrer la dette de Satine. Les autres dettes me sont indifférentes. On n'a pas payé de mon vivant, qui diable voudra payer après ma mort. Vous et Marie — vous me garantissez complètement l'avenir de mes enfants; si vous vous adjoignez encore quelques amis russes, je serai tellement content, que je tâcherai de mourir au plus vite. Une instruction sur l'éducation sera écrite par moi.

Et voilà tout. Mon corps doit être enterré à Nice. Donc je serai transporté après ma mort — c'est de la conséquence au moins.

2 августа 1852 г. Берн.

Дорогой Рейхель!

Вчера, в присутствии нотариуса из Фрибурга, я составил свое завещание; я счел себя вправе, после вашего письма и письма Марии <Каспаровны>, назначить вас *единственным* опекуном моих детей. В случае необходимости вы сможете созвать семейный совет, — он состоит из шести человек, но созывать этот совет следует лишь по весьма серьезным поводам, например при перемещении фондов, перемене места жительства детей; помимо того, семейный совет выскажет свое мнение об общем направлении воспитания. — В случае вашей смерти или отъезда из Европы вас заменят Энгельсон и К^о и Фогт. Юлиус Шаллер и К. Фогт назначены душеприказчиками. Вам не придется отдавать подробного отчета об употреблении сумм, предназначенных на воспитание — от 12 000 до 15 000 в год.

Полагаю, дорогой Рейхель, что нельзя было больше облегчить вашу задачу; я даже боролся против совершенно естественного желания подчинить вас еще в большей мере, нежели теперь, власти опекунов.

Совет не совсем удачно составлен в отношении общественного положения включенных в него лиц, но я внесу изменения.

Что до меня, то я хотел бы ввести двух русских — Огарева, или Мельгунова, или же Грановского. Но для этого необходимо, чтоб один из них эмигрировал. Теперь же:

только эти трое имеют
постоянное местожительство.
Остальные не остаются
навсегда ни в Швейцарии,
ни в Париже.

× Энгельсон.
Тесье.
× К. Фогт.
× Ю. Шаллер.
Гауг.

В завещании содержится полная инструкция относительно оставленного имущества и раздела. Все это отличается допотопной простотой. — Вам поручил я предпринять шаги по снятию секвестра с костромского имения. Швейцарское правительство окажет вам помощь. Я поручил вам только одно сложное дело — добиться возвращения сатинского долга. Остальные долги меня не беспокоят. Мне не платили при жизни, кой черт вздумает платить после моей смерти? Вы и Мария <Каспаровна> гарантируете мне полностью будущее моих детей; если вы привлечете еще несколько русских друзей, я буду так доволен, что постараюсь поскорей умереть. Инструкция о воспитании будет написана мною.

Вот и всё. Мое тело должно быть погребено в Ницце. Таким образом я буду выслан и после моей смерти — в этом по крайней мере есть своя последовательность.

210. САШЕ ГЕРЦЕНУ

Около 5 августа (24 июля) 1852 г. Женева.

Ну, а как ты, друг мой Саша, живешь без меня? Это первый раз, что ты совершенно один. Рано тебе пришлось испытать много несчастий и, наконец, разлуку; это должно тебя сделать сильным. Ты с ранних лет успеешь подготовиться к борьбе, в которую утянет тебя жизнь. Помни, что тебе силы нужны не только для тебя, но для двух сестер.

Я приехал вчера, в половине второго, в Женеву и, может, возвращусь в Нейгауз к 10-му. Наверное не знаю. Учись, друг мой, хорошо. Это большое счастье, что ты можешь и теперь заниматься с такими людьми, как Фогт и Эдмонд, и что они тебя так любят.

Если я не скоро поеду в Париж, то отошлю твой браслет Тате с знакомой дамой, которая едет послезавтра.

Прощай, друг мой, и знай, что вы все всегда в моей памяти.

211. Ж. МИШЛЕ

22 (10) августа 1852 г. Париж.

22 août 1852. Paris.

Cher et vénérable monsieur. Permettez-moi de vous présenter un de mes amis, littérateur allemand, ci-devant député à Francfort et réfugié maintenant. Il s'est beaucoup occupé des chroniques tchèques, et de la vie intérieure des paysans en Bohême. — Je vous demande de m'excuser la liberté que je prends, mais je serai justifié par M. Maurice Hartmann lui-même.

Je me rends à Londres demain ou après demain. Je vous remercie beaucoup pour votre lettre; oui «des faits et non des mots». Pourtant je n'ai terrassé mon ignoble adversaire que par des mots. Hartmann peut vous dire quelques détails.

Je vous serre la main avec amitié.

A. Herzen.

J'ai parlé avec Fazy et Tourte concernant Mr Dumesnil, ils m'ont dit qu'ils vous informèrent de cette affaire.

22 августа 1852. Париж.

Дорогой и глубокоуважаемый г. Мишле. Позвольте представить вам одного из моих друзей, немецкого литератора, бывшего депутата франкфуртского парламента, а ныне изгнанника. Он много занимался чешскими летописями и духовной жизнью крестьян Богемии. — Прошу извинить меня за бесцеремонность, но я буду оправдан самим Морицем Гартманом.

Завтра или послезавтра я отправляюсь в Лондон. Я очень благодарен вам за ваше письмо; да, «дела, а не слова». Впрочем, я сразил своего мерзкого противника именно с помощью слов. Гартман может сообщить вам некоторые подробности.

Дружески жму вашу руку.

А. Герцен.

Я говорил с Фази и Туртом относительно г. Дюмениля. Они сказали, что известят вас об этом деле.

212. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ

7 и 23 августа (26 июля и 11 августа) 1852 г.

Женева — Париж.

7 августа 1852. Женева.

Друзья наши расскажут вам о 5 действии трагедии. — И за то благодарность судьбе, что перед тем как упадет занавесь, вы мне предстали в виде их, и мне можно перекликнуться с вами. Больно было мне немо пропасть, немо для вас. — Они расскажут всё, писать не нужно. E rotta l'alta colonna e'l verde lauro. Дети и гроб — с ними за руку я пронесу его. Борьба, вызванная мною, трудна — если паду, вы благословите меня.

Увижу ли я вас? — Мне что-то страшно вас видеть после всех утрат. Я слишком беден без нее.

Пришлите мне О〈гарева〉, он ничего не делает, мы инвалидами выйдем из жизни, которую начали светло, широко, а оканчиваем темно, глубоко.

Прощайте. За одно объятие теплое, братское с вами отдал бы годы, так бы один вечер провести вместе. Но fatum влечет, куда не знаю... но что бы ни было, верьте в меня, любите меня.

Прощ〈айте〉...

23 августа. Париж.

Дней пять я думал, хотел писать вам еще, и не нашел сил, я буду писать много, — не хочу расстраивать великой драмы,

передавая ее бедными отрывками, да и не могу — я еще не имел время порядком успокоиться. Все еще перемешано с злобой, с ненавистью, с желанием мести. Но верьте мне безусловно. Память великого существа — раз увлекшегося и так велико восставшего и так страшно казненного — да будет вам свята. Может, все величие ее я узнал после падения. Но спасти физически было нельзя. — Нравственно она будет мною спасена — и это сделано уже. — Но пока этот человек дышит, нет даже *rescueillement* ¹...

Остальное расскажут С<танкевичи> — я непременно требую, чтоб мое письмо было послано Н<иколаю> Пл<атоновичу>. — Я жду их, жду болезненно. Письмо к Nat<alie> я не посылаю в оригинале, оно должно остаться у меня. — Прощайте. Еду через час в Лондон. О жизнь, жизнь... сколько сбылось мечтаний, вот и деятельность, и ширь, и признанная сила — а вместо всего взял бы немного покоя в вашем снегу и с вами. Еще раз прощайте.

213. М. К. РЕЙХЕЛЬ

24 (12) августа 1852 г. Дувр.

Дувр. 5 час<ов> утра 24 августа.

Через 1½ часа мы в Лондоне. С уважением, с истинным уважением поставил я ногу на английскую землю, — какая разница с Францией! Здесь чувствуешь себя свободным, и я не забыл повторить «*Va reug*» на пароходе. Саша не был болен и сидел с нами в кабине и уж по-английски пьет херес и ест *mouton* ². Я привык к правам и выучился ругаться. Теперь о Диллоне, он так отличился, что я полтора часа хохотал на пароходе. Он вовсе не визировал своего пасса, а с генеральским тоном и шагом прошел в другую комнату. Его пропустили, но когда пришлось садиться на пароход, французский алыгвазил потребовал пропуска, который дают при визе. Его превосходительство с гордостью и чувством обиженного самолюбия отвечал: де у меня уж взяли его — и быстро взошел на пароход. Полицейский ему кричал вслед: «Постойте, постойте», но он шел себе, и тот обернулся ко мне, сказав: «*Sacré nom de Dieu, et il va, et il va*» ³. Это, конечно, одна из самых блестящих побед — если б она не удалась, его бы свели в сибирку.

Притом все это было ненужно.

Ну и прощайте. Еще раз поблагодарите Ст<анкевичей> и расскажите им анекдот о визе. Мель<унову> жму руку и

¹ возможности собраться с мыслями (франц.); ² баранину (франц.):

³ «Черт возьми! А он себе идет, а он идет» (франц.). — *Ред.*

A LIST OF ALIENS.

I, the undersigned, being Master of the Ship or Vessel named the *Tur* bound from *Calais* to the Port of *Dover* do, in compliance with the Provisions of an Act of Parliament, passed in the 6th William, IV., Cap. 11, hereby declare that the following is a full and true Account, to the best of my knowledge, of all Aliens who are now on board my said Ship or Vessel, or have landed herefrom in this Realm, with their Names, Rank, Occupation, and Description.

No.	Christian and Surnames. Prenoms et Noms.	Quality. Profession.	Country Pays.
	<i>M. Huron</i>	—	<i>French</i>
	<i>M. Weyers</i>	—	<i>Dutch</i>
	<i>M. Drons</i>	—	<i>Belgian</i>
	<i>M. Hants here & friend</i>	—	<i>German</i>
	<i>M. Heggson & party 3</i>	—	<i>Swiss</i>
	<i>M. Vhivi</i>	—	<i>Belgian</i>
	<i>M. Dierich</i>	—	<i>American</i>
	<i>M. Wilvin</i>	—	<i>Swiss</i>
	<i>M. Petrovich</i>	— 2	<i>Greek</i>

J. H. M. L. - Comdr

To the Chief Officer of the Customs
at the Port of

Dated this 24 day of *Aug* 1852

ACT 6 WILLIAM IV. CAP. 11, SECT. 2:—

"The Master of every Vessel which shall arrive from Foreign Parts shall immediately on his arrival declare in writing to the Chief Officer of the Customs whether there is to the best of his knowledge any Alien on board his Vessel, and whether any Alien hath to his knowledge landed therefrom at any other place; and shall in his said Declaration specify the number of Aliens (if any) on board his Vessel, or who have to his knowledge landed therefrom, and their Names, Rank, Occupation and Description, as far as he shall be informed thereof; and if the Master of any such Vessel shall refuse or neglect to make such Declaration, or shall make a false Declaration, he shall for every such offence forfeit the sum of Twenty Pounds and the further sum of Ten Pounds for each Alien who shall have been on board at the time of the arrival of such Vessel, or who shall have to his knowledge landed therefrom, whom such Master shall wilfully have refused or neglected to declare; and in case such Master shall neglect or refuse forthwith to pay such penalty, it shall be lawful for any Officer of the Customs to detain such Vessel until the same shall be paid."

United Kingdom.—No. 93, List of Aliens and Master's Declarations.

12—13

1852. (3-51)

Список лиц, прибывших в Дувр 24 августа 1852 г. Страница из журнала регистрации иностранных пассажиров (пятым обозначен Герцен).

Библиотека Public Record Office. Лондон.

Рейхелю. Посылаю тебе, Тата, английский поклон, ты знаешь, что лучшие иголки и ножницы английские — стало, и поклон оттуда лучше. Целую Оленьку.

214. М. К. РЕЙХЕЛЬ

26—27 (14—15) августа 1852 г. Лондон.

26 августа. Четверг.
Лондон. Trafalgar Place,
Morley's Hotel.

Этим и кончил я мое четверговое послание. Сегодня 27 напишу больше. Осип Ив(анович) предупредил мой визит и был у меня третьего дня, а я у него вчера. Его мнение, разумеется, то же, что и Пр(удона), но с тою разницей, что он советует — и я полагаю, что это дельно — не выжидать публикац(ии) того господ(ина), а напечатать полный *récit*¹ всего дела — на этот *récit* Ос(ип) Ив(анович), сверх вердикта, который даст теперь, будет отвечать тоже печатно.

Теперь о Лондоне. Скажите Ст(анкевичу) и Мел(ьгунову), что грешно не выдать Англии, бывши в двух шагах. Такого характера величия и полной независимости не имеет ни один город. — Это действительный центр иного мира, того, который оканчивается в Ботани Бей, в Мексике и Вест-Индии. Я писал в Женеву: «Londres est une cité immense, Paris une grande ville»². В лондонской архитектуре, в размерах, в приземистых домах, в бесконечных улицах, в фигурах — словом, во всем видна свобода, ростбиф, сила, портер и серьезная мысль. Так как в Париже везде проглядывает *bal mobile*, румяны, *le petit vin courré, le bouillon*³. В Париже везде декорации, т. е. крашеная известь, здесь откровенный кирпич, здесь всё в *самом деле*.

Наша привычка к Парижу с одной стороны — разврат, привычка к дурному обществу, к шалости, с другой, может, любовь наша к Парижу — пророческое предчувствие.

Лондон нас гертирует, потому что он имеет нрав. И как все люди, много работавшие, сложившиеся, принял *pli*⁴. Этот *pli* надобно терпеть за его великие достоинства. Ведь терпим же мы своеобразных друзей. Человек, который не умеет приладиться к здешней жизни, столько богатой и разнообразной, имеет много пустоты в душе. — Видите ли что и я пустился *à la Colovine* в сравнение Англ(ии) и Франции.

¹ рассказ (франц.); ² «Лондон — огромная столица, Париж — большой город» (франц.); ³ танцульки <...> разбавленное вино, бульон (франц.); ⁴ своеобразный склад (франц.). — *Ред.*

Предмет классический и длинный, как роман, который читала Нат(алья) Павловна. Я на него попал, писавши к Энгельс(ону), который в Женеве.

А воля-то, воля-то какая. Один *единственный* констабль на границе подошел к нам — для того чтоб помочь Саше пройти по доске. — На таможне написано в углу: «Здесь иностранцы предъявляют паспорта, кто не предъявит, может подвергнуться штрафу до двух фунтов». Мимо этого бюро иностранцы идут с хохотом. *Ни один* не отдал своего и не показал, а генер(ал) закричал еще через загородку полицейск(ому), что это незаконно, что доску эту надобно долой.

Саша здоров, но скучает. Хотя есть чего посмотреть. — Прощайте.

Пишите просто Londres, poste restante.

Тебе, Тата, Саша приготовляет длинный раесказ о здешнем саде, где он был — смотреть птиц.

Рукой Саши Герцена:

Милая Тата!

Вчера я видел клетку, в которой были все звери, которые не в дружбе, например: кошки с мышами, с собаками, сокол с голубями, с совами и с крысами и обезьяна с морскими свинками. Если б эти звери не были приучены друг к другу и если б они были на воле, то, ты уж это знаешь, кошка стела бы мышь и крыс, дралась бы с собакой и не знаю еще с каким обитателем клетки, но она к ним приучена.

Между мышами были несколько совсем белых, другие были черносерые. Вот что один раз случилось: одна молодая и черная крыса, с длинными усами, гуляла и увидела дочь белой, с красными глазами, которая ей очень понравилась; она пошла к матери ее и спросила, может ли она дать ей дочь? Тогда мать сказала, что не знает, хочет ли дочь выйти замуж за черного. Дочь сказала, что он так учтив, что несмотря на его краску, она хочет, и они женились, и у них был маленький ребенок, белый с одним красным глазом и с серыми пятнами.

Целую тебя и Оленьку и всю Машину фамилию

215. М. К. РЕЙХЕЛЬ

31 августа — 1 сентября
(19—20 августа) 1852 г. Лондон.

31 августа. London, 1852.
4, Spring Gardens, Charing Cross.

Скорей пошлите к Ник(олаю) Ал(ександровичу), я ему сообщу радость — мое железное здоровье не выдержало пять дней *диеты*.

Французское вино страшно дорого, 6 шилл. бутылка, я и вздумал свести себя на эль, на херес и на содовую воду. Ма

*petite santé*¹ совершенно было погибла от такой воздержанности, каждая предосторожность мне решительно вредна, даже экономическая.

Я, шутки в сторону, так скверно себя чувствовал, спазмы, гастрические боли, что с сегодняшнего дня снова начинаю пить пиво и пить вино. Я прибавляю на вино все то, что следовало заплатить доктору.— Переехали мы на квартиру; можете адресовать ваше письмо, как написано выше, на мое имя. Вчера писал я к Ротшильду, пусть бы *Reihelius noster*² перенесся к Шомб<ургу> узнать об обороте дела. Если откажут, поеду через неделю в Брюссель, а оттуда поплетусь на родину № 2 и поселюсь где-нибудь около Женева.

Меня это пугает, я сделался так подл и такой трус, что боюсь тишины, как мерзко воспитанные дети боятся оставаться в темной комнате. Я чувствую всю *lâcheté*³ моего поведения — но так страшно все переломано внутри, что хочется не видеть, не чувствовать, быть *в гостях*.

Борьба, борьба без развязки, без цели. Все люди разделяются на две категории: одни, которые, сломавшись, склоняют голову, — это святые, монахи, консерваторы; другие нагигрируют судьбу, на полу дрягают ногами в цепях, бранятся — это воины, бойцы, революционеры.

Я третьего дня писал здесь к *Mrs Biggs*: «*La vie est un don néfaste, on ne peut l'accepter, qu'à la condition de la lutte, de la lutte à outrance, de la lutte sans succès ni merci — mais qui nous donne cette ivresse tumultueuse, abasourdissante dans laquelle on meurt sans s'apercevoir, sans <se> rendre compte*»⁴. И да здравствует шум.

Здесь вышла презабавная история с нашими письмами из Женева: адрес был дан нелепо генералом, и их распечатали у Осипа Иван<овича>, не зная к кому. И такова моя судьба: не черные, так красные распечатают. Но лучше, что там находится диатриба Тесье на Ос<ипа> Ив<ановича>, и особа, распечатавшая, сказала ему — ну, это, разумеется, напутало карты; а впрочем, с божией споспешествующей милостью дело пойдет на лад. Вердикт от него будет.

Лондонская жизнь недурна, и, в сущности, здесь можно так же остаться, как в Париже. Сапа выучится очень скоро гогорить, а я, если не скоро, то выучусь. Средства образования есть и какие аксессуары — парки и музеи. А *sécurité*⁵, святая *sécurité*, чего-нибудь да стоит?!

¹ Мое здоровьишко (франц.); ² наш Рейхель (лат.); ³ мало-душие (франц.); ⁴ «Жизнь — это злосчастный дар, его можно принять лишь при условии борьбы, — борьбы не на жизнь, а на смерть — борьбы безуспешной и беспощадной, — но дающей нам то мятежное, оглушающее опьянение, в котором умираешь, не замечая этого, не отдавая себе в том отчета» (франц.); ⁵ безопасность (франц.).—*Ред.*

Прощайте. Что Ст<анкевичи>? Жму им руку. Пишите-ка поскорее.

Тата — ну уж мы в Лондоне насмотрелись всяких диковин, вчера были мы в саду, где всякие звери и птицы, а сегодня едем смотреть Петра I — это не зверь, а царь, и из этого царя сделали оперу.

Оленьке поклон, и Марихен, и М^{ме} Gasparini.

1 сентября.

Вместо «Petrogrande» давали «I Puritani» — Марио и пр., как следует. Я отвык от театра и возвратился с удушающей скукой.

Прощайте.

216. ТАТЕ ГЕРЦЕН

6 сентября (25 августа) 1852 г. Лондон.

6 sept<embre> 1852.

London.

Тата, завтра твои именины. Ты их проведешь без меня и без Мамаши,— это были и ее именины. Не веселись,— это не праздник в этом году.

Маша тебе расскажет, что было в старые годы в Соколове и Покровском... Теперь этот день мы отметим печалью и воспоминанием.

Саша ушел в геологический кабинет, он будет писать завтра. Поцелуй Оленьку.

Твой П а п а.

217. П.-Ж. ПРУДОНУ (черновое)

6—7 сентября (25—26 августа) 1852 г. Лондон.

6 septembre 1852. Londres.

4, Spring Gardens.

Cher et vénérable ami,

Le sentiment avec lequel j'ai lu et relu votre lettre était beaucoup plus profond et plus chaleureux que le sentiment de la reconnaissance la plus sincère. J'étais ému, touché, j'étais fier d'avoir été si parfaitement compris par vous. Je me sentais immensément fort, appuyé de cette manière et par une main qui était la vôtre.

J'ai hasardé une chose difficile, audacieuse. Il me fallait des mois de méditation, des malheurs terribles et toute l'énergie

qui me restait encore pour me décider à une chose, d'ailleurs tout à fait conforme à nos convictions, à nos principes, mais insolite, peu commune. Tant il est vrai que pratiquement nous sommes encore des hommes du vieux monde.

Refuser un duel avec un scélérat que vous avez si bien caractérisé, qui, commençant par une trahison a fini par un assassinat en passant par le mensonge, l'escroquerie, la calomnie, et en appeler à la justice de tout ce qui s'avoue socialiste, révolutionnaire — quoi de plus simple, de plus naturel pour un homme qui professe depuis quinze ans le socialisme, d'autant plus que l'individu en question ose aussi se compter dans les rangs révolutionnaires. Et pourtant c'était bien téméraire de s'appuyer sur la solidarité qui doit nous lier dans une cause où était engagé beaucoup plus que mon honneur, tout mon passé, tout mon avenir même au delà de la tombe, un cercueil sacré pour moi et le nom pur et intact de mes enfants. Si mon appel restait sans réponse je compromettais tout au lieu de sauver quelque chose, la tombe, le berceau, l'honneur, même le droit de me venger individuellement. Il ne me resterait alors qu'à me brûler la cervelle. Eh bien, j'ai osé. J'ai osé parce que j'avais gardé au fond de mon âme travaillée par le scepticisme et la négation un reste de foi naïve dans le parti révolutionnaire. Ma foi [m'a sauvé] ne m'a pas trompé, j'ai réussi. Votre lettre m'en est une nouvelle preuve, et une preuve précieuse. Votre lettre et celle de Mazzini, écrite dans le même sens. C'est le commencement non seulement du jugement, mais de la condamnation. Je somme maintenant Herwegh à paraître, à se justifier, je suis prêt à soutenir face à face l'accusation. Mais s'il n'accepte pas notre wehme, s'il se tait qu'on le condamne sur les documents, sur ce que diront les témoins, qu'on l'expulse de nos rangs, qu'on le déclare au ban de la démocratie, qu'on lui fasse enfin tout ce que vous avez écrit dans votre lettre.

Lui, il se moque dans un article infâme de la solidarité à laquelle je fais appel, il dit ne pas comprendre ce qu'il y a de commun entre la démocratie et une affaire individuelle, il déclare ne pas appartenir à cette *lie* démocratique à laquelle j'appartiens avec mes amis. Il a raison — je ne connais pas même la sienne. La démocratie à laquelle j'appartiens comprend parfaitement la solidarité de tous pour chacun et le devoir moral de flétrir les traîtres. J'appartiens à cette nouvelle société à laquelle vous appartenez et vos amis, j'appartiens à la révolution à laquelle Mazzini appartient et les siens; et voilà pourquoi je n'étais nullement étonné que sans égards aux graves controverses qui vous divisent avec Mazzini, vous et lui, vous avez émis la même opinion dans cette affaire. Et voilà pourquoi le représentant du communisme allemand, cet homme qui connaît si bien le fuyard de

Bade, lui, le combattant de Bade, Willich est venu chez moi demandant à ajouter son verdict aux autres et de mettre son nom à côté de ceux qui veulent condamner le misérable par un tribunal formé de démocrates-socialistes.

Herwegh nous a dénoncés à la police, il s'est mis sous la protection des gendarmes, il comprend donc la solidarité qui le lie avec la police, avec sa société qui lui doit protection et assistance. Et nous autres qui n'acceptons pas la justice policière, qui sommes mis hors la loi et qui ne voulons pas y rentrer, on peut donc nous trahir, nous voler, nous assassiner, nous calomnier — et aucune force collective ne viendra ni flétrir, ni protéger. Quel non-sens. Mieux vaudrait alors vivre parmi les sauvages, on aurait alors au moins le droit du couteau, de la force matérielle. Cher Proudhon, vous l'avez si bien exprimé dans votre lettre, cette loi suprême de la solidarité. Si la société de l'avenir restait en effet muette et impassible devant ce drame terrible, devant un homme dans lequel s'est concentrée double toute la dépravation, toute l'immoralité qu'elle hait, qu'elle poursuit dans le vieux monde, avec l'apparence révolutionnaire, couvrant un abîme de prostitution par des phrases insolentes; si elle n'avait pas eu un frémissement d'indignation en écoutant le récit d'une série de crimes perpétrés avec tant de préméditation, d'hypocrisie et de cruauté — elle ne serait pas viable. Une nouvelle société doit avoir toute la fougue de la jeunesse et si elle ne se sentait ni assez pure, ni assez morale, ni assez forte pour vouloir et pouvoir défendre les siens contre les scélérats de la famille, elle serait condamnée à mourir à l'état de fœtus, passer sans réalisation aucune, comme une espérance abstraite, comme un rêve utopique. — Mais aussi loin d'être indifférente, la démocratie sociale, par ses représentants les plus illustres, a agi avec entraînement, avec passion, et ne m'a pas dit: «c'est votre affaire particulière, nous ne pouvons pas nous occuper des personnes, nous ne nous occupons que du genre humain en bloc».

Si cette affaire n'était en effet que purement et simplement une affaire individuelle, une de ces collisions fatales où les passions une fois déchaînées entraînent à la perte les innocents et les coupables avec l'irresponsabilité d'un coup de foudre — personne n'aurait rien à y voir. Je n'aurais jamais souffert aucune intervention dans ce cas. Les amis les plus intimes devraient passer leur chemin, tristes et silencieux, sans juger, courbant la tête et maudissant non les individus, mais la vie. Il fut un temps où la trahison, la conduite ignominieuse de Herwegh avait encore ce caractère privé, et alors pendant une année entière personne n'a entendu un mot de moi. Pendant cette année, lui et sa complice, sa *veuve*, ont travaillé sous main, répandant des calomnies atroces sur mon compte et sur le compte de ma femme. Je n'en

savais rien, je ne pouvais présumer tant de scélératesse bourgeoise, vulgaire, ignoble. Voilà comment l'affaire sort de la maison, [et] perd tout caractère passionné et ne garde que le caractère criminel. — L'individu voyant que rien ne peut rompre le lien qui attachait ma femme à moi, lien ébranlé par lui, mais qui après cette malheureuse épreuve s'était resserré encore plus, prit la noble résolution de se venger d'une femme par des calomnies, par un trouble continuel du repos, par des intimidations monstrueuses — sans parler des projets de suicide, il est allé jusqu'à menacer d'assassiner nos enfants, ses propres enfants, *de nous traîner aux assises* etc... Cette rhétorique dans le mauvais genre des romans allemands finit par ne plus agir. L'harmonie la plus parfaite régnait chez nous. Le sort l'aida alors. Un malheur terrible frappa, comme vous le savez, le 16 novembre 51 ma famille, ma mère, mon fils et un ami périrent dans la Méditerranée. Il prit, comme il l'écrivit lui-même, ce sinistre pour bon augure — il en profita merveilleusement. Notre maison était en deuil, était bouleversée, ma femme tomba dangereusement malade, moi je passais les nuits près de son lit, les dernières espérances révolutionnaires s'évanouissaient avec décembre. C'est au milieu de ce temps triste, terrible, lugubre, qu'é j'ai reçu une lettre de ce scélérat, sans aucun motif, sans aucune provocation de ma part, c'était une dénonciation révoltante, cynique qui terminait par quelque chose dans le genre d'un cartel. — Entendez-vous bien, cher ami, lui le traître, lui le coupable, lui qui ne devrait parler avec moi qu'à genoux et couvrant son visage des deux mains — il m'envoie un cartel après avoir préparé son public par une année de calomnie. En même temps il en avisait sa dame, un de ses amis de Paris, qu'il savait être lié avec une famille russe. De cette manière la nouvelle de la lettre et du cartel arrivait une ou deux semaines après à la malade, elle était stupéfaite, terrifiée par tant de scélératesse; elle le méprisait déjà, depuis ce jour elle le haït. Au premier moment de l'indignation j'ai voulu en finir avec lui en acceptant un duel, mais en faisant des conditions telles, qu'un des combattants devrait nécessairement rester sur place; mais cela n'était pas facile, il restait à Zurich et ne montrait aucune intention de venir à Nice, où j'ai été retenu par la maladie de ma femme. Après quelques jours de réflexion je changeai complètement d'avis. Je vis clairement que le duel n'était proposé que comme moyen de réconciliation, de réhabilitation — et plus que tout cela, comme moyen de perdre cette femme martyre. Le duel ne pouvait évidemment profiter qu'à lui — donc il n'aura pas de duel. Au lieu de *ce* duel je ferai au grand jour et à haute voix ce qu'il a fait nuitamment et furtivement.

Je parlerai aussi, moi.

Et je réhabiliterai cette femme.

Et je le couvrirai, lui, d'opprobre, de mépris, si je ne puis le couvrir de terre.

C'était immense ce que je prenais sur mes épaules. Car je ne me cachais plus avec quel adversaire j'avais à faire, — avec un de ces hommes *libres* de tous les préjugés, comme Georgey, Bocarmé et autres que nous avons vu naguère surnager sur la scène politique. Ces hommes sont très dangereux, car ils n'ont pas même la morale des brigands, ni l'honnêteté des voleurs. Ce n'est qu'une civilisation décrépète, qu'un monde en putréfaction qui peut produire ces êtres complètement dénués de conscience.

Je me suis préparé à toutes les infamies et j'ai fait presque la moitié de la besogne — car il ne se relèvera jamais des coups que je lui ai portés, quoique je sois complètement de votre avis «que ce n'est pas assez». J'aurais tout fait si la mort n'avait coupé à la fois toutes les cordes, anéanti toutes les espérances. Elle a succombé dans cette lutte inhumaine. Je la vengerai — mais trop tard, je sortirai victorieux, mais elle est morte et mes actes n'ont plus la même valeur, ni le même sens. Je poursuis ce que j'ai commencé, mais le but est plus restreint.

Quant à la réhabilitation de la victime — elle a été splendide. C'est elle-même qui l'a faite. Tout le monde s'inclina avec respect devant l'énergie et la force d'âme de cette femme, elle était sublime sur son lit de douleur, donnant un libre cours à sa sainte indignation. Elle ne se justifiait pas d'un malheureux entraînement, mais elle voulait sauver notre passé, que l'autre osait souiller par ces calomnies, notre présent qu'il représentait comme un mensonge et comme une violence. Elle voulait enfin punir par sa parole le scélérat qui l'a livrée avec tant d'ignominie. Elle écrivit trois lettres — admirables, l'une était adressée à cet homme. C'est cette lettre qu'il a renvoyée en disant qu'il ne l'avait pas décachetée et dans laquelle on a trouvé je ne sais quel commentaire odieux écrit par lui, c'est cette lettre enfin que mes amis Haug et Tessié du Motay lui ont notifiée, exécutant la volonté de la défunte. Vous connaissez les détails. Il a le dévergondage¹ de dire que cette lettre est fausse, étant convaincu du contraire — le misérable! La mort même n'a rien réveillé d'humain dans cette âme crapuleuse, marchant par-dessus le cadavre, il jette encore de la boue dans la fosse qu'il a creusée. C'est un monstre. Et si l'on pense que pendant tout le temps de cet assassinat moral, lui qui avait abandonné sa femme et ses enfants et n'entretenait des relations avec elle que pour lui soutirer l'argent, que tout ce temps il vivait maritalement avec une vieille coquette, qui de son côté l'entretenait — l'imagination s'arrête

¹ Над этим словом в автографе подписано: l'effronterie.

devant tant de débauche, devant ce luxe de prostitution et de dégradation.

J'ai commis une faute irréparable, je l'avoue, j'en ai souffert tout ce qu'on peut souffrir d'un remords. Il ne fallait pas permettre à cet homme de sortir de ma maison, il fallait le tuer. Les larmes et les sanglots de deux femmes me désarmèrent, il s'éloignait la tête baissée, se sentant coupable, protestant encore de son amitié, me faisant dire par sa femme, que je peux le tuer, mais que jamais il ne tirera contre son meilleur ami. Je le laissai aller. C'était une grande faiblesse, je l'expie. Aucun duel au monde ne pouvait réparer cette faute. Il ne me restait qu'à dévoiler le scélérat et à le frapper au grand jour par la réprobation générale — c'était le commencement nécessaire de la vengeance.

Dans les derniers événements il s'est surpassé et m'a aidé plus que mes amis à se dégrader devant les yeux de tout honnête homme. Que penser effectivement d'un individu qui répond par une polémique de journal à des soufflets reçus, qui nie ses dettes, ayant pris la précaution de faire signer ses lettres de change par sa femme, donnant ainsi lieu à l'accuser, elle, d'escroquerie. Ce n'est qu'un homme pareil qui soit capable, après avoir passé des années dans la plus grande intimité avec moi, de dire que je tenais à ma femme pour m'emparer de sa fortune (il sait qu'elle n'avait absolument rien) et d'imprimer dans une feuille *réactionnaire* que je répands des subsides russes, de l'or russe, connaissant très bien, mieux que tout autre, que l'or qu'il prenait si fraternellement (il me doit encore 13 000 frs) chez moi n'était ni russe, ni prussien, mais tout simplement *mon or à moi*. — Et ce même homme fait imprimer par sa femme, il y a un mois «que son nom est cher à la démocratie».

Justice donc, amis et frères, que tout le monde prononce son verdict, comme vous, comme Mazzini, comme Willich — et que «pour la première fois, comme j'ai écrit ailleurs, elle soit faite sans procureurs ni bourreaux, au nom de la solidarité des peuples et de l'autonomie des individus». — Et qu'il s'en aille marqué au front s'abriter sous la protection non seulement de la police de Zurich, mais de la police européenne, il y a là de la place, de l'emploi et du véritable *or russe* pour lui.

Merci encore une fois, merci pour votre admirable lettre, reconnaissance, amitié et sympathie éternelle.

Je vous serre la main de tout mon cœur

Alexandre Herzen.

Par un hasard étrange je termine cette lettre le 7 sept<embre>. C'était le jour de nom de la pauvre martyre. C'est pour la première fois que je passe ce jour sans elle. Cette lettre est ma messe des morts. — Quand viendra le jour, le seul que j'attends, où je

pourrai solennellement m'approcher de sa tombe en disant «j'ai écrasé le serpent» et ajouter mon *Nunc dimittis*... car la vie au fond est dégoûtante et insupportable.

Вверху письма:

Voilà le brouillon de la lettre. Il n'y a aucun changement de fait, à l'exception de qu^(el)q^(ue)s fautes de langue. Edmond pourra les corriger. — Je veux connaître votre opinion sur cette lettre. Elle me semble bonne.

Перевод

6 сентября 1852 Лондон.

4, Spring Gardens.

Дорогой и глубокоуважаемый друг,
чувство, с которым я прочитал и перечитал ваше письмо, было гораздо глубже и горячее чувства самой искренней признательности. Я был взволнован, тронут, я был горд тем, что вы поняли меня до конца. Я почувствовал себя невероятно сильным, получив, и притом от вас, такую поддержку и руку помощи.

Я отважился на трудное, рискованное дело. Мне понадобились месяцы раздумий, страшные несчастья и весь остаток моей энергии, чтобы решиться на дело, вполне, впрочем, согласное с нашими убеждениями, с нашими принципами, но необычное и незаурядное. Ведь, по правде говоря, в повседневной жизни мы еще люди старого мира.

Отказаться от дуэли со злодеем, которого вы так метко охарактеризовали и который, начав с измены, закончил убийством, пройдя последовательно через ложь, мошенничество и клевету, и обратиться за правосудием к лицам, признающим себя социалистами и революционерами, — что, казалось бы, проще, естественнее для человека, уже пятнадцать лет исповедующего социализм, тем более что субъект, о котором идет речь, также осмеливается причислять себя к революционерам. И все же было очень смело полагаться на солидарность, долженствующую нас связывать, в деле, которое заключало гораздо большее, чем мою честь, — все мое прошлое, все мое будущее и даже посмертное будущее, священную для меня могилу и чистое, незапятнанное имя моих детей. Если бы мой призыв остался без ответа, я погубил бы все, вместо того чтобы хоть что-то спасти, — и могилу, и колыбель, и честь, и даже право на личное мщение. Мне оставалось бы тогда только пустить себе пулю в лоб. Но я осмелился. Я осмелился, потому что в глубине души, истерзанной скептицизмом и отрицанием, я сохранил остаток наивной веры в революционную партию. Моя вера [меня спасла] меня не обманула, я достиг успеха. Ваше письмо служит новым тому дока-

зательством, и притом доказательством драгоценным. Ваше письмо и письмо Маццини, написанное в том же духе. Это начало уже не только суда, но и обвинительного приговора. Теперь я требую, чтобы Гервег явился — пусть выступит в свое оправдание, я готов на очной ставке поддержать мои обвинения. Но если он не согласится на нашу вему, если он будет молчать — пусть ему вынесут обвинительный приговор на основании документов, на основании свидетельских показаний, пусть изгонят его из наших рядов, объявят вне демократии, пусть, наконец, сделают с ним все то, о чем вы написали в своем письме.

А он в подлой статье издевается над той круговой порукой, к которой я призываю; по его словам, он не понимает, что может быть общего между демократией и личным делом, он заявляет, что не принадлежит к тому демократическому *отребью*, к которому принадлежу я и мои друзья. Тут он прав — его отребья я даже не знаю. Демократия, к которой принадлежу я, великолепно понимает круговую поруку всех за каждого в отдельности и свой моральный долг клеймить предателей позором. Я принадлежу к тому новому обществу, к которому принадлежите вы и ваши друзья, я принадлежу к той революции, к которой принадлежит Маццини и его единомышленники, вот почему меня несколько не удивило, что, несмотря на серьезные разногласия, разъединяющие вас с Маццини, вы оба были одного мнения об этом деле. Вот почему представитель немецкого коммунизма, человек превосходно знающий баденского беглеца, сам участник баденских босв, Виллих, обратился ко мне с просьбой присоединить его приговор к общему приговору и поставить его имя рядом с именами тех, кто требует предания негодия суду, образованному из демократов-социалистов.

Гервег сделал на нас донос в полицию, он обеспечил себе заступничество жандармов, он понимает, следовательно, что такое круговая порука, связывающая его с полицией, с его обществом, которое должно обеспечить ему защиту и безопасность. А нас, не признающих полицейского правосудия, поставленных вне закона и не желающих вернуться под этот закон, нас можно, следовательно, предавать, обкрадывать, убивать, на нас можно клеветать, и никакая коллективная сила не заклеит преступника, не вступится за нас. Что за бессмыслица. В таком случае не лучше ли было бы жить среди дикарей, тогда у нас было бы по крайней мере право расправиться ножом, применяя физическую силу. Дорогой Прудон, вы так хорошо определили в своем письме этот высший закон солидарности. Действительно, если бы общество будущего осталось безмолвным и безучастным перед этой страшной драмой, перед этим человеком, в котором сосредоточилась вдвойне, вся испорченность, вся безнравственность, ненавидимая и

преследуемая этим обществом в старом мире, — скрываясь при этом под революционным обликом и маскируя всю глубину своего морального падения наглыми фразами, если бы оно не содрогнулось от негодования, услышав рассказ о ряде преступлений, совершенных так обдуманно, с таким лицемерием и жестокостью, это означало бы, что оно нежизнеспособно. Новое общество должно обладать всей пылкостью молодости, а если бы оно не чувствовало в себе ни достаточной чистоты, ни достаточной нравственности, ни достаточной силы, чтобы желать и мочь защитить своих людей против негодяев из собственной среды, оно было бы обречено на смерть в зачаточном состоянии, остаться, ничего не свершив, лишь отвлеченной надеждой, утопической мечтой. — Но социальная демократия отнюдь не обнаружила равнодушия, через своих самых видных представителей она горячо, с увлечением откликнулась и не сказала мне: «Это ваше частное дело, мы не можем заниматься отдельными личностями, мы занимаемся родом человеческим в целом».

В самом деле, если бы эта история была лишь простой личной историей, одной из тех роковых коллизий, когда, с безответственностью громового удара, разбушевавшиеся страсти влекут к гибели и невинных и виновных, — она никого бы не касалась. В этом случае я никогда не допустил бы вмешательства ни с чьей стороны. Самые близкие друзья должны были бы печально и молча пройти мимо, никого не осуждая, склонив голову и проклиная не отдельных людей, а самую жизнь. Было время, когда измена и подлое поведение Гервега сохраняли еще такой приватный характер, и тогда в течение целого года никто не слыхал от меня ни единого слова. Весь этот год он сам и его соучастница, его *вдова*, распускали тайком на мой счет и на счет моей жены гнусные клеветы. Я ничего об этом не знал, я не мог предположить такой мещанской, грубой, низкой подлости. Вот так история и выходит за стены дома, [и] утрачивает характер страсти и сохраняет лишь характер преступления. Этот субъект, видя, что ничем нельзя разорвать узы, связывающие мою жену со мной, узы, распатанные им, однако после этого несчастного испытания ставшие еще крепче, — принимает благородное решение отомстить женщине клеветой, беспрестанным нарушением ее покоя, чудовищными угрозами; не говоря уже о планах самоубийства, он дошел до того, что начал угрожать убийством наших детей, своих собственных детей, привлечением нас к суду присяжных и т. п. Эта риторика во вкусе дурных немецких романов в конце концов перестала оказывать действие. У нас царила полная гармония. Тут на помощь ему пришла судьба. 16 ноября 51 г. страшное несчастье, как вы знаете, обрушилось на мою семью: моя мать, сын и один

из моих друзей погибли в Средиземном море. Он принял это бедствие, как он сам об этом пишет, за хорошее для себя предзнаменование — и прекрасно им воспользовался. Мы были в глубоком трауре, мы были потрясены, жена опасно заболела, я проводил ночи напролет у ее изголовья, а с декабрьскими событиями исчезли последние революционные надежды. И вот в это скорбное, страшное, мрачное время я получил от этого злодея письмо, без всякого повода, без всякого с моей стороны предложения; то был возмутительный, циничный донос, заканчивавшийся чем-то вроде картеля. Вы только поймите, дорогой друг, — это он, изменник, он, виновный, он, который должен был бы говорить со мной, стоя на коленях и закрыв лицо руками, — он посылает мне картель, предварительно подготовив себе сочувствующих, распространяя целый год клевету. В то же время он оповестил обо всем свою барыню и своего парижского приятеля, коротко знакомого, как ему было известно, с одним русским семейством. Таким образом через одну-две недели известие о его письме и о картеле дошло до больной; она была поражена, ошеломлена такой низостью, она уже презирала его, с этого дня она его возненавидела. В первую минуту возмущения я хотел с ним покончить, принять вызов, но при условии, чтобы один из участников поединка остался непременно на поле; однако устроить это оказалось не так легко, он жил в Цюрихе и не обнаруживал ни малейшего намерения приехать в Ниццу, где меня удерживала болезнь жены. После нескольких дней раздумья я совершенно изменил решение. Я ясно понял, что дуэль была им предложена лишь как средство примирения, как средство реабилитации — а больше всего как средство окончательно погубить эту женщину-страдалицу. Совершенно очевидно, что дуэль была бы на пользу ему одному — так вот не будет же ему дуэли. Вместо дуэли я решил при свете дня, гласно сделать то, что он делал во мраке ночи, исподтишка.

Я сам заговорю.

И я реабилитирую эту женщину.

А его, его я покрою позором, презрением, если уж не могу покрыть его землею.

То, что я взваливал себе на плечи, было огромно. Ибо я уже не скрывал от себя, с каким противником мне предстоит иметь дело — с человеком, *свободным* от всех предрассудков, вроде Гёргея, Бокарме и других им подобных, еще недавно на наших глазах всплывавших на политическую арену. Эти люди чрезвычайно опасны, потому что лишены даже морали разбойников и порядочности воров. Только загнившая цивилизация, только разлагающийся мир может порождать подобные человеческие существа, полностью лишенные совести.

Я приготовился ко всякого рода подлостям и почти уже наполовину завершил дело, ибо он никогда не оправится от ударов, которые я ему нанес, хотя я вполне разделяю ваше мнение, «что этого не достаточно». Я довел бы дело до конца, если бы смерть не оборвала сразу все струны, не уничтожила все надежды. Она не выдержала этой нечеловеческой борьбы. Я отомщу за нее — но слишком поздно, я выйду победителем, но ее уже нет, и мои поступки уже не имеют ни прежнего значения, ни прежнего смысла. Я продолжаю начатое, но цель моя сузилась.

Что касается реабилитации жертвы — она была великолепна. Жертва сама себя реабилитировала. Все с уважением склонились перед энергией и душевной силой этой женщины, она была величественно прекрасна на своем скорбном ложе, давая волю священному негодованию. Она не оправдывалась в своем злосчастном увлечении, но она хотела спасти наше прошлое, которое тот осмелился чернить клеветой, наше настоящее, которое он изображал как обман и насилие. Наконец, она хотела собственным словом покарать злодея, так подло ее предавшего. Она написала три превосходных письма — одно из них тому человеку. Это то самое, которое он отослал обратно, сказав, будто не распечатывал его, и в котором оказались какие-то гнусные замечания, им написанные; это, наконец, то самое письмо, которое мои друзья Гауг и Тесье дю Мотэ ему предъявили, выполняя волю покойницы. Подробности вам известны. Он имеет бесстыдство¹ утверждать, будто письмо — поддельное, будучи уличенным в противном — негодяй! Даже смерть не пробудила ничего человеческого в этой развращенной душе; перешагнув через труп, он бросает еще грязью в могилу, им же вырытую. Это чудовище! И подумать только, что в то самое время, когда происходило это моральное убийство, он, уже ранее бросив жену и детей и поддерживая с женой отношения лишь для того, чтобы выманить у нее деньги, — все это время живет со старой прелестницей, которая в свою очередь его содержит, — воображение останавливается перед таким распутством, перед таким непомерным развратом и разложением.

Я совершил непоправимую ошибку, сознаюсь, и я поплатился за нее всеми муками укоров совести. Нельзя было выпускать этого человека из моего дома, его надо было убить. Слезы и рыдания двух женщин обезоружили меня; он уходил, низко опустив голову, чувствуя свою вину, продолжая еще уверять меня в своей дружбе и передав мне через свою жену, что я могу его убить, но он никогда не поднимет руки на лучшего своего друга. Я дал ему уйти. Это было большой слабостью, теперь я за нее расплачиваюсь. Никакая

¹ Над словом в автографе надписано: *l'effronterie* (наглость). — *Ред.*

дуэль не могла бы исправить эту ошибку. Мне оставалось только одно — разоблачить злодея и нанести ему публично удар, вызвав всеобщее его осуждение — это было необходимое начало мщения.

В позднейших событиях он превзошел самого себя и помог мне больше, нежели мои друзья, уронить его в глазах каждого порядочного человека. Что, в самом деле, можно думать о человеке, который на пощечины отвечает журнальной полемикой, который отказывается от своих долгов, предусмотрительно заставив свою жену подписать за него векселя и давая таким образом повод обвинить ее в мошенничестве? Только такой человек был способен, прожив целые годы в теснейшей близости со мною, сказать, что я не отпускаю от себя жену потому, что хочу завладеть ее состоянием (он знает, что у нее ровно ничего не было), только такой человек был способен напечатать в одном *реакционном* листке, что я раздаю русские субсидии, русское золото, хотя он лучше чем кто-либо другой знал, что золото, которое он так по-братски у меня брал (он мне должен еще 13 000 фр.) — не русское, не прусское, а просто-напросто *мое собственное*. И этот самый человек с помощью своей жены напечатал месяц назад, «что его имя дорого демократии».

Взываю же к вашему правосудию, друзья и братья, пусть все вынесут свой приговор, как это сделали вы, Маццини, Виллих — и пусть «впервые, как я уже писал в другом месте, правосудие свершится без прокуроров, без палача, во имя солидарности народов и независимости личности». И пусть он убирается с клеймом на лбу и прячется под крылышком не только цюрихской, но и общеевропейской полиции; там для него найдется и место, и дело, и настоящее *русское золото*.

Спасибо, еще раз спасибо за ваше прекрасное письмо, примите мою признательность, дружбу и бесконечную симпатию.

От всего сердца жму вашу руку.

Александр Герцен.

По странной случайности я заканчиваю настоящее письмо 7 сентября. Это был день ангела бедной мученицы. В первый раз я провожу этот день без нее. Настоящее письмо — моя заупокойная обедня по ней. Когда же настанет день, тот единственный ожидаемый мною день, когда я смогу, торжественно подойдя к ее могиле, сказать: «Я раздавил змия» и прибавить свое *Nunc dimittis*¹, ибо жизнь в сущности отвратительна и невыносима.

¹ ныне отпускаеши (лат.).— *Ред.*

Верху письма:

Вот черновик письма. Никаких фактических изменений в нем нет, за исключением некоторых погрешностей в языке. Эдмон может их исправить. Мне хочется знать ваше мнение о письме. Мне оно кажется хорошим.

218. М. К. РЕЙХЕЛЬ

14 (2) сентября 1852 г. Лондон.

Вторник, 14 сентября, London.

Давно не писал я, отчасти оттого, что нечего писать, отчасти оттого, что и скучно, и вечный насморк. Мы здесь как-то страшно действительно ничего не делаем. Вчера был я в Севен-Оксе, что в Кенте, гостили мы у Mrs Biggs, это по-русски, а не по-французски, приехали мы утром и хотели вечером уехать. Но они нас оставили ночевать и Сашу оставили еще на два дня. Там встретил я Нестора всех социалистов — Овена; 80-л^{етний} старик, ездит верхом, беспрестанно говорит, проповедует со всей энергией молодости, но повторяет все одно и то же. Сегодня я приглашен к M^{rs} Карлейль (жена автора, вы знаете его историю революции, его самого нет, и он очень любит мой «Vom and^{ern} Ufer»), он хотел со мной познакомиться. Жена приглашает за него. Итак, новый мир с новыми людьми вертится, а кабы вы знали, как внутри скучно. К тому же из Женевы ровно ничего не пишут. Генерал часто капризничает, насилу уйдем, уж даже Осипу Иван^{овичу} с ним не сладить. Я написал предлинную грамоту к Прудону, да не знаю, как отправить, не прислать ли на ваше имя — как бы вас не спросили. Впрочем, в письме, кроме частного дела, ничего нет. А только, во всяком случае, вы должны списаться, не возьмут ли Ст^{анкевичи}, оно удалось.— От Ротшильда был ответ, что де письмо получено, но что-то последует после. Итак, я жду. Нужно спросить, кому Шомб^{ург} поручил мне писать.

Сейчас узнал, что Пр^{удон} в Лионе, так, вероятно, он на обратном пути. Пожалуйста, безгневно попросите Рейхеля, когда будет близко, завернуть к Дарим (я беру буквы в рост) и отдать записочку.

Книг я не получал, да и нельзя послать иначе, как письмо. А Франции не понимаю. Никто не едет сюда, нет ли okazji какой, одолжили бы двумя-тремя экземпляриками. Прощайте. Как вы на новоселье? Я думаю, придется еще дней 8—10 остаться здесь. Холод страшный, и у меня «коль», т. е. катарр, простуда. Mich^{elet} и Ст^{анкевичам} поклон. Что Мельг^{унов} не пишет?

14—16 (2—4) сентября 1852 г. Лондон.

Знаешь ли, Тата, где Сапа? В графстве Кент, в городе Севен-Окс (Sevenoaks) у той английской даме, которая бывала у нас в Ницце с двумя дочерьми. У них большой сад. А возле парк, в котором 1300 оленей. Ты не забудь мне опять корпии наделать, я не кладу другой, кроме твоей работы.

Прощай. Довольна ли Оленька садом? Кланяйся Маришен.

Твой П а п а.

220. К. ФОГТУ

16 (4) сентября 1852 г. Лондон.

16 sept<embre>. London. 4, Spring Gardens.

J'ai reçu, Cher Vogt, votre relation pour laquelle je vous remercie beaucoup. Eh bien, il a perpétré encore une bassesse, il faut nécessairement faire du bruit avec le refus d'accepter la dette. Sa femme est donc inculpée par lui d'escroquerie. J'ai écrit aujourd'hui à Bonfils et j'écirai demain à Presset pour lui dire que je charge Avigdor à Nice de l'affaire. Je toucherai aussi *tanto poco* la belle question des 2000, mais légèrement.

J'ai trouvé ici de grandes sympathies. Willich et Maz<zini> ont mis presque autant d'empressement que Löwe de froideur. Au commencement après mon arrivée, il est venu me voir deux fois, je lui ai proposé de dîner ensemble, probablement il a pris cette invitation pour une *captatio benevolentiae* — et s'est excusé d'une manière étrange. Vous pourriez lui écrire (sans parler de cela), 7 *Leicester Place* ou *Square*. — car moi je n'irai plus chez lui, s'il ne vient pas chez moi. Oh, le sang israélite.

J'ai fait la connaissance de Kinkel et de Reichenbach. Mais nous n'avons pas parlé de l'affaire. Je trouve les Anglais d'une hospitalité extraordinaire, c'est tout le contraire de ce qu'on raconte d'eux.

Madame Carlyle — m'a invité chez elle en l'absence de son mari, qui est en Allemagne pour chercher les documents historiques sur le temps de Frédéric II. Il se trouve que Carlyle est un amateur de mes petites choses, comme je suis admirateur de son histoire, et qu'il voulait faire ma connaissance.

Alexandre n'est pas à Londres — mais à Kent et nommément à Sevenoaks chez Mme Biggs, il y a là un grand jardin, des demoiselles, des gymnastiques. On l'a pris pour 4 jours. — Il apprendra bientôt l'anglais.

Les espérances d'aller à Paris ne sont pas grandes. Rotsch<ild>

se tait. Pr<oudhon> a eu un refus (aussi la pensée était saugrenue sous tous les rapports, Proudhon protecteur!)

Je resterai ici tout au plus une dizaine de jours.

Maintenant quant à la chose que vous proposez, elle est très difficile, et de grâce ne dites pas que vous m'en avez parlé. Je voudrais les abaisser au point qu'elle viendrait implorer la déportation de son mari comme grâce, et qu'alors on pourrait dicter des conditions. Mais entrer en pourparlers, mais faire des avances des propositions—cela est impossible. Entre autres pensez bien que c'est peu de la restitution des documents — il a peut-être copié, il peut voler une partie. Il finit une déclaration signée, une déclaration cathégorique. Pensez-vous qu'il la donnera? Les difficultés sont immenses. — Faites, cher Vogt, tout ce que vous trouvez bon à faire, vous avez été immensément utile dans l'affaire, mais ne m'engagez à rien personnellement sans avoir débattu ensemble les pour et les contre.

Nous perdons ici le temps d'une manière horrible. Le général est plus que Fabius, il est *curclator* fabuleux. Je ne puis commencer ici le mémoire, les $\frac{3}{4}$ des papiers sont en Suisse.

Voilà encore une chose à faire, il faut leur dire, leur faire parvenir que j'ai maintenant de quoi l'écraser avec les trois lettres de Pr<oudhon>, de M<azzini> et de W<illich> que la rédaction de *The Leader* et la *Nation* ont offert leurs colonnes pour les imprimer. Mais j'attends encore — j'attends, mais le plus petit mot imprimé par la femme ou par lui — j'imprimerai les documents avec ma lettre à Pr<oudhon>. L'opinion est décidément en ma faveur.

Adieu, cher Vogt. Mes salutations à tous les membres de votre famille. Ecrivez-moi ici.

N'est-ce pas beau de la part de Wellington de mourir pendant mon séjour. Il y a 5 jours nous passions devant son hôtel et je disais au général — W<ellington> pourrait parfaitement nous régaler d'un enterrement. Croque le *Times* apporte la tristissime nouvelle — probablement on lui élèvera encore 444 statues.

Adieu.

Adressez votre lettre à Londres d'après l'adresse qui est dessus.

Перевод

16 сентября. Лондон. 4, Spring Gardens.

Ваше сообщение, дорогой Форт, я получил, за что вам премного благодарен. Итак, он совершил еще одну подлость, крайне необходимо поднять шум в связи с отказом выплатить долг. Он же сам и обвиняет свою жену в мошенничестве. Сегодня я написал Бонфису, а завтра сообщу Прессе, что поручаю Авиудо-

ру в Ницце вести дело. Я также затрону tanto poco¹ и милый вопрос о 2 000, по легонько.

Я встретил здесь большое сочувствие. Виллих и Маццини проявили почти столько же участия, сколько Лёве сдержанности. Вначале, после моего приезда, он два раза был у меня, я пригласил его вместе пообедать, но, по-видимому, он воспринял это приглашение как *captatio benevolentiae*² и уклонился довольно страшным образом. Вы могли бы написать ему (не упоминая об этом) — 7, Leicester Place ou Square — так как я к нему больше не пойду, пока он ко мне не зайдет. О, еврейская кровь!

Я познакомился с Кинкелем и Рейхенбахом, но о деле мы не говорили. Я нахожу англичан исключительно гостеприимными вопреки тому, что о них рассказывают.

Госпожа Карлейль пригласила меня к себе, ее мужа не было в это время. Он в Германии, собирает исторические материалы эпохи Фридриха II. Оказалось, что Карлейль такой же почитатель моих миниатюр, как я его истории, и хочет со мной познакомиться.

Александр не в Лондоне — он в Кенте, точнее в Sevenoaks у г-жи Бигз; там большой сад, есть барышни, занимаются гимнастикой. Его взяли на 4 дня. Вскоре он овладеет английским.

Поездка в Париж маловероятна. Ротшильд молчит. Прудону отказали (сама мысль была во всех отношениях нелепа: Прудон покровитель!).

Я пробуду здесь самое большее десять дней.

Теперь относительно того, что вы предлагаете. Это трудное дело, и бога ради не рассказывайте, что вы мне об этом говорили. Я хотел бы их унижить настолько, чтобы она отправилась умолять о высылке своего мужа как о милости, и тогда можно будет диктовать условия. Но входить в переговоры, делать первые шаги, предложения — это невозможно. Между прочим, подумайте о том, что возврата документов еще недостаточно: он, может быть, снял копии, часть может утаить. Он заканчивает письменное заявление в категорической форме. Вы думаете, что он его отдаст? Трудности огромны. — Поступайте, дорогой Фогт, так, как вы найдете целесообразным; вы принесли делу огромную пользу, но не обязывайте меня ни к чему, не обсудив вместе со мной все за и против.

Мы страшно теряем здесь время. Генерал баснословный кунтатор, еще более, чем Фабий. Я не могу здесь начать мемуар, так как $\frac{3}{4}$ бумаг остались в Швейцарии.

¹ немного (лат.); ² заискивание (лат.). — Ред.

Вот что еще нужно сделать. Надо дать им понять, что у меня сейчас есть средство его уничтожить. Это три письма от Пр<удона>, М<аццини> и В<иллиха>, для которых редакции «The Leader» и «La Nation» готовы предоставить свои столбцы. Но я все еще медлю, медлю — однако, если его жена или он сам напечатают хоть одно словечко, я опубликую все документы вместе с моим письмом к Пр<удону>. Общее мнение решительно на моей стороне.

Прощайте, дорогой Фогт. Клапаяюсь всей вашей семье. Пишите мне сюда.

Не правда ли, мило со стороны Веллингтона умереть как раз в мой приезд. Пять дней назад, проходя мимо его особняка, я сказал генералу: «Что бы Веллингтону потешить нас похоронами». Могильщик «Times» принес нам печальнейшую новость — весьма вероятно ему будет воздвигнуто еще 444 монумента.

Прощайте.

Пишите в Лондон по указанному выше адресу.

221. М. К. РЕЙХЕЛЬ

17 (5) сентября 1852 г. Лондон.

17 сентября. London.

Позвольте на сей раз начать с savonnade¹, т. е. с выговора по службе за непослушание. Имел я счастье докладывать, что де по почте брошюр не посылайте. Изволили послать, результат — что я их оставил на почте, ибо следовало заплатить 18 шил. Таковых сумм, не сойдя с ума, не заплатил бы даже Сумароков за свои сочинения. — Далее, я спрашивал Дарим<она>, как адресовать письмо к Масальскому, а тот отвечает околесную: тот-де приедет, тот-де уедет, дело ваше хорошо, сидите в Лондоне три недели, — ну скажите на милость, что же это за белиберда. А потому посылаю письмо к вам, сделайте одолжение, спишите его, прочтите Ст<анкевичу> и Мел<ьгунову>, а оригинал положи~~вши~~ в пакет и надписавши «Его высокобл<агородию> Петру Ивановичу Прудонцу Масальскому», передайте не запечатывая Дарим<ону>, с авторизацией ему, Даримону, письмо читать, и Крестину читать, и немедленно, впрочем, Пр<удону> переслать. Да напишите ваше мнение об этом письме, оно весьма важно.

Знаете ли вы последний геройский подвиг цюрих<ского> г-на: он отперся публично, т. е. перед hussier², в долге и сказал,

¹ головомойки (от франц. savon); ² судебным исполнителем (франц.) — *Ред.*

что это долг его жены. Этот удар в рожу, он его нанес сам себе. Вы понимаете, что я могу преследовать ее за *escroquerie*¹, ибо она письменно говорит, что заем делается с его согласия. Итак, он официально не пощадил ее. Такие два-три удара еще, и, право, не найдешь места куда бить. Виллих вел себя чудесно в этом деле, об Ос<ипе> Ив<ановиче> и говорить нечего. У фран<цузского> Осип Иван<овича> сидел я вчера целое утро — и вспомнил Пушкина:

На генерала Киселева
Не положу моих надежд,
Он мил, о том ни слова...

Да, это один из самых любезнейших юношей. А вот Веллингтон так одолжил: я Гауку на днях, идучи мимо его дома, сказал: «Ну что б старику потешить меня похоронами». — На другой дець Гаук берет «Times» и катается с ним по полу — я отлил его водицей и спрашиваю, что случилось, — он опять в спазмодический смех и кричит: «Умер, ведь умер!» — вот вам и Кассандра.

Саша все еще в Sevenoaks.

Скажите Мельгу<нову>, что Haxthausen'a 3^й том глубокого интереса. Кстати, с самого начала он говорит о великих мужах, которых он знал в Москве, и перечень их начинается именем Мельг<унова>.

Прощайте. Скучно здесь еще три недели сидеть, возьму да и уеду.

Видишь ли, Тата, как Саша загулял в Кенте. Вчера я от него получил письмо по почте. Сегодня он приедет с мистрис Бикс. Я очень рад, что тебе нравится дом и сад.

Прощай. Целуй Олю.

Твой П а п а.

222. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Около 17 (5) сентября 1852 г. Лондон.

Узнала ли ты Сезарину, когда она к тебе пришла, выросла ли она еще? Она может Маришен носить на руках вместе с Оленькой.

Рукой Саши Герцена:

Милая Тата!

Я жил несколько дней у *madame Biggs*, и ее дочери просили меня написать тебе, что они тебя очень любят и целуют.

Я ездил там верхом и смотрел, как два оленя дрались: один был большой и маленький, другой черный и большой. Вдруг большой ударил так

¹ Мошенничество (франц.). — *Ред.*

малого, что я уже начинал жалеть последнего, но он отскочил, обернулся и так ударил большого, что он удрал во все поги, и оба исчезли в лесу. Кланяйся Сезарине и спроси у ней, что Личи делает. Я целую тебя и Оленьку и всю Машину фамилию.

С а ш а.

223. А. РУГЕ

20 (8) сентября 1852 г. Лондон.

Londres. 20 septemb^{re} 1852.
4, Spring Gardens. Charing Cross.

Cher monsieur Ruge,

Il y a trois ans et demi, nous nous sommes rencontrés avec vous bien sympathiquement à Paris et à Ville d'Avray. Battus le 13 juin, nous nous dispersâmes pleins d'espérances.

Depuis ce temps tout a péri, la France est devenue une caverne de brigands et un peuple de laquais. Heureux celui qui s'est sauvé avec les siens. Moi, au contraire, j'ai tout perdu, j'ai perdu dans un naufrage ma mère et un de mes fils, j'ai perdu ma femme. Battu, même dans mon foyer, après des épreuves terribles, amères — je me traîne sans occupation ni but, d'un pays dans un autre. Enfin me voilà à Londres. J'ai voulu voir les anciens amis et je vous ai cherché ici. Mazzini m'a dit que vous étiez à Brighton; permettez-moi donc de vous serrer la main de loin et de me rappeler à votre souvenir. Je resterai encore une dizaine de jours ici et je partirai avec un véritable regret si je ne vous vois pas.

Je vous salue fraternellement.

Alexandre Herz en.

Перевод

Лондон. 20 сентяб^{ря} 1852.
4, Spring Gardens. Charing Cross.

Дорогой господин Руге,

три с половиной года тому назад мы весьма дружески встретились с вами в Париже и в Вильд'Аврэ. Потерпев поражение 13 июня, мы разъехались в разные стороны, преисполненные надежд.

С той поры все пошло прахом, Франция превратилась в разбойничий вертеп и в нацию лакеев. Счастлив тот, кто спасся со своими близкими. Я же, напротив, все потерял, я потерял во время кораблекрушения мать и одного из своих сыновей, я потерял жену. Потерпев поражение даже у собственного своего очага, после ужасных, горестных испытаний—я кочую без занятий, без цели из одной страны в другую. И вот я, наконец, в Лондоне. Мне захотелось повидаться с прежними друзьями, и я принялся искать вас здесь. Маццини сообщил мне, что вы

в Брайтоне; так позвольте же мне позвать вам издали руку и напомнить вам о себе. Я останусь здесь еще дней десять и уеду с непритворным огорчением, если с вами не увижусь.

Братски приветствую вас.

Александр Г е р ц е н.

224. А. САФФИ

23 (11) сентября 1852 г. Лондон.

23 sept<embre>.

Cher monsieur Saffi, vous avez eu la bonté de nous promettre de passer ce samedi la soirée chez nous; permettez-moi de vous prier d'éloigner ce plaisir jusqu'à mardi. Nous avons le projet d'aller hors de la ville demain après le dîner.

Mardi viendra aussi Mr Reichenbach. Vous ne l'oublierez pas, n'est-ce pas?

Salut fraternel.

А. Н е р з е н.

4, Spring Gardens.

На обороте: Mr Saffi.

King's Road. Radnor Street, 15.

Перевод

23 сентября.

Дорогой господин Саффи, вы любезно обещали провести у нас вечер в эту субботу; позвольте просить вас отложить эту приятную встречу до вторника. Мы собираемся завтра после обеда за город.

Во вторник к нам придет и г-н Рейхенбах. Вы не забудете, не правда ли?

Братский привет.

А. Г е р ц е н.

4, Spring Gardens.

На обороте: Г-пу Саффи.

King's Road. Radnor Street, 15.

225. М. К. и А. РЕЙХЕЛЯМ

24 (12) сентября 1852 г. Лондон.

1852. 24 сентября.

День идет за днем, будто жду чего-то, вот уж другой месяц пошел, как я в Лондоне. И я нисколько не знаю, когда и куда еду. Всего вероятнее, поеду дней на пять в Дублин — взглянуть на изумрудный остров и на народ, которого судьба бьет три столетия без пощады и устали.

Неопределенность эта скучна. Для Саши даже вредна, чего-то я жду — ответа от Пр<удона>, кажется, все это суший вздор, а вот что не вздор — что здесь нами ужасно занимается немецкая полиция, — вот тут и думай, как проехать в Женеву, уж не через Испанию ли? Мы еще не надоели здешнему кружку, к которому натурально принадлежим, все еще приглашают и ласкают и сами у нас бывают, так что дни, т. е. вечера, почти всегда за полнедели разобраны. Мы всякий день ложимся спать в три, даже в четыре часа, тоже и спирты всякие употребляем, но santé du foie¹ восстановлено назло Мельгунову, только я постоянно страдаю, с тех пор как здесь, гастрическими спазмами, все собираюсь спросить доктора.

В Россию как пришла весть о смерти Веллингтона, государь велел пришить князь Петра Михайловича Волконского — мы-де не хуже Англии, у нас тоже старые генералы мрут.

Воскресенье еду в Брайтон, чтобы увидаться с Руге. Не подняться, кажется, цюрихскому мерзавцу от всех ударов, которые я ему нанес, а есть еще гнусные поступки, которые потрясают общественную совесть.

Мюллер-Стрюлинг здесь, это неожиданная вовсе помощь, теперь и Жорж Санд будет замешана.

Cher Reichel, ne me grondez pas, mais en amitié, lorsque vous serez dans la rue Richelieu, mettez le pied dans la librairie de Franck; je ne comprends rien, pourquoi il n'envoie ni livres, ni réponses — c'est tout bonnement grossier. Au moins il devrait faire notre compte avant de finir toutes les relations.

Est-ce que Пр<удон> est arrivé? Et Schombourg? Quand donc viendra Melg<ounoff>, et St<ankevitch> viendra-t-il? Il faut voir Londres, quoique cela est difficile, un brouillard de l'épaisseur de goudron le couvre.²

226. М. К. РЕЙХЕЛЬ

1 октября (19 сентября) 1852 г. Лондон.

Вот и октябрь. Идет-таки, идет. Я вспомнил, писавши сегодня в Женеву, насмешливую и горькую надпись на солнечных часах в Ницце:

¹ состояние печени (франц.). — *Ред.*

² Дорогой Рейхель, не браните меня, а из дружбы, когда вы будете на улице Ришелье, загляните в книжный магазин Франка; я никак не пойму, почему он не посылает мне ни книг, ни ответов — это уж просто грубо. По крайней мере ему следовало бы рассчитаться с нами, прежде чем прекращать все сношения.

Прибыл ли Прудон? А Шомбург? Когда же придет Мельгунов, и придет ли Станкевич? Необходимо посмотреть Лондон, хотя это и нелегко, потому что его покрывает густой, как смола, туман (франц.). — *Ред.*

lo vado e vengo
Ogni matina,
Ma tu andrai
Un giorno
Senza ritorno¹.

Помните? — Надпись эта провожала меня во все ужасные минуты моей жизни, мне приходилось всякий день ездить мимо — и после 16 ноября, и в мае.

Господи, а ведь еще году нет, а столько уже ушло *senza ritorno*², а я все еще в шуме, уж и боюсь покоя, право, кажется, и не нужно останавливаться — в Америку, в Австралию, куда-нибудь, как-нибудь поддерживать раздражение, благо силы выносятся, благо все это не совсем набило оскомину, а жить... *andremo un giorno senza ritorno*³.

1 октября Покров день, сельский праздник в Покровском, с какой нежностью вспоминаю я эти русские картины. Так живо перед глазами зеленый лес, и староста Василий Яковлев, и две дочери его, одна Лушка, другая Анна, — и я там был на празднике и в 1829 и 1830.

В 29-м я готовился в университет, в 30-м я был студентом и уже вполне воспитан революцией 30 июля; как рвался я тогда вперед, в жизнь, успех за успехом, а потом с колокольни да и в пропасть. В 44-м году мы были целое лето в Покровском, тогда там царил уже Савелий.

Что касается до болезни Ст<анкевича>, скажите ему, что я точно так же болен с самого приезда, вспомните, как вы долго были больны в 1850 г. Носит ли он фланель? Это необходимо, я советую ему как можно меньше пить воды и питаться более всего говядиной и вместо бордо пить бургонское. Да пусть он бросит вечное лечение и выгонит всех докторов. Я, право, вылечил бы его и даже Мельгунова, который не болен. Здесь все еще меня празднуют, как только кончат, так я уеду, как настоящая кокетка. Но куда? That is the question. Впрочем, вероятно, дождусь половины октября, я, может быть, поеду в Кадикс, благо есть попутчики. Хорошо здесь, но долго оставаться скучно. Будет ли какой ответ от Фрапка?

Если кто приедет сюда, пришлите экземпляр «V<om> an d<ern> Ufer»; и роман, переведенный Вольфзоном, и «Briefe

¹ «Я иду и возвращаюсь каждое утро, а ты уйдешь однажды и больше не вернешься» (итал.); ² без возврата (итал.); ³ уйдем однажды без возврата (итал.). — *Ред.*

aus Italien», но только с оказией; как же не найти, а то по почте это будет стоить пуд стерлингов.

Перебывавши у всех великих мужей, я собираюсь к великим женщинам — в понедельник еду к Mme Brüning (гр. Ливен), это дама-лев, дама-шакал, дама-пери. Она участвовала в освобождении Кинкеля, она царит здесь в Германской республике, все тайно в нее влюблены. (Вот что значит русская дама!) Вы понимаете, что я по службе должен явиться: «Вашего демосачества казацкого полку на вести прислан! В домовом английском отпуску находясь, имею счастье представиться». В следующем письме будет рассказ. Вероятно, и Шомшильд возвратился, да и еще вероятнее, что отказ был. Впрочем, я теперь ни за какие блага в Париже жить не стал бы. А только проездом.

227. М. К. и А. РЕЙХЕЛЯМ

7 октября (25 сентября) 1852 г. Лондон.

7 октября.
4, Spring Gardens.

Будто давно не писал к вам. — Да, право, не знаю, что писать, то много, то мало; когда много — то больше темного и печального. А это, наконец, и для вас скучно, писанное хныканье и для меня не почтенно.

Франк — подлец, я ему напишу сегодня, никаких книг он не посылал.

Пора отсюда ехать, уж развязали бы меня Прудон и Шомшильд; я полагаю пока остановиться в Брюсселе, а весной увидим. Мне бы очень хотелось к 20-му уехать — довольно Лондона. А *propos*, — я был, наконец, у Mme Брюнинг (кн. Ливен). Это умная русская барыня, которая вздумала представлять немку. Ее хотели в Германии схватить и выдать, п(отому) ч(то) Николай Семёнович ужасно был взбешен за ее участие в освобождении Кинкеля. Зная ее нелюбовь к Руси, я представил из себя отчаянного русофила и, между прочим, не только стал по-русски говорить, но уговорил певицу, бывшую тут, спеть 2 русских песни. Все это немцам во зло, а вам в славу и честь. Немцы все в нее влюблены, а она собой нехороша — но бойчее и аристократичнее немецких идеальных картофелей; вот демократы-то и того.

На днях был я в Брайтоне и, между прочим, видел там Руге — вот истинно бог хорошо придумал ему фамилию, он в продолжение обеда ругнул всех своих друзей. Одного Бакунина хотел было похвалить, да и то своротил на брань, и все это с такой злобой, с такою желчью, и притом тихим голосом и с тонкой улыбкой. Просто поэзия.

Саша начинает мараковать по-английски. Скучает оттого, что нету товарищей; детей его возраста довольно в парке (С. Джемс), да не умеет говорить с ними. Проект ехать в Италию, кажется, отменен диетой. От вас жду, впрочем, шомпильдский ответ.

Если будет оказия, пришлите брошюры. Прощайте.

Cher Reichel,

Je vous serre la main, les deux mains, si vous étiez quadrumané je vous aurais serré les 4 pour toutes les commissions tracassières que j'ai la cruauté de donner et vous la mansuétude de faire. Vous savez que Müller-Strübing est ici, il veut donner des leçons de français à Londres et pense qu'il suffit pour cela de connaître l'allemand et Mme Sand.¹

Благодарю тебя, Тата, за корпию, ты мне и еще потом сделай.— У вас была большая гроза, мы об этом читали в газетах. Кланяйся Морицу, Оленьку поцелуй.

Прощай.

7 октября 1852. Лондон.

Рукой Саши Герцена:

Милая Тата, папа ездил в Брайтон, и я тоже. Там я ходил к «морскому берегу» и очень долго искал тебе раковин, но их не было оттого, что море было высоко.

Напиши мне, что тебе хочется другого. Целую тебя, и Оленьку, и Машу, Рейхеля, Сашу и Мориса.

С а ш а.

Лондон. 4, Spring Gardens.

228. М. К. и А. РЕЙХЕЛЯМ

15 (3) октября 1852 г. Лондон.

15 октября.
4, Spring Gardens.

Вы пишете: «Ведь недурно было вам в Париже в последний раз». Алекс(андр) Иван(ович) Тургенев говаривал в споре с Ховриной: «Ах, вы моя милая игнорантка». Прошу заменить Ховрину собой, а Тургенева таковым же мной.— Восемь дней, проведенных в Париже с вами, с Ст(анкевичами) и М(ельгуновым), меня оживили, я забыл, рассеялся от души. Да разве из этого следует, что там можно жить при совершенном отсут-

¹ Дорогой Рейхель, жму вам руку, обе руки, а если б вы были четвероруким, я пожал бы вам все 4 — за все те хлопотливые поручения, которые я имею жестокость давать, а вы имеете снисходительность выполнять. Вы знаете, что Мюллер-Стрюбинг здесь, он собирается давать в Лондоне уроки французского языка и полагает, что достаточно для этого знать немецкий язык и г-жу Санд (франц.).— *Ред.*

ствии всякой легальности? Лучше уж просто взять пасс в Москву или Петербург да и ехать самому. Если даже и дадут позволение, то можно только повидаться. — Скучно, но такова доля тех дураков, которые предпочитают мечты апостольства чину статского советника. *Au reste*¹, эти общие кресты легки, если б не было частного креста: я сделан бойцом, зато и здоровье лошадиное, которое возмущает Н^иколая Ал^{екс}андровича, и если бессилен теперь, то это оттого, что фатум напал на меня тайком сзади, когда я боролся впереди. — Вы знаете, отчего воздушный шар не может сладить с локомотивом? Оттого, что нету точки опоры. Отнимите у Геркулеса доску, на которой он стоит, он грянется наземь от кулака Маврикия Рейхеля.

Я в большом раздумье — кажется, вообще главное, что я делаю, — это раздумье. Остаться здесь или ехать? Ехать! Куда ехать? Испания, Брюссель, Фрибург. И не могу решиться. Тесье говорил, что у меня натура Гамлета и что это очень славянски. Действительно, это замечательное колебанье, неспособность действовать от силы мысли и мысли, увлекаемые желаньем действия прежде окончания их. *Zögern, sich aufzuheben*², хохот иронии, досада на все, пуще всего на себя, чувство своего бессилья, недоделки, рассеянья и *retour*³.

Вам смешно, может быть, потому что вы составили себе немецкую идею о Гамлете, представляете его сухим, как Шомбург, бледным, как воск. Вспомните, что его мать говорит: «Подайте сыну моему *vina*, принц так толст, он устал». И Фортинбрас готов — это Тата. Тата скорей, нежели Оля — светлая и *wehmütig*⁴, умная дурочка.

Итак, Лондон, Брюссель — загадаю на картах. Для моего дела мне здесь не нужно более оставаться. Я дожил до того, что даже против меня начала составляться партия. А *propos*, на днях был Зольгер, он сначала было хотел мне бравировать и играл роль *de la non intervention*⁵. Меня это огорчило и взбесило. Мы поговорили крупно и Зольгер, удивленный сначала, стал выкидать в дело и кончил тем, что со слезами проклял своего прежнего приятеля и стал совершенно шой стороны.

Головин явился из Лугано. Как-то помолодел, окрасил в новую краску волосы и представляет собой новый тип *d'un gamin ours*⁶. Издаёт журнал или *Revue* по-французски, я ему советовал назвать по-русски: «Реву с острова» — не согласается.

Он уже успел здесь повздорать с Кобденом, — преуморитель-

¹ Впрочем (франц.); ² Медлит, рваться (нем.); ³ опять все сначала (франц.); ⁴ грустная (нем.); ⁵ невмешательства (франц.); ⁶ молодящегося медведя (франц.) — *Ред.*

ный и добрый малый. Я жду, когда он паймет квартиру, чтобы искать себе в противоположной части города. А право, он добрый человек, но не очень близко; хорошее ружье попадает ловко в цель на далеком расстоянии.— Прощайте. Напишите ответ об Даримоне.

Cher Reichel, vous devez me prendre non seulement pour le premier égoïste du monde, mais pour un homme qui ne fait jamais un pas sans y être intéressé. Dès que vous voyez votre nom dans ma lettre, vous pouvez être sûr qu'il y a commission, procuration, délégation, abnégation, rue Lafitte, rue Richelieu, prière, fiacre, poste etc.

Ebbene, lato maestro, jugez vous-même, j'ai reçu une lettre de la pauvre Mme Darimon (le mari n'en fait rien); ils sont dans un état pitoyable de misère. Elle veut faire un assez grand emprunt; c'est impossible, expliquez à elle que j'ai d'autres amis et de plus intimes, pour pouvoir lui prêter 1000 francs.— Tout pesé, je lui offre 300 frs— je vous envoie une petite traite à votre ordre de 300 frs. Ayez donc la bonté de prendre en argent chez Schombourg et de le remettre à Mme Darimon.— Ajoutez à cela que sa lettre m'est parvenue complètement décachetée.

Je vous prie, cher Reichel, expliquez à cette femme malheureuse, que ce n'est pas un caprice de ma part; je fais tout ce que je crois juste; mais si j'allais au delà des limites, cela serait fini. Au reste personne ne peut mieux savoir mon désintéressement que la rédaction de la *Voix du peuple* qui a enterré mon cautionnement. Faites donc cela. A propos, étant chez Schombourg, dites-lui que je voudrais, s'il le conseille, vendre les papiers hollandais que j'ai et qui rapportent si peu (s'ils sont en hausse depuis 1850?) Je suis tellement entouré de véritables malheureux qu'il faut chercher d'avoir plus de rente et penser un peu que l'avenir ne représente plus rien à ces hommes que l'Amérique et la faim.¹

¹ Дорогой Рейхель, вы должны считать меня не только первейшим эгоистом на свете, но и человеком, который никогда не делает ни шага без какой-либо для себя выгоды. Стоит вам увидеть свое имя в моем письме, как вы уже можете быть уверены, что там идет речь о каком-нибудь поручении, доверенности, представительстве, самоотречении, улице Лафитт, улице Риппелье, просьбе, фиакре, почте и пр. Ebbene, lato maestro (Итак, свободный художник), посудите сами, я получил письмо от бедной г-жи Даримон (муж к этому отношения не имеет); они в самом нищенском положении. Она хочет сделать довольно крупный заем; это невозможно,— объясните ей, что у меня есть и другие друзья, и более близкие, так что я не могу ссудить ей 1000 франков.— Взвесив все, я предлагаю ей 300 фр(анков)— посылаю вам небольшой переводный вексель в 300 фр(анков) на ваше имя. Будьте же настолько добры, возьмите их наличными у Шомбурга и передайте г-же Дар(имон).— Присовокупите к этому, что ее письмо дошло до меня совсем распечатанным.

Прошу вас, дорогой Рейхель, объясните этой несчастной женщине,

18 (6) октября 1852 г. Лондон.

18 octobre 1852.

London, 4 Spring Gardens.

Cher Müller,

Lorsque je t'ai rencontré à Londres sans m'y attendre le moins du monde et lorsque deux jours après je te parlais des terribles malheurs qui m'ont frappé, le nom de G. Sand tomba de tes lèvres. Je frissonnais à ce nom.— C'était pour moi une indication. *Elle* doit connaître cette histoire, elle qui résume dans sa personne l'idée révolutionnaire de la Femme. Je t'ai exprimé mon désir de l'instruire de cette affaire.

La réponse dont tu m'a parlé hier me prouve qu'entraîné par l'indignation contre tant de scélératesses — tu ne m'as pas tout-à-fait compris. L'affaire n'est pas à juger, le tribunal n'est pas à former. L'affaire est jugée, un tribunal formel est impossible, un tribunal moral a prononcé son arrêt. La réprobation générale qui a enveloppé cet homme, en est la preuve. Penses-tu donc que des hommes comme Mazzini, Willich, Proudhon, Kinkel etc. se seraient prononcés avec tant d'énergie si les faits n'étaient pas constatés, s'il n'y avait pas de documents et de témoins. Dévoiler cet homme devant ceux que j'estime, que j'aime, est pour moi un besoin de cœur, un acte de haute moralité. Socialiste et révolutionnaire, je ne m'adresse qu'à nos frères. L'opinion des autres m'est indifférente. Tu vois de là que l'opinion de G. Sand a une valeur immense pour moi.

Il s'agit d'une femme dans cette tragédie. D'une femme qu'on a brisée, calomniée, persécutée, qu'on est parvenu à assassiner enfin. Et tout cela parce qu'une passion malheureuse a envahi son cœur, comme une maladie, et que son cœur repoussa au premier réveil de sa nature noble et forte. Et l'assassin, le calomniateur, le dénonciateur de cette femme était ce même homme qui, feignant pour elle un amour sans bornes, la trahit par vengeance, comme il avait trahi son ami le plus intime par lâcheté. Tu as vu ses lettres.— C'est un de ces caractères dans le

что это не каприз с моей стороны; я делаю все, что считаю справедливым; однако если бы я выходил за пределы, то хватило бы ненадолго. Впрочем, кому и знать лучше о моем бескорыстии, нежели редакции «La Voix du Peuple», похоронившей мой залог. Сделайте же это. Кстати, когда будете у Шомбурга, скажите ему, что я хотел бы, если он одобряет это, продать имеющиеся у меня голландские бумаги, которые приносят так мало дохода. (Поднялись ли они в цене с 1850 года?) Вокруг меня столько поистине несчастных, что следует постараться получить большую ренту и несколько подумать о том, что будущее уже ничего не сулит этим людям, кроме Америки и голода (франц.).—*Ред.*

genre d'«Horace» de G. Sand. Mais Horace développé jusqu'à la scélératesse.

Je n'ai pas voulu terminer une affaire pareille par un duel, il y avait trop de crimes, trop de perfidie pour les couvrir par la mort ou pour les laver par le sang d'une blessure. J'ai entrepris une autre justice, elle était hasardée. Le premier homme auquel je fis part de ma résolution, était Mazzini — il m'a soutenu dans cette voie difficile, il m'écrivit: «Faites de votre douleur un acte solennel de justice au sein de la société nouvelle, accusez — la démocratie jugera».

Je l'ai accusé, et mon appel à nos frères ne resta pas sans réponse. Maintenant je commence un mémoire détaillé — ce mémoire je voudrais l'envoyer à G. Sand.

Il ne me manquait pas de conseil prudent et charitable de me taire, de couvrir tout par un silence absolu. Celui qui dit cela, accuse la femme, je n'ai rien à cacher, elle est restée pure et sublime à mes yeux, mon silence serait perfide, serait un manque de religion pour la victime. — Et ensuite il n'y avait pas même de choix après les calomnies répandues par cet individu. Je fais à haute voix et au grand jour ce qu'il a fait nuitamment et en cachette. Mon accusation suivra cet homme partout. Je suis là sur le tombeau d'une femme que j'aimais — et je l'accuse; ce qu'on fera de mon accusation, je ne le sais pas. Je ne cherche pas de verdicts, — ils arrivent naturellement.

Portant mon accusation devant la plus haute autorité quant à la femme, la portant devant G. Sand, je ne voulais qu'un peu d'attention sympathique, qu'un peu de confiance.

Dans la pensée de m'entretenir de cette tragédie avec elle — il y avait pour moi un entraînement irrésistible.

Il y a longtemps que je rêvais à cela. Ta visite m'a montré de près la possibilité de réaliser ce dernier rêve poétique... Mais je n'ai demandé ni réponse, ni verdict, — je voulais laisser tout cela au temps et à la pleine conviction.

Voilà, cher Müller, ce que j'avais sur le cœur de te dire, communique quelque chose de cela à G. Sand, si tu n'as rien contre cela. Adieu. Je te salue fraternellement.

A. H e r z e n.

Перевод

18 октября 1852.

Лондон, 4 Spring Gardens.

Дорогой Мюллер,

когда я встретил тебя самым неожиданным для меня образом в Лондоне и когда два дня спустя рассказал тебе о страшных несчастиях, меня поразивших, с твоих уст сорвалось имя

Ж. Санд. Я вздрогнул, услышав это имя. — То было для меня откровением. Она должна знать эту историю, она, воплощающая в своей личности революционную идею Жемщины. Я высказал тебе свое желание ознакомить ее с этим делом.

Ответ, о котором ты мне вчера говорил, доказывает мне, что, увлеченный негодованием пред лицом таких подлостей, ты меня не совсем понял. Дело вовсе не подлежит судебному разбирательству, о создании трибунала не может быть и речи. Оно уже подверглось разбирательству, официальный трибунал невозможен, а моральный трибунал уже произнес свой приговор. Всеобщее осуждение, окружившее этого человека, служит тому доказательством. Ведь не думаешь же ты, что такие люди, как Маццини, Виллих, Прудон, Кинкель и др., высказывались бы с такой энергией, если бы факты не были установлены, если бы не было документов и свидетелей. Разоблачить этого человека в глазах тех, кого я уважаю, кого люблю, — это для меня сердечная потребность, акт высшей морали. Социалист и революционер, я обращаюсь только к нашим братьям. Мнение же остальных мне безразлично. Из этого ты можешь увидеть, что мнение Ж. Санд имеет для меня огромную ценность.

В этой трагедии речь идет о жемщине. О жемщине, которую сломали, оклеветали, подвергли преследованиям и которую в конце концов убили. И все это только потому, что злополучная страсть овладела ее сердцем подобно педугу, и потому, что ее сердце отригнуло эту страсть при первом же пробуждении ее благородной и сильной натуры. А убийцей, клеветником, доносчиком этой жемщины был тот самый человек, который, притворяясь, что беспрдельно любит ее, предал ее из мстительного чувства, как предал своего ближайшего друга — из подлости. Ты видел его письма. — Это характер в духе жоржсандовского «Ораса». Но это Орас, развившийся до злодейства.

Мне не хотелось окончить подобное дело дуэлью; в нем было слишком много преступлений, слишком много предательства, чтобы прикрыть его смертью или омыть кровью из раны. Я привел в действие иное правосудие, это было рискованно. Первый человек, которого я ознакомил со своим решением, был Маццини, — он поддержал меня на этом трудном пути, он писал мне: «Преобразите вашу скорбь в торжественный акт правосудия в лоне нового общества, обвините — демократия совершит свой суд».

Я обвинил его, и мой призыв к нашим братьям не остался без ответа. Теперь я принялся за составление подробной памятной записки — записку эту мне хотелось бы переслать Ж. Санд.

Недоставало только благоразумного и великодушного совета замолчать, прикрыть все непроницаемым молчанием.

Человек, предлагающий это, обвиняет женщину, мне же скрывать нечего, она осталась чистой и возвышенной в моих глазах, мое молчание было бы вероломством, означало бы, что я потерял веру в эту женщину, ставшую жертвой. — К тому же даже не было выбора после клевет, которые распространял этот субъект. Я делаю гласно и при дневном свете то, что он совершал во мраке и тайком. Мое обвинение будет преследовать этого человека повсюду. Я стою у могилы любимой мною женщины — и обвиняю его; каков будет результат моего обвинения — не знаю. Я не добиваюсь приговоров — они приходят сами собой.

Направляя свой обвинительный акт самому высокому авторитету в вопросах, касающихся женщины, — направляя его Ж. Санд, я желал лишь какой-то доли сочувственного внимания, какой-то доли доверия.

Мысль ознакомить ее с этой трагедией имела для меня непреодолимую привлекательность.

Давно уже мечтал я об этом. Твое посещение наглядно показало мне возможность воплощения этой моей последней поэтической мечты... Но я не просил ни ответа, ни приговора, — я хотел предоставить все это времени и выявлению полной правоты.

Вот, дорогой Мюллер, что мне хотелось сказать тебе, сообщив что-нибудь из этого Ж. Санд, если ничего против этого не имеешь. Прощай. Братски тебя приветствую.

А. Герцен.

230. М. К. РЕЙХЕЛЬ

20 (8) октября 1852 г. Лондон.

1852. 20 октября.

Письмо ваше и приложение Мельгунова, разумеется, получил. Записочку от Тат<ьяны> Ал<ексеевны> Саше не отдал, потому что он вчера уехал в Sevenoaks и до субботы пробудет там. Записка эта, как почти все от Астр<аковой>, сильно меня тронула. Ел<ена> Конст<антиновна> ее не любит, и по-московски, с большою нетерпимостью. Я сам называл ее когда-то Матрена Санд, но истинно теплее и деятельнее симпатии я редко встречал, и, взвесивши недостатки с добром, мне кажется, что последнее перевесит.

Мельгунову вексель на Ротшильда пришлю (у меня вышли его бланки), но прошу, как он сказал, эти 2000 вручить вам или Рейхелю к 1 января. — Вы не можете вообразить, какой расход, превышает всякое вероятие, не думайте, что я говорю о дороговизне или о собственных тратах. Нет, это не так важно.

Квартира стоит в месяц 10 фунтов. Проедаем, пропиваем и прогуливаем в месяц фунтов 50 (тут и Васбинтер, который Саше дает уроки и пр.), итого от 1500 до 1600 ф. На расход, вроде Дарим<она>, и на разные предприятия, ничего не принимающие...

Мое положение меня обязывает к этому. Тут Головин со своим *рассу* — возьмет две, три акции, тут NN, QQ, PP, XX со всяким вздором. Да рядом еще видишь так <много> нужды и страданий, что самому хочется помочь.

А потому надобно соблюдать некий порядок. Ищу квартиру побольше и подальше; об Бельгии думать нечего, а в Швейцарию проезд труден. — Не верю я в демарши Прудонца, а то бы я хоть проездом прожил бы недельку. Разлука с детьми нехороша, я все надеялся, что и вас из Парижа прогонят, да нет, скоро сделают императорским генерал-басом Рейхеля, а вас генерал-дискантом.

Много ли осталось жить, кто знает? И потому следовало бы быть вместе. Не придумано ничего.

Здесь, что можно было сделать по моему делу — сделано. Теперь идет переписка с Жорж Санд. — Мемуар писать необходимо. Из Швейцарии пишут, что отказ этого г<осподина> принять вексель страшно и окончательно уронил его. Прощайте.

Dein Brief, Tata, hat mir sehr viel Freude gemacht, er ist sehr schön geschrieben¹. Учись хорошенько, Саша начинает говорить по-английски. Поцелуй Оленьку.

231. М. К. РЕЙХЕЛЬ

26 (14) октября 1852 г. Лондон.

26 октября. Лондон.

Итак, я остаюсь здесь, квартиру нашел превосходную, даль страшная отовсюду... на обороте письма будет план. — Это значит начало отлива, буря, шумевшая возле два года, начинает успокаиваться, остатки от всех потерь и кораблекрушений прибило к совершенно чужому берегу. Думал ли я жить в Лондоне? — Никогда. Все случайно, так и следует. — Мало-помалу около меня составляется та пустота, тот покой, то одиночество, которое должно было начаться шесть месяцев тому назад. Досадно одно, что я все же не раздавил пюрихс<кого> мерзавца, дело не кончено, дела кончаются только тогда, когда

¹ Твое письмо, Тата, доставило мне очень много радости, оно очень хорошо написано (нем.). — *Ред.*

сверху посыпано землею. — Вероятно, у вас газеты тоже кричат о дуэли между французами, которая была здесь, я встречался с актерами этой печальной драмы. Всё люди хорошие, преданные, в цвете лет — один убит, другие в тюрьме. За что? — «Он плачет о Гекубе, а что ему Гекуба?» — говорит Гамлет, краснея от своей нерешимости. Дуэль эта потрясла меня. Если из-за дерзкого слова, за *on dit*¹ безумно убивать — то за ряд злодейств, измен, клевет безумно наказывать словами. — Все проклятый фатум, я даже не сам устроил свою месть, так устроилась.

Я начинаю очень серьезно думать о возможности соединить детей и не приложу ума. Долее весны это не может продолжиться, но что сделать, не понимаю. Мне вас потерять не хочется, а вы с Парижем крепче обвенчались, нежели с Рейхелем, потому что вы оба вышли за Париж, а за Рейхеля вы одни. Хоть бы, например, вам приехать на месяц погостить, не теперь, а *exem<pli> gratia*² к Новому году. — Путь ничего не значит, три часа моря, и со всеми потерями на дороге 14 часов. Подумайте-ка, старый сослуживец. Я приготовил бы рядом или возле квартиру. — Да вы не сердитесь за это, а просто скажите, что невозможно или неудобно. Наконец, не в январе, так в марте — а только разлука эта нехороша и тяжела.

Вот еще глупость: я на днях ушиб себе ногу об скамейку в комнате и забыл, а вчера нога распухла и готовится огромный нарыв. Гаук лечит. Ходить почти нельзя. Мое железное здоровье не может противустоять однако английской скамейке.

Вы пишете, что Мел<ьгунов> хотел 2500, а я прислал 2000. *Сага mia*³, Мел<ьгунов> пишет 2500 или 2000. В этих случаях я придерживаюсь всегда минимума.

Зачем это Станк<евич> лечится холодной водой. Право, все эти опыты диких лечений пора оставить.

Саша воротился из Sevenoaks и письмо напишет, да и я прибавлю строчки две. Мне кажется, что ни одно мое слово не дошло до русских друзей.

Да вот еще что: купите кухню для Таты (ведете ли вы записку особенных малых трат для меня, я вас прошу об этом; вы знаете, как было положено: для воспитания etc. детей с нянюшками и мамушками 5000 в год — из них вы получили 2500. К Новому году Мел<ьгунов> вручит 2000. — Но комиссии не в этом же счете) и уверьте, что это из Лондона. Купите лучше — фр<анков> в 15.

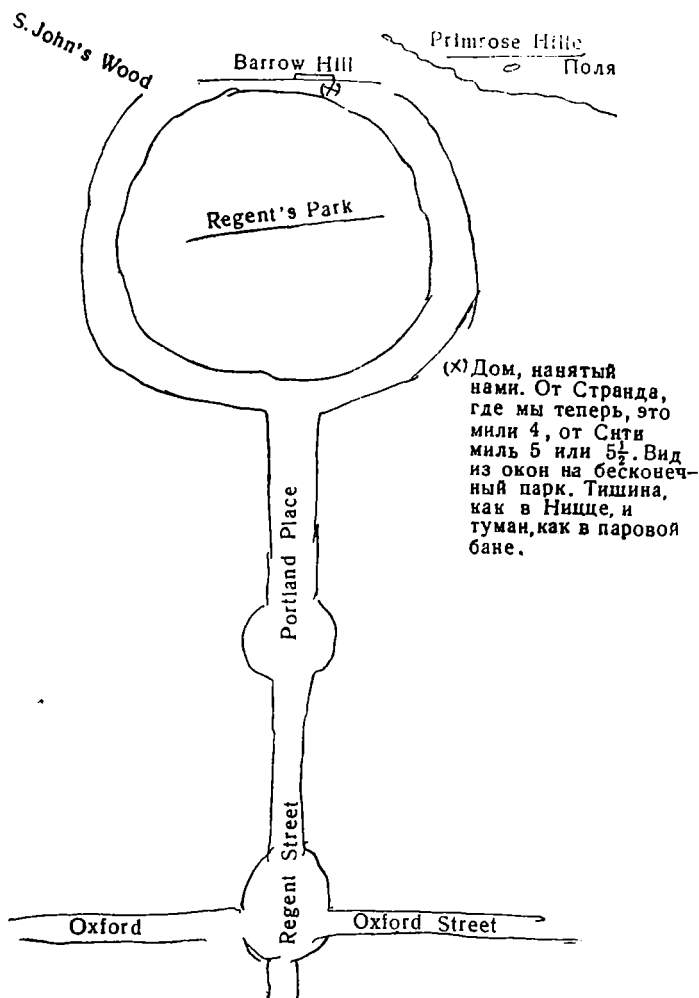
Прощайте. — Поклонитесь от меня Брус<илову>. Я очень помню его доброе участие в моем деле, за несколько месяцев.

¹ сплетню (франц.); ² например (лат.); ³ Дорогая моя (итал.). — Ред.

Je vous salue, cher Reichel, et je vous jure que je n'ai pas de commissions.— Venez voir Londres, je ferai les honneurs de la cité.¹

Прилагаю Тат<ьяне> Ал<ексеевне> записку.

На обороте письма:

¹ Шлю вам привет, дорогой Рейхель, и клянусь вам, что у меня нет поручений. — Приезжайте посмотреть Лондон. Я вам окажу от имени города почетный прием (франц.).— *Ред.*

232. ТАТЕ ГЕРЦЕН и М. К. РЕЙХЕЛЬ.
20 — 31 (8 — 19) октября 1852 г. Лондон.

Милая Тата.

Мы должны еще пожить в Лондоне, в Париж нас не пускают, а потому, чтоб ты не очень долго ждала кухню, я ее пошлю с первым кораблем, и на днях тебе ее принесет почтальон.

А что кроватка куклы—цела ли? А ты купи для Оленьки маленькую пупету.

Прощай. Будь здорова.

Твой П а п а.

Которого ноября рождение Оли и которого декабря Таты?

Рукой Саши Герцена:

Милая Тата,
мы через несколько дней переедем в другую квартиру, возле огромного сада.

Я тебе пришло тоже что-нибудь с кухней, только ты мне напиши, что ты хочешь. Твое немецкое письмо было чудесно, мы ждем французское.

Попелуй всех Машинных детей, ее, Рейхеля и Олю.

Будь здорова.

С а ш а.

233. ТАТЕ ГЕРЦЕН
Октябрь 1852 г. Лондон.

Я очень рад, что ты пишешь по-французски, моя душечка Тата, но главное — говори всегда по-русски. Ты русская девочка — и должна Олю учить по-русски. А Саша начинает говорить по-английски. Прощай, дружок. Кланяйся Елене Константиновне.

Гаук кланяется тебе и Маше.

234. М. К. РЕЙХЕЛЬ
1 ноября (20 октября) 1852 г. Лондон.

1 ноября. Лондон.
2, Barrow Hill Place, Primrose Road,
Regent's Park.

Адрес длинный и дикий, но делать нечего, пока почта не привыкнет, надобно так писать. Мы в такую даль заехали, что и здешние старожилы найти не могут.— Пустыня, и я доволен.

Письмо от Н<атальи> Ал<ексеевны>, разумеется, очень важно, но я не вижу из него ничего положительного, когда, при каких намерениях она едет, одна ли — все это темно.

И как же, не зная ничего, вдруг строить проект о перемене воспитания — да сойдемся ли мы теперь? Мар(ья) Касп(аровна), ваше последнее письмо не сообразно вашей глубоко рассудительной натуре. Вот что я вам скажу в ответ: 1°. О посещении в Лондоне я вам написал, потому что мне хотелось это устроить, но я довольно привык отказывать себе в самых простых человеческих желаниях, обещайте приехать к *марту*, чтоб ждать чего-нибудь. Не только детей, я вас, вас самих хочу видеть — да будто вы не понимаете этой страшной связи, вы «сообщница, соприкосновенная к делу». Я вас много люблю. — 2°. В Дрезден я детей не дам — Париж, Лондон или Швейцария, других мест я не знаю. 3. Вот это иное дело, если Нат(алья) Ал(ексеевна) приедет, отпустить с ней и с *Маритен* погостить ко мне детей — это было бы благодеяние. Но никак не предугадывая, что будет впереди.

Теперь насчет денег, не обижайте меня, не обижайте и себя — возьмите теперь 2000, отданные Мельгуновым, вот и всё. А потом сочтемся.

Энгельсон, говорят, приехал в Париж.

Послали ли вы в Москву мою записку? Если нет, прибавьте, что я Ор(арева) жду как величайшее и последнее благо. Пишите, что я жду.

Я тороплюсь, ваше письмо провалялось от воскресенья.

Прощайте. Тату целую и Олю.

Addio.

235. М. К. РЕЙХЕЛЬ

5 ноября (24 октября) 1852 г. Лондон.

5 ноября.

2, Barrow Hill— Primrose Road.

Ваше вчерашнее письмо меня испугало, я после всех несчастий сделался нервно слаб и величайший трус за других. Я дочитал его просто с лихорадочной дрожью — что ваш Саша? Напишите тотчас.

Неужели на свете нет хуже нас людей? Всё на нас, мы празднуем теперь одни поминанья, да похороны, да тех, которых совсем не хоронили. 16 ноября на дворе. — Я два раза инстинктивно понял свою судьбу. Вы сами, столько привыкшие читать глубже меня, нежели снаружи, не верили мне, когда я вам говорил о страшных предчувствиях и страшных былях в 1851, бывши с Энгельс(оном) в Париже. — После 16 ноября я в туманном ошеломлении съездил в Nières, но когда я воротился и спокойно остался один, тогда, ясно всматриваясь во все, я сказал: «Все кончено». Против трех врагов не совладать;

я никогда не верил в спасение, разумеется, я обманывал себя потом — но набирал силы. — В этом искусственно напряженном состоянии я жил до сих пор, помогая шумом и вином. Оно проходит, и я рад этому, на мне много обязанностей.

Поздравьте меня: с тех пор как я переехал в мое аббатство и разбитая нога не позволяет ходить — у меня явилось френическое желание написать мемуар, я начал его, по-русски (спишу вам начало) — но меня увлекло в такую даль, что я боюсь, — с одной стороны, жаль упустить эти воскреснувшие образы с такой подробностью, что другой раз их не поймаете... Иван Алексеевич, княгиня, Дмит<рий> Пав<лович>, Александр Алексеевич, Васильевское — и я ребенком в этом странном мире, патриархальном и вольтеровском. — Но так писать — я напишу «Dichtung und Wahrheit», а не мемуар о своем деле.

Я целый день сижу один и пишу и думаю.

Не лучше ли начать с отъезда из Москвы в чужие края. Я и это пробовал — положение русского революционера относительно басурман европейских стоит тоже отделать, об этом никто еще не думал.

Да я построю надгробный памятник — если только удержу в теперичнем направлении. — Как мнение ваше и наших друзей, писать большой волюм или один мемуар?

Энгельс<он> мне советовал именно все писать. А propos, отчего вы говорите о М^{ме} и не говорите о М^г Eng<elson>. — Неужели он пять дней в Париже и не был у вас. Или он боится — я это принимаю за личное оскорбление.

Вот и Франсуа le sot¹ в Париже. Кланяюсь ему.

Таточка, рада ли ты была, что Франсуа приехал? Покажи ему кухню, которую я тебе прислал из Лондона. Он в Луцерне готовил нам обед в такой же. Ну и что Пупенька и Вольдемарчик — кривляется ли он, щиплет ли?

Прощай. Целую Олю, а Рейхелю пожми руку.

Марихен поклонись и М^{ме} Gasparini.

Рукой Саши Герцена:

Милая Тата,

мы переехали в новый дом, который наполнен статушками и разными ненужными вещами. Две кошки, уже давно тут живущие, спят целый день на ковре, перед камином в кухне. — Одна черная, как бархат, а другая с белыми пятнами.

Я приготавливаю срисовать большую собаку, которой портрет висит перед дверью нашей salle à manger.

Я тоже рад, что кухня тебе понравилась.

Кланяйся Франсуа, пожми руку Пупеньке и Энгельсону.

Смотри за Сашей. Я целую тебя, Ольгу, Рейхеля, Машу и Морица.

С а ш а.

¹ дурачина (франц.). — Ред.

12 ноября (31 октября) 1852 г. Лондон.

12 ноября.
Пятница. Утро.

Добрый, милый друг Мария Каспаровна, не мне вас утешать, свои раны свежи.— Ваше первое письмо о болезни малютки меня испугало. Да, я не верю в прочность ничего — да, я дошел до полного атсизма в жизни.

И это страшное сближение ночи 11 ноября с прошлогодним.

Вы решились быть матерью, вы решились быть женой, за минуты счастья — годы бед.

Жить могут княгини Марии Алексеевны — надо было в цвете сил отречься ото всего, жиром закрыть сердце, сочувствие свести на любопытство. Не надобно быть ни матерью, ни женой. Я всеми силами стараюсь себя воспитать в бесчувственность.

Двигайте же силы и дайте руку, не одни вы — у вас Рейхель, и смело назову себя как ближайшего вашего друга.

Скажите Наташе, чтобы написала несколько строк. Рейхеля целую и жму руку, и Саша крепко пригорюнился, услышав о вашем несчастье. У него много чувства при всей рассеянности. Прощайте. Жаль, жаль мне вас. Нет, нас особенно судьба уважает.

237. М. К. РЕЙХЕЛЬ

15 (3) ноября 1852 г. Лондон.

Вот вам, друг Марья Каспаровна, начало записок, т. е. введение. Я переписал его для вас, чтоб что-нибудь послать вам к страшному 16 ноября и чтоб развлечь вас от своего горя. Напишите, нравится ли вам. Покажите друзьям нашим.— Да, я буду писать и о первой части жизни, но коротко. Если б было возможно достать от Тат<ьяны> Ал<ексеевны> бумаги и письма, оставленные у нее, это была бы большая помощь и большое утешение. Скучно и здесь — но все же лучше, нежели было, одиночество мне на пользу.— Прощайте. На днях вы увидите Эдмунда.

15 ноября. Понедельник.

4 часа дня.

Вот и ваше письмо еще. Прочел его и не могу удержать слез.— Прощайте.

Я стал очень слаб.

Тату и Олю целую.

21 (9) ноября 1852 г. Лондон.

21 novembre. Londres.
2, Barrow Hill Place, Primrose Road.

Cher Vogt.

Voilà l'avantage de se faire rare, vous ne pouvez pas vous imaginer avec quel plaisir j'ai vu en ouvrant la lettre reçue avant-hier votre écriture microscopique.

Toi aussi Brutus — vous me faites aussi du compliment sur le commencement des mémoires, vous et Engels(on) et Edm(ond) et Tessié. Mais, chers amis, pensez un peu qu'il(y) a plus d'amitié dans votre contentement, que de raison. Je ne me fais aucune illusion. Faire des mémoires, au lieu d'un mémoire c'est presque abdiquer, c'est être parjure, presque traître — et couvrir par un succès littéraire une déchéance morale. Je me méprise pour cela — pourquoi donc je le fais? — *Kastraten sind wir, impotente Wüstlinge*, au lieu d'érection, nous nous contentons de paroles lascives. La triste histoire qui s'est passée autour de mon foyer (qui vous paraisse il y a un comique, que le bon Dieu vous pardonne) représente exactement, comme l'aberration des étoiles représente en petit l'écliptique — le 24 février de toutes les nations, un bon désir, un élan énergique — une courte haleine et une halte — quelquefois une mort dans la boue. — Je vous ai écrit — vous en avez haussé les épaules, je répète «rien n'est fini» — et lui il pense peut-être aussi à un succès littéraire.

Ce que je vois tous les jours ici, me donne une grande force de mépris, pour nos braves contemporains, cela me console. En Angleterre au moins on voit de si près l'Australie et le monde transatlantique, le monde de l'espérance — qu'on peut se consoler de vivre dans cette vieille Europe qui sera bientôt enterrée comme Wellington. Rotcheff qui a été 7 ans gouverneur en Californie, qui vient maintenant de Madras et Calcutta, et qui va en Australie, un russe très intelligent et civilisé, vient me voir très souvent. Honte à nous attachés à la globe européenne. Il connaît ces pays, comme vous le canton de Berne, il a demeuré aux Kouriles et à la frontière de la Chine, ses récits font frémir d'envie Haug. Il ne parle pas de la Californie comme d'un sac d'or, il trouve que là et en partie en Australie la société s'assoit sur de tout autres bases d'égalité et de liberté, devant lesquelles les institutions de l'Amérique Sept(entrionale) sont rétrogrades... Qu'en dites vous?

Si je n'avais pas d'enfants, je partirais avec R(otcheff), Haug partira peut-être.

Je mène maintenant une existence complètement solitaire, je travaille beaucoup. Je me suis fait à la vie anglaise. A 9 heures

du matin café et *ham* — point de déjeuner (c'est la chose la plus indispensable pour ceux qui veulent travailler), à 5 h. dîner complètement anglais poisson et bœuf, sans potage, sans autre vin que le cherry, avec quantité de bière. Comme je demeure très loin du centre de la ville, je sors rarement, et rarement on vient chez moi — le dimanche on dîne chez moi. — Les occupations d'Alexandre vont *sensim sensim*que:

Par semaine

2 fois le latin	} Müller-Str<übing>.
2 fois l'allemand	
7 fois l'anglais	
	— général Haug aidé par ma cuisinière M ^{me} Moture.
2 fois le dessin	— Louis Bulewsky évadé d'Overbeck et des prisons de Posnanie.
2 fois le français	— Vasbanter.
2 fois mathématiques	— Major du génie Domagalsky.
2 fois histoire	— A. Herzen de Morat.

Vous voyez qu'à l'exception de Müller qui donne des leçons all<emandes> et de Strübing qui donne des leçons latines, le personnel est passablement régicide et bougrement polonais. On m'a tant parlé de la cherté, je ne la trouve pas, le prix des leçons varie de 4 sch. à 5 (1 heure, 1 $\frac{1}{2}$ h.).

Le général devient tous les jours plus taciturne, de sinistres pensées traversent son front, il est plein d'un byronisme militaire, il n'y a qu'un moyen d'assouvir ses accès mélancoliques, il lui faut une rencontre... aux armes qui ne sont ni blanches ni égalées. Et dès que je vois qu'il devient morose, ne répond pas, cherche dans le *Times* l'annonce du premier vaisseau qui part pour l'Australie, je lui propose à 9 h. du soir une promenade pour prendre de l'air... aussitôt il prend une fille. Et le vaisseau part pour l'Australie, et le général devient gai. Il faut vous dire que la quantité de filles publ<iques> qui se promènent dans les rues et arrêtent tous les passants, est exorbitante. — Mon ignorance de la langue anglaise, préserve ma vertu.

A propos des vices et des vertus. J'ai été tout enchanté d'apprendre par votre lettre que Miss Babette a demandé de mes nouvelles. Faites donc parvenir à elle les miennes. Non seulement je n'ai pas oublié ma promesse, mais j'ai même à Paris cherché pour elle une place chez une couturière; maintenant à Londres c'est plus difficile, en tout cas je suis tout prêt de lui envoyer au moins des étrennes; si elle veut venir ici, le général cherchera et moi je trouverai.

Avez vous enfin expédié notre Edmond. Et Tessié ira-t-il bientôt nous chercher dans les brouillards du Regent's Park.

Ma lettre à Michelet n'est pas du tout parvenue jusqu'à la

Russie, car tout ce que j'ai envoyé à Franck a été saisi, maintenant j'ai une assez grande note contre Haxthausen et le servage, à part cela sera trop mince, ensemble le succès est assuré, nous mettrons: «11e Edition, la première ayant été volée par...» Maintenant voilà ce que vous pourriez faire. Otez la couverture, les titres, ne laissez que le texte et avant d'expédier, demandez le prix à la poste. Une lettre de la Suisse coûte 11 p.— et bien si le tout ne coûtera que 5,6 sch. envoyez-le, si cela coûtera plus ne l'envoyez pas.

Presset n'a absolument rien fait, car j'ai été forcé de donner à Avigdor encore une procuration. La dame est encore à Nice, je me résigne pour un certain temps, au rôle de narrateur, mais je ne voudrais pas mourir, sans terminer cette affaire. On m'annonce vaguement qu'un de mes amis les plus intimes travaille pour avoir le droit de venir avec sa femme ici, ayant en vue les petits. Peu à peu je mettrai tout à l'abri, je préparerai les mémoires — mais ne craignez pas *d'oubli*, — la ténacité russe, passive, expectante — est sans fin.

Adieu.— Je félicite Fazy, Tourte, Raisin — et je les attend après la proclamation de l'empire, c'est alors <que nous> pourrions inscrire leurs noms dans l'histoire en bloc ou en gr<oupe>. Le ministère ici est ignoble et lâche, le parlement sans couleur.

Pour la bonne bouche voilà une anecdote qui nous a fait rire une journée entière, un riche Anglais, appart<enant> à une très bonne maison nobiliaire, *agé de 55 ans*, n'a d'autres plaisirs que de taquiner les constables. Il a été battu en Irlande, il a été battu à Christiania par un *Nachtwächter*, il a été jugé deux fois à Londres pour des insultes aux policemen. Il paraît maintenant devant le tribunal inculpé d'avoir teint en rouge le visage de son constable. Il a trouvé le constable endormi, vite, il est allé chercher un immense pinceau et lui a peint toute la figure à l'huile. Saisi et jugé, il déclare, qu'il ne connaît pas de loi qui défend de peindre les constables, et qu'il l'a fait par sentiment d'humanité, voyant qu'il pouvait se refroidir, il l'a peint à l'huile, qui préserve de l'humidité, à laquelle le brave homme est exposé par le genre de son service. Tout le monde a éclaté d'un rire homérique, mais le gentleman a été condamné pour une amende et un emprisonn<ement>.

Перевод

21 ноября. Лондон.

2, Barrow Hill Place, Primrose Road.

Дорогой Фогт.

Как дорого то, что случается редко. Вы не можете себе представить, с какой радостью я увидел ваш микроскопический почерк в письме, полученном позавчера.

И ты, Брут — вы, как и Энгельсон, Эдмон и Тесье, слишком хвалите начало мемуаров. Но, дорогие друзья, согласитесь, что в вашем одобрении больше дружеских чувств, чем оснований. Я не питаю никаких иллюзий. Писать мемуары вместо мемуара — это значит отречься почти от всего, стать вероломным, почти предателем и прикрыть литературным успехом свое нравственное поражение. Я презираю себя за это — так зачем же я это делаю? — *Kastraten sind wir, impotente Wüstlinge*¹, вместо действия мы довольствуемся похотливыми речами. Печальная история, разыгравшаяся у моего очага (да простит вас бог, если вам это покажется комичным), воспроизводит — с той же точностью, как aberrация звезд воспроизводит эклиптику — в миниатюре 24 февраля всех наций: доброе желание, энергический порыв — затем одышка и остановка, порою смерть в грязи. Я написал вам — вы же пожали плечами, но я повторяю: «ничего не кончено», а он, может быть, тоже помышляет о литературном успехе.

То, что я вижу здесь ежедневно, дает мне силы презирать наших славных современников, и это меня утешает. В Англии по крайней мере видишь так близко Австралию и весь заокеанский мир, мир надежд, что можно смириться с жизнью в этой старой Европе, которая будет скоро погребена, как Веллингтон. У меня часто бывает Ротчев, русский, весьма умный и интеллигентный человек. В течение 7 лет он был губернатором в Калифорнии, а сейчас приехал из Мадраса и Калькутты и собирается в Австралию. Стыдно нам цепляться за Европу. Он знает эти страны, как вы Бернский кантон; он побывал на Курилах и на китайской границе, его рассказы заставляют Гауга дрожать от зависти. Калифорния для него не мешок с золотом — он находит, что там и отчасти в Австралии общество основано на совершенно иных принципах равенства и свободы, против которых североамериканские порядки представляются отсталыми... Что вы скажете на это?

Если бы не дети, отправился бы я с Ротчевым; Гауг, возможно, поедет.

Я веду сейчас совершенно отшельническую жизнь, много работаю. Я привыкаю к английской жизни. В 9 часов утра — кофей и ham², завтрак отменен (вещь совершенно необходимая для тех, кто хочет работать). В 5 часов чисто английский обед — рыба и мясо, без супа, из вин только шери, много пива. Живу я далеко от центра — редко выхожу и редко принимаю, но по воскресеньям у меня обедают. Занятия Александра продвигаются *sensim sensimque*³:

¹ Кастраты, немошные развратники (нем.); ² ветчина (англ.);

³ помаленьку (лат.).— *Ред.*

- в неделю
2 раза латынь	} Мюллер-Стрюбинг.
2 раза немецкий	
7 раз английский	
- генерал Гауг, с помощью моей кухарки г-жи Motte.
- 2 раза рисование — Людвиг Булевский, убежавший от Овербека и из познанских тюрем.
- 2 раза французский — Васбентер.
- 2 раза математика — инженерный майор Домагальский.
- 2 раза история — А. Герцен из Мора.

Как видите, кроме Мюллера, который дает уроки немецкого языка, и Стрюбинга, который преподает латинский, остальной персонал — довольно-таки царевбийственный и чертовски польский. Мне много говорили о дороговизне, я этого не нахожу, цена уроков колеблется от 4 до 5 шилл. (за час-полтора).

Генерал с каждым днем становится все более сумрачным, на его челе печать мрачных дум, он исполнен воинственного байронизма, и есть только одно средство рассеять его приступы меланхолии — ему нужна схватка... на оружии, которое должно быть ни холодным, ни равным для обеих сторон. И как только я замечаю, что он мрачнеет, не отвечает, начинает рыться в «Times», чтобы узнать о ближайшем пароходе, который отправляется в Австралию, я предлагаю ему прогуляться в 9 ч. вечера, чтобы подышать воздухом... он тотчас находит публичную женщину. И корабль отправляется в Австралию, и генерал веселеет. Надо вам сказать, что здесь множество проституток, снующих по улицам и останавливающих каждого встречного и поперечного. Лишь незнание языка спасает мою добродетель. Кстати о пороке и добродетели. Я с восторгом узнал из вашего письма, что мисс Бабетта справлялась обо мне. Расскажите же ей о моих новостях. Я не только не забыл свое обещание, но даже искал для нее в Париже место у портнихи; в Лондоне сейчас это труднее, во всяком случае я готов выслать ей хотя бы подарки к рождеству; если она захочет приехать сюда, генерал пошлет, а я что-нибудь найду.

Снарядили ли вы, наконец, нашего Эдмона? И скоро ли поедет Тесье за нами в туманный Regent's Park?

Мое письмо к Мишле так и не попало в Россию, так как все, что я послал Франку, было задержано. Теперь у меня есть довольно большая статья против Гакстгаузена и крепостничества. Порознь статьи будут слишком тощи, если их объединить — успех обеспечен. Мы напишем: «II-е издание, первое было украдено...» И вот что вы могли бы теперь сделать. Уберите обложку, заглавия, оставьте только текст и до отправки

справьтесь на почте о цене. Письмо из Швейцарии стоит 11 пенсов, так вот, если все вместе будет стоить не более 5—6 шиллингов, отправляйте, если дороже — не нужно. Прессе так ничего и не сделал, и я вынужден был дать Авигдору еще одну доверенность. Барыня еще в Ницце. Я примирюсь на некоторое время с ролью повествователя, но не хотел бы умереть, не завершив это дело. Мне туманно намекнули, что один из моих самых близких друзей хлопочет ради моих детей о разрешении приехать сюда вместе со своей женой. Мало-помалу я укрою всех в безопасное место, завершу мемуары — и не опасайтесь *забвения* — русская настойчивость, пассивная, выжидательная, беспредельна.

Прощайте. Поздравьте Фази, Турта, Резсна, — жду их после провозглашения империи, и уже тогда мы сможем вписать их имена в историю — всех вместе и порознь. Министерство здесь отвратное, парламент бесцветный.

Вот вам на закуску анекдот, заставивший нас целый день смеяться. Некий богатый англичанин из хорошей дворянской семьи *55 лет от роду* только тем и развлекался, что задира л констеблей. Его били в Ирландии, в Христиании его побил *Nachtwächter*¹, дважды его судили в Лондоне за оскорбление полисменов. И вот он попадает под суд за то, что вымазал констеблю лицо красной краской. Застав его спящим, он быстро раздобыл огромную кисть и измазал его лицо масляной краской. Когда его схватили и предали суду, он заявил, что не знает закона, запрещающего разрисовывать констеблей, и что он поступил так из благородных побуждений. Видя, что констебль может простудиться, он вымазал его масляной краской, предохраняющей от сырости, которой бедняга подвержен по роду своей службы. Все разразились гомерическим хохотом, а англичанин был приговорен к штрафу и тюремному заключению.

239. М. К. РЕЙХЕЛЬ

23 (11) ноября 1852 г. Лондон.

23 ноября 1852 г.

Из экономии пользуюсь сей верной оказией, чтобы сказать вам слова два. У меня тоска по детям растет со всяким днем, и ваше выражение о сиротстве еще более ее возбудило. Не знаю, как придумать и что сделать. В мире нет лучшего помещения, как у вас, отчего же бы после праздника не приехать бы на две недели? Жду Нат<алью> Ал<ексеевну>, это все мне кажется там, на девятом небе. Я сегодня ночью все Оленьку видел

¹ ночной сторож (нем.). — *Ред.*

во сне. Ну, если я умру — или... я уж не хочу перебирать всех возможностей, все возможно, Мария Каспаровна, все — *даже хорошее* — *rouge ou noir*¹, чет или нечет, решетка или копые — выдумаете вы что-нибудь. А вот спросите Хоецкого, нельзя ли мне на месяц приехать к вам. Со всех сторон цепи. Помните в «Роберте» хор с цепями. И все это так ненужно, так бесцельно. С Сашей дело идет, теперь у нас школа школой. Латынь и немецина — Мюллер-Стрюбинг, французский — Васбинтер, английский — Гаук, история — я, рисование — Булевский, ученик Овербека, математика — инженерный майор Домгалевский.

Дождь льет проливной, пятнадцатый или пятидесятый день. Климат в самом деле гнусный. Прощайте. Скучно.

Ну, сколько же дней, Тата, осталось до елки? Что ты подарила Оленьке? И что мне прислать тебе к елке? А ты сделай мне корпии еще и пришли в письме, другой не употребляю, как твоей и той, которую делала Мамаша.

Напиши мне о здоровье *madame Gasparini*, а Рейхелю поклонись и Станкевичам.

Твой П а п а.

240. М. К. РЕЙХЕЛЬ

26 (14) ноября 1852 г. Лондон.

26 ноября. Пятница.

И вы больны. Боюсь за вас, боюсь за детей. Да здорова ли квартера, бросьте ее и, если нет, бросьте деньги — всё вздор. Лишь бы себя спасти. Трудное время, потому что, наконец, выбиваемся из нравственных сил. Уж так бы без перерыву одно несчастье за другим — а то, как при гонении сквозь строй, когда упадешь, полечат, а потом опять досекать.

Спросите у Хоецкого, не может ли Браницкий узнать, в случае нужды могу ли я на месяц приехать, т. е. дадут ли пермиссию. Я, может, один приехал бы.

Какого ответа ждет Прудонец — я не знаю, я от него ничего не получал с тех пор, как в Лондоне. Я думал ему писать второе письмо о моем деле. Но вижу, что сделанное недурно, а дальше ничего нельзя ждать от людей. Худо ли, хорошо ли, но надобно делать самому. О издании же обзоров жду от него. — Вот вам забавный случай, который мог быть очень серьезным. Расскажите его Станкевичам и Мельгунову в дополнение к биографии Гаука. Помните нашу безумную

¹ красное или черное (франц.). — *Ред.*

поездку на австрийском пароходе по Lago Maggiore? Комиссар полиции узнал Гаука и, не имея права схватить, послал тайного агента. Тот проводил до Люцерна, а в Люцерне он узнал, что Гаук с англ<ийским> паспортом. Погоня австрийская тотчас потребовала арестации Гаука. Швейц<арское> правительство согласилось. Но мы уехали в Нейгауз, Берн; между тем посол требует сыскать, сердится, и Дрюэ ищет, ищет. Посол пишет, что имя на паспорте Томсон. И вот открывают в Ааргау английского путешественника по имени Томсона, его тащат в Берн, сажают в тюрьму, и английский посол уже ссорится с Дрюэ. Наконец, Томсона освободили. Итак, Гаук тогда на пароходе был на один шаг от расстреливания, ибо сентенция над ним произнесена уже. Но комиссар полиции сплеховал. И Эдм<унд> ведь лазил черт знает зачем на пароход.

Если не предвидится никакой возможности мне побывать со временем у вас и не будет никаких вестей от Ник<олая> Ал<ександровича> — то (как вы думаете откровенно), можно бы было через месяц или два детям приехать под командой Ал<ександры> Хр<истиановны> и с *Марихен* и с *Франсуа*? Да вы говорите так, как думаете. А не то мы вашего выздоровленья и милостыни ждать будем. Домом своим я не очень доволен — сыр.

Впрочем, что здесь делать в отношении погоды? Это в самом деле выше воображения, дождь льет с половины октября с вьюгой, когда нет дождя, такой туман, что едва видны одни фонари, которые тушат на улицах в *восемь* часов утра и зажигают в $\frac{1}{2}$ 4-го. Говорят, от половины генваря до 1 марта холодно бывает, но хорошо. Вот тут-то бы и приехать.

Пишите, разумеется, тотчас же.

Рейхель говорит, будто я девять дней не писал, уж не пропало ли какое письмо? Кстати, чтобы Рейхель не отучился от дела: что Шомб<ург> никакого ответа не дает насчет голландских фондов, продать их или нет? Продать — так что купить? И не пора ли исполнение сбыть с рук? А впрочем, это не к спеху.

Прощайте.

12 часов.

Совершенно смерклось, и дождь хлещет. Приятная страна! Сашино ученье теперь устроилось.

Латынь и неметчина	— Мюллер
Англия	— Гаук
Рисованье	— Булевский
Математика	— Домагальский
Французский	— Васбинтер
Историю исключаю	— я сам
Географию	— Гаук (?)

29 ноября 1852. Вечер.

Я начинаю делаться смешным и презрительным в своих глазах. Вот оно, отдание праздников — я так нервно становлюсь расстроен, что просто смех. Сегодня утром я ждал от вас письмо как $2 \times 2 = 4$, письма не было, — разумеется, я вас почитал при смерти, в больницах. Вдруг вечером ваше письмо, спокойное и доброе, с корпией, и я, ей-богу, плакал, как ребенок, и теперь плачу с досадой — я становлюсь и трус и слаб — меня пугает иногда эта пустота, одиночество, мне кажется, я не увижу больше никого близкого, ни детей, — все будет схоронено, рассеяно, и я ищу искусственных потрясений и à force d'excitation¹ все так же умею пить, делать каламбуры и дурачиться.

Предположение, писанное в прошлом письме, я оставил, но вот новое: если Тесье поедет сюда, а он собирается, то его жена могла бы взять детей сюда, они прожили бы месяца два, а потом — я истинно не думаю даже так далеко. Мало ли что может быть потом. Гаук едет решительно в Австралию, может, мне можно будет побывать у вас. Писать Ротшильду нечего, тут одно опасно — что позволят да и накроют. Теперь, впрочем, всем, говорят, будет позволено возвратиться, но для этого следует написать подлое письмо. Я бы месяца через два перебрался бы в Париж. Разумеется, Рот<шильд> легко бы мог сделать. Ну и из России нет ни слуха, ни духа. На днях к вам приседет Ротчев, известный путешественник, он теперь из Калифорнии и едет в Австралию, он человек интересный, но советую все-таки не очень расстегиваться, он и с нами приятель, и с русской знатью. Просил меня дать записочку о допущении смотреть детей.

30 ноября.

Беды нет, что о Голландии забыл Рейхель, кто же помнит Голландию? *La Olanda farà da se.*

Что Мельг<унов> не едет сюда? Избалуется в Париже, и Ст<анкевич> хотел. Кланяйтесь Бр<аницкому> и прощайте.

Ротчев поедет назад, пришлите стихи, перевод Лермонтова, мое письмо к Michelet. — Работа оя опять идет плохо.

Милая Тата, корпию я получил и тотчас положил в уши. Ты со временем мне еще пришли. А мы с Сашей ходили смотреть шимпанзе, таких обезьян умных, как люди, они в саду возле

¹ в силу возбужденности (франц.). — *Ред.*

нас. Кривляются, как Энгельсон, и мать носит свою дочь на руках и ласкает. Представь все это Оленьке.

Прощай.

Твой П а п а.

Рукой Саши Герцена:

30 ноября. Вторник.

Милая Тата,

что же ты мне так долго не писала? Напиши мне, что я тебе должен прислать к елке? Я видел в зверином саду две собаки, которые очень похожи на Цапу, и мне стало жалко их видеть в клетке. Там есть лошадка, до того малая и милая, что ты могла бы на ней ездить. Пришли мне маленький рисунок в твоём письме.

Целуй Ольгу, Морица, Рейхеля и Машу.

Будь здорова.

С а ш а.

242. М. К. РЕЙХЕЛЬ

6 декабря (24 ноября) 1852 г. Лондон.

6 декабря.

Письма ваши получены. Забудьте, пожалуйста, мое глупое слезливое письмо, бросьте его в печь, так, нашла глупая минута, и подвернулось перо. Из письма Тат<ьяны> Ал<ексеевны> я вижу, что Егор Ив<анович> не отдал денег. Вы с ним в переписке, спросите его от меня, отдал ли он и когда, кому? Мне пишут отовсюду о разных возможностях, я готов приехать (пошлите à propos записку Edmond'у, он живет — rue d'Antin, Hôtel d'Antin, 18), но если для этого надобно сделать что-нибудь дрянное, то я лучше умру в Лондоне. Я изъявил желание приехать и поставил причиной, что мои дети в Париже. Их дело разрешить. Разумеется, Браницк<ому> это легко. Au reste¹, к горлу я не приступаю. Жить в Лондоне необыкновенно хорошо (вы не знали английской жизни), спокойно, безопасно, и все под рукой. Но я только и существенно для детей хотел бы переселиться.

Последние дни я был больше похож на Алексея Кучина или на Абрама Полесника, нежели на себя.

Дни целые мы с Гауком таскались по псарням и по таким частям Лондона, где никто не бывает. — «Ну да уж, матушка Мария Каспаровна, такого при сем приискали, т. е. квадратная собака». Саша в восторге, — он веселее меня провел этот день (никто не знал, по счастью, что мои именины). Головин один посетил и Ротчев — он едет сегодня в Париж. Помните, что я писал: будьте осторожны, не говорите о русских знакомых.

¹ Впрочем (франц.). — *Ред.*

И когда он поедет назад, дайте ему экземп<ляр> моего письма к Michelet (возьмите у Энгельсона, если нет) и Лермонтова. Прощайте.

Рейхеля целую.

243. ТАТЕ ГЕРЦЕН

6 декабря (24 ноября) 1852 г. Лондон.

Рукой Саши Герцена:

Милая Тата!

Твой подарок меня очень обрадовал; я никогда не думал иметь такую чудесную собаку, как та, которую ты просила Папу мне купить. Она по крайней мере два раза больше Фаяля и так сильна, что меня два раза с ног сбила.

Ты, вероятно, помнишь кошек, об которых я тебе писал, они больше не были у нас, с тех пор что собака тут.

Я тебя целую так же, как Оленьку, и благодарю Машу за письмо, Рейхеля за поздравленья, целуй Морица.

С а ш а.

Гауг тебя целует.

Вот, Тата, как было дело. В 11 часов вечера, я уже ждал, а Саша ничего не знал, подъехала карета и из нее вышел Гаук и с ним страшная собака, и у собаки на шее была записочка:

Саше

от

Таты из Парижа.

А тебя за письмо благодарю. Оленьку поцелуй. Может, мы скоро увидимся.

244. М. К. РЕЙХЕЛЬ

12—13 декабря (30 ноября — 1 декабря)
1852 г. Лондон.

1852. Декабрь. Воскресенье.

Вечер — поздно.

Да и зачем вы это всё больны, моя добрая, милая Мария Каспаровна? Так это вы так-то сильны, по первому удару и сломились? Mut gefaßt¹, посмотрите на меня, все сучья обрублены, едва ли сохранена честь и доброе имя.

Je reviens gras et fleuri².

А не то чтобы сердце лишено было всяких чувств, материал хорош. Cuir russe³.

¹ Будьте мужественны (нем.); ² Я вновь становлюсь толстым и цветущим (франц.); ³ Русская кожа (франц.).— *Ред.*

Поверьте, всё вздор. Помните, я вам писал о Mme Brüning — львице, северной медведице — стало, о ее победах и о прочем. Неделю тому назад, т. е. в мои именины, у нас вечером были гости. Она жаловалась, что ей что-то не по себе. А сегодня доктор объявил, что спасенья нет, расширение в сердце, разложение крови — я ее видел месяц тому назад. Женщине 35 л(ет), image de la santé¹, она хохотала, пела мне русские песни — о смерти столько же думала, сколько я о Зонненбурге, — а вот доктор говорит: может протянуться неделю, даже две, — но спасти нельзя. Трое детей — мне даже это начинает нравиться, вот такая бессмыслица, хаос, нет, старичок-то в треугольнике выжил из ума — бонапартист эдакий в трикорне. — В Париж я не прочь, без пакости если пускают — приеду; вы бы Эд(мунду) поручили насчет фатерки, небольшой, но очень изящной (я здесь избаловался, и чрезвычайно), возле вас, эдак по av(енue) Marbeuf 10, 2^{1/2} или 3^{1/2} №. Я привезу с собой собаку, свою кухарку (honni soit qui mal y pense² — Mme Moture 45 лет, а в 15 уже была безобразна, не без рябин и других ненужных в лице человеческого частей), сына кухарки, моего сына, отца моего сына — стало, надобно две спальни, людская, псовая и кухня. До цены дела нет, лишь бы возле и с комфортом.

Теперь скажите Ст(анкевичу), и это очень серьезно и без малейшего эгоизма, я его прошу не возвращаться в Россию, не видав Лондона, это такое варварство не уметь ценить этот высший центр, этот город независимости и силы. Вы тоже — туман, дождик. Ну что же за беда, на это есть зонтик и кареты. Париж в сравнении с Лондоном — хороший городок, но не больше. Но Лондон действительно мир — non urbs, sed orbis³ (Ст(анкевич) переведет). Я его уважаю и чту, и тем больше, чем больше живу в нем.

Тата,

собаку, которую ты подарила, зовут «Ботсвейн». Чтоб это сказать по-английски, надобно на «Бот» высунуть язык — «Босс», — и закрыть глаза, а потом прибавить «ууайн», сначала сделать маленький ротик — ууу — и потом пребольшой — айн. — Если мы приедем, этот Ботсссуууайн будет Оленьку возить в тележке по Елисейским Полям, а ты возле с плеткой. Кланяйся Рейхелю и Эдмундушке.

Рукой Саши Герцена:

12. Воскресенье.

Мплая Тата, вчера я ходил купать собаку, она плавала в капале и потом меня всего замочила. Я ее мыл мылом, она меня за это лизала и хвостом в лицо била. Целую тебя, Олю, Машу, Рейхеля и Морица.

С а ш а.

¹ олицетворенное здоровье (франц.); ² позор тому, кто дурно об этом подумает (франц.); ³ не город, но мир (лат.). — *Ред.*

Прощайте. «Записки» идут, знаете, кого я отрисовал недурно: Алексея Александровича. Теперь буду опять об университетах. Кланяйтесь Энгельсону, я подозреваю, что он хочет дать стрелка в Петербург. Итак, выписывайте меня — дело у вас, а не у нас. Жму руку вам.

245. М. К. РЕЙХЕЛЬ

17 (5) декабря 1852 г. Лондон.

1852. 17 декабря. Пятница.

Вы меня наказали славно и поделом, и я жму вам за это руку, много и горячо. — Я понял и оценил вполне укор в вопросе: «Уж будто и первый?»... Видите, дело так пусто, хочется будто утешить; вот бонапартистом я вам и угодил, ну а начало было неблагодарно, неблагородно и глупо. Я очень рад, что Тата ездила к Прудонцу, и желал бы посмотреть, как этот медведь любезничал с этой козой. Что, какова Мари Хоецкая? Она прежде была мила. Насчет елки, помилуйте, что тут спрашивать. Марихен — подарок в 50, 60, 70, да и старушке водяной тоже надобно «этвас» (1 нрзб.), детям, Морицу непременно, с аднотенцией — от Г(ерцена), мол. Только вы не тормозитесь за вздором, сделайте елку в русский Новый год — оно и патриотизм, и здорово, и лучше на досуге выбирать. — Теперь перехожу к диссертации о моем приезде. Когда увидите Хоецкого, скажите ему, что я его письмо получил, но чтобы он был осторожен и не хлопотал бы через край, а то это падет на меня. — Я хочу в Париж для детей и для вас, — но не верю, чтобы в Париже можно было жить. Побывать было бы очень хорошо. Жить *au jour d'aujourd'hui*¹ только можно в Лондоне. Эта независимость, эта воля и досуг! Словом, весь состав жизни серьезной, деятельной и совершенно свободной. Я удивляюсь поверхностности мнений о Лондоне людей, как Тесье. Самая дороговизна — фантазия, собственно различье во всем от франка до шилл(инга), т. е. от 20 фр. до фунта, т. е. 25, но, принимая английский образ жизни, и это различие пропадает. Я так привык, напр(имер), к английской жизни, что в продолжение двух месяцев не ел тарелки супу. Помните, как здесь обедают — огромный кусок рыбы и пятьдесят соусов, да огромный кусок румштека — вот и всё. Завтрак *aboli*², утром в 9 кофей с ветчиной, обед в 6. Французское вино в отставке. — Дни заняты все утро от 10 до 6. Я из лени не выучился по-английски, но умею читать газеты, даже брошюрку какую-то прочитал.

¹ сегодняшним днем (франц.). ² отменен (франц.). — *Ред.*

Понимать легко. А *groros*, собаку не мы называли, а так ее называли прежде — Ботсвейн (или Байроновой собакой). Думали ли вы когда-нибудь, что Лондон действительно средоточие всех материков? Возьмите северное полушарие и посмотрите: англосаксонская раса не локтем нос утирает. Впрочем, людей не люблю, да мне их и не нужно. — Я желал бы знать, если расположиться в Париже, какие и какие пакости можно ждать — оберут рукописи, книги, пошлют Никол^а Семен^{овичу} в подарок и Ботсвейна и нас?

Если Тесье приедут в Париж, как он надеется, то нечего подумывать детей сюда взять, притом переезд, погода (сегодня ночью здесь было светопреставление). Во всяком случае, получив разрешение, я приеду, останусь ли — не знаю. Жаль Сашу отрывать от занятий, здесь эта часть устроилась хорошо. Может быть, я приеду один. Главное — чтобы все сделалось без больших просьб и усилий. Брюнинг жива. Прощайте. — А *rez-de-chaussée*¹ пусть посмотрит и сам Рейхель. Припните книги с Ротчевым.

Тата! Если я приеду, привезу тебе две птички из Южной Америки, удивительные, такие маленькие, такие маленькие, что ты таких и не видала — а туда же: летают и чирикают. Одна будет твоя, а другая Оленькина.

Прощай.

246. М. К. РЕЙХЕЛЬ

23 (11) декабря 1852 г. Лондон.

23 декабря. Четверг.

Я еще раз повторяю, если, впрочем, не поздно, *pas trop de zèle*, я могу приехать только на основании безусловной чистоты. А то я буду похож на барса, если еще со всех сторон прибавится по черному пятну. Вы это скажите Эдмунду или прочтите. Я не пишу ему особо для почты. Я дружески его благодарю и понимаю, как ему приятно хлопотать, но, по несчастию или по счастью, моя жизнь слишком публична и не совсем неизвестна, есть добрые люди всегда и здесь, которые, из поэтического чувства вреда, тиснут какую-нибудь гадость, — и что я тогда? Я потеряю ту опору, которая меня так славно поддержала в моем частном деле.

Ваши вести из Москвы произвели на меня иное действие, нежели они произвели на вас. Да, я останусь до конца жизни той же движущейся, революционной натурой, *semper in motu*, как я вырезал на печати. — Это горенье, это бродящее начало —

¹ квартиру в нижнем этаже (франц.). — *Ред.*

спасает меня середь бедствий и страшных событий. Гёте сказал: «*Ich hab' mein Sach aufs nichts gestellt*». И вам не показалась страшным эта старческая забота Кетчера о доме, о своем доме. Зачем дом? Эдип говорит: «На камне сем я век окончу мой».

Вот почему Европа хороша, она кладет такие жгучие начала и так бережит раны, что люди не оседают, а рвутся вперед, мрут середь дороги, едва замечая — в этом игра истории. Покупка дома К<етчеру> мне вдруг дала заглянуть в ту жизнь, и мне показалось, что наши друзья устали. Я желаю им много, но меня это обдало ужасом — не знаю, во мне столько любви и нетерпимости и ненужных сил — может, все, что я написал, — вздор.

Насчет денег я прошу Мельгун<ова> написать, я решительно и без пощады требую: 1ое — чтоб Павл<ов> дал в эту подписку 1000 руб. ассиг. или 300 сер. 2ое — что я требую, наконец, какой-нибудь уплаты процентов, я не требую больше 5, но не обязан проигрывать, когда карты дурны у Павлова или у Сатина.

Когда я приеду в Париж, я вам покажу, сколько я истратил на общие дела денег. Скажу вам одно, что с теми деньгами, которые были у вас, я истратил за весь год 33/т., а получаю 50, стало, было бы 17/т. в экономии, а вместо этого — 22/т. долгу Ротш<ильду>. — Если исключить 20, посланные в Россию, то останется 19/т., употребленные не на себя. Это дает мне некоторое право de rentrer dans les fonds¹. Да и потом в евангелии сказано: «Не будь ни Апеллесов, ни Павлов».

У меня теперь вертится в голове удивительный проект — начать агитацию об освобождении крестьян. Тут мне очень полезен будет Эдм<унд>. Еще вопрос: напишите, пожалуйста, каким образом Тесье получил право возвр<ращения>, — требовали ли подписку, и какую?

Энгельсона целую, я его иногда страшно хочу видеть. Он как-то действует на мои нервы так сильно и так эксцентрично, — à propos, скажите ему (и себе), что я третьего дня весь вечер просидел у Карлейля. Он совершенно то, что мы знали, читая его «Историю революции», — талантливость, касающаяся гениальности, парадоксы, смелость суждений и un grain de folie². Я спорил с ним страшно, его grain de folie — что деспотизм спасет мир и повиновение приведет к социализму. Я, наконец, ему сказал: «Читали ли вы когда-нибудь „Историю революции“ Карлейля? Вот писатель, который гораздо лучше и глубже понимает, нежели вы». Из этого произошел смех и <...>³

¹ получить обратно эти деньги (франц.); ² крупица безумия (франц.). — Ред.

³ В копии помета: «Не разобрано». — Ред.

Впрочем, я сижу постоянно дома. С Осип Ив(ановичем) нелады, много пишу. Если придет авторизация, то к 15 генв(аря) приеду, за дом заплочено до 1 февр(аля). Однако rez-de-chaussée 20 хорошо на месяц или на два, разумеется, дорого, ну, да после можно... Я здесь плачу 275 фр. за удивительную кварт(иру). Rue же Marbeuf не близкая улица. — Из Ниццы мне книги прислали и картины. Надобно дожидаться, они отпавлены в Сутамтон 1 декабря.

Кланяйтесь Ст(анкевичам). Не пускайте их в Россию, скажите, что такая холера, что хуже не надо.

Тату и Олю целую.

247. С. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

31 (19) декабря 1852. Лондон.

31 декабря 52.

Горячо, сердечно благодарю за твои и за твои строчки. Я их прочел обливаясь слезами. — Я жив, сильные мышцы вынесли, живу для детей, но и еще для памяти бывшего, для того, что я один могу о нем свидетельствовать. Вы не знаете ни что я несу, ни сколько вынес, — но гордо скажу: «Je (me) maintiendrai»¹. Если б я не был пужен для детей — прекрасных нравственно и физически, удивительных — не то было бы. Я исполнил завещание — чего мне стоило, когда-нибудь узнаете. Ты спрашивала как-то в письме к М(арье Каспаровне): «Как так скоро разрушился ее организм...» — да разве против яда и отравы есть силы; на моих руках было уничтожено это великое существование, она была недосыгаемо велика, последний год ее жизни поднял ее над нами высоко. За одну ошибку — год пыток, клевет, злодейств таких, о возможности которых вы не слыхали в вашем тихом мире. С генваря я не имел надежд, страшный случай в ноябре докончил... может, можно было бы спасти, но когда я стоял возле, чтоб не пахнуло ветром, — ломали стены, чтоб сделать сквозной ветер; когда я давал лекарство — давали психический мыпьяк. Я разлагался, она видела, жалела, мучилась — и требовала жертвы для нее и для детей, но какой — жертвы *терпения*.

Теперь мне все равно, как меня судят, я презираю всех, живу для детей, живу в надежде увидеть сестру или брата или обоих. Я очень нужен для Саши и для маленьких. Как скоро доживу до того, что они немножко станут на свои ноги — тогда и я выйду на волю, и перед отдыхом в могиле отдохну, заплативши долги.

¹ «Я выстою» (франц.). — *Ред.*

Я не имел минуты спокойной, невозмущаемой грусти, знаете, той грусти, которая разрушает, но очищает грудь. Тревога и злоба... Да отчего же не едет сестра к своим маленьким, что тут за деньги, это нетрудно устроить, пусть напишут. М(арье) К(аспаровне) переезжать не приходится, скорее к ней можно ехать. Во всяком случае дети будут вместе, я бы их и не покинул — если б не кружение головы да не добрые люди. — Прощайте. Целую вас, горячо, дружески. Кабы вы знали, как гадки, подлы, мерзки здешние людишки и как никуда не годны, неспособны те, которые лучше, — то, право, взглянули бы с благодарностью на Воробьевы горы. — Я пришлю вам что-нибудь на память, но я так скуп на эти мощи, что сам выберу.

Как страшна жизнь — горе тем, кто не довольствуется деньгами и здоровьем. — Много-много нужно, крайне нужно бы рассказать, для того чтоб родные сердца отозвались вот так, как ваши строки.

Если N(atalie) уехала, пошли ей эти строки.

Сегодня последний день страшного года для меня, остальные будут получше. Отдохнуть бы с вами... Господи, как бы хотелось!

Это правда, что Саша больше занимался языками, дело очень важное знать 5 языков. Теперь сильно обращаемся к математике.

248. М. К. РЕЙХЕЛЬ

31 (19) декабря 1852 г. Лондон.

31 декабря 1852.

Я на днях написал вам письмо — подумал, подумал и изорвал. А тут Эдмонд уверил, что так легко, так легко, что стоит подумать — и в Париже. Оно не так легко, теперь давай письмо Рот(шильду) — так и быть, я письмо напишу, но где же право теревить Рот(шильда), и зачем же мне такую ношу благодарности брать на свои плечи? Ох, писал я — *pas trop de zèle*.

Далее я не сделаю шага. И отчего же (до сих пор не понимаю) Тесье так приехал... и отчего Эдм(онд) притесняет Рот(шильда), а не Браниц(кого). Если из всего это(го) выйдет ничего, будемте с вами думать о том, как, напр(имер), к 1 марту вам сюда побывать или детям приехать. Я чувствую полнейшую необходимость соединить семью. На Нат(алью) Ал(ексеевну) надежды невелики, Тат(ьяна) Ал(ексеевна) пишет, что дела их идут дурно, и пр. Кстати, вот вам записка в Россию. Письма присланные я прочитал с горячими слезами, превосходные письма... итак, две жепщины в Москве не утратили мужества иногда перекликнуться.

Заметьте, между прочим, что из этого ничего и не будет. У вас или у Ел(ены) Конст(антиновны) есть то письмо (список), которое N(atalie) писала перед кончиной. Пошлите список в Россию. Письмо это бесконечно важно.

Я пишу к Эдмонду, передайте ему да скажите, чтобы непременно переслал мне *sous bande* те №№ «Gaz(ette) des tribunaux», где были процессы Бауэра, пусть только франкируют, у вас это стоит копейки, а здесь шиллинги.— Вещи и книги, посланные 1 декабря из Ниццы, не могу еще получить, когда получу, я пришлю что-нибудь для отправки Тат(ьяне) Алек(сеевне) из вещиц. Прощайте. Я не в духе. Поздравлять с Новым годом не буду.— Бог с ним. Лучше не будет, хуже нельзя быть. Написал еще длинное письмо «Sur le servage en Russie», в котором обругал Гакстгаузена. Жму руку Рейхеля. Подарили ли вы от меня что-нибудь Маше Хоец(кой)? Клан(яйтесь) Ст(анкевичам) и М(ельгунову).

А ты, Тата, стала очень спесива, пишешь мало, я не знаю еще от тебя, как тебе понравился Прудонец, он славное дитя, как вы с ним играли? Я советую опять съездить.

А любишь ли маленькую Мари Славянку?

Кланяйся ей. Ее надобно называть Маруся-казачка, а Оленька — московская судомойка, а Мориц — Шмерц, а я — Папа.

31 декабря.

Я, мадам Рейшель, передумал и посылаю письмо барону и вам — делайте как хотите, если он хочет только отвертеться, то оставьте письмо у себя, поговорите серьезно с Эдмундом.

Если пошлете, то положите в пакет и запечатайте черным сургучом.

249. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Декабрь 1852 г. Лондон.

Мы всё, Таточка, собираемся, да не завтра, так после, вот так время и идет, птичек еще не приискали.

А ты еще напиши письмецо.

И Оленьку поцелуй.

Рукой Саши Герцена:

Милая Тата.

Напиши мне, одним ли вам принадлежит сад вашего дома, потому что, может быть, другие не захотели бы иметь собаку в своем саду.

Мы едем завтра или послезавтра покупать птичек.

Целуй Машу, Олю и Рейхеля. Сама будь здорова.

С а ш а.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

1. <ЗАПИСЬ ДЛЯ Г. ГЕРВЕГА?>

1850 г.

De Kolatchek:

Le rapport de la Commission d'enquête de 1826 — concernant l'insurrection de Pétersbourg. Allem<and> ou français.

Grenzbole.

100 exemp<lares> de la brochure.

Перевод

От Колачка:

Допосение следственной комиссии 1826 г. о петербургском восстании.
На нем<ецком> или французском языках.

«Grenzbote».

100 экземпляров брошюры.

2. <НАДПИСЬ НА КНИГЕ ГЕРЦЕНА «С ТОГО БЕРЕГА»>

31 (19) января 1851 г. Ницца.

Алекса́ндре Христи́ановне
Энгельсон.

Русской по сердцу
от
Русского.

Ницца. 1851. $\frac{31}{19}$ января.

3. <НАДПИСЬ НА КНИГЕ ГЕРЦЕНА
«РУССКИЙ НАРОД И СОЦИАЛИЗМ»>.

30 (18) декабря 1851 г. Ницца.

A monsieur le professeur Vogt.

Souvenir respectueux de la part de l'auteur.

Nice Marit(ime).
30 décembre 1851.

Перевод

Господину профессору Фогту.

С уважением на память от автора.

Приморская Ницца.
30 декабря 1851.

4. <НАДПИСЬ НА ПОХОРОННОМ ПРИГЛАШЕНИИ>

2 мая (20 апреля) 1852 г. Ницца.

Письмо ваше тронуло меня, я никогда не сомневался в добром сердце вашем...

5. <НАДПИСЬ НА КНИГЕ Ж. САНД
«ПОХОЖДЕНИЯ ГРИБУЛЯ»>

20 (8) августа 1852 г. Париж.

И я, как Гривуль, бросился в реку, чтоб спастись от дождя — оттого и люблю его.

Париж, 20 августа.
1852.

6. <ЗАПИСЬ О ДНЯХ РОЖДЕНИЯ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ>

1850—1851 гг.

Папа	родился в Москве. 1812, марта 25.
Мама	в Москве. 1817, октября 22.
Саша	во Владимире. 1839, июня 13.
Коля	в Москве. 1843, декабря 30.
Тата	в Москве. 1844, декабря 13.
Оля	в Ницце. 8 1850, ноября 20.

II

7. <ЗАПИСИ О ДЕНЕЖНЫХ ФОНДАХ И КАПИТАЛАХ ГЕРЦЕНА>

Декабрь 1851 г.

К 1 декабря 1851 г. капиталы на имя Луизы
Ивановны, переведенные Ротшильд:

		во франках	
	нарицат.	курс	доход
1849			
8 февраля Нью-Йоркские 7 000 дол. 6%	40 950	37 450	2255
12 » » Inter., 6%	79 550	50 000	2500
6 апреля дом на rue Amsterdam, 14			
—135 000	—	135 000	7000
3 мая New York 13 000 дол. . .	78 380	69 550	4170
23 июня » » 15 000 дол. . .	91 425	80 000	4815
1850			
Madrid 3%	9 295	9 295	950
7 mars Бельгийские $2\frac{1}{2}\%$. . .	37 245	37 245	2000
10 июня Virginia 17 000 дол. 6%	97 145	90 950	5450
На имя Луизы Ивановны переведено Ротшильдом:			
Нью-Йорк 10 000 дол.	60 360	53 500	3210
20 августа Сардинск. рента 5% (через Авигдора)	54 500	54 500	3150
26 » » (через Ротшильда)	102 250	102 250	6000
26 » Американские	94 295	80 000	4815
26 » Ohio 20 000 дол.	123 975	107 000	6420
9 сентября Голландские	73 000	73 000	3000
9 » Мадридские 3%	14 000	14 000	1500
Banque Cantonale de Fribourg	25 000	25 000	750
Итого:	1 116 380	1 049 340	61485
Всего из России переведено мною через Ротшильда			616 600
Капитал маменьки			523 000
Остается за Д. П. Голохвастовым			29 000
			1 168 600
Употреблено Ротшильдом на покупку фондов и дома			1 116 380
Данные Прудону			25 000
На вексель Гервегу			10 000
За маменькой было			18 000
Натурализация и мелкие долги			3 500
			1 172 880
Куплено бумаг и дом на			1 049 340
что составляет ренту в			61 485
а считая с употребленного капитала по 5%			55 850
за вычетом из ренты расходов			5 000
В Огаревской доле 40 000 сер			140 000 фр.
» » и ренты 6%			9 000

8. <ЗАПИСЬ О ДЕНЕЖНЫХ СУММАХ, ВЫПЛА- ЧЕННЫХ ПО ЗАВЕЩАНИЮ Л. П. ГААГ>

Декабрь 1851 г.

М. К. Рейхель	10 000 фр.
М. Суццер	10 000 фр.
ее брату, Готлибу Гааг	10 000 »
Луизе Суццер	4 000 »
П. А. Захарьину	5 000 »
М. Ф. Корн	3 000 »
Вере Артамоновне	1 500 »
Бедным	1 500 »
45 000 фр.	

9. <АКТ ЗАВЕЩАНИЯ>

1 августа (20 июля) 1852 г. Фрибург.

Par devant moi, Henri Benjamin Presset,

Notaire à Morat, soussigné,

et les témoins ci-bas nommés, se présente *Alexandre Herzen*, f<ils> feu Jean, né à Moscou en Russie, bourgeois de la commune de Châtel au district du Lac actuellement domicilié à Nice, maître de ses droits, lequel sain de corps, d'esprit et d'entendement, ainsi qu'il est apparu aux dits notaire et témoins, a fait et dicté son testament comme suit:

1. Je donne et lègue à l'*hospice cantonal de Fribourg* la somme de *cinq cents francs* fédéraux, payable dans le terme de six semaines dès le jour de mon décès.

2. Je donne et lègue à la *commune de Châtel* sur Morat la somme de *cinq mille francs* fédéraux, payable dans le même terme que dessus. Ce montant sera réparti de moitié entre la bourse des pauvres et le fonds d'école de la commune prémentionnée.

3. Je donne et lègue à *Julien Schaller*, conseiller d'Etat à Fribourg et *Charles Vogt*, professeur et docteur en médecine à Genève, exécuteurs testamentaires établis ci-après, la somme de *vingt-cinq mille francs* fédéraux, avec charge de distribuer et répartir ce montant selon les intentions à ceux bien connues du testateur et d'après les instructions verbales de ce dernier.

4. Je donne et lègue à mon fils *Alexandre Herzen* la maison que je possède à Paris, rue d'Amsterdam numéro quatorze, sous la condition mentionnée plus bas.

5. J'institue pour mes seuls héritiers mes trois enfants *Alexandre*, *Natalie* et *Olga Herzen*, lesquels pourront après mon décès entrer immédiatement en possession de tous mes biens tant meubles qu'immeubles et en disposer à volonté, avec charge toutefois d'acquitter les legs mentionnés ci-dessus, ainsi que toutes dettes légitimes qui pourraient grever ma succession. Ma volonté bien arrêtée est qu'après le prélèvement du legs fait à mon

LE
PEUPLE RUSSE
ET
LE SOCIALISME

Lettre à Monsieur J. MICHELET

PROFESSEUR AU COLLÈGE DE FRANCE

PAR

ISCANDER.

(A. Herzen)

PARIS.

A. FRANCK. Librairie Étrangère,

Rue Richelieu, 07.

1852.

Титульный лист первого издания брошюры «Русский народ и социализм».

Библиотека Академии наук СССР. Ленинград.

A Monsieur le Professeur Vogt

Donner avec respectueux

de la part de l'auteur

Mme Moris

30 Decembre 1881.

Лист с дарственной подписью Герцена К. Фогту в первом издании
брошюры «Русский народ и социализм».

HISTOIRE
DU VÉRITABLE
GRIBOUILLE

PAR
GEORGE SAND

VIGNETTES PAR MAURICE SAND

GRAVURES DE DELAVILLE

PARIS
PUBLIÉ PAR E. BLANCHARD
ANCIENNE LIBRAIRIE HETZEL,
RUE RICHELIEU, 78.

1851

Титульный лист книги Ж. Санд «Похождения Грибуля».
Государственная публичная историческая библиотека. Москва.

HISTOIRE
DU
VÉRITABLE GRIBOUILLE

2 Коп. Гривбуля бро
увер в рожу тмодъ снас
Дис от 1852 - 1852
и Гривбуля со.

Копия 20 августа
1852

Шмуцтитутельный лист книги Ж. Санд «Похождения Грибуля»
с дарственной надписью Герцена Е. К. Станкевич.

filis Alexandre, mes trois enfants se partagent ma succession par parties égales, abstraction faite de toute prérogative masculine.

6. Pour l'exécution de la présente disposition de dernière volonté, j'établis Julien Schaller de Fribourg, y domicilié, conseiller d'Etat, et Charles Vogt de Berne, docteur en médecine et professeur à Genève auxquels je donne la qualité d'exécuteurs testamentaires avec les attributions fixées par la loi et le présent acte. Pour le cas où les personnes ci-haut mentionnées ne voudraient ou ne pourraient remplir la mission d'exécuteurs testamentaires, tout comme aussi dans le cas où l'une d'entr'elles et même les deux viendraient à décéder avant moi, testateur, je leur substitue Vladimir Engelson, originaire de St. Pétersbourg, actuellement domicilié à Gênes, avec les attributions déterminées plus haut.

Dans le but de pourvoir convenablement à l'administration de la fortune de mes enfants, pour le cas où je viendrais à décéder avant l'âge de majorité de ces derniers, j'institue un conseil spécial de surveillance ou de famille, ayant pour mission de diriger et surveiller l'éducation de mes enfants mineurs et d'administrer leur avoir, tout comme aussi d'opérer les déplacements de onds necessités par les circonstances et l'intérêt bien entendu des mineurs. Cfe Conseil est composé comme suit:

a) *Julien Schaller* de Fribourg, conseiller d'Etat;

b) *Charles Vogt* de Berne, professeur à Genève;

c) *Vladimir Engelson*, originaire russe, domicilié à Gênes;

d) *Marie Tessié du Motay*, citoyen français, actuellement domicilié à Londres;

e) *Ernest Haug*, natif de la Styrie, général sous la république romaine domicilié à Londres;

f) *Charles Edmond Chojecy*, natif polonais, actuellement domicilié à Nice.

Comme tuteur spécial de mes enfants mineurs je nomme *Adolphe Reichel*, natif prussien, professeur de musique, domicilié à Paris, auquel je donne pour attributions outre celles prescrites par la loi, celle de veiller tout particulièrement à l'éducation de mes enfants et à l'administration de leur fortune, sous la surveillance et la direction du conseil de famille institué plus haut. En cas de prédécès du tuteur établi, je lui substitue *Vladimir Engelson*, membre du conseil de famille et en cas de prédécès de ce dernier, je lui substitue enfin *Charles Vogt* de Berne, professeur à Genève, membre du même Conseil, avec les mêmes obligations.

Il va sans dire, que par l'institution dont il s'agit, le testateur n'a nullement entendu éluder les dispositions de la législation fribourgeoise celles-ci sont au contraire expressément réservées et devront recevoir leur pleine exécution conformément à la volonté du testateur.

Le tuteur établi aura en outre l'obligation de revendiquer la propriété du domaine que je possède dans le gouvernement de Kostroma, district de Galitz, lequel se trouve séquestré pour cause politique, mais qui doit être restitué à mes enfants, lorsqu'ils auront tous atteint l'âge de majorité. Les documents concernant ce domaine se trouvent à Moscou entre les mains de M. Gr. Klutchareff, conseiller du collège. Il poursuivra de même la rentrée

d'une somme de quarante mille roubles d'argent dûe par Mrs Pavloff et Satine à Moscou.

Quant à l'emploi de la rente, ma volonté est, qu'à dater de 1852, jusqu'en 1856 il soit prélevé sur les revenus annuels une somme de 12 000 frs. destinée spécialement à l'éducation de mes enfants. Depuis 1856 à 1860 inclusivement cette somme sera portée à 15 000 f(rancs).

Toutefois le Conseil de famille et le tuteur pourront disposer de sommes plus considérables chaque fois qu'ils le jugeront convenable et utile au bien, à la santé et à l'éducation de mes enfants.

Désirant vivement que mes enfants vivent le plus longtemps possible dans l'indivision, tout comme aussi qu'ils procèdent au partage en l'absence de toute difficulté, j'émetts le vœu que mes héritiers légitimes reculent autant que possible l'époque du partage et que même après avoir atteint l'âge de majorité, mon fils écoute les conseils et n'entreprenne aucun acte important d'administration sans avoir pris l'avis de ceux qui auront présidé à son éducation.

Pour le cas, où mon fils Alexandre persisterait dans sa demande de procéder au partage immédiatement après avoir atteint l'âge de majorité, et pendant la minorité de ses deux sœurs, le legs du bâtiment situé à Paris rue d'Amsterdam, N° 14, fait à mon fils prénommé, ce legs tombe et ma volonté est que dans ce cas l'immeuble qui en fait l'objet rentre dans la masse pour être partagé également entre mes trois enfants, comme il est dit plus haut.

Je désire qu'après mon décès mon corps soit transporté à Nice et enterré au cimetière des non-catholiques, à côté de la tombe de ma femme. Là, on élèvera un monument funèbre commun pour ma mère et mon fils péris dans un naufrage, pour ma femme et pour moi.

J'exprime enfin le vœu que le présent acte soit ouvert et publié après mon décès, en l'étude de Henri Benjamin Pisset, notaire à Morat.

Je révoque et annule tous testaments et codicilles que je pourrais avoir faits antérieurement au présent acte auquel seul je m'arrête comme contenant mes dernières volontés.

Dont acte: fait et passé à Fribourg, Maison Lacaze, numéro cent trente neuf b, en présence de Pierre Nicolas Lucien Glasson, fils de Pierre de Bulle, avocat domicilié à Fribourg, et Jean Frédéric Küssler, f(ils du) feu Frédéric de Martigny, maître d'hôtel en cette ville, témoins requis, lesquels ont signé à la minute avec le testateur et moi notaire, après lecture et ratification, article par article, le *premier août mil huit cent cinquante deux* à cinq heures du soir (1 août 1852).

Sig(né) Alexan dre Her zen, sig(né) Jean K ü s s l e r, sig(né) N. G l a s s o n, sig(né) H. B. P r e s s e t, not(aire).

П е р е в о д

В присутствии моем, Анри Бенжамена Прессе,

нижеподписавшегося нотариуса из Мора,

и поименованных ниже свидетелей, явившийся лично Александр Герцен, сын покойного Ивана, родившийся в Москве, в России, гражданин

общины Шатель, в Озерном районе, ныне проживающий в Ницце, правомочный, который, будучи здоров телом, духом и рассудком, по удостоверению вышеупомянутого нотариуса и свидетелей, сделал и продиктовал нижеследующее свое завещание:

1. Даю и завещаю кантональной больнице Фрибурга сумму в пятьсот федеральных франков, которая должна быть выплачена в шестинедельный срок со дня моей кончины.

2. Даю и завещаю общине Шатель близ Мора сумму в пять тысяч федеральных франков, которая должна быть выплачена в вышеозначенный срок. Сумма эта будет разделена пополам между кассой для бедных и школьным фондом вышеупомянутой общины.

3. Даю и завещаю Юлиану Шаллеру, государственному советнику в Фрибурге, и Карлу Фогту, профессору и доктору медицины в Женеве, назначаемым душеприказчиками, как то будет определено ниже, сумму в двадцать пять тысяч федеральных франков с обязательством распределить и раздать ее согласно хорошо известным им намерениям завещателя и в соответствии с его словесными предписаниями.

4. Даю и завещаю сыну моему Александру Герцену дом, коим я владею в Париже, на Амстердамской улице, номер четырнадцать, под указанным ниже условием.

5. Назначаю единственными моими наследниками своих троих детей: Александра, Наталию и Ольгу Герценов, кои смогут тотчас после моей кончины вступить во владение всем моим имуществом, как движимым, так и недвижимым, и располагать им по своему усмотрению, однако с обязательством выплатить упомянутые выше в завещании суммы, так же, как и все законно установленные долги, которыми могло бы быть обременено мое наследие. Моя окончательная воля выражается в том, чтобы за вычетом наследства, оставляемого моему сыну Александру, мои трое детей разделили между собою поровну все остальное мое достояние, без всякого преимущества мужскому полу.

6. Для исполнения настоящего изложения моей последней воли я назначаю Юлиана Шаллера из Фрибурга, там же и проживающего, государственного советника, и Карла Фогта, из Берна, доктора медицины и профессора в Женеве, которым предоставляю полномочия душеприказчиков с правами и обязанностями, установленными законом и настоящим актом. В случае, если бы вышеупомянутые лица не захотели или не смогли исполнять обязанности душеприказчиков, равно как и в том случае, если бы один из них или даже оба скончались ранее меня, завещателя, на место их я назначаю Владимира Энгельсона, уроженца г. С.-Петербурга, проживающего ныне в Генуе, с предоставлением ему прав и обязанностей, означенных выше.

С целью обеспечения соответствующего управления состоянием моих детей, в случае, если я умру ранее достижения ими последних совершеннолетия, назначаю особый совет надзора, или семейный совет, который должен будет руководить и наблюдать за воспитанием моих несовершеннолетних детей и управлять их имуществом, равно как и перемещать мои

фонды в соответствии с обстоятельствами и, само собой разумеется, в интересах несовершеннолетних. В состав этого совета входят:

- а) *Юлиан Шаллер* из Фрибурга, государственный советник;
- б) *Карл Фогт* из Берна, профессор в Женеве;
- в) *Владимир Энгельсон*, русский уроженец, проживающий в Генуе;
- г) *Мари Тессе дю Мота*, французский гражданин, проживающий в Лондоне;
- д) *Эрнст Гауге*, уроженец Штирии, генерал римской республики, проживающий в Лондоне;

е) *Карл-Эдмунд Хоецкий*, польский уроженец, проживающий в Ницце.

Специальным опекуном моих несовершеннолетних детей назначаю я *Адольфа Рейхеля*, прусского уроженца, преподавателя музыки, проживающего в Париже, которому помимо прав и обязанностей, предписанных законом, я вверяю в особенности заботу о воспитании моих детей, а также управление их имуществом под наблюдением и руководством вышеупомянутого совета. В случае преждевременной кончины назначенного опекуна я замещаю его *Владимиром Энгельсоном*, членом семейного совета, наконец, в случае смерти сего последнего я замещаю его *Карлом Фогтом* из Берна, профессором в Женеве, членом того же совета, с теми же обязанностями.

Само собою разумеется, что при распоряжениях, о коих здесь идет речь, завещатель нисколько не имел намерения обойти установления фрибургского законодательства; они, напротив того, должны быть строго соблюдены и полностью выполнены согласно воле завещателя.

Утвержденный опекун, помимо того, обязан требовать возвращения имения, которым я владею в Костромской губернии, Галицкий уезд, и которое находится под секвестром по политическим причинам, но должно быть возвращено моим детям по достижении ими совершеннолетнего возраста. Документы по этому имению находятся в Москве в руках г. Гр. Ключарева, коллежского советника. Равным образом должен он хлопотать о возвращении мне суммы в сорок тысяч рублей серебром, которую мне должны гг. Павлов и Сатин в Москве.

Что же касается пользования моей рентой, воля моя заключается в том, чтобы с 1852 по 1856 год отделялась из годовых доходов сумма в 12 000 франков, специально назначенная на воспитание моих детей. С 1856 по 1860 год включительно сумма эта будет увеличена до 15 000 франков.

Семейный совет и опекун смогут, однако, располагать и более значительными суммами всякий раз, когда они сочтут это нужным и полезным для блага, здоровья и воспитания моих детей.

От всей души желая, чтобы мои дети жили возможно дольше в нераздельности владения, а вместе с тем, чтоб раздел был произведен ими без всякого затруднения, я выражаю желание, чтобы мои законные наследники отложили раздел на возможно более отдаленный срок и чтобы сын мой, даже достигнув совершеннолетнего возраста, слушался советов и не предпринимал ни одного важного действия по управлению имуществом, не выслушав мнения лиц, руководивших его воспитанием.

В случае же если мой сын Александр будет упорствовать в требовании приступить к разделу тотчас же по достижении своего совершеннолетия, но при несовершеннолетии его двух сестер, то оставленное по завещанию имущество — дом в Париже на Амстердамской улице № 14, отказанный моему вышеупомянутому сыну, — этот пункт завещания отменяется, и воля моя такова, чтобы в этом случае недвижимое имущество, о коем идет речь, вошло в общую совокупность наследства для раздела ее, как указано выше, на равные части между тремя моими детьми.

Я желаю, чтобы после моей кончины тело мое было перевезено в Ниццу и погребено там на кладбище некаатоликов, рядом с могилой моей жены. Там воздвигнут будет общий погребальный памятник для моей матери и моего сына, погибших при кораблекрушении, для моей жены и для меня.

Я выражаю, наконец, желание, чтобы настоящий акт был вскрыт и оглашен после моей кончины в конторе Анри Бенжамена Прессе, нотариуса в Мора.

Я отменяю и аннулирую все мои завещания и приписки к ним, которые могли быть сделаны до настоящего акта, и останавливаюсь на нем одном как на выражающем мою последнюю волю.

Сей акт учинен и скреплен в Фрибурге, в доме Лаказа, номер сто тридцать девять «б», в присутствии Пьера Николя Люсьена Глассона (сына Пьера из Бюлля), адвоката, проживающего в Фрибурге, и Жана Фредерика Кюсслера (сына покойного Фредерика из Мартиньи), хозяина отеля в этом городе, свидетелей, которые подписали акт одновременно с завещателем и со мною, нотариусом, после чтения и утверждения, пункт за пунктом, *первого августа тысяча восемьсот пятьдесят второго года, в пять часов пополудни (1 августа 1852 года).*

Подписал Александр Герцен, подписал Жан Кюсслер, подписал Н. Г л а с с о н, подписал А.-Б. П р е с с е, нотариус.

10. <ПРОТЕСТ ВЕКСЕЛЯ Э. ГЕРВЕГ>

13 (1) ноября 1852 г. Лондон.

Par devant Mr John Sise Venn, notaire public à Londres par autorité royale dûment admis et juré, soussigné—

Fut présent

Monsr Alexandre Herzen, propriétaire domicilié à Châtel, canton de Fribourg en Suisse, en ce moment résidant № 2, Barrowfield Place, Primrose Road à Londres.

Lequel a déclaré faire en constituer son mandataire spécial M.

A qui le comparant donne pouvoir de, pour lui et en son nom, poursuivre par toutes les voies de droit, le recouvrement d'une lettre de change tirée par lui sur madame Emma Herwegh, épouse de Monsr George Herwegh de Zurich, la dite dame demeurant à Nice en Piémont, pour une somme de

Dix ¹ mille francs que le dit constituant a prêtée à madame *Herwegh*, payable au vingt août dernier, et protestée à son échéance faute de paiement.

En conséquence former toutes demandes en justice et devant tous les tribunaux compétents, tant contre la dite dame *Herwegh* que contre son mari; constituer tous avoués, procureurs et avocats, obtenir tous jugements et arrêts; les faire mettre à exécution par toutes les voies et moyens que les lois mettent à sa disposition, prendre toutes inscriptions hypothécaires; faire toutes oppositions, saisir, arrêter et prendre toutes mesures conservatoires pour assurer ses droits; faire toutes transactions et arrangements que le mandataire croira utile; accepter toutes garanties et cautionnements qui pourront être offertes; recevoir le montant de la créance du constituant en principal, intérêts et frais; en donner quittance; donner main levée de toutes inscriptions, saisies ou autres empêchements. Substituer au besoin dans tout ou partie des présents pouvoirs, et généralement faire pour arriver à leur complète exécution tout ce qui sera nécessaire, quoi que non exprimé ci-dessus.

Dont acte, fait et passé à Londres, en l'étude du notaire soussigné, où le constituant l'a dûment signé, scelé et délivré dans la forme prescrite par les lois anglaises, après lecture faite, le treize novembre mil huit cent cinquante deux, en présence du dit notaire et de Messrs Thomas Janner et Etienne Charles Barnabé, tous deux témoins à ce requis, dûment qualifiés et soussignés.

Approuvé la surcharge du mot Dix d'autre part.

Alexandre Herzen.

Témoins:

Quod attestors:

T. Janner.

John S Venn.

Et(ienn)e Barnabé.

Not(aire):

Pulz.

Перевод

Учинено в присутствии г-на Джона Сайз Венн, нотарпуса в Лондоне, должным образом уполномоченного королевской властью, приведенного к присяге и нижеподписавшегося,

при лично явившемся г. Александре Герцене, домовладельце в Шателе, кантон Фрибург в Швейцарии, в данное время имеющем местожительство в Лондоне, 2, Barrowfield Place, Primrose Road,

каковой заявил, что передает все специальные полномочия г-ну..., которому лично явившийся доверитель предоставляет право произвести всеми законными способами, за него и от его имени, взыскание по векселю, выданному ему госпожой Эммой Гервег, супругой г. Георга Гервега из Цюриха, проживающей в Ницце, Пизмонт, на сумму десять ² тысяч франков, каковую вышеназванный доверитель ссудил госпоже Гервег, и подлежавшему оплате двадцатого августа текущего года и опротестованному по истечении этого срока ввиду неуплаты.

В соответствии с этим — вчинять все необходимые иски в суде и в подлежащих судебных учреждениях как в отношении вышеназванной

¹ В автографе первоначально значилось: «Деух». — Ред.

² Первоначально значилось: «две». — Ред.

г-жи Гервег, так и ее супруга; передавать полномочия поверенным, стряпчим и адвокатам, принимать все судебные решения и определения; передавать их на исполнение всеми способами, которые законы предоставляют в его распоряжение, принимать все залоговые надписи; вступать в судебные споры, накладывать запреты и аресты, предпринимать все предохранительные меры для обеспечения своих прав; заключать все сделки и соглашения, которые уполномоченный найдет полезными; принимать все гарантии и поручительства, которые могут быть предложены; получать суммы в оплату долга своему доверителю по основному капиталу, процентам и издержкам и выдавать в том расписки; снимать запретительные надписи, наложения арестов и другие запреты. Использовать в случае нужды для обеспечения полного взыскания, в силу настоящих полномочий, полностью или частично, все, что будет необходимо, даже если оно и не поименовано выше.

Сей акт учинен и скреплен в Лондоне, в конторе нижеподписавшегося нотариуса, где доверитель должным образом этот акт подписал, скрепил печатью и передал в форме, предписываемой английскими законами, после прочтения этого акта, тринадцатого поября тысяча восемьсот пятьдесят второго года в присутствии вышеназванного нотариуса и гг. Томаса Дженнер и Этьена Шарля Барнабе, которые являются свидетелями по этому иску, вполне правомочными и нижеподписавшимися.

Исправлению слова *десять* верить.

Александр Герцен.

Свидетели:

Т. Дженнер.

Этьен Барнабе.

Quod attestors¹:

Джон С. Венн.

Нотариус:

Пульц.

11. <ЗАПИСЬ РАСХОДОВ ПО СОДЕРЖАНИЮ СЕМЬИ>

Конец 1840-х — начало 1850-х гг.

В месяц

Квартира	—400	225
Содерж(ание) по 15 в день	—450	
Вино по 5 в день	—150	30
Кухарка	— 50	
Извозчик	— 50	50
Уроки	—100	
Extra	—100	
	1300	
Для туалета	—200	25
Для мелк(их) расх(одов)	—250	
	4 750	
Бюджет наш в	2 000	

350

¹ Что свидетельствую (лат.) — Ред.

12. ПИСЬМО Э. ГАУГА К Ж. МИШЛЕ

21 (9) ноября 1851 г. Ницца.

Nice, 21 novembre 1851.

Monsieur,

Notre ami Herzen a reçu hier votre lettre du 17. Il n'est pas en état de vous répondre personnellement, car il est sous le coup d'un grand malheur. Sa mère et son fils, âgé de huit ans, après avoir passé quelques semaines à Paris, retournaient à Nice. Le 15 ils se sont embarqués à Marseille sur le paquebot *la Ville de Grasse*, qui allait à Cannes. Le lendemain à quatre heures du matin ce bateau a été heurté, près des îles d'Hyères, par un paquebot *la Ville de Marseille*, venant de Gênes. Le choc a été si violent, que le premier de ces navires, coupé en deux, a sombré. La mère et le fils de M. Herzen ont péri; au moins, on n'a jusqu'à présent aucune nouvelle sur leur sort, on n'a pas même retrouvé leurs cadavres. L'enfant que Herzen vient de perdre, était né sourd-muet, grâce au traitement que le gouvernement russe a fait endurer à Herzen et à sa femme. Néanmoins un précepteur, originaire de Zurich, (qui paraît également avoir péri dans le naufrage) était parvenu à apprendre à l'enfant à parler avec la plus grande facilité. L'intelligence et la grâce, que déployait l'enfant, le rendaient doublement cher à ses parents.— C'est en vain que Herzen a été à Hyères,— il n'y a trouvé aucune trace des naufragés.— Si vous parlez, monsieur, de cette catastrophe à M. Bernacky, ayez la complaisance de le prévenir, que Mme Reichel, que monsieur connaît comme une personne intime de la famille Herzen, n'est pas encore instruite de cette affaire. On ne veut pas le lui annoncer brusquement, vu l'état de sa santé.

Dans votre lettre du 17 vous dites, monsieur, que l'article qui vous a été envoyé, ne peut pas être publié parce qu'il n'est pas signé, et vous faites mention d'un jeune homme distingué, dont vous paraissez avoir parlé à Herzen dans une lettre précédente.— Comme notre ami n'a pas reçu de lettre, dans laquelle il eût été question d'un jeune homme, il en conclut — comme d'ailleurs vous le lui avez déjà fait observer — qu'il y a une de vos lettres à lui de perdue.— Je vous prie de considérer les articles, qu'il vous a envoyés, comme destinés à vous servir de matériaux, et en conséquence d'en faire tel emploi que vous voudrez, de les arranger, corriger et faire signer, comme vous l'entendrez.— L'auteur du dernier article, étant obligé de garder le plus strict incognito, a fait parvenir son manuscrit à Herzen en le priant d'en disposer en toute liberté.— Les pièces aux annexes ont été traduites sous les yeux de M. Herzen; la lettre de M. Belinsky a même été lue par son auteur personnellement à notre ami. C'est pourquoi il répond de la véracité de ces documents.

M. Herzen vous prie d'agréer ses respects.

A.H.

Ницца, 21 ноября 1851.

Милостивый государь,

наш друг Герцен получил вчера ваше письмо от 17 ноября. Он не в состоянии ответить вам лично, так как его постигло большое горе. Его мать и восьмилетний сын провели несколько недель в Париже и возвращались в Ниццу. 15-го они отплыли из Марселя на пароходе «La Ville de Grasse», который направлялся в Канн. На следующий день в четыре часа утра близ Иерских островов это судно столкнулось с пароходом «La Ville de Marseille», шедшим из Генуи. Удар был настолько сильным, что первое судно, расколовшись пополам, затонуло. Мать и сын Герцена погибли; во всяком случае до сих пор нет никаких известий об их участи, — даже трупы их пока не обнаружены. Погибший сын Герцена был глухонемой от рождения вследствие тех жестокостей, которые Герцену и его жене пришлось вынести по милости русского правительства. Однако одному учителю из Цюриха (он, видимо, также погиб во время кораблекрушения) удалось научить ребенка говорить совершенно свободно. Ум и грация, которые раскрылись в ребенке, сделали его вдвойне дорогим для родителей. — Тщетно Герцен ездил в Иер — он не нашел там никаких следов потерпевших крушение. — Если, милостивый государь, вам случится говорить об этой катастрофе с г. Бернацким, будьте добры предупредить его, что г-жа Рейхель, которая, как вам известно, близка семье Герцена, пока ничего не знает о случившемся. Ей не хотят говорить об этом сразу ввиду состояния ее здоровья.

В своем письме от 17 вы говорите, милостивый государь, что статья, посланная вам, не может быть напечатана, так как она не подписана, и вы упоминаете об одном достойном молодом человеке, о котором вы, по видимому, писали Герцену в одном из предыдущих писем. Так как наш друг не получил письма, в котором упоминалось бы о каком-то молодом человеке, то он заключает отсюда (как, впрочем, вы уже имели случай это заметить ему), что одно из ваших писем к нему пропало. — Прошу вас считать, что статьи, которые он вам прислал, предназначены для того, чтобы служить вам материалами, и вы, следовательно, вправе использовать их по своему усмотрению — переделывать, исправлять и подписывать, как найдете нужным. — Автор последней статьи, вынужденный сохранять строжайшее инкогнито, доставил свою рукопись Герцену с просьбой располагать ею совершенно свободно. Выдержки из приложения переведены под наблюдением г. Герцена; письмо Белинского было даже лично прочитано автором нашему другу. Поэтому он ручается за достоверность этих документов.

Г-н Герцен просит выразить вам свое уважение.

А. Г

13. ПИСЬМО В. А. ЭНГЕЛЬСОНА К Г. ГЕРВЕГУ

28 (16) января 1852 г. Ницца.

Monsieur, M. Herzen, ayant aujourd'hui reçu votre lettre m'a chargé de vous faire savoir que non-observant toutes les injures contenues dans votre lettre à lui, il ne *veut* pas pour le moment donner suite à votre défi.— Vous ne serez, je pense, nullement étonné de ce qu'il ne vous reconnaît aucun droit de le provoquer en général, d'autant moins celui de choisir pour le temps convenable à un duel entre vous le moment où sa femme est gravement malade (ce que probablement vous n'avez pas ignoré).

Il vous donne le droit de donner toute la publicité voulue par vous non seulement à ce sursis, mais encore à toutes les circonstances de sa rupture avec vous.— Si vous avez des observations à faire sur ce que j'ai l'honneur de vous annoncer, vous n'avez qu'à vous adresser, selon votre choix, soit à moi (Nice, poste restante), soit à Mr Sazonoff, soit par lettres, soit par l'entremise de quelque personne que vous chargeriez de cette commission.

Car quant à M. Herzen, lui-même, il ne décachètera pas les lettres que vous lui adresserez.

Wladimir Engelson.

Перевод

Милостивый государь, г. Герцен, получив сегодня ваше письмо, поручил мне довести до вашего сведения, что, несмотря на все оскорбления, содержащиеся в вашем письме к нему, он в настоящее время *не хочет* отвечать на ваш вызов.— Вас, я полагаю, отнюдь не удивит, что он вообще не признает за вами никакого права на вызов и еще менее — выбирать в качестве удобного для дуэли времени такой момент, когда его жена тяжело больна (о чем вам, вероятно, неизвестно).

Он оставляет за вами право по вашему усмотрению предать широкой огласке не только эту отсрочку, но и все обстоятельства его разрыва с вами.— Если у вас будут возражения относительно того, что я имею честь сообщить, можете обратиться по своему выбору либо ко мне (Ницца, до востребования), либо к г. Сазонову, письменно или через посредство того лица, которому вы это поручите.

Что же касается самого Герцена, то он не станет вскрывать письма, которые вы ему направите.

Владимир Энгельсон.

14. ПИСЬМО В. А. ЭНГЕЛЬСОНА К Г. ГЕРВЕГУ

18 (6) февраля 1852 г. Ницца.

Monsieur, le sursis, que je vous ai demandé, n'a plus de motif d'être prolongé; — la lettre ci-jointe, qui nous a été communiquée et que je suis chargé de vous transmettre, vous en fournit la preuve.

Votre provocation, — se résumant à nos yeux en ces termes: «j'ai eu tort envers M. Herzen, et c'est pourquoi je lui en demande réparation», — est

considérée, par ceux qui vous connaissent aussi bien que par ceux qui ne vous connaissent pas, comme un acte d'aliénation mentale.— C'est pourquoi M. Herzen, tout en faisant ses réserves sur l'avenir, ne répond pour le moment que par le mépris à vos insultes, motivées par une supposition d'actes de violence et d'inhumanité, supposition mentionnée dans votre lettre à moi en date du 2 février, et que la lettre ci-jointe détruit de fond en comble.

Wladimir Engelson.

Nice, le 18 février 1852.

Перевод

Милостивый государь, для продления отсрочки, о которой я вас просил, нет больше оснований; прилагаемое письмо, которое мы получили и которое мне поручили передать вам, служит достаточным тому доказательством.

Ваш вызов, который на наш взгляд сводится к следующему: «Я виноват перед г. Герценом, а потому требую удовлетворения»,— рассматривается теми, кто вас знает и кто не знает, как акт безумия.

Вот почему г. Герцен, оставляя за собой свободу действий на будущее, сейчас отвечает только презрением на ваши оскорбления, которые вы оправдываете тем, что якобы совершен акт насилия и бесчеловечности, о чем вы говорите в своем письме ко мне от 2 февраля. Прилагаемое письмо начисто опровергает ваши измышления.

Владимир Энгельсон.

Ницца, 18 февраля 1852.

15. ПИСЬМО Э. ГАУГА И ТЕСЬЕ ДЮ МОТЭ К Ф. ВИЛЛЕ

18 (6) июля 1852 г. Люцерн.

Geehrter Herr.

Herr Alexander Herzen hat uns ersucht, das durch dieselben an ihn übermittelte Kartell des Herrn Georg Herwegh zu erledigen. Wir erklären im Namen des Geforderten, daß Herr Herzen diese Herausforderung nicht annehmen kann, weil man mit einem amoralischen Verbrecher nichts, also auch eine Ehrensache nicht gemein haben kann.

Indem wir Sie höflichst bitten, diese Erklärung auf Ihr geehrtes und uns überantwortetes Schreiben vom 7ten Juli d. J., welches uns erst gestern zukam, entgegenzunehmen, fühlen wir uns Ihnen gegenüber zu der Bemerkung verpflichtet, daß nur die Hochachtung, welche wir für Sie, Herr Doktor, hegen, uns vermochte, das Ansinnen des Herrn Herwegh zu beantworten.

Mit dieser Versicherung haben wir die Ehre uns zu zeichnen.

Ihre ergebenen

C Tessié du Motay.

Ernst Haug.

Luzern am 18. Juli 1852.

P. S. Briefe bitten wir uns *poste restante* unter der Adresse unseres Bekannten, Herrn Charles Edmond, zu adressieren.

Милостивый государь.

Господин Александр Герцен просил нас ответить на картель, полученный им от господина Георга Гервега. От имени вызванного мы заявляем, что господин Герцен не может принять этот вызов, ибо с морально преступным человеком нельзя иметь ничего общего, а следовательно — и дела чести.

Почтительнейше прося принять настоящее наше заявление в ответ на ваше уважаемое письмо от 7-го июля с. г., полученное нами только вчера, мы считаем своим долгом заметить, что только глубокое уважение, которое мы питаем к вам, господин доктор, заставило нас ответить на вызов господина Георга Гервега.

С этим уверением имеем честь подписаться

преданные вам

Т е с ь е д ю М о т з.

Э р и с т Г а у г.

Люцерн, 18 июля 1852.

P. S. Письма для нас просим адресовать до востребования на имя нашего знакомого господина Шарля Эдмона.

КОММЕНТАРИИ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

І. А р х и в о х р а н и л и щ а

- ГИБ* — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград.
- ИРЛИ* — Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР. Ленинград.
- ЛБ* — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Москва.
- ЦГАЛИ* — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР. Москва.
- ЦГИАМ* — Центральный государственный исторический архив. Москва.
- ASR* — Archivio di Stato di Roma (Государственный архив в Риме).
- BFM* — Biblioteca G. G. Feltrinelli. Milano (Библиотека Дж. Фелтринелли. Милан).
- BG* — Bibliothèque publique et universitaire Genève. (Публичная и университетская библиотека. Женева).
- BHP* — Bibliothèque historique de la ville de Paris (Парижская городская историческая библиотека).
- BM* — British Museum (Британский музей. Лондон).
- BN* — Bibliothèque National. Paris (Национальная библиотека. Париж).
- CU* — Columbia University Archive of Russian and East European History and Culture (Архив русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете. Нью-Йорк).
- DAW* — Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin (Литературный архив Немецкой академии наук. Берлин).
- DS* — Deutsche Staatsbibliothek (Немецкая государственная библиотека. Берлин).
- IISC* — Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis (Международный институт социальной истории. Амстердам).
- MBR* — Museo della Biblioteca Centrale del Risorgimento di Roma (Музей Центральной библиотеки Рисорджименто в Риме).

II. Печатные источники

- Рейхель* — М. К. Рейхель. Орывки из воспоминаний и письма к ней Герцена. М., 1909.
- Грановский* — «Т. Н. Грановский и его переписка», т. II. М., 1897.
- ГМ* — журнал «Голос минувшего».
- ГНМ* — А. И. Герцен. Новые материалы. К печати подготовил Н. М. Мендельсон. Труды публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. М., 1927.
- Л* — (в сопровождении римской цифры, обозначающей номер тома, и арабской, обозначающей страницу) — А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под редакцией М. К. Лемке, т. I — XXII, П., 1915 — 1925.
- ЛН* — тома «Литературного наследства» (т. 7-8 — М., 1933г.; т. 39-40 — 1941г.; т. 41-42 — 1941г.; т. 56 — 1950 г.; т. 61 — 1953г.; т. 62 — 1955г.; т. 63 — 1956г.; т. 64 — 1958г.; т. 67 — 1959г.).
- Мейзенбург* — М. Мейзенбург. Воспоминания идеалистки. Изд. Academia. М.— Л., 1933.
- НПГ* — Неизданные письма Герцена к Н. И. и Т. А. Астраковым. К печати подготовил Л. Л. Домгер. Издание «Нового журнала». Нью-Йорк, 1957.
- ОРГ* — «Описание рукописей А. И. Герцена». Составили А. В. Аскарянц и З. В. Кеменова, под редакцией Б. П. Козьмина. Изд. 2, М., 1950.
- ПЗ* — альманах «Полярная звезда». Лондон.
- РМ* — журнал «Русская мысль».
- Черняк* — Я. З. Черняк. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. Изд. Academia. М.— Л., 1933.
- Carr* — «Some Unpublished Letters of Alexander Herzen» by E. H. Carr.— «Oxford Slavonic papers», Volume III. Oxford, 1952.
- La Revue* — «La Revue» (Ancienne «Revue des Revues»). IVe série. 1907. XVIIIe année. Vol. LXVIII. Paris.
- ZS* — журнал «Zeitschrift für Slawistik». Berlin.

Ссылки на вышедшие тома настоящего издания даются с указанием тома (римская цифра) и страницы (арабская цифра).

Двадцать четвертый том Собрания сочинений А. И. Герцена содержит его письма начиная с апреля 1850 г. по 1852 г. включительно.

Эти письма охватывают период жизни Герцена в Париже в последние месяцы перед его высылкой из Франции, пребывание с семьей в Ницце, наконец, лондонский период после переезда с континента в Англию осенью 1852 г., которым, по словам самого Герцена, «закрывается самая ужасная часть» его жизни (X, 312).

В письмах 1850—1852 гг. содержатся многочисленные отклики и высказывания Герцена по поводу текущих политических событий (выборы в Законодательное собрание Франции весной 1850 г., бонапартистский переворот 2 декабря 1851 г., создание Европейского центрального демократического комитета, выступления Д. Маццини, Ж. Мишле, П.-Ж. Прудона, полицейские преследования его, участь томившегося в австрийских застенках М. Бакунина, деятельность газет «Voix du Peuple», «Leader» и других органов печати и проч.), характеризуется болезненно переживавшийся Герценом в связи с поражением революций 1848—1849 гг. идейный кризис, крушение буржуазных иллюзий в социализме, сложный путь поисков новой революционной теории.

В ряде писем освещена история написания и публикации работ Герцена того времени — «Письма из Франции и Италии», «С того берега», «О развитии революционных идей в России», «Русский народ и социализм».

Письма Герцена к московским друзьям, не понявшим и не принявшим, в частности, его критику западноевропейской буржуазной демократии, отражают намечившиеся уже достаточно отчетливо к этому времени идеологические разногласия между ними.

Значительное место в эпистолярном наследии Герцена 1851—1852 гг. занимает освещение событий, связанных с его семейной драмой, конфликтом с Гервегом, «дуэльным делом», а также трагической гибелью матери и сына, болезнью и смертью жены.

Всего в томе печатается 249 писем. Из них 137 писем не входило в Полное собрание сочинений и писем Герцена под ред. М. К. Лемке.

Впервые публикуются в томе шестнадцать писем: к В. Липтону от 1 апреля, к Л. И. Гааг от 12 апреля, к Л. И. Гааг и М. К. Эрн от 14 апреля и 26 мая, к Л. И. Гааг от 14 июня, к Л. И. Гааг и М. К. Эрн от 3 июля, к Л. И. Гааг от 4 июля, к А. Ф. Орлову от 23 сентября 1850 г. (черновая редакция на французском языке), к Г. Гервегу от 16 января, к Д. Фази от 22 января, к А. Колачеку от 12 февраля, 30 марта и 15 апреля

1851 г., к Ф. Вилле от 18 июля, к К. Фогту от 16 сентября и 21 ноября 1852 г.

Также впервые публикуются приписки детей Герцена к его письмам (что в комментариях специально не оговаривается).

Почти все письма настоящего тома печатаются по автографам или фотокопиям с автографов, что позволило и в ранее известные тексты, публиковавшиеся с пропусками и искажениями, внести значительное число поправок и дополнений.

В раздел «Приложений» включено 15 публикаций (впервые печатаются 5): 1) дарственные надписи Герцена на книгах и записи различного характера, 2) акт завещания, документы и записи, касающиеся денежных дел, 3) письма других лиц, написанные при участии или по поручению Герцена.

В связи с уточнением дат исключены из тома следующие письма, датированные ранее ошибочно:

1) письмо Г. Гервегу от апреля 1850 г., начинающееся словами: «Je crois qu'il faut prier l'opticien...», отнесено к апрелю 1849 г.— см. т. XXIII;

2) письмо (приписка) к М. К. Рейхель от декабря 1850 г., начинающееся словами: «Полчаса тому назад я сделал то же...», отнесено к июню — началу июля 1847 г.— см. т. XXIII;

3) письмо к Н. П. Огареву и Н. А. Тучковой от 18 июня 1852 г. отнесено к 18 июня 1853 г.— см. т. XXV;

4) письмо к М. К. Рейхель от 31 октября 1852 г. отнесено к 30—31 октября 1853 г.— см. т. XXV;

5) письмо к М. К. Рейхель от 27 ноября 1852 г. отнесено к 8 января 1853 г.— см. т. XXV;

6) письмо к Тате Герцен от ноября 1852 г., начинающееся словами: «Твое письмо очень мило...», отнесено к марту 1853 г.— см. т. XXV;

7) письмо к Тате Герцен от декабря 1852 г., начинающееся словами: «Ну, а ты как поживаешь...», отнесено к 3 марта 1853 г.— см. т. XXV.

Изменены в настоящем томе даты следующих писем, публиковавшихся ранее с ошибочными или не точно установленными датами (письма с уточнением дат в пределах того же месяца здесь не оговариваются):

1) письмо к Тате Герцен с датой «1850», начинающееся словами: «Таточка, здесь в Елисейских Полях...», отнесено ко времени между 8 и 25 июня 1851 г. (см. письмо 110);

2) письмо к П.-Ж. Прудону от 23 марта 1851 г. отнесено к 23 марта 1852 г. (см. письмо 161);

3) письмо к Коле Герцену с датой «Июнь 1851», начинающееся словами: «Ich küsse dich...», отнесено к концу октября — началу ноября 1851 г. (см. письмо 126);

4) письмо к Н. А. Герцен с датой «Июль 1851», начинающееся словами: «Еще дополнение для полковника...», отнесено к 28—29 июня 1851 г. (см. письмо 113);

5) письмо к М. К. Рейхель от 13 апреля 1852 г. отнесено к 13 марта 1852 г. (см. письмо 157);

6) письмо к Тате Герцен с датой «Май 1852», начинающееся словами: «Сказочку, Тата...», отнесено ко времени между 31 мая и 7 июня 1852 г. (см. письмо 186);

7) письмо к Тате Герцен от 25 июня 1852 г. отнесено к 25 июня 1851 г. (см. письмо 106);

8) письмо к Саше Герцену с датой «Конец июля 1852», начинающееся словами: «Ну, а как ты, друг мой...», отнесено ко времени около 5 августа 1852 г. (см. письмо 210);

9) письмо к Тате Герцен с датой «Октябрь 1852», начинающееся словами: «Вот, Тата, как было дело...», отнесено к 6 декабря 1852 г. (см. письмо 243);

10) письмо к Тате Герцен с датой «Октябрь 1852», начинающееся словами: «Мы всё, Таточка, собираемся...», отнесено к декабрю 1852 г. (см. письмо 249);

11) письмо к Тате Герцен с датой «Декабрь 1852», начинающееся словами: «Таточка моя, как давно я тебя не видал...», отнесено ко времени между 29 июня и 13 июля 1851 г. (см. письмо 121);

12) письмо к Тате Герцен с датой «Декабрь 1852», начинающееся словами: «Тате на этот раз только поклон...», отнесено ко времени между 24 мая и 7 июня 1852 г. (см. письмо 185);

13) письмо к Тате Герцен с датой «Декабрь 1852», начинающееся словами: «Я очень рад, что ты пишешь...», отнесено к октябрю 1852 г. (см. письмо 233);

14) письмо к Тате Герцен с датой «1852», начинающееся словами: «Узнала ли ты Сезарину...», отнесено ко времени около 17 сентября 1852 г. (см. письмо 222).

Письма к А. Рейхелю от конца сентября («Cher Reichel, ne me grondez pas...») и середины октября 1852 г. («Cher Reichel, vous devez me prendre...») включены в состав писем к М. К. Рейхель от 24 сентября и 15 октября 1852 г. и печатаются совместно с ними (см. соответственно письма 225 и 228).

Некоторые из публиковавшихся ранее отдельно писем Герцена к Тате и являющихся в действительности частью написанных в тот же день писем, адресованных жене или М. К. Рейхель, в наст. томе печатаются вместе с ними как одно целое, если единство этих писем подтверждается данными палеографического анализа автографов (например, письма 104, 191).

Не включена в том надпись, сделанная рукой Герцена на одном из недатированных писем Н. А. Герцен к Гервегу, относящемуся к концу мая — началу июня 1850 г.: «Егору Федор<овичу>».

В текстах писем Герцена к М. К. Рейхель, печатающихся по копиям (ЦГАЛИ), сделанным малоквалифицированным копиистом после 1923 г. (что следует из его пометок в тетрадах с копиями) и содержащим большое число спорных или явно неверных прочтений, мелкие дефекты текста исправляются без особых оговорок в комментариях; при этом учитывается

карандашная правка текста копий, принадлежащая, видимо, П. А. Герцен-дочери, которая сверяла, по всей вероятности, тексты копий с автографами.

Приписки детям, выделенные Герценом в автографах крупными буквами, печатаются в том же обычном шрифтом.

Позднейшие заметки, сделанные на автографах недатированных писем Герцена к М. К. Рейхель, по всей видимости, ею самой и касающиеся предположений о датах писем (во многих случаях ошибочные) в комментариях не отмечаются. Также специально не оговариваются письма М. К. Рейхель к Герцену, на которые он отвечает, и его письма к разным лицам, если они остаются неизвестными (эти письма Герцена учтены в Списке несохранившихся писем).

В тексте французских писем Герцена бесспорные ошибки и описки исправляются без оговорок, однако сохраняются встречающиеся отступления от грамматических норм, характерные для Герцена, писавшего по-французски недостаточно свободно и неоднократно указывавшего на это своим корреспондентам (например, руссизмы в глагольных временах условных предложений: *Si la guerre ira mal, j'irai en Espagne* вместо правильного: *Si la guerre va mal, j'irai en Espagne*; «*Si quelque chose sera finie, je pensais venir*» вместо правильного: *Si quelque chose est finie, je pense venir*; в употреблении некоторых предлогов: «...*pour lui procurer du travail*» вместо правильного: «*de lui procurer...*»; в формах чисел: «*ils sont trop faibles encore pour défendre les siens*» вместо правильного: «*pour défendre les leurs*» и т. и.)

Редакция приписит свою благодарность зарубежным учреждениям и лицам, приславшим ряд новых писем Герцена или материалов о нем, включенных в наст. том: д-ру Герхарду Цигенгайсту. Берлин, ГДР (письма к А. Колачеку, Ф. Вилле и к Гервегу — письмо 80), д-ру Монике Партнидж. Ноттингам, Англия (иллюстрация 4), дирекции Женевской публичной и университетской библиотеки (письма к Д. Фази и К. Фогту) и Женевского государственного архива (архивные данные о приезде Герцена в Женеву — комментарий к письму 114).

В работе над томом принимали участие:

подготовка текстов — С. Я. Бродская (письма 126, 173, 174), Л. Р. Ланский (письма 2—5, 8—14, 16—27, 29—40, 42—44, 46—52, 55—69, 73, 74, 77—79, 82, 86, 130, 160, 175, 176, 198, 203, 209, 223, 229, франц. части писем 149, 150, 189, 225, 227, 228, Приложения — 1, 3, 9, 10), М. К. Перкаль при участии Б. С. Бобкова (письма 127, 129, 133, 142, 205, 211, 220, 238, Приложения — 12, 13, 14), А. Е. Полозова (письмо 41), М. А. Соколова (письма 75—76, 90, 92—94, 97, 98, 100, 102—104, 128, 132, 134—139, 144, 156, 177, 178, 180—183, 192—195, 200, 202, 204, 207, 208, 213, 215, 218, 225—228, 230, 236, 239—242, 244—246, 248), И. Ю. Твердохлебов (письма 81, 84, 87, 91, 95, 96, 99, 101, 105—125, 131, 141, 143, 145—155, 157—159, 162—172, 179, 184—191, 196, 197, 199, 206, 210, 212, 214, 216, 219, 221, 222, 231—235, 237, 243, 247, 249, Приложения — 2,

4—8, 11), *Г. Цигенгайт* (письма 80, 85, 88, 89, 201, Приложения — 15), *Н. Д. Эфрос* (письма 1, 6, 7, 15, 28, 37, 45, 53, 54, 70—72, 140, 161, 217, 224); переводы: *Л. Р. Ланский*, *Е. Н. Рунич*, *Н. Д. Эфрос*, а также *М. В. Вахтерова*, *М. К. Перкаль* (при участии *В. С. Бобкова*), *М. Г. Ашукина*, *Л. Я. Боровой*; текстологический комментарий: *И. Ю. Твердохлебов* (при участии *Л. Р. Ланского* — письма к Гервегам за 1850 г.); реальный комментарий: *К. П. Богачевская* (письма 115, 125, 128, 131, 132, 136—139, 141, 142—146, 149, 152, 154, 159, 162, 163, 165—172, 177, 178, 181—183, 187—189, 191—195, 197, 199, 200, 204, 207, 208, 213—215, 218, 221, 225—228, 230—237, 239—246, 248), *Ф. И. Евнин* (письма 15, 41, 71, 75, 76), *Л. Р. Ланский* (письма 2—5, 9, 11—14, 16—27, 29—32, 34—39, 42—44, 46—52, 55—69, 73, 74, 77—79, 82, 86, 130, 149, 160, 175, 176, 198, 203, 209, 223, 229, Приложения — 1, 9), *А. П. Могиланский* (письма 84, 92, 93, 95, 99—104, 112, 113, 179, 184, 196, 212), *М. К. Перкаль* (письма 127, 129, 133, 142, 205, 211, 220, 238), *М. Я. Поляков* (письма 122 и 123), *И. Ю. Твердохлебов* (письма 83, 90, 94, 97, 111, 134, 139, 147—149, 150, 153, 155, 173, 190, 201, 202, 230, 247, Приложения — 2—8, 10—15), *Г. Цигенгайт* (письма 80, 85, 88, 89), *Н. Д. Эфрос* (письма 1, 6, 7, 28, 37, 45, 53, 54, 71, 140, 161, 217, 224). Список несохранившихся и найденных писем Герцена — *И. Ю. Твердохлебов*.

ПИСЬМА

апрель 1850 — декабрь 1852

1850

1. В. ЛИНТОНУ

Печатается впервые, по фотокопии с автографа (BFM).

Письмо В. Линтона от 25 марта 1850 г., на которое отвечает Герцен, как и другие письма Линтона к Герцену, неизвестно.

...со счастливым началом «*Leader'a*». — Первый номер лондонской еженедельной газеты «*The Leader*» вышел 30 марта 1850 г. Линтон был одним из основателей и редакторов газеты и заведовал ее иностранным отделом. При организации газеты предполагалось, что она будет органом английских республиканцев. Ввиду разногласий с редактором-издателем, преследовавшим главным образом коммерческие цели, Линтон через несколько недель после начала издания вынужден был выйти из состава редакции (см. W.-J. Linton. *Memories*. London, 1895, стр. 123).

...отправил вам свою немецкую брошюру... — Речь идет о первом издании книги «С того берега»: «*Vom anderen Ufer. Aus dem russischen Manuscript*». Hamburg, Hoffmann und Campe, 1850 (см. т. VI).

...уделите ей несколько слов в своей газете. — Откликов на книгу Герцена в «*Leader'e*» помещено не было.

Его статья о Германии в «*Voix du Peuple*» имела очень большой успех. — Имеется в виду статья Л. Бамбергера «*Lettre sur l'unité allemande et le parlement d'Erfurth*» («Письмо о германском единстве и эрфуртском парламенте»), напечатанная в прибавлениях к «*Voix du Peuple*» от 4 и 11 марта 1850 г. (ср. письмо от 17 марта 1850 г. — т. XXIII).

...рекомендовать ∞ подателя этого письма Морица Гартина. — Ср. письмо от 31 марта — 1 апреля 1850 г. (т. XXIII).

...еще экземпляр моей брошюры и статьи, опубликованной мной здесь... — Ко времени написания публикуемого письма к Линтону в Париже были напечатаны три статьи Герцена: «Россия», «Письмо русского к Маццини» и «Донозо Кортес, маркиз Вальдегамас, и Юлиан, император римский». Две первые статьи вошли в немецкое издание книги «С того берега» (см. т. VI). Можно поэтому думать, что вместе с дополнительным экземпляром книги Герцен направил Линтону именную статью о Донозо Кортесе.

С тех пор как я имел удовольствие вас видеть... — По свидетельству Линтона, он познакомился с Герценом в феврале 1850 г. в Париже, по рекомендации Д. Маццини. Линтон предложил Герцену сотрудничество в организовывавшейся им тогда газете «*The Leader*», на что, по его словам, Герцен охотно дал свое согласие (см. W.-J. Linton. *European Republicans. Recollections of Mazzini and his Friends*. London, 1892, стр. 271, а также W.-J. Linton. *Memories*..., стр. 120—121).

...выборы 10 марта несут полный переворот.— Герцен имеет в виду дополнительные выборы в Законодательное собрание Франции, состоявшиеся 10 марта 1850 г. и ознаменовавшиеся победой республиканских сил (см. также письма Герцена к Г. Гервегу от 15 и 16 марта 1850 г.— т. XXIII).

Я помещу в «Voix du Peuple» сочувственное сообщение о вашей газете...— Это намерение осуществлено не было.

...свою вторую брошюру... —Первое немецкое издание «Писем из Франции и Италии»: Briefe aus Italien und Frankreich (1848—1849) von einem Russen, Verfasser des «Vom andern Ufer». Hamburg, Hoffmann und Campe, 1850 (см. т. V; фото титульного листа книги — ЛН, т. 61, стр. 245).

2. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 156. Дата определяется упоминанием о дополнительных выборах в Законодательное собрание Франции (см. выше).

...ответ скоро придет.— Здесь и далес, говоря о «деле с билетом», Герцен имеет в виду борьбу за оставшееся в России состояние его матери. После смерти отца Герцена его душеприказчик Г. И. Ключарев внес 17 июня 1846 г. в московский опекунский совет на имя Луизы Ивановны Гаг завещанные ей 106 000 руб. сер. с получением по прошествии двух лет. Ввиду наложенного в июле 1849 г. сенатом по повелению Николая I запрещения на имение Герцена и вызова его в Россию, была приостановлена и выдача денег, принадлежавших его матери (документы по этому делу см.— Л XIV, 8 и след.; а также «Звенья», VIII, 1950, стр. 92—104). Билет московского опекунского совета Герцен передал Д. Ротшильду, который, вступив в тяжбу с царским правительством, после ряда проволочек в конце концов выиграл дело (см. «Былое и думы», X, 136—140). В феврале 1850 г. русское генеральное консульство в Париже засвидетельствовало доверенность, данную Л. И. Гаг представителю фирмы Ротшильда в Петербурге банкиру К. Гассеру на получение ее денег. О представлении этой доверенности Гассером в министерство иностранных дел 5 мая 1850 г. сообщил министр внутренних дел Л. А. Перовский шефу жандармов А. Ф. Орлову. 18 мая 1850 г. управляющий III отделением Л. В. Дубельт уведомил Перовского, что «выдача банкиру Гассеру вышеуказанных 106 т.р. по всеподданнейшему докладу г. генерал-адъютанта графа Орлова высочайше разрешена» («Звенья», VIII, стр. 98—100). Делу о «билете» посвящен ряд писем Герцена начала 1850 г.; «окончательного ответа» из Петербурга на запрос Ротшильда Герцен ожидал к 10 апреля (см. письма к Гервегу от 19 и 20 марта 1850 г.— т. XXIII).

В Париже готовятся еще к одним выборам... — Речь идет о дополнительных выборах в Законодательное собрание, назначенных на 28 апреля 1850 г.

«Одиссея» прибыла ∞ это настоящая греческая речь.— «Одиссея» Гомера в переводе В. А. Жуковского, изданная в 1849 г. в Карлсруэ. Вскоре мнение Герцена об этом переводе резко изменилось к худшему — см. письмо 4.

...писать книги по-немецки, не зная языка!!! — Шутливый намек Герцена на свои книги «С того берега» и «Письма из Франции и Италии», которые были продиктованы им по-немецки с русской рукописи Ф. Каппу и изданы на немецком языке (в литературном редактировании перевода книги «С того берега» принимал участие также Гервег — см. тт. V и VI).

...переводить «Одиссею», не понимая по-гречески! — Жуковский перевел «Одиссею» Гомера по немецкому подстрочнику, сделанному для него с греческого оригинала.

3. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: Carr, стр. 113—114. Конец письма не сохранился. В автографе первоначально вместо: *comme au jour d'aujourd'hui* <как нынче> — было: *comme c'est impossible* <как она несбыточна> — стр. 10, строка 2 сл.; вместо: *de tact* <такту> — было: *de ferme(té)* <стойкости> — стр. 11, строка 9.

...«все они знают, чего они хотят», но не знают чего хотят. — Герцен процитировал это высказывание Кромвеля также и в статье «Vixent!», вошедшей в состав книги «С того берега» (см. VI, 77).

Обдумай основательно проект завещания... — Одним из способов спасения оставшегося в России состояния Л. И. Гага Герцен видел в составлении ею завещательного документа на имя детей или другого лица (см. далее письма 5, 6, 9).

Тургенев уезжает в понедельник... — И. С. Тургенев уехал из Парижа лишь 24 (12) июня 1850 г. Герцен отправил с ним в Россию письма и бумаги (см. «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену». Женева. 1892, стр. 89). Герцен опасался преследования Тургенева в России в связи с его пребыванием в Париже во время революции 1848 г. (см. также письмо Герцена от 31 марта-1 апреля 1850 г. — т. XXIII).

Огаревская история по-прежнему как черная нависшая туча. — Имеется в виду арест Н. П. Огарева, Н. М. Сатина и А. А. Тучкова в конце февраля 1850 г. по подозрению в принадлежности к «секте коммунистов» (см. также комментарий к письму 84). Получив от Огарева «крохотную записку» об аресте и известив об этом Гербегу 23 марта 1850 г., Герцен терялся в догадках о его судьбе и высказывал в связи с этим различные предположения (см. письма от 23, 24, 26 и 30 марта 1850 г. — т. XXIII, а также письмо 17 в наст. томе). Лишь 16 мая из доставленного ему письма Т. Н. Грановского Герцен получил достоверные сведения об «огаревской истории» (см. письмо 21).

История с прогулкой была в письме м-ль Эрн. — О какой «истории с прогулкой» говорит здесь Герцен — неясно, так как упомянутое письмо М. К. Эрн к Герцену неизвестно.

4. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: Carr, стр. 114—116. Расположение строк в рисунке неточно соответствует автографу.

Дата письма определяется упоминанием о постановке пьесы, премьеры которой состоялась 6 апреля 1850 г. (см. ниже), и указанием в письме даты 13 апреля, позднее которой письмо написано быть не могло.

Боюсь, что г-жа Голохвастова не захочет платить... — По вкескам за умершим 28 декабря 1849 г. Д. П. Голохвастовым числился с 1840 г. долг Герцену на сумму 30 тыс. руб., вскоре переведенный на имя Л. И. Гага. См. в т. XXIII письмо 73 и «верящее письмо» — доверенность от 21 апреля 1849 г. О получении Герценом этого долга см. письма 37 и 45 (ср. также «Былое и думы» — IX, 201).

«Одиссея» Жуковского все же упала в моих глазах... — См. письмо 2.

...Бриарей. — В античной мифологии — чудовище, имевшее пятьдесят голов и сто рук.

Ламартин позволил поставить плохую трагедию собственной стирани — полный провал... — Речь идет о драме в стихах А. Ламартина: «Toussaint Louverture», поставленной впервые в «Théâtre Saint-Martin» 6 апреля 1850 г.

...черные пятна... — Ф. Леметр исполнял в драме Ламартина главную роль — Туссена Лувертюра, руководителя восстания негров на Сен-Доминго.

Теперь я уже не мог бы тебя так катилинизировать и филиппиковать. — Герцен имеет в виду свои письма за январь—февраль 1850 г., в которых Гервег резко осуждался за эгоистическое отношение к жене (см. т. XXIII), и пропихивает эти письма с обличительными речами Цицерона (против Катилины) и Демосфена (против Филиппа Македонского).

Sit tibi Clos-Vougeot levis. Выней, viator... — Герцен пародирует древнеримские эпитафии: «*Sit tibi terra levis*» («Да будет тебе земля легка») и «*Sta, viator*» («Остановись, прохожий»). *Clos-Vougeot* — марка французского виноградного вина.

Ответ Г. Гервега без даты, начинающийся словами: «Мой дорогой Александр, да, ты должен приехать...», ошибочно датированный М. К. Лемке мартом 1850 г. — Л XIV, 64—67.

5. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: отрывок — Carr, стр. 89; полностью — ЛН, т. 64, стр. 162—164.

Я написал тебе несколько строк об Эмме... — См. письмо 3.

А какова «*V<ouix> du P<euuple>*»? Она затевает теперь борьбу с Жиранденом... — Газета «*Voix du Peuple*» вскоре после выдвижения кандидатуры Э. Жирандена выступила 9 апреля 1850 г. с передовой статьей, в которой утверждалось, что Жиранден не может представлять на выборах революционную Францию, так как он не является членом республиканской партии и отличается «неверием в политику» и одинаково безразличным отношением ко всем государственным формам. Газета защищала кандидатуру престарелого Дюпона де л'Эр, «олицетворяющего собою революцию 24 февраля, в которой пролетарий и буржуа были едины». На следующий день Э. Жиранден объявил о снятии своей кандидатуры, напечатав в принадлежавшей ему газете «*La Presse*», что он пасует «перед кандидатурой восьмидесятилетнего старца». На самом же деле он продолжал вести упорную борьбу за свое избрание.

...конфискована 6 раз и 4 раза отдана под суд. — Газета «*Voix du Peuple*» в феврале—апреле 1850 г. подвергалась конфискациям: 5 февраля — за статью Прудона «Да здравствует император!» и анонимную «Хропику дия»; 14 февраля — за передовую статью, озаглавленную «Действия французской контрреволюции (Прокопсулат)» и анонимную заметку без названия, клеймившую правительственные верхи; 28 февраля — за статью «Заседание Национального собрания (Предательство)»; 1 апреля — за статью из цикла «Социалысты и мальтузианцы»; 6 апреля — за передовую статью «Бюджет 1851 года»; 8 апреля — за обзоры «Политическое и парламентское обозрение за неделю» и «Департаментский курьер», а также за драматические сцены Б. Гастини «Социальная комедия». В течение двух недель следующего месяца, во время которых газета продолжала издаваться, она подверглась еще трем конфискациям. О дальнейшей судьбе газеты см. комментарий к письму 18.

Он уезжает в субботу. — Имеется в виду Тургенев, готовившийся к отъезду в Россию (см. письмо 3).

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Письмо к Л. И. Гааг публикуется впервые; приписка Г. Гервегу впервые опубликована: ЛН, т. 64, стр. 164. Письма объединяются на основании полного совпадения линии отрыва и элементов букв на обоих листах автографа, впоследствии отделенных друг от друга.

Год написания определяется строками о «билете» Л. И. Гааг и о бра-слете, о котором говорится также в письме 7.

Колюшка просто делает невероятные успехи.— Коля Герцен посещал в Цюрихе школу для глухонемых. В занятиях Коля большую помощь оказывала М. К. Эри (см. «Былое и думы» — X, 160, а также *Рейхель*, стр. 66—67).

...после вашего отъезда.— Герцен советовал матери воспользоваться для получения ее капитала, незаконно задержанного в России, своим положением вюртембергской подданной и обратиться для этого в Штутгарт, в министерство иностранных дел. Гервег должен был сопровождать Луизу Ивановну в намечавшейся поездке. Однако вюртембергское правительство не только не было склонно помогать Л. И. Гааг, но само выразило желание, чтобы русское правительство нашло способ воспрепятствовать вывозу ее капитала из России, опасаясь, что деньги пойдут на помощь «политическим беглецам» (см. Л XIV, 14, а также ЛН, т. 63, стр. 414)

...завещание не удастся сделать на имя детей.. — См. комментарий к письму 3, а также письма 5 и 9.

...Georgio furioso... — «Неистовый Георг» — шутивая аналогия с «Orlando furioso» («Неистовый Роланд») Т. Тассо.

7. Л. И. ГААГ И М. К. ЭРН

Печатается впервые, по фотокопии с автографа (ВМ). В автографе первоначально вместо: *примет портреты* — было: *примет новости*.

См. комментарий к письмам 2 и 6.

8. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 282.

9. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 164—166.

Год написания определяется содержанием письма: «дело с билетом», отклики на события 1850 г. (см. ниже).

Ответ на письмо Г. Гервега без даты, начинающееся словами: «Мой дорогой Александр, да, ты должен приехать...», ошибочно датированное М. К. Лемке мартом 1850 г. — Л XIV, 64—67.

Тогда останется только Вюртемберг...— См. комментарий к письму 6.

Что до завещания, то меня нельзя указывать в качестве наследника...— Отклик на слова Гервега в его письме: «Дело с завещанием теперь будет трудно отложить, тем труднее, что это даст твоей матери повод для приятной поездки. Сообщил заблаговременно свои распоряжения и желания. Не-зачем помещать детей в завещании, — только, разве, на случай, если ты

умрешь, раньше матери. Но и одна мысль об этом нелепа!..» (Л XIV, 66—67).

...может, через Швейцарию, может, через Женеву...— Гервег просил Герцена заехать к нему в Цюрих.

«К черту весь род людской, будем искать спасения в иронии, пройдем наш путь до гробовой доски с иронической улыбкой на устах».— Герцен не совсем точно цитирует письмо Прудона от 14 апреля 1850 г., адресованное А. Даримону (см. «Correspondance de P.-J. Proudhon», т. III, Paris, 1875, стр. 198).

«Lloyd» в номере от 5 апреля...— Герцен имеет в виду отзыв о немецком издании книги «С того берега» в анонимной корреспонденции из Берна, датированной 29 марта 1850 г. и напечатанной в венской реакционной газете «Lloyd» от 5 апреля 1850 г., № 130. Этот же отзыв Герцен вспомнил в «Письме к Ш. Рибейролю» (см. V, 223—224).

Никто не знал, что Эжен Сю будет сражен конклавом...— В ночь с 13 на 14 апреля 1850 г. в Париже собрался комитет социалистов и демократов, назвавший себя конклавом (собором), для избрания кандидата в депутаты Законодательного собрания при выборах 28 апреля от департамента Сены. Наибольшее число голосов получил автор «Парижских тайн» Эжен Сю (164 голоса). Во время обсуждения кандидатур вокруг имени Сю разгорелась ожесточенная дискуссия. Стенограмма заседания была напечатана в газете «Voix du Peuple» от 15 апреля 1850 г., № 195. См. далее комментарий к письму 17.

...без Эжена Сю с кровопийца.— Каламбур: sangsue («кровопийца») произносится по-французски так же, как sans Sue («без Сю»).

...дают «Гуссена Лувертюра» с не боится черного цвета...— Герой пьесы Ламартина — руководитель восстания негров.

...о черной пресвятой нагоде.— В подлиннике каламбур, не поддающийся точному переводу.

...у Рахели лопнула пружинка, когда она играла Федру.— В подлиннике каламбур: «Feder» (по-немецки — «пружина») и «Phèdre» (по-французски — «Федра») звучат почти одинаково.

...«Исповедь»...— Имеется в виду сочинение П.-Ж. Прудона «Исповедь революционера...» («Les confessions d'un révolutionnaire, pour servir à l'histoire de la révolution de Février»), вышедшее в свет в Париже в 1849 г.

40. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии (ВМ). Впервые опубликовано (с выпуском части письма Н. А. Герцен и надписи на обороте): ЛН, т. 64, стр. 284 (факсимиле с первого и последнего листа письма см. там же, стр. 187).

41. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: отрывок—Carr, стр. 89—90; полностью — ЛН, т. 64, стр. 167—168.

Год написания определяется содержанием письма: «дело» о капитале Л. И. Гааг, предполагавшийся отъезд Тургенева в Россию и проч.

«Дело не идет на лад...» — Переделка рефрена известной революционной песни санкюлотов «Ah, ça ira...» («Дело пойдет...»).

...из письма к моей матери...— Письмо, на которое ссылается здесь Герцен, неизвестно (маловероятно, чтобы здесь шла речь о письмах 6 или 7).

...штутгартские хлопоты...— См. комментарий к письму 6.

...400 нептунизированных мучеников приведут к ее запрещению.— 16 апреля 1850 г. в г. Анжере погибло свыше 400 солдат. Опасаясь оаций, которые население могло устроить батальону, отдавшему свои голоса за социалистов в дни дополнительных выборов в Законодательное собрание, власти направили его обходным путем — на цепной мост через реку Мэн. При прохождении войск мост внезапно обрушился, и большая часть солдат погибла. 19 апреля в «Voix du Peuple» была напечатана передовая статья «Выборы 28 апреля. К парижской буржуазии», в которой Прудон, восторженно отзываясь о французской армии, голосовавшей за социалистических кандидатов и ставшей, по его словам, «социалистической от первого до последнего человека», писал: «У католической церкви есть своя легенда о сорока мучениках; то были сорок христианских солдат, которых императорская реакция погубила, продержав целую ночь совершенно обнаженными, на замерзшем пруду. У социализма также будет своя легенда, но не о сорока, а о четырехстах мучениках, ибо теперь во всем прогресс <...> Не достаточно ли крови? Не достаточно ли трупов?». Эту статью Прудона имел в виду Герцен, говоря о «400 нептунизированных» (т. е. потонувших) мучениках и предполагая, что она вызовет конфискацию «Voix du Peuple». Опасения Герцена оправдались: газета была конфискована в седьмой раз, автор и редактор привлечены к ответственности («Voix du Peuple» от 20 апреля 1850 г., № 200).

...«Не русские идут...» Реакционные круги разных европейских стран пытались использовать в своих политических целях нависшую угрозу вмешательства царской России в революционные события 1848—1849 гг. на Западе. Этот предостерегающий крик — «Русские идут!» — был язвительно высмеян немецким сатирическим журналом «Berliner Krahehler» ((№ 9 от 22 июня 1848 г.) и приобрел после этого характер крылатого выражения. См. об этом также в статье «Россия» (VI, 191) и «О развитии революционных идей в России» (VII, 149).

Niemand ging aus, Keiner ging aus, wer blieb zu Haus? — «Никто не ушел, ни один не ушел, кто же остался дома?» — немецкая прибаутка для детей.

В Реймсе, лет десять назад, нашли очень древнее славянское евангелие. — Известная церковно-славянская пергаментная рукопись XIV в., носящая название «Реймского евангелия», хранилась в Реймском соборе с 1574 г. Факсимильное издание этой рукописи было впервые выпущено в Париже в 1843 г.

Сам я недавно перечел историю Пугачевского бунта Пушкина. — Об отношении Герцена к «Истории Пугачева» Пушкина см. в статье: Ф. П. Гусарова. А. И. Герцен — читатель «Истории Пугачева» А. С. Пушкина. — «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена», т. 170, 1958, стр. 79—94.

...«Прибыв в городок $N \infty$ на вечные времена»... — Приводимая Герценом цитата отсутствует в «Истории Пугачева» Пушкина.

«Я только вороненок ∞ а ястреб-то еще летает в небе, он еще появится». — Неточная цитата из «Истории Пугачева» (глава VIII).

12. Г. ГЕРБЕГУ (приписка)

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 285. Приписка к письму Н. А. Герцен тому же адресату (письмо датировано 20 апреля), в котором она, рассказывая о жизни в Париже обеих семей, замечала: «С половины восьмого вечера до половины девятого, войдя в нашу гостиную, вы можете быть уверены, что застанете всех, больших и малых, молодых и старых — с карандашом в руке, вырывающих друг у друга из рук резинку, которую все время забывают класть на середину стола (теперь этого делать уж не придется, я только

что купила еще одну!), — превращая на бумаге образ и подобие божие в фантастические образы... Затем начинается беседа, Эмма мучит Александра, заставляя его делать с нас всех *живые* портреты, изображающие нас такими, какие мы теперь и какими будем впоследствии...» (ЛН, т. 64, стр. 285).

...за Эммой угаживаает ∞ Обер-Лаурер. — Герцеп, вероятно, произвел эту фамилию от немецкого глагола «laueu» («подстерегать»), желая намекнуть, что Э. Гервег подвергается полицейской слежке (см. комментарий к письму 39). Фамилию этого лица Герцена каламбурно сближает с фамилией Нидергубера (по-немецки ober — высший, nieder — низший).

13. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 169—171.

Год написания определяется содержанием письма (см. ниже).

Вчера в «Варьете» давали «Маленькую Фадетту», искалеченную самым дурацким образом; Сильвине изгнан, Ландри ополищен... — Инсценировка одноименной повести Жорж Санд, сделанная Анисе Буржуа и Шарлем Лафоном (см. рецензию на эту постановку в «Voix du Peuple» от 2 мая 1850 г., № 212).

...об истории с Прудон? — 21 апреля 1850 г. Прудон был переведен из парижской тюрьмы Консьержери в провинциальную крепостную тюрьму в Дуллансе (департамент Соммы).

...привязывают к ногам гири ∞ билеты). — В подлиннике игра слов: «boulets» (гири) и «billets» (билеты) по-французски звучит сходно. Имеется в виду «билет» (вексель) Л. И. Гааг (см. комментарий к письму 2).

...служанку, ростом с Каппа... — Ф. Капп отличался высоким ростом.

Головин прислал мне письмо... — Это письмо неизвестно.

...статью, которую Головин написал о моем сочинении для журнала Колачека. — Речь идет о журнале «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben», издававшемся Колачеком. В нем вскоре начал помещать свои работы Герцен. Статья Головина о книге «С того берега» в журнале не появилась.

...Константин потерял п о л о в и н у с е б я... — Повара Герцена Константин Грегорино разбил паралич.

14. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 171—174.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

Итак, сегодня день твоего ангела. — Герцеп в этот день на русский лад отмечал именины «Егора» Гервега, хотя «день святого Георгия» приходился на 23 апреля не нового, а старого стиля.

Да, в Ницце, в Ницце! Там откроем мы вдвоем Никейский вселенский собор. — Каламбур: по-французски: «Ницца» («Nice») и «Никея» («Nîcêe») близки по написанию и произношению.

...я жду от вас вестей из Вюртемберга ∞ советы моей матери. — См. комментарий к письму 6.

...моэт... — марка шампанского.

...чем бедныга Константин. — См. письмо 13.

...читая ответы. — Адресованные Д. Ротшильду письма его петербургского уполномоченного К. Гассера.

«Ты этого хотел, Жорж». — Крылатое выражение из комедии Мольера «Georges Dandin, ou le mari confondu» («Жорж Данден, или Одураченный муж»). Гервега также звали Жоржем (Георгом).

...*Hôtel Mirabeau*... — В этом отеле на rue de la Paix жили в это время Герцены.

15. И. ЯКОБИ

Печатается по тексту книги: «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», B.I, Leipzig 1911, SS. 478—479, где опубликовано впервые. Местонахождение автографа неизвестно.

Со времени вашего отъезда из Женевы... — Якоби уехал из Женевы в Германию в сентябре 1849 г.

...отправить в Москву два-три письма ∞ был бы великолепный случай послать книги в России. О попытке использовать связи И. Якоби — уроженца Кёнигсберга — для переправки в Россию запрещенной литературы см. также письмо к Гервегам от 4 марта 1850 г. (т. XXIII).

...двух своих брошюр... — Немецкие издания «С того берега» и «Писем из Франции и Италии» (см. комментарий к письму 1).

...нашу короткую встречу на берегу Лемана. — Имеется в виду совместное пребывание Герценов с Якоби в Женеве в июле-августе 1849 г.

...я опасаясь за Мацц(ини) ∞ но непрогрессирующая. — Об отрицательном отношении Герцена к политической линии Маццини в 1850 г. и организованному им «Европейскому центральному демократическому комитету» см. «Былое и думы» — X, 151—154, а также письмо 70.

...во времена братьев Бандиера. — Борясь за освобождение Италии от австрийского ига и установив связь с Д. Маццини, братья Бандиера в 1844 г. сделали попытку поднять восстание в Калабрии и с группой единомышленников высадились на побережье, однако были схвачены и расстреляны (ср. в «Былом и думах» — X, 67).

В эту самую минуту получаю приказ покинуть Францию. — Этот приказ, датированный 24 апреля 1850 г., Герцен приводит в «Былом и думах» (X, 141).

16. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 175.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

...Кавдинские фуруклы... — Излюбленная метафора Герцена, идущая от названия двух узких горных проходов близ г. Кавдиума в Италии, где потерпели поражение римляне во вторую самнитскую войну (321 г. до н. э.); *furcula* — ущелье (лат.).

17. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 175—177.

Тебе известны результаты выборов. — Речь идет о дополнительных выборах в Законодательное собрание по департаменту Сены, состоявшихся 28 апреля 1850 г. Выбранным оказался Эжен Сю. Маркс рассматривал эти новые выборы как сведение к нулю результатов предыдущих выборов: «...Окончательное решение было снова отложено, напряжение народа ослабевало, он привыкал к легальным триумфам вместо революционных. Наконец, кандидатура Эжена Сю, сентиментально-мещанского со-

циал-фантазера, совершенно уничтожила революционный смысл 10 марта — реабилитацию июньского восстания...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VII, М., 1956, стр. 100—101).

Сегодня я получил от Гофмана и Кампе письмо... — Это письмо Ю. Кампе неизвестно.

Дайте же, пожалуйста, предисловие. — Речь идет о предисловии Г. Гервега к намечавшемуся второму изданию книги «С того берега». Ср. письмо к Г. Гервегу от 18 января 1850 г. (т. XXIII).

... в брукгаузовских «Blätter für Liter(arische) Unterhaltung»... — Анонимная рецензия на книгу «Vom anderen Ufer» была напечатана в № 120 этой лейпцигской газеты от 20 мая 1850 г.

Насчет микроскопа ∞ переслать его немедленно... — Речь идет о микроскопе, который был приобретен Герценом весной 1849 г. в Париже по просьбе Н. П. Огарева, занимавшегося изучением естественных наук. Микроскоп находился у Г. Гервега, взявшего его с собой при переезде в Цюрих (см. письма Огарева к Герцену от 4 и 22 декабря 1848 г., 22 января, 23 февраля, 4 и 12 сентября 1849 г. — ЛН, т. 61, стр. 779, 781—783, 791, 794; письма Герцена от 1 февраля, от апреля, от 10 июня и 4 июля 1849 г. — т. XXIII и письмо 55 в наст. томе; письма Н. А. Герцен к Гервегу от 23 февраля и 10 июля 1850 г. — ЛН, т. 64, стр. 276 и 292).

... человека из России, который должен привезти нам письма. — Повидимому, Герцен имел в виду Н. А. Мельгунова, приехавшего из России летом 1850 г. и доставившего Герцену, в частности, письмо от Н. М. Сатина, датированное 31 мая 1850 г. (см. «Русские прописки», т. 4, М., 1917, стр. 113—114).

Правительство так пришиблено ∞ Персиньи а сыновья Бароча. — Каламбуры: «abattu» (пришибленный) и начало фамилии Abbatusci по-французски звучат сходно. В фамилии Персиньи Герцен подчеркнул первый слог, который звучит по-французски так же как «père» («отец»), что противопоставлено последующим словам: «в сыновья».

А письмо Прудона к Карлье. — Речь идет о письме Прудона из тюрьмы Консьержери от 21 февраля 1850 г., адресованном префекту парижской полиции П. Карлье и опубликованном в газете «Voix du Peuple» от 29 апреля того же года, № 209. Под угрозой нового судебного процесса Прудон отрекался в этом письме от политической деятельности и критики правительства, обещая ограничить свои занятия всецело изучением «научных проблем». Это обещание было им нарушено уже 19-го апреля 1850 г., когда в «Voix du Peuple» была напечатана политическая статья Прудона «Выборы 28 апреля...», послужившая поводом к новым обвинениям против него и к переводу его в Дулланскую тюрьму.

Все простужены из-за холода, а я из-за Гофмана и Кампе. — Каламбур: «enrhumé» — по-французски «простуженный», «Ruhm» — по-немецки «слава» (здесь в смысле: «прославлен»).

18. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 178—180.

Год написания определяется содержанием письма (работа Герцена над статьей «Omnia mea mecum porto», высылка Хоецкого из Франции).

Ты знаешь, что Эдмона высылают и что он остается здесь еще на некоторое время при условии ничем не занимать. — Добиваясь закрытия газеты «Voix du Peuple», парижские власти преследовали отдельных ее сотрудников. Под строгим арестом находился Прудон. Арестованы были Ланглюа, Пильс, Дюшен и Фавр. В № 213 «Voix du Peuple» от 3 мая 1850 г. было

напечатано открытое письмо Хоецкого к редакторам, в котором он заявил, что правительственные органы вынуждают его прекратить сотрудничество в газете и оставить Францию. Хоецкий выехал из Парижа вместе с Герценами. В течение первой половины мая «Voix du Peuple» подверглась трем конфискациям, после чего префект полиции Карлье отобрал у Буле, владельца типографии, в которой печаталась газета, патент, обвинив его в неоднократном нарушении закона. Таким образом, «Voix du Peuple», не будучи запрещена официально, потеряла всякую возможность существовать. Последний номер газеты вышел 14 мая 1850 г.

...охота на продавцов газет... — См. об этом в двенадцатом из «Писем из Франции и Италии» (V, 196).

...карловингов... — Именем старинной династии, занимавшей французский престол с 751 до 987 г., Герцен в шутку называет агентов префекта полиции Карлье.

Я получил письмо от Вамбергера. — Это письмо неизвестно.

...я написал небольшую статью «Omnia mea mecum porto...». — Эта статья, датированная 3 апреля 1850 г., была напечатана в журнале Колачека «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben» (1850, № 8), а затем вошла в русское издание книги «С того берега» (см. т. VI).

Я стараюсь спасти tanto peso из залога. — О залоге в 24 тысячи франков, внесенном Герценом за «Voix du Peuple» осенью 1849 г. и полностью конфискованном правительством Луи Бонапарта, см. в «Былом и думах» (X, 190—195). См. также комментарий к письму Герцена от 27 августа 1849 г. — т. XXIII.

Вчера по случаю праздника... — 5 мая — годовщина смерти Наполеона I.

Письмо Прудона может показаться весьма глупым... — О письме Прудона к Карлье см. письмо 17.

19. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 180—181.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

...когда я написал тебе в первый раз эти слова... — См. письмо от 12 марта 1850 г. (т. XXIII).

...две победы решили в пользу «oggi». — Герцен имеет в виду победы французской демократии на выборах 10 марта и 28 апреля 1850 г.

Сегодня положение стало еще более критическим... — В этот день в Законодательном собрании должен был обсуждаться проект отмены всеобщего избирательного права. См. комментарий к письму 39.

...тот опять намеревается меня ошвейцарить... — Речь идет об обещании Д. Фази предоставить Герцену гражданство в Женевском кантоне Швейцарии. См. далее комментарий к письму 66.

...я их оставлю под защитой Ораса, самого положительного человека из трех членов твоего семейства. — Шутка: Горасу Гервегу в это время было семь лет.

Дело с горьким билетом идет хорошо. — Каламбур: «billet amer» (буквально «горькая записка») — в противоположность обычному выражению: «billet doux» («любовная записка»); Герцен имеет в виду вконец своей матерью, из-за которой Ротшильд вступил в тяжбу с русским правительством (см. письмо 2).

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: *Carr*, стр. 116—117.

Год написания определяется содержанием письма.

...презрение и к той и к другой стороне... — Герцен имеет в виду буржуазных демократов, продолжавших пользоваться обветшавшими псевдореволюционными лозунгами, и с другой стороны, реакционные правительственные партии Франции.

Читал ли ты страницы из истории 1814 года, опубликованные в «*V<ois> du P<euple>*»? — Герцен имеет в виду статью Кольфаврю «Как предадут нацию» («*Comment on livre une nation*»), помещенную в газете «*Voix du Peuple*» от 25 марта 1850 г., № 174. В статье проводилась аналогия между предательской ролью временного правительства в 1814—1815 гг. и французского правительства в 1850 г.

...завещание Петра Великого. — Текст подложного документа — «План европейского господства, оставленный Петром Великим своим преемникам на русском троне, хранящийся в архивах Петербургского дворца, близ Санкт-Петербурга» — был впервые приведен в 1836 г. в книге Fr. Gaillardet. *Mémoires du chevalier d'Eon*, Paris, т. 1, стр. 171—175 и вскоре получил известность как «Завещание Петра Великого». Изложение четырнадцати пунктов этого мифического «завещания» (слухи о котором муссировались за границей во враждебных России кругах еще в XVIII веке) было дано ранее в тенденциозной книжке историка Лезюра, изданной анонимно в 1812 г. («*Des progrès de la puissance russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle par M. L.***, Paris*»), в которой автор оправдывал агрессию Наполеона против России. С тех пор это «завещание» многократно публиковалось и обсуждалось в западноевропейской печати (в частности, после интервенции царских войск в Венгрию в 1849 г.) с целью доказать захватнические планы России и восстановить общественное мнение Европы против нее. Подробнее см.: Е. Н. Д а н и л о в а. «Завещание» Петра Великого. — «Труды историко-архивного института», т. II, 1946, стр. 203—268. Ср. также замечание Герцена о «завещании Петра I, которого никогда не было», в статье «Сербь и черногорцы» (XIV, 331).

...должно быть, им нужна голова Бакунина, чтобы понять, как можно быть русским и свободным человеком, не будучи при этом шпионом. — В западноевропейской прессе неоднократно появлялись клеветнические обвинения, направленные против Бакунина, — в шпионаже в пользу русского правительства. Герцен с негодованием опровергал их (см. статью «Михаил Бакунин» — VII, 361). В ряде парижских газет за март 1850 г. были напечатаны сообщения о смертном приговоре Бакунину, утвержденном саксонским королем (см. письмо Герцена от 31 марта 1850 г. и комментарий к нему — т. XXIII, а также комментарий к письму 115).

Я прочел речь Кинкеля. Найди-ка здесь подобный голос и присяжных, которые после всего этого выносят оправдательный приговор. — Г. Кинкель, сражаясь в 1849 г. в рядах баденско-пфальцских повстанцев против прусских войск, был ранен, взят в плен и приговорен к пожизненному заключению. Герцен имеет в виду речь Кинкеля на начавшемся 29 апреля 1850 г. в Келье процессе участников баденского восстания 1849 г. Кинкель был присяжными оправдан, однако освобожден не был, его перевели в тюрьму в Шпандау, где он должен был отбывать наказание по прежнему приговору баденского суда. Через несколько месяцев Кинкелю удалось бежать из тюрьмы и эмигрировать в Англию. О взаимоотношениях Герцена и Кинкеля см. в «Былом и думах» (XI, 153—155) и в *ЛН*, т. 61, стр. 281—283. О Кинкеле как человеке и политическом деятеле см. подробно в пам-

флоте К. Маркса и Ф. Энгельса «Великие мужи эмиграции» (Соч., т. VIII, М., 1957, стр. 249—281).

...осужденный Чернуски... — Э. Чернуски, арестованный французскими оккупационными войсками во время интервенции в Риме, был предан военному суду. В прибавлениях к «Voix du Peuple» от 22 апреля 1850 г. был перепечатан из газеты «Italia» текст речи Чернуски перед французским военным судом.

...не посмотрел досье... — Описывая впоследствии в «Былом и думах» посещение полицейской префектуры Парижа в связи с получением приказа о высылке из Франции, Герцен отмечал, что видел в руках помощника Карлье свое досье — «второй том романа», первую часть которого он видел когда-то в Петербурге в руках Дубельта (X, 146).

Государственный совет отменил решение о натурализации Эдмона. — К. Э. Хоецкий, по национальности поляк, получил французское гражданство, которое у него было отнято, как сообщает Герцен, в 1850 г.

21. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: *Собр.*, стр. 118—119. Между этим и предыдущим письмом, вероятно, было еще одно или несколько несохранившихся писем Герцена, где он сообщал Гервегу о прекращении издания «Voix du Peuple».

Год написания определяется содержанием письма (см. ниже).

Моя жена уже писала тебе, что мы, наконец, кое-что знаем о знаменитой огаревской истории. — Речь идет о письме Н. А. Герцен к Гервегу от 17 мая 1850 г., в котором она писала: «Небо наше проясняется, наше и ваше: сию секунду мы получили письмо из России, которое извещает, что Огарев, Сатин, Тучков и Селиванов были арестованы, но их освободили с извинениями, заявив, что то было недоразумение, их ожидают в Москве. О Натали там ни слова. Облако именно там, где мне так хотелось бы увидеть луч солнца!.. Тем не менее, целую вас от радости. Мы уезжаем 20-го» (ЛН, т. 64, стр. 287). Письмо, о котором упоминает Н. А. Герцен, было написано Грановским (оно не сохранилось). См. письмо 3.

...почему был арестован Селиванов... — И. В. Селиванов в 1848 г. находился в Париже; он принимал участие в политической жизни столицы Франции и даже выступал на каком-то революционном банкете (см. Л V, 248). Селиванов был арестован почти одновременно с Огаревым, обвинен в «вольнодумстве», в участии в парижских баррикадных боях и выслан в Вятку, но вскоре освобожден и отдан под надзор полиции. См. о нем: ЛН, т. 67, стр. 574—587.

...Селиванов ∞ он никогда не моется... — Каламбур: начало фамилии «Séliv(anoff)» и глагол «se lave» (моется) по-французски звучат сходно.

Твоя жена должна уехать... — Э. Гервег, поддерживавшая сношения с радикальными кругами, получила предписание от полиции покинуть Париж; ср. письма 25 и 39.

Беременную и больную жену... — Н. А. Герцен разрешилась от бремени 20 ноября 1850 г. дочерью Ольгой.

...не могу же я бросить на произвол семью. — Герцен добивался в это время отсрочки высылки из Парижа. Н. А. Герцен писала Гервегу около 20 мая: «Вы знаете, что Александр попросил разрешения остаться в Париже еще на некоторое время из-за болезни его домашних, с него взяли честное слово, что он уедет 25-го. Если я не обманываюсь и если нас не обманывают, мы покинем Париж через день или два после Эммы. — Я теперь не более, чем сиделка» (ЛН, т. 64, стр. 287—288).

...Она хотела дожидаться ∞ денег из Берлина... — В Берлине жил отец Э. Гервег — Густав Зигмунт, банкир и крупный торговец шелком, оказывавший ей щедрую материальную помощь. После революции 1848 г., которая его почти разорила, он сильно сократил свои дотации.

...«Погоди немного — отдохнешь и ты». — Из стихотворения Лермонтова «Из Гёте».

«Всюду встречи безотрадные ∞ иль бессмысленных детей». — Строфа из «Стансов» Рыльева (1825). См. письмо 10.

22. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 189.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

Эмма едет 21-го... — См. письмо 24.

Ответ Г. Гервега от 21 мая 1850 г. — Л XIV, 75—77.

23. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 189—190.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

...нужно ли тебе ехать в Штутгарт... — См. комментарий к письму 6.

... «Vieni, sposa da Libano». — «Гряди, невеста с Ливана» (итал.) — из «Песни песней царя Соломона» (гл. IV, 8).

...наш доктор ∞ говорит, — больше чем Жан-Батист. — Речь идет о санитарном инспекторе парижской префектуры докторе Пальмье, пытавшемся оказать помощь Герцену в отсрочке высылки из Парижа (ср. «Былое и думы» — X, 147). Его многословие Герцен сравнивает с болтливостью Жана-Батиста Боке, которая постоянно вызывала у него ироническое отношение.

24. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 191.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

Письмо Г. Гервега, на которое отвечает Герцен, неизвестно.

...проводив Эмму до дилижанса. — Э. Гервег с детьми отправилась Ниццу.

25. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 194—196.

Год написания определяется связью с предыдущим письмом.

...хорошо делают, что катит, и Rule, Britannia. — Каламбур: «goule» по-французски — «катит»; «Rule, Britannia» («Правь, Британия») — начало патриотической песни Джемса Томсона, ставшей национальным гимном Англии.

Обвинительная палата постановила, что она подлежит обвинению, повешению, водворению на Нука-Иеу. — Шуточный намек на высылку

Э. Гервег из Парижа. Нука-Ива (Нука-Гива).— место ссылки французских революционеров на Маркизовых островах.

...заочно, как Бём... — И. Бём после разгрома Венгерской революции эмигрировал в Турцию. Правительства России и Австрии, заочно присудившие Бёму к смертной казни, добивались его выдачи, однако Турция отказалась сделать это.

...«Тебя запугали».— Гервег был чрезвычайно недоволен отъездом жены из Парижа и приписывал это оказанному на нее нажиму со стороны Герцена, отказываясь верить, что подлинной причиной ее высылки было предписание полиции.

Timeo Baroches et justitia ferentes. — «Боюсь Барошей и правосудие творящих» (лат.) — шутивая перефразировка известного выражения Вергилия: «Боюсь данайцев и дары приносящих».

...озорницей полицией? — Каламбур: слова «polissonne» («озорница») и «police» («полиция») по-французски звучат сходно.

Я, кого «Lloyd» называет русским бароном... — См. письмо 9.

...мой поверенный... — Г. И. Ключарев.

26. Э. ГЕРВЕГ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 192—194. Детская приписка Саши Герцена, адресованная Горасу Гервегу, не воспроизводится.

...Плутон цивилизованный, Плутон повеса, Плутон полицейской службы. — Каламбур: слова «polisé» («цивилизованный»), «polisson» («повеса») и «de la police» («полицейской службы») по-французски звучат сходно.

...и еще некое дуновение, так как настоящий Г<ауг> только вчера отбыл в Лондон. — Каламбур: «Nauch» («дуновение») и «Haug» («Гауг») по-немецки звучат сходно.

...Рашель Ада? — Герцен в шутку сравнивает малолетнюю дочь Гервегов Аду с артисткой Рашель.

27. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 197—198 (о напечатанной там же «приписке» к М. К. Эри см. комментарий к письму 33).

Дата написания определяется предположительно — по связи с соседними письмами.

Duрацкие im Allgemeinen, дурацкие im Besonderen, дурацкие im Einzelnen, an sich, für sich, außer sich, in Paris, in Zürich, in Petersburg. — «... В общем <...> в частном <...> в единичном, в себе, для себя, вне себя, в Париже, в Цюрихе, в Петербурге» (нем.) — пародия на немецкую философскую терминологию.

...я могу послать ему маленькую статью «Omnia mea mecum porto». — Колачек находился в это время в Цюрихе (см. Л XIV, 87). См. также комментарий к письму 18.

...«Эпилог» был обещан Гофману. — Герцен предполагал первоначально напечатать «Эпилог 1849» во втором немецком издании книги «С того берега» (см. т. VI), подготовлявшемся фирмой «Hoffmann und Campe».

...можно потерять и 80 000... — См. комментарий к письмам 36 и 37.

Печатается впервые, по фотокопии с автографа (ВМ).

... банк ∞ не возражает против оплаты билета...— 14 апреля (ст. ст.) 1850 г. Николай I утвердил оплату билета Л. И. Гааг, о чем немедленно было сообщено соответствующим инстанциям (см. Л XIV, 13). См. комментарий к письму 2.

...Министерство заявляет, что не станет визировать.— Министрство иностранных дел не решалось засвидетельствовать доверенность Л. И. Гааг без специального указания III отделения, которое и было запрошено по этому поводу.

...Киселев тут хорошо поработал...— Рапорт, посланный Киселевым в Петербург, послужил непосредственным поводом к наложению запрета на имяне Герцена (см. Л V, 262—267). Киселев пытался, по-видимому, подорвать доверие к Герцену и в деловых парижских кругах (ср. «Былое и думы» — X, 137—138). Ср. письмо 42.

...самая выгодная позиция у Вюртембергского министерства.— См. комментарий к письму 6.

...раньше 1-го июня мне нельзя уезжать.— О высылке Герцена из Парижа в 1850 году см. «Былое и думы» — X, 140—147.

29. Э. ГЕРВЕГ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 198—200.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

Думаю, что вы говорите теперь только по-итальянски.— Нипца, куда приехала из Парижа Э. Гервег, в это время входила в состав Сардинского королевства.

...бравые вюртембергцы ничего не сделали.— См. комментарий к письму 6.

«Quod faciamus nos?» ∞ «Wallensteins Lager».— «Что мы будем делать?» (лат.)— Из драмы Шиллера «Лагерь Валленштейна».

...поглядите на Аду, потом на море ∞ веркало.— Каламбур: «la mer» («море») звучит по-французски так же, как «la mère» («мать»).

...всех святых и нескольких грешников (Средиземного моря)...— Герцен написал слово «rescheurs» в транскрипции, которая позволяет его перевести и как «грешник» («réscheur») и как «рыбак» («réscheur»).

30. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 201—202. Дата написания определяется (предположительно) связью с соседними письмами.

Ответ на письмо Г. Гервега от 21 мая 1850 г. (Л XIV, 75—77).

...опять между устами и кубком проскользнуло несчастье.— Гервег использовал это выражение в письме, на которое отвечает Герцен.

Подробности о деле ты прочтешь в письме моей матери.— Имеется в виду письмо 32.

...нужен самый решительный удар из Штутгарта ∞ все вюртембергское министерство дрожит перед Нессельроде...— См. комментарий к письму 6.

...благодаря благодущию Карловингов...— О своих визитах в полицейскую префектуру (к Карлье и его агентам) и об отсрочке высылки из Парижа Герцен подробно рассказывает в «Былом и думах» (X, 140—147).

Ты спрашиваешь о причине столь поспешного отъезда Эммы. — Гервет писал в своем письме об отъезде Эммы из Парижа: «Ты был так добр, так добр к ней, — обнимаю тебя за это. И все-таки эта поспешность для меня немножко загадочна».

31. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: Carr, стр. 119—120.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

... длинное и очень интересное письмо от Каппа. — Это письмо件 известно.

Фрёбель прочел несколько страниц из *«V<om> and<ern> Ufer»* в своих лекциях о революционном движении в Европе; он изложил мои взгляды на Россию... — Ю. Фрёбель осенью 1849 г. переехал в Америку и в начале 1850 г. выступил в Нью-Йорке с лекциями об уроках европейских революций, подвергая при этом разбору книгу Герцена. О «больше печели лестном» отзыве Фрёбеля по поводу этой книги Герцен упомянул в введении к первому русскому изданию «С того берега» 1855 г. (см. VI, 9). Подробнее об отношениях Фрёбеля с Герценом и о научно-пропагандистской и журналистской деятельности Фрёбеля в Америке см. в его книге: *«Ein Lebenslauf. Aufzeichnungen, Erinnerungen und Bekenntnisse von Julius Fröbel»*. Stuttgart, t. I, 1890, стр. 271 и далее и т. II, 1891, стр. 35).

Потормоши немножко своих швабов... — Здесь, как и в ряде других писем, речь идет о попытке побудить вюртембергское правительство оказать содействие Л. И. Гааг в получении денег по «билету» в Петербурге.

... *«Beatus ille qui procul negotiis»*... — «Блажен, кто в стороне от дел» (лат.) — стих из «Эподов» Горация.

«Перед обедом водку пьет, Имеет чин и в бога верит». — Таких стихов Пушкина нет.

32. Л. И. ГААГ, Г. ГЕРВЕГУ и М. К. ЭРН

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 205—207.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

... подобно Гемпдену, сопротивляется и делает чпо хочет. — Богатый английский землевладелец Джон Гемпден получил в XVII веке широкую известность демонстративным отказом платить корабельный налог, который король незаконно наложил на внутренние провинции Англии.

Запрещение будет наложено, конечно, и на другую сумму. — Герцен, вероятно, имеет в виду сумму, высланную Голохвастовой в погашение долга ее мужа (см. письмо 4).

Ответ Г. Гервега в письме без даты, начинающемся словами: «Дорогие мои близнецы! У меня столько, столько желчи на сердце против вас...» — Л XIV, 77—80.

33. М. К. ЭРН

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано (ошибочно в составе письма Герцена к Гервегу от 24 мая 1850 г.): ЛН, т. 64, стр. 197. Над некоторыми словами рукой М. К. Эрн написан их французский и немецкий перевод.

Дата устанавливается предположительно по упоминанию Герцена о сумме 80 тыс. фр., высланных Г. И. Ключаревым, о которой также содержатся упоминания в письмах от 24, 30 мая и 2 июня 1850 г. Возможно, пись-

мо к М. К. Эри было послано вместе с одним из писем к Л. И. Гааг или Г. Гервегу за этот период. Упомянутое письмо М. К. Эри к Герцену неизвестно.

34. Л. И. ГААГ и М. К. ЭРН

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 207. Над отдельными словами рукой М. К. Эри написан их французский перевод.

...к Карлу Ивановичу...— Так Герцен называет здесь префекта полиции Карлье, которого он просил об отсрочке высылки из Парижа.

...к Константину, он уже может ходить.— Речь идет о поваре Герценов, управлявшемся после паралича (ср. письмо 13).

35. Э. ГЕРВЕГ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: отрывок в русском переводе (адресатом ошибочно указан Г. Гервег) — ЛН, т. 7-8, стр. 68; полностью — ЛН, т. 64, стр. 208.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

...Навдинские фуруклы...— См. комментарий к письму 16.

...юртембергские власти ∞ не имеют никакой власти.— См. комментарий к письму 6.

Получил от Каппа письмо...— См. письмо 31.

...Фрёбель посвятил одну лекцию...— См. письмо 31.

36. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 208—209.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

...чтоб узнать, что слышно о 80 000 фр.— Очевидно, имеется в виду получение денег от Голохвастовой (см. письмо 4).

37. Л. И. ГААГ

Печатается впервые, по фотокопии с автографа (ВМ).

...приятную новость о деньгах.— О голохвастовском долге см. комментарий к письму 4.

...из 25 000, которые вы тот раз дали...— О каких именно деньгах говорит Герцен, неясно; о его займах у матери см. ЛН, т. 63, стр. 414.

Георг смеется теперь над моими опасениями...— т. е. над опасениями за судьбу «голохвастовского долга»; ср. письмо 39.

38. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 288. На автографе надпись рукой Г. Гервега (?): «P<aris?>. 3—4 Juni». Приписка к письму Н. А. Герцен к тому же адресату, в котором она делится планами предстоящего переезда в Италию (см. ЛН, т. 64, стр. 288); об отъезде Герценов из Парижа см. письмо 46.

«Mai» ∞ Май...— Каламбур: по-итальянски «mai» (никогда) звучит сходно с названием месяца мая.

Lasciati ogni speranza.— Из «Божественной комедии» Данте — часть надписи над вратами ада: «Оставь всякую надежду» — «Ад», песнь III, стих 9.

Мир разлагается, как гнилая рыба.— Из «Кротких ксений» Гёте.

39. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 210—213.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

Ответ на письмо Г. Гервега без даты, начинающееся словами: «Дорогие мои близнецы! У меня столько, столько желчи на сердце против вас...» (Л XIV, 77—80), и на неизвестное письмо. В первом из этих писем Гервег требовал, чтобы Герцен «кончал этот фарс с деньгами» и жил с «полумиллионом, который у него есть, пока не получит другую его половину». «Зачем всегда задыхаться, горячиться, возмущаться? Зачем еще раз обманывать себя, — себя и нас? Эти две недели — чистая потеря. Чего ты ждешь в следующие две недели? Это может протянуться 15 недель и больше. Или будешь ждать и так долго? Эти две недели пропадут даром. Называй вещи своими именами. Ты не можешь, не хочешь уехать из Парижа, — не протестуй...»

Больше всего меня поражил упрек в том, что мы отпустили Эмму, а сами остались в Париже.— Отклик на слова Гервега, обращенные к Н. А. Герцен: «Да простит вам ваше сердце, что вы отпустили Эмму, ничего не сделав, ничего не попробовав. Да, да, — я сердит. Это ваша вина. Ах, сколько я хотел бы наговорить вам, если бы я мог писать! Но я не могу, и это хорошо».

...знал ли кто-нибудь 20 мая, что 1 июня Париж станет самым спокойным городом в мире.— 31 мая 1850 г. французское правительство, встревоженное результатами последних выборов, отменило всеобщее избирательное право. Это нарушение конституции не вызвало революционного протеста Горы и буржуазных республиканцев, призывавших народ к сохранению «величественного спокойствия». (См. об этом: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, М., 1957, стр. 163—164).

...Алексиса...— Вероятно, одного из многочисленных парижских «ясновидцев».

...Леонтина...— О встрече на маскараде 7 марта 1850 г. с парижской гризеткой Леонтиной см. в письмах к Гервегу Герцена от 9 марта 1850 г. (т. XXIII) и Н. А. Герцен от 8 марта 1850 г. (ЛН, т. 64, стр. 278), а также «Былое и думы» (XI, 453—460).

Он дал мне совет о рассказу как-нибудь...— Об этом совете Шомбурга Герцен рассказал в письме 43.

...Тардифу де Мело.— К литератору Тардифу де Мело, приятелю Н. И. Сазонова, Герцен всегда относился весьма иронически и называл его «полуповрежденным» (X, 324).

...как она боялась негодяя Р(оде)...— Фамилия Роде устанавливается на основании неизвестного письма Н. А. Герцен к Э. Гервег от июня 1850 года. Это был шпион, использовавший в свое время доверие Гервега и участвовавший в его «баденской экспедиции» в качестве врача (см. в кн.: 1848. Briefe von und an Georg Gerwegh, Paris—Leipzig—München, 1896, стр. 383). В Париже он, по-видимому, шантажировал Э. Гервег и добивался от полицейских властей приказа о ее высылке из Парижа.

Я пошлю ей рекомендательное письмо к Авидору.— Это письмо Герцена к ниццкому банкиру Авидору неизвестно.

40. Э. ГЕРВЕГ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 213—214.

...получил от Георга филиппику, которая меня тем более возмутила, что я меньше всего ее ожидал. — См. комментарий к предыдущему письму.

...«*L'Amour et la Cravache*» — водевиль театра Монтансье. — «Любовь и хлыст» — так называет Герцен водевиль «*Le jeu de l'amour et de la cravache*» («Игра любви и хлыста») Анисе Буржуа, Альфонса Руайе и Нарея, представленный в парижском театре Монтансье при участии известного артиста Левассора. По словам анонимного рецензента журнала «*Charivari*», авторы водевиля пытались доказать зрителям, что чем более муж колотит свою жену, тем сильнее она его любит («*Charivari*» от 2 июня 1850 г., № 153).

Негодяй Р<оде>... — См. комментарий к письму 39.

Георг жертвует мне теперь несколько дней... — Очевидно, речь идет о давно намечавшейся поездке Г. Гервега в Штутгарт — см. комментарий к письму 6.

Alessandro furioso. — «Неистовый Александр» (итал.). — См. комментарий к письму 6.

41. Т. А. АСТРАКОВОЙ

Печатается по фотокопии с автографа (СУ). Впервые опубликовано: НПГ, стр. 162—163.

...тезку мою... — Наталью Алексеевну Тучкову.

...постигло ужасное несчастье... — Имеется в виду арест в феврале 1850 г. А. А. Тучкова, Н. П. Огарева и Н. М. Сатина. См. комментарий к письму 3.

42. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 215—216.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

Все, что ты сделал, сделал превосходно... — Вероятно, Герцен имеет в виду поездку Гервега в Вюртемберг. См. Л XIV, 36—37 и письмо 40.

...Р<отшильд>, после того как повиделся с Киселевым, стал до черта противен. — См. в «Былом и думах» диалог Герцена с Ротшильдом после встречи последнего с русским посланником Киселевым, который сообщил Ротшильду, что «он очень невыгодного мнения о Герцене» (X, 137—138).

Et viv'nos ennemis, les amis!... — «И да здравствуют наши враги, друзья!» — Несколько измененное выражение из песни Беранже «*L'opinion de ces demoiselles*» («Мнение этих девиц»): «*Viv'nos amis, nos amis les enn'mis*» («Да здравствуют наши друзья, наши друзья-враги!»).

43. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 216—220.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

А ваша поездка в Штутгарт — разве она не была нужна, и только три дня назад вы ее завершили. — См. выше письма 6 и 40.

...о том совете Ш^{омбурга}, о котором упомянул в прошлый раз.— См. письмо 39.

Жду завтра или даже сегодня ответа от Бамбергера, которому я сообщил все подробности.— Письмо Герцена и ответ Бамбергера неизвестны.

Рейхель привезет тебе «Эпилог» ∞ отослал, не делая перевода, Колачеку.— По-видимому, Гервег сам снял копию с рукописи Герцена для отправки Колачеку (см. книгу: Der Freiheit eine Gasse, aus Leben und Werk Georg Herweghs. Herausgegeben von Bruno Kaiser. Berlin, 1948, стр. 217—220). Не исключена возможность, что Гервег был переводчиком этой статьи на немецкий язык.

...я дам Кампе еще небольшую статейку.— Герцен, вероятно, намерен был послать Кампе для включения во второе немецкое издание книги «С того берега» свою статью «Omnia mea mecum porto». См. комментарий к письму 18.

Vide — письмо моей матери.— Из писем А. И. Герцена к Л. И. Гааг, написанных в июне 1850 г., до нас дошли только датированные 3 и 14 июня см. письма 37 и 45).

44. Э. ГЕРВЕГ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 220.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

...ваши письма ∞ по самым разнообразным адресам.— Эти письма Э. Гервег неизвестны.

Мы едем 15-го в субботу. Эдмон тоже...— См. выше комментарий к письму 18.

...от комаров и мошек.— Каламбур: «cousin» по-французски «комар» и «кузен»; «moucheron» — «мошка» и «мальчуган». На французском арго слово «mouche» («mouchard») означает также и «шпион».

45. Л. И. ГААГ

Печатается впервые, по фотокопии с автографа (ВМ).

Год написания определяется содержанием письма: «история» с задержанием капитала Л. И. Гааг в России, получение «голохвастовского долга».

Гермес Трисмегист — греческое название египетского бога Тота, покровителя наук и искусств. Его именем (Гермес в греческой мифологии — глашатай богов, гонец) Герцен в шутку называл музыканта Рейхеля, направлявшегося в Цюрих.

...великолепной сцене с бароном.— Герцен, вероятно, имеет в виду свой разговор с Ротшильдом по поводу «билета» Л. И. Гааг, воспроизведенный в «Былом и думах» (X, 137—138).

...все в Лондоне меня отпугнуло.— О проекте добиться оплаты «билета» Л. И. Гааг через какого-нибудь лондонского банкира и запросе находившегося в Лондоне Бамбергера о возможности такой операции см. письмо 43.

...пришли деньги от 2-жи Голохвастовой...— См. письмо 37.

46. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 221.

Дата определяется связью с письмом 47, написанным в тот же день. Между комментируемым письмом к Г. Гервегу и предшествующим, датированным 11 июня (письмо 43), несомненно, было написано еще одно или несколько не дошедших до нас писем, в которых Герцен извещал Гервега об успешном завершении хлопот по делу с векселем Л. И. Гаг. Ответом на одно из этих писем является письмо Гервега без даты, начинающееся словами: «Дорогой Ландри, я вздохнул свободно вместе с тобою...» (Л XIV, 85—87), в котором Гервег, выражая радость в связи с отъездом Герценов из Парижа, рекомендовал им возможно удобней устроиться в Ницце и высказывал желание жить с ними под одной крышей или где-нибудь рядом.

Medice, cura te ipsum! — «Врачу, исцелися сам!» (лат.) — известное изречение из евангелия от Луки (гл. IV, 23).

...и вот мы в Тоннере. — Герцены выехали из Парижа в тот же день. Тоннер — городок, расположенный в 150 км. на юго-восток от Парижа.

...резко выраженные симптомы водобоязни. — По-видимому, Герцен шутило намекает на появившееся у А. Рейхеля пристрастие к спиртным напиткам.

47. Э. ГЕРВЕГ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 221—222.

Год написания определяется содержанием письма: в Тоннере 17 июня Герцен был только в 1850 г.

...чтобы ехать в Шалон... — Из Шалона Герцены собирались отправиться на пароходе на юг к устью Роны — в Арль.

Массоль вкружил ему голову рассказами об абиссинках... — А. Массоль в 1830-х гг. много путешествовал по странам Азии и Африки.

...где die Zitronen blühen. — Приводя строки из «Песни Миньоны» Гёте, Герцен имеет в виду свой переезд в Ниццу.

...посреди грома... — Каламбур: «Тоннере» — по-французски название города и «гром».

48. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 223—224.

Год и месяц написания определяются связью с соседними письмами.

Львы и тигры, людоеды (это я) прибыли в Лион... — Игра слов: по-французски «Lyон» (Лион) и «lion» (лев) произносятся одинаково.

...(т. е. «Ка-ира»). — Высланный из Франции, К.-Э. Хоецкий направлялся в Каир.

49. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 224—225. В автографе перед *c'est très possible* («ведь вполне возможно») — первоначально было: *mais au moins* («но во всяком случае»).

Год написания определяется связью с соседними письмами.

Едва мы вышли из вагонов авиньонских... — Шутливая параллель к первому стиху известного монолога Терамена из пятого акта «Федры»

Расина: «A peine nous sortions des portes de Trésène» («Едва мы вышли из Трезенских врат...» — акт V, сцена 6).

...желчное свое письмо...— Речь идет, вероятно, о письме Гервега, цитируемом в комментариях к письму 39.

...из Авиньона — по железной дороге...— Явная описка: Герцен хотел сказать: из Парижа.

...с тростью в руках, шагом (лошадиным)...— Каламбур: по-французски одинаково звучат: «Cannes» (город Канн) и «саппе» (трость); «à pied» — «пешком» и «à pied (de cheval)» — буквально: «ногами лошади».

50. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: Carr, стр. 120.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

...когда Гиббон закончил свою историю...— Речь идет об «Истории упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона, пад которой он работал в течение 23 лет, закончив ее в 1787 г.

...когда я получил письмо от Шомбурга...— Письмо Шомбурга о благоприятном исходе тяжбы с русским правительством по поводу векселя матери Герцена, неизвестно. Ср. «Былое и думы», X, 140.

...до Базиликаты...— Южно-итальянская провинция.

51. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 226—227.

Месяц и год написания определяются связью с предыдущим письмом.

...нужно либо объяснить причину, либо приехать...— По предположению жены Гервега, его удерживала в Цюрихе новая любовная связь. Сам же Гервег объяснял свое нежелание приехать (в письмах, адресованных одной Наталье Александровне) ее мнимой холодностью к нему и новым сближением с мужем. В письме к Эмме он заявил, что не приезжает в Ниццу потому, что возмущен беременностью Н. А. Герцен, которую считает доказательством прямой измены себе (см. ЛН, т. 64, стр. 289—293).

...бедного Бакунина...— М. А. Бакунин в это время был заключен в австрийской тюрьме в Праге. См. комментарий к письму 20.

...фантастические планы...— Планы организации побега Бакунина.

...как переслать Голачеку статью... Статью пошулю на французском языке...— По-видимому, «Omnia mea mecum porto». Французский текст этой статьи остается неизвестным. См. также комментарий к письму 56.

Я принялся за новые письма. Затем надобно же, наконец, рассказать историю вторжения варваров с Иерусалимской улицы к Эмме.— К этому времени относится работа Герцена над двенадцатым письмом цикла «Писем из Франции и Италии», датированным 10 июля 1850 г. (французский текст его имеет дату 30 июня 1850 г.— V, 385—393). Обыск, произведенный у Эммы Гервег в Париже полицейскими чиновниками с Иерусалимской улицы (там помещалась полицейская префектура), описан Герценом не был.

Ответ Г. Гервега без даты, начинающийся словами: «Не швейцарка ли с белыми волосами и черными зубами удерживает меня в Цюрихе?..»— Л XIV, 87—89.

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 227—228.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

В доме, который я выбрал...— Дом, принадлежавший домовладельцу Сю. Герцены вскоре в нем поселились вместе с Гервегами и прожили здесь до осени 1851 г.

53. Л. И. ГААГ и М. К. ЭРН

Печатается впервые, по фотокопии с автографа (ВМ).

...от Ротшильда все расчеты.— Расчеты по векселю («билету» Л. И. Гааг. См. комментарий к письму 2.

Гассер взял за расходы ∞ Ротшильд свои 3%...— Ср. разговор: с Ротшильдом на эту тему в «Былом и думах» (X, 139—140).

...прошу скорее к Рокшильду письму...— Вероятно, Герцен шуточно передает произношение Луизы Ивановны.

...на Зонненберге валялись, ну что его зуб?— Зонпепберг — название горы в окрестностях Берна; *зуб* — т. е. пик горы.

54. Л. И. ГААГ

Печатается впервые, по фотокопии с автографа (ВМ).

... в день вашего рождения.— Л. И. Гааг родилась 27 июня н. ст. По-видимому, Герцен допустил ошибку в стиле, посылая поздравление 4 июля н. ст. и рассчитывая, что оно будет получено к 27 июня по старому стилю (метрическое свидетельство Луизы Ивановны, скопированное Герценом в письме от 21 декабря 1849 г., см. в т. XXIII; биографические данные о матери Герцена см. в статье: R. T g a u f m a n n. Alexander Herzens Mutter.— «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. XIV, Hf. 2, 1937, стр. 28—30; ср. также — ЛН, т. 63, стр. 410).

Отправьте книги...— Очевидно, речь идет об оставшейся части тиража первого издания книги «С того берега», выпущенной в свет гамбургской издательской фирмой «Гофман и Кампе», но отпечатанной в Цюрихе. Книги хранились у Л. И. Гааг (см. также письмо от 21 февраля 1850 г.— т. XXIII и письмо 61).

55. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 229—231.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

...у unsern zarten Mozart-Reichel und Moritz Reichel...— «У нашего нежного Моцарта-Рейхеля и Морица Рейхеля» (нем.). Каламбур: немецкое слово «zart» («нежный») входит в состав имени Mozart. «Моцартом Рейхелем» Герцен называет музыканта А. Рейхеля; Мориц — его сын от первого брака.

...причина, удерживающая тебя теперь...— См. выше комментарий к письму 51. В одном из своих недатированных писем, относящихся к этому времени, Гервег заявил Герцену: «Если я узнаю, что тебе, действительно, хорошо там, где ты сейчас, и что ты будешь рад провести хорошие

или плохие дни с твоим близнецом, я приеду. Я здесь ничего не делаю, мне решительно нечего делать...» (Л XIV, 89).

...Написал ли ты о Бакунине? — приведи пример Сальвотти, приведенный мною. — Статья о Бакунине Герцегом написана, по-видимому, не была. В статье о Бакунине, написанной в 1851 г., Герцен защищает его от клеветнических обвинений и подозрения в предательстве и вспоминает рассказ об инквизиторской угрозе советника трибунала в Милане Сальвотти, который заявил после подавления итальянской революции 1821 г. одному из ее участников, графу Конфалоньери: «Вы упорствуете в молчании, в игре в героизм, — прекрасно, но завтра же я прикажу напечатать в газетах, что вы донесли на своих друзей, — и вы не пойдете никакого средства опровергнуть это» (VII, 360—361). В каком более раннем сочинении или письме Герцен коснулся этого же эпизода — не установлено.

Я написал небольшую заметку о развитии либерализма и оппозиции в русской литературе. — Вероятно, эта заметка — первый набросок работы Герцена «О развитии революционных идей в России». Рукопись этого наброска остается неизвестной.

...приведи мне работу Мельгунова «*Bilder aus der russischer Literatur*» v(on) König. — Речь идет о напечатавшейся в свое время книге Кёнига «*Literarische Bilder aus Rußland*», вышедшей в 1837 г. в Штутгарте — Тюбингене и переведенной на многие языки. Книга была написана в значительной степени при участии Н. А. Мельгунова. Герцен пользовался ею для справок, когда писал «О развитии революционных идей в России».

Статья для Колачека переведена Эммой. — Этими строками устанавливается, что переводчиком на немецкий язык статьи «*Omnia mea mecum porto*», напечатанной в «*Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben*», была Э. Гервер. См. комментарий к письму 18.

Гауг писал мне из Килия... — Это письмо Э. Гауга к Герцену неизвестно.

...по поводу статьи Хауеншильда о моей брошюре... — См. выше комментарий к письму 17.

Я прочел первый том Фальмерайера... — Речь идет о двухтомном труде Я.-Ф. Фальмерайера «*Fragmente aus dem Orient*» («Отрывки о Востоке»), Stuttgart und Tübingen, 1845.

...одно из них — г-же Гааг. — Это письмо Герцена к матери неизвестно.

...послать ему микроскоп. — См. комментарий к письму 17.

56. Г. ГЕРВЕРУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: Carr, стр. 121—122.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

...и сам написал это в «Эпиллоге»... — См. в книге «С того берега» главу «Эпиллог 1849» — VI, 107—114.

Если Колачек хочет, я мог бы его послать ему, но боюсь Гофмана. — Несмотря на опасения вызвать неудовольствие издательской фирмы «Hoffmann und Campe», которой Герцен обещал прислать свою статью «Эпиллог 1849» для включения во второе издание книги «С того берега», он все же отослал ее для напечатания в журнале Колачека (1851, № 12).

«А нам, последним звеньям ∞ Мы, надо сознаться, плохие Робинзоны». — Герцен приводит с некоторыми вариантами отрывок из «Эпилога 1849».

Все это давало Бамбергеру право сказать, что «это несерьезно»... — Статья Бамбергера о книге «*Vom anderen Ufer*» была напечатана анонимно

в VII книжке «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben» за 1850 г. (см. G. Z i e g e n g e i s t. Herzen und Kolatschek. — «Zeitschrift für Slavistik», 1957, № 3, стр. 371—372).

...Я кончил первый том Фальмерайера. — См. комментарий к предыдущему письму.

...письмо к Маццини должно ему нравиться... — Имеется в виду открытое «Письмо русского к Маццини», напечатанное Герценом в конце книги «С того берега» и перепечатанное в газете Прудона «Voix du Peuple» и в газете Маццини «Italia del Popolo». Статья Герцена завершалась следующими словами: «Взятие Константинополя явилось бы началом новой России, началом славянской федерации, демократической и социальной» (VI, 224—238).

...письмо к тебе. — Открытое письмо Герцена к Гервегу, напечатанное в книге «Vom anderen Ufer» перед письмом к Маццини (см. VI, 150—223).

Я готов писать к нему на эту тему. — Осуществил ли Герцен свое намерение писать к Фальмерайеру, неизвестно.

...и статью Фальмерайера. — Статья Фальмерайера о «Vom anderen Ufer» была напечатана в журнале «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben», 1850, № 8. См. о ней — Л V, 534—535.

...небольшое письмо о русской литературе — оно к услугам Колачека. — Речь идет о первоначальной краткой редакции «О развитии революционных идей в России». Немецкий перевод этого сочинения появился в №№ 1—3 и 5 журнала А. Колачека за 1850 г.

...«Джемс безземельный». — Каламбур: «J'aime sans terre» («Люблю без земли») фонетически сходно с «James sans terre» (по аналогии с «Jean sans terre» — Иоанн Безземельный). James (Джемс) — имя Фази.

...я купил бы метр земли в бывшей военной зоне. — 22 июня 1850 г. Женевский Большой совет преподнес Джемсу Фази в дар «от имени народа» 200 туазов земли, освободившейся по обеим сторонам Женевского озера в результате сноса военных укреплений. О попытке Герцена получить женевское гражданство см. комментарий к письму 66.

...чтобы отправиться к Б(акунину)... — Э. Гервег выразила желание отправиться в Прагу, чтобы организовать побег Бакунина из тюрьмы. Намерение это осуществлено не было.

...о выдаче его Николаю уже нет и речи. — Бакунин был выдан России в 1851 г.

57. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 236—238.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

...повторением улицы Cirque. — На улице Cirque в Париже помещалась роскошно обставленная квартира Гервегов, которая была им не по средствам. Пребывание Гервегов в этой квартире закончилось описью их имущества и продажей вещей с аукциона.

...повторение Вето. — Герцен напоминает о даче для обеих семей, снятой Н. А. Герцен в Вето в Швейцарии, куда Герцены и Гервеги так и не переехали (ср. письмо от 10 октября 1849 г. — т. XXIII).

...вооружись Mut des Lebens и vorwärts... — Советуя Гервегу «вооружиться жизненным мужеством» и идти «вперед», Герцен перефразирует известный лозунг немецкого генерала Блюхера (ср. письмо от 13 марта 1850 г. — т. XXIII).

...всему дому птицелова. — Имеются в виду мать Герцена и М. К. Эрн, жившие в Цюрихе у домовладельца Фогеля, фамилия которого в переводе с немецкого означает «птица».

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 238—240.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

...слишком... глобитом стать невозможно...— Каламбур: первый слог слова «trogglodite» («тrogглодит») и слово «tgor» («много, слишком») по-французски звучат одинаково.

...эти обиды из-за дома, и почему такое недоверие? — Э. Гервег, которой еще во время ее пребывания в Цюрихе в феврале 1850 г. стали известны близкие отношения ее мужа с Н. А. Герцен, старалась предотвратить совместную жизнь Г. Гервега под одной крышей с Натальей Александровной. Однако отсутствие достаточных материальных средств для найма подходящего отдельного дома принудило ее все же переехать в дом Сю, снятый Герценом. Несмотря на неоднократные заверения Герцена, что он хотел бы жить с Гервегами в одном доме, Гервег в своих письмах, адресованных одной Наталье Александровне, высказывал сомнение в искренности Герцена. «...Ты подозреваешь Александра там, где его искренность, его доверие, откровенность причиняют мне боль — так они велики и так мало оценены ими тобою, — писала ему в ответ Н. А. Герцен. — Мне это очень, очень больно. Все, что я говорю тебе, — *правдиво*, как и моя жизнь. Не думай, что существует хоть малейшее препятствие со стороны Александра, — наоборот, он *сделал все, от него зависевшее*, чтоб убедить Эмму, но она уже и не скрывает более *перед мной* всего своего отвращения, ужаса перед совместной жизнью в одном доме»... (ЛН, т. 64, стр. 290).

...у нас воцарился покой, — покой, основанный на доверии...— Герцен не подозревал двойственного положения Натальи Александровны, по-прежнему любившей его и в то же время питавшей страстное чувство к Гервегу, с которым она продолжала вести переписку. О подлинном характере отношений Гервега и своей жены Герцен узнал только после приезда Гервега в Ниццу. См. об этом подробно в «Былом и думах» — X, 252—257 и обзоре писем Н. А. Герцен к Гервегу — ЛН, т. 64, стр. 259—318.

59. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 240—243.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

...демосоци...— Принятое в демократических кругах того времени сокращенное обозначение социально-демократической республики и революции (démос. сос., т. е. démocratique et sociale).

Моя жена прочла мне твое последнее письмо ∞ не сообщить мне о твоих странных сомнениях на мой счет было бы почти предательством. — Это письмо Гервега к Н. А. Герцен неизвестно. В своем ответе на упреки Гервега Наталья Александровна между прочим замечала: «...совсем непростительно тебе, ангел мой, видеть в его письмах и в моих открытых письмах — намеки. Это рождает только смущение, недоразумения между вами — оставь же эту связь чистой и святой — такой, какая она есть. Зачем хочешь ты мстить ему, когда ты недоволен мною? Это огорчает его, приводит в замешательство, бросает тень на тебя в его глазах, — а для чего, ангел мой, для чего!» (ЛН, т. 64, стр. 292).

...играть, как Гретхен в «*liebt mich, liebt mich nicht*»... — «Любит — не любит» (нем.); имеется в виду сцена «Сад» из «Фауста» Гёте (часть I).

...в одном из последних своих писем... — См. выше письмо 58.

Бамбергер ∞ советует только американские бумаги. — Это письмо

Л. Бамбергера неизвестно; Герцен принял совет Бамбергера, человека, очень сведущего в коммерческих делах.

Статья Фильмерайера меня интересует.— См. комментарий к письму 56.

...моего письма к тебе...— Имеется в виду открытое письмо «К Герцу Гервегу», напечатанное в составе книги «*Vom anderen Ufer*» (см. «Россия» — т. VI).

В результате показаний Б(акунина) уже арестовано два десятка человек.— Это сообщение реакционной баварской газеты «*Allgemeine Zeitung*» являлось силовым вымыслом. Попытка оклеветать видного русского революционера, томившегося в австрийских казематах, неоднократно предпринималась реакционной печатью Германии и Франции. Ср. комментарий к письму 55.

...действительно ли Фогт придет?— Герцен желал, чтобы Карл Фогт занимался естественными науками с его сыном Сашей, что вскоре стало возможным, так как Фогт в том же 1850 г. приехал в Ниццу.

...смерть сэра Р. Пилля.— Роберт Пиль умер 2 июля 1850 г.

...Джемс Земельный может теперь ее утешить — по крайней мере песочком.— Речь идет о Д. Фази (см. комментарий к письму 56).

60. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 244.

Р. С. к моему последнему письму от 15-го.— В предыдущем письме Герцен объявил Гервегу, что больше писать в Цюрих не будет; поэтому он в шутку называет это и следующие письма только приписками к письму от 15 июля.

Конечно, можно найти замечательного историка...— По-видимому, Гервег сообщил Герцену о желании Колачека привлечь для участия в журнале «*Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben*» кого-нибудь из видных русских историков. Намерение это осуществлено не было; см. комментарий к письму 85.

Посылаю тебе статью для Колачека...— Вероятно, «*Omnia mea mesum porto*» (см. комментарий к письму 43).

61. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ).— Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 244—245.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

Р. С. № 2 к последнему письму от 15 июля.— См. комментарий к предыдущему письму.

...тетрадь для Колачека...— См. комментарий к предыдущему письму.

...жду от тебя 2 письма за мое немного сердитое послание 10-го.— Речь идет, вероятно, о письме Герцена не от 10, а от 11 июля — см. письмо 57.

...и статья...— «*Omnia mea mesum porto*», впоследствии вошедшая, как и «Эпиллог 1849», в состав книги «С того берега» (см. т. VI).

...король саксонский, вюртембергский и пр. пр. не держит своего клятвенного обещания...— Герцен намекает на нарушение конституционных обязательств, взятых на себя королями Саксонии, Вюртемберга и других германских государств под давлением революционных событий 1848—1849 гг.

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 245—246.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

3-е прибавление к последнему письму.— См. комментарий к письму 60.

При этой Тераменовой речи, я хотел было сказать то, что позабыл сказать Тезей: «Молчите»...— Терамен, Тезей и Ипполит — герои трагедии Расина «Федра». — Здесь игра слов: «Thésée» («Тезей») и «taisez» («молчите») по-французски звучат одинаково.

...в самый день орлеанской кончины (ad instar герцога Орлеанского) Ипполита.— Ипполит, юный герой трагедии Расина «Федра», погиб, разбившись о скалы при появлении морского чудовища, перепугавшего лошадей. Об этом подробно рассказывает наперсник Ипполита Терамен в упомянутом выше монологе. Обстоятельства гибели Ипполита Герцен иронически сравнивает с гибелью 23 июля 1842 г. старшего сына Луи Филиппа (короля Орлеанской династии) — Фердинанда, герцога Шартрского, который упал из экипажа, запряженного лошадьми, внезапно понесшимися вскачь.

...к моей матери, к Средиземному морю...— Игра слов: по-французски «mère» («мать») и «mer» («море») звучит одинаково.

...«Медуза».— Корабль, затонувший 2 июля 1816 г. в 40 льё от западного берега Африки

...прекрасной восьмидесятилетней графини...— По-видимому, Герцен вышучивает здесь графиню д'Агу, в прошлом возлюбленную Гервега и Франца Лпста. Она была старше Гервега на двенадцать лет (в 1850 г. ей было 45 лет).

63. Г. ГЕРВЕГУ (приписка)

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 296. Приписка к письму Н. А. Герцен тому же адресату от 29—30 июля 1850 г., в котором она, подробно описывая жизнь обеих семей в Ницце, замечала между прочим: «Александр с Эммой привыкли беспрестанно *дружески* спорить, одна я молчу, оттого, что часто согласна с обоими спорящими, или не согласна с обоими соглашающимися <...> Дом наш готов и очень удовлетворителен, на днях мы переселяемся. У меня голова болит от споров и совещаний шумных Александра и Эммы — начесть хозяйства...» (ЛН, т. 64, стр. 296).

«Эпизод» можно просто послать Гофману и Кампе, которым он обещан.— Речь идет об «Эпизоде 1849», предназначенном для публикации во втором, несостоявшемся издании «Vom anderen Ufer».

64. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 247—251.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

...пока они отрастут, чтобы оттолкнуть от швейцарских берегов челн, который доставит тебя в Ниццу — Игра слов: «gerousser» по-французски означает «отрастать» и «отталкивать».

...жюльфаризировал — т. е. изощрялся в красноречии (от имени Жюль Фавра).

...как славянин и русский — чуть похитрее. — Каламбур: «russe» («русский») и «ruse» («хитрый») по-французски звучат сходно.

...он говорит о Хомякове как о великом поэте... — А. С. Хомякову в книге Кёнига (см. комментарий к письму 55) посвящена целая глава, в которой содержится высокая оценка его как поэта и мыслителя.

...я написал политический трактат вместо литературного. — «О развитии революционных идей в России» (см. т. VII и комментарий к письму 88).

Я получил «Peuple», статья Прудона холодна, остальное... — После прекращения 14 мая 1850 г. «Voix du Peuple» Прудон сделал попытку издавать новую газету «Le Peuple de 1850». Герценом был получен № 2 газеты от июля 1850 г. (в июне и июле 1850 «Le Peuple de 1850» издавалась один раз в месяц). В статье Прудона «Гражданам Жедрю-Роллену, Шарлю Делеклюзу, Мартену Бернару и их товарищам, редакторам „Proscrit“ в Лондоне» была подвергнута критике политическая программа этих деятелей революционной эмиграции. В том же номере газеты были помещены статьи К.-Ф. Шеве «Призыв к демократам-социалистам» и «Экономическое положение», статьи А. Даримона «Закон о дотациях» и «Законное сопротивление», статья А. Кретена «Мнение о г. Монталамбере», международные и внутренние обзоры и хроника.

Вопрос о Шлезвиг-Гольштейне — последнее испытание. — Провинция Шлезвиг-Гольштейн с 1773 г. входила в состав Дании. Используя немецкое национально-освободительное движение, возникшее в этой провинции в 1848 г., Пруссия начала войну с Данией, намереваясь захватить ее. Вмешательство России и Англии заставило Пруссию отступить, и до 1866 г. Шлезвиг-Гольштейн продолжала оставаться в составе Датского государства.

Пример Сазонова ∞ пример Огарева... — Как устанавливается этими строками, Гервег в своем письме к Герцену указал на беспорядочный образ жизни Н. И. Сазонова как на типичный якобы для русского человека. Герцен же напоминает Гервегу высоко гуманное поведение Огарева, отпущившего на волю с 1840 г. крепостных из доставшегося ему по наследству села Белоомут Рязанской губернии.

...первое письмо о России... — «О развитии революционных идей в России».

65. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 251—252.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

Предпоследнее прибавление к письму от 15-го. — См. комментарий к письму 60.

...Кессмана с его женой, мадам Кесс-фрау. — Каламбур: фамилия «Kessmann» означает буквально: «Кесс—мужчина»; отсюда «Kessfrau» — «Кесс—женщина» (нем.).

...в Шлезвиге! — Герцен, вероятно, имеет в виду разгром шлезвиг-гольштейнских вооруженных сил датскими войсками в битве при Штедте 24—25 июля 1850 г. (см. комментарий к предыдущему письму).

66. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: Carr, стр. 123.

Год написания определяется связью с последующими письмами.

...*repetitio est mater* — *скуки*. — Перефразировка известного латинского изречения: «*Repetitio est mater studiorum*» («Повторение — мать учения»).

...покойный архиепископ Робеспьер, после праздника... — Герцен прописками называет Робеспьера «архиепископом» в связи с введением им в 1794 г. деистического культа «верховного существа».

Спроси у Фази, сможет ли он одолеть меня гражданином... — Начиная с 1849 г. Джеймс Фази неоднократно обещал предоставить Герцену жене́вское гражданство, но все время оттягивал выполнение этого обещания. В 1851 г. Герцен, при содействии К. Фогта, получил гражданство в Фрибургском кантоне (см. письмо 83).

Как видишь, я не Робеспьер. — Робеспьер был прозван современниками «неподкупным».

67. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 255—257.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

...скажу, как виконт д'Арленкур: «Так угодно богу»... — Подразумевается вышедшая в Париже в 1848 г. роялистская брошюра д'Арленкура «*Dieu le veut*», в которой автор претендентом на престол предлагал графа Шамбора («Генриха V»).

...чтобы ты мог приехать сюда один — т. е. без Л. И. Гааг и М. К. Эрна, которые также жили в Цюрихе.

...Натали написала моей матери по желанию Эммы. — Письмо Н. А. Герцен, в котором она, по-видимому, просила Л. И. Гааг и М. К. Эрн несколько задержаться с приездом, неизвестно.

...*pantalon*... — Вид фортепиано («панталеон»).

68. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: Carr, стр. 123—124.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

Vieni, sposa da Libano. — См. комментарий к письму 23.

Я написал это перед вашим приездом в Женеву. — В письме от 4 июля 1849 г. (см. т. XXIII).

Письма из России... — Письма из России, полученные в это время Герценом, неизвестны.

... И не пьется водочка По этой причине. — Из песенки «Едет чиж на лодочке» («Чижик едет в лодочке»), которую, по словам И. Г. Головина, в это время любил напевать Герцен (см. «Записки Ивана Головина», Лейпциг, 1859, стр. 125); ср. также письмо от 9 января 1850 г. (т. XXIII).

69. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 258.

Год написания определяется связью с соседними письмами.

...за несколько дней до приезда? — Гервег приехал в Ниццу 22 августа 1850 г.

70. Д. МАЦЦИНИ

Печатается по тексту Л VI, 140—145, где опубликовано впервые, по автографу, хранившемуся в архиве семьи Герцена. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно. Русский перевод письма (неполный и в несколько отличной от французского текста редакции) был включен Герценом в состав «Былого и дум» (ПЗ на 1861 г., кн. VI, стр. 238—240 — ср. X, 154—155). При переводе письма, в тех случаях, когда это позволял французский текст, в настоящем издании учтен перевод самого Герцена. Письмо Д. Маццини, на которое отвечает Герцен, неизвестно.

...мнение относительно прокламаций, о которых вы говорите в своем письме.— В присланном Маццини в конце лета 1850 г. письме к Герцену содержалось предложение принять участие в Европейском центральном демократическом комитете. К письму прилагались документы этого Комитета — «Программа» (написанная Маццини) и несколько прокламаций—воззваний «к пародам Европы». О всех этих материалах Герцен писал в «Былом и дум» (X, 152—154). О Европейском центральном демократическом комитете, его составе, характере и целях см. также в комментариях к этой главе (X, 475—476).

...Рим 1849 года... — Речь идет о так называемом Римском триумvirате, в котором Маццини играл руководящую роль.

Эти люди — Бурбоны революции: они ничему не научились.— Талейран сказал после реставрации Бурбонов, возобновивших реакционную дворянско-клерикальную политику: «Они ничего не забыли и ничему не научились». Развернутую критику «Бурбонов революции», «неполных революционеров» — см. в статье Герцена «LVII год республики, единой и нераздельной» («С того берега» — VI, 49—61).

...обе мои брошюры... — Немецкие издания «С того берега» и «Писем из Франции и Италии», вышедшие в 1850 г. (см. комментарий к письму 1).

...большая статья о России... — «О развитии революционных идей в России» (см. комментарий к письму 88).

...теперешний министр... — Имеется в виду первый министр Австрии с ноября 1849 г.) кн. Варшавенберг.

...несколько человек, заподозренных в переписке со мною, были арестованы... — Герцен, вероятно, имел в виду арест в феврале 1850 г. А. Тучкова, Н. Огарева, Н. Сатина и И. Селиванова. Им были, однако, предъявлены совершенно иные обвинения (см. комментарий к письмам 3 и 84).

Об ответе Маццини (письмо не сохранилось) см.: X, 155—156 и 476.

71. А. Ф. ОРЛОВУ

Русский текст письма печатается по автографу (ЦГИАМ). Впервые опубликовано, с пезначительными разночтениями, самим Герценом в составе «Былого и дум» (ПЗ на 1858 г., кн. IV, стр. 238—239 — ср. X, 158—159). Текст черновой редакции письма на французском языке печатается впервые, по автографу (ЦГАЛИ). На русском письме помета рукой А. Ф. Орлова (карандашом): «Не прикажете ли поступить с сим дерзким преступником по всей строгости законов»; рукой Николая I (карандашом): «Разумеется»; рукой Л. В. Дубельта: «Собственною его величества рукою написано карандашом: „Разумеется“. Варшава. 3 октября 1850. Г.-л. Дубельт»; писарской рукой: «9 октября 1850 года, № 3802».

История посылки письма к тефу жапдармов с отказом: вернутся в Россию известна по «Былому и дум» (X, 156—159). Оно было написано вначале на французском языке. «Переписывая мое письмо,— вспоминает

Герцем, — мне пришло в голову, для чего же это я пишу Орлову по-французски. По-русски кантонист какой-нибудь в его канцелярии или в канцелярии III Отделения может его прочесть, его могут послать в сенат, и молодой обер-секретарь покажет его писцам; зачем же их лишать этого удовольствия? А потому я перевел письмо» (X, 158). Публикуемый французский черновик письма, очевидно, и есть упомянутый в «Былом и думах» первоначальный набросок обращения к Орлову. Окончательный русский текст письма не идентичен французскому: делая перевод, Герцен, по обыкновению, вводил в текст изменения.

14 октября (ст. ст.) 1850 г. шеф жандармов сообщил министру внутренних дел Л. А. Перовскому, что, ознакомившись с письмом Герцена, «в котором он, изъясняя опасения подвергнуться в России политическому процессу, выразил намерение свое остаться за границею», Николай I «высочайше повелеть соизволил — поступить с Герценом по всей строгости существующих законов». Одновременно А. Ф. Орлов извещал Перовского, что «надлежащее распоряжение» дано также «г. управляющему министерством юстиции». 3 ноября ст. стили правительствующий сенат утвердил указ министру внутренних дел «об исполнении высочайшего повеления». 18 декабря соответствующее решение было вынесено петербургским надворным уголовным судом. Утвердив это решение 1 сентября 1851 г., Государственный совет постановил: «за невозвращение из-за границы по вызову правительств» «подсудимого Герцена, лишив всех прав состояния, считать изгнанным навсегда из пределов государства <...> и имение, какое у него окажется, отдать законным по нем наследникам». 26 сентября 1851 г. это заключение государственного совета было утверждено Николаем I (документы по этому делу см.: Л VI, 147—148 и «Звенья», VIII, 1950, стр. 101—103).

72. РУССКОМУ КОНСУЛУ В НИЦЦЕ А. И. ГРИВУ

Печатается по автографу (ЦИАМ). Впервые опубликовано: Л VI, 148; отдельно русский перевод — «Современный мир», 1906, кн. X, стр. 60—61.

Об обстоятельствах написания письма см. «Былое и думы» — X, 156—159.

73. М. А. ПИНТО

Печатается по фотокопии с автографу (МВР). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 442—444.

Год написания определяется строками об отказе Герцена вернуться в Россию и связью с письмами 71, 72 и 74.

М. Пинто, состоявший ранее дипломатическим представителем римского революционного правительства при правительстве Пьемонта, имел широкие связи в Турине и был хорошо осведомлен в международно-правовых и политических вопросах. Этим и объясняется обращение Герцена к Пинто, с которым он познакомился еще в начале 1848 г. Вероятно, Пинто в своем ответном письме (оно неизвестно) рассеял надежды Герцена о возможности «обосноваться» в Пьемонте. Герцен вскоре начал хлопоты о натурализации в Швейцарии, а в начале июня 1851 г. сардинское правительство отдало приказ о его высылке из Пьемонта (см. письма 83 и 90).

74. М. А. ПИНТО

Печатается по фотокопии с автографа (МВР). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 444—445.

Письмо М. А. Пинто, на которое отвечает Герцен, неизвестно. См. комментарий к предыдущему письму.

75. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 302. Местонахождение автографа неизвестно.

...свежей дочери...— 20 ноября 1850 г. у Н. А. Герцен родилась дочь Ольга.

...мерились...— от франц. *mairie* (т. е. оформление брака в мэрии). В ноябре 1850 г. М. К. Эрн вышла замуж за А. Рейхеля. Она писала впоследствии в своих воспоминаниях: «В Париже я соединилась с Рейхелем гражданским браком, у меня не было всех нужных бумаг для венчания, и церковь отказала мне в нем» (Рейхель, стр. 70).

...тонкую, длинную— так, как в песне поется о конопле.— В «Песне о конопле» поется: «уродися, конопелька, тонка, долга, высокая» (А. С. Оболенин. Великорусские народные песни, т. III, 1897, стр. 363).

Что же Ротбург и Шомшильд...— Шутливой анаграммой, заключенной в рамку и снабженной изображением указующей руки, Герцен, вероятно, хотел напомнить М. К. Рейхель о каком-то своем поручении, данном ей перед ее отъездом из Ниццы и связанном с банкирской конторой Ротшильда; Шомбург — один из служащих этой конторы.

Что же письмо о Бакунине?— Смысл этого вопроса неясен. М. Бакунин был другом А. Рейхеля и писал ему из Кенигштейнской крепости (см. Рейхель, стр. 74).

76. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ед. 302). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 302—303.

Письмо было переслано М. К. Рейхель дочери Герцена Наталье Александровне 20 июня 1906 г. «Вот тебе, карейшая Тата,— писала она,— драгоценный листочек, оставь его теперь у себя и береги». На оборотной стороне письма Герцена рукой Натальи Александровны Герцен (жены) было написано несколько строк карандашом. Они почти стерлись: их не могла разобрать уже М. К. Рейхель. «Первые строки Мамы: „Лежу в постели от лома в ногах. За Тату mille, mille merci: она очень обрадована была адресом“. Дальше, как ни старалась через сильную лоуре, не могла разобрать»,— писала М. К. Рейхель (ЛН, т. 61, стр. 303; исправлено по автографу).

...мерильстве...— от франц. *mairie* — бракосочетание в мэрии.

...«Ему желаю быть основной тоникой ∞ *Fermata*».— Шутливое использование музыкальной терминологии: *accord parfait* — полнозвучный аккорд (одновременно — полное согласие); *fis* — диез (произносится одинаково с французским *fil* — сын); *dur* — мажорный лад; *fermata* — здесь равнозначно точке.

77. ГЕРВЕГАМ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 257.

Датируется временем дружеской переписки Герцена с Гервегами.

...написать письмо к г. Pragen...— Никаких сведений о личности Прагена (или Пражена) пайти не удалось. Остается неизвестным и письмо, с которым намерены были к нему обратиться.

78. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 37.

Комментируемый текст представляет собой, по-видимому, сопроводительную записку к какому-то другому письму. Определение точной даты и обстоятельств написания данной записки затруднительно. Вероятно, она имеет касательство к Л. И. Гааг, у которой Адельгейда Меассалер служила горничной.

1851

79. Э. ГЕРВЕГ

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 317. На обороте письма рукой Э. Гервег написано (по-французски): «Прибавить 45 франков, уплаченных за меня г-жой Гааг за уроки рисования Гораса в течение $1\frac{1}{2}$ месяцев, и 900 франков прибавить к счету господина Герцена за наше содержание в течение 6 месяцев».

Письмо написано в ближайшие дни после окончательного разрыва Герцена с Гервегами и их отъезда из его дома, происшедшего между 6 и 11 января 1851 г. (4 января — дата записки Н. А. Герцен к еще находившемуся в том же доме Г. Гервегу — см. ЛН, т. 64, стр. 300; 12 января — дата на почтовом штемпеле в ее же письме, отправленном из Ниццы в Геную, куда незадолго до этого уже прибыли Гервеги). Разговор Герцена с горничной Гервегов Жанеттой, следствием которого явилось комментируемое письмо, происходил «на другой день утром» после их отъезда (см. «Былое и думы» — X, 266).

Потребовав немедленного отъезда Гервегов, Герцен взял на себя обязательство оплатить их мелкие долги, препятствовавшие выезду из Ниццы. В своей записке Герцен приводит перечень произведенных им в связи с этим выплат. Горничная Жанетта призналась Герцену, что Эмма Гервег поручила ей закупить в лавках «разных разностей» и приписать дополнительные суммы к счетам, которые согласился оплатить Герцен. В оставленном ею списке вещей, которые Жанетта должна была закупить в кредит, было записано, как отмечает Герцен в «Былом и думам», «несколько кусков полотна, несколько дюжин носовых платков и целый запас детского белья» (X, 266).

80. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается впервые, по автографу (DAW). Одновременно публикуется: ЗС, 1961, № 4.

После вынужденного отъезда из дома Герцена и переезда в Геную (см. выше) Гервег не оставлял попыток объясниться с Герценом и воздей-

ствовать на Н. А. Герцен молениями о примирении, угрозами убийства и самоубийства. О драматической напряженности этих дней и получении от Гервега в это время по крайней мере двух писем см. «Былое и думы» — X, 267. Комментируемое письмо, вместе с которым Герцен отправил, не читая, обратно в Геную не дошедшее до нас письмо-«диссертацию» Гервега, является (со стороны Герцена) последним в их переписке, длившейся с 1848 г.

О реакции Гервега на получение этого письма, в котором он увидел новое оскорбление, видно из письма к нему Н. А. Герцен, относящегося к февралю 1851 г. «Я прочла, — писала она, — то, что Александр написал на *твоем* письме, возвращая *его тебе*, — там не было ни упреждения, ни оскорбления для тебя, — то был крик смертельно раненного, умоляющего не терзать более его рану, вот и все» (перевод с франц. — ЛН, т. 64, стр. 301). Об интенсивной переписке Н. А. Герцен с Гервегом, которая частично проходила через руки Герцена, а также о продолжавшейся и в это время системе «параллельных» писем, остававшихся ему неизвестными, см. — ЛН, т. 64, стр. 301 и след.

81. С. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

Печатается по фотокопии с автографа (СУ). Впервые опубликовано: НПГ, стр. 163—164.

82. Э. ГЕРВЕГ

Печатается по тексту Л VI, 153—154, где опубликовано впервые, по автографу, хранившемуся в архиве семьи Герцена. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Год написания определяется содержанием письма: разрыв Герцена с Гервегами и их отъезд в Геную (см. письмо 79).

Письмо Э. Гервег, на которое отвечает Герцен, неизвестно. О его содержании частично можно судить по следующему упоминанию в письме Н. А. Герцен к Г. Гервегу от февраля 1851 г.: «она <...> писала мне и писала Александру в своих *последних* письмах, что повинен во всем происшедшем только мой эгоизм, что я искусственно вызвала твою любовь...». Там же Н. А. Герцен, поясняя отношение свое и Герцена к Э. Гервег, оправдывает, в частности, резкий тон настоящего его письма (ЛН, т. 64, стр. 301—302). Через год, 11 февраля 1852 г., Э. Гервег обратилась к Герцену с новым письмом, в котором писала: «21 января минул год, как вы, милостивый государь, написали мне письмо, точную копию которого я прилагаю вместе с копией моего ответа. Я надеялась тогда, отсылая вам то и другое вместе, что вы будете достаточно человечны, чтобы обратить внимание на слово оправдания с моей стороны в ответ на столь тяжкие и столь несправедливые обвинения. Я ошиблась: вы сожгли мое письмо, не прочитав его» (Л XIV, 92—93).

...*Фогт удерживает в Геную.* — После вынужденного отъезда из дома Герцена Э. Гервег обратилась к К. Фогту, поселившемуся в Ницце с начала декабря 1850 г., с просьбой приехать к ним в Геную, рассчитывая, по-видимому, что при его посредничестве ей с мужем удастся восстановить прежние дружеские отношения с Герценом. Об этой поездке Фогта писала также Л. И. Гааг М. К. Рейхель, высказывая неудовольствие занятой в это время Фогтом позицией в деле с Гервегами (см. ЛН, т. 63, стр. 398—400, письма от 14, 15 января и 1 февраля).

...*во время наших парижских бесед.* — Герцен имеет в виду свое пребывание в Париже в конце 1849 — начале 1850 г., когда, приехав из Швейцарии, он поселился в доме Э. Гервег (см. также письмо Н. А. Герцен к Гервегу от февраля 1851 г. — ЛН, т. 64, стр. 301).

В своем последнем письме вы вздумали, например, поиздеваться над моим положением, заявив, что оно такое же, как ваше. — Об этом ср. упоминание Герцена в «Былом и думах» (X, 262—263).

Вы, сударыня, посвящены были в тайну... — Об этом разговоре Г. Гервега с женой, состоявшемся в марте 1850 г. в Цюрихе, см. ЛН, т. 64, стр. 279.

83. Д. ФАЗИ

Печатается впервые, по фотокопии с автографа (BG). Отрывки ранее опубликованы в книге: F. Venturi. *Esuli russi in Piemonte dopo il '48*. G. Einaudi Editore, Torino, 1959, p. 60.

Письмо Герцена к президенту Женевского кантона Д. Фази связано с его хлопотами о получении швейцарского гражданства. Незадолго перед тем Герцен отказался выполнить объявленную ему императорским консулом в Ницце «высочайшую волю» о немедленном возвращении в Россию, что фактически означало переход его на положение политического эмигранта (см. письма 71 и 72). О возникшей в связи с этим переписке между Герценом и Фази многократно упоминает Л. И. Гаг в своих письмах к М. К. Рейхель в феврале 1851 г. (см. ЛН, т. 63, стр. 400—401).

Ответные письма Фази неизвестны, однако ясно, что они не удовлетворяли Герцена, который ввиду нерешительности Фази стал хлопотать о получении паспорта в другом кантоне Швейцарии: «Карл Фогт предложил мне списаться о моей натурализации с Ю. Шаллером, который был тогда президентом Фрибургского кантона и главою тамошней радикальной партии», — вспоминал Герцен в «Былом и думах», X, 164. См. также письма Л. И. Гага от 23 февраля и 29 марта 1851 г. — ЛН, т. 63, стр. 401—405. Оценку Герценом деятельности Фази см. в «Былом и думах» (X, 97—108) и в «Скупи ради» (XX, 481—484).

Актами от 29 марта и 16 апреля 1851 г. Герцен с семьей был принят в число граждан общины Шатель (близ Мора). 6 мая Большой совет Фрибургского кантона удовлетворил просьбу Герцена о натурализации, а 16 июня 1851 г., после выполнения всех формальностей и получения денежных взносов, официально утвердил акт натурализации (ср. «Былое и думы» — X, стр. 175, 178—182; тексты документов см. Л XIV, 21—25; подлинники — в ЦГАЛИ).

84. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ

Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: с сокращениями — РМ, 1902, № 11, стр. 157—159; полностью — Л VI, 155—157. В автографе замечание Герцена: «оставить вторые векселя у себя» вписано между строк над словами: «доставку, вексель может быть», без точного обозначения места в тексте, к которому оно относится.

Обращаясь к московским друзьям, Герцен имел в виду Т. Н. Грановского, Е. Ф. Корша, Н. Х. Кетчера и В. П. Боткина. С Н. П. Огаревым Герцен вел в эти годы переписку особо от московских друзей вследствие расхождений между ними, о которых говорится и в комментируемом письме.

Письмо, возможно, было передано Герценом через отправлявшегося в Москву Н. П. Боткина; с его посещением Герцена в Ницце, по всей видимости, связаны строки Герцена в настоящем письме: «Наконец, случай писать к вам <...> Проезд нашего приятеля оживил меня».

Я писал к вам в августе ∞ исполнено горечи или, лучше, сердечной боли. — О содержании этого несохранившегося письма Герцена к московским друзьям от августа 1850 г. частично позволяют судить строки из

письма Герцена к Д. Мадзини от 13 сентября 1850 г., т. е. примерно того же времени (см. письмо 70).

...дружеский кружок, он распался. Тон, с которым вы пишете об «гнусной истории» ∞ воамутителен... — Грановский, Кетчер и другие члены московского кружка, начиная с 1849 г., высказывали недовольство Огаревым, упрекали его в «душевной праздности», «каком-то нравственном и умственным *affaïement*, усталости, упадке», в «ряде падений» и т. д.; с неприязнью они отнеслись также к его союзу с Н. А. Тучковой, которую считали виновной в «разорении» Огарева (при фиктивной продаже его имени), «насильственном браке» П. М. Сатина с Е. А. Тучковой, аресте в феврале 1850 г. Огарева, Сатина, А. А. Тучкова (см. «Научное слово», 1903, № 9, стр. 53—55; Грановский, стр. 449—450, «Звенья», I, 1932, стр. 153—154 и VI, 1936, стр. 361—363; ЛН, т. 62, стр. 96—97).

...не прибавляете в доказательство ничего, кроме слов дурака Закревского. — Московский военный губернатор граф А. А. Закревский в феврале 1850 г. по предписанию Николая I и шефа жандармов А. Ф. Орлова арестовал в Москве Н. М. Сатина и И. В. Селиванова; тогда же были арестованы Огарев и Тучков. Все они, подозревавшиеся ранее в принадлежности к «секте коммунистов», обвинялись «во вредном политическом и противорелигиозном образе мыслей и в безнравственных поступках». Материалы об этом дознании см. Л VI, 158—180; а также Черняк, стр. 135—172, 398—488.

...Вербендовского и Перхуновского. — Персонажи, упомянутые в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя среди множества других лиц, присутствовавших на губернаторском балу (том I, гл. 8; у Гоголя — Вербендовский).

Если б вы могли передать *Nat <alie>* и ему... — Герцен подразумевает Н. А. Тучкову и Н. П. Огарева.

...не мешало бы напомнить ему и Михайловичу ∞ проу<енты> *заплоч<ены>* до о с е н и 1 8 4 9. — Речь идет о долге Герцену Н. Ф. Павлова (вместе с его тестем К. И. Янишем) и Н. М. Сатина, которые в 1849 г. безденежно купили акшенское имение Огарева, опасавшегося тогда конфискации правительством своего имущества. По духовному завещанию, составленному 24 июня 1849 г. и скрепленного подписью в числе других лиц Грановского, Сатин взял на себя обязательство: помимо выплаты в течение десяти лет части суммы самому Огареву (45 000 р.) также уплатить Герцену долг Огарева (15 000 р.) — см. «Русские прощлеи», т. 4, М., 1917, стр. 93—94; Черняк, стр. 132; ЛН, т. 63, стр. 713—715.

...толкуют о том, чтоб насилловать, а у самих *impuissance*... — Опыт поражения революций 1848—1849 гг. в Италии, Франции, Германии, убедивший Герцена в кризисе буржуазной революционности, позволял ему горько пронизировать над «донкихотами революции», продолжавшими «пустую агитацию», не поддержанную движением народных масс. По этим причинам Герцен отказался от пригласения участвовать в созданном Д. Мадзини летом 1850 г. Европейском центральном демократическом комитете. В письме тринадцатом «Писем из Франции и Италии», датированном 1 июля 1851 г., Герцен заявлял: «С Июньских дней народ расстается с революционерами именно потому, что остается верен революции» (V, 204—206; см. также «Былое и думы», X, 151—156 и письмо 70).

...еду около конца нынешнего месяца в Барселону... — Поездка Герцена в Испанию не состоялась. Л. И. Гаг писала 1 февраля 1851 г. М. К. Рейхель: «Поездка в Испанию откладывается, потому что нельзя уезжать, пока Александр не получит где-нибудь гражданства. Затем нужно будет еще составить завещание» (ЛН, т. 63, стр. 400; см. там же в ее письмо от 12 февраля: «Я думаю, из поездки в Испанию ничего не выйдет...»).

...по литоралю — по побережью (от франц. littoral).

...маросейскому андалуцу. — Ироническое замечание касается

В. П. Боткина, жившего в Москве на Маросейке, автора известных «Писем об Испании» («Современник», 1847—1849); ср. строки о Боткине в «Былом и думах» — IX, 114.

...в Саранск — т. е. Огареву, который жил в это время в имении А. А. Тучкова в селе Яхонтоне Саранского уезда Пензенской губернии.

«Ах, где эти острова...» — Из песни К. Ф. Рылеева «Ах, где те острова».

85. А. КОЛАЧЕКУ

Печатается впервые, по автографу (DAW). Одновременно публикуется: ZS, 1961, № 4.

Письмо посвящено вопросам публикации произведений Герцена на страницах издававшегося в Бремене А. Колачеком журнала «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben», в котором ранее были помещены несколько статей из книги «С того берега». Письмо содержит также существенный для характеристики идейной позиции Герцена полемический ответ критику Р. Зольгеру по поводу книги «С того берега».

В отношениях Герцена к Колачеку неблагоприятную роль сыграли события семейной драмы Герцена и его конфликт с Гервегом, который являлся близким другом Колачека (см. письма 157, 202, 204). Позднее Колачек выступил с неприязненным отзывом о Герцене в связи с выходом второго французского издания книги «О развитии революционных идей в России» (см. об этом в «Былом и думах», XI, 160).

О степени доверия Герцена к Колачеку в период, к которому относится публикуемое письмо, свидетельствует чрезвычайно интересное упоминание в одном из неизданных писем Гервега к Колачеку конца 1850 г. о планах возможной эмиграции из России двух «русских историков». Сообщая Колачеку о поисках русских сотрудников для журнала «Deutsche Monatsschrift» Гервег писал ему по поручению Герцена 28 октября 1850 г.: «Для русской истории у меня также имеется сотрудник. Но переговоры могут еще затянуться. Это самый основательный историк России, который ни в коем случае не мог бы пойти на это, не эмигрировав. Вместе с ним хочет эмигрировать другой очень известный профессор истории в русском университете...». На это письмо Колачек ответил Гервегу 6 ноября 1850 г. Возможно, под одним из упомянутых в письме Гервега лиц подразумевался Т. Н. Грановский. Однако речь могла идти также о К. Д. Кавелине и С. М. Соловьеве, имена которых Герцен сообщил Гервегу ранее в письме 60. (Письма Гервега к Колачеку хранятся в литературном архиве Немецкой академии наук в Берлине; ответные письма Колачека — в архиве Гервега в Liestal, Швейцария).

...предпоследняя часть моей статьи о России... — Имеется в виду глава «Московский панславизм и русский европеизм» из работы Герцена «О развитии революционных идей в России», напечатанная в журнале «Deutsche Monatsschrift», 1851 г., № 3/II, стр. 430—477.

...через неделю пришлю вам заключение. — Глава «Эпилог» была напечатана там же, № 5/I, стр. 221—225.

Что до брошюры — поступайте так, как сочтете нужным... — Как следует из неопубликованной переписки между Г. Гервегом и Колачеком, Герцен в конце октября 1850 г. обратился через Гервега к Колачеку с предложением издать в немецком переводе свою работу «О развитии революционных идей в России» в виде отдельной брошюры после ее напечатания в «Deutsche Monatsschrift». Однако эти планы не были осуществлены, и брошюра тогда не была издана. Лишь в 1854 г. она вышла в свет в новом немецком переводе в издательстве Гофмана и Кампе в Гамбурге (см. VII, 413).

...есть очень серьезная ошибка: вместе *Beschränkung* — следует читать *Unbeschränktheit* — надо бы исправить это в следующем выпуске. — В работе «О развитии революционных идей в России» (гл. «Россия до Петра I») Герцен замечал, говоря о древней Руси, что тогда княжеская власть еще не была «той неограниченной властью, какой она стала в Москве» (VII, 155). Ошибочный перевод этого места в журнале «*Deutsche Monatschrift*», 1851, № 1, стр. 17—18), на который указывает Герцен, придавал утверждению обратный смысл: «княжеская власть не была ограниченной, какой она стала в Москве». Эта публикация содержит многочисленные ошибки в переводе и грубые опечатки, которые проникли в текст по вине переводчика и редакции журнала.

...талантливую статью, где меня громят с таким остроумием, что я пришел в полный восторг. — Герцен имеет в виду статью Р. Зольгера «*Das Untergangstum*» («Упадок»), которая была опубликована анонимно в «*Deutsche Monatschrift*» (1850, № 12, стр. 325—331) и содержала упреки Герцену в недооценке буржуазной демократии, в скептицизме и индивидуализме. Позднее в предисловии к русскому изданию книги «С того берега» (1855) Герцен назвал Зольгера своим самым остроумным противником (VI, 9 и 495).

...в моих «увещениях»... — Статья Герцена «*Omnia mea mecum porto*», включенная затем в состав книги «С того берега» (см. т. VI), первоначально была напечатана (в переводе Э. Гервер) в «*Deutsche Monatschrift*» (1850, № 8, стр. 224—243) с подзаголовком: «*Eine freundschaftliche Admonition*» («Дружеское увещание»).

...я попрошу у вас разрешения ответить ему позже. — Своего намерения ответить на статью Р. Зольгера на страницах «*Deutsche Monatschrift*» Герцен не осуществил (см. также письмо 89).

Поклонитесь от меня г-ну Лёве... — С последним президентом немецкого Национального собрания В. Лёве-Кальбе Герцен познакомился во время пребывания в Женеве осенью 1849 г. (см. письмо Герцена к Э. Гервер от 7 ноября 1849 г. — т. XXIII).

Я поеду на два—три месяца в Испанию... — О планах неосуществленного путешествия в Испанию см. также в письмах 84, 88, 89.

Если нельзя поставить посвящение Бакунину... — Желание Герцена посвятить М. Бакунину книгу «О развитии революционных идей в России» было передано по его поручению Гервером в его неопубликованном письме к Колачеку от 1 декабря 1850 г., однако в публикации «*Deutsche Monatschrift*» это посвящение напечатано не было. Оно появилось впервые во французском издании 1851 г.: «*A notre ami Michel Bakounine*» («Нашему другу Михаилу Бакунину») — см. VII, 7 и 135.

86. К. КАППУ

Печатается по тексту: Л VI, 693, где опубликовано впервые, по автографу, «полученному от Круга имени А. И. Герцена». Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

...я издаю сочинение о России под заглавием «*Du développement des idées révolutionnaires en Russie*». — См. комментарий к письму 88.

...я получил письмо из Нью-Йорка. — Это письмо Ф. Каппа к Герцену неизвестно.

87. С. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

Печатается по фотокопии с автографа (СУ). Впервые опубликовано: ННГ, стр. 164—166.

Печатается впервые, по автографу (DAW). Одновременно публикуется: ZS, 1961, № 4. На конверте имеются почтовые штемпели: «Ницца. 30 марта 51» и «Цюрих, 5 апреля 51». Фамилия Колачека в письмах Герцена встречается в различных написаниях (Kolaczeczek, Kollatschek и др.), которые в наст. издании унифицируются: Kolatchek.

Письмо А. Колачека, на которое отвечает Герцен и которое являлось ответом на письмо Герцена от 12 февраля 1851 г., неизвестно.

...напечатать мою рукопись (написанную по-французски) здесь, в Пьемонте...— Речь идет о первом отдельном французском издании работы Герцена «О развитии революционных идей в России», напечатанной в Ницце и выпущенной в свет в первой половине июня парижским книгоиздателем А. Франком (см. VII, 412—413). Упомянутые Герценом «русские», торопившие его с изданием, — это, несомненно, жившие тогда в Ницце В. А. Энгельсон и И. Г. Головин. Последний утверждал впоследствии, что он в феврале-марте 1851 г. принимал даже участие в переписке текста (см. Iwan G o l o w i n. Der russische Nihilismus. Meine Beziehungen zu Herzen und zu Bakunin. Leipzig, 1880, стр. 66—67). Видимо, имея в виду именно это издание работы Герцена, Л. И. Гааг упоминала в письме к М. К. Рейхель 17 марта 1851 г.: «Книга привлекла большое внимание» (ЛН, т. 63, стр. 404). Как следует из письма 89, книга была отпечатана к 15 апреля, и к концу апреля Герцен намеревался отправить ее экземпляр Колачеку. Из комментируемого письма выясняется тираж изданной книги — 500 экземпляров. Об этом издании см. также в письме 99.

Не сердитесь на меня за нападки на корректора...— См. об этом письмо 85.

... с каким ужасом я прочел ∞ Кольцов, был zu Tode g e r i d e t.— Герцен имеет в виду ошибку, допущенную при переводе работы «О развитии революционных идей в России» в журнале «Deutsche Monatsschrift», 1851, № 2/II, стр. 284; вместо ошибочно переведенного текста должно было следовать: zu Tode gequält (замучен до смерти) (ср. VII, 208).

Не могу сказать, скоро ли я пришлю свой ответ.— О намерении Герцена ответить на статью Р. Зольгера по поводу книги «С того берега» см. письмо 85.

...«Грибуля» Ж. Санд — как хорошо она поняла преданность, о которой я говорю.— Герцен противопоставлял «Грибуля» Ж. Санд тем нравоучительным повестям, пошлая мораль которых «состоит в развитии эгоистической, своекорыстной любви к добру, в внешних наградах за исполнение долга». О самом Грибуле Герцен замечал: «это натура наивная, бескорыстная, преданная, любящая и оттого постоянно гонимая» (XII, 356—357); «Грибуль гибнет в огне и никто его не спасает для того, чтоб ему дать медаль „за преданность“» (XII, 280). См. также Приложение, № 5.

Статья ∞ (по поводу Бухнера)...— Какую статью К. Бухнера имеет в виду Герцен, не установлено.

... мои испанские планы, кажется, ограничатся Альпами.— Тревога Герцена за будущее, угроза высылки из Пьемонта и необходимость получить где-либо новое гражданство — заставлявшие его в это время строить различные проекты переезда в Испанию, Англию, Южную Америку, паконец, Швейцарию — нашли отражение в письмах Л. И. Гааг к М. К. Рейхель за январь—июнь 1851 г. (см. ЛН, т. 63, стр. 399—407).

Моя мать и бывшая мадемуазель Эрн ∞ вам кланяются. — Л. И. Гааг и М. К. Эрн познакомились через Г. Гервега с Колачеком в

Цюрихе летом 1850 г.; в августе того же года они прибыли в Ниццу, откуда в ноябре 1850 г. М. К. Эри уехала в Париж вместе с А. Рейхелем, за которого вышла замуж (см. письма 75 и 76).

89. А. КОЛАЧЕКУ

Печатается по автографу (DS). Впервые опубликовано: ZS, 1957, № 3, стр. 383—384; русский перевод — «Каторга и ссылка», 1926, № 6, стр. 116—119. На обороте имеется почтовый штамп: «Цюрих. 21 апреля 51. Утро» (на штампе ниццкой почты поддается прочтению лишь год: «51»). Оригинал в настоящее время находится в Западногерманской библиотеке г. Марбурга (ФРГ).

...издатель для моей книжки (немецкой)...—О предполагавшемся отдельном немецком издании книги «О развитии революционных идей в России» см. письмо 85.

...по французскому тексту, который я вам пришло дней через десять.—Говоря о «французском тексте», «французском издании» и «французской брошюре», Герцен имеет в виду первое отдельное издание книги «О развитии революционных идей в России» — см. письмо 88.

Три первые части кишат ошибками.—Герцен имеет в виду публикацию текста «О развитии революционных идей в России» в журнале «Deutsche Monatsschrift» за 1851 г., т. I («первая часть» — в № 1/I; «вторая часть» — в № 1/II и № 2/I; «третья часть» — в № 2/II). Об искажениях в тексте этой публикации см. письма 85 и 88.

...я добавил в эпилоге несколько страниц («Русский социализм и эмиграция»)....—Добавленный во французском издании книги текст о «русском социализме» был Герценом сохранен и в последующих изданиях (см. VII, 249—253: «Важнейшим вопросом ∞ в сердце нации, в Москве»); другой же отрывок — страницы о русской революционной эмиграции, введенный только в текст французского издания 1851 г. (см. VII, 404—406: «Прежде чем закончить ∞ веру в свое будущее»), в последующих изданиях был им исключен.]

Если Шультгес ∞ захочет получить десятка два...—Цюрихский издатель и книготорговец Ф. Шультгес был близок с Колачеком и поддерживал также отношения с Герценом; в 1850 г. от содействовал Герцену в получении залога, внесенного за обучение Коли и незаконно задержанного полицейскими властями Цюриха (см. «Былое и думы» — X, 162—163); видимо, именно в его типографии (по словам Герцена, в «лучшей цюрихской типографии» — X, 161) было напечатано осенью 1849 г. первое немецкое издание книги «С того берега».

...я получил два больших счета от Шультгеса и один от Волера за «Deutsche Monatsschrift».—В письме 85 Герцен просил Колачека послать в Ниццу по два экземпляра каждого номера журнала со своей статьей и еще восемь экземпляров «через какого-нибудь книгопродавца».

Вчера я прочел перевод Вольфсона, Франк прислал мне его, перевод хорош.—Имеется в виду немецкое издание романа «Кто виноват?», включенного в т. 77 «Избранной библиотеки иностранных классиков» Брокгауза: Rußlands Novellendichter. Übertragen und mit biographisch-kritischen Einleitungen von Wilhelm Wolfsohn. III Teil. Alexander Herzen. «Wer hat schuld?». Leipzig, 1851. Экземпляр этого издания был прислан матери Герцена Н. А. Мельгуновым из Флоренции, о чем она сообщала М. К. Рейхель 17 мая 1851 г. (см. ЛН, т. 63, стр. 404; письмо ошибочно датировано мартом).

...Головин просит узнать у вас, нельзя ли найти ∞ издателя для немецкой брошюры «Umriß einer Volksphilosophie»....—Брошюра И. Г. Головина под этим названием («Очерк народной философии») в печати неизвестна.

90. Н. А. ГЕРЦЕН

Печатается по фотокопии с автографа (*ИСГ*). Впервые опубликовано: *Л* VI, 182—183. Слова: «Папа кланяется», написанные в автографе крупными буквами, адресованы Тате.

Решение Большого совета Фрибурского кантона от 6 мая 1851 г. о предоставлении Герцену и его семье швейцарского гражданства (см. стр. 440) требовало от него скорейшего посещения Фрибура. Решив 1 июня выехать из Ниццы, Герцен, однако, в день предполагаемого отъезда получил переданное ему начальником ниццкой полиции предписание министра внутренних дел о выезде в течение 48 часов за пределы Сардинского королевства. Сам Герцен допускал причастность к этому русского консула в Ницце, а также нескольких влиятельных лиц из русских официальных кругов, в том числе министра юстиции графа В. П. Панина. Поводом к высылке послужили имевшие место за несколько дней до этого уличные волнения, возникшие в связи с обсуждавшимся в парламенте законопроектом об уничижении прав Ниццы на порто-франко, к чему Герцен не имел никакого отношения (см. «Былое и думы» — X, 175—177, а также «Звенья», VIII, 1950, стр. 40). Как следует из письма Л. И. Гааг к М. К. Рейхель от 31 мая—1 июня 1851 г., одной из действительных причин высылки Герцена из Ниццы явилось издание его книги «О развитии революционных идей в России». «Александра высылают из-за книг,— писала она М. К. Рейхель,— которые были здесь напечатаны. <...> Он не поедет в Швейцарию, а прямо в Париж. Ты очень скоро его увидишь» (*ЛН*, т. 63, стр. 407). Перед этим в ответ на свой запрос министру внутренних дел Франции Герцен получил разрешение приехать в Париж «на самое короткое время» (см. «Былое и думы» — XI, 484). Разъяснив дело депутату оппозиции в парламенте Пьемонта Л. Валерно, Герцен выехал в Париж (вероятно, 3 июня 1851 г.) вместе с В. А. Энгельсоном.

...из *нессеэра* — из необходимого (франц. *necessaire*).

Поехал с несчастною Олю с видом грудной вдовы. — К Оле, родившейся 20 ноября 1850 г., которую сама Н. А. Герцен, вследствие своего болезненного состояния, кормить грудью не могла, была взята кормилица (см. письмо 94).

91. Н. А. ГЕРЦЕН

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *ГМ*, 1913, № 7, стр. 197—198 (слова Герцена: «да, оно существует, до свидания» М. Гершензон ошибочно считал написанными «рукою неизвестного нам спутника Герцена»).

Год написания определяется содержанием письма: оно написано совместно с В. А. Энгельсоном, который сопровождал Герцена в его поездке из Ниццы в Париж в июне 1851 г. Письмо писалось на борту парохода, на пути между Авиньоном и Лионом. Приписка Тате сделана другими чернилами, видимо, уже в Лионе (ср. упоминание Герцена о поездке как совершившемся факте: «корабль, на котором я ехал»).

92. Н. А. ГЕРЦЕН

Печатается по фотокопии с автографа (*ИСГ*). Впервые опубликовано: *Л* VI, 184—185 (с ошибочной датой: «6 июня 1851»).

Дата уточняется по времени и маршруту следования Герцена в Париж: 6 июня он вместе с В. А. Энгельсоном находился еще на пароходе на пути в Лион (см. письмо 91), куда прибыл в тот же день. Однако, как видно из письма, оно написано не в день приезда, так как накануне путешеств-

венники были там же («вчера к вечеру<...> я его <...> уложил в десять спать, теперь он встал...»). Следовательно, письмо написано утром следующего дня, 7 июня, в день отъезда в Париж, что подтверждается также письмом Герцена жене из Парижа от 9 июня (см. письмо 93).

...арестантом, о котором я писал с лодки...— См. письмо 91.

...tout est compensé dans le meilleur des mondes possibles...— Соединение поговорки Папюлога в «Кандиде» Вольтера с тезисом Азаиса, изложенным в его книге «Об уравновешении в судьбах людей».

...реле...— почтовая станция, чергон (от франц. relais).

...тошно, как Шпоньке при виде жиру индеек своей тетюшки.— Понимается герой повести Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетюшка», в которой, однако, точного соответствия шутивому упоминанию Герцена не содержится.

...тракаси — неприятности (от франц. tracasserie).

...mein Herz gleicht ganz...— Из стихотворения Гейне «Du schönes Fischer-mädchen», цикл «Die Heimkehr» («Родина»). Полный стих: «Mein Herz gleicht ganz dem Meere» («Мое сердце подобно морю»).

...Христос был три дни в аду...— Об этом трактуется во второй части апокрифического «Евангелия Никодима».

Пишите лучше на адрес Мар<ьи> Каспар<овны>.— По воспоминаниям М. К. Рейхель, незадолго перед тем она с мужем «переехала в соседство Champs Elysées, в Avenue d'Antin <...> В этой квартире посетил нас Герцен к большой нашей радости» (Рейхель, стр. 71).

93. Н. А. ГЕРЦЕН

Печатается по фотокопии с автографа (HSG). Впервые опубликовано: Л VI 186—188.

Год написания определяется содержанием письма (приезд в Париж из Ниццы вместе с В. А. Энгельсоном в июне 1851 г.) и связью его материала с письмами 91, 92, 94.

...с удивлением и хохотом писал из Перми, что хозяйка предлагала мне корову...— Об этом Герцен писал своей будущей жене 29 апреля 1835 г., на следующий день после прибытия на место ссылки (см. ХХI, 40).

Получил твою записку ∞ она меня много утешила...— В своем письме (без даты) Н. А. Герцен писала: «Если тебе нельзя сюда, пиши скорее, не приехать ли мне к тебе<...> Друг мой, успокойся, умоляю<...> Скажи, что я могу сделать для тебя?» (Л VI, 188; сверено с подлинником, хранящимся в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 3, ед. хр. 176).

...Оленькин дагерротип ∞ он как-то на меня действует как salmant.— Видимо, имеется в виду дагерротип Н. А. Герцен с Ольгой на руках (фото воспроизведено в ЛН, т. 39-40, стр. 141).

...«Meine Ruh ist hin»...— Из «Фауста» Гёте, ч. I, сцена «Комната Гретхен» (цитата дается в переводе Б. Пастернака):

Что случилось со мною,
Я словно в чаду.
Минуты покоя
Себе не найду.

...bal Mabille воле.— Известный в Париже в 1840—1875 гг. (авеню Montaigne) зал для публичных балов. Ср. письмо 97.

...наша Офелия...— А. Х. Энгельсон.

...лицо Мар<ьи> Касп<аровны> изменившимся от ее положения.— О рождении у М. К. Рейхель сына Александра см. комментарий к письму 124.

...а если есть о Гаврил<овиче>...— Имеется в виду И. Г. Головин. Получено ли наше письмо из Лиона? — Герцен имеет в виду два письма, отправленных в Ниццу из Лиона одновременно: от 6 июня (писанное вместе с В. А. Энгельсоном на борту корабля) и от 7 июня (см. письма 91 и 92).

94. Н. А. ГЕРЦЕН

Печатается по фотокопии с автографа (IISG). Впервые опубликовано: Л VI, 189—190.

.. мои бумаги из Фрибурга...— Акт натурализации Герцена в Швейцарии был утвержден Большим советом Фрибургского кантона 16 июня 1851 г. (см. также комментарий к письму 83).

... хотелось бы хоть на смех Панину возвратиться в Ниццу.— См. комментарий к письму 90.

Спроси Фока...— Имеется в виду Карл Фогт.

Ну что ваш рок...— Имеется в виду повар Герценов в Ницце П. Рокка, фамилия которого, возможно, дана здесь в каламбурном осмыслении. Вспомнившая позже о преданности Рокка и его жены Герцену, Тата писала Н. П. Огареву 21 января 1896 г.: «Рокка Папашу обожал и всегда говорил, что подобного человека невозможно найти на свете» (ЛН, т. 63, стр. 468).

«Harum, bitschkarum, bim, bum, bam...» — Набор слов из шуточной немецкой студенческой песни.

95. САШЕ ГЕРЦЕНУ

Печатается по тексту Л VI, 191—192, где опубликовано впервые, по автографу, хранившемуся в архиве семьи Герцена. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Письмо датируется по упоминанию о суде над Шарлем Гюго, которого «вчера судили» (см. ниже). О концерте Альбони, состоявшемся также «вчера», Герцен сообщал 11 июня: «Сегодня хотим слушать Альбони».

...на той скамье, на которой сидели Беранже и Шатобриан...— Герцен приводит отрывок из речи В. Гюго, произнесенной им 11 июня 1851 г. на процессе его сына Шарля Гюго, который был привлечен к суду за выступление против смертной казни. В своей речи Гюго назвал имена Беранже и Ламенне (а не Шатобриана). Судебные процессы Беранже, дважды (в 1821 и 1828 гг.) заключавшегося в тюрьму за антимонархическую и антицерковную направленность своих песен, превращались неизменно в его торжество над судьями. Ламенне был в 1840 г. приговорен к тюремному заключению за памфлеты, в которых резко критиковал режим Июльской монархии. Шатобриан в 1832 г. привлекался к суду за легитимистические выступления, но был оправдан; ранее подвергался заключению за поддержку герцогини Беррийской.

Вспомни маленького Гривуля...— См. комментарий к письму 89.

96. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VI, 420—421 (с неуточненной редакторской датой: «Июнь 1851»).

Письмо написано во время пребывания Герцена в Париже в июне 1851 г.: строки о посещении Герценом доктора Пальмье, у которого он

«вчера обедал», позволяют уточнить и число — 12 июня. Об этом обеде см. также письмо 95.

Сейчас была Элиза...— Бывшая горничная Герценов, которая ухаживала за Татой во время ее болезни в декабре 1848 г. (ср. «Былое и думы» — X, 235, а также письмо Н. А. Герцен к Н. А. Тучковой, отосланное 21 декабря 1848 г., — «Русские пропилеи», т. I, 1915, стр. 256).

97. Н. А. ГЕРЦЕН

Печатается по фотокопии с автографа (IISG). Впервые опубликовано: Л VI, 192—195.

В автографе первоначально вместо: *говорю просто о том, что они не рассеиваются* — было: *говорю просто о рассеянии* (стр. 179, строка 13); вместо: *редакцию «Progresso»* — было: *редакцию «Del Risorgimento»* (стр. 180, строка 29).

Год написания определяется содержанием письма: хлопоты о натурализации в Швейцарии, разрыв с Гервегом, высылка из Ниццы (об «интерпелляции Valerio» см. письмо 90).

...мои бумаги окончены будут к 15...— См. письмо 104.

...Каина de la bessoniere.— «La Bessoniere» («Гнездо близнецов») — название хутора в повести Ж. Санд «La petite Fadette», где жили близнецы Сильвине и Ландри. Именами героев этой повести называли друг друга Г. Гервег, Герцен и Н. А. Герцен в своей переписке 1849—1850 гг.

...мерзавка эта в Piemonte...— См. комментарий к письму 198.

...dahin, dahin — «туда, туда» (нем.) — строка из стихотворения Гёте «Mignon» («Kennst du das Land»), включенного также в роман «Годы учения Вильгельма Мейстера» (кн. III, гл. I).

Татьяне Алексеев тотчас по получении письма отослал 350 фр...— Т. А. Астракова, сообщая Н. А. Герцен в неопубликованном письме от 22 (10) мая 1851 г. о своих денежных затруднениях, писала ей: «Так вот что, друг, если ты можешь еще подать мне руку помощи, то протяни ее через Марию Каспаровну» — она уже пересылала мне деньги на память матери, следовательно она знает как это сделать» (ЛБ, ф. 69, IX, 14). Получив это письмо в Ницце 9 июня в отсутствие Герцена, Н. А. Герцен в тот же день отвечала Астраковой, намеками объяснив причину вынужденного отъезда Герцена: «Спешу, друг мой, скорей послать письмо в Париж, куда поехал и Александр», потому что доктора эдешние сказали ему, что он не может по своему полнокровию более здесь оставаться, а парижские доктора позволили ему на некоторое время воротиться туда, только, я думаю, и там ему не поздоровится опять, а надо будет искать климат более приличный, может, Англия? <...> Александр пошлет тебе уж из Пармича сколько можно» (HIIГ, стр. 166—167). В ответном письме от 7 июля (26 июня) Т. А. Астракова благодарила Герценов «за дружеское участие и выручку» (ЛБ, ф. 69, IX, 15).

...газету, в которой будет интерпелляция Valerio...— Во время заседания пьемонтского парламента 10 июня 1851 г. депутат оппозиции Л. Валерио «свирепо напал на министра в своей интерпелляции и требовал отчета» о причинах высылки Герцена (см. «Былое и думы» — X, 177). В письме от 15 июня Герцен указывает название газеты, где был помещен отчет о заседании парламента: «Gazetta piemontese».

...попроси Шпильмана послать sous bande 1 экзemplар в Турин М. Valerio в редакцию «De L'Opinione» такие же листы — журналом...— Видимо, это поручение Герцена касалось рассылки экземпляров книги «О развитии революционных идей в России» (см. письмо 88 и комментарий). Отвечая Герцену, Н. А. Герцен писала по поводу этого поручения: «Книга Валерио послана, его же Фок просил доставить в редакцию

и кому след<ует> 4 экземпляра. Сегодня же Шпильман писал Голов<ину>, чтоб он непременно сейчас отправил газету, где интерп<елляция> Вал<ерию> в Париж, а здесь ни за что не достанешь, везде дают только про<честь>» («Звенья», VIII, 1950, стр. 40).

...кlostральный — монастырский (от франц. claustral).

Ответ Н. А. Герцен от 19 июня 1851 г. — «Звенья», VIII, стр. 39—40.

98. Н. А. ГЕРЦЕН

Печатается по фотокопии с автографа (IISG). Впервые опубликовано: Л VI, 195—196.

Год и месяц написания определяются упоминаниями Герцена в письме о высылке его из Ниццы, об интерпелляции в «камере 10 июня» (см. письмо 99); воскресенье приходилось на 15-е число в июне 1851 г.

...фамилиям — семейная жизнь (от франц. famille).

...предилекция — предпочтение (от франц. prédilection).

99. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ

Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ГИМ, стр. 72—75 (с пропуском текста под знаком АБ, который приведен впервые: ОРГ, стр. 69).

В автографе первоначально вместо: *конец* — было: *смерть* (стр. 184, строка 17). В текст письма внесено исправление: *мою философию истории* — вместо имеющегося в автографе: *мою философию истории* (стр. 184, строка 33).

Ответ на письмо Т. Н. Граповского, относящегося к маю—июню 1851 г. (ЛН, т. 62, стр. 99—100; в 1859 г. Герцен напечатал его с сокращениями в «Былом и думах» — см. XI, 530—531).

Теперь я воюю с пизмонтским министерством... — См. комментарий к письму 90.

...ардантные — яростные (франц. ardents).

...в Испании я вовсе не был... — См. письмо 84.

...у короля такие усы ∞ он поневоле в прогрессе. — Имеется в виду король Сардинии Виктор-Эммануил II. Герцен намекает на существовавший в России при Николае I запрет носить усы и бороду дворянам, не состоящим на военной службе. В частности, Н. П. Огареву в 1849 г. пензенским губернатором было поставлено на вид «все неприличие ношения бороды» (см. «Звенья», VIII, 1950, стр. 807).

Вы не находите в моих книжках того симпатического элемента, который был прежде... — Герцен отвечает на следующие строки в письме Т. Н. Граповского: «Все, что ты писал до сих пор, бесконечно умно, но оно обличает какую-то усталость <...> Ты, скажу без увлечения, значительный писатель, у тебя есть условия сделаться великим писателем, но то, что было в России живого и симпатичного для всех в твоём таланте, как будто исчезло на чуждой почве. Ты пишешь теперь для немногих, способных понять твою мысль и не оскорбиться ею» (ЛН, т. 62, стр. 99).

«Всюду встречи безотрадные...» — Из «Стансов» К. Ф. Рыльева. Ср. письмо 10.

Один человек подошел было поближе... — Г. Гервег.

...поколения, которое могло бы фурнировать и не одного Горгия венгерского. — Главнокомандующий венгерской армией во время революции 1849 г. А. Гёргей предательски капитулировал перед царскими войсками в августе 1849 г.; сдавшиеся венгерские генералы переданы были авст-

рийским властям и казнены; *фурнировать* — дать, поставить (франц. *fournir*).

...писал вам ∞ письмо, кажется в январе...— См. письмо 84.

...напечатал в Ницце небольшую брошюрку о России.— Относительно издания работы Герцена «О развитии революционных идей в России» см. письмо 88.

...«*Omnia mea mecum porto*» ∞ мой «Эпизод».— Статьи, включенные Герценом в книгу «С того берега». См. комментарий к письму 18.

...письмо о Франции ∞ я журнале Кинкеля и Гуга «*Kosmos*»...— Статья «Из воспоминаний о прошлом годе одного русского» была напечатана 17 мая и 14 июня на немецком языке в лондонской газете «*Der Kosmos*», 1851, №№ 1 и 2. Статья представляла собой первоначальную редакцию будущего двенадцатого письма из цикла «Писем из Франции и Италии» (см V, 453; ср. также ЛП, т. 7—8, стр. 56—57).

Я писал в одной недавней и неоконченной статейке...— См. «Посвящение» Н. П. Огареву (VII, 269).

Я хочу напечатать повесть ∞ «Долг прежде всего».— Повесть вошла в сб. «Прерванные рассказы», изданный в Лондоне в 1854 г. (см. комментарий к письму 141).

...думаю о другой ∞ «*Межув-филс*»...— «Повесть «Поврежденный» также вошла в сб. «Прерванные рассказы» (см. т. VII).

...не так смотрите на мою философию истории...— Герцен имеет в виду свою книгу «*Vom anderen Ufer*», экземпляр который он послал в сентябре 1849 г. московским друзьям с просьбой прислать свои замечания (см. т. XXIII, письма 112 и 113).

100. Н. А. ГЕРЦЕН

Печатается по фотокопии с автографа (ИЗГ). Впервые опубликовано: Л VI, 411—412.

Дата письма определяется его связью с другими письмами Герцена к жене из Парижа за июнь 1851 г. (см. письма 93, 94, 97 и 98), а также упоминаниями о дне рождения Саше («Саше будет 12 лет») и о письме московским друзьям (см. письмо 99).

Бумаг все еще нет...— См. письмо 104.

Гран(овский) ждет еще ∞ писателем...— См. письмо 99.

Ответ Н. А. Герцен от 23 июня 1851 г. — Л VI, 412—413.

101. САШЕ ГЕРЦЕНУ

Печатается по тексту Л VI, 413—414, где опубликовано впервые, по автографу, хранившемуся в архиве семьи Герцена. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

...иду смотреть оперу, сделанную из «Пиковой дамы» Пушкина.— Опера Галеви (либретто Э. Скриба) «*La dame de pique*» шла в Париже с 28 декабря 1850 г.

102. Н. А. ГЕРЦЕН

Печатается по фотокопии с автографа (ИЗГ). Впервые опубликовано: Л VI, 415—416.

Дата письма определяется его связью с последующими письмами к жене за июнь 1851 г., а также строками о Ж. Мишле, который посетил Герцена и остался «вельми доволен брошюрой» (о знакомстве Герцена с Мишле см. в письме 99).

...кажется, бумаги пришли.— См. письмо 104.

...он вельми доволен брошюрой.— Об издании работы «О развитии революционных идей в России» см. письмо 88.

Записочку твою от 17 принесли.— Это письмо Н. А. Герцен неизвестно.

...алой интендант...— За время отсутствия Герцена в Ницце, куда он вернулся в июле 1851 г., главный интендант города был сменил — см. «Былое и думы», X, 178.

103. Н. А. ГЕРЦЕН

Печатается по фотокопии с автографа (*IISG*). Впервые опубликовано: Л VI, 416—417.

Год написания уясняется из упоминаний Герцена о высылке из Ниццы, разрыве с Г. Гервегом, о полученном письме Т. Н. Грановского от мая—июня (см. письмо 99); 22 июня приходилось на воскресенье в 1851 г.

Письмо Н. А. Герцен от 18 июня 1851 г., на которое отвечает Герцен, неизвестно.

...абдикировать...— отречься (франц. *abdiquer*).

Гран(овский) пророчит мне судьбу великого писателя...— См. письмо 99.

...жить в Ницце зависит ∞ от известной тебе твари.— См. стр. 500.

...там есть дыхание лишнее...— В Цюрихе жил Г. Гервег.

104. Н. А. ГЕРЦЕН

Печатается по фотокопии с автографа (*IISG*), приписка Тате — по автографу (*ЦГАЛИ*). Впервые опубликовано: Л VI, 414 и 418—419, в качестве двух отдельных писем.

В автографе *IISG* отрезана нижняя часть последней страницы. По полному совпадению линий отреза устанавливается, что недостающей частью письма является автограф *ЦГАЛИ* со строками, обращенными Герценом к Тате.

Год написания определяется тесной связью материала письма с другими письмами к Н. А. Герцен за июнь 1851 г. (хлопоты в связи с натурализацией в Швейцарии, упоминание о высылке из Ниццы и т. д., а также строки о докторе Пальме — ср. письма 93, 95, 97 и др.).

Записочку твою от 19 вчера получил.— Письмо Н. А. Герцен от 19 июня 1851 г. см.— «Звенья», VIII, 1950, стр. 39—40.

Документы все пришли.— Акт о натурализации Герцена с семьей в Швейцарии, утвержденный Большим советом Фрибургского кантона (см. также письмо 83).

...успех моей брошюры...— См. письмо 88.

...О'Коннелл Авигдор...— Ироническое сближение имени ницкого банкира с известным своим красноречием деятелем ирландского освободительного движения основано на участии Ю. Авигдора в организации «народного волнения» в Ницце в конце мая 1851 г., во время которого «плодоотчики и лавочники, увлекаемые красноречием банкира Авигдора, протестовали против уничтожения свободного порта» (см. «Былое и думы» — X, 176 и 479); там же Герцен добавляет: «Авигдора, этого О'Коннелла Пальоне (так называется *сухая* река, текущая в Ницце), посадили в тюрьму...»

В «Республике» и в «Univiers» было напечатано об моей истории в Сардинии.— В каких померах газет были помещены указанные Герценом сообщения о его высылке за пределы Сардинского королевства, не установлено. В архиве Н. А. Герцен-дочери сохранилась следующая запись о результатах поисков в ответ на соответствующий запрос М. К. Лемке, сделанный им в связи с подготавливавшимся изданием сочинений Герцена:

«„République“ и „Univers“— июнь 1851, о деле Герцена в Сардинии. Газеты найдены, тщательно просмотрены по два раза каждая, справок никаких...» (ЛН, т. 63, стр. 846).

...в повор дураку-интенданту.— См. письмо 90 и 102.

105. САШЕ и П. А. ГЕРЦЕНАМ

Печатается по тексту Л VI, 420, где опубликовано впервые, по автографу, хранившемуся в архиве семьи Герцена. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Год написания уточняется строками Герцена об отъезде из Парижа (ср. в письме 24 июня: «Завтра вечером мы выезжаем»), а также сообщением о его дальнейшем маршруте (посещение Женевы и Фрибура в связи с хлопотами о принятии швейцарского гражданства — ср. письма 115, 116, 117).

...*Мат. дарит.*— Лицо не установлено.

106. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ед. хр. 238). Впервые опубликовано: Л VII, 64 (с ошибочной редакторской датой: «1852»).

Год написания устанавливается содержанием письма, в котором Герцен говорит о разлуке с дочерью, оставшейся в Ницце, и упоминает о приобретенном для нее подарке (ср. аналогичные упоминания о покупках и подарках в письмах 104 и 105), а также тождественностью бумаги, чернил и почерка другим припискам Герцена к Тате за июнь 1851 г. (например, письма 104, 107, 109). По всей видимости, письмо является припиской к письму 105, датированному тем же днем (автограф его неизвестен).

107. САШЕ и ТАТЕ ГЕРЦЕНАМ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VI, 414.

Дата письма определяется временем пребывания Герцена в 1851 г. в Париже и упоминанием в письме имен детей, находившихся тогда в Ницце. Упрек Герцена Саше («Ты, Саша, мог бы писать побольше...»), видимо, следует соотносить с подобным же напоминанием в письме от 12 июня об «ожидании рапорта» Саши о его «заявлях за прошлую неделю». Бумага автографа, чернила и почерк тождественны другим письмам Герцена за июнь 1851 г. Настоящие строки Герцена, возможно, являются припиской к одному из его писем к жене за июнь 1851 г.

108. САШЕ ГЕРЦЕНУ

Печатается по тексту Л VI, 196, где опубликовано впервые, по автографу, хранившемуся в архиве семьи Герцена. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Дата письма определяется временем пребывания Герцена в Париже в 1851 г., когда все дети, упоминаемые в письме (включая Колю), находились в Ницце. Сообщение Герцена об «отличнейших красках», которые он «тоже» собирался привезти, вероятно, связано с его намерением сделать Саше подарок ко дню его рождения (25 июня) и, в таком случае, непосредственно примыкает к письму от 20 июня 1851 г.: «Я тебе привезу рельефные карты географические,— это мой подарок». Публикуемые строки Герцена, по всей видимости, являлись припиской к одному из его писем за июнь 1851 г. к жене.

109. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VI, 195.

Дата письма определяется временем пребывания Герцена в 1851 г. в Париже и упоминанием о встречах с М. К. Рейхель. Строки о «старичке Папаше» текстуально близки аналогичному замечанию Герцена в письме 108. Бумага автографа, чернила и почерк также тождественны другим письмам Герцена за июнь 1851 г. (ср. письма 104, 105, 107). По всей видимости, настоящее письмо являлось припиской Тате к одному из писем Герцена за июнь 1851 г.

110. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VI, 136 (с ошибочной редакторской датой: «1850»).

Дата письма ясна из его содержания: Герцен похотелся в то время в Париже («Здесь в Елисейских Полях») вместе с В. А. Энгельсоном («Мы с Энгельсоном»), что имело место только в июне 1851 г. В своей предыдущий приезд в Париж (зимой—весной 1850 г.) Герцен не мог быть вместе с Энгельсоном, т. к. их знакомство состоялось в Ницце в самом конце 1850 г. или в начале 1851 г. Близ Елисейских Полей в Париже, в Avenue d'Antin 33, незадолго до приезда Герцена в Париж, сняли квартиру Рейхели.

111. Н. А. ГЕРЦЕН

Печатается по тексту Л VI, 421, где опубликовано впервые, по автографу, хранящемуся в архиве семьи Герцена. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Обстоятельства, при которых написано это письмо, рассказаны Герценом в «Былом и думах» (X, 269—270). Узнав о разглашении Г. Гервегом всех подробностей семейной драмы, а также о будто бы принятом решении Натальи Александровны оставить семью и уйти к Гервегу, Герцен, по его словам, был «обижен, оскорблен, унижен». В действительности Н. А. Герцен никакого обещания оставить мужа Гервегу не давала. Напротив, в ее письмах к Гервегу за февраль—апрель 1851 г., в которых сказались вся сила ее чувства к Гервегу, с большой страстностью выражена также ее твердая и бесповоротная решимость навсегда остаться с семьей — с Герценом и детьми (см. ЛН, т. 64, стр. 303—321). Получив от Герцена настоящее письмо из Женевы, «написанное в припадке преступной горячки» (X, 270), Наталья Александровна спешила его успокоить и «улучшать раны». 3 июля она писала: «Знаю только, друг мой, что люблю тебя всею способностью любви по мне, что одна смерть может оторвать меня от тебя» (полный текст письма см. — Л VI, 421—422; фотокопия с автографа в ЦГАЛИ; см. также ее ответное письмо от 4 июля — Л VI, 422). Одновременно (7 июля 1851 г.) она писала Гервегу, подводя окончательный итог их отношениям: «Ты говорил, что исчезнешь при первом же диссонансе. — Мне хотелось верить в это, я задыхалась от внутреннего голоса, повторяя тебе всегда: лучше умереть, чем доставить хоть одну мрачную минуту Александру <...> Ты пренебрег всем, всем, что есть для меня священного, попрая ногами; все обещания, мольбы — все было отвергнуто. — ты меня уничтожил. Но любовь Александра в то же время развернулась во всем ее величии, во всей преданности — во всей безграничности» (ЛН, т. 64, стр. 312).

112. САШЕ ГЕРЦЕНУ

Печатается по тексту Л VI, 423, где опубликовано впервые, по автографу, находившемуся в архиве семьи Герцена. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Год написания определяется упоминанием в письме о порядке Герцена в Фрибур 30 июня и предполагавшемся приезде в Турин 8 июля 1851 г. (ср. письма 115, 116 и 118). Письмо, возможно, было послано вместе с письмом к жене, имеющим ту же дату.

... как ты встретил полковника. — Л. И. Гагг сообщила 30 июня 1851 г. из Пиццы М. К. Рейхель: «Вчера в 2 часа приехал сюда Энгельсон; от его болезни не осталось и следа» (ЛII, т. 63, стр. 408).

113. Н. А. ГЕРЦЕН

Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ГМ, 1913, кн. VII, стр. 196—197.

Дата письма определяется упоминанием о встрече с Н. П. Сазоновым, с которым Герцен виделся в Женеве 28 июня 1851 г. (см. письмо 111). М. К. Лемке высказывает предположение, что это письмо «по-видимому, составляет продолжение одного из неизвестных писем, которое Герцен мог написать не раньше 28 июня — дня свидания в Женеве с Сазоновым, и не позже 5—6 июля, когда письма не были бы уже получены выехавшего в Турин П(атальней) А(лександровной)» (Л VI, 685).

Вероятнее всего, письмо написано в день свидания с Сазоновым или на следующий день: 28 июня Герцен отправил письмо к жене (письмо 111), дополнение к сыну (письмо 112) и, видимо, следом «еще дополнение» — настоящие строки — к В. А. Энгельсону. Бумага письма тождественна той, на которой Герцен писал жене 29 июня 1851 г.

По указанию Николая I в 1849 г. на имение Н. И. Сазонова в России было наложено запрещение за его «участие в революционных промисках» во Франции. Получив в январе 1850 г. через русское посольство в Париже приказ о немедленном возвращении на родину, Сазонов уклонился от этого. По «всепопданнейшему» докладу 30 января 1850 г. царь утвердил предложение передать дело Сазонова в суд. 14 декабря 1850 г. правительствующий сенат слушал мнение государственного совета по делу Сазонова и, признав его виновным «в невозвращении из-за границы по вывозу правительства», решил «сего подсудиного, согласно с приговором сената, лишить всех прав состояния, считать изгнанным навсегда из пределов государства». 29 ноября 1850 г. Николай I утвердил это решение (см. архивные материалы по этому делу — Л XIV, 139—145).

... *Risum teneatis*. — Из «Науки поэзии» Горация («Ars poetica», стих 5: «Spectatum admissi risum teneatis, amici?»).

... Бакунина ∞ держали прикованным к стене! — В марте 1851 г. М. А. Бакунин был переведен в Ольмуцские казематы, где содержался прикованным к стене, и был предан австрийскому суду. Слухи о судьбе Бакунина передавала Л. И. Гагг в письме к М. К. Рейхель от 16 марта 1851 г.: «В газетах опять страшное известие о троих повешенных: среди них, вероятно, и бедняжка Бакунин, а судя по тому, как обстоят повсюду дела, этому можно верить. Так страшно за всех» (ЛII, т. 63, стр. 404). См. также комментарий к письму 20.

114. Н. А. ГЕРЦЕН

Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ГМ, 1913, кн. VII, стр. 197.

Дата письма определяется временем поездки Герцена в Швейцарию в 1851 г. в связи с совершением акта натурализации. Письмо написано не ранее 27 июня, когда Герцен прибыл в Женеву, и не позднее 29 июня, когда он выехал во Фрибур. День приезда в Женеву устанавливается на основании сохранившейся в Женевском государственном архиве записи, сделанной в реестре отдела паспортов и видов на жительство: 27 июня 1851 г. Герцен представил в Женеве свой паспорт, выданный в Париже 23 июня (Archives d'Etat, Etrangers, H-25, p. 220). Как видно из текста, письмо написано не в первый день нахождения на месте («Я поздно вчера лег и проспал сегодня»). Из упоминаний Герцена о намерении не писать более детям до Фрибура явствует, что настоящее письмо было написано и не на следующий день (ср. письмо 116). Таким образом, наиболее вероятной датой является 29 июня.

115. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VI 423—424.

Год написания определяется содержанием письма: принятие Герценом швейцарского подданства (см. ниже).

... *швейцарца в самом деле нельзя изгнать из Пьемонта*. — Намек на принятие швейцарского подданства, официально закрепленное актом от 16 июня (см. стр. 442) и, действительно, легализовавшее положение Герцена в глазах пьемонтских властей, выславших его перед тем из Ниццы как русского политического эмигранта. Позднее в статье «Русский народ и социализм», датированной 22 сентября 1851 г., Герцен назвал Пьемонт «последним убежищем свободы, загнанной за Альпы и не перешедшей Апеннины» (VII, 310).

... *лимпидность* — прозрачность (франц. limpidité).

Вероятно ∞ ответ Бернацкого. — А. Бернацкий должен был узнать о возможности для Герцена жить в Париже и сообщить ему об этом через М. К. Рейхель. Письма Бернацкого к Герцену неизвестны.

... *не гальешь ваннами пальмовыми*. — Возможно, от франц. vin de palme (водка, получаемая из сахарных веществ пальмы) или намек на д-ра Пальме.

116. САШЕ ГЕРЦЕНУ

Печатается по тексту Л VI, 424—425, где опубликовано впервые, по автографу, находившемуся в архиве семьи Герцена. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Год написания определяется упоминанием Герцена о принятии швейцарского гражданства (см. комментарий к письму 83).

117. Н. А. ГЕРЦЕН

Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ГМ, 1913, кн. VII, стр. 196—197.

Год написания определяется содержанием письма (возвращение из Женевы в Ниццу через Турин после завершения формальностей натурализации в Швейцарии); 5 июля приходилось на субботу в 1851 г.

Свидание Герцена с Натальей Александровной в Турине — их «второе венчание», поэтически рассказанное им в «Былом и думах» (см. X, 271—273). Однако состоялось оно, видимо, не в ночь с 7 на 8 июля, как вспоминает Герцен, а двумя днями позднее — в ночь с 9 на 10 июля, как об этом свидетельствовала Л. И. Гаг в ее письме к М. К. Рейхель от 13 июня 1851 г. (см. *ЛН*, т. 63, стр. 408).

Ответ Н. А. Герцен от 7 июля 1851 г. — *Л VI*, 422—423.

118. САШЕ ГЕРЦЕНУ (приписка)

Печатается по тексту *Л VI*, 426, где опубликовано впервые по автографу, находившемуся в архиве семьи Герцена. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

По свидетельству М. К. Лемке, публикуемые строки Герцена являлись «припиской».

Как видно из текста, приписка была сделана Герценом к письму жены, текст которого остается неизвестным.

119. САШЕ ГЕРЦЕНУ

Печатается по тексту *Л VI*, 427, где опубликовано впервые, по автографу, находившемуся в архиве семьи Герцена. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Получил ли ты телеграф? — См. об этом письмо 106.

Я ∞ прочел в письме Энгельсона... — Это письмо В. А. Энгельсона к Герцену неизвестно.

120. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Печатается по автографу (*ЦГАЛИ*). Впервые опубликовано: *Л VI*, 426—427.

121. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Печатается по автографу (*ЦГАЛИ*). Впервые опубликовано: *Л VII*, 164 (с ошибочной редакторской датой: «Декабрь 1852»).

Письмо написано в период между приездом в Ниццу В. А. Энгельсона 29 июня (см. письмо 112) и возвращением туда Герцена (13 июля он выехал с Н. А. Герцен из Туринна). Дата подтверждается строками Герцена о желании видеть Энгельсона, с которым он сблизился во время совместной поездки в Париж в июне 1851 г. (см. письма 102 и 103), а также тождественностью бумаги, чернил и почерка другим письмам Герцена за июнь 1851 г.

122. А. А. ЧУМИКОВУ

Печатается по тексту журнала «Русское обозрение», 1898, № 5, стр. 267—268, где опубликовано впервые, вместе с последующим письмом, с подзаголовком: «Письма Герцена к неизвестному лицу» и подписью: «Сообщил А. Чумиков». Местонахождение автографа неизвестно. Имя адресата впервые раскрыто М. К. Лемке (*Л VI*, 685), им же исправлена дата письма, ошибочно указанная в журнальной публикации (27 июня); однако, видимо, по недосмотру, сохранена ошибочная датировка упомянутого Герценом письма Чумикова — 22 июня (*Л VI*, 427). В настоящем издании в обоих случаях июнь (Герцена в Ницце в это время не было) исправлен на июль.

Письмо А. А. Чумкова от 22 июля 1851 г., на которое отвечает Герцен, неизвестно. Судя по ответу Герцена, Чумков, находившийся тогда в Париже, приветствовал в своем письме начавшуюся заграничную деятельность Герцена и предлагал для публикации ряд ценных материалов, привезенных им из России. Переписка с Чумковым, возникшая по его инициативе в самое трудное и сложное в жизни Герцена время, — доказательство огромного влияния Герцена на идейное развитие демократической русской молодежи 40-х — начала 50-х годов. В пору резкого осуждения заграничной деятельности Герцена со стороны Т. П. Грановского и других «московских друзей», письма Чумкова, выступившего с открытой поддержкой и предложением помощи, помогли Герцену вновь обрести веру в молодые силы оппозиционной России. В следующем своем письме от 5 августа 1851 г. Чумков писал Герцену: «Посоветуйте нам, что делать, как быть, чтобы не идти назад. Ваше слово — для нас закон, вы наш оракул» (ЛН, т. 62, стр. 718). Герцен правильно понял, что полученные им письма исходят от человека, связанного с кругами петрашевцев. В «энергических письмах» Чумкова обсуждался один из главных вопросов, стоявших в центре внимания петрашевцев: как организовать пропаганду против крепостничества и самодержавия. Ответая Герцену на его письмо от 9 августа 1851 г., Чумков ставил вопрос о более тесной связи русских передовых людей с Герценом и революционной пропагандой в России: «Неужели вы, эмиграция, не поможете нашему ретивому юношеству...» (ЛН, т. 62, стр. 725).

Переписка Герцена с Чумковым возобновилась в следующий его приезд за границу — в 1859 г. На предложения Чумкова, касавшиеся характера герценовских изданий и способов их распространения в России, по существу непрактичных и сделанных к тому же в «начальническом тоне» и потому рассердивших Герцена, он ответил письмом от 7 июля 1859 г. (см. т. XXVI) и полемической заметкой в «Колоколе» — «Выговор по «службе»» (см. т. XIV, 132). Подробнее о переписке Герцена с Чумковым см.: ЛН, т. 62, стр. 710—716.

Ответ Чумкова от 5 августа 1851 г. — ЛН, т. 62, стр. 716—719.

Благодарю вас за предложение и принимаю его с радостью. Если у вас много материалов — тотчас мне доставить. — Как следует из письма Чумкова к Герцену от 5 августа 1851 г., среди полученных от Чумкова материалов был список знаменитого письма Белинского к Гоголю, а также неизвестный «список» лиц, из которого Герцен должен был усмотреть, что «либералы есть во всех слоях общества». Одновременно Чумков сообщал о своих попытках опубликовать письмо Белинского в европейской прессе: «Вероятно, оно явится скоро в немецких и французских газетах, а если нет (до октября), то не худо бы вам его напечатать где-нибудь (<...> Я пошлю вам его, равно и еще кое-что... Что касается до материалов, то я, не ожидая от вас ответа, составил для журнала „Ausland“ маленькую статью, как бы введение к письму Белинского, и препрождаю вам ее» (ЛН, т. 62, стр. 719; см. также: Ю. Г. Оксман. Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ. — «Ученые записки Саратовского гос. университета», т. XXXI, 1952, стр. 161 и ЛН, т. 56, стр. 539—542). Полученные от Чумкова материалы, или часть их, Герцен послал Ж. Мишле для опубликования во французской прессе (см. в Приложениях написанное по поручению Герцена письмо Э. Гауга к Мишле от 21 ноября 1851 г.).

Si vous désirez prendre avec vous deux ou trois exemplaires de ma brochure... — Герцен имеет в виду свою брошюру «О развитии революционных идей в России», напечатанную в Ницце весной 1851 г. и выпущенную в свет в июне парижским книгоиздателем Франком (см. комментарий к письму 88); критическую оценку брошюре Герцена Чумков дал в своем письме к нему от 9 августа 1851 г. (см. ЛН, т. 62, стр. 720—724). Ком-

ментируемая приписка на французском языке в письме к Чумикову была рассчитана на то, что он сможет показать ее книгопродавцу Франку.

В Париже письма распечатывают, особенно на имена, известные Карлье... — По предписанию префекта парижской полиции П. Карлье, находившегося в тесной связи с русским посольством, Герцен в 1850 г. был выслан из Парижа. Отвечая Герцену 5 августа 1851 г. Чумиков писал, что не решается передать в письме ряд подробностей, «особенно узная, что г. Карлье распечатывает письма (недаром подлец получил орден от царя)» (ЛН, т. 62, стр. 717).

123. А. А. ЧУМИКОВУ

Печатается по тексту журнала «Русское обозрение», 1898, № 5, стр. 268—271, где опубликовано впервые (см. комментарий к предыдущему письму), с очевидными опечатками, которые исправляются без оговорок в наст. издании (например, «журнал Колачека» — вместо ошибочного: «журнал Колокол» — стр. 198, строка 25 и др.).

Ответ на письмо А. А. Чумикова из Парижа от 5 августа 1851 г. (ЛН, т. 62, стр. 716—719). Дата этого письма Чумикова, в котором она не указана, устанавливается по упоминанию Герцена в настоящем письме («Письмо ваше от 5 получил я вчера»), а также по его карандашной помете на письме Чумикова: «9 августа» (день отправления ответа).

За бумагами к Франку уже послано... — См. комментарий к предыдущему письму.

... если не выйдут второй раз ∞ первый раз им обошлось солоно благодаря энергическим интерпретациям Вальрио в камере... — См. комментарий к письмам 90 и 97.

Вы спрашиваете о надеждах, о демократии. — В своем письме Чумиков писал Герцену: «Заинтересуйте европейцев, ибо деспотизм в России — деспотизм во всей Европе; пусть помогут нам поляки — они будут стараться о своей свободе». Одновременно Чумиков замечал по поводу революционных надежд на Францию: «Жалкое состояние Франции! С какой вестью я возвращусь к своим друзьям...» (ЛН, т. 62, стр. 718).

... взгляните еще на мою статью «Omnia mea mecum porto» и «Lebe wohl», помещенные в журнале Колачка прошлой осенью, кажется, в октябре и в декабре. — Первая статья была напечатана в № 8 журнала «Deutsche Monatschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben» за 1850 г.; вторая статья (под заглавием «Mein Lebewohl. Epilog zum Jahre 1849» <«Мое прощание. Эпилог 1849 г.»> — в № 12 того же журнала. Обе статьи позднее включены Герценом в состав книги «С того берега» (см. т. VI).

... no les faubouriens Антония и Марко, no lionский Croix rousse... — Жители рабочих предместий Парижа и рабочего квартала в Лионе, неоднократно служивших очагом революционных выступлений.

Все приостановлено до мая 1852... — На эту дату были назначены пере выборы президента и новые выборы в Законодательное собрание Франции, которые, как надеялись многие, могли привести к победе республиканских сил.

... элисейского шута... — Имеется в виду президент Франции Луи Бонапарт, резиденцией которого служил Елисейский дворец в Париже.

.. «к лицу ли вам эти вещи?» — Несколько измененная реплика Лизы из комедии Грибоедова «Горе от ума» (действие I, явл. 2).

... тут есть сила, — помните, это говорит Кюстин... — Имеется в виду книга маркиза Кюстина: *La Russie en 1839. Par le marquis de Custine*. Т. 1—4, Paris, 1843 («Россия в 1839 г.»), в которой автор излагает впечатления от путешествия по России. Наряду с ошибочными, противоречивыми выводами Кюстина в его книге содержатся предсказания великого будущего России, которые в данном случае имеет в виду Герцен: «Этот на-

род так величав, что даже в своих пороках он полон силы и грации» (см. подробную оценку книги Кюстина в статье Герцена «Россия» — VI, 196—198).

Кент говорит прогнанному Лиру: «В тебе есть что-то, заставляющее меня называть тебя царем».— В трагедии Шекспира «Король Лир» (действие I, явл. 4).

Читали ли вы последнюю книгу Прудона... — Герцен имеет в виду книгу Прудона («Ildé générale de la Révolution au XIXe siècle», Paris, 1851 («Общее представление о революции в XIX веке»).

... его конфессии 2 изд(ание).— Подразумевается книга Прудона «Les confessions d'un révolutionnaire, pour servir à l'Histoire de la révolution de Février» («Исповедь революционера, долженствующая служить для истории Февральской революции»). В 1851 г. вышло в свет не второе, а третье, переработанное, издание этой книги (1-е издание вышло в 1849 г., 2-е издание — в 1850 г.).

Еще видел я объявление о книге de Hott'a... — Какую книгу имеет в виду Герцен — не установлено. В источнике фамилия автора дана предположительно, с вопросительным знаком после нее.

... мои «Brieje aus Italien und Frankreich...» — Первое немецкое издание «Писем из Франции и Италии»; см. комментарий к письму 1.

Ответ А. А. Чумикова от августа—сентября 1851 г.— ЛН, т. 62, стр. 724—725.

124. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: Л VI, 432 (без текста писем жены и дочери Герцена). В автографе приписка Герцена сделана поперек листа на месте, свободном от текста писем жены и дочери (отсюда его выражение: «боковой поклон»), рядом с рисунками Таты.

Письмо написано вскоре после приезда Л. И. Гаг, Колл и его воспитателя И. Шпильмана из Ниццы в Париж к Рейхелям. В своих «Воспоминаниях» М. К. Рейхель отмечала: «К концу лета (1851 г.) я родила моего первого ребенка, но прежде его появления на свет добрая Луиза Ивановна приехала с Колей и Шпильманом в Париж [...] Они приехали в Париж в августе и остались до половины ноября» (Рейхель, 71—72).

125. М. К. РЕЙХЕЛЬ (приписка)

Печатается по тексту Л VI, 462, где опубликовано впервые (с редакторской датой: «Октябрь 1851»), по автографу, хранящемуся в архиве семьи Герцена; опубликовано как «приписка к письму Наталии Александровны» (Л VI, 687). Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Дата письма определяется строками Герцена о предстоящем издании законченной им статьи «Русский народ и социализм» (завершена 22 сентября, напечатана около 1 ноября 1851 г.— см. письмо 127). В тетради с копиями писем Н. А. Герцен к М. К. Рейхель (ЦГАЛИ) имеется лишь одно ее письмо за октябрь 1851 г.— датированное 12 октября 1851 г., к которому, видимо, письмо Герцена служило припиской. В этом письме Н. А. Герцен просит М. К. Рейхель узнать и сообщить «как можно подробнее» «о маленькой Хоецкой», а также упоминает о болезни М. Ф. Корш и о И. Шпильмане.

... место о моей книге Мишле ∞ в «Evénement» раскомплиментил.— Горячо сочувственный отзыв о Герцене и его «восхитительной брошюре» («О развитии революционных идей в России») был помещен в конце очерка Ж. Мишле «Польша и Россия. Легенда о Костюшко», печатавшегося в сентябре 1851 г. в газете «L'Avènement du Peuple» (см. VII, 420); о попу-

ляризации им в это время книги Герцена см. VII, 419 (сделанные там ссылки на ноябрьские письма Мишле ошибочны: в них речь шла о другой брошюре Герцена — «Русский народ и социализм», см. комментарий к письму 127).

... если б можно ее довести до Москвы, это был бы ответ. — Здесь и ниже Герцен имеет в виду полное упреков письмо Т. Н. Грановского (без даты), в котором он, основываясь на рассказах лиц, читавших книгу «О развитии революционных идей в России», называет ее «напряженным и вредным трудом», чуть ли не «доносом на либеральное направление» (см. «Звенья», VI, 1936, стр. 356—358). Отклик на получение этого письма содержится также в заключительных строках статьи Герцена «Русский народ и социализм» (см. VII, 336).

Письмо мое будет напечатано особо... — О публикации статьи «Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле» см. письмо 127.

... трамблеров — дрожащих от страха (франц. trembleurs).

126. КОЛЕ ГЕРЦЕНУ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VI, 419 (без текста письма Н. А. Герцен и с ошибочной редакторской датой: «Июнь 1851»).

Дата письма устанавливается на основании строк о пребывании Коли, вместе с Л. И. Гааг и И. Шпильманом, в Париже (где он находился с августа по ноябрь 1851 г. — ср. письма 124 и 128), а также по высказанному в письме обещанию Герцена «в течение недели» прислать Шпильману «новую книгу», т. е. только что вышедшую в свет брошюру «Русский народ и социализм». Эта брошюра 3 ноября была получена в Париже Ж. Мишле (об отправке в Париж экземпляров этой брошюры см. также в письмах 125, 127, 128). 11 ноября Герцен сообщил М. К. Рейхель, что 7 ноября он послал два экземпляра брошюры на адрес Луизы Ивановны.

127. Ж. МИШЛЕ

Печатается по фотокопии с автографа (ВНП). Впервые опубликовано: La Revue, 1907, № 10 (15 мая), стр. 153—154 (русский перевод — «Былое», 1907, № 7, стр. 21).

Ответ на письмо Ж. Мишле от 3 ноября 1851 г. («La Revue», 1907, № 10, стр. 152; отрывок в русском переводе: «Былое», 1907, № 4, стр. 85 и Л VI, 465—466).

Комментируемое письмо — первое из известных писем Герцена к французскому исторiku, знакомство с которым состоялось 17 июня 1851 г. в Париже (см. письмо 99). При первой же встрече с Мишле Герцен, по свидетельству Г. Моно, вручил ему экземпляр своей книги «О развитии революционных идей в России» («La Revue», 1907, № 10, стр. 148). Мишле посетил Герцена еще дважды — 20 и 23 июня, а 24 июня 1851 г. Герцен выехал из Парижа; следующая его встреча с Мишле произошла 13 лет спустя, в ноябре 1864 г.

Очерк Мишле «Pologne et Russie. Légende de Kosciuszko» («Польша и Россия. Легенда о Костюшко»), напечатанный в августе—сентябре в газете «L'Avènement du Peuple» (ранее — «L'Événement», см. VII, 438), в котором содержалась отрицательная оценка революционных возможностей русского народа и передовой России, вызвал глубокое недовольство Герцена и побудил его выступить с публичным ответом в брошюре «Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле» (см. т. VII). Брошюра была напечатана около 1 ноября 1851 г. в Ницце. (Дата выхода в свет брошюры уточняется здесь впервые. Фото титульного листа и дарственную надпись Герцена на

экземпляре этого издания см. в наст. томе). Эта дата подтверждается также письмом Герцена к М. К. Рейхель от 12 октября 1851 г., в котором он сообщал о скором выходе в свет «Письма к Мишле», и просил известить Мишле о том, что ему будет послан экземпляр брошюры (см. письмо 125). 27 октября Мишле писал Герцену, что еще не получил его «критики». «Я ее немедленно передам в „L'Evenement“», — добавлял он («La Revue», 1907, № 10, стр. 152). 3 ноября, получив печатный экземпляр статьи Герцена, Мишле писал ему: «Каждое слово ваше — дело. Я был до слез растроган вашими словами. Нет, вы не погибнете. Мы спасемся все вместе. Франция возродится в 52 году, мир еще будет жить. В известном смысле вы, конечно, авангард человечества. Избави меня бог спорить с теми, кто занимает этот почетный пост» (там же). 19 ноября 1851 г. статья Герцена в сильно сокращенном виде была напечатана по-французски в газете «L'Avènement du Peuple», куда она была передана самим Мишле. По словам Герцена, почти все издание его брошюры было конфисковано в Марселе французской полицией и поэтому оно «получило распространение только в Пьемонте и Швейцарии» (см. VII, 271 и 435).

Я еще сохранил веру в 1852 год... — О надеждах Герцена на изменение политического положения в Европе в связи с назначенными на май 1852 г. переизборами президента и новыми выборами в Законодательное собрание Франции см. также письма 122 и 123.

Посылаю вам биографические подробности о нашем несчастном друге. — Речь идет о статье «Michel Bakounine», написанной Герценом для Мишле. Французский историк несколько раз обращался к Герцену с просьбой сообщить ему данные о Бакуине, которые он намерен был использовать в новом издании своих «Легенд демократии» (в письмах к Герцену от 21 октября, 3 ноября, 7 ноября 1851 г. Подробнее см. об этом — VII, 442—446).

...вышлю вам такие же сведения о Петрашевском. — Речь идет о статье В. А. Энгельсона «Петрашевский» (ее текст см. Л VI, 487—519; см. также об этом VII, 411 и в кн.: В. Энгельсон. Статьи. Прокламация. Письма. Изд. Политкаторжан. М., 1934, стр. 25—26, 177).

...Хоецкий, любезно выразил готовность исправить мою рукопись... — Герцен и раньше прибегал к услугам К.-Э. Хоецкого в редактировании своих французских статей и писем. Посылая М. К. Рейхель черновик своего письма к Прудону, он, например, поручал Хоецкому исправить «некоторые погрешности в слого» (см. письмо 140).

Постараюсь достать портреты наших мучеников. — В письме к Герцену от 27 октября Мишле писал: «Существуют ли портреты Пестеля и Рылеева? Я их оставлю в свой кнут» («La Revue», 1907, № 10, стр. 152).

Ответ Мишле от 11 ноября 1851 г. — «La Revue» 1907, № 10, стр. 154—155.

128. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛП, т. 61, стр. 304—305. Среди копий писем Н. А. Герцен тому же адресату имеется следующее ее письмо под той же датой, в конце текста которого копиям

отмечено — *

Avviso importante. Дальше письмо А. И.» (види-

мо, оба письма были написаны на общем листе бумаги и посланы одновременно. Письмо Н. А. Герцен впервые опубликовано: ЛП т. 61, стр. 304: «Ах, вы, мои болезные, ну, какое уж теперь празднование рождений, солнца поворот, пора позабыть этот день, новое поколение на смену!

Не горюй об отъезде Колюти, он теперь пошел, как маятник, из стороны в сторону, того и гляди прикатит опять в Париж, ах, что еще было бы <лучше> — ты к нему, к нам. Во всяком случае разлука недолгая предстоит. У нас тоже сарынь на кичку от ожидания. Саша понтует, Тата

ростся в своих тряпочках, все для Колю выбирает. А у нас такая стужа, что я чуть было не слегла, да уж взяла все меры, чтобы Колю не в постели встретить. И мы повостаями-то не богаты. Пока прощай, рукопожатия, и Максимилиановичу тоже, и Морицу, и Саше».

...«сарынь на кичку»... — По преданию, таков был клич волжских разбойников, посылавших команду захваченного судна (сарынь — ва-тага, сброд) на нос корабля (кичку), чтобы она не мешала грабежу.

...Луиза болит голову... — Племянница Л. И. Гага Луиза Суццер плохо говорила по-русски.

...Наталья Александровна № 1... — Жена Герцена.

Я послал два экземпляра брошюры № 7 числа... — О статье «Русский народ и социализм», отпечатанной в Ницце около 1 ноября, см. комментарий к письму 127.

...по приказанию Мишле № в редакции журналов доставить. — 17 ноября Ж. Мишле сообщил Герцену о получении им экземпляров брошюры «Русский народ и социализм» и о передаче их в редакции «Le National», «L'Avènement du Peuple» и «La République», а также о своем намерении отослать, по получении парижским издателем Франком новой партии брошюр, в редакции «Le Siècle», «La Semaine», «La Liberté de penser» и «La Nouvelle Revue» («La Revue», 1907, № 10, стр. 156).

От Мишле я получил превосходное письмо № он будет отвечать в издании своих легенд. — Герцен имеет в виду письмо Мишле от 3 ноября (см. комментарий к письму 127). Об отклике Мишле в его «Легендах демократии» см. комментарий к письму 136.

Турне сильвуэлэ — смотреть на обороте (франц. tournez s'il vous plait).

...статейку мажнул о Бакунине № напечатает. — О статье «Михаил Бакунин» («Michel Bakounine») — см. в письмах 127 и 129.

...хотел бы он портрет... — В письме от 15 ноября Герцен сообщал Мишле, что высылает эскизный портрет М. А. Бакунина, исполненный по памяти Н. А. Герцен.

А здесь что-то толкуют № в кандалы рефугиариев... — Наличие в Пьемонте политических эмигрантов («рефугиариев» — от итал. *refugiato* или франц. *réfugier*) служило источником крайнего раздражения и нажима на пьемонтские власти со стороны реакционных сил как внутри Пьемонта, так, особенно, правительств других итальянских государств, а также царской России. 15 ноября 1851 г. неаполитанский посол в Петербурге граф делла Реджина секретно сообщал в Италию о представлении правительству Николая I доклада о положении в Пьемонте и необходимости принятия мер против «наличия в Пьемонте политических эмигрантов со всех концов Италии и из других стран»; папугантый призраком революции 1848 г., дипломат писал: «Предоставление приюта всем без исключения политическим эмигрантам, неограниченная свобода печати, избирательный закон, закон об общественной безопасности и т. д. и т. п. — это зло угрожает дальнейшему существованию Пьемонта...» (Джузеппе Б е р т и. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959, стр. 524—525).

...Феерд Мануйлоч... — Герцен так пропически называет сардинского короля Виктора Эммануила II, кичившегося тем, что он ведет свой род от короля Италии VII в. Бернгарда (Феерд — измененное Бернгард).

129. Ж. МИШЛЕ

Печатается по фотокопии с автографа (ВНП). Впервые опубликовано: *La Revue*, 1907, № 10 (15 мая), стр. 150 (русский перевод — «Былое», 1907, № 7, стр. 22—23). В автографе в верхнем углу надписано рукой Мишле: M(r) Franck.

Ответ на письма Мишле от 7 и 11 ноября 1851 г. («La Revue», 1907, № 10, стр. 153—155).

...прошу вас располагать моей небольшой заметкой о Бакунине...— Получив статью Герцена «Michel Bakounine» (см. т. VII), Мишле писал ему 11 ноября 1851 г.: «Только что с радостью получил вашу прекрасную заметку, полную теплоты и благородства, как и все, что вы пишете... Я извлеку большую пользу из этого прекрасного письма для тех немногих слов, которые я говорю о Бакунине в конце моих „Мучеников“» («La Revue», 1907, № 10, стр. 154). В этом же письме Мишле говорит о своем намерении напечатать статью целиком в какой-либо газете и высказывает пожелание использовать этот случай для оказания помощи одной нуждающейся семье (Э. Позлю, о котором см. письмо 133).

...Бакунин жил не в Кеттене, как сказано у меня, а в Дессау!— В печатном тексте статьи эта поправка Герцена (ошибочная) была учтена (см. VII, 358); на самом деле Бакунин после взятия Праги в 1848 г. переехал не в Дессау, а в Кеттен, пробыв до этого некоторое время в Бреславле (см. «Материалы для биографии Бакунина», т. I, М.—Л., 1923, стр. 181, 189).

Посылаю вам, милостивый государь, небольшой эскиз...— Портрет Бакунина был выслан Герценом по просьбе Мишле (см. письмо 129). 29 июля 1852 г. Мишле сообщил Герцену из Нанта: «Я повесил на видном месте в моей гостиной портрет нашего Бакунина» («La Revue», 1907, № 10, стр. 162).

Что до других статей...— Не вполне ясно, о каких именно статьях идет речь. Возможно, о статье В. А. Энгельсона «Петрашевский» (см. комментарий к письму 127). Мишле неоднократно обращался к Герцену за сведениями о России. Так, в письме от 3 ноября Мишле просил прислать материалы об освобождении крестьян. 11 ноября Мишле сообщил: «...очень интересное извлечение из прусского сочинения, которое вы мне прислали, несколько длинно для газеты: я бы туда отдал один или два отрывка (освобождение крестьян и финансы). Может быть, однако, одна из газет, „La Liberté de penser“, смогла бы напечатать целиком» («La Revue», 1907, № 10, стр. 155). Возможно, здесь речь идет об отзыве Энгельсона о книге: A. Buddens. Rußland und die Gegenwart, B. 1—2, Leipzig, 1851 (см. В. Энгельсон. Статьи. Прокламации. Письма. М., 1934, стр. 177, а также ср.— Michel Cadot. De Herzen à Michelet.— «Revue de Littérature comparée», oct.— déc., 1960, стр. 588). Одновременно Герцен выслал Мишле статью «Politique intérieure du Tsar», автором которой был, по мнению M. Cadot, А. А. Чумиков (там же, стр. 585—595).

Мой соотечественник с его имя — пока тайна.— Имеется в виду А. А. Чумиков, писавший Герцену летом 1851 г. и доставивший ему ряд ценных материалов для опубликования в европейской прессе. См. комментарий к письму 122.

Известие относительно переименования Польши...— В письме от 11 ноября Мишле спрашивал Герцена, верны ли сообщения «La Gasette de Rostock» о том, что царское правительство решило переименовать Польшу в Новую Россию («La Revue», 1907, № 10, стр. 155).

...по поводу моего французского языка, к которому вы столь снисходительны.— Отвечая Герцену на замечание о возможных ошибках его во французском языке (см. письмо 127), Мишле писал 11 ноября: «Я считаю вас, поверьте мне, одним из самых выдающихся писателей на нашем языке: кто же осмелится вас исправлять?» («La Revue», 1907, № 10, стр. 154).

...мне приходится поручать кому-либо исправление грамматической стороны языка.— Об участии К.-Э. Хоецкого в редактировании французских статей Герцена см. письмо 127.

...три экземпляра моей брошюры.— Речь идет о статье Герцена «Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле» (см. письмо 127). 17 ноября Мишле известил Герцена о получении этих трех экземпляров брошюры, которые он отдал со своей рекомендацией в редакции газет, в том числе и в «L'Avènement du Peuple» («La Revue», 1907, № 10, стр. 156).
Ответ Мишле от 20 ноября 1851 г.— «La Revue», 1907, № 10, стр. 157.

130. Н. А. ГЕРЦЕН

Печатается по тексту Л VI, 523, где опубликовано впервые, по автографу, хранившемуся в архиве семьи Герцена. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Дата письма устанавливается по его содержанию: в нем идет речь о поездке Герцена в Кани и Иер (Nyères) для выяснения судьбы его матери и сына, возвращавшихся в Ниццу из Парижа и попавших в кораблекрушение близ Иерских островов. Пароход «La Ville de Grasse», на котором находились родные Герцена, вышел из Марселя вечером 15 ноября и на следующее утро, 16 ноября, около 3 часов, вошел в пролив у Иера, где и произошло столкновение его с пароходом «La Ville de Marseille», шедшим из Генуи. Л. И. Гааг, Коля и И. Шпильман погибли; племянница матери Герцена Л. Суццер и горничная А. Меассалер были подобраны пароходом «Nantes et Bordeaux» и доставлены на нем в Ниццу.

В «Былом и думах» Герцен указывает, что, уздав в ниццком порту около шести часов вечера о случившемся несчастье, он по совету капитана парохода в тот же вечер отправился в Иер (X, 278). По пути Герцен остановился в Канне, куда пароход «Nantes et Bordeaux» доставил часть потерпевших, в том числе капитана затонувшего парохода «La Ville de Grasse» Газана. Остальная часть спасшихся, подобранных пароходом «La Ville de Marseille», была высажена в Иере и Марселе. Выехав из Ниццы в 11 часов вечера 16 ноября, Герцен написал постоянную записку, по-видимому, утром следующего дня, находясь во Фрежюсе, на половине пути между Ниццей и Иером.

Подробности о происшедшей катастрофе см.: «Былое и думы» — X, 276—282, 373; *Рейхель*, стр. 72 и Л VI, 524—526, где перепечатаны из газеты «La Presse» от 21 и 23 ноября 1851 г. две корреспонденции, в которых описываются во всех деталях кораблекрушение и его последствия.

131. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VI, 529.

...она хотела писать — но не могла.— Н. А. Герцен написала М. К. Рейхель несколько строк 28 ноября при следующем письме Герцена.

Помните, я говорил, что в жизни ничего нет прочного, заветного...— См. письмо 115. Отзвуки этого настроения сказались также в «Посвящении» Н. П. Огареву (см. VII, 267) и в письме 99.

В ответ М. К. Рейхель писала Герценам 29 ноября (это одно из многих дошедших до нас ее писем): «Друзья мои! милые! Нет ни слова, ни мыслей, и рука не двигается; пишу, чтоб вы видели, что я живу и на погах. Не сила помогает перепести, а неверие — неужели возможно такое страшное безвыходное несчастье; ангел бесценный, забытый! Не в царстве небесном — в наших сердцах ему лучшее место. Да, вапа сестра, ваш друг — удар нам равный, — дайте руки, больше не могу» (ЛН, т. 61, стр. 307).

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 306. В копии дата дана ошибочно: 23 ноября вместо 28 (ср. строки Герцена: «Сегодня 13-ый день» со дня гибели близких, т. е. с 16 ноября).

В тетради с копиями писем Н. А. Герцен тому же адресату имеется следующая ее письмо под той же датой, которое, видимо, было послано вместе с письмом Герцена (впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 306):

«Ницца, 28 ноября.

С первой минуты ты была неразлучна, но писать я не могла, а теперь... не утешенье хочу принести тебе, ни себе его не ищу, оно невозможно, оно не нужно. Ищу твоей руки, зову тебя, вместе пести невыносимо тяжкий крест...

Вся сила моя ушла на ежеминутное ожидание десяти дней и ночей, все не могу поверить, не могу понять и все жду, сама не знаю чего...

Береги себя, береги, напиши мне о себе поскорее. Обнимаю тебя крепко, крепко.

Наталья Герцена.

133. Ж. МИШЛЕ

Печатается по фотокопии с автографа (ВНП). Впервые опубликовано: *La Revue*, 1907, № 10 (15 мая), стр. 159 (русский перевод — «Былое», 1907, № 7, стр. 24).

В автографе первоначально вместо: *de la vie intime* <интимной жизни> — было: *de la vie de famille* <семейной жизни>. Конъектура, приводимая в тексте в редакционных скобках на месте, видимо, случайно пропущенного Герценом слова <*victimes des*> дается по публикации Г. Моно в журнале «*La Revue*».

Ответ на письмо Мишле от 20 ноября («*La Revue*», 1907, № 10, стр. 157).

Один из моих друзей известил вас о страшном несчастии... — Речь идет о письме Э. Гауга к Мишле от 21 ноября 1851 г. (см. Приложения).

...за ваше письмо от 15 ноября. — Видимо, описка Герцена: в письме от 21 ноября Гауг извещал Мишле, что Герценом получено его письмо от 17 ноября. Письмо Мишле от 15 ноября неизвестно.

...если у вас есть знакомый скульптор, я воздвиг бы у Иерского маяка памятник... — О своем желании запечатлеть в мраморе событие 16 ноября Герцен писал также М. К. Рейхель 3 декабря 1851 г. (см. письмо 135). Из дальнейшей переписки с Мишле видно, что он выслал Герцену рисунок и проект памятника, выполненные скульптором Огюстом Прео. Мишле писал Герцену 16 марта 1852 г.: «...Примите этот рисунок как выражение горячей симпатии, которую вы внушаете здесь всем, кто мыслит, залог глубокой связи между великими художниками и патриотами» («*La Revue*», 1907, № 10, стр. 160). В письме к М. К. Рейхель от 16 марта 1852 г. Герцен сообщал о полученном «из Парижа проекте памятника, заказанного Мишле». Проект не вполне удовлетворил Герцена, и он решил отложить его исполнение. Памятник поставлен не был.

...«жертв» врагов семьи и нравственности... — Видимо, намек на роль Гервега в семейной драме Герцена.

...признателен г. Ноэлю, если он пожелает подписать статьи своим именем. — 20 ноября 1851 г. Мишле обращался к Герцену с предложением поручить дальнейшие хлопоты о публикации статьи «*Michel Bakou-*

pine» своему знакомому Э. Ноэлю, который нуждался в материальной поддержке и мог бы исправить неточности языка, а также пескольо дополнить текст статьи.

134. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 306.

В тетради с копиями писем Н. А. Герцен тому же адресату имеется следующее ее письмо под той же датой, которое, видимо, было послано вместе с письмом Герцена (впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 306—307):

«1 декабря.

Смотрю на твои письма и все хочу писать тебе, и все не могу, и все не знаю, что сказать,— вместе бы сидеть, молча. Ты знаешь, что с нами, мы знаем, что с тобой; что говорить — точно кожа снята с ног до головы, каждое движение, каждое прикосновение — нестерпимая боль, а надо терпеть и будем, вот рука моя — обопришь па нее, если нужно тебе, пока я жива.

Прости же, друг, что не говорю много, ей-богу, сил нет... После, после... обнимаю тебя. Пиши о себе. Что Саша твой? И мой уж теперь больше, чем когда...

Твоя Н.

Александр все собирается тебе большое письмо написать.
Дети просят написать тебе, что обнимают тебя».

...преокупация — озабоченность, беспокойство (от франц. préoccupation).

И письмо из России не дошло до меня. — В письме к Герцену от мая—июня 1851 г. Т. Н. Грановский, сообщая о «горьком чувстве», вызванном у него книгами Герцена «С того берега», «Письма из Франции и Италии», высказал намерение вернуться к их разбору: «Скоро едут мои знакомые за границу, они привезут тебе большое письмо; там расскажу подробнее обо всех нас и скажу, может быть, еще что-нибудь о книгах твоих» (ЛН, т. 62, стр. 99). К этим строкам, приведя их позже в разделе «Старые письма» в составе «Былого и дум», Герцен сделал примечание, в котором раскрыл судьбу не дошедшего до него «большого письма» Грановского: «...письмо это, отданное в Париже моей матери, погибло вместе с нею 16 ноября» (при кораблекрушении у Иерских островов) (XI, 531).

135. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 307—308.

В тетради с копиями писем Н. А. Герцен тому же адресату имеется следующее ее письмо под той же датой, которое, видимо, было послано вместе с письмом Герцена (впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 310):

«3 декабря.

Со страхом ждала я твоего письма, о боже мой! Это безумие, — все, все еще не могла совсем поверить, но и ты пишешь, это последнее подтверждение — но благодарю за твое письмо, оно хорошо. Пиши, друг. Береги себя. Обнимаю тебя со всеми твоими».

Я читаю и перечитываю ваше письмо... — Видимо, письмо М. К. Рейхель от 30 ноября 1851 г. (см. ЛН, т. 61, стр. 308—309).

...едва полтора года пожила она. — Герцен имеет в виду независимую жизнь Л. И. Гааг за границей после получения оставленного ей в 1846 г. И. А. Яковлевым состояния, на которое затем был положен запрет (см. комментарий к письму 2).

Я продиктовал Луизе первое письмо, чтобы вас приготовить. — Вероятно, речь идет о письме Л. Суццер к М. К. Рейхель от 19 ноября 1851 г., в котором о катастрофе говорится в спокойных тонах и содержатся обнадеживающие строки: «Тетя, Коля и Шпильман находятся или в Гиере или в Тулоне» (ЛН, т. 61, стр. 309).

Вы некоторые подробности видели в «Прессе»... — Пространная корреспонденция с описанием кораблекрушения была приведена в парижской газете «La Presse» 21 ноября 1851 г. (см. Л VI, 524—526).

На днях ∞ вид того места между Пуэрес и островами. — Этот рисунок работы И. Каффи неизвестен. О написанной им впоследствии картине с изображением похорон Н. А. Герцен см. письмо от 7 мая 1853 г. (т. XXV).

На письмо Герценов М. К. Рейхель отвечала, видимо, письмом от 6 декабря 1851 г. — ЛН, т. 61, стр. 313.

136. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 310. В копии название месяца в дате — ноябрь — вписано карандашом (видимо, рукой Н. А. Герцен-дочери) вместо ошибочно прочтенного копистом — декабрь, оставшегося, однако, ею не зачеркнутым.

Дата письма определяется содержанием в нем первым упоминанием Герцена о дошедших в Ниццу вестях о перевороте 2 декабря 1851 г.: в следующем письме от 8 декабря он говорит о том же событии подробнее.

В тетради с копиями писем Н. А. Герцен тому же адресату имеется следующее ее письмо с датой 5 декабря, которое, видимо, было послано вместе с письмом Герцена и позволяет, таким образом, уточнить его дату (впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 310—312):

«1851 о декабря/ 23 ноября.

И у тебя именинник, — милая крошка! Ну пусть ему весело поживется, пока от нас зависит — ни одной минуты в их жизни не надо ни терять, ни огорчать по-пустому. А впереди я уже и не задумываю ничего, одно только — хотелось бы, чтобы около них был бы кто-нибудь, кто бы любил их; на всякий случай, неравно умрешь, хоть я и не собираюсь и делаю все, чтобы дольше прожить, по знаем мы, как полезны наши заботы. Спроси поосторожнее Т<атьяну> А<лексеевну> как будешь к ней писать, не желает ли она приехать повидаться, сама я боюсь об этом писать.

Я рада, что могу наконец плакать и говорить, т. е. писать, сердце начало смягчаться, а то эта ужасная борьба ожидания и страха... мне становилось иногда так дико быть и все происходившее около так же непонятным, нелепым, как то, что совершилось. Шпильман, Шпильман! Какая великая смерть, она отрадна, грустная, горькая отрада, но отрада, она возвышает это несчастье тем, что она протест против слепой, глупой, возмутительной случайности, она произвольная — подавляет ее, торжествует над ней и это отрадно.

Он все у меня в глазах с Колей па руках и все как будто усиливается помочь ему... а может быть он скитается где-нибудь безумный, — говорили, что замертво вынули одного немца и что он, придя в себя, имел вид сумасшедшего, говорил, что потерял всех своих и скрывался бог весть куда, не приняв ни денег, ни другой помощи!..

О если бы отыскать его!

Попробуй сделать копию с того дагерротипа, который у тебя, и если выйдет похож, пришли нам. Шпильманов сак тоже вытащили из моря, и в нем дагерротип Коли, с которым он не расставался, письмо из Авиньона к нам, которое он опоздал послать на почту, с рисунком Коли, который изображает Ариосто Орландо, с надписью „An Mama!“ („Маме!“). Другое письмо, которое ты верно знаешь, писанное к маменьке в Париже и которое есть тоже одно из великих доказательств его благойной, преданной патуры.

Кроме Ал(ександра) и детей, одно присутствие Луизы мне сносно, ее я заставляю рассказывать и пересказывать все тысячу раз с начала до конца. Говорят, с каким волнением, нетерпением ехали все, бедная, бедная маменька! Бесконечно жаль ее, походили бы за нею, похололи бы, сделали бы все, что в силах, в этом есть какое-то утешенье, а так в испуге воображать ее, бедную, не могу.

Да и правда(?) ждали-то их, как прежде, в пятницу, все глаза просмотрили, ждали на пароходе, в бюро сказали, что будет, потом в дилижансе в субботу, весь день пробегали из дому с горы к воротам, чтобы закричать и остановить дилижанс; Саша так и стоял на карауле весь день; ну, в воскресенье уж, думали, наверное — парезали (и все второпях, чтобы врасплох не застали) розанов, убрали ими все комнаты и все комнаты приготовили так, чтобы, как взойдешь, как будто век жил в ней, а Тата все любимые свои игрушки отобрала и все переставляла их с такою любовью Пароход, — закричал Франсуа с невыразимым торжеством, — и уж невдалеке...“ Ал(ександр) побежал в Ниццу, Саша несколько минут после пустился стрелкой так, что я со страхом смотрела, и мы с Татой принялись зажигать огоньки... вот и готово все давно, и ждем, и ждем, и ждем... ох, Мама! Мама! Друг — да неужели это все правда!..

И дождалась я только пару перчаток, которые он, засыпая, снял и положил Луизе в карман... поделюсь с тобой, пришлю одну... прощай!»

...после удара частного, удар общий ∞ пора паруса подобрать, усталость страшная. — Имеется в виду государственный переворот во Франции, совершенный в ночь на 2 декабря 1851 г. Луи Бонапартом. О тяжелых чувствах, владевших им в декабре 1851 г. и навеянных полученными одна за другой вестями о гибели близких и о разгроме республиканских сил во Франции, Герцен говорит в «Былом и думах» (X, 283). Оценку переворота 2 декабря 1851 г. и рассказ о событиях, имевших место в связи с ним в Ницце, см. в «Письмах из Франции и Италии» (V, 210—217) и «Былом и думах» (X, 213—220).

«Погоди немного, отдохнешь и ты». — Из стихотворения Лермонтова «Из Гёте» («Горные вершины...»).

Пришлите ∞ брошюру Мишле ∞ там, кажется, его ответ мне. — Очерк Мишле «La Pologne et la Russie. Légende de Kosciusko», о котором см. письмо 127, вышел в это время в Париже отдельным изданием. Еще ранее, осенью 1851 г., Мишле писал Герцену о намерении издать свои легенды «отдельной книгой» и доставить ее Герцену. В этом издании «Польши и России» Мишле выразил согласие с многими критическими замечаниями Герцена, высказанными им в брошюре «Русский народ и социализм», и исключил несправедливо резкие суждения о России и русской литературе (см. VII, 439).

На письмо Герценов М. К. Рейхель отвечала, видимо, письмом от 7 декабря 1851 г. — ЛН, т. 61, стр. 314.

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 312—313.

В тетради с копиями писем Н. А. Герцен тому же адресату имеется следующее ее письмо под той же датой, которое, видимо, было послано вместе с письмом Герцена (впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 314):

«Нипца, 8 декабря 1851.

Кажется, во всех адских мученьях забыто одно — это ожидание в неизвестности, а оно стоит, если еще не лучше, всякого другого. Уж мы надумались и о Париже, и о тебе; теперь надо поваще сообщаться, не знаем, что ждет нас завтра. Родители Луизы крепко упрашивают ее воротиться к ним, к празднику, она уж было и решилась, да теперь, кажется, опасно путешествовать, а я и рада тому — мне жаль ее отпустить: она как будто остаточек.

Я натягиваю, натягиваю все силы, чтобы запречься опять в жизнь... нет, не таяет. Сажу и шью Тате куклу — вот все, что могу, или в карты с детьми, и то все время или дура или фафашка. Сегодня в первый раз утишились мои головные боли, так Ал<ександр> провалялся, Оленька захворала, да что ж, уж ничего... На нынче прощай. Письмо принесли поздно. Скоро буду опять писать. Обнимаю тебя.

Тата очень меня упрекала, что я не исполнила ее порученья, не написала тебе и поздравленья с именинами Саши. Мой Саша тоже очень им интересуется, и особенно ему все хочется подарить ему что-нибудь, да не знает что; он получил часы 23 ноября в воспоминанье... Сквозь всей их детской беспечности нет-нет да и пройдет темное облако, вздохнут, посмотрят на меня да и притихнут. Тата заставила меня раз улыбнуться своим участием: „Что? Все голова болит, мама?“ — „Все болит“ — „Это от горя“ — и покачала головкой... Так спокойной почи!»

...целая страна идет ко дну... — Имеется в виду государственный переворот во Франции 2 декабря 1851 г. (см. комментарий к письму 136).

...в евангелии пророчится конец мира? ∞ разобьет об камень... Псалом 136 Давида, в котором проклинается «дочь Вавилона», кончается строками: «Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!» Пророчества конца мира содержатся в евангелии от Матвея (гл. 24), от Марка (гл. 13) и от Луки (гл. 19).

...Дмитрий Иванович Пименов... — О хохотуне Пименове Герцен рассказал в «Былом и думах» (см. VIII, 99—101).

...Егор Иванович. — Видимо, Герцен имел в виду свойственный его сводному брату паивно-обывательский взгляд на жизнь (обзор писем Е. И. Герцена см. в ЛН, т. 63, стр. 416—429).

Помните ли мой эпизод 49 году? Что же я скажу ∞ Какое проклятье... — Глава из книги Герцена «С того берега» — «Эпизод 1849» — начинается словами: «Проклятие тебе, год крови и безумия, год торжествующей пошлости, зверства, тупоумья. — Проклятье тебе!» (VI, 107—114).

Получил ваше письмо... — Герцен имеет в виду письмо М. К. Рейхель от 6 декабря 1851 г., в котором она сообщает об окончательной победе реакции во Франции: «В Париже дрались — сегодня, кажется, все кончено, солдаты сделали свое дело, да здравствует порядок <...> Не знаю, можно ли будет здесь оставаться, у Р<ейхеля> такая репутация, что того и гляди под ключ или вон...» (ЛН, т. 61, стр. 313).

...исполняя письмо ∞ вручить вам 10 000 фр. — Перечень сумм, выданных Герценом по завещанию его матери см. в Приложениях.

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 314.

В тетради с кониями писем Н. А. Герцен тому же адресату имеется следующее ее письмо под той же датой, которое, видимо, было послано вместе с письмом Герцена (впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 315—316):

«1851. 14 декабря. Ницца.

Представь себе, что твое письмо от 4-го мы получили только вчера, с ним вместе и от 10-го. Боже, боже, какое время! Сюда кое-как доходят подробности того, что делается у вас... Общее несчастье вызвало нас из нашего собственного несчастья, в котором мы были совсем цепенели... Как тяжело существовать, переживши столько, все переживши — без страха и надежды в будущее; без желанья его — что за жизнь! За себя давно уж рассчитался с миром и с благодарностью, всякий раз, как мне приходилось вспоминать о себе, хорошо мне становилось от сознания, что жилось столько, сколько только может жить смертный, и от этого же сознания отдавался так вполне другим и сам жил уж их жизнью; кажется, ни один нерв в детях не двигался, не жил помимо меня, вне меня — и, разумеется, при всех усилиях обуздать себя, ограничиться настоящим — уносился в будущее и жил больше им, потому, между прочим, что оно нераздельно с *общим* будущим. А теперь что?.. Одна из пышных, живых ветвей нашей жизни отломилась так неожиданно, так нелепо...

И дерево умирает, если не засмолят ему такую рану... и у меня ее ничто не засмолит, до конца силы будут уходить в нее... Они и прежде бы уходили, только в цвет прекрасный, в плод, а теперь... на воздух... После того не верится в прочность других ветвей, да если бы и верилось — не лучше; будущее с его свободой, с его развитием, с новой, более истинной жизнью и жизнью безграничною, идущую все вперед, вперед — все расширяющаяся... — это будущее исчезло, как свиденье, и перед глазами одна свищовая стена, которая давит и взор, и грудь и шаг не дает ступить...

Страшно, страшно — прошла минута, не придавивши тебя, и рад, улыбнулся кто из тех, кем живешь, и доволен, и больше не знаю, чего желать, чего искать, об чем стараться... руки падают, невыносимо тяжко! А бедный Ал<ександр> с его живым деятельным характером...

Мы уже пачали наше переселенье по карте, — ох, как не хочется еще переносить свои остатки на чужую сторону — мне хотелось съездить с Ал<ександром> в Нудег; видно, и это не удастся, а потом путь-то какой предстоит отсюда — морем в Англию...

Сегодня мне приснилась маменька, да так живо, я вне себя была от радости, боялась только, чтобы она траур не заметила, и только что спросила ее об Коле — проспугалась — и долго все ждала ответа. Как странно! В предпоследний час на пароходе он рисовал все мертвые головы, нарисовавши несколько, сложил и подписал Шпильману: „Nur viele tote Köpfe“ <„Все только мертвые головы“>, потом ему стало тошно, он уснул так спокойно, — страшное движение его разбудило, он кричал от испуга, плакал, говоря „Ich habe kalt“ <„Мне холодно“> — на него не успели надеть ни шляпы, ни ботинки — как это мучает меня! Хоть бы на колених на моих... Хоть бы в постели... Фу, как ужасна, как отвратительна жизнь...»

...жизнь своей мышьей беготней... — Герцен перефразирует строки стихотворения Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» («Мне не спится, нет огня...»).

Об общем что сказать вам; по-моему, это шаг вперед...— Смысл этих строк проясняется из письма четырнадцатого «Писем из Франции и Италии», датированного 31 декабря 1851 г., в котором Герцен замечал: «Рухнулся наконец этот мир, призрачный, дряхлый <...> дошедший до лжи и смещения всех понятий <...> противные сумерки пропали. Нет больше двусмысленных педоговорок, поддерживавших пустые надежды с обеих сторон. Темная ночь, которую ждали, настала,— мы шагом ближе к утру» (V, 211).

139. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Опубликовано впервые: ЛН, т. 61, стр. 317—318.

На копии к фамилии «Шомшильд» сделана заметка, видимо, рукой Н. А. Герцен-дочери: «Шомпильд — Шомбург, служит у Ротшильда. Из 2-х фамилий сделана одна».

...в записке маленьки назначены 3000 фр. Марии Фед(оровне) Корш...— М. Ф. Корш сопровождала семью Герценов в их поездке за границу в 1847—1848 гг. и особенно привязалась к их детям, а также к М. К. Рейхель и Л. И. Гааг. Известие о гибели Луизы Ивановны и Коли она получила в конце декабря 1851 г., находясь в Петербурге, от Ю. Б. Мюльгаузен-Шумахер, которой писала 28 декабря в Москву в неопубликованном письме: «Подробности смерти Коли и Луизы Ив(ановны) раздирают душу. Ведь случится же такое несчастье! Бедный Ал(ександр) и Н(аталя) А(лександровна), но не менее бедная и Марья Кас(паровна), которая любила Колю не меньше отца и матери, да и в Луизе Ив(ановне) потеряла много» (ЛБ, ф. 69, X, 52). См. также Приложения, № 8.

А я и без того боюсь, писал я к Ег(ору) Ив(ановичу) открыто.— Опасаясь компрометировать брата перепиской с «государственным преступником», Герцен поддерживал с ним редкую связь через М. К. Рейхель. В декабре 1851 г. он послал Егору Ивановичу письмо (не дошедшее до нас), о котором упоминала Т. А. Астракова в неопубликованном письме к Н. А. Тучковой, относящемся к самому началу 1852 г.: «Егор Иванов(ич) получил от своего брата собственноручное письмо, в котором он извещает о своей потере и говорит, что это так страшно поразило его жену, что она до сих пор еще не пришла в себя, и что и как будет с нею дальше—богу известно... Более я ничего не знаю из этого письма. Страшно за них, а за нее страшнее всех — перенесет ли она это, ведь уж сил-то немного осталось, все перетлею, хватит ли на это последнее испытание у нее энергии...да еще последнее ли оно? — что-то много страшного болтают — авось, это болтовня — дай-то бог!» (ЛБ, ф. 69, IX, 21). В том же (утраченном) письме к брату Герцен писал о денежной помощи своей старой няне Вере Артамоновне (см. также письма 147, 155, 157 и 190). Письмо Е. И. Герцена к М. К. Рейхель от 21 января 1852 г. с откликом на известие о гибели Л. И. Гааг см.— ЛН, т. 63, стр. 420.

*Насчет Беляева — советую вам написать ему, чтобы пока % при-
сла.*— О деньгах, данных в долг вятскому купцу К. В. Беляеву, М. К. Рейхель замечает в своих «Воспоминаниях»: «Я получила маленькое наследство после моей матери, эти деньги были помещены в Вятке у Беляева» (Рейхель, стр. 89). Возвращенные Беляевым деньги в сумме 12 тысяч были получены М. К. Рейхель в мае 1853 г. (ср. письмо Герцена от 12 мая 1853 г.— т. XXV).

Печатается по черновому автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 62, стр. 500—502. Другая редакция письма печатается по тексту Л VI, 533—534, где опубликовано впервые, по автографу, хранящемуся в архиве семьи Герцена. Местонахождение этого автографа в настоящее время неизвестно.

Ответ на письмо П.-Ж. Прудона от 27 ноября 1851 г. Сокращенный перевод письма Прудона, сделанный самим Герценом см. — ПЗ на 1859 г., кн. V, стр. 223—224 (ср. XI, 533—535); полностью в оригинале — Raul L a b r y. Herzen et Proudhon, Paris, 1928, стр. 122—124.

Вы говорите: «Торопитесь оплакать и вы сделаетесь нечувствительными к собственным бедствиям своим».— Герцен приводит отрывок из письма к нему Прудона от 27 ноября 1851 г. Русский текст дается по переводу самого Герцена (см. выше)

...страшная катастрофа и отняла у меня мать, сына и друга...— См. письмо 130.

Вы сказали ему два года назад: «Не Катилина стоит у ваших ворот, а смерть».— Герцен подразумевает статью Прудона «Philosophie du 10 mars. Monarchie ou république» («Философия 10 марта. Монархия или республика»), напечатанную в газете «La Voix du Peuple» от 24 марта 1850 г., № 178 (ср. XI, 737)

...надо оставить мертвым погребать мертвых! — Из евангельского текста (евангелие от Матфея, гл. VIII, 22).

...и вот народ, сложив руки, смотрит, как ее расстреливают.— Сопротивление буржуазных республиканцев во время государственного переворота Луи Бонапарта 2 декабря 1851 г. не было поддержано парижскими рабочими.

...катастрофа наступила, венсенские казаки, попы порядка одержали верх...— Луи Бонапарт и его сторонники, выдававшие себя за «защитников порядка», после переворота 2 декабря 1851 г. бросили в Венсеннскую крепость (пригород Парижа) большое число депутатов-республиканцев.

1852

141. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Опубликовано впервые: стрывок — Рейхель, стр. 73; полностью — Л VII, 3—4. Автограф на бумаге с траурным ободком. В автографе после письма Герцена следует письмо Луизы Суццер тому же адресату на немецком языке, в котором она сообщает о своем решении вернуться к родителям (в Штутгарт), а также о болезни Н. А. Герцена: «Натали была вчера очень больна. Она всегда много страдает, и с каким терпением она все переносит! Я могу только восхищаться ею».

...я проклинал 49, я проклинал 50...— Ср. в книге «С того берега» главу «Эпизод 1849» (VI, 107), в «Письмах из Франции и Италии» письма двенадцатое и четырнадцатое (V, 190—200 и 210—217).

Fuimus — были! — Часть римской эпитафии: «Fuimus ut vos, eritis ut nos» («Мы были, как вы, вы будете, как мы»).

Это — отдание 16 ноября.— 16 ноября 1851 г. — день гибели Коли Герцена и Л. И. Гааг (см. письма 130 и далее). О печальной встрече нового 1852 г. и болезни Н. А. Герцена см. «Былое и думы» (X, 283—284).

...брошюрку Мишле...— О брошюре Мишле «Pologne et Russie» см. письма 127 и 136.

...я ему послал рукопись в октябре, письмо в ноябре...— В октябре 1851 г. Герцен послал В. Вольфзону рукопись первой редакции повести «Долг прежде всего», надеясь, что он переведет ее на немецкий язык и издаст в Германии (о Вольфзоне см.: М. П. А л е к с е е в. Белинский и славянский литератор Я.-П. Иордан — ЛН, т. 56, стр. 461—462, 480). По неизвестным причинам Вольфзон не выполнил своего намерения. Впервые повесть была напечатана Герценом в переработанном виде в сборнике «Прерванные рассказы» (ср. письмо 99). Рукопись повести была послана Вольфзону частями: послав первую тетрадь, Герцен заключил ее обещанием «прислать через неделю» остальное. Вторая тетрадь, озаглавленная «Письмо автора к г. Вольфзону» и содержащая продолжение повести, имеет в конце дату: «Ницца. 13 октября 1851» (см. VI, 409—432, 523—524 и ЛН, т. 61, стр. 27—31). Не вполне ясно, о каком «письме», посланном Вольфзону «в ноябре», сообщает Герцен; возможно, посылая Вольфзону рукопись «Письма к автору», Герцен сопроводил ее также деловым письмом, которое, однако, неизвестно.

...Китайца...— Герцен имеет в виду сына Рейхелей Саму.

...от уж год прошел, а еще там никого не сослали ∞ не повесили за мою брошюру.— Об отрицательной реакции московских друзей на книгу Герцена «О развитии революционных идей в России» см. письмо 125, а также — VII, 421.

142. Ж. МИШЛЕ

Печатается по тексту Л VII, 4—5, где опубликовано впервые, по автографу, хранившемуся в архиве семьи Герцена. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Письмо Мишле от 25 декабря 1851 г., на которое отвечает Герцен, неизвестно.

...в огромности всеобщего несчастья...— Намек на государственный переворот во Франции 2 декабря 1851 г. См. комментарий к письму 136.

...сведения относительно памятника...— О проекте памятника, заказанного О. Прео, см. письмо 133.

Ответ Мишле от 10 января 1852 г.— «La Revue», 1907, № 10, стр. 160 (русский перевод — Л VII, 6).

143. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Опубликовано впервые: Л VII, 6—7. Автограф на бумаге с траурным ободком.

Год и дата письма определяется описанием предсмертной болезни Н. А. Герцена.

Rouge ou noir...— Красное или черное (франц.) — азартная карточная игра.

...плеврети...— плеврит (франц. pleurésie).

144. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Опубликовано впервые: ЛН, т. 61, стр. 318.

В копии дата воспроизведена ошибочно: «8-го четверг 12 четверг». В январе 1852 г. четверг приходился на 8-е число. Содержащееся в письме описание хода болезни Н. А. Герцен подтверждает эту дату (ср. письма 143 и 145).

145. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Опубликовано впервые: Л VII, 8. Автограф на бумаге с траурным ободком.

Год в дате письма определяется описанием болезни Н. А. Герцен.

...жизни мышья беготня...— См. письмо 138.

...письмо от Шпильм(анова) друга...— Письмо неизвестно.

«Погоди немного, отдохнешь и ты».— См. письмо 136.

...брошюрка Мишле...— «Pologne et Russie» (см. письмо 127).

...транспирация— испарина (от франц. transpiration).

146. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Опубликовано впервые: Л VII, 8—9. Автограф на бумаге с траурным ободком.

Год в дате письма определяется описанием болезни Н. А. Герцен.

...портрета еще нет.— О портрете Коли Герцена Рейхель упоминала, в связи с его гибелью, 30 ноября 1851 г.: «...портрет, сделанный в день отъезда, и так похож, только такое грустное личико, как будто чувствовал!» (ЛН, т. 61, стр. 308). 5 декабря Н. А. Герцен просила ее: «Попробуй сделать копию с того дагерротипа, который у тебя, и, если выйдет похож, пришли нам» (там же, стр. 311). Портрет был получен Герценом 16 января 1852 г. (см. письмо 147). 29 февраля 1852 г. Н. А. Герцен благодарила М. К. Рейхель за присланный дагерротип Коли (см. ЛН, т. 63, стр. 382).

147. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Опубликовано впервые: Л VII, 9—10. Автограф на бумаге с траурным ободком.

Портрет Коли ∞ присланный из Штутг(арта)...— В Штутгарте, на родине Л. И. Гааг, жили ее родные, в частности — сестра Маргарита Суццер (урожд. Гааг). Дочь Маргариты Луиза, спасаясь при кораблекрушении 16 ноября 1851 г., сообщала М. К. Рейхель из Ниццы 1 декабря: «Я написала <...> моим родителям, чтобы они выслали принадлежащие им портреты Коли» (ЛН, т. 61, стр. 316). О полученном портрете Н. А. Герцен замечала 19 декабря в письме к М. К. Рейхель: «...одна сторона личика похожа и мила, только грустное выраженье» (там же). Об одном из портретов Коли Герцена, выполненном в марте 1851 г., см. в письмах Л. И. Гааг к М. К. Рейхель от 29 марта и 13 июля 1851 г. (см. ЛН, т. 63, стр. 405 и 408).

Fuimus — были — См. комментарий к письму 141.

Пришло письмо Там(ьяны) Алек(сеевны); да что же Егор-то Иванович хочет оттолкаться... — Это письмо Т. А. Астраковой к Герценам неизвестно. Сохранилось ее неопубликованное письмо к М. К. Рейхель от 1 января 1852 г. (20 декабря 1851 г.), в котором она, видимо, имея в виду одновременно отправленное письмо к Герценам, обращается с просьбой к Рейхель: «Передайте приложенную записочку». В письме к Рейхель Астракова сообщала о только что полученной ею вести о трагической гибели Л. И. Гааг и Коли Герцена: «Не успела я кончить это письмо, как пришла Вера Артамоновна и огорошила меня известием о гибели бедной Луизы Ивановны... и Коли! Бедный Коля! Сколько утешений, сколько надежд предстояло всем с его развитием — и все в море теперь...» Далее Астракова писала о жалобах пьян Герцена Веры Артамоновны по поводу

отказа Егора Ивановича Герцена помогать ей: «Она боится, что Ег(ор) Ив(анович) не согнал ее со двора. Она просит меня написать от нее просьбу к Нат(алие) и Ал(ександру), чтоб они ее не покинули (...) Вы уж примите на себя труд вовремя передать просьбу Веры Арт(амоновны)» (ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 271). См. также комментарий к письму 139.

Хоец(кий) просит вас ∞ насчет его малютки.— Внебрачная дочь К.-Э. Хоецкого Мари была в его отсутствие (он был выслан в 1850 г. из Франции) передана на воспитание чужим людям (в семью Беше), чтобы не помешать новому браку ее матери, молодой вдовы, разошедшейся к этому времени с Хоецким. После долгих поисков отец нашел дочь. Герцен принял близкое участие в ее судьбе (см. письма 154, 155, 159, 161). По просьбе Хоецкого девочка была временно помещена у Энгельсона (см. «Былое и думы» — X, 353). В 1866 г. Хоецкий известил Герцена о замужестве своей дочери (см. письмо Герцена к Хоецкому от 14 апреля 1866 г.)

148. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 10—11. Автограф на бумаге с траурным ободком.

Письмо ваше и Тат(ьяны) Ал(ексеевны) получил.— См. комментарий к предыдущему письму.

...1500 фр. Вере Артамоновне, о которых я Егору Ивановичу писал.— См. комментарий к письмам 147 и 155.

...не советую деньги брать ни у Бел(яева), ни у Ог(арева)...— Н. П. Огарев должен был М. К. Рейхель 2000 р. сер. (см. письма Герцена к Г. И. Ключареву от 20 ноября 1847 г. и 12 ноября 1849 г.—т. XXIII). Из неопубликованного письма Т. А. Астраковой к М. К. Рейхель от 1 января 1852 г. (20 декабря 1851 г.), о котором см. выше, следует, что Рейхель в ноябре—декабре 1851 г. просила Астракову узнать у Н. П. Огарева о возможности получения одолженной ему суммы. Получив от Огарева ответ, Астракова сообщала Рейхель: «Он пишет, чтобы вы его теперь не тревожили, потому что его дела в страшном расстройстве и что он вам теперь только может выслать проценты, а сумму просит вас подождать до сентября, т. е. до будущего года. Вот вам и ответ от слова до слова». См. также письмо 197. О долге вятского купца К. В. Беляева см. комментарий к письму 139.

...подарок ∞ снурти для Саши.— Видимо, «короб платьев» для маленького Саши Рейхеля (см. письмо 165).

149. М. К. и А. РЕЙХЕЛЯМ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 11—12. Автограф на бумаге с траурным ободком.

Письмо, написанное Герценом полупамятками, в шутливой форме, связано с полученным им 28 января письмом Г. Гервега, которым тот хотел уязвить Герцена и оскорбить, даже оклеветать его жепу. «Я не распечатал бы этого письма, если б он не подписал на конверте: „честный вызов“» — объяснял позднее Герцен Гаугу (см. письмо 160). О содержании этого письма Герцен упоминает в «Былом и думах»: «Письмо было отвратительно, гнусно. Он говорил, что я моими *плевками* на него сбил Natalie с толку, что я воспользовался ее слабостью и моим влиянием на нее, что она *изменила* ему. В заключение он *доносил на нее* и говорил, что судьба решает между мной и им, что „она топит в море ваше исчадие (votre progéniture) и вашу семью. Вы хотели это дело кончить кровью, когда я полагал, что его можно кончить человечески. Теперь я готов и

требую удовлетворения» (X, 284). Там же Герцен указал, что никогда не перечитывал этого письма и «раз только развертывал его потом», а 23 октября (стар. ст.) 1853 г., не читая, сжег. В записной книжке Гервега, хранящейся вместе с другими его бумагами в Британском музее (Лондон), сохранился черновой текст этого письма. Гервег заявлял в нем, что желает исчерпать все мирные средства, но «не отступит и перед скандалом». Подробно и весьма тенденциозно охарактеризовав свои отношения с Натальей Александровной, он писал в заключение: «Я обращаюсь с последним призывом к вашей чести — избрать предпочтительное для вас оружие. Переведем же друг друга глотки — подобно диким зверям — поскольку мы уже больше не люди... Блесните же хоть раз (если вы действительно способны на это) чем-нибудь иным, кроме кошелька. Гибель за гибель! Довольно холодных обсуждений» (цит. в переводе с английского по кн.: E. Carr. *The romantic Exiles*. London, 1933, стр. 126).

Возмущение Герцена письмом Гервега, который притом дал ему широкую огласку, желание немедленной «казни Гервега», ставшее для Герцена «физиологической необходимостью», невозможность оставить для этого больную жену — все это описано им самим в «Былом и думах» (X, 284—294). По поручению Герцена и от его имени В. А. Энгельсон 28 января отправил Гервегу ответ, содержавший отказ от дуэли (см. в Приложениях; взгляд Герцена на дуэль как «феодальный поединок» и принципиальное отрицание ее см. в статье «Несколько замечаний об историческом развитии чести» — т. II наст. изд.).

Узнав о письме Гервега, Н. А. Герцен также была возмущена его содержанием и ответила Гервегу письмом от 18 февраля (см. письмо 150). Это письмо Наталье Александровне, в котором Герцен видел ее «оправдание, сделанное торжественно» (см. письмо 166), было отослано Гервегом обратно, однако, согласно ее последней воле, прочтено ему после ее смерти Э. Гаугом 1 июля 1852 г. (см. письмо 197).

...не садите ни в Гокенкукерлинг, ни в Унтер Лауб Циген... — Пародийные наименования отсутствующих в действительности мест в Германии (ср. апалогичную шутку с названием родового поместья Рейхелей Туржниц в Пруссии в письмах к М. К. Рейхель за август 1854 г. — т. XXV).

...на креслах отца (это намек на *Père-Lachaise*)... — Каламбур, основанный на буквальном переводе названия парижского кладбища *Père-Lachaise* (по-французски *père* — отец, *la chaise* — стул).

...на скамейке матери ∞ намек на *Mme Galère*... — Продолжение намеков, связанных с возможным исходом мести Гервегу (смерть или казнь). Каламбур основан на сходстве произношения французских слов: *la mère* — *la mer* (мать — море); отсюда смысловой переход от «скамейки матери» к «скамейке моря», т. е. «галере».

...апроши — подступы, подходы (от франц. *approches*).

...от апоплексического удара... или же от государственного переворота. — Во французском тексте — непереводимый каламбур со словом *coup* (удар): *coup d'apoplexie* (апоплексический удар) и *coup d'Etat* (государственный переворот).

...как добрый отец. — Каламбур, подразумевающий упомянутую выше фамилию д-ра Bonfils: по-французски *bon fils* — хороший сын, *bon père* — добрый отец.

Mut der Konsequenz: Ex(ure)r Ex(ze)l(len)z! — «Мужество последовательности — вашему превосходительству!» (нем.); смысл этой рифмованной остроты, по-видимому, в пожелании А. Рейхелю успеха и мужества при выполнении им условий завещания Герцена.

Печатается по фотокопии с чернового автографа (*ИИГ*). Опубликовано впервые: *Л VII*, 13—15 (с выпуском французской части черновой редакции письма Н. А. Герцен к Гервегу).

Во французском тексте письма Н. А. Герцен, написанного рукой Герцена, имеются, помимо правки текста, перестановки целых кусков. В верхнем углу первого листа автографа надписано рукой неуставленного лица: «(Сазонову). По-видимому, не было отправлено».

Ответ на письмо Н. И. Сазонова от 3 февраля 1852 г., в котором он, в частности, замечал: «Мне кажется, ты жепу держишь с собой насильно, т. е. насильно, разумеется, не материальными средствами, а убеждениями, угрозами, одним словом нравственным принуждением» (*Л VII*, 14). Сазонов отвечал здесь Герцену на не дошедшее до нас его письмо упоминаемое в «Былом и думах» (X, 286), в котором Герцен стремился выяснить позицию Сазонова, поддерживавшего дружеские отношения с Гервегом, в связи с полученным 28 января вызовом Гервега, (см. письмо, 149). Узнав от Герцена 15 февраля о письме Гервега, Н. А. Герцен решила немедленно ответить Сазонову настоящим письмом, к которому Герцен сделал свои пояснения и в котором содержится также текст первоначальной редакции ее письма к Гервегу от 18 февраля 1852 г. (текст окончательной его редакции см. — *Л XIV*, 94—95; в несколько ином виде это же письмо приведено самим Герценом в «Былом и думах» — X, 290—291).

...и т и м и д а ц и я м и — запугиваниями (франц. intimidation).

151. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (*ЦГАЛИ*). Впервые опубликовано: *Л VII*, 15—17. Автограф на бумаге с траурным ободком; слова «Отвечайте немедленно», выставленные перед текстом письма, по написанные позднее, подчеркнуты дважды. Перед этими словами — дата рукой неуставленного лица: «18 февраля 52». На оборотной стороне автографа — окончание письма Н. А. Герцен (со слов: «Александра перед кем уже мог»), посланного вместе с письмом Герцена. Предшествующая часть письма Н. А. Герцен воспроизводится по копии (*ЦГАЛИ*), текст которой является более достоверным, чем публикация Лемке (*Л VII*, 16—17), имеющая ряд разночтений с автографом и с копией.

...вот вам письмо, которое объяснит все. — Письму-исповеди жены, наряду с ее письмом к Гервегу от того же числа и собственной «первой исповедью», как он назвал свое письмо к Э. Гаугу, Герцен придавал важное значение как документам, правдиво освещающим последние события семейной драмы и объясняющим его отказ от дуэли с Гервегом и решение «дать публичность всему делу» (см. письма 149, 150, 160 и комментарий к ним). Толчком к «исповеди» Н. А. Герцен послужило письмо Гервега с вызовом Герцену, полученное им 28 января (см. письмо 149), слухи о котором вскоре распространились в Париже и были сообщены М. К. Рейхель А. Колачеком и Н. А. Мельгуновым, о чем она в свою очередь написала Н. А. Герцен (см. «Былое и думы» — X, 290, а также письмо 160).

Энгел(ьсон) переписал вам свой ответ и письмо. — Письмо В. А. Энгельсопа к Г. Гервегу от 18 февраля 1852 г. см. в Приложениях.

Как бы в Россию не дошел вадор... — Как видно из неопубликованного письма С. И. Астракова к Н. П. Огареву от 15 марта, М. К. Рейхель выполнила просьбу Герцена и вскоре писала в Россию, стремясь пред-

отвратить распространение ложных слухов о событиях в семье Герценов. Астраков сообщал Огареву, «что все слухи совершенный вздор, ибо получено письмо от М(арьи) К(аспаровны) от 9 марта», «в котором пишется, что всё и все обстоят благополучно и даже здоровье поправилось окончательно <...> следовательно, в этом отношении я и ты и все могут быть покойны, а то чёрт знает как это время было гадко, говорили всё чёрт знает, но не менее того весьма гадкое и неутешительное. Я теперь очень рад и можно, по крайней мере, вздохнуть свободно» (ЛБ, ф. 69, IX, 8).

152. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 17. Автограф на бумаге с траурным ободком; на обороте письма — отрывки записей Герцена с арифметическими расчетами.

Год написания определяется упоминанием о письме-исповеди Н. А. Герцен от 18 февраля 1852, в котором она рассказала «страшную историю» увлечения Г. Гервегом.

Прилагаю записочку в Россию, отошлите ее с Сабур(овым) — вместо той, которую я дал. — Эти письма Герцена неизвестны; видимо, они были адресованы московским друзьям (А. И. Сабуров был женат на сестре Н. М. Сатина). О посещении генерал-майором Сабуровым Герцена в Ницце см. «Былое и думы» (XI, 297—298).

153. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 18.

Год написания устанавливается по упоминанию Герцена о посылаемых письмах к Н. А. Тучковой и Т. А. Астраковой, которым Н. А. Герцен писала как раз в это время (см. ниже). Переписка с Н. И. Сазоновым, о котором пишет Герцен, надолго прервалась после весны 1852 г.

Вот вам два письма: одно к Нат(алье) Алекс(еевне), другое к Там(ьяне) Ал(ексеевне)... — Отклик на получение письма Н. А. Герцен содержится в неопубликованном письме Т. А. Астраковой к Н. А. Тучковой от 19 марта. В нем говорится: «Вчера я была очень обрадована, получивши письмо собственноручное от Н., но прочитавши его, я плакала. Бедная она! — она все еще в постели, лежит и едва могла написать мне записку и то карандашом — ей позволяют теперь немножко сидеть, и она однако же не верит в обещание докторов, что ей скоро позволят спустить ноги с постели, — „да и боюсь встать (пишет она) — увижу море...“ У меня так сердце зашлось кровью, читая ее грустную записку, и добавок она очень зовет меня к себе и говорит, что ей хочется видеть меня перед смертью — грустно и грустно <...> Вот что мне она пишет, чтобы я ей прислала поскорее письмо и ответ от вас. Утешьте же больную, напишите поскорее записочку...» (ЛБ, ф. 69, IX, 21).

154. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по тексту Л VII, 18, где опубликовано впервые, по автографу, хранившемуся в архиве семьи Герцена. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Год написания определяется строками Герцена о «маленькой Ховцкой», о которой он постоянно сообщает в это время М. К. Рейхель (см. письма 147, 155, 159).

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 19—20.

Год написания определяется строками письма «о дуэльном деле» с Гервегом.

Негодяй этот написал Эн<гельсону> ответ...— Письмо Г. Гервега неизвестно. Оно являлось ответом на письмо В. А. Энгельсона от 18 февраля (см. Приложения). Новое письмо Энгельсона от 30 марта см. Л XIV, 96—99.

Он говорит, что приложенное письмо он не читал...— Речь идет о письме Н. А. Герцен к Гервегу от 18 февраля 1852 г. (см. письмо 150 и комментарий).

...письмами Саз<онова> я недоволен...— Письмо Н. И. Сазонова от 3 февраля 1852 г. см. Л VII, 14. Остальные письма за это время неизвестны (ср. также более поздние письма Сазопова за 1852 г.— от 24 марта и 6 сентября — ЛН, т. 62, стр. 540—541). См. комментарий к письму 150.

...Мате — Возможно речь идет о Матьё.

Н<аташа> хотела вам писать завтра...— См. письмо 156.

Вексель Вере Ар<тамоновне> пришло ∞ отдал Егору Ио<ановичу> 5000 фр., из коих 4 Петруше и 1 Акс<инье> Иван<овне>.— О суммах, завещанных Луизой Ивановной няне Герцена Вере Артамоновне и брату Н. А. Герцен Петру Захарьину, см. Приложения, № 8. О высылке векселя Герцен сообщил в письме 157. Деньги, высланные Герценом Вере Артамоновне, постоянно задерживались Егором Ивановичем Герценом (см. комментарии к письмам 139, 147, 190 и 242). В архиве Герцена сохранились расписки матери Н. А. Герцен Аксиньи Ивановны Фроловой и Петра Захарьина в получении от Герцена денежных сумм: на 124 р. 37 $\frac{1}{2}$ к.

и 1226 р. 98 к. серебром, полученных Аксиньей Ивановной 26 августа 1852 г. в с. Земетчине Моршанского уезда, на 1226 р. 98 к., полученных тогда же П. Захарьиным, и еще 125 р. 65 к., полученных А. И. Фроловой в октябре 1854 г. (ЦГАЛИ).

Они мне должны бедну процентов...— См. письмо 84.

156. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Опубликовано впервые: ЛН, т. 61, стр. 320.

Год написания определяется упоминанием Н. А. Герцен о «дуэльном деле» с Гервегом. Строки Герцена были написаны вслед за текстом письма Н. А. Герцен тому же адресату, о чем свидетельствует заметка копииста, сделанная перед ними в тетради с копиями: «Прписка А. П. Г-на» (письмо Н. А. Герцен находится в другой тетради с копиями). В копии перед последними словами письма («и не отвечать»), данными с красной строки, оставлен пробел, обозначающий, возможно, неразобранный копиистом текст.

157. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Опубликовано впервые: ЛН, т. 61, стр. 326 (с ошибочной редакторской датой: «13 апреля», которая имеется только в копии письма, но в автографе отсутствует). Автограф на бумаге с траурным ободком.

Дата написания устанавливается по строкам о «дуэльном деле», ожидании второго вызова Гервега, о концерте А. Рейхеля и других фактах, относящихся к марту, а не апрелю 1852 г. (ср. письма 155, 159, 162).

13 апреля Герцен писал тому же адресату совсем другое письмо (см. письмо 168), кроме того, в состоянии здоровья Н. А. Герцен наступило к тому времени резкое ухудшение, и писать в те дни она бы не могла.

...письма от Н<аташи> и от Энгельсо<на>—См. комментарий к письму 150.

158. М. К. РЕЙХЕЛЬ (приписка)

Печатается по тексту Л VII, 20—21, где опубликовано впервые, как «приписка к письму Хоецкого о его дочери» (Л VII, 289). Письмо Хоецкого, в котором, несомненно, речь шла о хлопотах в связи с его попытками вернуть себе находившуюся у чужих людей маленькую дочь, неизвестно (см. письмо 147 и комментарий).

Мельг<уное> мне писал об нем.— Это письмо неизвестно.

«Тяжела шапка Мономаха!» — Из монолога Бориса Годунова в одноименной трагедии Пушкина, сцена «Царские палаты».

159. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Опубликовано впервые: Л VII, 21—22 (с ошибочной датой: «17 марта»). Автограф на бумаге с траурным ободком.

Год написания определяется упоминанием Герцена о катастрофе 16 ноября 1851 г.: «Сегодня 4 месяца после 16 ноября» (см. письмо 130).

...проект надгробного памятника...— См. комментарий к письму 133.

...нельзя ли барельеф прибавить — или медальон свади.— С этим пожеланием Герцена, по-видимому, связаны отрывочные записи Н. А. Герцен в ее письме к М. К. Рейхель, законченном 16 марта 1852 г.: «...он, т. е. барельеф из бел<ого> мр<амора>, на котором изобразить 16-е ноября и вделать его в колонну <...> А мне бы хотелось ребенка на монум<ент> из белого мрамора, но как все соединить? А если медаль <...>» (ЦГАЛИ, ед. 247; ср. ЛН, т. 61, стр. 321)

Я получил превосходное письмо от Гауга...— Письмо Э. Гауга от 10 марта 1852 г. (Л VII, 41—44); Герцен ответил ему письмом 160.

...ответ на писанное мною к Мац<цини>...— Герцен имеет в виду свое письмо (не дошедшее до нас) к Д. Маццини от 6 февраля 1852 г. (см. Список несохранившихся писем). Вместе с письмом Гауга Герцен получил письмо от Маццини, в котором тот, осуждая Гервега, писал: «...явиться смело обвинителем и предоставить нам суд» (это письмо известно по цитате, приведенной в «Былом и думах» — X, 288, и по упоминанию о нем в письме 229). 27 мая 1852 г. Маццини снова обратился к Герцену с письмом, исполненным чувств симпатии и сочувствия (см. Л VII, 59). См. также комментарий к письму 160 и письмо 194.

160. Э. ГАУГУ

Печатается по тексту Л VII, 24—41, где опубликовано впервые, по автографу, хранившемуся в архиве семьи Герцена. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно. В текст письма внесено исправление: *la femme* <женщину>— вместо: *sa femme* <свою жену> (стр. 250, строки 21—22).

Дата написания определяется временем получения письма Э. Гауга, на которое отвечает Герцен (см. письмо 159). Комментируемое письмо было частично использовано Герценом в «Былом и думах» при описании семейной драмы — на это указывает сам Герцен в подстрочном примечании

(X, 261; этот текст Герцена учтен в русском переводе письма в настоящем издании). В другом месте «Былого и дум» Герцен называет это письмо своей «первой исповедью», в которой рассказано «все, что было» (там же, 289).

Ответ на письмо Э. Гауга от 10 марта 1850 г. — Л VII, 41—44.

Да, я принимаю выражение братской солидарности, я принимаю вашу руку... — В своем письме Гауг писал: «Мой несчастный Александр, не начинайте ничего для удовлетворения нашей оскорбленной чести раньше, чем я вас увижу, — я приеду в Ниццу через несколько дней. Ваше письмо к Мацинии от 6 февраля я увидел лишь сейчас, и мне кажется несчастьем, что вы не получили последнее мое письмо в декабре <...> Ваши страдания болезненно врезались в мою жизнь — я хочу их исцелить. Мечта нашего времени — солидарность народов <...> Вы имеете право не драться па дуэли: уже один из величайших сынов Востока погиб от пошлой пули, и где же было искупление — десница справедливой судьбы? — Солидарность должна иметь еще и другую сторону...»

В своем письме вы напомнили мне о разговоре, который мы вели как-то ночью, прогуливаясь воле собора св. Магдалены. — Отклик на слова Гауга: «С тех пор, как однажды, в поздний час ночи перед церковью св. Магдалены вы мне сказали, что Натали — ваше блаженство, ваше небо — я полюбил это небо, в которое раньше, быть может, я был влюблен. Натали сделалась олицетворением Духа Востока, предстателем которого являетесь вы...». Разговор в Париже с Гаугом происходил, вероятно, в первой половине 1850 г.

Когда мы во второй раз встретились с субъектом, о котором идет речь... — Как отмечает Герцен в «Былом и думах», он встретился с Гервегом, после двухмесячного перерыва, за несколько дней до восстания 23 июня 1848 г. (X, 240).

Очерненный людьми из своей же партии, обвиненный в трусости и даже в нечестности в связи с баденским походом... — Возглавлявшийся Гервегом поход «немецкого демократического легиона» для оказания помощи баденским повстанцам закончился разгромом легиона 27 апреля 1848 г. в бою с правительственными войсками. Это послужило поводом к нападкам на Гервега, которого немецкая эмигрантская колония в Париже обвиняла не только в том, что он бежал с поля боя, но и в растрате и утайке денег, полученных от французского правительства для организации «баденской экспедиции». Сам Герцен писал впоследствии, что деньги не были присвоены Гервегом, но что тот беспорядочно тратил их и часто «на ненужные прихоти» (см. X, 245—249, 489—490).

...он писал мне, что, если я вздумаю его покинуть, он уцепится за меня, ибо для него без меня нет жизни... — Герцен имеет в виду письмо Гервега без даты, относящееся к середине января 1850 г., в котором он писал: «Я цепляюсь за вас как за последнее благо, которое у меня осталось и которое я люблю» (Л XIV, 51—52, где ошибочно датировано февралем 1850 г.).

Я покажу вам его письма, которые, по счастью, я сохранила... — См. публикацию девятнадцати писем Гервега к Герцену, сохранившихся в архиве последнего, — Л XIV, 34—89.

Н(атали) протестовала в своих письмах... — Выдержки из писем Н. А. Герцен к мужу за этот период приведены в «Былом и думах» в гл. «Кружение сердца» (X, 254—255).

Мои парижские письма были исполнены возмущения его поступками... — См. письма Герцена к Г. Гервегу за январь — февраль 1850 г. в т. XXIII наст. изд.

Я отвечал ему: «Вы внесете в эту жизнь разрушительное, эгоистическое начало... — Герцен излагает содержание своего письма к Гервегу от 31 декабря 1849 г. (см. т. XXIII).

«Оставь нас, гордый человек...» — Неточные строки из «Цыган» Пушкина, которые Герцен напоминал Гервегу в упомянутом выше письме

к нему от 31 декабря 1849 г. См. об этом также в «Былом и думах» — X, 256.

...а-жа Гервег ∞ взяла у меня ваймы 10 000 франков на два года.— См. Приложения, № 10.

...слова, которые я сказал ей перед ее отъездом.— Свой последний разговор с Эммой Гервег Герцен подробно излагает в «Былом и думах» (X, 262—265).

...слова, с которыми Гамлет обратился к своей матери...— Далее Герцен петочно излагает слова Гамлета о его дяде-короле — в «Гамлете» Шекспира (действие III, сцена 14).

...корабль возвращается в гавань после бури, — полураббитый, но в восторге от своего спасения...— Эту же цитату из несохранившегося письма Н. А. Герцен от начала июля 1851 г. Герцен привел в несколько ином варианте в «Былом и думах» (X, 272).

В сей Агари мужрающегося в гавань после бури, — полураббитый, но в восторге от своего спасения...— Ироническое сравнение Гервега и его жены с библейскими персонажами — рабыней-паложницей Агарью и ее незаконнорожденным сыном Измаилом, выгнанными из дома Авраама и Сарры после рождения у патриарха Авраама сына Исаака (Книга бытия, гл. XXI). Берлин — родина Э. Гервег.

В первом письме, с которым он обратился к Н<атали>...— Это письмо, как и все остальные письма Гервега к Н. А. Герцен, за исключением одного (Л XIV, 36—37), не сохранились — они, по-видимому, были уничтожены самой Натальей Александровной.

Переписка эта, проходившая через мои руки, привела ко всем последующим ужасам.— Многочисленные выдержки из писем Н. А. Герцен к Гервегу за этот период см. в ЛН, т. 64, стр. 300—314. Содержание их свидетельствует о том, что далеко не со всеми письмами Герцен был и мог быть ознакомлен.

...я вдруг узнаю в Женеве от г. Сазонова, что субъект ему все рассказывал.— См. письмо 111.

...я обнаружила там грязное, отвратительное по своему цинизму письмо, полное доносов на Н<атали> и невообразимых разоблачений.— О письме Г. Гервега, полученном Герценом 28 января 1852 г., см. комментарий к письму 149.

...а-жа Рейхель сообщила из Парижа Н<атали>, что, как она узнала от г. Колачека, мне был послан вызов.— Это письмо М. К. Рейхель к Н. А. Герцен неизвестно.

...с участием баденской героини...— О роли Э. Гервег в баденском походе «немецкого демократического легиона» см. «Бывое и думы» — X, 245—249.

Ответ Гауга неизвестен. О его дальнейшем участии в конфликте между Герценом и Гервегом см. подробно в «Былом и думах» (X, 292—294 и 303—313).

161. П.-Ж. ПРУДОНУ

Печатается по тексту Л VI, 181, где опубликовано впервые (с ошибочной датой: «23 марта 1851 г.»), по автографу, хранившемуся в архиве семьи Герцена. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Год в дате письма исправляется на основании строк Герцена о близком освобождении П.-Ж. Прудона из тюрьмы (из которой он вышел в начале июня 1852 г. после трехлетнего заключения), а также о благополучно закончившихся поисках дочери К.-Э. Хоецкого, о которой часто упоминается в письмах Герцена, относящихся как раз к началу 1852 г. (письма 147, 155, 159), а также в письмах Прудона к Хоецкому этого времени (см. ниже). В марте 1851 г. Хоецкий еще не мог предпринять поиски дочери: он приехал в Ниццу из Египта лишь 26 июня (см. письмо Л. И. Гаг к М. К. Рейхель от 30 июня 1851 г.— ЛН, т. 63, стр. 408).

...*доброе известие о малютке нашего друга Эдмона*...— очевидно, сообщение о благоприятном исходе конфликта, возникшего у Хоецкого с неким Беше, которому была отдана на воспитание маленькая дочь Хоецкого — Мари (см. комментарий к письму 147).

...*благодарность за вашу дружескую помощь*...— Прудон был связан с Хоецким, своим ближайшим сотрудником по «*Voix du Peuple*» не только деловыми, но и дружескими отношениями и проявлял заботу о его ребенке. Он называл Мари своей «питомицей» и ее имя неоднократно встречается в письмах Прудона к Хоецкому того периода (см. P.-J. Proudhon. Correspondance. Paris, t. IV, 1875, стр. 93, 130, 192, 287, 290). Герцен советовал М. К. Рейхель обратиться по поводу Мари за содействием именно к Прудону (см. письмо 155).

Она поселится у нас...— Это намерение не было осуществлено. См. комментарий к письму 147.

...*вы вскоре перемените тюрьму. Дай бог, чтобы большая не показалась вам омерзительнее малой*.— 4 июня 1852 г. оканчивался срок тюремного заключения Прудона. Под «большой тюрьмой» Герцен подразумевал бонапартистскую Францию, в которой после государственного переворота 2 декабря 1851 г. царил реакция.

162. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 23—24. Автограф на бумаге с траурным ободком.

Год написания определяется строками о «дуэльном деле» и приезде в Ниццу Станкевичей (ср. о них упоминание также в письме 157).

...*горячку пороть*», как говорил Лаврентий Журавлев.— Это выражение своего прежнего слуги Герцен использовал также в повести «Долг прежде всего» (реплика мальчика, сына сельского священника — VI, 272, 383).

Хор за меня, особенно после письма Мац<чины> ∞ Гаук едет затем сюда — чтоб подумать.— См. письмо 160.

...*Cittadino di Gent* ∞ *умирает подозреваемый*.— Пьеса французского драматурга Ипполита Романа (Romand) — «*De Bourgeois de Gand ou le Secrétaire du duc d'Albe*» («Гражданин из Гента, или Секретарь герцога Альбы» — 1838 г.). Герой драмы Вальгас (Valgas) играет роль преданного слуги испанцев, а на самом деле помогает своим соотечественникам свергнуть их тиранию.

163. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 322—324. Автограф на бумаге с траурным ободком. Начало письма Герцена находится на оборотной странице письма Таты, а окончание письма (репродукцию этой страницы см. ЛН, т. 61, стр. 325) — на оборотной странице письма Н. А. Герцен от 1 апреля 1852 г. тому же адресату (текст ее письма см. ЛН, т. 61, стр. 322).

В текст письма внесено исправление: *похоже* — вместо имеющегося в автографе: *пожого* (стр. 262, строка 3).

Год написания определяется строками Герцена о «деле» с Гервегом, а также о приезде в Ниццу Станкевичей и Н. П. Боткина (см. письмо 162).

...*буквой N не шутите, теперь, после «штатского удара»*...— Герцен имеет в виду государственный переворот (нем. Staatsstreich), произведенный 2 декабря 1851 г. Луи Наполеоном.

...*Villa Douis*...— Дом в предместье Ниццы St. Elen, куда Герцены переехали в октябре 1851 г.

Товарищ его...— Кто приезжал в Ниццу вместе с Н. П. Боткиным, не установлено.

...*ассизы*...— уголовный суд (франц. *assises*, *cour d'assises*).

...*то, что пробовал в начале*...— Намек на тюрьму и ссылку, через которые Герцен прошел в 1834—1839 гг. (ср. «Былое и думы», ч. II — «Тюрьма и ссылка» — т. VIII наст. изд.)

...*мы и постоим насчет посиделок, т. е. ассизов*...— Каламбур: «*assises*» по-французски означает одновременно «суд» и «сидящие».

...*на днях пришло вексель*...— См. письмо 168.

164. Н. П. ОГАРЕВУ (черновое)

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано (без вариантов): ЛН, т. 61, стр. 392; репродукцию первой страницы письма см. там же, стр. 391. Письмо носит черновой характер, осталось, по всей видимости, незаконченным и не было отправлено адресату.

165. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 44—45. Автограф на бумаге с траурным ободком.

Год написания определяется строками Герцена: «завтра мне сорок лет»

...*плерези* — плеврит (франц. *pleurésie*).

Я, как Карл V, откажусь от жизни прежде смерти.— Карл V отрекся в 1556 г. от престола и удалился в монастырь, где умер через два года.

...*февраль 1848*...— Оценку этих дней, как дней высокого подъема духа Герцен дает в «Письмах из Франции и Италии» (письмо восьмое — V, 123—124).

Ваши именины тоже скоро.— Именины Рейхель приходились на 13 (1) апреля.

...*Рейхель ∞ хочет ли в опекуны*...— См. письмо 209.

...*Pie IX лет*.— т. е. 49 лет (каламбур со словом *Pie*, которое по-французски означает имя папы Римского и одновременно — сорька).

166. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 46—47. Автограф на бумаге с траурным ободком. Первоначально в автографе вместо: *пишет* — было: *обеща^{ет}* (стр. 266, строка 8 сл.).

Год написания определяется содержанием письма: «клевета и грязь» вокруг «дела» с Гервегом.

Глупый праздник рожденья ∞ лихорадка сильнее и сильнее...— Об ухудшении состояния здоровья Н. А. Герцен накануне празднования сорокалетия Герцена и об этом дне, печально проведенном вместе с Энгельсонами, Орсини, Фогтом, рассказано в «Былом и думах» (X, 295—296).

...*это оправданье, сделанное торжественно*...— См. письмо 150.

Получил я письмо от Ник^{олая} Ал^{ександровича}.— Это письмо Н. А. Мельгунова к Герцену неизвестно. На строки Герцена, обращенные к нему в этом письме, Мельгунов ответил письмом от 16 апреля (см. ЛН, т. 62, стр. 322—323).

Ассизы...— См. письмо 163.

167. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 47—48. Автограф на бумаге с траурным ободком.

Год написания определяется сообщением Герцена о болезни жены.

Вот вам и «Христос воскрес».— Первый день Пасхи в 1852 г. приходился на 11 апреля.

После «штатского удара»...— См. письмо 163.

...дифирамбик с эпиграфом...— Это произведение Герцена неизвестно.

...«Совершилось», и Христос испустил дух ∞ «Христос воскрес».— Вольное переложение стихов 14—17 из гл. 2 евангелия от Иоанна.

Писали ли вы ко мне письмо вместе с Мел^ьгуновым...— См. письмо 166.

...осторожны, как приятель Ботк^ина...— См. письмо 163.

Мел^ьгунову не посылаю ∞ *против Греча писал*...— Герцен имеет в виду книгу Кёнига и Мельгунова «*Litterarische Bilder aus Rußland*» (Штутгарт и Тюбинген, 1837), а также брошюру Мельгунова «История одной книги» (М., 1839), явившуюся ответом на нападки на него Греча.

...«si la raison dominait dans ce monde, rien ne s'y passerait».— Вспоминая это же выражение в «Былом и думах», Герцен указывает, как источник, поэму В. С. Филимонова «Дурацкий колпак», где оно, действительно, приведено в качестве одного из эпиграфов к гл. II первой части (ср. IX, 252 и 328).

168. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 48—49. Автограф на бумаге с траурным ободком.

Год написания определяется упоминанием Герцена о болезни жены и просьбой к М. К. Рейхель — в случае необходимости «приехать сюда» (ср. письма 169—172)

...я удивляюсь ответу Сам^ина...— См. письмо 84.

169. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 49. Автограф на бумаге с траурным ободком.

Год написания определяется сообщением Герцена о ходе болезни жены.

Да скажите Мел^ьгунову ∞ *сургуч* — *дело таковое*...— Упоминаемое письмо Н. А. Мельгунова к Герцену неизвестно. Словами о сургуче Герцен намекает на возможную перлюстрацию писем.

170. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 49—50. Автограф на бумаге с траурным ободком.

Год написания определяется строками Герцена о ходе болезни жены; 17 апреля приходилось на субботу в 1852 г.

171. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 50—51. Автограф на бумаге с траурным ободком.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 51—52. Автограф на бумаге с траурным ободком.

Год написания определяется данными о предсмертной болезни Н. А. Герцен.

От Мельгунова письмо.— Письмо Н. А. Мельгунова от 16 апреля, в котором он отвечал на письмо 166— см. ЛН, т. 62, стр. 322—323.

«Фраза, холод и гранит».— Неточная цитата из стихотворения Пушкина «Город пышный, город бедный...».

173. А. РЕЙХЕЛЮ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 326.

Год написания определяется содержанием письма (последние дни Н. А. Герцен).

174. А. РЕЙХЕЛЮ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 327.

Это последнее из известных писем Герцена, написанных им при жизни жены, которая скончалась 2 мая 1852 г. вместе с новорожденным сыном Владимиром. О ее последних днях и кончипе см. «Былое и думы» — X, 298—303.

Послеавтра ждем М^{ме} Рейхель.— М. К. Рейхель приехала в Ниццу вечером 29 апреля (см. «Былое и думы» — X, 298).

Скажите г. Бернацкому о отказе от министра иностранных дел.— А. Бернацкий пытался помочь Герцену в получении разрешения на въезд во Францию, откуда он был выслан летом 1850 г. См. об этом «Былое и думы» — XI, 129—130.

175. ГЛАВНОМУ ИНТЕНДАНТУ НИЦЦЫ О. ФЕРРЕРО

ДЕЛЛА МАРМОРА

Печатается по тексту бельгийской газеты «La Nation» от 20 мая 1852 г., № 181, перепечатавшей письмо из газеты «L'Avenir de Nice», где оно было впервые опубликовано. Местонахождение автографа неизвестно.

В публикации «La Nation» тексту письма предшествуют следующие строки от редакции: «Ницца.— Почтенный изгнанник, принадлежащий к русской эмиграции, чувства которого совсем недавно и так жестоко были поражены гибелью супруги и детей(!), последовавшей за гибелью матери и еще одного из его детей, обратился к г. интенданту со следующим письмом...». В заключение редакция, ссылаясь на газету «L'Avenir de Nice», сообщала: «Как нам стало известно, г. Герцен вручил еще двести франков в пользу итальянской эмиграции и двести пятьдесят франков в пользу эмиграции французской».

Дата устанавливается предположительно по ответному письму главного интенданта (градоправителя) Ниццы О. Ферреро делла Мармора от 13 мая 1852 г. (см. ниже).

Письмо касается пожертвований, сделанных Герценом после смерти Н. А. Герцен. За полгода до этого в связи с гибелью матери и сына во время кораблекрушения (16 ноября 1851 г.) Герцен пожертвовал 250 франков для раздачи нищим жителям города Иера, близ которого произошла катастрофа. 4 декабря 1851 г. морской комиссар Ниццы бла-

годарил Герцена особым письмом за это пожертвование (ЛН, т. 63, стр. 857).

В ответном письме от 13 мая 1852 г. главный интендант г. Ниццы, выражая благодарность Герцену, сообщил, что часть его пожертвования будет роздана нуждающимся, а 100 франков будут переданы детскому приюту. 18 мая того же года дежурный управляющий ниццкого приюта малолетних детей Поль Готье письменно поблагодарил Герцена за пожертвование, предоставленное приюту (ЛН, т. 63, стр. 857). Сообщения об этих пожертвованиях Герцена были напечатаны 20 мая 1852 г. в газете «L'Avenir de Nice» (см. ЛН, т. 63, стр. 298).

176. А. РЕЙХЕЛЮ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 327—328.

Завтра уезжает Мария <Каспаровна> с моими детьми...— В «Былом и думах» Герцен вспоминал об этих днях: «Марии Каспаровне было пора в Париж <...> Я только просил не увозить детей до 9/21 мая: я хотел провести с ними четырнадцатую годовщину нашей свадьбы. На другой день после нее я проводил их на Варский мост. Гауг поехал с ними до Парижа» (X, 303). Дети пробыли в Париже в семье Рейхелей до апреля 1853 г. (см. т. XXV).

Скажите Вернацкому, что пора потормозить его друзей, его врагов, чтоб они мне немного помогли...— См. письмо 174.

177. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 328.

Год написания определяется содержанием письма (смерть Н. А. Герцеп, отъезд в Париж М. К. Рейхель с дочерью Герцена) и его связью с последующим письмом, написанным в тот же день.

...отрапительная соседка моя.— А. Х. Энгельсон, претепдовавшая на воспитание детей Герцена после смерти его жены (см. письмо 199). 30 мая Энгельсоны уехали из Ниццы в Геную.

Сегодня, может быть, будет письмо из Марселя.— М. К. Рейхель с детьми и сопровождавший их Э. Гауг ехали в Париж через Драгиньян и Марсель.

Если увидите Сав<онова> ∞ благодарю за письмо...— Письмо Н. И. Сазонова к Герцену неизвестно.

Ай да генерал!— Следующие строки М. К. Рейхель из ее «Воспоминаний» проясняют смысл этого восклицания Герцена: «<Гаук> провожал нас до Парижа, что вовсе не было излишним из-за множества полицейских и таможенных tracasseries <придинок>» (Рейхель, стр. 76).

178. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 330.

Письмо было написано и, возможно, отправлено в один день с предыдущим.

Вы обещали наекнуть насчет Никол<ая> Пл<атоновича> в России.— Герцен с нетерпением ожидал приезда Огарева и Н. А. Тучковой, на помощь которой и участие в воспитании своих детей рассчитывала Н. А. Герцен (см. письма 199 и 208). Из неопубликованной переписки видно, что

о кончине Наталии Александровны М. К. Рейхель тотчас написала в Россию Т. А. Астраковой, которая 27 (15) мая подтвердила полученное сообщение: «...все грудь жмет с тех пор, как я увидела черную обводку на вашей записке — не читавши я угадала страшную весть» (*ЛБ*, ф. 69, IX, 27). Астракова в свою очередь передала это известие Н. А. Тучковой: «Меня просили как можно скорее известить вас об этом <...> Еще горе так свежо — рука не пишет и глаза застилает — ни одной женщины я не любила и не уважала так, как ее!.. Эта личность была мне дорога — точно живой кусок, часть меня самой вырвали из моей груди — и она болит теперь, болит очень. Жаль мне и вас, Нат<алья> Ал<ексеевна>, и вас, Ог<арев>...» (там же). В письме, датом 19 (7) мая, С. И. Астраков писал Огареву: «Боже мой, боже мой, что делается на свете, как все идет, страшно подумать. Натал<ия> Александровны уже более нет на свете <...> Что же теперь с Александром — страшно...» (там же, IX, 8). Потрясенный этой вестью Н. П. Огарев, находившийся тогда в с. Яхонтове Саранского уезда, желая сам подготовить Н. А. Тучкову, обратился с просьбой к своему шурину Н. М. Сатину: «Ради всего хорошего, береги Наташу, чтоб эта весть не пришла прежде моего приезда <...> Я упал духом, я ее <Н. А. Герцен> страшно любил, и горе и стыд тем, кто когда-нибудь мог ее порочить. В последнее время они были ужасно близки с Александром. Что с ним теперь?..» (там же, VIII, 335). Огаревы приехали к Герцену в Лондон лишь в апреле 1856 г. (см. т. XXV).

...не бейся, сердце ∞ не пришло. — Из монолога Гамлета в одноименной трагедии Шекспира (акт III, сцена 2).

Кольните Сат<ина> слегка. — См. комментарий к письму 84.

А тут эта пошлая дура... — А. Х. Энгельсон (см. выше)

«Нет Ахилла и Патрокла...» — Из баллады Шиллера «Торжество победителей» в переводе Жуковского.

...берлинка ∞ охает о вехселе. — О вехселе Эммы Гервег см. стр. 530; ср. также стр. 419 и 498.

179. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Печатается по автографу (*ЦГАЛИ*). Впервые опубликовано: *Л* VII, 52.

Строки Герцена, по всей вероятности, являлись припиской к одному из двух писем, адресованных им в тот же день М. К. Рейхель (см. письма 177, 178, дошедшие до нас не в автографах, а копиях).

...я скоро начну писать сказочку... — См. также письмо 184.

180. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (*ЦГАЛИ*). Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 61, стр. 330—331.

181. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (*ЦГАЛИ*). Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 61, стр. 331.

Но я год и десять месяцев ∞ имею не волю, а упорство. — Герцен считает срок своего несчастья с приезда Гервега в Ниццу в его дом в конце августа 1850 г. (см. «Былое и думы», X, 256—257, а также письмо 82).

182. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (*ЦГАЛИ*). Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 61, стр. 332. В копии к имени «Фаяль» сделана заметка (по-видимому, воспроизводящая примечание М. К. Рейхель на автографе): «Собака Пачелли».

В неопубликованном письме Саши Герцена к М. К. Рейхель, относящемся к концу 1851 г.—началу 1852 г., говорится между прочим: «Мне учитель мой подарил чудесную собаку, которую зовут Фаяль (имя маленького острова в Океане)» (ЦГАЛИ, ед. 264).

От вашего спутника получили грамотку из Лондона...— Речь идет об Э. Гауге, сопровождавшем М. К. Рейхель с детьми Герцена в Париж (см. письмо 177). Письмо его к Герцену неизвестно.

...пароход «Bordeaux et Nantes»...— О гибели Л. И. Гааг и Коли Герцена на пароходе «Ville de Grasse» 16 ноября 1851 г. см. комментарий к письму 130.

...стоит подумать, напр<имер>, о Пие IX, о Ледрю-Роллене ∞ один гадок, а другой смешон.— О реакционной роли Пия IX в период революционных событий 1848—1849 гг. см. «Письма из Франции и Италии» (письма шестое и восьмое — V. 90—107, 124—131). Оценку роли Ледрю Роллена в революции и его политического банкротства см. в «Былом и думах» (IX, 21—23 и 658).

183. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 332—333.

...годы пройдут прежде, нежели я увижу дом Сю ∞ дом Дуйс и могилу.— В доме Сю (Sue) Герцены жили в Ницце вместе с Гервегами в 1850—1851 гг. Акварель с изображением этого дома работы художника Гюйо, подаренная Гервегу Н. А. Герцен, послужила поводом для тяжелого объяснения Герцена с женой (см. X, 258—262; акварель воспроизведена в ЛН, т. 62, стр. 323). В доме Дуйс умерла Н. А. Герцен. Только через одиннадцать лет, 21 сентября 1863 г., Герцен посетил вновь Ниццу (X, 313—314).

На мне еще лежат обязанности сказать погребальное слово и слово благодарности.— Этот замысел явился для Герцена толчком к написанию «Былого и дум».

Сейчас получил из Лондона ∞ Петерс. молодец...— Письмо к Герцену Э. Гауга из Лондона неизвестно; письмо Д. Маццини от 27 мая содержало его первый отклик на известие о смерти Н. А. Герцен и призыв не уезжать в Америку: «Останьтесь в Европе с нами, старыми борцами. Что вы найдете в Америке? Свободу? Но разве она не с вами? Задача в том, чтобы создавать свободу там, где ее нет» (см. Л VII, 59).

184. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 53 (с редакторской датой: «Июнь 1852»). По всей вероятности, строки Герцена являлись припиской Тате к одному из его писем, адресованных М. К. Рейхель. На автографе имеются следы отрыва от целого листа, однако, установить по совпадению линии отрыва другую половину автографа невозможно, поскольку письма Герцена к М. К. Рейхель за этот период (письма от 24, 31 мая и 2, 5, 7 июня) известны лишь в копиях.

Дата письма определяется временем пребывания Герцена в Ницце после отъезда М. К. Рейхель в Париж с Татой и Ольгой (первые письма Герцена к ней после отъезда датированы 24 мая). 8 июня Герцен уже покинул Ниццу (см. письмо 183). О посланном в Париж портрете Таты упоминается также в письме к ней Герцена от 10 июня и в письме к Саше от 12 июня. Бумага автографа тождественна с письмом Герцена Тате от 24 мая 1852 г.

...два портрета Мамы...— Какие именно портреты Н. А. Герцен имеются здесь в виду, не установлено.

185. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 164 (с ошибочной редакторской датой: «Декабрь 1852»). В автографе после строк Саши следует его рисунок.

Письмо датируется временем пребывания Герцена в Ницце («Я вчера был в доме Sue...» — пишет Саша) — см. комментарий к письму 183.

Строки Герцена, по-видимому, являлись составной частью одного из его писем, адресованных в этот период М. К. Рейхель, — 31 мая, 2, 5 или 7 июня 1852 г. (см. выше).

186. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 52 (с редакторской датой: «Май 1852»). Автограф на бумаге с траурным ободком.

Строки Герцена являлись, по-видимому, составной частью одного из его писем, адресованных М. К. Рейхель (см. выше). На автографе имеются следы отрыва от целого листа и очертания отдельных элементов букв.

Письмо написано не ранее 31 мая (дата письма, следующего за письмом от 24 мая, в котором Герцен обещал написать для Таты «сказочку») и не позднее 7 июня 1852 г. (8 июня утром Герцен оставил Ниццу).

187. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 54—55. Автограф на бумаге с траурным ободком.

Получил я еще письмо от Фох<та>.— О подробностях жизни Гервега в Цюрихе К. Фогт сообщал Герцену в письме от 4 июня (см. Л VII, 55—58).

Он живет на содержание у отставной обогатившейся лоретки...— Об этом сообщал Герцену К. Фогт в упомянутом выше письме от 4 июня. О «т-же Кох» см. также письма 194, 217 и «Былое и думы» — X, 285.

...кружение сердца...— Это выражение Герцен впоследствии использовал как название главы в «Былом и думах» (X, 252—257).

...моя поездка в Иер.— См. комментарий к письму 130, а также X, 278—282.

188. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 61.

Письмо написано в день прибытия Герцена в Геную, т. е. 10 июня (этим числом датировано его письмо к М. К. Рейхель, к которому настоящие строки могли служить припиской) или в ближайшие после этого дни, например, 15 июня, когда Герцен снова писал М. К. Рейхель (предшествующее письмо — от 12 июня — исключается, поскольку оно содержит другие строки, обращенные к Тате). 20 июня Герцен уже выехал из Генуи.

189. М. К. и А. РЕЙХЕЛЯМ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 61—62; отрывки из приписки Саши впервые приведены: *Рейхель*, стр. 77 (без даты).

Год написания определяется сообщением Герцена об отъезде 8 июня из Ниццы и о получении в тот день письма от М. К. Рейхель.

190. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 62—63.

Год написания определяется упоминанием Герцена о смерти жены: «Вчера было шесть недель».

Письмо Тат<ьяны> Ал<ексеевны> глубоко тронуло меня ∞ боюсь перечитывать. Пусть они знают, что я нравственно не погиб...— В этом неопубликованном письме (без даты) Т. А. Астракова, скорбя о смерти Н. А. Герцен, писала между прочим: «А что же с вами? — Страшно подумать о вашем положении — дай вам бог силы перенести это несчастье — потеря страшная, невознаградимая — но на вас лежит великая обязанность — у вас остались дети — дети ее, вам надо беречь себя для них <...> Хотелось бы мне от вас получить весточку — да как? — мудрено! Впрочем, хотя два слова — только знать, видеть <...> Помните, как я страшно плакала, прощаясь с вами? А еще тяжелее было на другой день — я проснулась вся в слезах и невольно проговорила: „Боже мой, видно, я не увижу их больше — точно похорошила я их!“ — и предчувствие сбылось <...> Да что же вы-то? Ну что? — да откликнитесь, а то страшно становится, так смерть и выглядывает из-за всего. — Бедная, бедная Наташа!» В том же письме имеется приписка С. И. Астракова, также откликнувшегося на кончину Н. А. Герцен (ЛБ, ф. 69, IX, 17).

...пришлите мне письмо Тат<ьяны> Ал<ексеевны> к вам ∞ в моем письме она берегла меня, дайте взглянуть на всю скорбь. — В этом неопубликованном письме (без даты), обращаясь к М. К. Рейхель с просьбой «передать записочку по обычаю» (т. е. переслать Герцену приложенное письмо, о котором см. выше), Т. А. Астракова писала: «Не могу привыкнуть к мысли, что Наташи нет... мне все кажется, что это известие я прочла во сне!.. По временам я очнусь, и мне станет страшно за Ал<ександра> и за детей... бедные! Мать заменить вообще трудно, но мать-Наташу — невозможно. Марья Каспаровна! Я убеждена, что никто из посторонних не любит так этих детей, как вы, — будьте же их стражем, их ангелом-хранителем, в чьи бы руки они ни попали. Вы знали их мать, вы знали, чего она хотела от них и для них, одним словом, только вы для них многое можете исполнить так, как бы исполнила мать. — Что бы вам жить вместе в Англии? Простите! Простите — и увлеклась, распоряжаюсь, советую, точно как будто я что-нибудь смысло в этом деле. У них отец! — Но еще пришел ли он в себя? — Что с ним? — Будьте же по-прежнему добры, моя добрая Марья Каспаровна, пишите мне и о себе и о них — душа разрывается, как подумаешь, что у вас там, может быть, бог весть какие горести... и ни предупредить, ни помочь я не смогу; сидя здесь — что я могу? — Пишите и пишите! — Говорите мне, расскажите об ней, о Наташе — ее последние минуты, хочется об ней поговорить как о живой еще — говорят, она родила? Правда ли? Это мне сказывала Верушка. — Ах! Совсем было забыла; Вера Артам<оновна> просила меня Христа ради написать вам о том, что она до сих пор не получила денег, которые ей даны от Луизы Иван<овны>. Егор Ив<анович> и Ключар<ев>? говорят ей разные шутки и то, что ей не нужно денег и то, что еще ничего не получилось для нее и что ей не лужно — ну и разные разности, которые приводят старуху и в горе и в бешенство». Посылая Герцену по его просьбе это письмо М. К. Рейхель приписала на нем: «Я хочу просить Т<атьяну> Ал<ексеевну> сходить к Е<гору> И<вановичу> и самой разведать» (ЦГАЛИ, ф. 2197,

оп. 1, 271). О помощи Герцена няне Вере Артамоновне см. комментарий к письму 155.

...с *Nat<alie>*. — Н. А. Тучкова.

...s *Stabilimento*... — См. приписку Саши в письме 189.

191. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографам (*ЦГАЛИ*). Впервые опубликовано: *Л VII*, 64, в качестве двух отдельных писем — к М. К. Рейхель и к Тате Герцен.

Автографы (на бумаге с траурным ободком, находятся на отдельных листах, однако полное совмещение линий отрыва обеих половин и совпадение дат позволяют их рассматривать как единое целое.

...получил любезное приглашение от Петерс. — Это письмо Э. Гау-га к Герцену неизвестно.

Насчет доктора Тесье говорит, что и этот очень хорош... — Вместо прежнего врача для детей (*Palmier*) Герцен предлагал нового — *Comardou* (см. письма 178 и 180). Видимо, жена Тесье, со своей стороны, назвала другого врача, чья кандидатура была поддержана ее мужем.

192. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (*ЦГАЛИ*). Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 61, стр. 334. Слова: «Письмо пошлите адресуя» в копии вписаны карандашом (видимо, рукой Н. А. Герцен-дочери) вместо ошибочно прочтенных копиистом, но оставшихся ею не зачеркнутыми: «Только помните мой адрес».

...когда я переезжаю ∞ я начинаю словом: «Ну вот». — См. письма 187 и 191.

...и получил депеши разные, и довольно недоволен. — Речь идет, вероятно, о неизвестных нам сообщениях от итальянских друзей Герцена, которые проявляли раздражавшую его перешителность в организации суда чести над Гервегом. См. также письмо 194.

...скажу о жаворонке и жнецах? — Имеется в виду басня Лафонтена «*L'alouette et ses petits, avec le maître d'un champ*».

...мы приехали на австрийском корабле (т. е. пароходе) под двуглавым орлом. — Герцен и Тесье дю Мотэ, направившиеся из Генуи в Лугано по оз. Лаго-де-Маджоре, случайно попали на австрийский пароход «*Fürst Radetzky*» («Князь Радецкий»), где они могли быть арестованы в случае проверки паспортов. См. «Былое и думы» — X, 91—93, а также письмо 240.

193. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (*ЦГАЛИ*). Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 61, стр. 334—335.

...из импасса — из тупика (франц. *impasse*).

...в Генуе как чудесно я провел время ∞ даже в глуши Тессин. — 12 июня 1852 г. Орсини писал из Ниццы Герцену в Геную: «(Медици) сделал то, что я хотел сделать лично, т. е. представит вас всем нашим лучшим друзьям-итальянцам» (*Л VII*, 67—68).

...тедески — немцы (от итал. *tedeshi*).

...море, которое тоже для нас кладбище. — Намек на гибель матери и сына при кораблекрушении 16 ноября 1851 г.

И в Лондон я собираюсь на несколько дней. По делам особенным. — В Лондоне находился Д. Маццини, на помощь которого в устройстве суда чести над Г. Гервегом рассчитывал Герцен.

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 335—339. В настоящем издании внесены следующие исправления в текст, ошибочно прочтенный копистом: *демократии* — вместо ошибочного: *демонстрации* (стр. 286, строка 2 сн.); *декларацию* — вместо: *демонстрацию* (стр. 287, строка 15); *симпатией* — вместо: *симпатии* (стр. 289, строка 12 сн.); *тогда высотой* — вместо: *когда высотой* (стр. 289, строка 3 сн.).

Настоящее письмо Герцена заключает зерно его будущего «рассказа о семейной драме» и замысла «Былого и дум».

Сиюю все еще у озера Лугано ∞ бессильной нашей демократии. — Герцен имеет в виду неудачу в организации «суда демократии» над Гервегом; А. Мордини, например, писал Герцену 29 июня из Генуи о неблагоприятном решении «комиссии» по этому делу (Л VII, 70—71).

...*Нет ни в чем вам благодати ∞ и умны вы невпопад.* — Неточная цитата из четверостишия Пушкина — «Нет ни в чем вам благодати...».

Я напечатала ∞ свою декларацию, что честного боя с таким подлецом иметь нельзя. — См. комментарий к письму 201.

...*Mère Lachaise*... — Называя шутливо М. К. Рейхель, живую свидетельницу всей его прошлой жизни, «Матушкой Лашез», Герцен каламбурно сопоставляет это прозвище с названием парижского кладбища Père-Lachaise (по-французски père — отец, mère — мать).

Письмо к Гауку... — См. письмо 160.

...*М-me Biggs писала сама ко мне*... — Письмо Матильды Бигз к Герцену неизвестно. Герцен познакомился с ней в Ницце в 1850 г. через Д. Маддини. О посещении ее дома Герценом в Лондоне см. «Былое и думы». — XI, 205—207, а также письмо 218.

Вы знаете мою жизнь с 1837 г. — О первом знакомстве М. К. Рейхель с Герценом в Вятке в 1835 г. и о последующих годах, проведенных ею, после двухлетнего пребывания в пансионе, в доме отца Герцена И. А. Яковлева, где она стала близким всей семье человеком, см. — *Рейхель*, стр. 13 и след.

...*прощаньем в Черной Грязи, в январе 1847 г.* — Об отъезде Герцена за границу 19 января 1847 г. и проводах, устроенных московскими друзьями на подмосковной почтовой станции, см. — «Былое и думы», IX, 222 и X, 25, а также *Рейхель*, стр. 41—42 и воспоминания Т. А. Астраковой — ЛН, т. 63, стр. 554—556. В копии год указан ошибочно: 1846 г. вместо 1847 г.; ошибка исправляется.

...*лучшее, что я написал, написано в конце 1848 и начале 1849 г.* — Герцен имеет в виду книгу «С того берега» (см. т. VI).

...*я вам давал в Ницце читать его письма.* — Письма Г. Гервега к Герцену за 1849—1850 гг. см. Л XIV, 34—89, а также в комментариях к т. XXIII и наст. тому.

...*баденского беглеца*... — См. комментарий к письму 160.

...*«круженья сердца», как я раз писал вам.* — См. письмо 187 и комментарий.

...*время от июля 51 и до 16 ноября.* — Об этом периоде между «вторым венчанием» Герцена и гибелью родных, которым «торжественно заключалась» его «личная жизнь», см. «Былое и думы» — X, 273—274.

...*плегези* — плеврит (от франц. pleuresie).

...*письмо от этого мерзавца.* — См. комментарий к письму 149.

...*две женщины ∞ просили о ней.* — Н. А. Герцен и Э. Гервег.

...*на одну доску с ∞ Базилевским.* — Эпизод с помещиком Киевской губернии камергером П. А. Базилевским, высеченным за жестокое обращение своими крепостными, впоследствии был рассказан Герценом в статьях «Русское крепостничество» и «Крещеная собственность» (см. XII, 29—30, 57—58, 116—117).

...написал письмо Мац<чини>...— См. о нем в письме 159.

...подождал до 15 февраля ∞ Сагонов — поступил гадко, безумно.— См. письмо 150.

...ответ из Лондона...—О письме Д. Маццини к Герцену, который писал ему 6 февраля 1852 г., см. комментарий к письму 159.

...первая часть второй части должна окончиться скоро.— Под «первой частью» Герцен подразумевал события семейной драмы, завершившиеся смертью жены; «первая часть второй части» должна была закончиться, по мысли Герцена, мстью Гервегу.

195. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 341—342. В копии перед словами «Вот вам об нем анекдот» сделана заметка копииста: «С этого места переписано не с листа, а из тетрадки, где написано: „Отдельный клочок бумажки. Лугано, 1852“».

...надобно ему подумать о детях и изменить духовную...— По рассказу Е. И. Герцена в письме к брату от 24 июля 1869 г., он после лишения Герцена прав состояния (см. комментарий к письму 71) получил «секретно от полиции» документ для подписания, в котором было сказано, что «законными наследниками» состоит он, Егор Герцен, и дети Александра Герцена. «Само собою разумеется,— писал Герцену Егор Иванович,— что я этой записки не подписал, а написал другую, где себя выпустил, а показал твоих жену и детей» (ЛН, т. 63, стр. 426). 1 января 1867 г. Герцен шутливо запрашивал М. К. Рейхель: «Что Ег<ор> Ив<анович>? <...> Что все его обещанные вам и Тате наследства?..» (см. т. ХХIX).

Я хочу, чтобы Рейхель ∞ Фази с Шаллером.— Этот план опеки его детей в случае своей смерти Герцен выразил в «Акте завещания» — см. Приложения.

Один из итальянских друзей подарил ему небольшую шпагу, говоря: «Для кроатов и казаков».— Кроаты (хорваты) вместе с русскими казаками участвовали в подавлении венгерской революции 1848—1849 гг. и этим помогли австрийцам сохранить свое господство над югом Европы, в том числе над частью Италии.

...деньги пришли в Россию, и как Егор Ив<анович> распорядился? — О помощи Герцена няне, Вере Артамоновне, брату и матери Н. А. Герцен см. комментарий к письмам 139 и 155.

196. ТАТЕ ГЕРЦЕН (приписка)

Печатается по тексту Л VII, 89, где опубликовано впервые, по автографу, хранившемуся в архиве семьи Герцена, с указанием: «Приписано к письму Хоецкого» (Л VII, 490). Местонахождение автографа, а также письмо Хоецкого в настоящее время неизвестны.

...«монстр марин»...— морское чудище (франц. monstre marin) — намеки на искусное умение Таты плавать и нырять, чему научила ее девушка Марианна из семейства Georges в 1850—1851 гг. (см. ЛН, т. 63, стр. 463).

...письмо от Саши.— Это письмо Саши Герцена к М. К. Рейхель или Тате неизвестно.

197. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 84—85.

Год написания определяется содержанием письма, посвященного описанию «подробностей казни» Гервега (см. «Былое и думы» — X, 305—307).

...швейцарский офицер штаба...— А. Гофштеттер (см. письмо 203).
Мы пришли ∞ прочитать ее письмо...— Текст этого письма Н. А. Герцен см. в письме 150 (см. также комментарий к этому письму).

...рассказывайте всем: и в-же Дивовой...— Лицо не установлено. Видимо, речь идет об одном из членов семьи помещика Дивова, владельца подмосковного села Соколово, у которого Герцен снимал дом летом 1845—1846 гг. (см. строки в «Былом и думах» — IX, 207—208, а также: П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., 1960, стр. 261 и И. И. Пачаев. Литературные воспоминания. М., 1950, стр. 209).

...Марихен...— О ней М. К. Рейхель замечала в «Воспоминаниях»: «Я взяла пока к детям <дочерям Герцена> молодую девушку, дочь М-ше Гаспарини, Марихен, не гувернантку, но честную и солидную, и поместила их в верхнем этаже нашей квартиры <...> После мы взяли квартиру побольше <...>, где жили все вместе» (Рейхель, стр. 76); см. также письмо от 20 января 1854 г.— т. XXV.

...наши итальянцы ∞ хотят протестовать с подписями...— Как видно из этих строк, замысел «аппеля к демократии» и «вердикта» международной демократии по делу с Гервегом возник у Герцена еще до полученного им 17 июля вызова на дуэль. О декларации, подписанной Э. Ковенцем, Д. Медичи и другими итальянцами, см. комментарий к письму 201.

Он напечатал огромное письмо, в котором компрометировал всех...— О «мемуаре», написанном Э. Гаугом по поводу его столкновения с Гервегом 1 июля 1852 г., который Герцену удалось уничтожить, см. «Былое и думы» — X, 309—310.

...Фогт, с своей стороны ∞ отрезал все деньги из Берлина...— 2 июля 1852 г. К. Фогт сообщил Герцену о получении писем от родственников Э. Гервег из Берлина, которые заявляли о своем намерении прекратить высылку денег и «во что бы то ни стало покончить эксплуатацию». Фогт дал им ряд советов, которые должны были поставить Гервегов перед фактом «полного изъятия всяких источников моветного металла» (Л VII, 87). О денежных делах Гервегов в дальнейшем см. комментарий к письму 207.

Рихард Вагнер ∞ писал мне письмо...— См. комментарий к письму 198.
Что Ог(аре), когда писал вам...— Письма Н. П. Огарева к М. К. Рейхель неизвестны. О долге Огарева см. комментарий к письму 148.

198. Р. ВАГНЕРУ

Печатается по тексту Л VII, стр. 89—94, где опубликовано впервые по автографу, хранившемуся в архиве семьи Герцена. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Дата написания определяется связью письма с письмом Герцена к М. К. Рейхель от 8 июля 1852 г. (см. письмо 197), в котором он сообщил о получении письма Р. Вагнера.

Ответ на письмо Р. Вагнера от 30 июня 1852 г. (Л XIV, 121—124). В «Былом и думах» Герцен кратко излагает содержание этого письма и приводит из него цитату, учтенную при переводе в наст. издании. Там же Герцен высказал намерение, оставшееся неосуществленным — привести текст письма Вагнера в «Приложениях» (см. X, 311).

Позвольте мне благодарить вас за письмо ваше от 30 июня.— Письмо Вагнера было вызвано посещением Э. Гауга, рассчитывавшего, что в «суде демократии» над Гервегом Вагнер безоговорочно присоединится к осуждающему Гервега вердикту. Однако Вагнер, поддерживавший в это время тесные дружеские отношения с Гервегом, уклонился от его прямого осуждения. Впоследствии Вагнер вспоминал о том, как во время пребывания в швейцарском имении Рипдеркнехт, где он работал над оперой

«Валькирия», ему пришлось столкнуться «с чрезвычайно неприятным делом, касавшимся Георга Гервега», и об отвергнутых им попытках Гауга склонить его «к своего рода заговору против Гервега» (Рихард Вагнер. Моя жизнь. Мемуары. Т. III, СПб., 1912, стр. 36). В одном из своих писем к композитору Гервег выразил опасение, что Герцен и его сторонники могут повлиять на Вагнера и вызвать о нем недоброе мнение. Вагнер поспешил успокоить па этот счет своего друга (там же, стр. 37).

Оно для меня новое доказательство общего осуждения, которое начинает окружать со этого человека...— В своем письме Вагнер заявлял: «Из сообщений г. Гауга я мог понять, что вы, кажется, заинтересованы в том, чтобы, с своей стороны, познакомить меня с характером отношений, которые доставляют вам столько страданий, чем я немало польщен. Я чувствовал себя поэтому обязанным совершенно беспристрастно выразить вам свое глубокое уважение и участие — участие, которое, как я давал понять, еще раньше было возбуждено во мне рассказами самого Гервега об его отношениях к вам». Далее Вагнер высказывал опасение, что выраженное им в присутствии Гауга отвращение к некоторым подробностям его разоблачений и «откровенное признание слабостей Гервега, а также изменчивости его характера под влиянием общественных условий, которые были ему, к счастью, чужды в более ранний период его жизни», наконец, полное воздержание от каких-либо попыток остановить Гауга в его действиях против Гервега могли быть истолкованы Герценом как полная солидарность с Гаугом, и поэтому он спешил разъяснить, что «слишком чужд всякого пристрастия, чтобы так сильно противоречить своему мировоззрению, привыкшему смотреть на возникновение и рост отношений с самой широкой точки зрения».

Я вполне понимаю появившуюся у вас потребность объяснить мне, чем вызвано ваше великодушное покровительство этому субъекту.— В цитированном выше письме Вагнер писал: «Мое участие к Гервегу объясняется надеждой — надеждой на будущее, а вовсе не воспоминанием о прошлом. С другой стороны, я глубоко чувствую, что для вас это воспоминание так тяжело, что не считаю возможным оскорблять его сообщением о характере своей надежды. Все же я высказываю пожелание, чтобы это объяснение послужило для вас некоторым указанием при суждениях о моем собственном характере, даже если вы узнаете, что я не закрываю глаз на Гервега и, тем не менее, не ставлю на нем креста». Впоследствии Вагнер изменил свое мнение относительно возможности «воскрешения» Гервега, отметив в своих мемуарах, что «с каждым годом Гервег становился все более и более бездейственным и все больше и больше опускался» (там же, стр. 87—88).

...ваше прекрасное сочинение о шедевре Будущего.— Речь идет о книжке Вагнера «Kunstwerk der Zukunft» («Художественное произведение будущего»), Лейпциг, 1850. В этом сочинении Вагнер разоблачал антидемократический характер современного ему буржуазного искусства и обосновывал принципы синтеза разнородных искусств в едином гармоничном искусстве будущего, где «мраморные творения Фидия оденутся в плоть и кровь, где ареной копирования природы будут не узкие стены богача-эгоиста, но широкие, овеянные дыханием истинной жизни сценические подмостки будущего».

...гермафродиту в юбке...— Речь идет об Эмме Гервег. В «Былом и думах» Герцен также отмечал, что у нее «все было мужское» — «от резкого голоса до угловатых движений и угловатых черт лица, от холодных глаз до охотного низведения разговора на двусмысленные предметы...» (X, 244).

...принял участие в германской революции лишь тем, что бежал с поля боя, позавыва отдавать отчет в доверенных ему общественных суммах...— О «баденском походе» см. комментарий к письму 160.

...Р о б е р М а к е р.— Герой одноименной комедии Антье и Леметра, тип безнравственного пройдохи, не брезгающего ничем в достижении своих целей. Позднее в одной из своих статей 1861 г. Герцен, говоря о «тактике Робер-Макера», приводит его реплику: «Действительно, я был неправ по отношению к нему, но я простил его» (XV, 94); ср. также письмо Герцена от 7 февраля 1850 г.,— т. XXIII.

...поселить свою отставную жену в Ницце, чтобы шпионить за мной, чтобы оскорблять меня, чтобы принудить меня покинуть этот город.— Гервег писал своей жене после разрыва с Герценом: «Не пади тщеславия Герцена. Оставайся, оставайся в Ницце; не предоставляй ему возможности так легко от тебя отделаться. Оставайся из гордости, упрямства и во имя мести» (Е. Сагг. The romantic Exiles. London, 1933, стр. 124). И в другом письме к ней же, написанном во время пребывания Герцена во Фрибуре в июле 1851 г.: «Я взываю к твоей гордости, ты — хозяйка в Ницце. Ты имеешь право командовать, дай это ясно понять. Объяви, что ты не позволишь Герцену возвратиться в Ниццу и что ты имеешь в своих руках средства для предотвращения его приезда; ибо, я клянусь тебе, что как только Герцен возвратится в Ниццу, тотчас же явлюсь и я, даже если мне придется прийти пешком. Все угрозы захлопнуть дверь перед твоим носом смешны, и ты можешь увидеть Натали у своих ног, как только захочешь этого... Натали будет пресмыкаться перед тобою. Пусть эти собаки почувствуют твою силу» (там же, стр. 123).

...он присылает мне гнусный вызов.— О первом вызове Гервега, полученном Герценом 28 января 1852 г., см. письмо 149.

Дуэль — не искупление, не наказание, ибо дуэль восстанавливает честь...— Ср. комментарий к письму 149.

Преданный поруганию всеми честными людьми ∞ он вынужден будет скрывать свою опозоренную жизнь в каком-нибудь отдаленном уголке мира.— Ср. аналогичные строки в письме В. А. Энгельсона к Гервегу от 30 марта 1852 г. (см. Приложения).

199. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 94—96.

Генерал удивляет меня...— О позиции Э. Гауга в «деле» с Гервегом см. письма 197 и 198.

...импасс— тупик (франц. impasse).

Алекс<андра> Христ<иановна> прислала мне филиппику... См. в Списке несохранившихся писем — письмо к В. Энгельсону около 11 июля 1852 г.

...приехать на житье в Ch<amps> Elysées...— В Париже близ Елисейских Полей жили Рейхеля.

Вы видели из приписки Ог<арева>, что надежда плоха...— Речь идет, вероятно, о неизвестном письме Н. А. Тучковой к Герцену с припиской Н. П. Огарева, где говорилось о невозможности выехать из России в ближайшее время. 8 июля Герцен просил М. К. Рейхель отослать ответ в Россию (см. письмо 197).

Я даже думал о Тат<ьяне> Ал<ексеевне> ∞ курит трубку.— А. В. Щепкина вспоминала о Т. А. Астраковой: «...она курила трубку с очень длинным чубуком и любила говорить о правах женщин, требуя для них доступа к науке и другой деятельности и равноправности с мужским полом» (А. В. Щепкина. Воспоминания. Сергиев-Посад, 1915, стр. 173).

Сейчас получил письмо ∞ скажу в Люцерн, сегодня вечером.— Видимо, Герцен имеет в виду письмо Тессе дю Мота, который, стремясь воспрепятствовать намерению Гауга напечатать свой «мемуар», его только остановил тем, — как вспоминал Герцен в «Былом и думах», — что все же без его,

Герцена, согласия «такой вещи печатать невозможно» (X, 309). В Люцерн Герцен поехал для свидания с Гаугом и с К. Фогтом (см. письмо Фогта от 2 июля, где он приглашал Герцена в Люцерн для переговоров о «деле» с Гервегом — Л VII, 86—88).

200. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 342—343.

Я вам написал дней пять на листе...— Письмо 199.

Прокламации остановлены.— О «мемуаре» Э. Гауга, который он хотел напечатать, см. в письме 197.

Он еще не посылал никакой прокламации.— Гауг ожидал от Гервега вызова на дуэль за пощечину (о «похождении 1-го июля» см. в письме 197).

Получил письмо от Гартмана...— Письма к Герцену М. Гартмана неизвестны.

...покажите приложенную статейку ∞ в парижском журнале?— Видимо, речь идет о статье, в которой было рассказано о посещении Э. Гаугом и Тесье дю Мотэ Гервега 1 июля 1852 г. и о полученной Гервегом пощечине. Статья была опубликована анонимно сначала в газетах «Italia e Popolo» (11 июля), «Journal du Turin», а 13 июля перепечатана в газете «L'Avenir de Nice», № 385 (поправка к ней была сделана в № 387 от 15 июля) — см. Л VII, 77 и Л XIV, 116. Номер газеты «Italia e Popolo» от 11 июля был переслан в тот же день с письмом Герцену находившимся в Генуе В. А. Энгельсоном, который, наряду с Э. Гаугом, участвовал, видимо, в составлении статьи.

201. Ф. ВИЛЛЕ

Печатается впервые, по копии, хранящейся в архиве д-ра Бруно Кайзера (Берлин). Одновременно публикуется: ZS, 1961, № 4. Автограф находится в частном архиве семьи Ф. Вилле (Mariafeld, Швейцария).

Ответ на письмо Ф. Вилле от 7 июля 1852 г. из Цюриха (получено Герценом в Люцерне 17 или 18 июля), в котором он сообщал, что Гервег поручил ему «повторить г. Герцену сделанный этому последнему им (Гервегом), уже в конце января, вызов», но что Гервег при этом «не желает ни к чему принуждать г. Герцена» и «предоставляет ему полную свободу во всем и только для того предпринимает этот прискорбный для него шаг, чтобы еще раз торжественно подтвердить, что в этом вопросе он может и должен иметь дело лишь с г. Герценом» (Л XIV, 119—120; о первом вызове Гервега см. комментарий к письму 149).

Ф. Вилле был близким другом Г. Гервега. Р. Вагнер, посетивший дом Вилле вместе с Гервегом в 1852 г. отмечает в своих мемуарах «типично гамбургскую семейную обстановку, созданную заботами его жены, дочери богатого пароходовладельца Сломана» (Р. Вагнер. «Моя жизнь». Мемуары. Т. III, СПб., 1912, стр. 40). Посылая Герцену вызов, Вилле подчеркивал свое желание «остаться во всех остальных отношениях чуждым этому делу и как в своем суждении, так и во всем прочем не принимать в нем участие и стоять от него в стороне» (Л XIV, 121; ср. «Былое и думы» — X, 311).

Получив вызов, Герцен отпечатал на отдельных листках свой «апелль к демократии», начинавшийся словами: «Беру вас в судьи...», содержащий отказ от дуэли и призыв к «братям из европейской демократии» «осудить и заклеймить» Гервега (см. VII, 386—389). Замысел этого «апелля», как и его первоначальная редакция, по всей вероятности, относятся к более раннему времени (в письме от 30 июня Герцен говорит о намере-

нии «напечатать свой отказ», а 8 июля о горячей поддержке друзьями-итальянцами «пового предложения» о его дуэли), но в полном виде текст не мог быть напечатан ранее полученного 17 июля вызова.

18 июля «аппель» был отослан Энгельсону и 22 июля получен им вместе с декларацией, в которой от имени судей, избранных Герценом, признавалось, что Гервег «преступил против чести» и поэтому «между этим человеком и вами невозможно была никакая дуэль» (см. Л VII, 80—81; подписи в автографе были выскоблены, но из ответного письма Энгельсона от 24—30 июля видно, что декларация была подписана «Гаугом, Тесье и др.» — Л VII, 78). Предполагалось, что к этой декларации присоединят свои подписи итальянцы-демократы, находившиеся в Генуе, но они, как сообщал Герцену в упомянутом письме Энгельсон, «отказались подписать декларацию <...> говоря, что они не хотят называть себя судьями, ибо только одна из тяжущихся сторон к ним обращается» (Л VII, 78).

Взамен посланной им декларации, итальянцы 23 июля в Генуе составили особое письмо, не для печати, но «для предъявления в случае нужды» (написанное Э. Козенцом и подписанное им же вместе с К. Пизакне, Д. Медичи, Л. Меццокаппо, А. Бертани и К. Больдоппи), в котором только подтверждалось право Герцена «отвергнуть при данных обстоятельствах дуэль с г. Гервегом» (см. Л VII, 81—82). По предложению Энгельсона к этому письму присоединились 26 июля отдельными заявлениями также Ф. Орсини и А. Мордини (их письма см. Л VII, 82—84).

Рассчитывая на поддержку руководителей европейской демократии и вынесение ими «обвинительного приговора» Гервегу, Герцен летом и осенью 1852 г. обратился с большими письмами, объясняющими все дело, также к Д. Маццини (см. комментарий к письму 159), к Ж. Мишле (см. письмо 205) и к П.-Ж. Прудону (см. письмо 217).

О выступлениях Гервега «на грязной арене журналистики» и вынужденном ими ответе Герцена на страницах «Neue Zürcher Zeitung» см. комментарий к письму 204.

202. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 343—344. В наст. издании в текст письма внесено исправление: *учат* — вместо: *учить* (стр. 303, строка 24).

...записку послать с Боткиным...— 8 июля Герцен просил М. К. Рейхель приложить к «записочку к Огареву» «доставить через Тат. Ал.» (Астракову).

...статью из ниццкой газеты...— О статье Э. Гауга в газете «L'Avenir de Nice» см. комментарий к письму 200.

Напишете Марии Федоровне дружеский поклон...— М. Ф. Корш в сохранившемся в архиве Герцена неопубликованном письме к нему (без даты и начала), относящемся к этому времени, откликаясь на кончину Н. А. Герцен, писала: «Хотя я желала, но не могла писать вам тотчас по получении горького известия о кончине Н<аталии> А<лександровны>, мой милый, добрый друг; мне было так грустно и тяжело, что не достало сил говорить с вами. И за что это вдруг столько горя на человека? Я не умею говорить утешительных слов, да их и приискать трудно в таком несчастье. Желала бы только иметь возможность крепко пожать вам руку, крепко приласкать вас и поговорить с вами.— Вы давно не порадовали меня ни одной строчкой. Я писала вам много раз и ни на одно письмо не получила ответа... но когда узнала о смерти Н<аталии> А<лександровны>, мне так стало жаль и ее и вас, так почувствовала я, что крепко люблю вас обоих, что мне показалось невозможным, чтобы вы совсем от меня отвернулись.— Весть эту я получила в Москве, куда ездила на две недели

повидаться с друзьями; а мне пришлось объявить об этом Тимоше (т. е. Грановскому. — *Ред.*). Вы можете вообразить, как подействовало на него это известие. Лике мы тогда не смели сказать, но Тимоша со временем, приготовив ее, объявил ей. Что же намерены вы делать? Куда поедете? Насчет детей вы распорядились как нельзя лучше. Однако надо устроить, чтобы вам быть к ним поближе. Воображаю, как горька была для вас эта новая разлука (...). Прощайте, мой добрый, мой славный! Порадуйте же нас хоть несколькими строчками... (*ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 102).

...благородный противник ∞ прислал новый картель мне... — О вызове Гервега см. комментарий к письму 201.

...спадассины — наемные убийцы (франц. *spadassins*).

Фогт собрал целый анекдотник мерзостей об их эксплуатации отца барыни. — См. комментарий к письму 197.

203. А. ГОФШТЕТТЕРУ (черновое)

Печатается по тексту Л VII, 100, где опубликовано впервые, по черновому автографу, хранившемуся в архиве семьи Герцена. Местонахождение чернового и белого автографов в настоящее время неизвестно.

Август Гофштеттер, «швейцарский офицер штаба», о котором Герцен упоминал в письме 197, сопровождал Э. Гауга и Тесье дю Мотэ при их посещении Гервега в Цюрихе 1 июля 1852 г. По словам Гервега в его письме, напечатанном в «*Zürcher Zeitung*» 6 августа 1852 г., Гофштеттер («третий беспристрастный свидетель», сопутствовавший Гаугу и Тесье дю Мотэ) «был предательским образом удален» из комнаты перед нападением Гауга на Гервега (см. Л VII, 117).

204. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (*ЦГАЛИ*). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 344—346. В наст. издании в текст письма внесено исправление: *написал вам, был в Берне* — вместо ошибочного: *написал вам было в Берн* (стр. 305, строка 23).

Год написания определяется содержанием письма: организация «суда чести» над Гервегом, выпуск «аппеля к демократии» (см. ниже).

...*alea jacta est* — «жребий брошен!» (лат.), восклицание Юлия Цезаря при переходе им Рубикона.

...*спуститься на грязную арену журналистики* ∞ *Мерзавец этот напечатал в цюрихской газете...* — В связи со статьей Э. Гауга в «*Italia e Popolo*» (13 июля), о которой были помещены сообщения и в других газетах, в том числе в «*Neue Zürcher Zeitung*» (см. также комментарий к письму 200), Гервег направил в редакцию цюрихской газеты письмо, напечатанное там 18 июля (текст см. Л XIV, 112—115; о протесте Эммы Гервег см. комментарий к письму 208). На это письмо Герцен 25 июля ответил «Разъяснением», напечатанным в «*Neue Zürcher Zeitung*» 27 июля (см. VII, 390—391). В том же номере было помещено также письмо Тесье дю Мотэ (см. Л XIV, 117—118). 6 августа цюрихская газета опубликовала второе письмо Гервега с новыми опровержениями (см. Л XIV, 112—119).

На этот вызов я напечатал свой *appel*... — См. комментарий к письму 201.

...как пропало письмо Прудона ∞ записку Даримона... — Перечисленные здесь письма Прудона, т-те Тесье, Даримона, как и ответы на них Герцена, неизвестны.

Завтра я пишу к Мишле... — См. письмо 205.

...он может спросить ∞ *François Dillon*...— Имеется в виду Э. Гауг (ср. письмо 213).

Нидергуберу пошлите что хотите...— Нидергуберу, австрийскому политическому эмигранту, жившему в Париже, Герцен и А. Рейхель постоянно оказывали денежную помощь (см. о нем в «Былом и думах», XI, 200—204, а также в т. XXV).

205. Ж. МИШЛЕ

Печатается по тексту Л VII, 101—105, где опубликовано впервые, по копии, хранившейся в архиве семьи Герцена. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Ответ на письмо Мишле от 4 июля («*La Revue*», 1907, № 10, стр. 161; напечатано с датой: «Июнь 1852»).

Ваше письмо ∞ побывало в Ницце, Генуе, Лугано и, наконец, застало меня в Люцерне.— Имеется в виду путь, совершенный Герценом в июне — июле 1852 г. (см. письма 187—200).

Вы искренно мне соболезнуете...— В письме от 4 июля Мишле писал Герцену: «...Я хотел бы быть рядом с вами и видеть вашу душу, знать, как ваше мужественное сердце переносит эти великие страдания; это дало бы мне силу для меня самого. Испытания, я в этом уверен, не превышают ваших сил».

Я совершил поступок, который будет расценен либо как героизм, либо как трусость.— Герцен имеет в виду свой отказ от дуэли с Гервегом (см. письмо 201).

...прославившийся бегством с поля битвы.— См. комментарий к письму 160.

...он послал мне нечто вроде вызова ∞ я отверг подобный картель.— См. письмо 149.

...она написала ему прекрасное письмо.— О письме Н. А. Герцен к Гервегу от 18 февраля см. письмо 150.

...пригласила к своему ложу нескольких друзей...— Это были Э. Гауг, Тесье дю Мотэ, В. А. Энгельсон, Ф. Орсини и К. Фогт.

В сопровождении двух друзей...— О посещения 1 июля 1852 г. Гервега Гаутом в сопровождении Тесье дю Мотэ и А. Гофштеттера см. письмо 197. О вторичном вызове Гервега и огласке этого дела в печати см. письмо 201.

Прудон и его друзья ∞ заверили меня в этом.— Об этом не дошедшем до нас письме П.-Ж. Прудона к Герцену см. письмо 217.

...со времени моего последнего письма...— См. письмо Герцена к Мишле от 5 января 1852 г. (письмо 142).

...у той русской дамы...— Имеется в виду М. К. Рейхель.

...пригласили известных ученых ∞ очень рады пригласить вас ∞ обратиться по этому поводу к моим женевским друзьям.— 29 июля Мишле сообщил Герцену, что ему официально предложена кафедра в Женеве, но он от нее отказался. Вместо себя Мишле предложил кандидатуру своего зятя А. Дюмениля: «Если у вас есть друзья в Женеве, я прошу вас, в интересах Женевы и самого дела, поддержите г. Дюмениля»,— писал Мишле («*La Revue*», 1907, № 10, стр. 162).

Вы упоминаете о какой-то книге о России...— В письме к Герцену из Нанта от 4 июля Мишле писал: «Я с удовольствием прочел о вашей родине блестящую, остроумную книгу. По некоторым язычным и сильным чертам многим показалось, что они отгадали имя автора» («*La Revue*», 1907, № 10, стр. 161). О какой книге идет речь, не установлено.

Ответ Мишле от 29 июля 1852 г.—«*La Revue*», 1907, № 10, стр. 161—162.

206. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 119. Автограф на бумаге с траурным ободком. Следы отрыва от целого листа с оставшимися на автографе очертаниями элементов букв свидетельствуют, что строки Герцена, обращенные к Тате, являлись частью одного из его писем этого времени, адресованных М. К. Рейхель.

207. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 347—348. В наст. издании в текст письма внесено исправление: *горюйте* — вместо ошибочного: *горчайте* (стр. 314, строка 7 сл.).

Отправляю вам экземпляр статьи Г<ервега> и наш ответ... — См. комментарий к письму 204.

Нашились покровители у него, даже такие, которые дают деньги. — 21 июля Герцен сообщал М. К. Рейхель, что Гервега финансирует А. Колачек. Как следует из письма Ф. Лассалья к К. Марксу от 25 декабря 1852 г., первый был занят в это время сбором сумм в пользу Гервега среди немецких демократов и намеревался «в течение 14-ти дней <...> послать Гервегу денежную посылку» (см. «Письма Фердинанда Лассалья к К. Марксу и Ф. Энгельсу». СПб., 1905, стр. 57, а также Л XIV, 125—126).

От Станкевича получил... — Письмо А. В. Станкевича к Герцену неизвестно. Герцен встретился с ним в Женеве в начале августа 1852 г. (см. письмо 208).

Спрашивались ли о письме Прудона... — См. об этом в письме 204.

Я еду составлять testament с Шаллеровой помощью. — О завещании Герцена (франц. testament) см. письмо 209; текст завещания — в Приложениях.

208. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 350.

Вчера был в Фрибурге ∞ Совет — для чрезвычайных дел. — Об этом см. письмо 209; текст завещания — в Приложениях.

...под охраною француза. — Вероятно, Тесье дю Мотэ.

Жена его напечатала какое-то письмо. — Речь идет о письме Э. Гервег в редакцию газеты «L'Avenir de Nice», напечатанном 20 июля (№ 392), в котором она возражала против стремления Гауга придать политическую окраску конфликту Г. Гервега с Герценом (текст письма см. — Л XIV, 115—117).

...на днях к вам будет гость, с которым пришлю многое? — В письме к сыну Саме² около 5 августа Герцен упоминает о «знакомой даме, которая едет послезавтра» в Париж. В это время в Женеве находились А. В. и Е. К. Станкевичи, которые собирались ехать в Париж.

209. А. РЕЙХЕЛЮ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 348—349. В тетради с копиями настоящее письмо следует непосредственно после письма к М. К. Рейхель от того же числа.

Вчера ∞ я составил свое завещание. — «Акт завещания» см. в Приложениях.

...шаги по снятию секвестра с костромского имения.— См. письмо 71.
...добиться возвращения сатинского долга.— См. письмо 84.

210. САШЕ ГЕРЦЕНУ

Печатается по тексту Л VII, 119—120, где опубликовано впервые (с ошибочной редакторской датой: «Конец июля 1852»).

Дата письма устанавливается на основании строк Герцена о его прибытии в Женеву: «Я приехал вчера». Точная дата приезда Герцена в Женеву не установлена, по это могло быть не ранее 4 августа, т. к. 2 августа Герцен находился еще в Берне, откуда должен был еще заехать в Интерлакен к Фогтам, там оставить Сашу и только после этого ехать «к Стапкевичу в Женеву» (см. письмо 208, в котором также упомянуто лицо, направлявшееся в Париж).

211. Ж. МИШЛЕ

Печатается по тексту Л VII, 124, где опубликовано впервые, по автографу, хранившемуся в архиве семьи Герцена. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Ответ на письмо Мишле от 29 июля 1852 г. («La Revue, 1907, № 10, стр. 161—162; русский перевод — Л VII, 110).

...да, *«дела, а не слова»*.— Посылая Мишле свое большое письмо от 25 июля, Герцен рассчитывал на его поддержку в организации демократического суда над Гервегом. Мишле отвечал Герцену 29 июля: «Поступки, а не слова — вот в чем истинный ответ, который вы и дадите. Если вы позволите подать вам братский совет, то как только выясните положение дел тех из наших друзей, которые пользуются нравственным авторитетом,— бросьте это дело» (Л VII, 110). Этот ответ не очень удовлетворил Герцена, о чем он сам признался Мишле в следующем письме, написанном более чем через год (см. письмо от 13 октября 1853 г.— т. XXV).

...я сразил своего мерзкого противника именно с помощью слов.— О декларациях Герцена и его друзей в связи с вызовом, полученным от Гервега, см. письмо 201.

...относительно г. Дюмениля.— См. комментарий к письму 205.

212. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ

Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ГИМ, стр. 76—77.

В автографе от последнего листа снизу оторвана большая часть с текстом, от которого на оставшейся части сохранились лишь отдельные элементы букв; приписка «Еще раз прощайте» сделана Герценом, вероятно, несколько позднее.

Друзья наши расскажут...— Речь идет об А. В. и Е. К. Станкевичих и Н. А. Мельгунове, с которыми он провел в Париже восемь дней перед отъездом в Англию (см. письмо 228). Кроме того, Герцен виделся в это время с Н. П. Боткиным, собиравшимся вернуться в Россию (см. письмо 204).

«E rotta l'alta colonna e'l verde lauro» — «Пала высокая колонна и зеленый лавр» (итал.) — не совсем точная цитата из сонета ССХХІХ Петрарки, в которой поэт скорбит о смерти друга Д. Колонна и возлюбленной Лауры. В подлиннике: «Rotta è l'alta colonna e'l verde lauro». В тексте письма исправлено неправильное написание Герцена: «...et il verde...».

Пришлите мне О<гарева>...— См. комментарии к письмам 199, 238, 247.

Письмо к Natalie я не посылаю...— О каком письме идет речь, не установлено. Известно переписанное рукой Герцена письмо Н. А. Герцен к Н. А. Тучковой от 2—22 марта 1852 г. с припиской Герцена («Вот вам, Консуэло...»), однако оно было послано в Россию позже — летом 1855 г. (см. т. XXV).

Еду через час в Лондон.— Герцен хлопотал о праве проезда в Англию через Францию, однако получили отказ. В этих хлопотах он, в частности, рассчитывал на помощь П.-Ж. Прудона, который писал Герцену 7 августа 1852 г.: «Я включу в свою просьбу и ваше имя, мой дорогой Герцен, а также Шарля Эдмона. Положитесь на меня, я постараюсь все устроить совершенно удовлетворительно и корректно. Запрещение въезда во Францию бесполезно для вашей славы и для нашего дела...» (Л VII, 125; ср. также письмо 220). Не получив разрешения на проезд через Францию, Герцен прибыл в Париж тайком и оставался там восемь дней (см. «Былое и думы» — X, 196 и XI, 484; ср. также письмо 228).

213. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 350—352.

Год написания определяется содержанием письма: это первое письмо Герцена после его переезда с континента в Англию в 1852 г.

Через $1\frac{1}{2}$ часа мы в Лондоне.— О приезде в Англию «на рассвете 25 августа 1852» Герцен рассказывает в «Былом и думах» (XI, 9—12). Как видно из записи в журнале для регистрации иностранных пассажиров, прибывающих в Англию, Герцен приехал в Дувр не 25 августа, а 24 августа 1852 г. (см. фото — стр. 320). В числе прибывших значится «г. Герцен с двумя сопровождающими», которыми были Саша Герцен и, видимо, Э. Гауг.

...«Va reut» на пароходе.— Игра слов: по-французски vareut — пароход, va reut — долой страх.

...Диллон — Э. Гауг (ср. письмо 204).

214. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 125—127. Автограф на бумаге с траурным ободком. Первоначально в автографе вместо: Нат. Павловна — было: графин<я> (стр. 322, строка 2). В письме Саши имеется правка рукой Герцена (например, исправлено: не в дружбе — вместо: в недружбе).

Год написания определяется содержанием письма: переезд Герцена в Лондон; 26 августа приходилось на четверг в 1852 г.

Осип Ив<анович> предупредил мой визит ∞ будет отвечать тоже печатно.— Замысел Д. Мацини выступить в печати в связи с «делом» Гервега осуществлен не был.

...гертирует — задевает (франц. heurter).

Предмет классический и длинный, как роман, который читала Нат<алья> Павловна.— В «Графе Нулипе» Пушкина героиня Наталья Павловна читает

«Роман классический, старинный,
Отменно длинный, длинный, длинный...»

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 352—353.

...на родину № 2...— Герцен имеет в виду Швейцарию, где он принял подданство в 1851 г. (в общине Шатель); см. письмо 83.

...наргируют — бросают вызов (франц. *parquer*).

...диатриба Тесье на Ос(ина) Ив(ановича)...— Письмо Тесье дю Мотэ, посланное из Женевы в Лондон, неизвестно. Видимо, оно касалось расхождений между Д. Маццини и его итальянскими соратниками, просившими также Герцена переговорить с ним (об этом см. «Былое и думы», XI, 16—17).

...диатриба — едкая критика (франц. *diatribe*).

Вердикт от него будет.— Вердиктом от Д. Маццини Герцен называет ожидаемое осуждение Гервега (см. письмо 214).

...M-me Gasparini.— М. К. Рейхель, называя ее в своих «Воспоминаниях» «нашим фактотумом», замечает далее: «Это была честная, преданная нам женщина, которая ранее жила в достатке своею самостоятельной жизнью, но вследствие семейных столкновений принуждена была принять место в чужом доме. У нас она пахла желаемый приют, мы же нашли в ней самую деятельную помощницу не только в хозяйстве, но и в заботах о нас и детях» (Рейхель, стр. 74, 115—116).

Вместо «*Petrogrande*» давали «*I Puritani*» — Марио и пр...— «*Petrogrande*» («Петр Великий») — музыкальная драма Л.-А. Жюльена, впервые поставленная в лондонском театре «Ковент-гарден» в 1852 г. «*I Puritani*» («Пуритане») — опера В. Беллини (1834 г.).

216. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Печатается по тексту Л VII, 127, где опубликовано впервые, по автографу, хранившемуся в архиве семьи Герцена. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

217. П.-Ж. ПРУДОНУ (черновое)

Печатается по фотокопии с чернового автографа (BN). Впервые опубликовано (в несколько иной редакции): Л VII, 127—133, по копии, хранившейся в архиве семьи Герцена. Местонахождение этой копии и белого автографа в настоящее время неизвестно.

В публикации М. К. Лемке имеется большое число незначительных разночтений с текстом чернового автографа, главным образом, стилистического характера, а также отличия более существенные: например, вместо текста автографа: «Mais aussi loin d'être indifférente, la démocratie sociale, par ses représentants les plus illustres, a agi avec entraînement, avec passion et ne m'a pas dit: „c'est votre affaire particulière, nous ne pouvons pas nous occuper des personnes, nous ne nous occupons que du genre humain en bloc.“» <«Но социальная демократия отнюдь не обнаруживала равнодушия, через своих самых видных представителей она горячо, с увлечением откликнулась и не сказала мне: „Это ваше частное дело, мы не можем заниматься отдельными личностями, мы занимаемся родом человеческим в целом“»> (стр. 326) в публикации Лемке следует: «Voilà pour quoi, loin de se montrer indifférente la démocratie sociale a agi dans cette circonstance avec autant d'entraînement que de raison. Ses représentants ne m'ont pas répondu „c'est votre affaire particulière personnelle, nous ne nous occupons pas que du genre humain en bloc“, mais ils m'ont dit: „Vous avez besoin de nous, nous voilà!“» <«Вот почему социальная демократия,

отнюдь не оставаясь равнодушной, действовала в данном случае столько же по велению чувств, сколько и руководствуясь доводами разума. Ее представители не сказали мне: „Это ваше частное дело, мы занимаемся делами рода человеческого в целом“, но она сказала: „Мы вам нужны, и мы пришли!“»;

вместо: «...pendant une année entière personne n'a entendu un mot de moi» («...в течение целого года никто не слышал от меня ни единого слова») (стр. 326) — следует: «Pendant tout ce temps j'ai comprimé ma souffrance, je l'ai refoulée en moi, je n'ai permis à personne de lire au fond de mon cœur» («В течение всего этого времени я не выдавал своих страданий, я скрывал их в себе, я никому не позволял читать в своем сердце»);

вместо: «...de mépris, si je ne puis le couvrir de terre» («...презрение, если уж не могу покрыть его землею») (стр. 328) — следует: «...de mépris, et, s'il le faut après, je le couvrirai de terre» («...презрением, а если будет нужно, покрою затем и землею»);

после абзаца, кончающегося словами: «...настоящее *русское золото*» (стр. 335) — следует абзац, отсутствующий в авторгафе: «Permettez-moi de vous communiquer dans ma lettre suivante quels sont les moyens qui me paraissent les plus efficaces pour atteindre le but que je me suis proposé» («Позвольте мне сообщить вам в следующем письме, какие способы мне кажутся наиболее действенными для достижения той цели, которую я себе поставил»);

приписка «Вот черновик письма...» (стр. 336) в публикации Лемке приведена по-русски; это указывает на то, что она, вероятнее всего, была адресована Герценом к М. К. Рейхель.

Ответ на письмо Прудона к Герцену от июля 1852 г., которое, по свидетельству Р. Лабри, хранилось у дочери Прудона г-жи Эннеги (Hennequy) в Париже. Лабри, имевший возможность познакомиться с этим письмом, отмечает, что оно проникнуто горячей симпатией к Герцену, исполнено гнева и негодования против Гервега, и призывает пригвоздить последнего к позорному столбу (см. Raul L a b r y. Herzen et Proudhon. Paris, 1928, стр. 132). О получении этого письма Герцен упоминает также в письмах 204 и 207.

Я решил на трудное, рискованное дело. — Герцен говорит о своем отказе от дуэли с Гервегом и решении обратиться к «суду демократии» (см. письма 160, 201 и комментарии к ним).

...со влodeем, которого вы так метко охарактеризовали... — Свое отрицательное отношение к Гервегу Прудон высказал не только в не дошедшем до нас письме к Герцену. Еще ранее, 11 мая 1852 г., он писал Хоецкому: «Г-жа Тесье дю Мотэ подробно осведомила меня о вашей жизни в Ницце и о трагедиях, которые там происходят. Я с 1844 г. считал этого господчика *** негодяем; мысль, что его жена одобряет его беспорядочный образ жизни, мало располагала меня на первых порах в пользу жалкого создания, в чем она имела случай убедиться. Я думал, что мне не следует навязывать ни вам, ни нашим друзьям своих тайных чувств. Я не ожидал, что такая страшная развязка явится для вас доказательством того, что за легкостью нравов неких лиц по большей части скрывается отсутствие настоящих убеждений, нехватка воли и сердца» (P.-J. P r o u d h o n. Correspondance, t. IV, стр. 287). Хотя имя Гервега в цитируемом письме заменено звездочками, не вызывает сомнения, что речь идет о нем и о семейной драме Герцена.

...письмо Маццини, написанное в том же духе. — Об этом письме, полученном Герценом в марте 1852 г., см. в комментарии к письму 159.

...всма... — Тайное судилище в средневековой Германии (Verheim или Fehme), приговор которого выносился в отсутствие обвиняемого.

А он в подлой статье издевается...— Герцен имеет в виду открытое письмо Гервега в редакцию газеты «Neue Zürcher Zeitung», напечатанное в номере от 18 июля 1852 г. (см. комментарий к письму 204).

Гервег сделал на нас донос в полицию...— После инцидента 1 июля 1852 г., происшедшего во время объяснения Гауга и Тессе дю Мота с Гервегом, последний обратился за защитой к полиции. См. также письмо 197.

16 ноября 51 г. страшное несчастье ∞ обрушилось на мою семью...— См. письмо 130.

Он принял это бедствие, как он сам об этом пишет, за хорошее для себя предзнаменование...— Речь идет о письме Гервега к Герцену, полученном им 28 января 1852 г. (см. комментарий к письму 149).

...он оповестил обо всем ∞ своего парижского приятеля, коротко знакомого ∞ с одним русским семейством...— Речь идет об А. Колачеке, который сообщил о содержании письма Гервега семейству Рейхелей (см. комментарий к письму 151, а также письмо 160).

Жертва сама себя реабилитировала...— Герцен имеет в виду прежде всего письмо жены от 18 февраля 1852 г. к Гервегу (см. в письме 150) и ее письмо-исповедь к М. К. Рейхель (см. письмо 151).

...живет со старой прелестницей, которая в свою очередь его содержит...— О г-же Кох см. письма 187 и 194.

...отказывается от своих долгов ∞ заставив свою жену подписать за него вексель...— См. комментарий к письму 220.

...был способен напечатать ∞ что я раздаю русское золото.— Герцен имеет в виду упомянутое им выше письмо Гервега в редакцию «Neue Zürcher Zeitung» (см. комментарий к письму 204).

...он мне должен еще 13 000 фр. ...— См. комментарий к письму 220.

...и этот самый человек с помощью своей жены напечатал, «что его имя дорого демократии».— Имеется в виду письмо Эммы Гервег, опубликованное в газете «L'Avenir de Nice» 20 июля 1852 г., с которым она выступила в защиту мужа (см. комментарий к письму 208).

...как я уже писал в другом месте...— Герцен приводит (не вполне точно) заключительные слова своего «апелля к демократии» по поводу суда чести над Гервегом (см. VII, 386—389, а также комментарий к письму 201).

Мне хочется знать ваше мнение о письме. Мне оно кажется хорошим.— Герцен придавал большое значение настоящему письму и хотел, чтобы оно получило широкую огласку. Он просил М. К. Рейхель снять с него копию для отправки в Россию, дать прочесть его друзьям Прудона и пр. (см. письма 218 и 221). Возможно, что публикуемый черновой экземпляр был ей послан с той же целью распространения письма.

218. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 353—354.

Год написания определяется строками о встрече Герцена с Р. Оуэпом в Sevenoaks (см. комментарий ниже), о визите к жене Карлейля, о «предлинной грамоте к Прудону» (см. письмо 217); 14 сентября приходилось на вторник в 1852 г.

Вчера был я в Север-Оксе ∞ Там встретил я Нестора всех социалистов — Овена...— О своей поездке на дачу М. Вигз и встрече там с Р. Оуэпом Герцен вспоминает в «Былом и думах» (XI, 205—208). Ср. письмо 194.

Сегодня я приглашен к Mrs Карлейль ∞ он хотел со мной познакомиться.— Знакомство Герцена с Т. Карлейлем состоялось 20 декабря 1852 г. (см. письмо 246).

Я написал предлинную грамоту к Прудону ∞ оно удалось.— См. письмо 217, см. об этом письме к Прудону также в письме 221.

От Ротшильда был ответ...— Письмо Д. Ротшильда к Герцену неизвестно. О своем письме к нему Герцен упоминал в письме 215.

...завернуть к Дарим.— Из-за опасений перлюстрации Герцен сокращает фамилию А. Даримона.

Книг я не получал ∞ одолжили бы двумя-тремя экземпляриками.— В письме 226 Герцен просит М. К. Рейхель переслать ему книги «Кто виноват?», «С того берега», «Письма из Франции и Италии».

219. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 140 (с неуточненной редакторской датой: «Начало сентября 1852»); в автографе имеется позднейшая карандашная надпись с этой же датой).

По всей вероятности, строки настоящего письма, обращенные к Тате, являлись частью его письма от 14 сентября 1852 г., адресованного М. К. Рейхель (см. предыдущее письмо).

Дата письма уточняется по времени пребывания Саши Герцена в семье М. Бигз: Герцен вернулся оттуда в Лондон 14 сентября, а Саша— 17 сентября 1852 г. (см. письма 218 и 221).

220. К. ФОГТУ

Печатается впервые, по фотокопии с автографа (ВГ).

Год написания определяется указанным в письме адресом Герцена в Лондоне, где он жил только в 1852 г., а также упоминанием о поездке Саши Герцена в Sevenoaks (ср. письма 218 и 221).

Ваше сообщение ∞ я получил...— Это письмо К. Фогта к Герцену неизвестно. В. А. Энгельсон сообщал Герцену 1 октября 1852 г. из Женевы: «Фогт третьего дня сюда приехал,— говорит, что писал вам недели две тому назад, но не имеет ответа» (В. А. Э н г е л ь с о н. Статьи. Прокламации. Письма. М., 1934, стр. 144).

...он же сам и обвиняет свою жену в мошенничестве.— Речь идет об отказе Гервега признать долг своей жены. Вексель, выданный Герцену Эммой Гервег в Ницце 20 августа 1850 г. на сумму 10 000 фр., на срок два года, был опротестован им и предъявлен нотариусу в Цюрихе 27 августа 1852 г. (видимо, через К. Фогта). См. также «Былое и думы» — X, 311—312, а также Приложения, № 10.

...завтра сообщу Прессе...— В присутствии нотариуса А.-Б. Прессе 1 августа 1852 г. в Морá (Муртене) Герцен составил «Акт завещания» (см. письмо 209 и Приложения). Письмо Герцена к Прессе неизвестно.

Я также затрону ∞ вопрос о 2000...— В «Былом и думах» Герцен рассказывает, что помимо 10 000 франков, он предоставил Гервегам еще 1100 фр. на дорогу и другие расходы (см. X, 264, а также письмо 79). Сверх того, Э. Гервег числила за собой 900 фр. (см. комментарий к письму 79).

Виллих и Мац<цини> проявили почти столько же участия, сколько Лёве сдержанности.— Герцен вел переговоры с представителями лондонской эмиграции по поводу «суда демократии» над Гервегом. О поддержке со стороны Виллиха и Маццини см. письма 217 и 221.

Госпожа Карлейль пригласила меня к себе ∞ Карлейль такой же почитатель моих миниатюр, как я его истории...— См. письма 218 и 246. Александр ∞ у е-жи Бигз...— См. письма 194 и 218.

Поездка в Париж маловероятна ∞ Прудону отказали...— Через своих парижских знакомых, в частности через Прудона, Герцен добивался раз-

решения французского правительства на въезд во Францию для встречи с детьми, которые находились у М. К. Рейхель. См. комментарий к письмам 212, 240.

...возврата документов еще недостаточно: он, может быть, снял копии...— В подошедшем до нас письме К. Фогт, по-видимому, предлагал оказать давление на Гервега с целью возвращения находившихся в его руках писем Н. А. Герцена к нему (см. ЛН, т. 64, стр. 261 и след.).

Генерал баснословный кунктатор, еще более, чем Фабий.— Подразумевая медлительность Э. Гауга в организации «суда демократии», Герцен каламбурно сближает его с Фабием Кунктатором (лат. cunctator — медлительный), одновременно обыгрывая схожесть в произношении имени Фабия и французского слова fabuleux (баснословный).

Я не могу здесь начать мемуар...— Речь идет о намерении Герцена начать «мемуар о своем деле», т. е. изложить события последних лет своей жизни (подробнее см.: Л. Я. Г и н з б у р г. «Былое и думы» Герцена, 1957, стр. 40).

...три письма от Пр<удона>, М<аццини> и В<иллиха>...— Герцен имеет в виду письма к нему этих лиц, в печати не известные, по делу Гервега (см. комментарий к письмам 159 и 217).

...вместе с моим письмом к Пр<удону>.— См. письмо 217.

...Веллингтона ∞ печальнейшую новость...— Ср. сказанное здесь Герценом о смерти Веллингтона с письмом 221.

221. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 141—142.

Год написания определяется содержанием письма: «подвиги цюрихского господина» (т. е. Гервега), похороны Веллингтона, пребывание Саши в Sevenoaks, письмо Герцена к П.-Ж. Прудону (см. ниже).

...посылаю письмо к вам...— См. письмо 217.

...ауторизация — разрешение (франц. autorisation).

...Кретину...— По всей вероятности, Герцен имеет в виду доктора А. Кретена (Cretin), одного из ближайших друзей П.-Ж. Прудона.

...последний геройский подвиг цюрих<ского> е-на ∞ долг его жены.— См. комментарий к письму 220.

У франц<узского> Осип Иван<овича> сидел я вчера целое утро...— Вероятно, из конспиративных соображений Герцен называет так Ледрю-Роллена. Герцен познакомился с ним через Д. Маццини, который, по словам Герцена, так отозвался о нем: «Самый милый человек в свете, но француз jusqu'au bout des ongles» (см. «Былое и думы» — XI, 17—18; там же рассказано о визите Герцена к Ледрю-Роллену: «Он меня принял очень приветливо. Колоссальная импозантная фигура его <...> располагала в его пользу. Должно быть, он был и bon enfant и bon vivant» — XI, 21—23).

«На генерала Киселева ∞ о том ни слова...» — Не совсем точная цитата из стихотворения Пушкина «Орлову» («О ты, который сочетал...»). Послание это было напечатано при жизни поэта с пропусками цитируемых Герценом стихов и опубликовано Герценом полностью в ПЗ на 1856 г., кн. II.

А вот Веллингтон так одолжил...— Английский полководец А.-У. Веллингтон умер 14 сентября 1852 г. в возрасте 83-х лет.

...Naxthausen'a 3-й том глубокого интереса.— Речь идет о труде немецкого исследователя аграрных отношений в России Гакстауэна «Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands» (части I и II изданы в Ганновере в 1847 г., III-я часть — в Берлине в 1852 г.). О Н. А. Мельгунове Гак-

гаузен упоминает в первой главе третьей части, называя его имя среди лиц, оказавших гостеприимство приезжему иностранцу. О книге Гакстаузена см. также письмо 248.

Вчера я от него получил письмо по почте.— Это письмо Саши Герцена неизвестно.

222. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 529 (с неуточненной редакторской датой: «1852»).

Дата письма устанавливается по упоминанию в приписке Саши о его пребывании в Sevenoaks, откуда он вернулся 17 сентября 1852 г. Бумага автографа тождественна с той, на которой написано письмо Герцена к М. К. Рейхель от 17 сентября 1852 г. (см. письмо 221). Возможно, комментируемое письмо было написано в тот же день или на следующий день, что и предыдущее, но уже после приезда Саши (ср. строки Герцена о Саше в письме от 17 сентября: «Сегодня он придет с мистрис Бикс»).

223. А. РУГЕ

Печатается по автографу (ГПБ). Впервые опубликовано в книге: «Arnold Ruges Briefwechsel und Tagebuchblätter aus den Jahren 1825—1880 herausgegeben von Paul Nerlich. Zweiter Band. 1848—1880», Berlin, 1886, SS. 127—128.

...мы ∞ встречались с вами в Париже и в Виль-д'Аврэ.— А. Руге в 1849 г. приезжал в Париж для переговоров с французскими правительственными кругами от имени баденского повстанческого правительства. Встречи его с Герценом «на не остывшей еще, вулканической почве» имели эпизодический характер. Руге приезжал также к Герцену в Виль-д'Аврэ (городок близ Парижа, куда Герцен и его семья переселились весной 1849 г.). См. описание этой поездки в письме Руге к жене от 12 июня 1849 г. («Arnold Ruges Briefwechsel...», стр. 99; см. также X, 53—54).

...мы разъехались в разные стороны...— После демонстрации 13 июня 1849 г. в Париже, в которой принимали непосредственное участие Герцен и Руге, оба, предвидя возможность ареста, покинули Францию: Герцен уехал в Швейцарию, Руге — в Англию.

Мацилли сообщил мне, что вы в Брайтоне...— По-видимому, Герцен получил от Руге ответ с приглашением приехать к нему в Брайтон (см. также письма 225 и 227).

В «Былом и думах» Герцен описывает свое посещение Руге, ставшего к этому времени «брюзгливым стариком, озлобленным и злоречивым», целиком поглощенным сплетнями и пересудами. «Я уехал от него с тяжёлым сердцем и твердым намерением никогда не возвращаться», — заключает Герцен (XI, 151—152). Уничтожающую оценку Руге дали Маркс и Энгельс в своих «Великих мужах эмиграции», назвав его «сточным желобом, в котором удивительным образом смешиваются все противоречия философии, демократии и, прежде всего, фразерства» (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 8, стр. 290).

224. А. САФФИ

Печатается по фотокопии с автографа (МВР). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 324.

Год написания определяется обозначенным в письме адресом Герцена в Лондоне, где в сентябре месяце он жил только в 1852 г.

С. А. Саффи, одним из деятелей и руководителей Римской республики 1849 г., Герцен познакомился в августе—сентябре того же года в Женеве, куда Саффи эмигрировал после поражения революции. В Лондоне Саффи жил с апреля 1851 г. (с 1853 г. он преподавал итальянский язык и литературу в Оксфордском университете), находился с Герценом в дружеской переписке и был одним из его близких друзей. Дружба с Саффи продолжалась до конца жизни Герцена. Подробнее о переписке и взаимоотношениях Герцена и Саффи см. *ЛН*, т. 64, стр. 319—323, а также *Мейзен-бу*, стр. 274—276.

225. М. К. и А. РЕЙХЕЛЯМ

Печатается по копии (*ЦГАЛИ*). Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 61, стр. 354—356, как два отдельных письма (письмо к А. Рейхелю — без точной даты). Однако в тетради с копиями текст оформлен как текст одного письма, состоящего из двух частей, — русской и французской (ср. также письма 227 и 228).

...жду — ответа от Пр<удона>... — Герцен писал Прудону 6—7 сентября 1852 г. (см. письмо 217).

В Россию как пришла весть о смерти Веллингтона ∞ Петра Михайловича Волконского... — Фельдмаршал и министр двора кн. П. М. Волконский умер 8 сентября (27 августа) 1852 г. в возрасте 76 лет. О смерти Веллингтона см. в письме 221.

...еду в Брайтон, чтобы увидеться с Руге. — О своем желании встретиться с ним Герцен писал А. Руге 20 сентября 1852 г. (см. письма 223 и 227).

Мюллер-Стрелинг здесь ∞ и Жорж Санд будет замешана. — См. письмо 229.

226. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (*ЦГАЛИ*). Впервые опубликовано: *ЛН* т. 61, стр. 356—358 (с неуточненной датой: «Октябрь 1852», которая в тетради с копиями относится, однако, не только к данному письму, но является рубрикационной для ряда писем Герцена за этот месяц 1852 г.).

Дата письма определяется его содержанием: оно написано в октябре, до визита Герцена к бар. Брюнинг («в понедельник еду к M-me Brüning»), т. е. до 7 октября, когда он уже делился с тем же адресатом своими впечатлениями об этом визите (см. письмо 227). Так как понедельник в первую неделю октября 1852 г. (с 1 по 7-е число) приходился на третье число, то ясно, что письмо могло быть написано только первого или второго октября. Наиболее вероятной датой является первое октября: вполне естественно было в субботу 1 октября сказать о послезавтрашнем дне: «в понедельник еду». Дата 1 октября подсказывается и текстом письма («Вот и октябрь <...> 1 октября. Покров день...»).

...и после 16 ноября, и в мае. — 16 ноября 1851 г. — день гибели Коли Герцена и Л. И. Гааг; 2 мая 1852 г. умерла Н. А. Герцен.

В 44-м году мы были целое лето в Покровском... — См. об этом «Былое и думы» — IX, 100—110.

That is the question. — «Вот в чем вопрос» — слова Гамлета из одноименной трагедии Шекспира (акт III, сцена 1).

...роман, переведенный Вольфзоном... — Герцен имеет в виду немецкое издание его романа «Кто виноват?»; см. комментарий к письму 89.

...в понедельник еду к M-me Brüning ∞ участвовала в освобождении Кинкеля... — О визите Герцена к Брюнинг рассказано в письме 227. Характеристику Г. Кинкеля см. в «Былом и думах» (XI, 153—155).

...отказ был. — Герцен добивался разрешения на въезд во Францию (см. комментарий к письмам 220 и 227).

227. М. К. и А. РЕЙХЕЛЯМ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 358—359.

В тетради с копиями после текста Саши Герцена воспроизведены его рисунки из письма.

...развезали бы меня Прудон и Шомшильд... — В хлопотах о разрешении на въезд во Францию Герцен рассчитывал на помощь П.-Ж. Прудона и Д. Ротшильда.

...я был, наконец, у Мте Брюнинг... — О посещении Герценом бар. Брюнинг М. Мейзенбург вспоминала: «Кружок эмигрантов, собиравшийся у г-жи Брюнинг, он посетил всего раз и никогда больше туда не возвращался. Ее характер был ему неприятен. Ее деланный энтузиазм, направленный скорее на отдельные личности, чем на идеи и события, должен был показаться пошлым его проницательному взору. Вероятно, он скоро убедился, что, несмотря на демократический фанатизм, который она себе приписывала, она в сущности продолжала быть настоящей русской аристократкой...» (Мейзенбург, стр. 229—230).

На днях был я в Брайтоне ∞ видел там Руге... — «Я обедал у него и провел весь вечер. В продолжение всего времени он жаловался на эмигрантов и сплетничал на них», — вспоминал Герцен в «Былом и думах» (XI, 151); ср. также письмо 223.

Проект ехать ∞ кажется, отменен диетой. — Возможен намек на А. Бернацкого, бывшего нунция польской диеты, через которого Герцен также хлопотал о проезде через Францию (см. письмо 174 и 176 и «Былое и думы» — XI, 129—130).

228. М. К. и А. РЕЙХЕЛЯМ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 360—362, как два отдельных письма (сначала — письмо к А. Рейхелю, без даты, затем — письмо к М. К. Рейхель). Однако в тетради с копиями текст оформлен как одно письмо, состоящее из двух частей, — русской и французской, и части эти расположены в иной последовательности: после датированного текста, обращенного к М. К. Рейхель, следует отделенная черточкой французская часть, адресованная А. Рейхелю.

Год написания определяется указанным в письме лондонским адресом Герцена, по которому он жил только в сентябре—октябре 1852 г.

Алекс(андр)Иван(ович) Тургенев говорил в споре с Ховриной... — О встречах Герцена с А. И. Тургеневым в Москве см. дневниковые записи Герцена от 18 ноября 1842 г. и 25 марта 1843 г. (II, 242 и 273), а также «Былое и думы» — IX, 153.

...игнорантка — невежда (от франц. ignorante).

Восемь дней, проведенных в Париже с вами... — См. комментарий к письму 212.

Отнимите у Геркулеса доску... — Герцен имеет в виду античную скульптуру «Геракл Фарнезский» работы Гликона Афинского: Геракл изображен опирающимся на дубину, покрытую львиной шкурой.

...«Подайте сыну моему в и на ∞ он устал». — Слова Гертруды из «Гамлета» Шекспира (акт V, сцена 2).

И Фортинбрас готов... — Герцен называет свою дочь Тату именем преемника Гамлета в одноименной трагедии Шекспира.

...против меня начала составляться партия.— Видимо, Герцен имеет в виду сторонников Гервега среди немецких эмигрантов. Известно о хлопотах в защиту Гервега, исходивших от немецкого публициста Э. Мейена, дважды обращавшегося из Лондона к Ф. Лассалю по этому поводу (ср. комментарий к письму 207). См. также несколько иронические упоминания в письме К. Маркса к Ф. Энгельсу от 28 сентября 1852 г. о приезде в Лондон Герцена, который «здесь и рассылает мемуары о Гервеге» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 415).

Головин явился из Лугано с «Реву с острова»...— Проектровавшееся в Англии «обозрение» И. Г. Головина не состоялось (в 1854—1855 гг. он предпринял издание журнала «Россия»). О своем столкновении с лидером английской буржуазии Р. Кобденом, отказавшимся содействовать организации задуманных Головиным митингов в пользу освобождения русских крестьян, Головин рассказывает в своих «Записках» (Лейпциг, 1859, стр. 142).

...улице Лафитт...— На улице Лафитт в Париже помещалась банковская контора Джемса Ротшильда, где хранились денежные средства Герцена.

...улице Ришелье...— На этой улице, д. 96, находился книжный магазин издателя А. Франка (Librairie étrangère).

...я получила письмо от бедной е-жи Даримон...— Это письмо жены А. Даримона неизвестно.

...редакции «La Voix du Peuple», похоронившей мой залог.— См. комментарий к письму 18.

Вокруг меня столько поистине несчастных...— Речь идет о революционных эмигрантах, сильно бедствовавших в Лондоне (см. XI, 182—204).

229 Г. МЮЛЛЕРУ-СТРЮБИНГУ

Печатается по рукописной копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 145—146, по автографу, полученному М. К. Лемке от В. Д. Комаровой (псевдоним: В. Каренин); русский перевод — РМ, 1910, № 3, отд. II, стр. 62—63. Незначительные расхождения между копией ЦГАЛИ и публикацией М. К. Лемке свидетельствуют о том, что копия более точна. Местонахождение автографа (по свидетельству Лемке — на бумаге с траурным ободком) в настоящее время неизвестно.

В тексте письма исправлены некоторые имеющиеся в копии ошибки: *Fette* «Женичины» вместо: *France* «Франции» (стр. 350, строка 11); *solen-nel* «торжественный» — вместо ошибочно написанного слова *solemnel*, после которого в копии сделана в скобках помета — sic! (стр. 351, строка 9).

...сорвалось с твоих уст имя Ж. Санд.— Г. Мюллер-Стрюбинг принадлежал к числу друзей Жорж Санд. Он познакомился с ней в 1848 г. в Париже при посредстве Полины Виардо и И. С. Тургенева. После демонстрации 13 июня 1849 г., в которой он принял участие вместе с Герценом, Мюллер по приглашению Жорж Санд переехал к ней в Ноган, а затем поселился недалеко от ее имени, продолжая поддерживать с нею дружеские отношения. Государственный переворот 1851 г. заставил его покинуть Францию. Он переехал в Лондон, где и встретился с Герценом, с которым довольно близко сошелся еще в Париже в 1848—1849 гг. (см. о нем в «Былом и будущем» — X, 52 и XI, 168—177).

Ответ, о котором ты мне вчера говорил...— По-видимому, речь идет о неизвестном нам письме Жорж Санд, в котором она отозвалась на сообщенное ей Мюллером-Стрюбингом желание Герцена ознакомить ее с ролью Гервега в его семейной драме.

Ты видел его письма.— См. комментарий к письму 160.

Это характер в духе жорж-сандовского «Ораса».— Подробный харак-

теристике Ораса, героя одноименного романа Ж. Санд, воплощавшего в себе типичные черты молодого поколения западноевропейской буржуазии тридцатых-пятидесятых годов XIX века, Герцен посвятил ряд страниц в своем очерке «Оба лучше» и в статье «*Première lettre*» (см. XII, 332—338 и 463—480). Он находил в Гервеге большое сходство с личностью Ораса (X, 285).

Первый человек, которого я ознакомил со своим решением, был Мацини...— Вероятно, Герцен имеет в виду свое письмо к Д. Мацини от 6 февраля 1852 г., которое, так же как ответ Мацини, цитируемый ниже, до нас не дошло (ср. также письма 159 и 194).

Теперь я принялся за составление подробной памятной записки...— О намерении Герцена начать «мемуар о своем деле» см. комментарий к письму 220.

Недоставало только благоразумного и великодушного совета замолчать...— Вероятно, имеются в виду советы Н. И. Сазонова (см. письмо 150).
...сообщил что-нибудь из этого Ж. Санд...— Мюллер-Стрибинг на следующий же день отправил комментируемое письмо Герцена к Ж. Санд, присоединив к нему брошюры «О развитии революционных идей в России» и «Русский народ и социализм» (текст письма см.—Л VII, 149—150). Как отзывалась на письмо Герцена Ж. Санд, неизвестно. Биограф Ж. Санд В. Д. Комарова не нашла в ее переписке и личном архиве никаких материалов, свидетельствующих о ее реакции на сообщенные ей факты. Видимо, Ж. Санд сочла неудобным для себя в какой бы то ни было мере вмешиваться в конфликт между Герценом и Гервегом, так как Гервег издавна считался одним из ее преданных друзей (см. Victor Fl e u r y. *Le Poète Georges Herwegh*. Paris, 1911, стр. 133).

230. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 364. В текст письма в наст. издании внесено исправление: *так* <много>— вместо: *там* (стр. 354, строка 8).

Письмо ваше и приложение Мельгунова, разумеется, получил...— Эти письма к Герцену неизвестны.

Записочку от Тат<ьяны> Ал<ексеевны> Саше ∞ сильно меня тронула...— Т. А. Астракова в неопубликованном письме к М. К. Рейхель от 26 сентября (8 октября) 1852 г. просила ее: «Да уговорите Сашу написать ко мне хотя что-нибудь <...> Передайте ему мою записочку, авось она вызовет его на писанье. Он, чай, плохо помнит меня, а я его и помню и люблю много» (ЛБ, ф. 69, IX, 27). В записке к Саше Астракова писала: «Саша, душка мой!— Будь добр, пиши ко мне. Хотя изредка — пиши все: и чем ты занимаешься, и что тебя интересует, и что делают твои сестры, отец — злоровы ли они все; — бываешь ли ты на могиле своей матери». Давая ему много различных советов-наставлений, она добавляла: «Люби и уважай своего отца, употребив всю свою нежность на то, чтобы утешить его и заменить ему хотя часть того, чего он лишился в твоей матери» (ЛБ, ф. 69, IX, 16). Из последующих писем Астраковой видно, что вскоре она получила ответ Саши (см. комментарий к письму 247).

На расход вроде Дарим<она>...— См. письмо 228.

...Головин со своим реву...— См. комментарий к письму 228.

Теперь идет переписка с Жорж Санд...— См. письмо 229.

Мемуар писать необходимо...— См. комментарий к письмам 220 и 238.

...отказ этого г<осподина> принять вексель...— См. там же.

Твое письмо, Тата...— Это письмо Таты Герцен к отцу неизвестно.

231. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по фотокопии с автографа (*ИISG*). Впервые опубликовано: *Л VII*, 150—152.

Год написания определяется упоминанием Герцена о переезде в Лондоне по новому адресу в *Barrow Hill* (см. письмо 234).

...цюрихс<кого> мерзавца — т. е. Гервега.

Вероятно, у вас газеты тоже кричат о дуэли между французами... — О дуэли между двумя французскими эмигрантами в Лондоне Э. Бартеlemi и Ф. Курне, окончившейся смертью последнего и арестом Бартеlemi и секундантов обеих сторон, см. в «Былом и думах» (*XI*, 78—95), а также письмо от 23 марта 1853 г. (т. *XXV*).

«Он плачет о Гекубе, а что ему Гекуба?» — Из монолога Гамлета в одноименной трагедии Шекспира (акт II, сцена 2).

...Мельгунов хотел 2500, а я прислал 2000. — О посылке денег Н. А. Мельгунову см. письмо 230. Мельгунов был постоянным должником Герцена и умер, не заплативши ему 13 тыс. франков (см. письмо Герцена к М. К. Рейхель от 13 мая 1867 г. — т. *XXIX*).

232. ТАТЕ ГЕРЦЕН И М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (*ЦГАЛИ*). Впервые опубликовано: *Л VII*, 154 (с ошибочной редакторской датой: «Октябрь 1852»). В отличие от текста, обращенного к Тате и написанного в автографе крупными буквами, строка, адресованная М. К. Рейхель, написана мелко; после нее, также мелким шрифтом, следуют слова, затем зачеркнутые Герценом: «Пришлите мне<...>»

Письмо написано, как следует из приписки Саши, после получения Герценом «немецкого письма» Таты (о его получении Герцен упоминает в письме от 20 октября) и «за несколько дней» до переезда «в другую квартиру» — в *Barrow Hill*, состоявшегося 1 ноября 1852 г. (см. письмо 234). За указанный период известно три письма Герцена к М. К. Рейхель, у которой в это время находилась Тата: от 20, 26 и 31 октября. В одном из них — 26 октября — Герцен говорит о покупке для Таты детской кухни, о чем упоминает и в настоящем письме, которое, возможно, было отправлено одновременно с ним.

...пупета — кукла (франц. *poupée*).

233. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Печатается по автографу (*ЦГАЛИ*). Впервые опубликовано: *Л VII*, 163 (с ошибочной редакторской датой: «Декабрь 1852»).

Дата письма определяется упоминанием Герцена об успехах Саши в изучении английского языка («А Саша начинает говорить по-английски»); об этом же факте Герцен упоминает несколько раз и в других письмах за октябрь 1852 г.: 7 октября («Саша начинает марковать по-английски») и 20 октября 1852 г. («Саша начинает говорить по-английски»). Бумага автографа тождественна с той, на которой Герцен писал Тате же в сентябре—октябре 1852 г. (например, письма 219, 232).

234. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (*ЦГАЛИ*). Впервые опубликовано: *Л VII*, 153—154.

Год написания определяется указанным в письме лондонским адресом Герцена, по которому в ноябре месяце он жил только в 1852 г.

Письмо от Н(аталии) Ал(ексеевны)...— Это письмо Н. А. Тучковой неизвестно. О другом ее письме за этот период см. в комментарии к письму 247.

...2000, отданные Мельгуновым...— См. об этих деньгах в письмах 230 и 231.

Энгельсон, говорят, приехал в Париж.— В. А. Энгельсон писал Герцену 4 ноября 1852 г.: «Мы здесь, т. е. в Париже, с 30-го окт(ября), а на квартире с 1-го числа» (В. А. Энгельсон. Статьи, прокламации, письма. 1934, стр. 148).

235. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 156—157.

Год написания определяется указанным в письме лондонским адресом, по которому Герцен жил с ноября 1852 г. (см. письмо 234), а также упоминанием о начале работы над «Былым и думами» (см. ниже).

...что ваш Саша? — См. комментариев к следующему письму.

16-е ноября на дворе.— Годовщина гибели Коли Герцена, Л. И. Гаар и И. Шпильмана.

...у меня явилось френетическое желание написать мемуар; я начал его ∞ и я ребенком в этом странном мире...— 2 ноября Герцен написал предисловие к «Былому и думам» — «Братьям на Руси», в котором объяснял свою цель: «Прошедшее живо во мне, я его продолжаю, я не хочу его заключить, а хочу говорить, потому что я один могу свидетельствовать об нем. Исповедь моя нужна мне, вам она нужна, она нужна памяти, святой для меня, близкой для вас, она нужна моим детям» (VIII, 397—398). Это предисловие было переслано Герценом М. К. Рейхель 15 ноября 1852 г. (см. письмо 237). Впоследствии это предисловие было, по словам Герцена, «переработано совершенно» (см. письмо к М. К. Рейхель от 11—12 февраля 1853 г. — т. XXV). Выдержки из него были опубликованы в газете «Demokrata Polski», а затем перепечатаны в газете «Nation» 19 июня 1853 г. (см. ЛН, т. 63, стр. 305); *френетическое...* — неистовое (от франц. frénétique).

...княгиня...— Тетка Герцена, М. А. Хованская; все упомянутые лица изображены в главах «Былого и дум», посвященных детству и юности Герцена (т. VIII).

Dichtung und Wahrheit...— Герцен подразумевает название известной автобиографии Гёте. — «Поэзия и правда».

...мемуар о своем деле.— т. е. о конфликте с Г. Гервегом.

...Пупенька и Вольдемарчик...— А. Х. и В. А. Энгельсоны.

236. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 365.

Год написания определяется упоминанием Герцена о болезни маленького Саши Рейхеля (см. письмо 235), о годовщине «страшных» событий ноября 1851 г.; 12 ноября приходилось на пятницу в 1852 г.

...не мне вас утешать ∞ страшное сближение ночи 11 ноября с прошлым годом...— 11 ноября 1852 г. умер годовалый сын Рейхелей Саша. «Я его потеряла,— вспоминала впоследствии М. К. Рейхель,— именно в годовщину смерти Коли (...) я слегла и пролежала три месяца» (Рейхель, стр. 76). См. также письма от 23 января и 3 февраля 1853 г. (т. XXV).

Жить могут княгини Марии Алексеевны...— Подробную характеристику княгини М. А. Хованской, у которой воспитывалась Н. А. Герцен, см. в «Былом и думах» (VIII, 311—328).

237. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 160 (с ошибочной редакторской датой: «14 ноября 1852»). Письмо является припиской к посланному М. К. Рейхель тексту первоначального варианта предисловия к «Былому и думах» — «Братьям на Руси», датированного 2 ноября 1852 г. (см. VIII, 397—398; фоторепродукция первого и последнего листа — ЛН, т. 61, стр. 373). См. комментарий к письму 235. Последняя фраза в письме адресована Герценом Тате (в автографе написана крупными буквами).

238. К. ФОГТУ

Публикуется впервые, по фотокопии с автографа (BG). Год написания определяется указанным в письме адресом в Лондоне, где Герцен жил в ноябре только в 1852 г., а также упоминанием о посещениях Герцена А. Г. Ротчевым (ср. письма 241 и 242).

Ответ на письмо К. Фогта из Женевы от 15 ноября 1852 г. (Л VII, 160—161).

Вы ∞ хвалите начало мемуаров.— О первоначальном варианте предисловия к «Былому и думах» см. комментарий к письму 235. Письма К. Фогта, В. А. Энгельсона и К.-Э. Хоецкого с отзывами о «Былом и думах» неизвестны, письмо Тесье дю Мотэ от 18 октября 1852 г. см.— Л VII, 158.

Писать мемуары вместо мемуара...— Настоящее письмо Герцена отражает эволюцию замысла «Былого и дум» — от намерения написать «мемуар о своем деле», т. е. о событиях своей семейной драмы, к созданию широкого полотна художественных мемуаров.

...24 февраля...— Начало февральской революции 1848 г.

...он ∞ тоже помышляет о литературном успехе.— Видимо, намек на возможность публикации Герценом находившихся у него писем Н. А. Герцен; см. комментарий к письму 220.

...погребена, как Веллингтон.— О смерти Веллингтона см. письма 220 и 221.

...Герцен из Мора.— Получив швейцарское подданство, Герцен был натурализован в местечке Шатель близ Мора (см. письмо 83).

Мне много говорили о дороговизне...— Ср. письмо 245.

Снарядили ли вы, наконец, нашего Эдмона? — К.-Э. Хоецкий, высланный из Франции в 1851 г., получил разрешение туда вернуться. Герцен писал в письме к М. К. Рейхель 15 ноября 1852 г.: «На днях вы увидите Эдмунда» (см. письмо 237).

И скоро ли поедет Тесье за нами...— Решившись остаться в Лондоне, Герцен в письмах к М. К. Рейхель обсуждал различные планы встречи с детьми, находившимися у нее в Париже. См. письмо 241.

...Regent's Park? — Близ этого парка Герцен в то время жил в Лондоне (см. письмо 231).

Мое письмо к Мишле так и не попало в Россию... — О работе Герцена «Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле» см. комментарий к письму 127.

...статья против Гакстауэна и крепостничества.— Речь идет о статье Герцена «Russian Serfdom» («Русское крепостничество»), напечатанной в «The Leader» в ноябре 1853 г. (см. т. XII).

Порознь статьи ∞ если их объединить — успех обеспечен. — В письме к Герцену от 15 ноября Фогт выразил сомнение в целесообразности издания в Англии статьи «Русский народ и социализм» (Л VII, 161). Как видно из ответа Герцена, он вначале предполагал объединить в одной брошюре две статьи — «Русский народ и социализм» и «Русское крепостничество».

Уберите обложку ∞ оставьте только текст... — Фогт писал Герцену 15 ноября 1852 г.: «...По международному договору книги отправляются в Англию по почте не иначе, как через Францию, а там их задержат» (Л VII, 161). В связи с этим Герцен советовал Фогту принять меры для беспрепятственной доставки «Письма к Ж. Мишле» в Лондон.

Прессе так ничего и не закончил... — Услугами Прессе, нотариуса в Мора, Герцен пользовался для ведения своих дел в Швейцарии. В письме к Герцену от 15 ноября 1852 г. Фогт предупредил, что агент Прессе, Эргард, действует в пользу Гервега (Л VII, 161).

...дать Авидгору еще одну доверенность. — Речь идет о доверенности на имя банкира в Ницце Авидгора для взыскания денег по векселю Э. Гервега. См. комментарий к письму 220, а также Приложения № 10.

Барыня еще в Ницце. — Подразумевается Эмма Гервег.

Мне туманно намекнули ∞ приехать сюда... — Герцен надеялся на скорый приезд Н. П. Огарева и Н. А. Тучковой. В письме от 4 августа 1852 г. Н. А. Тучкова писала Герцену: «...мы от всего уже отделились ради будущего сближения» («Русские пропилеи», т. 4, 1917, стр. 129). Герцен просил М. К. Рейхель передать в Москву, что он ждет Огарева «как величайшее и последнее благо» (см. письмо 234).

239. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 365—366. В текст письма в наст. издании внесено исправление: *жду* — вместо: *жди* (стр. 366, строка 3 сл.).

Жду Нам<алью> Ал<ексеевну>... — См. комментарий к письму 238.

...в «Роберте» хор с цепями. — В опере Д. Мейербера «Роберт-дьявол» такого хора нет.

240. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 366—367. В копии в конце письма поздняя надпись карандашом (рукой Н. А. Герцен-дочери?): «Подпись не разобрана», относящаяся, вероятно, к фамилии лица, преподававшего Саме географию (Гауг?).

Год написания определяется строками о намерении Герцена приехать в Париж (см. письма 230, 239, 241), а также упоминанием о письме к Прудону (см. письмо 217); 26 ноября приходилось на пятницу в 1852 г.

...не может ли Браницкий узнать ∞ могу ли я на месяц приехать... — Герцен рассчитывал на помощь графа К. В. Браницкого, польского эмигранта, бывшего офицера русской гвардии, который имел влиятельных друзей в Париже и был близок к принцу Наполеону. Впоследствии, в 1861 г., он добился разрешения Герцену приехать в Париж для свидания с дочерьми (см. «Былое и думы» — XI, 488—489).

...пермиссия — разрешение (от лат. *permissio*).

Какого ответа ждет Прудонец ∞ О издании же обзоров жду от него. — Письма П.-Ж. Прудона к Герцену за это время неизвестны. Об отклике Тесье дю Мотэ, К. Фогта и К.-Э. Хоецкого, «с горячностью» поддержавших мысль Герцена «завести обозрение», т. е. орган международ-

ной демократии, сообщил Герцену из Женевы В. А. Энгельсон 1 октября 1852 г. (см. Список найденных писем, письмо 70).

...думал ему писать второе письмо о моем деле.— Герцеп писал Прудону 6—7 сентября 1852 г. (см. письмо 217).

Помните нашу безумную поездку на австрийском пароходе...— См. письмо 192.

241. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 368—370.

...всем, говорят, будет позволено возвратиться...— Слух о разрешении эмигрантам возвратиться во Францию не подтвердился.

La Olanda farà da se.— «Голландия справится сама» — шутливая перефразировка лозунга Рисорджименто — «*Italia farà da se*» («Италия справится сама», т. е. обойдется без помощи иностранных держав). В данном случае Герцеп использует этот девиз в шутливой форме, подразумевая надежность курса голландских акций.

...мое письмо к *Michellet*.— Брошюра «Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле» (см. комментарий к письму 127).

242. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 370.

Год написания определяется содержанием письма: хлопоты о приезде в Париж к детям, упоминания о своем «глупом слезливом письме» и отъезде А. Г. Ротчева (см. письмо 241).

Из письма Там(ьяны) Ал(ексеевны) я вижу, что Егор Ио(анович) не отдал денег.— О деньгах, посланных Е. И. Герцену для передачи няне Вере Артамоновне, а также матери и брату Н. А. Герцеп, см. комментарий к письму 155. В неопубликованном письме Т. А. Астраковой к М. К. Рейхель от 8 октября (26 сентября) 1852 г. говорится: «Вы мне поручили узнать о деньгах Веры Артам(оновны). Я вчера посылала за ней, и она мне сообщила следующее. Во-первых, о деньгах ей сказал Егор Иванович недавно, и как она их ни просила себе, он никак не хотел ей отдать, отговаривая ее разными предложениями <...> так что не знает, что ей и делать <...> Отдал ли Ег. Ив. деньги Петру Ал. Захарьину, неизвестно — я его давно не видала» (ЛБ, ф. 69, IX, 27).

Разумеется, Браниц(кому) это легко.— См. комментарий к письму 240.

...на Алексея Кучина или на Абрама Полесника...— Вероятно, псари И. А. Яковлева.

...такого при сем приискали...— О собаке Boatswain см. письма 244 и 245.

Саша в восторге ∞ мои именины.— Именины Герцена и его сына праздновались 5 декабря (23 ноября).

...экземпляр моего письма к *Michellet*...— Брошюра Герцена «Русский народ и социализм» (см. письмо 127).

243. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 145 (с ошибочной редакторской датой: «Октябрь 1852»).

Дата письма определяется его содержанием: пес Boatswain был подарен Сапе 5 декабря 1852 г., в день его именин, о чем Герцеп сообщил М. К. Рейхель 6 декабря (см. письмо 242). Естественно, что

Тате, от имени которой был вручен Саше подарок, об этом сообщено было тогда же. И дата, и содержание упомянутого письма к Рейхель подтверждают предположение, что настоящее письмо являлось составной частью его, припиской, обращенной к Тате.

244. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 370—372.

...по первому удару и сложились? — 11 ноября 1852 г. у М. К. Рейхель умер маленький сын Саша (см. письмо 236).

Помните, я вам писал о М^{те} Brüning ∞ спасти нельзя. — См. письма 226 и 227. Бар. Брюнинг умерла в конце января 1853 г. Герцен присутствовал на ее похоронах на Хайгетском кладбище. Описывая ее предсмертную болезнь и похороны, М. Мейзенбуг вспоминает: «При выходе с кладбища я встретила с Герценом, который также был на погребении. Он был очень расстроен и сказал мне, протягивая руку: „Еще не прошло года, как я сам с моими спронтами так же стоял у могилы“» (Мейзенбуг, стр. 236; перевод исправлен по немецкому тексту).

...о Зонненберге... — Вероятно, речь идет о Карле Ивановиче Зонненберге, гувернере Огарева, впоследствии служившем у И. А. Яковлева. См. о нем «Былое и думы» — VIII, 77—81, 84, 93—95 и др.

...старичок-то в треугольнике ∞ в трикорне. — Герцен подразумевает изображение «всевидящего божьего ока», рисовавшегося в лучах в середине треугольника; трикорн — шляпа-треуголка (франц. tricornе).

...эдак по av(енue) Marbeuf... — Адрес Рейхелей в Париже.

...non urbs et orbis... — Перефразировка известной формулы благословения папы Римского: «Urbi et orbi» («Городу и миру»).

«Записки» идут, знаете, кого я обрисовал недурно: Алексея Александровича ∞ об университетах. — Имеются в виду главы VI и VII «Былого и дум» (см. VIII, 105—160).

245. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 372—374.

Я понял и оценил вполне укор в вопросе: «Уж будто и первый?» ∞ вот бонапартистом я вам и угодила... — О «первом ударе» судьбы (смерть сына М. К. Рейхель), а также о «боге в треуголке» см. в письме 244.

...какова Мари Хоец(кая)? — См. комментарий к письму 147.

...старушке водяной... — Возможно, Герцен имеет в виду м-ме Геллерт, знакомую А. Рейхеля, которая, по словам М. К. Рейхель, «не выйдя замуж, оближенная судьбою, преследуемая обстоятельствами (...) приютилась в Париже и давала там уроки немецкого языка (<...> В мое время м-ме Геллерт была уже старушкой, хотя все еще продолжала давать уроки, была у нас частым гостем и близко принимала к сердцу все, что касалось нас» (Рейхель, стр. 117).

...«этас» — что-нибудь (нем. etwas).

...аднотенция — указание, пояснение.

Когда увидите Х(оецкого) ∞ его письмо получил... — Это письмо Хоецкого неизвестно.

...собаку не мы назвали ∞ Байроновой собакой). — Собака Boatswain (англ. боцман) была подарена Саше 6 декабря 1852 г. (см. письмо 243). У Байрона была собака с тем же именем.

Если Тесье приедут в Париж...— При содействии П.-Ж. Прудона и К.-Э. Хоецкого, Тесье дю Мотэ удалось получить разрешение на въезд во Францию, и он поселился в Париже (см. упоминания о нем в письмах 246 и 248).

Брюнинг жива.— См. комментарий к письму 244.

246. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 374—375.

Год написания определяется упоминанием Герцена о его предполагавшемся приезде в Париж; 23 декабря приходилось на четверг в 1852 г.

...pas trop de zèle...— «Поменьше рвения» (франц.)— выражение, приписываемое Талейрану, который обратился с этими словами к молодым дипломатам, полагая, что чем меньше проявят они усердия к работе, тем меньше принесут вреда.

...semper in motu, как я вырезал на печати.— «Всегда в движении» (лат.). Кроме этих слов, на личной печати Герцена, по свидетельству К. Браницкого, было выгравировано изображение пламени, символизировавшего его «одушевленную деятельность» (см. «Les Nationalités slaves», 1879, стр. 170).

Gême сказал: «Ich hab' mein Sach aufs nichts gestellt»...— «Мне ничего на свете не пужно» — из стихотворения Гёте «Vanitas! Vanitatum vanitas!» («Суета сует и всяческая суета»).

...старческая забота Кетчера о доме...— По инициативе П. Л. Пикулина, друзья Н. Х. Кетчера в середине декабря 1852 г. составили комитет по сбору суммы для покупки ему дома. В комитет, кроме Пикулина, вошли Т. Н. Грановский, Н. М. Щепкин и Н. Ф. Павлов. В складчину приняли участие также Н. М. Сатин, Н. Г. Фролов, К. Т. Солдатенков, А. В. Станкевич, И. В. Станкевич и И. С. Тургенев. Всего было собрано около 6 тыс. руб. сер. Дом на Ольховцах (близ Новой Басманной) был куплен в апреле 1853 г., о чем было объявлено Кетчеру в день его юбилея Т. Н. Грановским от имени и в присутствии друзей. Вследствие разномыслия с Н. П. Огаревым, друзья Кетчера, как об этом писал Пикулин Сатину 10 августа 1853 г., «решили не брать денег» (с него и «выключили» первоначально записанные за ним 500 р. (письма Пикулина к Сатину в связи с покупкой дома см.— «Русская мысль», 1902, № 12, стр. 178—182; автографы этих и других писем в связи с покупкой дома Кетчеру — см. в ЛБ). Павлов, которому Герцен поручил дать в подписку 300 р. сер., не только не внес денег, но и сам, ввиду карточных долгов, участия в подписке не принял, а вскоре был арестован и выслан в Пермь (см. об этом также письма от 4 февраля и 18 мая 1853 г.— т. XXV).

Эдип говорит: «На камне сем я век окончу мой».— Из трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах» (действие II, явление 1).

...«Не будь ни Апеллесов, ни Павлов» — Из «Первого послания к коринфянам» апостола Павла (гл. 3). Позднее эти слова Герцен использовал в заглавии заметки в «Колоколе» (см. XVI, 35 и комментарий). О долге Н. Ф. Павлова и Н. М. Сатина Герцену см. комментарий к письму 84.

...вертится в голове удивительный проект — начать агитацию об освобождении крестьян.— Это первое упоминание об организации Вольной русской типографии. 20 декабря 1852 г. датирована статья Герцена «Русское крепостничество», направленная «против белого рабства в России». «Русский вопрос,— писал Герцен,— по крайней мере в настоящее время, заключается в вопросе о крепостном праве» (XII, 34—35). В письме к М. К. Рейхель от 5 февраля 1853 г. Герцен снова повторяет: «Главное теперь — пропаганда об эманципации мужиков».

...каким образом Тесье получил право возвращения...— См. комментарий к письму 245.

...я третьего дня весь вечер просидел у Карлейля.— Сводку материалов об отношениях Герцена с Карлейлем см. в публикации М. П. Алексеева — ЛН, т. 61, стр. 229—231.

Я спорил с ним страшно и повиненье приведет к социализму.— Этому вопросу — о «таланте повиновения», апофеозе «царизма» и «великого туркизма» — было впоследствии посвящено письмо Т. Карлейля Герцену, который в своем ответе (от 14 апреля 1855 г.) противопоставил «таланту повиновения» «талант борьбы»: «Без таланта борьбы и противудействия мир бы еще стоял на точке Японии, не было бы ни истории, ни развития...» (см. «Былое и думы» — XI, 537—538).

С Осип Ивановичем неладит...— О своих расхождениях с Д. Маццини во взгляде на тактику итальянских революционных дел Герцен, отдавая должное редким качествам Маццини, рассказал в «Былом и думах» (XI, 13—21).

...авторизация — разрешение (франц. autorisation).

...картины надобно дожидаться...— Герцен при выезде из Ниццы в июне 1852 г. оставил там многие вещи, в частности, картину, изображающую похороны Н. А. Герцен работы И. Каффи и постель Ж. Массе с ее изображением в гробу (обе картины воспроизведены в ЛН, т. 63, стр. 361 и 765). Картины были получены Герценом в конце января 1853 г.— см. письма от 23 января, а также от 7 мая 1853 г. (т. XXV).

247. С. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ.

Печатается по фотокопии с автографа, местонахождение которого неизвестно (негатив, воспроизводящий автограф, хранится в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 3, ед. хр. 178). Впервые опубликовано: Л VII, 164—166.

Последний абзац написан Герценом поперек листа сбоку. Предшествующий ему абзац («Сегодня последний день...») в негативе отсутствует и воспроизводится по тексту издания М. К. Лемко; видимо, эти строки были расположены на следующей странице, по линии отрыва которой в негативе видны элементы отдельных букв. В дате число исправлено Герценом: «31» вместо «28» (?); возможно, письмо писалось им в течение нескольких дней.

Ответ на неопубликованные письма Т. А. и С. И. Астраковых и Н. А. Тучковой к Герцену и его сыну Саше за ноябрь 1852 г. Т. А. Астракова писала в нем Герцену: «Спасибо за строки, Ал(ександр)!.. Прочла я их, и горькие, тяжелые слезы отуманили мне глаза <...> Твоя жизнь нужна детям, они еще малы, им нужен истинно любящий и преданный человек... Лучше было бы тебе собрать всех детей около себя, неужели Мар(ья) Касп(аровна) не согласится переселиться жить с вами; только была бы у нее добрая воля, а материальные средства не должны ее задержать, вероятно, для детей ты пожертвуешь всем. А лучше и легче было бы для тебя жить внутри всей своей семьи, да и для детей это необходимо — надо, чтобы они с детства были окружены твоей заботливостью, твоей жизнью — тогда только ты можешь перелить в них жизнь своей жены и свою — сроднить их с своими убеждениями, с своими взглядами... ради всего на свете, будь возле них, не удаляй их от себя — мне думается, что это воскресит тебя и спасет детей от многого». В письме содержится упоминание об Н. П. Огареве и Н. А. Тучковой, которым Герцен, как видно из строк Астраковой, писал тогда же: «Передаю записочку — их жизнь и обстоятельства больно не красивы. Вещественные блага так запутаны, что мешают всякому душевному порыву» (намек на невозможность их выезда за границу к Герцену, который постоянно звал их к себе). Далее Астракова обращается к Герцену с просьбой, на которую он также отвечает

в комментируемом письме: «Если можно и не жаль, позволь Мар(ье) Касп(аровне) прислать мне какой-нибудь маленький рисунок Наташи — я сберегу его вместе с ее волосами, это будет для меня дорого. После себя я завещаю ее вещи детям». В конце письма — приписка С. И. Астракова по поводу утраты Н. А. Герцен: «Уж как выйду в чисто поле, уж как гляну во все стороны, и уж нет как нет и нигде ничего. Поглядишь в даль, загумачатся глаза...» и т. д. (ЛБ, ф. 69, IX, 18).

...ты спрашивала как-то в письме ∞ «Как так скоро разрушился ее организм?» — Герцен имеет в виду неопубликованное письмо Т. А. Астраковой к М. К. Рейхель от 8 октября (26 сентября) 1852 г., в котором она писала: «Вы мне не отвечаете на мой задушевный вопрос <...> Дело в том, что я никак не могу до сих пор придумать, да отчего же в самом деле так быстро разрушился организм Н(аташи)? — Вы мне говорили, что это все подготавливалось понемногу — но что же подготавливало ее?.. а жажда-то есть узнать об ней все, все, что было с ней, и когда, и как» (там же, IX, 27).

...живу в надежде увидеть сестру или брата ∞ Да отчего же не едет сестра к своим маленьким? — Письма Н. А. Тучковой и Н. П. Огарева к Герцену за этот период неизвестны. Однако в неопубликованном ноябрьском письме Астраковых к Саше Герцену содержатся следующие ее строки, характеризующие ее отношение в это время к оставшимся без матери детям Герцена, к нему самому и к предсмертному желанию Н. А. Герцен передать ей их воспитание: «Читала я твое милое письмо к Т(атьяне) А(лексеевне), милый мой, славный мой Саша. Если б ты знал, как я тебя люблю и как больно думать, что ты один с отцом. Часто сижу я и, глядя на портрет твоей мамы, горько плачу, что не далось мне ее увидеть еще раз. Она звала, а я? я не приехала. Я знаю, что не могла приехать и что бесплодно к ней рвалась, но это меня не утешает. А что твой папа, любви, утешай его, у нас обоих ближе вас никого нет, знайте это, друзья. Саша, помни маму свою; боже, как она тебя любила! Вся моя надежда на вас, детей, еще много для вас впереди, авось вы будете счастливее нас. Я только для того хочу жить теперь, чтоб вместе с папой и с О(гаревым) сберечь ее возлюбленных детей и отстранить от них сколько можно печали и горести, а нам не забыть уж прошлого. Прощайте, ваши руки и твою, А(лександр). Брат твой в деревне, я одна здесь по делам. Напишите мне, друзья, что дети, помнят ли меньшие их маму бедную. Н(аташа)» (ЛБ, ф. 69, IX, 7).

Если N(atalie) уехала, пошли ей эти строки. — Н. А. Тучкова приезжала в Москву в ноябре 1852 г. из с. Яхонтова, где Астраковы летом гостили у нее и Н. П. Огарева. Письмо Герцена было ей переслано Т. А. Астраковой 7 января 1853 г., о чем Астракова извещала Герцена 20(8) января (см. ЛН, т. 62, стр. 18). 14 января Огарев сообщил Н. М. Ситину о получении письма от Герцена: «Имел я голос издадала, голос измученный, кричащий от боли и призывающий. Думать нечего, мешкать нечего. Сожгу мосты за собою, а там что бы ни случилось — я на все готов и не пожалую ни сил, ни жизни» (ЛБ, ф. 69, VIII, 339). Тучкова отвечала Герцену в феврале 1853 г.: «Да, надо скорей к малюткам, если б ты знал, как я их люблю! — Это все-таки она же, давай жить для них, пока им нужно! <...> Хотела б я облиться слезами, ты мученик! («Русские проплены», т. 4, 1917, стр. 128). См. также комментарий к письму от 7 марта 1853 г. (т. XXV).

Это правда, что Саша больше занимался языками, дело очень важное — читать 5 языков ∞ обращаемся к математике. — Этими строками Герцен отвечает С. И. Астракову, который в упоминавшемся выше совместном письме Астраковых и Тучковой к Саше обращался к нему: «Ты пишешь, что ты теперь учишься английскому языку, прежде писал, что учился италиянскому, а еще прежде франскому — это все языки и языки; все это хорошо <...> по ты ни слова не говорил, учишься ли ты языку,

которым говорят с природой, т. е. языку *цифр* <...> Я бы советовал тебе заяться этим языком теперь <...> И потому вот тебе мое благословение на путь к цифре и да помогут тебе все силы: и Р и Q и Р' Р'' и Q' Q''...

248. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается по копии (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61 стр. 376—377.

...писал я, *pas trop de zèle*.— См. комментарий к письму 246.

...отчего Эдм<онд> притесняет ∞ а не Браниц<кого>.— См. комментарий к письму 240.

...вот вам записка в Россию.— См. предыдущее письмо к Астраковым.

Письма ∞ я прочитал с горячими слезами, превосходные письма...— Письма Астраковых и Н. А. Тучковой, о которых см. в комментарии к письму 247.

...письмо (список), которое N<atalie> писала перед кончиной.— О письме Н. А. Герцен к Гервегу от 18 февраля 1852 г. см. в письме 150.

...где были процессы Бауэра...— Имеется в виду процесс в Кёльне, начавшийся в октябре 1852 г. и длившийся полтора года, над членами «Союза коммунистов» — первой международной коммунистической организации, основанной в 1847 г. К. Марксом и Ф. Энгельсом. Участники процесса обвинялись в заговоре, «носящем характер государственной измены», против Прусского государства. Член ЦК «Союза коммунистов» Генрих Бауэр еще в 1851 г. эмигрировал в Австралию. Об этом процессе см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, 1957, стр. 427—491 и 629—632.

Написал еще длинное письмо «*Sur le servage en Russie*», в котором обругал Гакстауэна.— См. статью Герцена «*Russian Serfdom*» («Русское крепостничество»), датированную 20 декабря 1852 г., но опубликованную через год (см. т. XII). В заключительной главе Герцен полемизирует с книгой А. Гакстауэна («*Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands*», т. I—III, 1847, 1852), разоблачая монархическую направленность его труда. Отзывы Герцена о Гакстауэне см. также в дневниковых записях Герцена (т. II) и в работе «О развитии революционных идей в России» (т. VII).

...как тебе понравился Прудонет...— О визите Таты Герцен к Прудону см. в письме 245

...Мари Славянку.— Видимо, Мария Хоецкая.

249. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л VII, 150 (с ошибочной редакторской датой: «Октябрь 1852»).

Дата письма определяется упоминанием Герцена о возможном его приезде в Париж, о чем он усиленно хлопотал в декабре 1852 г.; письма этого времени полны сообщений о планах скорого приезда к находившимся у М. К. Рейхель его дочерям. В настоящем письме Герцен продолжает разговор, начатый им 17 декабря, когда он писал Тате о намерении привезти с собой и подарить «двух птичек из Южной Америки» (см. письмо 245). Приписка Саши подтверждает предполагаемую дату: запрос Таты, на который он отвечает, говоря о возможности «иметь собаку в своем саду», несомненно, связан с подарком, полученным Сашей 5 декабря 1852 г.: в день его именин Герцен подарил ему от имени Таты пса Boatswain'a (см. письма 242 и 243).

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

1. <ЗАПИСЬ ДЛЯ Г. ГЕРВЕГА?>

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 198.

Дата записи определяется предположительно: она сделана Герценом на отдельном листе бумаги и, по-видимому, связана с его работой в 1850 г. над книгой «О развитии революционных идей в России», в процессе которой он намеревался использовать в качестве исторического источника доклад следственной комиссии о декабристах, опубликованный в Петербурге на русском языке и переведенный затем на ряд европейских языков. Поручение Герцена достать эту книгу Гервег, очевидно, должен был передать А. Колачеку.

100 экземпляров брошюры.— Вероятно, речь идет об экземплярах книги «Vom anderen Ufer», вышедшей в 1850 г. (см. стр. 405).

2. А. Х. ЭНГЕЛЬСОН <НАДПИСЬ НА КНИГЕ «С ТОГО БЕРЕГА»>

Печатается по тексту письма Н. А. Герцен к М. К. Лемке от 20—21 марта 1914 г. (ИРЛИ). Впервые опубликовано: Л VI, 155. Местонахождение книги с автографом неизвестно. Сообщая Лемке о полученных в Лозанне откликах на печатную просьбу наследников Герцена (в связи с готовившимся изданием его сочинений) присылать все неизвестные материалы о Герцене, Н. А. Герцен писала ему в Россию 21 марта 1914 г.: «Какой-то Otto Carmin из Женевы (очевидно, читавший наше воззвание), прислал нам „Vom anderen Ufer“ 1850 г. (на немецком) с следующим посвящением рукою Ал<ександра> Ив<ановича> (переписываю его, так как оно может представить для вас интерес...)» Далее в письме приведен публикуемый текст посвящения.

3. К. ФОГТУ <НАДПИСЬ НА КНИГЕ «РУССКИЙ НАРОД И СОЦИАЛИЗМ»>

Печатается впервые, по автографу; надпись сделана на листе между обложкой и титулом в книге: «Le peuple russe et le socialisme. Lettre à Monsieur J. Michelet, professeur au collège de France par Iscander (A. Her-

zen)», Paris, 1852, хранящейся в Библиотеке АН СССР, Ленинград (см. иллюстрацию, стр. 384). Об издании этой книги см. комментарий к письму 127.

4. И. Г. ГОЛОВИНУ <НАДПИСЬ НА ПОХОРОННОМ ПРИГЛАШЕНИИ>

Печатается по тексту чернового автографа «Былого и дум» (ЛБ); надпись приведена Герценом в главе «И. Головин» (ср. XI, 414).

Герцен сделал эту надпись, как он сам разъясняет в «Былом и дум», на бланке погребального приглашения, «разосланного 2 мая 1852 года», по получении письма от И. Г. Головина из Турина с выражением соболезнования Герцену в связи с кончиной Н. А. Герцен (см. XI, 414). Там же см. об обстоятельствах, при которых половина погребального приглашения была возвращена Головинным Герцену в апреле 1854 г.

5. Е. К. СТАНКЕВИЧ <НАДПИСЬ НА КНИГЕ Ж. САНД «ПОХОЖДЕНИЯ ГРИБУЛЯ»>

Печатается по автографу на шмуцтитуле книги: *Histoire du véritable Gribouille par George Sand*, Paris, 1851, хранящейся в Государственной публичной исторической библиотеке, Москва (фото титульного листа книги см. на иллюстрации, стр. 385). Впервые опубликовано в журнале «Книжные новости», 1937, № 8, стр. 55. На чистом листе в конце книги чернилами написано: «Надпись на заглавном листе книги сделала А. И. Герценом, подарившим ее Елене Константиновне Станкевич, двоюродной сестре Т. Н. Грановского. А. Влад. Станкевич. 2 июля 1905 года». С Е. К. и А. В. Станкевичами Герцен виделся в Ницце в марте 1852 г., а затем в Женеве и Париже в августе 1852 г., когда и была им вручена книга Ж. Санд с дарственной надписью (см. письма 162, 208 и 212).

6. <ЗАПИСЬ О ДНЯХ РОЖДЕНИЙ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ>

Печатается впервые, по автографу (ЦГАЛИ, ед. хр. 265). В автографе — ряд исправлений: в записи о Саше год рождения первоначально обозначен: 1838, затем исправлено: 1837, наконец, написано: 1839; в записи о Тате вместо: 13 декабря — первоначально было: 15 декабря; в записи об Ольге дата первоначально была дана только по новому стилю: ноября 20. Против имен рукой М. К. Рейхель (?) написано: «прусскому стилю», против имени Оли — «по-иностранному стилю». На обороте листа надпись: «Тата отъ(?)»; эта надпись сделана детским почерком, видимо, рукой Таты, для которой, по всей вероятности, Герцен и составил настоящую запись.

Наиболее вероятной датой записи является период времени между ноябрем 1850 г. (рождение Ольги) и ноябрем 1851 г. (гибель Коли); это подтверждается и крупным, еще совсем не установившимся почерком Таты.

II

7. <ЗАПИСИ О ДЕНЕЖНЫХ ФОНДАХ И КАПИТАЛЕ ГЕРЦЕНА>

Печатается по тексту Л VI, 527—528, где опубликовано впервые, по автографу, хранившемуся в архиве семьи Герцена. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Запись сделана Герценом вскоре после гибели Л. И. Гааг 16 ноября 1851 г. и рисует картину его материального положения, расходов, долгов и наличного капитала по состоянию на 1 декабря 1851 г.

8. <ЗАПИСЬ О ДЕНЕЖНЫХ СУММАХ, ВЫПЛАЧЕННЫХ ПО ЗАВЕЩАНИЮ Л. И. ГААГ>

Печатается по тексту Л VI, 528, где опубликовано впервые, по автографу, хранившемуся в архиве семьи Герцена. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Запись сделана Герценом после гибели Л. И. Гааг 16 ноября 1851 г. и отражает ее волю, выраженную в не дошедшем до нас завещании, о выплате денежных сумм ее родственникам и близким лицам.

9. <АКТ ЗАВЕЩАНИЯ>

Печатается впервые, по нотариальной копии (ЦГАЛИ). Русский перевод («с подлинника, хранившегося в архиве семьи Герцена») впервые опубликован: Л VII, 120—123. На копии рукой А. А. Герцена сделана помета (на французском языке): «Точная копия завещания моего отца. А. Г.». Документ заверен нотариусом Г. Фаснахтом 31 января 1870 г.

Завещание составлено Герценом в Фрибуре 1 августа 1852 г. (см. письмо 209). Оно не было впоследствии им отменено и, вступив в силу после его смерти, было оглашено нотариусом Фаснахтом 31 января 1870 г. в Мора в присутствии, как обозначено на копии, сына Герцена Александра Александровича (имевшего при себе также доверенность от имени сестры Наталии Александровны), мирового судьи Жака Оксенбейна (представителя от опеки над несовершеннолетней Ольгой Герцен), Рудольфа Бурля и Эдуарда Герца, представителей общины Шатель. Копия, как оговорено нотариусом, снята специально для одного из душеприказчиков Герцена — К. Фогта.

10. <ПРОТЕСТ ВЕКСЕЛЯ Э. ГЕРВЕГ>

Публикуется впервые, по тексту нотариального бланка, заполненного писарской рукой, с собственноручной подписью Герцена (ЦГАЛИ). На бланке имеется штамп нотариальной конторы: J. Venn & Sons. Public Notaries. 2, Rope's Head Alley. London, с датой 8 ноября 1852 г., а также гербовая печать. Документ заверен генеральным консулом Сардинского королевства в Лондоне 13 ноября 1852 г. (канцелярская помета: «Reg. № 58, folio 180»). Вместе с этим документом в ЦГАЛИ хранятся нотариальные листы по этому же делу на итальянском языке, составленные нотариусом в Ницце в декабре 1852 г., а также печатный текст на немецком языке — «Протест», с надписью нотариуса в Цюрихе, свидетельствующего о получении им 27 августа 1852 г. этого документа от Герцена; далее в «Протесте» приведен следующий текст векселя Э. Гервег (перевод с французского):

«Ницца, 20 августа 1850.

Через два года с этого числа я уплачу по требованию г. Александра Герцена сумму в десять тысяч франков, полученную мною наличными. Действительно для десяти тысяч франков.

Эмма Гервег».

Обстоятельства, связанные с выдачей Герценом ссуды в 10 тыс. франков, так и не возвращенных ему Гервегами, см. в «Былом и думах» — X, 297, 311—312. Текст векселя на языке подлинника см. Л XIV, 104.

11. <ЗАПИСЬ РАСХОДОВ ПО СОДЕРЖАНИЮ СЕМЬИ>

Печатается впервые, по автографу (ЛВ).

Дата написания устанавливается предположительно, по времени пребывания Герцена за границей, видимо, до его переезда в Англию, т. к. смета стоимости содержания семьи (суммы, в настоящей записи выражены, несомненно, в франках) претерпела к тому времени изменения (ср. письма 230 и 246).

III

12. ПИСЬМО Э. ГАУГА к Ж. МИШЛЕ

Печатается по фотокопии с автографа (ВНР). Впервые опубликовано: «Былое», 1907, № 7, стр. 23—24.

Письмо написано по поручению Герцена, который, как пишет Э. Гауг, был в дни после получения вести о гибели близких, «не в состоянии ответить» лично Ж. Мишле. В письме Гауга, бесспорно, нашли отражение формулировки и прямые указания Герцена. См. комментарий к письму 133.

13. ПИСЬМО В. А. ЭНГЕЛЬСОНА к Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по тексту Л XIV, 91, где опубликовано впервые.

Письмо было написано В. А. Энгельсоном по поручению Герцена после полученного им 28 января 1852 г. письма Гервега с вызовом (см. «Былое и думы» — X, 284—286, а также комментарий к письму 149).

О своем разговоре с Энгельсоном, результатом которого явилось настоящее письмо к Гервегу, Герцен, не имевший тогда возможности отлучиться от постели больной жены, рассказывает в «Былом и думах»: «Что вы намерены делать? — спросил меня наконец Энгельсон. — Ехать и убить его, как собаку. Что он величайший трус, это вы знаете и все знают... шансы все с моей стороны. — Да как же вам ехать?.. — В этом-то все и дело. Напишите ему покамест, что не ему у меня требовать удовлетворения, а мне его *наказывать*, что я сам выберу средства и время его наказать, что для этого не оставляю больной женщины, а на его грубости плюю» (X, 286).

14. ПИСЬМО В. А. ЭНГЕЛЬСОНА к Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по тексту Л XIV, 95—96, где опубликовано впервые, по копии, посланной Герценом М. К. Рейхель (ср. письмо 151).

Это письмо так же, как первое письмо Энгельсона к Гервегу от 28 января 1852 г., касавшееся «дуэльного дела», написано по поручению Герцена, отказавшегося вести переписку с Гервегом. Посылая ему настоящее письмо, Энгельсон приложил копию с письма Н. А. Герцен ему же от 18 февраля 1852 г. (см. письмо 150 и комментарий).

15. ПИСЬМО Э. ГАУГА и ТЕСЬЕ дю МОТЭ к Ф. ВИЛЛЕ

Печатается по копии, хранящейся в архиве д-ра Бруно Кайзера (Берлин). Впервые опубликовано: Л VII, 79—80. Автограф находится в частном архиве семьи Ф. Вилле (Mariafeld, Швейцария).

Настоящее письмо является ответом на вызов, посланный Герцену из Цюриха 7 июля 1852 г. Ф. Вилле от имени Г. Гервега (см. письмо 201). О том, что Герцен принимал непосредственное участие в написании этого письма, свидетельствует следующее его упоминание в «Былом и думах» о событиях этого времени: «...Какой-то доктор из Цюриха писал мне, что Г<ервег> поручил ему вызвать меня. Я отвечал через Гауга, что как прежде, так и теперь я Г<ервега> не считаю человеком, заслуживающим удовлетворения; что казнь его началась, и я пойду своим путем» (X, 314). См. также комментарий к письму 201.

ДОПОЛНЕНИЕ (к стр. 138)

69а. ПРЕЗИДЕНТУ ЦЮРИХСКОГО КАНТОНА А. ЭШЕРУ

9 сентября (28 августа) 1850 г. Ницца.

Г<осподин> Президент,

в 1849 году я поместил моего сына, пяти лет от роду, в цюрихский институт глухонемых. Через несколько месяцев цюрихская полиция потребовала у моей матери его паспорт. Так как у нас не спрашивают ни у новорожденных, ни у детей, ходящих в школу, паспортов, то сын мой и не имел отдельного вида, а был помещен на моем. Это объяснение не удовлетворило цюрихскую полицию. Она потребовала залог. Моя мать, боясь, что ребенка, навлекшего на себя столько опасливого подозрения со стороны цюрихской полиции, вышлют — внесла его.

В августе 1850 г., желая оставить Швейцарию, моя мать потребовала залог, но цюрихская полиция его не отдала; она хотела прежде узнать о действительном отъезде ребенка из кантона. Приехав в Ниццу, моя мать просила гг. Авигдора и Шультгеса получить деньги, причем она приложила свидетельство о том, что мы, и, главное, шестилетний и подозрительный сын мой, находимся в Ницце, а не в Цюрихе. Цюрихская полиция, тугая на отдачу залога, потребовала тогда другого свидетельства, в котором здешняя полиция должна была засвидетельствовать, что сыну моему «официально позволено жить в Пиэмонте» (*que l'enfant est officiellement toléré*). Г-н Шультгес сообщил это г. Авигдору.

Видя такое эксцентрическое любопытство цюрихской полиции, я отказался от предложения г. Авигдора послать новое свидетельство, которое он очень любезно предложил мне сам взять. Я не хотел доставить этого удовольствия цюрихской полиции, потому что она, при всей важности своего положения, все же не имеет права ставить себя полицией международной,

и потому еще, что требование ее не только обидно для меня, но и для Пизмонта.

Сардинское правительство, господин Президент, — правительство образованное и свободное. Как же возможно, чтоб оно не дозволило жить (*ne tolerât pas*) в Пизмонте больному ребенку шести лет? Я действительно не знаю, как мне считать этот запрос цюрихской полиции — за странную шутку или за следствие пристрастия к залогам вообще.

Представляя на ваше рассмотрение, г. Президент, это дело, я буду вас просить, как особенного одолжения, в случае нового отказа, объяснить мне это происшествие, которое слишком любопытно и интересно, чтоб я считал себя вправе скрыть его от общего сведения.

Я снова писал к г. Шультгесу о получении денег и могу вас смело уверить, что ни моя мать, ни я, ни подозрительный ребенок не имеем ни малейшего желания, после всех полицейских неприятностей, возвращаться в Цюрих. С этой стороны нет ни тени опасности.

Ницца, 9 сентября 1850.

Печатается по тексту книги: *Былое и думы* Искандера. Том четвертый. Женева, Вольная русская типография, 1867, стр. 231—232, где включено в состав главы XI части пятой (ср. X, 162—163). Впервые опубликовано, с незначительными разночтениями: *ЛЗ* на 1858 г., кн. IV, стр. 253—255.

Подробнее об обстоятельствах, при которых было написано это письмо, и о незаконной задержке цюрихской полицией залога, внесенного за Колю Герцена и возвращенного после настоящего письма, см. в «Былом и думах» (X, 161—163), а также в томе XXIII наст. изд., стр. 431—432.

СПИСОК НЕСОХРАНИВШИХСЯ И НЕНАЙДЕННЫХ ПИСЕМ ГЕРЦЕНА

апрель 1850 — декабрь 1852

1. Л. БАМБЕРГЕРУ. *Апрель (до 19) 1850 г. Париж.* В письме Герцен касался, видимо, политической обстановки во Франции накануне дополнительных выборов в Законодательное собрание. Строки из этого письма Герцен цитирует в письме 11 (см. стр. 25 и 27 наст. тома).
2. Л. И. ГААГ. *Около 19 (7) апреля 1850 г. Париж.* О хлопотах в связи с незаконным задержанием капитала Л. И. Гааг в России и о ее поездке в Штутгарт. См. письмо 11 (стр. 25 и 26 наст. тома).
3. Л. И. ГААГ. *Май (до 12) 1850 г. Париж.* О переезде семьи в Ниццу. См. письмо 20 (стр. 45 и 48 наст. тома).
4. Е. И. ГЕРЦЕНУ. *Около 26 (14) мая 1850 г. Париж.* Письмо было написано, видимо, в связи с получением известия о конфискации высланного из Москвы на имя Герцена «голохвастовского долга». См. письмо 28 (стр. 63 наст. тома); ср. также письмо 25 (стр. 57 и 408 наст. тома).
5. Л. И. ГААГ. *Около 27 (15) мая 1850 г. Париж.* О хлопотах в связи с незаконным задержанием в России капитала Л. И. Гааг. См. письмо 30 (стр. 65 и 67 наст. тома).
6. Л. И. ГААГ. *Около 30 (18) мая 1850 г. Париж.* О необходимости незамедлительной поездки Л. И. Гааг с Г. Гервегом в Штутгарт в связи с хлопотами о ее капитале. См. письмо 31 (стр. 69 и 70 наст. тома).
7. Ю. АВИГДОРУ. *5 или 6 июня (24 или 25 мая) 1850 г. Париж.* О передаче Э. Гервег 200 франков, посланных для нее в банкирскую контору Авигдора. См. письмо 40 (стр. 82 и 84 наст. тома).
8. Л. БАМБЕРГЕРУ. *Начало (до 7) июня 1850 г. Париж.* О возможности поручения какому-нибудь лондонскому банкиру дела о векселе Л. И. Гааг. См. письмо 43 (стр. 87 и 89 наст. тома).
9. Л. И. ГААГ. *Около 11 июня (30 мая) 1850 г. Париж.* О хлопотах в связи с получением из России капитала Л. И. Гааг. См. письмо 43 (стр. 88 и 90 наст. тома).
10. Г. ГЕРВЕГУ. *Между 11 и 17 июня (30 мая и 5 июня) 1850 г. Париж.* Об успешном завершении хлопот по делу с векселем Л. И. Гааг. См. строки из ответного письма Гервега в комментарии к письму 46.
11. Г. ГЕРВЕГУ. *24 (12) июня 1850 г. Ницца.* Первое письмо из Ниццы в связи с приездом туда семьи Герцена 23 июня. См. письмо 55 (стр. 105—106 наст. тома).

12. Л. И. ГААГ. 24 (12) июня 1850 г. Ницца. О приезде в Ниццу. См. письмо 55 (стр. 105—106 наст. тома).
13. Д. РОТШИЛЬДУ. Около 4 июля (22 июня) 1850 г. Ницца. Об употреблении капитала, полученного Л. И. Гааг из России. См. письмо 54 (стр. 102 и 103 наст. тома).
14. А. БЕРНАЦКОМУ. Между 24 (12) июня и 6 августа (25 июля) 1850 г. Ницца. Приглашение приехать в Ниццу. См. письмо 67 (стр. 135 и 136 наст. тома).
15. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ. Август 1850 г. Ницца. О разладе между членами московского кружка и П. П. Огаревым. См. письмо 84 (стр. 159 наст. тома).
16. Г. ШУЛЬТГЕСУ. Начало сентября (до 9) 1850 г. Ницца. Просьба содействовать получению залога, внесенного за Колю Герцена и незаконно задержанного цюрихской полицией. Упомянуто в письме 69а (стр. 534 наст. тома).
17. М.- А. МАССОЛЮ. Ноябрь (до 24) 1850 г. Ницца. Упомянуто в письме 75 (см. стр. 152 наст. тома).
18. Э. ГЕРВЕГ. Между 6 и 11 января 1851 г. (25 и 30 декабря 1850 г.). Ницца. Написано после вынужденного отъезда Гервегов из дома Герцена в ответ на просьбу Э. Гервег присмотреть за ее сыном Горасом, отправленным в Ниццу, и за дочерью Адой. В письме от 14 января 1851 г. Л. И. Гааг сообщала М. К. Рейхель, что «Александр написал в Геную и запросил, куда ему отправить детей» (ЛН, т. 63, стр. 398). Дата письма определяется днем отъезда Гервегов из дома Герцена (см. комментарий к письму 79). Обстоятельства получения от Э. Гервег записки, на которую Герцен ответил настоящим письмом, описаны им в «Былом и думах» (см. X, 265).
19. Д. ФАЗИ. Январь 1851 г. Ницца. Не менее двух писем с запросами о возможности натурализоваться в женевском кантоне Швейцарии. «Он еще раз написал Фазу», — замечает о Герцене Л. И. Гааг в своем письме от 1 февраля 1851 г. к М. К. Рейхель (см. ЛН, т. 63, стр. 400). Упоминания об ответных письмах Фазы см. в письмах Л. И. Гааг от 8 и 23 февраля (там же, стр. 400—401).
20. М. К. РЕЙХЕЛЬ. Февраль (до 8) 1851 г. Ницца. Совместно с Н. А. Герцен. Упомянуто в письме Л. И. Гааг к Рейхель от 8 февраля 1851 г.: «От наших ты также должна была получить письмо» (ЛН, т. 63, стр. 400).
21. М. К. РЕЙХЕЛЬ. Около 14 (2) марта 1851 г. Ницца. Упомянуто в письме Л. И. Гааг к М. К. Рейхель от 14 марта 1851 г.: «...Так как Александр уже написал тебе все новости, мне опять нечего тебе сказать...» (ЛН, т. 63, стр. 403).
22. МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ФРАНЦИИ Л. ФОШЕ. Май 1851 г. Ницца. Просьба разрешить приехать на несколько дней в Параж. См. «Былое и думы» (XI, 484). Дата письма определяется временем отъезда Герцена из Ниццы в первых числах июня 1851 г. (см. стр. 448 наст. тома).
23. Л. ВАЛЕРИО. Между 1 и 3 июня (20 и 22 мая) 1851 г. Ницца. О визите к главному интенданту Ниццы и своей беседе с ним в связи с предписанием министра внутренних дел о высылке из Пьемонта. См. «Былое и думы» (X, 177). Дата письма определяется временем получения Герценом предписания о высылке (1 июня) и действительного выезда его из Ниццы (около 3 июня); см. стр. 448 наст. тома.
24. МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПЬЕМОНТА Д.-Ф. ГАЛЬВАНЬО. Начало июня 1851 г. Ницца. Протест в связи с высылкой из Пьемонта. См. «Былое и думы» (X, 177). Приблизительная дата письма определяется временем получения Герценом предписания министра внут-

ренных дел о высылке из Пьемонта (получено 1 июня 1851 г.) — см. стр. 448 наст. тома. Об «ободрительном» ответе министра см. упоминание в письме 100.

25. КОЛЕ ГЕРЦЕНУ. 9 июня (28 мая) 1851 г. Париж. Упомянуто в письме 93 (см. стр. 175 наст. тома).
26. Н. А. ГЕРЦЕН. *Между 28 (16) июня и 5 июля (23 июня) 1851 г. Женева — Фрибург.* Узнав от Н. И. Сазонова, что Н. А. Герцен будто бы дал Гервегу слово оставить вскоре мужа, Герцен писал ей несколько писем. Одно из них упомянуто в «Былом и думах»: это — «дурное» письмо, носившее «следы бешенства, отчаяния и недоверия», «писанное в припадке преступной горячки» после свидания с Сазоновым в Женеве (см. X, 270). Не вполне ясно, являлось ли этим письмом дошедшее до нас письмо от 28 июня (см. письмо 111; оно написано, как об этом свидетельствует помета Герцена, в «кафе»), или, помимо него, Герцен отправил жене еще одно письмо, которое он, по его словам, «написал ночью», «пришедши домой в отель» (X, 269—270). На неизвестные письма Герцена к жене за это время указывают также ее ответные письма от 3, 4 и 7 июля. В частности, 7 июля она сообщила о полученном ею 6 июля «холодном» письме Герцена, в котором содержались новые «упреки», а также говорилось о намерении приехать в Турин «не прежде 10-го» июля (см. Л VI, 421—423).
27. Л. И. ГААГ. 12 или 13 июля (30 июня или 1 июля) 1851 г. Турин. Совместно с Н. А. Герцен. Упомянуто в письме Л. И. Гааг и М. К. Рейхель от 13 июля 1851 г.: «...Только что получила от Александра и Natalie письма из Турина. Оба приедут дня через два. Александр может жить, где захочет[...]. Судя по письму Александра, он проведет зиму в Турине» (ЛН, т. 63, стр. 408—409). Дата определяется строками о разрешении Герцену «жить, где захочет», данном ему 12 июля 1851 г. министерством внутренних дел Пьемонта (см. X, 178); 13 июля Герцен с женой уже выехали из Турина.
28. Н. А. МЕЛЬГУНОВУ. *Около 10 октября (28 сентября) 1851 г. Ницца.* Упомянуто в письме 125 (стр. 202 наст. тома).
29. В. ВОЛЬФЗОНУ. *Ноябрь 1851. Ницца.* О переводе и немецком издании повести Герцена «Долг прежде всего». См. письмо 141 (стр. 223 и 476 наст. тома).
30. М. ГЕССУ. *Ноябрь 1851 г. Ницца.* Сопроводительное письмо при посылке Гессу первого издания брошюры Герцена «Русский народ и социализм». Упомянуто в ответном письме Гесса от ноября 1851 г.: «J'ai reçu votre lettre avec les exemplaires de votre nouvel ouvrage. Vous m'engagez à entamer avec vous une discussion sur les questions que vous avez traitées dans votre lettre à Michelet» («Я получил ваше письмо и экземпляры вашего нового сочинения. Вы приглашаете меня начать с вами дискуссию по вопросам, которые вы затронули в вашем письме к Мишле») (Moses Hess. Briefwechsel. Herausgegeben von Edmund Silberner unter Mitwirkung von Werner Blumenberg. Mouton & Co, 1959, 'S-Gravenhage).
31. РОДНЫМ И. ШПИЛЬМАНА. *Конец ноября — начало декабря 1851 г. Ницца.* Запрос о судьбе Шпильмана. См. письмо 135 (стр. 213 и 470 наст. тома).
32. Д. РОТШИЛЬДУ. *Начало декабря (до 5) 1851 г. Ницца.* Распоряжение о продаже фондов в связи с выдачей М. К. Рейхель 10 000 фр., завещанных ей Л. И. Гааг. См. письмо 137 (стр. 214 наст. тома). Вероятно, это письмо к Ротшильду имела в виду М. К. Рейхель, сообщая Герцену 7 декабря 1851 г.: «К Ш^{ом}бургу» завтра Р^{ей}хель» снесет ваше письмо» (ЛН, т. 61, стр. 314). Дата письма определяется упоминаниями о нем в указанных выше письмах Герцена к Рейхель, см. также далее недошедшее письмо 34.

33. Ж. МИШЛЕ. *Середина декабря 1851 г. Ницца*. Упомянуто в письме 142 (стр. 224 и 225 наст. тома).
34. Д. РОТШИЛЬДУ. *17 (5) декабря 1851 г. Ницца*. Доверенность на выдачу М. К. Рейхель 13 000 фр. См. письмо 139 (стр. 215 наст. тома). Как видно из этого письма, Герцен вскоре отправил Ротшильду еще одно или несколько деловых писем, касающихся денежных фондов.
35. Е. И. ГЕРЦЕНУ. *Декабрь 1851 г. Ницца*. О гибели Л. И. Гага и Коли. См. письмо 139 (стр. 215 наст. тома). О содержании письма частично можно судить по рассказу Т. А. Астраковой в ее неопубликованном письме к Н. А. Тучковой от начала января 1852 г.: «Егор Иванов(ич) получил от своего брата собственноручное письмо, в котором он извещает о своей потере и говорит, что это так страшно поразило его жену, что она до сих пор еще не пришла в себя, и что и как будет с нею дальше—богу известно» (ЛБ, ф. 69, IX, 21). В письме Герцена содержалось также распоряжение о выплате няне Вере Артамоновне 1500 фр., завещанных ей Л. И. Гага — см. упоминание об этом в письме 148.
36. МАТЕРИ И. ШПИЛЬМАНА. *8 января 1852 г. (27 декабря 1851 г.)*. *Ницца*. При посылке ей 4000 фр. См. письмо 145 (стр. 227 наст. тома). Ср. в этом Списке № 31.
37. Н. П. САЗОНОВУ. *Около 1 февраля (20 января) 1852 г. Ницца*. Запрос о содействии в «дуэльном деле» в связи с полученным 28 января 1852 г. от Гервега вызовом. Об обстоятельствах, при которых было написано письмо, рассказано в «Былом и думах». Это письмо Герцен считал своей «большей ошибкой», поскольку оно дало Сазонову основание считать, что Герцен «принял дуэль» (XI, 286). Ответное письмо Сазонова от 3 февраля 1852 г., начинающееся словами «Отвечаю медленно», см. в Л VII, 14.
38. Д. МАЩИННИ. *6 февраля (25 января) 1852 г. Ницца*. О дуэли с Гервегом и организации суда чести. См. письмо 194 (стр. 291 и 312 наст. тома). О содержании письма Герцен упоминает также в «Былом и думах» (см. X, 288). Дата письма подтверждается строками в письме Э. Гауга к Герцену от 10 марта 1852 г.: «Ваше письмо к Машинни от 6 февраля я увидел лишь сейчас...» (Л VII, 42—43). Об ответном письме Машинни см. комментарий к письму 159.
39. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ ИЛИ Н. П. ОГАРЕВУ. *Около 20 (8) февраля 1852 г. Ницца*. Два письма, о которых Герцен упоминает в письме 152 (см. стр. 236 наст. тома).
40. Н. П. САЗОНОВУ. *Около 26 (14) февраля 1852 г. Ницца*. В связи с полученным от Гервега вызовом. См. письмо 153 (стр. 236 наст. тома).
41. Н. А. МЕЛЬГУНОВУ. *Около 13 (1) марта 1852 г. Ницца*. В связи с отказом от дуэли с Гервегом. См. письмо 157 (стр. 240 наст. тома).
42. Н. А. МЕЛЬГУНОВУ. *Около 2 апреля (21 марта) 1852 г. Ницца*. «Записка» в связи с отказом от дуэли. См. письмо 163 (стр. 262 наст. тома).
43. Н. А. МЕЛЬГУНОВУ. *Около 26 (14) апреля 1852 г. Ницца*. «Записочка», упомянутая в письме 173 (см. стр. 272 наст. тома).
44. Н. П. САЗОНОВУ. *Около 17 (5) апреля 1852 г. Ницца*. Одно из последних писем перед разрывом с Сазоновым, который в конфликте Герцена с Гервегом занял позицию, оскорблявшую Герцена. Упомянуто в письме 170 (стр. 269 наст. тома; ср. также стр. 271).
45. МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ФРАНЦИИ Л.-Ф. ТЮРГО. *Апрель 1852 г. Ницца*. Просьба разрешить проезд в Англию через Францию. Упомянуто в письме 174 (стр. 272 и 273 наст. тома), а также в «Былом и думах» (см. XI, 484).

46. Д. РОТШИЛЬДУ. *Около 20 (8) мая 1852 г. Ницца.* Распоряжение о выплате А. Рейхелю 5000 фр. См. письмо 176 (стр. 274 наст. тома).
47. Т. А. АСТРАКОВОЙ. *Май 1852 г. Ницца.* «Отчаянное, грустное» письмо с извещением о кончине Н. А. Герцен. Упомянуто в письме Т. А. Астраковой от 1877 г. к Н. А. Герцен-дочери (см. *НИГ*, стр. 9, а также *ЛН*, т. 64, стр. 462). Об ответном письме Астраковой см. в комментарии к письму 190.
48. К. ФОРТУ. *Около 1 июня (20 мая) 1852 г. Ницца.* В ответном письме от 4 июня 1852 г. К. Форт писал Герцену: «Милый друг, тысяча и тысяча благодарностей за ваше письмо и за доброе дело, которое вы совершили. Я рад за бедного Режиса, — его несчастное положение поразило меня» (*Л VII*, 57). Дата письма определяется ответным письмом К. Форта (письмо Герцена могло быть написано и в конце мая).
49. В. А. ЭНГЕЛЬСОНУ. *7 июля (25 июня) 1852 г. Лугано.* Рассказ о «происшествии 1-го июля» (т. е. о посещении Гервега Гаугом и пощечине, данной Гервегу) и просьба известить о нем знакомых. Упомянуто в письме Энгельсона из Генуи от 11 июля 1852 г., который извещал Герцена: «Как уже вчера я вам писал, я сообщил вчера же подстрочный перевод рассказа вашего о происшествии 1-го июля Орсини и послал список вашей записки к Дамету. Сегодня я Дамету описал подробно все дело и просил его мой рассказ сообщить Пачелли. Завтра опишу также подробно все дело Бонфису и последний эпизод — Морднии, который в Специи» (В. Энгельсон. Статьи. Прокламации. Письма. М., 1934, стр. 134). Дата письма устанавливается на основании строк Энгельсона в его письме к Герцену от 13 июля 1852 г.: «Писем от вас после того, от 7-го, нет» (там же, стр. 137).
50. Э. ГАУГУ. *Начало июля (до 8) 1852 г. Лугано.* «Я послал к нему два письма, умоляя остановить раздачу...» — писал Герцен М. К. Рейхель 8 июля (26 июня) 1852 г., сообщая о намерении Гауга предать огласке обстоятельства семейной драмы Герцена и напечатать «огромное письмо, в котором компрометировал всех, разумеется, с желанием добра» (стр. 294 наст. тома). См. также далее №№ 54 и 57.
51. Н. П. ОГАРЕВУ. *Около 8 июля (26 июня) 1852 г. Лугано.* «Записочка», упомянутая в письме 197 (стр. 295 наст. тома). Видимо, о той же записке, посылаемой в Россию с Боткиным, Герцен замечает также в письмах 202 и 204 (стр. 303 и 307 наст. тома).
52. Ф. ОРСИНИ. *9 июля (27 июня) 1852 г. Лугано.* О содержании письма можно судить по ответному письму Орсини, который извещал Герцена 13 июля 1852 г. из Ниццы: «Вчера вечером я получил ваше письмо от 9 числа этого месяца...» (*Л VII*, 98). Из дальнейшего текста письма Орсини видно, что Герцен сообщил ему о том, «что произошло в Цюрихе» 1 июля 1852 г. (т. е. о посещении Гервега Гаугом), а также просил Орсини выполнить ряд поручений, по поводу которых Орсини отвечал: «Сегодня я заплачу 10 фр. Cyrille и передам Матьё то письмо, которое было вложено в мое...» Кроме того, Герцен писал Орсини что-то о «векселе», видимо, сообщая о своем решении не отдавать его Э. Гервегу, а предъявить к опротестованию (о возвращении своего векселя в 10 000 фр. Э. Гервег хлопотала как раз через Орсини — см. X, 297, а также *Л XIV*, 105). Далее Герцен, стремясь получить от Гервега письма к нему Наталии Александровны (см. об этом письма 220 и 238), вероятно, просил Орсини взять на себя переговоры об этом с Э. Гервегу. На это Орсини отвечал Герцену: «По отношению же к переговорам с Эммой Гервег я в настоящем письме ничего не могу сказать вам определенного <...> Однако я не рассчитываю говорить так, как вы думаете: это было бы слишком не политично; ей покажется подозрительным, если я скажу, что боится или не хочет оглашения, или желают получить все письма...»

- «Вы пишете, что я покровительствую ей или защищаю»,—замечал далее Орсини, которого Герцен, возможно, упрекнул в своем письме в излишнем пристрастии к Э. Гервег и который «по какой-то физиологической слабости имел страстную привязанность к Эмме» («Былое и думы» — X, 288).
53. МАТЬЁ. *Около 9 июля (27 июня) 1852 г. Лугано.* Упомянуто в письме Ф. Орсини к Герцену от 13 июля 1852 г. из Ниццы: «Сегодня я<...> передам Матьё то письмо, которое было вложено в мое...» (см. предыдущее письмо).
 54. Э. ГАУГУ. *Между 8 и 11 июля (26 и 29 июня) 1852 г. Лугано.* Несколько писем с просьбой удержаться от выступлений в печати после столкновения Гауга с Гервегом в Цюрихе 1 июля 1852 г. См. письмо 199 (стр. 299 наст. тома).
 55. А. Х. ЭНГЕЛЬСОН. *Июль (до 11) 1852 г. Лугано.* Написано в ответ на «филлиппику» А. Х. Энгельсона, обиженную отказом Герцена передать ей на воспитание своих детей, которых Н. А. Герцен перед кончиной будто бы поручала ей. Упомянуто в письме 199 (см. стр. 299—300 наст. тома).
 56. В. А. ЭНГЕЛЬСОНУ. *Июль (до 13) 1852 г. Лугано.* Об отказе передать детей на воспитание жене Энгельсона. Обстоятельства, при которых было написано письмо, и цитаты из него приведены в «Былом и думах» (см. X, 351—352). Дата письма определяется временем пребывания Герцена в Лугано, где он получил несколько писем от Энгельсона с приписками его жены (см. X, 351—352).
 57. Э. ГАУГУ. *14 (2) июля 1852 г. Люцерн.* «Длинное послание» с просьбой не печатать «мемуар» по поводу столкновения Гауга с Гервегом 1 июля 1852 г., в котором Гауг излагал также события семейной драмы Герцена. Письмо упомянуто, с приведением из него цитаты, в «Былом и думах» (см. X, 309). Дата письма определяется днем приезда Герцена в Люцерн. Из рассказа в «Былом и думах» видно, что письмо было отправлено Гаугу «часов в 7 утра» на следующий день после приезда.
 58. В. А. ЭНГЕЛЬСОНУ. *18 (6) июля 1852 г. Люцерн.* Обращение к итальянцам-демократам в Генуе с просьбой вынести суждение относительно конфликта с Гервегом и присоединиться к «апеллю к демократии» в связи с полученным Герценом вторым вызовом. В ответном письме от 24 июля 1852 г. Энгельсон сообщал из Генуи: «Получив вечером 22-го числа письмо ваше от 18-го, я тотчас же сообщил его содержание Медичи» (В. Э н г е л ь с о н. Статьи. Прокламации. Письма. М., 1934, стр. 139; ср. также Л VII, 78). Об обстоятельствах написания письма см. комментарий к письму 201.
 59. В. А. ЭНГЕЛЬСОНУ. *22 (10) июля 1852 г. Люцерн.* Видимо, об организации суда чести над Гервегом и о подписании итальянцами-демократами в Генуе «апелля к демократии» (см. предыдущее письмо). Упомянуто в письме Энгельсона к Герцену от 24 июля 1852 г.: «Я получил письмо ваше от 22-го...» (В. Э н г е л ь с о н. Статьи. Прокламации. Письма..., стр. 140; ср. также Л VII, 78).
 60. Д. МЕДИЧИ. *24 (12) июля 1852 г. Люцерн.* Видимо, о подписании «итальянцами-демократами» в Генуе «апелля к демократии» и о возможном приезде туда Герцена с друзьями. Упомянуто в письме В. А. Энгельсона к Герцену от 30 июля 1852 г.: «Лишь 28-го Медичи получил и принес мне вечером ваше письмо к нему от 24-го числа, из которого впервые я пояснее узнал дело!» (В. Э н г е л ь с о н. Статьи. Прокламации. Письма..., стр. 140; ср. также Л VII, 79).
 61. Н. И. САЗОНОВУ. *Май—июль 1852 г. Италия—Швейцария.* Последнее письмо перед разрывом с Сазоновым, написанное после смерти Н. А. Герцена: «Я написал Сазонову: „Нас разделяет гроб“ —

и просил оставить меня в покое...» — объяснял Герцен свой разрыв с прежним другом в письме к М. Гессу от 29 (17) мая 1854 г. (см. т. XXV).

62. М. ГАРТМАНУ (?). *Конец июля — начало августа 1852 г. Швейцария.* В письме к М. К. Рейхель от 17 (5) июля 1852 г. Герцен сообщил о своем намерении (неизвестно, осуществленном ли) «писать много» Гартману — видимо, о событиях семейной драмы и конфликте с Гервегом (см. стр. 302 наст. тома). Вскоре (около 15 августа) Герцен прибыл на несколько дней в Париж, где встречался с Гартманом (см. письмо 241, стр. 319 наст. тома).
63. В. А. ЭНГЕЛЬСОНУ. *25 или 26 (13 или 14) августа 1852 г. Лондон.* Впечатления от Лондона и сравнение его с Парижем. Цитату из этого письма Герцен приводит в письме 214 (см. стр. 321—322 наст. тома). Дата письма определяется временем приезда Герцена в Лондон (25 августа 1852 г.); об этом письме 27 августа Герцен уже сообщал М. К. Рейхель.
64. М. БИГЗ. *28 (16) августа 1852 г. Лондон.* 31 августа Герцен сообщал М. К. Рейхель из Лондона: «Я третьего дня писал здесь к М^{ts} Biggs» (см. далее цитату на стр. 323 наст. тома).
65. Д. РОТИШИЛЬДУ. *30 (18) августа 1852 г. Лондон.* Просьба узнать о разрешении на въезд во Францию (или проезд через нее). См. письмо 215 (стр. 323 наст. тома).
66. А. ДАРИМОНУ. *Около 14 (2) сентября 1852 г. Лондон.* Упомянуто в письме 218 (см. стр. 336 наст. тома). Вероятно, именно об этой «записочке», в которой Герцен спрашивал адрес Прудона, он упоминал также в письме 221 (стр. 340 наст. тома; там же см. об ответе Даримона).
67. БОНФИСУ. *16 (4) сентября 1852 г. Лондон.* О взыскании с Э. Гервега его долга по векселю. См. письмо 220 (стр. 338—339 наст. тома) и комментарий к этому письму.
68. А.-Б. ПРЕССЕ. *17 (5) сентября 1852 г. Лондон.* См. письмо 220 (стр. 338—339 наст. тома), а также выше — № 67.
69. В. А. ЭНГЕЛЬСОНУ. *18 (6) сентября 1852 г. Лондон.* Об этом письме Герцена Энгельсон упоминал в ответном письме от 22 сентября 1852 г. из Raquis (пригород Женевы): «Вы пишете: „Зачем мы с вами не умерли!“» Далее из замечания Энгельсона видно, что Герцен делился с ним впечатлениями после переезда в Лондон. Энгельсон писал: «...Я на вашем месте остался бы в Лондоне. — Да правда, там у вас генерал. — Жаль! — Не будь генерала, вам — как я вижу из письма вашего от 18-го — нигде лучше быть не может, чем в туманном Альбионе» (В. Энгельсон. Статьи. Прокламации. Письма..., стр. 141 и 143).
70. В. А. ЭНГЕЛЬСОНУ. *26 (14) сентября 1852 г. Лондон.* Содержание письма частично раскрыто в ответном письме Энгельсона, который писал Герцену 1 октября из Женевы: «Благодарю вас за несколько подробный рассказ, сообщаемый вами мне о вашем житье-бытье в письме от 26-го. — Не на границе задерживают письма, а в самом Париже, потому что только там имеются переводчики, — и в Париже кладут тимбр Ферне <...> Эдм<унд> показывал здешнему почтовому ведомству возвращенный вами пакет. Они отвечают только, что французский почтamt не под их ведомством. Весть о пребывании здесь прудонца Масальского имеет, кажется, одинаковую степень вероятности с вестью, сообщенной недавно Фогту о том, будто вас в Париже схватили и выдали русскому правительству <...> Тесье, Фогт и Эдм<унд> с горячностью приняли мысль завести обозрение и поручили мне сообщить вам их мнение». После подробного изложения планов основания нового журнала Энгельсон продолжал: «На ваш вопрос,

зачем я собираюсь в Париж, я затрудняюсь ответить вам — так это просто....» (В. Энгельсон. Статьи. Прокламации. Письма..., стр. 144 и 145).

71. ТЕСЬЕ ДЮ МОТЭ. 14 (2) октября 1852 г. Лондон. Упомянуто в письме В. А. Энгельсона к Герцену от 20 октября 1852 г. (см. предыдущее письмо). На это письмо Герцена Тесье дю Мотэ отвечал ему 18 октября 1852 г. из Женевы: «...сердца тех, кто вас любит, болеют от тех же ран, которые терзают ваше сердце, и они также болеют Гамлетовой болезнью <...> Тем не менее, из вашего же ответа мы видим, что в состоянии вашей души нет таких упорных аномалий, против которых неизвестно никаких средств. Понадобится лишь много мужества, много особенно твердой воли, в виду поставленной цели, — и вы исполните высоко нравственную миссию искупления, которую вам предназначили и несчастья, и чувство бескорыстной, поэтической справедливости <...> Пишите же ваш мемуар с должною сосредоточенностью и не в уединении монастыря...» (Л VII, 159).
72. В. А. ЭНГЕЛЬСОНУ. Около 14 (2) октября 1852 г. Лондон. Получив это письмо, Энгельсон отвечал Герцену 20 октября 1852 г. из Женевы: «Все это время мне было тяжело, скверно на сердце <...> Вот почему я и молчал „угрюмо“, — как вы пишете <...> Вы благоразумно поступили, решившись остаться в Лондоне, если только туман Альбиона не будет развивать в вас тот сплин, который резко выразился в письме вашему к Т(есье) от 14-го» (В. Энгельсон. Статьи. Прокламации. Письма..., стр. 146). Дата написания определяется упомянутым письмом к Тесье дю Мотэ от 14 октября, а также временем отправления ответного письма Энгельсона: другие письма Герцена в Женеву доходили туда из Лондона за четыре-пять дней.
73. Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ. Октябрь 1852 г. Лондон. Упомянуто в неопубликованном письме Т. А. Астраковой к Герцену, относящемуся к ноябрю 1852 г.: «Спасибо за строки, Ал(ександр)!.. Прочла я их, и горькие, тяжелые слезы отуманили мне глаза...» (см. комментарий к письму 247), а также номера 74 и 75 в данном списке.
74. Н. П. ОГАРЕВУ и Н. А. ТУЧКОВОЙ. Октябрь. 1852 г. Лондон. Об ожидании приезда за границу Огаревых. Упомянуто в неопубликованном письме Т. А. Астраковой к Герцену, относящемуся к ноябрю 1852 г.: «Передаю записочку — их жизнь и обстоятельства больно не красны. Вещественные блага так запутаны, что мешают всякому душевному порыву» (см. комментарий к письму 247, а также следующий номер в настоящем списке).
75. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ, или Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ, или Н. А. ТУЧКОВОЙ и Н. П. ОГАРЕВУ. Октябрь 1852 г. Лондон. Эта «записка», посланная в Москву, упомянута в письме 234 (см. стр. 358 наст. тома). Возможно, Герцен упоминает здесь не новое свое письмо в Москву, а письмо, о котором говорится под № 74.
76. Д. МЕДИЧИ. Сентябрь—октябрь 1852 г. Лондон. Два письма, о содержании которых позволяет судить ответное письмо Д. Медичи от 6 ноября 1852 г.: «Милый друг, первое письмо, которое вы написали мне из Лондона, дало мне почти уверенность, что я буду иметь радость опять видеть вас в Генуе. Теперь все изменилось — вы пишете об Америке! Не ездите туда, милый Герцен, вернитесь сюда, у вас здесь истинные друзья...» («Былое», 1907, № 5, стр. 221, а также Л VII, 60).
77. П. Ж. ПРУДОНУ. Ноябрь (первая половина) 1852 г. Лондон. Упомянуто в письме В. А. Энгельсона к Герцену от 30 ноября 1852 г. из Парижа: «Масальский писал к вам две недели тому назад насчет журнала или обзора, о котором вы начали с ним переписку. Не полу-

- чая ответа от вас, он в претензии на вас» (В. Энгельсон. Статьи. Прокламации. Письма..., стр. 164).
78. Д. РОТШИЛЬДУ. *Ноябрь 1852 г.* Запрос о продаже денежных фондов. См. письмо 240 (стр. 368 наст. тома).
 79. В. А. ЭНГЕЛЬСОНУ. *Ноябрь 1852 г. Лондон.* Содержание письма частично раскрывается в ответном письме Энгельсона, который писал Герцену из Парижа 30 ноября 1852 г.: «Ну, полно нам с вами хандрить <...> Если вам оттого на сердце легче, что вы все Европу хороните, так делайте это с богом. Но только серьезно не думайте про себя, что все идет ко дну оттого, что не Осип да не Кошут теперь мастерят <...> Вот вы теперь разлюбили Гегеля и меня браните за то, что я его почитываю <...> Нет, с февральских дней разыгралось больше, чем только *увертюра*, как вы говорите. Сыгран целый первый акт той оперы, при которой мы присутствуем и которая дается под названием: „Карачун мешанству“» (В. Энгельсон. Статьи. Прокламации. Письма..., стр. 159). Дата письма Герцена определяется ответным письмом Энгельсона от 30 ноября 1852 г.; упрекая Энгельсона в увлечении Гегелем, Герцен, по всей видимости, имел в виду его письмо от 20 октября 1852 г., в котором Энгельсон приводил из Гегеля цитаты и признавался, что он «по уши погрузился снова в Гегеля» и в восторге от него (там же, стр. 146 и 147).
 80. В. А. ЭНГЕЛЬСОНУ. *2 декабря (20 ноября) 1852 г. Лондон.* В ответ на это письмо Энгельсон писал Герцену 8 декабря 1852 г. из Парижа: «Вы говорите мне, писать вам часто. Благодарю вас за это приглашение». Изложив далее свой взгляд на будущность России, которая, по его мнению, еще не скоро может стать «поприщем прогресса», Энгельсон добавляет: «Все это написал я вам в объяснение того, что я, как вы заметили в последнем письме от 2-го числа, никогда не был согласен с вами касательно призвания России. Это происходило не от какой-нибудь особенной ненависти во мне к России, а оттого, что я вообще никакую национальность не понимаю как самобытную творческую силу» (В. Энгельсон. Статьи. Прокламации. Письма..., стр. 169).
 81. К.-Э. ХОЕЦКОМУ. *Около 6 декабря (24 ноября) 1852 г. Лондон.* Написано в связи с хлопотами о разрешении на въезд во Францию. См. письмо 242 (стр. 370 наст. тома).
 82. М. К. РЕЙХЕЛЬ. *Конец декабря 1852 г. Лондон.* Письмо отправлено не было. Упомянуто в письме 248 (см. стр. 377 наст. тома).
 83. М. К. РЕЙХЕЛЬ. *31 (19) декабря 1852 г. Лондон.* Видимо, письмо подтверждало необходимость Герцену приехать в Париж исключительно по личным делам (у М. К. Рейхель находились его дочери) и было предназначено для официальных инстанций в связи с хлопотами о разрешении на въезд во Францию. Упомянуто в письме 248 (см. стр. 377—378 наст. тома).
 84. Д. РОТШИЛЬДУ. *31 (19) декабря 1852 г. Лондон.* Просьба содействовать получению разрешения на въезд во Францию. Упомянуто в письме 248 (см. стр. 378 наст. тома). Ср. замечание о «грубом тоне письма к барону» в письме Герцена к М. К. Рейхель от 13(1) января 1853 г. (т. XXV). См. также № 85 в данном Списке.
 85. К.-Э. ХОЕЦКОМУ. *31 (19) декабря 1852 г. Лондон.* Написано, видимо, в связи с хлопотами о разрешении на въезд во Францию. Упомянуто в письме 248 (см. стр. 378 наст. тома). Возможно, взамен этого письма Герцен написал предыдущее (см. выше).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббатуччи (Abbatucci) Жак Пьер Шарль (1791—1857), франц. политический деятель, в 1848—1851 гг. член Учредительного, затем Законодательного собрания, сторонник Луи Бонапарта, в 1852—1857 гг. сенатор и министр юстиции — 39, 40, 415
- Абель Карл, нем. эмигрант, парижский знакомый Герцена и Гервегов — 185
- Авенариус (Avenarius) Эдуард (1809—1875), книгоиздатель, в 1850 г. совместно с Г. Мендельсоном основал в Лейпциге издательство «Авенариус и Мендельсон» — 168, 169
- Авидор (Avidor) Юлий (ум. 1856), банкир и политический деятель, депутат Пьемонтского парламента от Ниццы — 79, 81—84, 149, 150, 155, 160, 189, 190, 337—339, 363, 366, 383, 533, 424, 454, 521, 535
- Агарь (библ.) — 247, 255, 485
- Агу (Agoult) Мария Катерина София де Флавины, графиня (1805—1876), франц. писательница, известная под псевдонимом Даниель Стерн — 123, 124, 126, 129, 434
- Ада — см. Герверг Ада
- Аделаида — см. Меассалер А.
- Адель, горничная в семье Герценов — 118, 120
- Адельгейда — см. Меассалер А.
- Азаис (Azais) Пьер Гипацинт (1766—1845), франц. философ — «Об уравновешении человеческих судеб» («Des compensations dans les destinées humaines») — 172, 449
- Аккурси (Accursi) Мишель, друг Д. Мацини — 7, 8
- Аксинья Ивановна — см. Фролова А. И.
- Аладенис, англ. консул в Ницце с 1852 г. — 238
- Александр Алексеевич — см. Яковлев А. А.
- Александра Христиановна — см. Энгельсон А. Х.
- Алексей Александрович — см. Яковлев А. А.
- Алексис, парижский «ясновидец» — 40, 42, 78, 80, 424
- Альбони (Alboni) Мариетта (1823—1894), итал. певица — 177, 178, 450
- Анисе-Буржуа (Anicet-Bourgeois) Огюст (1806—1871), франц. драматург — «Игра любви и хлыста» («Le jeu de l'amour et de la cravache») — 82, 83, 425 — «Маленькая Фадетта» («La petite Fadette») — 28, 29
- Анна, дочь Василия Яковлева, старосты в с. Покровское-Засекино — 345
- Анна Бантистовна — см. Бокэ Ж.-П.
- Аполлос (библ.) — 375
- Арестыч — см. Энгельсон В. А.
- Арий (ок. 280—336), богослов, в 325 г. отлучен от церкви церковным собором в Никее — 31, 32
- Арленкур (Arlincourt) Шарль Виктор Прево, виконт (1789—1856), франц. реакционный романист и публицист — 126, 129, 134, 136, 436

- «Dieu le veut» («Бог хочет этого») — 134, 136, 436
- Астраков Сергей Иванович (1817—1866), изобретатель, преподаватель математики, знакомый А. И. Герцена и Н. П. Огарева — 155, 165, 166, 229, 376, 377, 441, 445, 480, 481, 491, 494, 525—527, 542
- Астракова Татьяна Алексеевна (1814—1892), друг Н. А. и А. И. Герценов; мемуаристка (воспоминания о Герцене и его окружении) — 84, 155, 156, 165, 166, 180, 228, 229, 236, 284, 295, 300, 353, 356, 360, 370, 376—378, 425, 441, 445, 451, 470, 474, 477, 478, 481, 491, 494, 500, 502, 517, 522, 525, 527, 538, 539, 542
- «Аугсбургская газета» — см. «Allgemeine Zeitung»
- Афина Паллада (миф.) — 58, 59
- Бабетта, знакомая Герцена в Швейцарии — 362, 365
- Бабоф (Baboeuf) Гракх, настоящее имя — Франсуа Ноэль (1760—1797), франц. коммунист-утопист, организатор «заговора равных» — 25, 27
- Базилевский Петр Андреевич (1795—1863), отставной статский советник, помещик Киевской губернии — 291
- Базиль (дон Базиль), действующее лицо комедии «Севильский цирюльник» П. Бомарше (см.)
- Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788—1824) — 226, 374, 523
- Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — 46, 48, 98, 99, 105, 106, 108, 111, 118, 120, 152, 162, 164, 193, 203—208, 346, 401, 417, 428, 430, 431, 433, 439, 445, 457, 464—466
- Бамбергер (Bamberger) Людвиг (1823—1899), нем. политический деятель, участник революции 1848 г. и Пфальцско-Ваденского восстания 1849 г., жил в эмиграции в Швейцарии, Англии, Париже, где был директором банкирского дома; в 1866 г. вернулся в Германию, в 1871—1893 гг. член рейхстага — 7, 8, 25, 27, 29, 30, 40, 42, 87, 89, 91, 92, 107—110, 406, 426, 430, 433, 535
- «Lettre sur l'unité allemande et le parlement d'Erfurth» («Письмо о германском единстве и Эрфуртском парламенте») — 7, 8, 406
- Бандьера (Bandiera) Аттилио (1817—1844) и Эмилио (1819—1844), братья, офицеры австрийского военно-морского флота; создали в 1841 г. тайную организацию, вошедшую в состав «Молодой Италии»; в 1844 г. пытались поднять восстание сначала во флоте, затем — среди крестьян Калабрии; расстреляны — 35, 37, 414
- Барман (Бармен, Barman) Жозеф (1800—1885), швейц. политический деятель, в 1850-х годах посланник швейц. конфедерации в Париже — 55, 57, 74, 177, 189
- Барнабе (Barnabé) Этьен Шарль, свидетель, подписавший протест векселя Э. Герверг — 390, 391
- Барош (Baroche) Пьер Жюль (1802—1870), франц. политический деятель, сторонник Наполеона III, министр внутренних дел в 1850—1851 гг., вице-президент (с 1852 г.) и президент (с 1855 г.) государственного совета — 23, 39, 40, 55, 56, 420
- Бауер Бруно (1809—1882), нем. историк и публицист, один из лидеров младогегельянства, автор ряда работ по истории христианства — «Russland und das Germanenthum» («Россия и германский мир») — 378
- Беллини (Bellini) Винченцо (1801—1835), итал. композитор — «Пуритане» («I Puritani») — 324, 508
- Беллона (миф.) — 58, 59
- Беляев Козьма Васильевич, вятский купец — 215, 229, 474, 478
- Бем (Bem) Юзеф (Иосиф) (1795—1850), участник польского национально-освободительного движения 1830—1831 гг., во время революции 1848 г. руководил обороной Вены, в 1848—1849 гг. командовал венгерской революционной армией в Трансильвании; заочно приговоренный к

- смертной казни, бежал в Турцию — 55, 56, 420
- Беранже Пьер Жан (1780—1857), франц. поэт — 177, 425, 450
— «Мнение этих девиц» («L'opinion de ces demoiselles») — 85, 86, 425
- Бернацкий (Biernacki) Алоизий Проспер, граф (1778—1855), польский общественный и политический деятель, участник восстания 1830—1831 гг., эмигрировал во Францию — 82, 83, 93, 94, 135, 136, 181, 188, 189, 194, 202, 206, 208, 214, 238, 272—274, 287, 392, 458, 489, 515, 536
- Беше, в его семье воспитывалась дочь К.-Э. Хоецкого Мари — 229, 241, 259, 260, 478, 486
- Бигз (Biggs) Матильда (ум. в 1867 г.), дочь лондонского адвоката В. Эшерста (Ashurst), друг Дж. Маццини, знакомая Герцена — 288, 323, 336, 337, 339, 341, 496, 510, 511, 513, 541
- Бокармэ (Bocarmé) Ипполит Визар, граф (1819—1851), преступник, казненный за отравление брата своей жены — 328, 333
- Бокэ (Bosquet, «Анна Баптистовна») Жан Батист, участник революции 1848 г. в Париже; эмигрировал в Англию — 17, 18, 53, 54, 419
- Бомарше (Beaumarchais) Пьер Огюстен (1732—1799) — франц. драматург
— «Севильский цирюльник, или Тщетная предосторожность» («Le barbier de Séville»); Дон Базиль — 126, 129
- Бонфис (Bonfils), врач в Ницце — 174, 226, 231, 235, 271, 337, 338, 479, 539, 541
- Боткин Василий Петрович (1811—1869), литературный критик и переводчик, автор «Писем из Испании» — 159—161, 182—184, 205, 261, 262, 303, 319, 320, 442, 444, 452, 453, 460, 506, 536, 538, 542
- Боткин Николай Петрович (1813—1869), московский купец, меценат, брат В. П. Боткина — 160, 267, 304, 306, 307, 442, 486, 487, 506, 539
- Браншский (Branicki) Ксаверий Владиславович, граф (1812—1879), бывший русский гвардейский офицер, с 1843 г. флигель-адъютант Николая I; в 1849 г. эмигрировал во Францию; один из руководителей аристократической части польской эмиграции; в 1863 г. принял франц. подданство и был назначен сенатором — 56, 57, 71, 72, 367, 369, 370, 377, 521
- Бриарей (миф.) — 14, 15, 408
- Брокгауз (Brockhaus) Генрих (1804—1874) и Фридрих (1800—1865), владельцы нем. издательской и книготорговой фирмы в Лейпциге — 38, 39
- Брусилов, московский приятель Герцена — 355
- Брут Марк Юний (85—42 до н. э.), римский политический деятель, глава заговора против Юлия Цезаря — 361, 364
- Брунинг (Brüning) (рожд. Ливен), баронесса (ум. в 1853 г.), сочувствовала демократическому движению; в связи с участием в организации побега из каторжной тюрьмы Г. Кинкеля эмигрировала из Германии и переехала в Англию — 346, 372, 374, 514, 515, 523
- Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859), реакционный журналист, критик и беллетрист, редактор-издатель газеты «Северная пчела» — 291
- Булевский Людвиг, польск. эмигрант, давал уроки рисования сыну Герцена — 362, 365, 367, 368
- Бурбоны, королевские династии, занимавшие престолы Франции, Испании, Неаполитанского королевства, и герцоги Пармы — 139, 142, 178, 198, 437
- Бухнер (Buchner) Карл (1800—1872), нем. адвокат, поэт и публицист — 167, 168, 446
- Вагнер (Wagner) Рихард (1813—1883), нем. композитор — 294—299, 498, 499, 501
— «Kunstwerk der Zukunft» («Художественное произведение будущего») — 295, 297, 499
- Валерио (Valerio) Лоренцо (1810—1865), политический деятель в

- Пьемонте, депутат парламента от оппозиции в 1851 г. — 180, 198, 448, 451, 452
- Вальдегамас Хуан Франциско Донозо Кортес, маркиз (1803—1853), испан. политический деятель и публицист реакционного лагеря — 127, 130
- Варвара Петровна — 261
- Васбенгер Л. (Vasbinger, Vasbanter), франц. журналист, один из редакторов «Voix du Peuple»; эмигрировал в Лондон, где преподавал французский язык сыну Герцена; впоследствии переехал в Америку — 354, 362, 365, 367, 368
- Вейтлинг (Weitling) Вильгельм (1808—1871), нем. революционер, коммунист-утопист — 25, 27
- Веллингтон Артур Уэлсли, герцог (1769—1852), англ. полководец и государственный деятель, командовал армией, одержавшей в 1815 г. победу под Ватерлоо — 56, 57, 338, 340, 341, 344, 361, 364, 512, 514, 520
- Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805—1827), поэт и литературный критик — 120, 121
- Венедей (Venedey) Якоб (1805—1871), нем. радикальный публицист и политический деятель, в 1848 г. один из вождей «левой» во Франкфуртском предпарламенте, руководитель эмигрантского тайного общества «Союз отверженных» — 159
- Вени (Venn) Джон Сайз, лондонский нотариус — 389—391
- Вера Артамоновна, няня Герцена — 229, 238, 240, 384, 474, 477, 478, 482, 494, 495, 497, 522, 538
- Вергилий Публий Марон (70—19 до н. э.), римский поэт — 55, 56, 420
- Вигардо-Гарсиа Мишель Полнна (1821—1910), франц. певица — 17, 18, 516
- Виктор-Эммануил II (1820—1878), король Сардинии в 1849—1861 гг., а впоследствии — объединенной Италии — 205, 452, 465
- Вилле Франсуа, цюрихский врач, секундант Гервега — 302, 303, 395, 396, 402, 404, 501, 532
- Виллих Август (1810—1878), прусский офицер, глава фракции ультраевых в «Союзе коммунистов», участник Пфальцско-Баденского восстания в 1849 г.; эмигрировал в Швейцарию, затем в Англию, а в 1853 г. в США — 325, 326, 329, 331, 335, 337—341, 350, 352, 511, 512
- Вильгельм I (1781—1864), вюртембергский король с 1816 г. — 121, 122, 433
- Висконти (Visconti), пиццкий книготорговец — 122—124, 161, 162, 178, 180, 189
- Владимир Аристович — см. Энгельсон В. А.
- Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125), великий князь киевский — 62, 241
- Волер, ульмский книготорговец — 168, 169
- Волконский Петр Михайлович, князь (1776—1852), генерал-фельдмаршал, министр императорского двора с 1826 г. — 344, 514
- Вольтер (Аруэ) Франсуа Мари (1694—1778) — «Кандид» — 172, 449
- Вольфзон (Wollsohn) Вильгельм (1820—1865), нем. писатель, журналист и переводчик — 169, 170, 223, 345, 475, 537
- Гааг Луиза Ивановна (1795—1851), мать Герцена — 19, 20, 25, 26, 29, 30, 45, 48, 56, 57, 61—65, 67, 70, 71, 73, 75, 76, 88, 90—92, 99, 102, 103, 105, 106, 121—125, 128, 135—137, 155, 160, 165, 167—170, 173, 177, 178, 186, 191, 194, 195, 202, 204, 205, 209—216, 218, 220, 221, 224, 229, 307, 311, 327, 332, 342, 358, 367, 383, 384, 392, 393, 533, 534, 401, 407, 408, 410, 411, 413, 416, 421—423, 426—431, 436, 440—443, 446—448, 457, 459, 462, 463, 465, 467, 470—475, 477, 482, 485, 489, 492, 494, 495, 514, 519, 530, 535—538
- Гаврилович — см. Головин И. Г.
- Газан, капитан парохода «La Ville de Grasse» — 208, 467
- Гакстаузен (Haxthausen) Август барон (1792—1866), нем. экономист, исследователь аграрного строя Пруссии и России; в 1843—

- 1844 г. путешествовал по России — 127, 130, 341, 363, 378, 512, 513, 527
- «Исследования о внутренних отношениях народной жизни и в особенности сельских учреждений России» («Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russland») — 341, 512, 513, 527
- Галевн (Halèvy) Жак Франсуа Фроманталь (1799—1862), франц. композитор
- «La dame de pique» («Пиковая дама») — 186, 453
- Галилей Галилео (1564—1642) — 29, 30, 35, 37
- Гальваньо (Galvagno) Джованни Филиппо, министр внутренних дел Сардинского королевства с октября 1849 г. до мая 1852 г. — 147—151, 170, 448, 536, 537
- Ганс (Gans) Эдуард (1797—1839), нем. юрист, гегельянец, профессор Берлинского университета — 127, 130
- Гартман (Hartmann) Морнц (1821—1872), нем. поэт, участник революции 1848 г., член «левой» Франкфуртского парламента, в 1849—1865 гг. эмигрант — 7—9, 302, 318, 319, 501, 541
- Гаспарини (Gasparini), «фактотум», домоправительница в доме Рейхелей в Париже, мать М. Фомм (см.) — 324, 359, 367, 498, 508
- Гассер (Gasser) Карл, петербургский банкир, представитель фирмы Ротшильда — 14, 16, 19, 20, 25, 27, 31, 33, 53, 62, 64, 66, 67, 69—72, 78, 80, 86—89, 91, 92, 102, 103, 407, 413
- Гауг Эрнст (Гаук, «генерал», Петерс., Francis Dillon, Haug), бывший австр. офицер, участник революции в Вене в 1848 г., защитник Римской республики в 1849 г., получил от революционного правительства звание генерала; в 1850 г. издавал вместе с Г. Кинкелем в Лондоне газету «Der Kosmos»; принимал близкое участие в личных делах Герцена в 1851—1852 гг. — 58, 59, 82, 83, 105, 106, 183, 210, 211, 242—259, 261, 262, 269, 270, 274 — 276, 278, 279, 284—286, 288—290, 294, 299—303, 305, 306, 308, 309, 312, 313, 315—317, 320, 322, 323, 328, 334, 336, 338, 339, 341, 355, 357, 361, 362, 364, 365, 367—371, 385, 388, 392, 395, 396, 420, 430, 460, 468, 478, 480, 483—485, 490, 492, 495, 498—505, 507, 510, 512, 521, 531, 532, 538—541
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — 217, 219, 543
- Гейне Генрих (1797—1856)
- «Красавица рыбацка» («Du schönes Fischermädchen») — 173, 449
- Гекуба (миф.) — 355
- Гемпден (Hampden) Джон (1594—1643), деятель англ. буржуазной революции — 71, 72, 422
- Генерал—см. Гауг Э.
- Георг — см. Гервер Георг
- Гервер Ада (1849—1921), дочь Г. и Э. Гервергов — 25, 58, 59, 63, 65, 91, 123, 124, 247, 255, 262, 327, 328, 332, 334, 420, 492, 536
- Гервер Георг (Егор Васильевич, Егор Федорович) (1817—1875), нем. поэт, демократ — 9, 10, 12, 13, 15, 17—34, 37—52, 54—58, 60—62, 64—72, 74—80, 82—138, 153, 155—157, 179, 180, 183, 188, 192, 232—235, 237—240, 243—259, 263—266, 277, 281, 285—297, 300—302, 304—309, 311—315, 318—320, 325—335, 337—341, 344, 348, 350—354, 361, 364, 381, 383, 389—391, 394—396, 401—405, 407—436, 440—442, 444, 446, 451, 452, 454, 456, 468, 478—482, 484—487, 491—493, 495, 497—512, 516—521, 527, 528, 531, 532, 535—541
- Гервер Горас (1843—1901), сын Г. и Э. Гервергов — 21, 25, 28, 29, 31—34, 43, 44, 46, 48, 58—60, 64—65, 91, 247, 255, 262, 327, 328, 332, 334, 416, 420, 440, 492, 536
- Гервер Эмма (1817—1901), жена Г. Гервера — 11, 13, 17, 18, 21—23, 28—34, 37, 38, 43—45, 48—52, 54—60, 63—67, 73—75, 78—84, 86, 88, 90, 91, 93—102, 104—106, 108, 110—117, 119, 124, 126, 128, 129, 133—137, 153, 154, 156, 157, 180, 188, 237—240, 243—250, 252—258, 265, 276, 286, 290, 296, 301, 303, 315,

- 326—329, 332—335, 337—341, 363, 366, 389—391, 405, 409, 413, 414, 418—428, 430—432, 434, 440—442, 445, 485, 491, 492, 498—500, 503, 505, 509—511, 521, 530, 531, 534—536, 539—541
- Гергей (Горгий, Gorgei) Артур (1818—1916), главнокомандующий венгерской революционной армией; изменнически капитулировал в августе 1849 г. — 183, 328, 333, 452
- Геркулес (миф.) — 348, 515
- Гермес Трисмегист (миф.) — 91, 92, 426
- Герцен Александр Александрович (Саша) (1839—1906), сын Герцена — 20, 21, 29, 31, 33, 38, 39, 43, 44, 59, 60, 62, 63, 93, 94, 101, 102, 149—151, 160, 165, 166, 170, 171, 173, 175, 177—179, 182, 185—196, 202—204, 208—210, 222, 225, 227, 228, 230—233, 239, 244, 245, 247, 252, 253, 256, 264, 268—270, 272—275, 277—280, 282—285, 287, 293, 300, 301, 309, 310, 313, 315—320, 322—325, 327, 330, 332, 337, 339, 341, 342, 344, 347, 353—355, 357, 359—364, 366—372, 374, 376—378, 382, 384—389, 402—404, 410, 420, 433, 450, 453, 455—459, 464, 469, 471, 472, 490, 492—495, 497, 505—507, 511—513, 515, 517—523, 525—527, 529, 530
- Герцен Александр Иванович (Искандер) (1812—1870)
- «Былое и думы» — 359, 361, 363, 366, 373, 407, 410, 414, 416—419, 421, 424—426, 428, 429, 432, 437, 438, 440—444, 447, 448, 451, 452, 454, 456, 467, 469, 471, 472, 475, 478—481, 483—485, 487—493, 495—501, 504, 507, 508, 513—516, 518—521, 523, 525, 529, 531, 532, 535—538, 540
- «Доктор Крупов» — 43, 44
- «Долг прежде всего» — 184, 223, 453, 476, 486, 537
- «Кто виноват?» — 169, 170, 336, 345, 447, 511, 514
- «Михаил Бакунин» («Michel Bakounine») — 205, 207. 464—466, 468, 469
- «О развитии революционных идей в России» («Du développement des idées révolutionnaires en Russie») — 105, 106, 108, 110, 128, 130, 140, 143, 161, 162, 164, 166—169, 183, 184, 187, 189, 201, 224, 401, 430, 431, 435, 437, 444—448, 451, 453, 454, 460, 462, 463, 476, 517, 527, 528
- «Письма из Франции и Италии» («Briefe aus Italien und Frankreich») — 8, 9, 26, 27, 35, 37, 140, 142, 183, 201, 336, 345, 346, 407, 414, 416, 428, 437, 443, 453, 462, 469, 471, 474, 475, 487, 492, 511
- «Поврежденный» — 184, 453
- «Посвящение» («Dédicace») — 184, 453
- «Россия» («La Russie») — 118, 120, 406, 433, 462
- «Русский народ и социализм» («Le peuple russe et le socialisme») — 201—206, 208, 362, 365, 382, 401, 452, 462—465, 467, 471, 517, 520—522, 528, 529, 537
- «Русское крепостничество» («Russian Serfdom») — 363, 365, 378, 496, 520, 521, 524, 527
- «Сорока-воровка» — 43, 44
- «С того берега» («Vom andern Ufer») — 7, 8, 22, 23, 29, 30, 35, 37—40, 42, 60, 61, 68, 70, 74, 87—90, 99, 105—110, 121, 122, 125, 140, 142, 164, 168, 169, 183, 198, 214, 336, 345, 381, 401, 406—408, 411, 413—416, 420, 422, 426, 428—431, 433, 434, 437, 444—446, 453, 461, 469, 472, 475, 496, 511, 528
- Герцен Егор Иванович (1803—1882), брат Герцена по отцу — 56, 57, 63, 76, 160, 214, 215, 228, 229, 238—240, 292, 293, 370, 472, 474, 478, 494, 497, 522, 535, 538
- Герцен Наталья Александровна (Натали, Наташа, Natalie), рожд. Захарьина (1817—1852), жена Герцена — 19, 22—25, 28—30, 32, 34, 35, 37—44, 46, 48—50, 53, 54, 58, 60, 62—66, 68, 72, 73, 75, 76, 79, 81—84, 93—95, 115—117, 119, 121, 123, 124, 126, 129, 135—138, 141, 143, 147—151, 155—157, 160, 165, 166, 170—179, 181, 182, 185—196, 201—204, 206—210, 212, 223—226, 228—235, 238—240, 243—262, 264—266, 268, 272, 273, 275—277, 280, 281, 283, 284, 289, 291, 295—297, 300,

- 304, 305, 307, 309, 311, 312, 315, 319, 320, 324—330, 332—335, 342, 350—353, 376—378, 382, 394, 401—403, 412, 415, 418, 423, 424, 428, 431, 432, 434, 436, 439—441, 448—459, 462, 464, 465, 467—486, 488, 489, 491—497, 500, 502, 504, 507, 510, 512, 514, 517, 520, 522, 526—529, 531, 536, 537, 540
- Герцен Наталья Александровна (Натали, Наташа, Тата, Natalie) (1844—1936), дочь Герцена — 21, 25, 28, 29, 31—33, 41—44, 46, 48—54, 58, 60, 62, 63, 73, 75, 93, 94, 101, 102, 123, 124, 149—151, 160, 165, 166, 171, 172, 177—179, 182, 186, 187, 190—193, 195, 201—203, 208, 210, 224, 225, 227, 228, 230—233, 239, 244, 245, 247, 252, 253, 256, 260, 261, 264, 268—270, 273—285, 292, 293, 300, 301, 309, 310, 313—319, 321, 322, 324, 325, 327, 330, 332, 337, 341, 342, 347, 348, 354, 355, 357—361, 363, 364, 366—374, 376—378, 382, 384, 386—389, 402—404, 410, 439, 448, 450, 451, 454—456, 459, 464, 469—472, 474, 486, 490—492, 494, 495, 497, 503, 505, 508, 511—513, 515, 517—523, 526, 527—530, 540, 543
- Герцен Николай Александрович (Коля) (1843—1851), сын Герцена — 12, 13, 19, 20, 63, 72, 93, 94, 101, 102, 149—151, 160, 165, 166, 172, 175, 177, 178, 182, 186, 187, 190—192, 195, 196, 201—204, 209—213, 216, 218, 220, 221, 228, 232, 233, 241, 244, 245, 247, 248, 252, 253, 256, 257, 290, 296, 307, 311, 327, 332, 342, 358, 382, 392, 393, 533, 534, 401, 402, 410, 447, 455, 456, 462—465, 467, 470, 471, 473—475, 477, 489, 492, 495, 514, 519, 529, 537, 538
- Герцен Ольга Александровна (Оля) (1850—1953), дочь Герцена — 151, 160, 165, 166, 170, 172, 174, 177, 179, 182, 186, 187, 190, 191, 195—197, 202, 203, 205, 208, 210, 224, 225, 227, 228, 230—233, 239, 240, 244, 245, 247, 252, 253, 256, 260, 264, 268—270, 273—283, 285, 292, 293, 300, 301, 309, 310, 313—319, 321, 322, 324, 325, 327, 330, 332, 337, 341, 342, 347, 348, 349, 354, 355, 357—361, 363, 364, 366—374, 376—378, 382, 384, 386—389, 402, 404, 410, 418, 439, 448, 449, 456, 471, 472, 490, 492, 494, 497, 503, 512, 517, 519—522, 526, 530, 540, 543
- Гесс (Hess) Мозес (1812—1875), нем. социалист—537, 541
- Гёте Иоганн Вольфганг (1749—1832) — 375, 424, 427, 432, 449, 519, 524, 529
- «Кроткие ксеннии» («Zahme Xenien») — 77, 424
- «Миньона» («Kennst du das Land») — 93, 94, 180, 427, 451
- «Поэзия и правда» («Dichtung und Wahrheit») — 359, 519
- «Страдания молодого Вертера»; Вертер — 296
- «Суета сует и всяческая суета» («Vanitas! Vanitatum vanitas») — 375, 524
- «Фауст» — 174, 432, 449; Гретхен — 117, 119, 174
- Гиббон (Gibbon) Эдуард (1737—1794), англ. историк—97, 98, 428
- «История упадка и разрушения Римской империи» — 97, 98, 428
- Глассон (Glasson) Пьер Никола Люсьен, адвокат в Фрибуре — 384, 386, 389
- Гоголь Николай Васильевич (1809—1852)
- «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» — 172, 173, 449
- «Мертвые души»; Берендовский — 159, 443; Межуев — 184
- Перхуновский — 159, 443
- Головин Иван Гаврилович (1816—1890), публицист; эмигрировал во Францию в 1842 г., в 1851—1852 гг. жил в Италии — 29, 30, 56, 57, 69, 70, 131, 169, 170, 175, 178, 180, 181, 194, 205, 321, 348, 349, 354, 370, 413, 436, 446, 447, 450, 452, 516, 529
- Голохвастов Дмитрий Павлович (1796—1849), двоюродный брат Герцена, помощник попечителя Московского учебного округа с 1831 г., попечитель в 1847—1849 гг. — 14, 15, 359, 383, 408, 422
- Голохвастова Надежда Владимировна, рожд. Новосильцева, же-

- на Д. П. Голохвастова — 13, 15, 69, 70, 79, 81, 422, 423
- Голынский Александр Викентьевич (1816—1869), литератор, помещик Могилевской губ., эмигрант с 1846 г.; дал средства на создание типографии польской демократической Централизации в Лондоне и издание «Demokrata Polski» — 79, 81
- Гомер (между XII и VIII вв. до н. э.) — 10, 407, 408
— «Одиссея» — 10, 407, 408; Пенелопа — 58, 59
- Горас — см. Гервер Горас
- Гораций Флакк Квинт (65—8 до н. э.)
— «Наука поэзии» — 193, 422, 457
— «Эподы» — 69, 70, 422
- Горгий — см. Гёргей А.
- «Готский альманах» («Almanach de Gotha»), генеалогический и политический справочник, издаваемый в Готе с 1763 г. — 56, 57
- Гофман и Кампе, компаньоны издательской и книготорговой фирмы «Hoffmann und Kampe», основанной в Гамбурге в начале XIX в.; с 1823 г. фирму возглавлял Ю. Кампе (см.) — 38—40, 60, 61, 107, 109, 121, 122, 125, 406, 407, 420, 429, 430, 444
- Гофштеттер, швейцарский офицер — 294, 304, 305, 309, 312, 428
- Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855) — 49, 50, 159—161, 182—185, 188, 261, 316, 317, 319, 320, 408, 418, 442—444, 452—454, 460, 463, 469, 503, 506, 524, 529, 536, 538, 542
- Грегорио Константино (Константин), повар в доме Герцена — 29—31, 33, 73, 413, 423
- Греч Николай Иванович (1787—1867), реакционный журналист и писатель — 268, 488
- Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829)
— «Горе от ума» — 200, 461
- Грибуль (Gribouille), герой одноименного произведения Жюль Санд (см.)
- Грив Александр Иванович, русский консул в Ницце с 1846 г. по 1854 г. — 143—147, 448
- Григорий Иванович — см. Ключарев Г. И.
- Гуман, парижский портной — 178
- Гуровский (Gurowski, Guroffski) Адам, граф (1805—1866), польск. реакционный журналист; с 1848 г. жил в Америке — 68—70
- Гюго Виктор Мари (1802—1885) — 177, 178, 450
- Гюго (Hugo) Шарль Виктор (1826—1871), франц. литератор, сын В. Гюго, один из редакторов «L'Événement» (1848—1851); в 1851 г. был привлечен к суду за статью против смертной казни — 177, 178, 450
- Дальман (Dahlmann) Фридрих Христиан (1785—1860), нем. либеральный историк и политический деятель; после революции 1848 г. один из лидеров «правого центра» Франкфуртского национального собрания и представитель Пруссии в Союзном сейме — 159
- Дамет, один из редакторов газеты «L'Avenir de Nice» — 201, 539
- Данте Алигьери (1265—1321)
— «Божественная комедия» — 77, 424
- Даримон (Darimon) Луи Альфред (1819—1902), франц. публицист и политический деятель; в 1848 г. примкнул к Прудону и был одним из редакторов газет «Le Représentant du peuple», «La Voix du peuple», «Le Peuple», издававшихся Прудоном; после переворота 2 декабря 1851 г. сблизился с Э. Жирарденом и вошел в редакцию его газеты «La Presse» — 28, 29, 306, 336, 340, 349, 354, 411, 435, 503, 511, 516, 541
- Даримон, жена Даримона Л.-А. (см.) — 349, 516
- Девоншир (Devonshire), лорд — 100, 101
- Дельен, жил в Ницце в 1851 г. — 180
- Дефо Даниель (1660—1734)
— «Робинзон Крузо» («The life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe of York, Mariner»); Робинзон — 107, 109
- Дженнер (Janner) Томас, свидетель, подписавший протест векселя Э. Гервер — 390, 391

- Дивова, помещица подмосковного с. Соколово — 294, 498
- Дидона (миф.) — 123, 124
- Домагальский Михаил, польск. эмигрант, сподвижник Гарибальди; занимался математикой с сыном Герцена; впоследствии (1857—1862) член польской демократической Централизации — 362, 365—368
- Доносо Кортес — см. Вальдегамас Х.
- Дрюэ (Druet) Анри (1799—1855), адвокат, член Федерального совета Швейцарии, министр юстиции и полиции в 1848 г., президент Швейцарской конфедерации в 1850 г. — 368
- Дуйс (Douis), владелец дома в Ницце, в котором жили Герцены в 1851—1852 гг. — 279, 492
- Дюмениль (Dumesnil) Эмиль Себастиан (род. в 1825 г.), преподаватель истории в Дижоне, зять Ж. Мишле — 318, 319
- Евангелие — 214, 216, 218, 427, 472, 475, 488
- Егор Васильевич — см. Гервер Георг
- Егор Иванович — см. Герцен Е. И.
- Егор Федорович — см. Гервер Георг
- Екатерина I (1684—1727), дочь литовского крестьянина, в 1712 г. обвенчана с Петром I, в 1725—1727 гг. императрица — 108, 110
- Елена Константиновна — см. Станкевич Е. К.
- Жан-Батист — см. Бокэ Ж.-Б.
- Жанетта, горничная Эммы Гервер — 58, 59, 64, 65, 154, 155, 247, 255, 440
- Женни (Jenny), гувернер у детей Герцена (в Ницце) — 154, 191
- Жиарден (Girardin) Эмиль де (1806—1881), франц. журналист и политический деятель, издатель газеты «La Presse» в 1836—1856 и 1862—1866 гг. — 9—12, 17, 18, 131, 132, 409
- Жорж Санд (George Sand), псевдоним Авроры Дюдеван (1804—1876) — 167, 168, 189, 190, 344, 347, 350—354, 382, 413, 446, 451, 529
- «Маленькая Фадетта» («La petite Fadette») — 28, 29, 413, 451, 516, 517; Ландри — 28, 29, 451; Сильвине — 28, 29, 451; Фадетта — 28, 30
- «Мольер» («Molière») — 189, 190; Мольер — 190
- «Орас» («Horace») — 351, 352, 517; Орас — 351, 352, 517
- «Похождения Грибуля» («Histoire du véritable Gribouille») — 167, 168, 382, 446, 529; Грибуль — 178, 382, 446
- Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — 10, 14, 15, 407, 408
- «Одиссея» — 10, 14, 15, 407, 408
- Журавлев Лаврентий, слуга Герцена — 260, 486
- Жюли (Юлия), служанка Герценов в Ницце — 196, 282
- Жюльекур (Juvécourt) Поль, франц. журналист и переводчик — 28
- Жюльен Луи Антуан (1812—1860), франц. композитор
- «Pierre le Grand» («Петр Великий») — 324, 508
- Закревский Арсений Андреевич, граф (1786—1865), министр внутренних дел в 1828—1831 гг., московский генерал-губернатор в 1848—1859 гг. — 159, 443
- «Записки охотника», рассказы Тургенева И. С. (см.)
- Захарин Петр Александрович (Петруша) (1820—1909), брат Н. А. Герцен, работал в парижской фотографии С. Л. Левицкого, впоследствии владелец фотографии в Петербурге — 238, 384, 482, 497, 522
- Захарьина Аксинья Ивановна — см. Фролова А. И.
- Зольгер Рейнгольд (1817—1866), нем. писатель и критик, после революции 1848 г. эмигрировал в Америку — 161, 163, 167, 168, 348, 444—446
- «Das Untergangstum» («Упадок») — 161—163, 445, 446
- Зоппенберг Карл Иванович (ум. после 1862 г.), гувернер Н. П. Огарева, позднее жил в доме И. А. Яковлева — 372, 523

Иван Алексеевич — см. Яковлев И. А.

Иван Батистыч — см. Бокэ Ж.-Б.

Иван Гаврилович — см. Головин И. Г.

Иванов Алексей Алексеевич (ум. в 1866 г.), русский вице-консул в Париже — 65, 67

Игнатий (библ.) — 75

Иегова (библ.) — 287

Иеремия (библ.) — 22, 23

Измаил (библ.) — 247, 255, 485

«Исповедь», соч. П.-Ж. Прудона (см.)

Кабе (Cabet) Этьен (1788—1856), франц. коммунист-утопист — 25, 27

Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885), историк и публицист, профессор истории русского законодательства в Московском (1844—1848) и гражданского права в Петербургском (1857—1861) университетах — 121, 408, 444

Кампе (Campe) Юлий (1792—1867), с 1823 г. возглавлял издательскую и книготорговую фирму «Hoffmann und Campe» в Гамбурге — 87, 90, 415, 426

Капп К. (Карр), брат Ф. Каппа — 35, 36, 164, 445

Капп (Карр) Фридрих (1824—1884), нем. политический деятель и литератор, участник революции 1848 г., эмигрировал в Париж, где давал уроки сыну Герцена Александру, в 1850 г. уехал в Америку, был в Нью-Йорке комиссаром по переселенческим делам; в 1870 г. вернулся в Германию, с 1872 г. стал членом рейхстага — 29, 30, 34—36, 58, 59, 68, 70, 74, 87, 90, 108, 111, 164, 293, 407, 413, 445

Карл Иванович — см. Карлье П.
Карл V (1500—1558), император «Священной Римской империи» с 1519 г.; в 1555 г. отказался от испанского престола в пользу сына — Филиппа II, в 1556 г. уступил императорский престол

брату Фердинанду и ушел в монастырь — 264, 487

Карлейль (Carlyle) Джейн (1801—1866), жена Томаса Карлейля — 336, 337, 339, 510

Карлейль (Carlyle) Томас (1795—1884), англ. писатель, историк и философ — 336, 337, 339, 375, 510, 525

— «История французской революции» — 337, 339, 375

Карловинги (Каролинги), (Carlovingiens, Carolingiens), вторая франкская династия королей, правивших в 751—987 гг., название получила от имени Карла Великого — 40, 41, 66, 67, 72

Карлье (Карл Иванович, Carlier) Пьер (1799—1858), префект парижской полиции в 1849—1852 гг. — 16—18, 23, 39, 40, 45, 48, 66, 67, 71—73, 78, 80, 197, 415, 416, 418, 421, 423, 461

Карпантие (Carpentier) — публикатор фальшивого «Завещения Петра I» в газете «Ligue des Peuples» — 45, 48

Кассандра (миф.) — 341

Катилина Луций Сергий (108—62 до н. э.), римский политический деятель, глава заговора, раскрытого Цицероном — 216, 218, 220, 221, 409

Каффи (Caffi) Ипполито (1814—1866), итал. художник, участник революции 1848 г.; погиб в морском бою, сражаясь в рядах гарибальдийцев — 213, 470, 525

Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842), историк и лит. критик, профессор (с 1810 г.) и ректор (с 1837 г.) Московского университета; в 1805—1830 гг. редактор-издатель журнала «Вестник Европы» — 159

«Кёльнская газета» — см. «Kölnische Zeitung»

Кёниг (König) Генрих Иосиф (1790—1869), нем. писатель и политический деятель — 105, 106, 126, 129, 430, 435, 488

— «Literarische Bilder aus Russland» («Очерки русской литературы») — 105, 106, 126, 129, 430, 435, 488

Кессман, женецкий издатель и книготорговец — 131, 132

- Кетчер Николай Христофорович (1806—1886), врач, поэт-переводчик, член кружка Герцена 40-х гг. — 159—161, 166, 182—184, 261, 268, 319, 320, 375, 442, 443, 452, 453, 460, 506, 524, 536, 538, 542
- Кинкель (Kinkel) Готфрид (1815—1882), нем. поэт и публицист, участник революции 1848 г.; посажен в крепость, откуда бежал в 1850 г. в Англию; издавал вместе с Э. Гаугом в Лондоне газету «Der Kosmos», затем жил в Америке и Швейцарии — 46, 48, 183, 337, 339, 346, 350, 352, 417, 514
- Киселев Николай Дмитриевич (1800—1869), русский посол в Париже в 1844—1854 гг. — 20, 38, 39, 62, 66, 67, 86, 421, 425
- Клаудина, подруга Таты в Ницце — 280
- Ключарев Григорий Иванович (1793—1868), коллежский советник, вел денежные дела И. А. Яковлева и А. И. Герцена — 9, 10, 13—15, 56, 57, 61, 73, 75, 76, 292, 385, 388, 407, 420, 422, 478, 494
- Кобден Ричард (1804—1865), англ. общественный и политический деятель, лидер фритредеров, член парламента с 1841 г., публицист — 348, 516
- Колачек (Kolatchek) Адольф (1796—1861), австр. публицист и политический деятель, член «левой» Франкфуртского парламента; в 1850—1851 гг. издавал в Штутгарте журнал «Deutsche Monatschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben», в котором напечатано несколько работ Герцена; в 1851 г. переселился в Париж, а в 1853 г. в Америку — 29, 30, 60, 61, 87, 89, 90, 99, 105—110, 121, 122, 126, 128—130, 140, 142, 143, 161—164, 166—170, 183, 198, 237, 240, 249, 257, 303, 306, 327, 333, 381, 401, 404, 413, 416, 420, 426, 430, 431, 433, 444—447, 461, 480, 505, 510, 528
- Колер — 158
- Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842), поэт — 166, 167
- Коля — см. Герцен Н. А.
- Константин — см. Грегорио К.
- Корш Евгений Федорович (1810—1897), публицист и переводчик, редактор «Московских ведомостей» (1843—1848), член кружка Герцена в 40-х годах — 159—161, 182—184, 261, 319, 320, 442, 452, 453, 460, 506, 536, 538, 542
- Корш Мария Федоровна (1808—1883), друг семьи Герцена, сестра Е. Ф. Корша — 215, 303, 384, 462, 474, 502
- Кох, авантюристка, была любовницей Луи Бонапарта — 281, 287, 328, 334, 493, 510
- Кошут Лайош (1802—1894), вожь венгерского национально-освободительного движения, стоял во главе революции 1848—1849 гг. в Венгрии; после поражения ее эмигрировал в Турцию, затем в Англию — 237, 543
- Кремье (Crémieux) Исаак Моисей Адольф (1796—1880), франц. адвокат и политический деятель, министр юстиции во Временном правительстве 1848 г. — 9, 10
- Кретен А. (Cretin), врач, один из близких друзей Прудона, сотрудничал в его газете «Le Peuple de 1850» — 259, 260, 340, 435, 512
- Кромвель Оливер (1599—1658) — 11, 12, 408
- «Крупов», повесть «Доктор Крупов» Герцена (см.)
- Кучин Алексей, псарь И. А. Яковлева — 370
- Кюсслер (Küssler) Жан Фредерик, владелец отеля «Zähringen» в Фрибуре, свидетель, подписавший завещание Герцена — 384, 386, 389
- Кюстин (Custine) Адольф, маркиз де (1790—1857), франц. литератор — 127, 130, 200, 461, 462 — «La Russie en 1839» — 200, 461, 462
- Лаказ (Lacaze), владелец дома в Фрибуре — 386, 389
- Ламартин (Lamartine) Альфонс Мари Луи (1790—1869), франц. поэт, историк и политический деятель — 14, 15, 26, 27, 409, 411
- «Toussaint Louverture» — 14, 15, 22, 24, 409

- Лафон (Lafont) Шарль (1809—1864), франц. драматург, инсценировавший вместе с Анисе-Буржуа (см.) повесть Жорж Санд (см.) «Маленькая Фадетта»
- Лафонтен (La Fontaine) Жан (1621—1695)
— «Жаворонок с птенцами и жнец» («L'Alouette et ses petits, avec le maître d'un champ») — 285, 495
- Лев Алексеевич — см. Яковлев Л. А.
- Лёве (Léve-Кальбе) (Loewe) Вильгельм (1814—1886), нем. политический деятель, врач в г. Кальбе, член Франкфуртского парламента в 1848 г. и первый его вице-президент, затем жил в эмиграции, вернулся в Германию после амнистии 1861 г. — 108, 110, 118, 120, 126, 128, 162, 163, 445
- Ледрю-Роллен (Ledru-Rollin) Александр Огюст (1807—1874), франц. политический деятель, член Временного правительства 1848 г.; в 1849 г. эмигрировал в Англию — 279, 435, 492, 512
- Леметр (Lemaître) Фредерик, настоящее имя — Антуан Луи Проспер Леметр (1800—1876), франц. актер, соавтор Б. Антье в создании пьесы «Rober Mascarot» — 14, 15, 261, 409
— «Робер Макер»; Робер Макер — 296, 298, 500
- Леоantina, парижская гризетка, с которой Герцен встретился на маскараде в 1849 г. — 78, 80, 98, 99, 424
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — 21, 25, 419, 471
— «Из Гёте» — 50, 51, 213, 227, 283, 369, 371, 419, 471
- «Лидер» — см. «The Leader»
- Линтон (Linton) Вильям Джеймс (1812—1897), англ. гравер, поэт и публицист, один из основателей и редакторов газеты «The Leader», основатель журнала «The English Republic» (1851—1855) — 7—9, 406
- Личи — 342
- Лобанов-Ростовский Михаил Борисович, князь (1819—1858), полковник, флигель-адъютант, зять генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича — 56, 57, 66, 68
- Луи Бонапарт (1808—1873), президент Французской Республики в 1848—1852 гг., император (Наполеон III) с 1852 по 1870 г. — 199, 416, 461, 471, 475, 486
- Луиза — см. Цабель Л.
- Луиза Ивановна — см. Гааг Л. И.
- Луи-Филипп (1773—1850), франц. король с 1830 по 1848 г. — 45, 47, 48, 434
- Лушка, дочь Василия Яковлева, старосты в с. Покровское-Засекино — 345
- Маврикий, Маврушка — см. Рейхель М.
- Магдалина (библ.) — 242, 251
- Маккавей, династия, правившая в Иудее в 142—37 гг. до н. э. — 86
- Маллар (Mallard), житель Ниццы — 154
- Мангельсдорф, книготорговец — 164
- Маниха, Манихен — см. Фомм М.
- Марат (Marat) Жан Поль (1743—1793) — 26, 27
- Мари, девочка в Ницце — 196, 280
- Марихен — см. Фомм М.
- Мария — см. Хосецкая М.
- Мария Алексеевна — см. Хованская М. А.
- Мария Каспаровна — см. Рейхель М. К.
- Мария Федоровна — см. Корш М. Ф.
- Массоль (Massol) Мари Александр (1805—1875), франц. журналист, сенсимонист, один из редакторов «La Réforme», сотрудничал в «La Voix du peuple» — 93, 94, 152, 205, 214, 427, 536
- Мат., Мате (?) — 191, 238, 241, 455
- Матьё (Mathieu), участник революции 1848 г. во Франции, затем эмигрант, живший в Ницце и Женеве — 539, 540
- Мациони Джузеппе (1805—1872) — 22, 23, 35, 37, 107, 109, 139—143, 242, 261, 279, 281, 286, 289, 291, 306, 308, 312, 321, 323, 325, 329, 330, 335—342, 350—352, 376, 401, 406, 414, 431, 437, 483, 484, 492, 495—497, 502, 507, 508, 511, 512, 517, 525, 538, 543

- Маша — см. Рейхель М. К.
- Меассалер Адельгейда (Adelghaid, Adelhaid), горничная Л. И. Гааг — 153, 204, 209, 212, 282, 440, 467
- Медичи Джакомо (1819—1882), деятель национально-освободительного движения в Италии — 286, 308, 309, 495, 498, 502, 540, 542
- Мейербер (Meyerbeer) Джакомо (настоящее имя Якоб Бер) (1791—1864), нем. композитор и дирижер
— «Роберт-Дьявол» («Robert der Teufel») — 367, 521
- Мельгунов Николай Александрович (1804—1867), литератор — 105, 106, 126, 129, 152, 201, 202, 205, 214, 223, 226, 228, 235—237, 240, 242, 261, 262, 265—269, 272, 273, 284, 292, 306, 316, 317, 320—322, 340, 341, 344, 345, 347, 348, 353, 355, 358, 367—369, 375, 378, 415, 430, 447, 480, 487, 488, 506, 512, 518, 537, 538
— «История одной книги» — 268, 488
- Михайлович — см. Сатин Н. М.
- Мишле (Michelet) Жюль (1798—1874), франц. историк и публицист — 184, 187, 189, 201—208, 210, 211, 213, 215, 223—225, 227, 241, 292, 306—314, 318, 319, 336, 362, 365, 369, 371, 392, 393, 401, 453, 460, 462—468, 471, 476, 502, 504, 531, 537, 538
— «Légendes démocratiques du Nord» («Демократические легенды Севера») — 205, 464, 465, 471
— «La Pologne et la Russie. Légende de Kosciuszko» («Польша и Россия. Легенда о Костюшко») — 201, 213, 215, 223—225, 227, 462, 463, 471, 476, 477
- Модена (Modena) Густаво (1803—1861), итал. актер-трагик — 261
- Мольер (Molière) (постоящая фамилия — Поклен) Жан Батист (1622—1673)
— «Жорж Данден, или Одураченный муж» («George Dandin, ou le Mari confondu») — 32, 34, 414
- Монталамбер (Montalembert) Марк Рене, маркиз (1714—1800), франц. генерал, военный инженер — 265
- Монтансье (Montancier) Маргерит Бруне (1730—1820), основатель-
- ница и директриса парижского театра, названного ее именем — 82, 83, 425
- Мориц — см. Рейхель М.
- Моцарт (Mozart) Вольфганг Амадей (1756—1791) — 104, 105, 429
- Муравьев-Апостол Сергей Иванович (1796—1826), подполковник, декабрист, руководитель восстания Черниговского пехотного полка; повешен 13 июля 1826 г. — 203, 204
- Мюллер-Стрюбинг Герман (1812—1893), нем. филолог и искусствовед, участник революции 1848 г. в Берлине, эмигрировал в Париж, затем в Лондон — 344, 347, 350—353, 362, 365, 367, 368, 516, 517
- Мюльгаузен Юлия Богдановна, сестра жены Т. Н. Грановского — 236, 474
- Наполеон I Бонапарт (1769—1821), франц. император в 1804—1814 гг. и в 1815 г. — 45, 47, 416, 417
- Наполеон III — см. Луи Бонапарт
- Наррей (Narrey) Шарль (1825—1892), франц. драматург, соавтор Анисе-Буржуа (см.) и А. Руайе (см.) по водевилю «Игра любви и хлыста»
- Натали, Наталья, Александровна, Наташа — см. Герцен П. А. (жена и дочь)
- Натали, Наталья Алексеевна — см. Тучкова-Огарева Н. А.
- Ней (Ney) Мишель (1769—1815), маршал Франции, сподвижник Наполеона I — 86, 88
- Нессельроде Карл Васильевич, граф (1780—1862), министр иностранных дел в 1816—1856 гг. — 66, 67, 71, 72, 75, 76, 78, 80, 146, 147, 149, 150
- Нестор (миф.) — 336
- Нидергубер, офицер венской национальной гвардии во время революции 1848 г., затем эмигрант в Париже и Лондоне, был связан с французской полицией — 28, 307, 504
- Николай Александрович — см. Мельгунов Н. А.
- Николай Иванович — см. Сазонов П. И.

- Николай I Павлович (1796—1855), император — 17, 18, 20, 25, 27, 45, 48, 71, 72, 108, 111, 145, 158, 159, 193, 206, 207, 261, 263, 315, 344, 346, 374, 407, 421, 437, 438, 443, 452, 457, 465
- Николай Платонович — см. Огарев Н. П.
- Николай Семенович — см. Николай I
- Ноэль (Noël) Эжен (1816—1899), франц. писатель и публицист, сотрудничал в различных журналах под псевдонимом Жан Лабеш — 210, 211, 466, 469
- Овен — см. Оуэн Р.
- Овербек (Overbeck) Иоганн Фридрих (1789—1869), нем. художник — 362, 365, 367
- Огарев Николай Платонович (1813—1877) — 11—13, 21, 39, 40, 49, 50, 84, 105, 106, 128, 130, 140, 143, 186, 229, 230, 262—264, 275, 276, 279, 284, 287, 295, 300, 307, 315—317, 319, 320, 358, 363, 366, 376, 383, 402, 408, 415, 418, 425, 435, 437, 442—444, 450, 452, 453, 467, 478, 480, 481, 487, 490, 491, 498, 500, 502, 521, 523—526, 538, 539, 542
- Озеров Владислав Александрович (1769—1816), драматург — «Эдип в Афинах»—375, 524; Эдип —375
- О'Коннелл Даниель (1775—1847), лидер ирландского освободительного движения — 189, 454
- Олег, киевский князь с 882 г. —151
- Оля — см. Герцен О. А.
- Орлов Алексей Федорович, князь (1786—1861), генерал-адъютант, участвовал в подавлении восстания декабристов (1825) и польского восстания (1831), шеф жандармов и начальник III отделения с 1844 по 1856 г. — 19, 143—146, 401, 407, 437, 438, 443
- Орсини Феличе, граф (1819—1858), итал. революционер, участник борьбы за национальное освобождение и объединение Италии — 308, 312, 487, 502, 504, 539, 540
- Осип Иванович — см. Маццини Д.
- Островский (Ostrowski) Кристиан Иосиф, граф (1810—1882), польск. писатель, участник революции 1830—1831 гг. — 56, 57
- Остромирово евангелие — 26, 27
- Оуэн (Овен, Owen) Роберт (1771—1858), англ. социалист-утопист — 336, 510
- Офелия — действующее лицо в трагедии «Гамлет» В. Шекспира (см.)
- Павел (библ.) — 375, 524
- Павлов Николай Филиппович (1805—1864), писатель и журналист — 160, 238, 375, 386, 388, 443, 524
- Паллада — см. Афина Паллада
- Пальмье (Palmier), санитарный инспектор парижской префектуры — 53, 54, 58—60, 64, 65, 175, 178, 179, 187, 276, 419, 450, 454, 458, 495
- Панин Виктор Никитич, граф, (1801—1874), министр юстиции с 1841 по 1862 г. — 177, 182, 448
- Панин Петр Иванович, граф (1721—1789), генерал-аншеф; участвовал в войнах с Турцией и Швецией и в Семилетней войне (1756—1763); руководил подавлением пугачевского восстания — 26, 27
- Панкрат, фореитор у Л.А. Яковлева — 267
- Паскевич Иван Федорович, князь (1782—1856), генерал-фельдмаршал, командовал русскими войсками, подавившими польское восстание 1830—1831 гг. и венгерскую революцию 1849 г.; наместник Царства Польского с 1831 г. — 56, 57
- Пачелли (Pacelli) (ум. в 1852 г.), жена итал. музыканта, учителя Саши Гердена в Ницце—279, 539
- Пеласгий, богослов IV в., проповедовавший учение о свободе человеческой воли, осужденное несколькими церковными соборами — 31, 32
- Пенелопа, действ. лицо «Одиссеи» Гомера (см.)
- Персигни (Persigny) Жан Жильбер Виктор, герцог (1808—1872), министр внутренних дел Франции в 1852—1854 гг. и в 1860—1863 гг., посол в Лондоне в 1855—1860 гг. — 39, 40, 415

- Пестель Павел Иванович (1793—1826), декабрист — 203, 204, 464
- Петер., Петерс., Петерсон — см. Гауг Э.
- Петр I Великий (1672—1725), император — 46, 48, 107, 110, 127, 130, 324, 417
- Петрарка Франческо (1304—1374); — Сонет 229-й — 319, 506
- Петрашевский (Буташевич-Петрашевский) Михаил Васильевич (1821—1866) социалист-утопист, руководитель политического кружка; в 1849 г. арестован и приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой — 203, 204
- Петруша — см. Захарьин П. А.
- Пий (Pie) IX (1792—1878), римский папа с 1846 г. — 265, 279, 487, 492
- Пиль (Peel) Роберт (1788—1850), англ. государственный деятель, консерватор, премьер-министр в 1841—1846 гг.; один из основоположников английской фритредерской политики, провел закон об отмене хлебных пошлин в 1846 г. — 118, 120, 433
- Пименов Дмитрий Иванович, литератор, переводчик, начальник Шереметевского странноприимного дома — 214, 472
- Пинто (Pinto) Микель-Анджело (1818—1871), итал. историк и журналист, дипломат — 146—151, 438, 439
- Плутон (миф.) — 58, 59
- Подарестович — см. Энгельсон В. А.
- Поза де, маркиз, действующее лицо в трагедии «Дон Карлос, инфант испанский» Ф. Шиллера (см.)
- Полесник Абрам, псарь И. А. Яковлева — 370
- Полковник — см. Энгельсон В. А.
- Прасковья Андреевна — см. Эрн П. А.
- Прасковья Матвеевна — 261
- «Пресса» — см. «La Presse»
- Прессе (Presset) Анри Бенжамен (ум. в 1859 г.), нотариус г. Мора в Швейцарии, депутат Национального совета в 1851—1854 гг. — 337, 338, 363, 366, 384, 386, 389, 511, 521, 541
- Прозерпина (миф.) — 58, 59
- Прометей (миф.) — 279
- Прудон (Proudhon) Пьер Жозеф (1809—1865) — 11, 12, 17, 18, 22, 23, 28, 35, 37, 39—42, 126, 129, 201, 205, 216—222, 238, 259, 260, 292, 306, 310, 313, 315, 321, 324—336, 338—340, 344, 346, 350, 352, 354, 367, 373, 378, 383, 401, 402, 409, 411—413, 415, 416, 431, 435, 464, 475, 485, 486, 502, 503, 507—512, 514, 515, 521, 522, 524, 527, 541, 542
- «Les confessions d'un révolutionnaire» («Исповедь революционера») — 23, 24, 26, 27, 201, 411, 462
- «Idée générale de la Révolution au XIXe siècle» («Общее представление о революции в XIX веке») — 201, 462
- «Justice» («Справедливость») — 201
- «Philosophie du 10 mars. Monarchie ou république» («Философия 10 марта. Монархия или республика») — 216, 218, 475
- Прудонс-Масальский Петр Иванович — см. Прудон П. Ж.
- Пугачев Емельян Иванович (1742—1775) — 26, 27, 141, 143
- Пульская Тереза Вальдер (1819—1866), венг. писательница, жена Ф. Пульского — 29, 30
- Пульский (Pulszki) Ференц Аврелий (1814—1897), венг. писатель и политический деятель — 29, 30
- Пульц (Pulz), свидетель, подписавший протест векселя Э. Гервег — 390, 391
- Пушонька — см. Энгельсон А. Х.
- Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — 21, 25—27, 69, 70, 186, 283, 287, 341, 412, 422, 473, 483, 484, 489, 496, 507, 512
- «Борис Годунов» — 62, 241, 483
- «Город пышный, город бедный...» — 271, 489
- «Граф Нулин» — 322, 507;
- Наталья Павловна — 322, 507
- «История Пугачева» — 26, 27, 412; Пугачев — 26, 27
- «Па генерала Киселева...» — 341
- «Нет ни в чем вам благодати...» — 287, 496

- «Орлову» — 341, 512
 — «Шиковая дама» — 186
 — «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» — 215, 227, 473
 — «Цыганы» — 245, 253, 484;
 старый цыган — 245, 253;
 Алеко — 245, 253
- Расин (Racine) Жан Батист (1639—1699), франц. драматург
 — «Федра» («Phèdre») — 22, 24, 427, 434; Федра — 22, 24; Терамен — 123, 124, 427, 434; Тезей — 123, 124, 434; Ипполит — 123, 124, 434
- Рашель (Rachel) Элиза (1821—1858), франц. актриса — 22, 24, 25, 58, 59, 420
- Редлих, владелец банковской конторы в Москве — 160
- Резен, (Raisin) Пьер (1820—1870), адвокат, депутат швейцарск. Большого совета, президент адм. совета Женевы — 363, 366
- Рейхель Адольф (1817—1896), нем. музыкант и композитор, знакомый Герцена, муж М. К. Рейхель — 49, 50, 58, 59, 62, 72, 76, 77, 87, 89, 91—93, 98, 99, 104, 105, 175, 194, 201, 202, 205, 209, 212, 214, 215, 223, 226, 228—231, 236, 240, 262, 265, 268, 271—276, 280, 282, 283, 286, 292, 295, 300—302, 307, 315—317, 320, 321, 327, 333, 336, 343, 344, 346—349, 353—357, 359, 360, 367—372, 374, 378, 385, 388, 403, 426, 427, 429, 439, 447, 457, 472, 476, 479, 482, 490, 493, 505, 514, 515, 523
- Рейхель Александр Николай (Сапша) (1851—1852), сын Рейхелей — 202, 209, 214, 223, 229, 240, 264, 265, 269, 270, 280, 282, 301, 347, 357, 358, 360, 449, 462, 465, 470, 472, 476, 478, 508, 519, 523
- Рейхель Маурикий (Мориц), сын А. Рейхеля от первого брака — 73, 104, 105, 194, 264, 277, 280, 282, 301, 306, 347, 348, 357, 359, 370—373, 378, 429, 465, 508
- Рейхель Мария Каспаровна, урожденная Эрн (1823—1916), жена А. Рейхеля, близкий друг семьи Герцена — 11, 13, 15, 19, 20, 25, 56, 57, 62, 71—73, 102, 135, 136, 151, 152, 156, 165—168, 173—177, 180—182, 189, 191, 192, 194, 201, 202, 204, 208—215, 223—231, 234—242, 249, 257, 260—295, 299—303, 305—307, 310, 313—317, 320—324, 327, 333, 336, 340—349, 353—360, 366—378, 384, 392, 401, 403, 404, 408, 410, 420—423, 429, 431, 436, 439, 441—443, 446—449, 451, 456—459, 462—464, 467—483, 485—498, 500—505, 507—515, 517—527, 529, 536—539, 541, 543
- Рейхенбах (Reichenbach) Оскар, граф (1815—1893), нем. политический деятель, депутат Франкфуртского национального собрания в 1848—1849 гг., с 1850 г. был в эмиграции в Англии, затем в Америке — 337, 339, 343
- Ришелье (Richelieu) Луи Франсуа Арман де Винеро Дюплесси, герцог де (1696—1788), маршал Франции, двоюродный внук кардинала Ришелье — 265
- Робеспьер (Robespierre) Максимилиан Мари Изидор (1758—1794), франц. революционер, глава якобинской диктатуры в 1793—1794 гг. — 133, 134, 436
- Робинзон — см. «Робинзон Крузо» Д. Дефо
- Роде, франц. шпион, следивший за Г. и Э. Герверг — 79, 81—83, 424
- Рокка Мария, жена П. Рокка — 280, 450
- Рокка (Росса) Паскуале, повар, служивший у Герцена в Ницце в 1851—1852 гг. — 177, 178, 191, 196, 282, 293, 450
- Роман (Romand) Ипполит. франц. драматург
 — «Le Bourgeois de Gand ou le Secrétaire du duc d'Albe» («Гражданин из Гента, или Секретарь герцога Альбы») — 261, 486
- Ротчев Александр Гаврилович (1813—1873), поэт и переводчик; путешествуя по Европе, Азии, Африке и Америке, печатал путевые заметки в петербургских газетах и журналах — 361, 364, 369, 370, 374, 520
- Ротшильд (Rothschild) Джеймс, барон (1792—1868), парижский банкир — 8, 9, 14—18, 20, 21, 23, 25, 27, 29—33, 35—39, 55, 57, 62, 66, 67, 69, 70, 73, 74, 76, 77, 79, 81, 85—87, 89, 91, 92,

- 102, 103, 117, 119, 149, 150, 152, 175, 189, 201, 214, 215, 229, 274, 323, 336, 337, 339, 353, 369, 375, 377, 378, 383, 407, 413, 416, 425, 426, 429, 439, 474, 511, 515, 516, 536—539, 541
- Ротшильд Лионель, барон (1808—1879), лондонский банкир — 189
- Ротшильд Соломон (1774—1855), венский банкир, затем вместе с братом Джеймсом руководил банковским домом в Париже — 8, 9, 201
- Руайе (Royer) Альфонс (1803—1875), франц. драматург, соавтор Анисе-Буржуа (см.) и Ш. Наррея (см.) по водевилю «Игра любви и хлыста»
- Руге (Ruge) Арнольд (1802—1880), нем. публицист и политический деятель, «левый гегельянец», член Франкфуртского парламента в 1848—1849 гг., в 1849 г. эмигрировал в Лондон, где был одним из создателей «Европейского демократического комитета», а затем вышел из него — 22, 23, 139, 142, 342—344, 346, 513, 514
- Ружмон (Ружемон, Rougemont), владелец банковской конторы в Париже — 61, 73
- Руссо (Rousseau) Жан Жак (1712—1778) — 201
- Руфенахт А. Е., владелец женеvской гостиницы — 79, 81
- Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) — 24, 25, 419, 444, 452, 464
- «Ах, где те острова» — 161, 444
- «Стансы» — 24, 25, 50, 51, 183, 419, 452
- Сабуров Алексей Иванович, генерал-майор, инспектор гвардейского кавалерийского корпуса, был женат на Е. М. Сатиной, сестре Н. М. Сатина — 236, 481
- Савелий, староста в имении И. А. Яковлева — 345
- Сазонов Николай Иванович (1815—1862), член студенческого кружка Герцена и Огарева в Москве, впоследствии эмигрант, публицист — 46, 48, 128, 130, 192, 193, 200, 205, 214, 231—236, 238, 239, 248, 256, 257, 261, 269, 271, 275, 287, 291, 394, 435, 457, 480—482, 490, 517, 537, 538, 540—541
- Салдин <?> — 287
- Сальвотти (Salvotti) Антонио (1789—1866), с 1822 г. советник трибунала в Милане, с 1846 г. вице-президент апелляционного суда в Инсбруке — 105, 106, 430
- Санд — см. Жорж Санд
- Сардананал, легендарный ассирийский царь — 289
- Сарто (Sarto) Андреа дель (1486—1531), итал. живописец — 28, 29
- Сатин Николай Михайлович (1814—1873), поэт и переводчик, член студенческого кружка Герцена — 84, 140, 143, 160, 180, 238, 268, 276, 316, 317, 375, 386, 388, 408, 415, 418, 425, 437, 443, 481, 491, 524, 526
- Саффи (Saffi) Аурелио (Марк Аврелий) (1819—1890), итал. революционер, после падения Римской республики жил в эмиграции в Швейцарии и в Англии — 306, 343, 513, 514
- Саша — см. Герцен А. А.
- Саша — см. Рейхель А.-Н.
- Сезарина, горничная в доме Герцена — 341, 342
- Селиванов Илья Васильевич (1810—1882), писатель, помещик Пензенской губернии, в 1850 г. был арестован по подозрению в неблагонадежности — 49, 50, 140, 143, 418, 437, 443
- Семеныч — см. Николай I
- Сен-Пьер (Saint-Pierre) Жак Анри Бернарден де (1737—1814), франц. писатель — 105, 106
- Сервантес де Сааведра (Cervantes de Saavedra) Мигель (1547—1616) — 199
- «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский»; Дон Кихот — 199
- Сергей Иванович — см. Астраков С. И.
- Симеон Столпник (356—459), христианский аскет — 127, 130
- Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879), историк, профессор по кафедре русской истории Московского университета в 1847—1877 гг. — 121, 444

- Станкевич Александр Владимирович (1821—1912), беллетрист, биограф Т. Н. Грановского — 224, 237, 239, 261, 262, 304, 315, 320, 321, 324, 336, 340, 344, 345, 347, 355, 367, 369, 372, 376, 378, 486, 505, 524, 529
- Станкевич Елена Константиновна (1825—1904), жена А. В. Станкевича — 224, 237, 239, 261, 262, 320, 324, 336, 347, 353, 357, 367, 376, 378, 486, 505, 524, 529
- Струве Густав (1805—1870), нем. политический деятель, один из руководителей восстания в Бадене в 1848—1849 гг.; после поражения революции эмигрировал в Швейцарию, а затем в США — 127, 130, 289
- Сумароков Александр Петрович (1718—1777), поэт и драматург — 340
- Суццер Луиза — см. Цабель Л.
- Суццер Маргарита (род. в 1797 г.), сестра Л. И. Гааг — 384, 472, 475, 477
- Сю (Sue) Эжен (1804—1857), франц. романист — 22, 24, 411, 414
- Сю (Sue), владелец дома в Ницце, в котором с августа 1850 г. по октябрь 1851 г. жил Герцен — 114, 115, 117, 119, 131, 132, 147, 148, 158, 159, 164, 209, 279, 280, 432, 492, 493
- «Таймс» — см. «The Times»
- Тальма (Talma) Франсуа Жозеф (1763—1826), франц. актер-трагик — 279
- Тардиф де Мелло (Tardif de Mello) Ахилл, франц. литератор и переводчик, приятель Н. И. Сазонова (см.) — 79, 81, 424
- Тата — см. Герцен Н. А. (дочь)
- Татьяна Алексеевна — см. Астрова Т. А.
- Тесье дю Мотэ (Tessié du Motay) Мари Эдмон, франц. химик, участник революции 1848 г., в 1849—1852 гг. жил в эмиграции, в 1852 г. учитель Саши Герцена — 277, 279, 282—285, 287, 292—294, 300, 302, 303, 306, 308, 309, 312, 315—317, 323, 328, 334, 348, 361, 362, 364, 365, 369, 373—375, 377, 385, 388, 395, 396, 495, 500—505, 508, 510, 520, 521, 532, 542
- Тесье дю Мотэ, жена предыдущего — 277, 279, 282, 285, 303, 306, 369, 374, 495, 503, 509, 524
- Тийе (Thillier), франц. актриса — 28, 30
- Томсон, англичанин, находившийся в Швейцарии в 1852 г. — 368
- Томсон (Thomson) Джеймс (1700—1748), англ. поэт — «Rule Britannia» («Правь, Британия») — 55, 56, 419
- Труаэзф Элиза, горничная в доме Герцена в Париже — 49, 53, 58, 60, 73, 123, 124, 176, 451
- Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — 11, 13—15, 17, 18, 20—22, 24, 26—29, 347, 408, 409, 411, 515, 516, 524
- «Записки охотника» — 43, 44
- Турт (Tourte) Абрагам-Луи (1818—1863), швейцарский политический деятель, депутат Союзного собрания, в 1851—1852 гг. и 1855—1860 гг. государственный советник, в 50-х годах правительственный комиссар по высылке эмигрантов — 318, 319, 363, 366
- Тучков Алексей Алексеевич (1800—1878), член Союза Благочестия, предводитель дворянства Инсарского уезда Пензенской губ., отец Н. А. Тучковой, в 1850 г. был арестован по обвинению в неблагонадежности — 84, 140, 143, 408, 418, 425, 437, 443, 444
- Тучкова-Огарева Наталья Алексеевна (1829—1913) — 21, 84, 166, 236, 300, 315, 357, 358, 360, 363, 366, 376, 377, 402, 425, 443, 451, 474, 481, 490, 491, 494, 500, 507, 519, 521, 525—527, 538, 542
- Тьер (Thiers) Луи Адольф (1797—1877), франц. политический деятель и историк, депутат Учредительного (1848) и Законодательного (1849—1851) собраний; впоследствии (1871) руководил подавлением Парижской Коммуны — 26, 27, 45, 48
- Тюрго (Turgot) Луи Феликс Этьен, маркиз (1796—1866), франц. дипломат, министр иностранных дел

- Франции с декабря 1851 до июля 1852 г. — 272, 273, 538
- Фабий Максим (Fabius Maximus), Квинт, Кунктатор (ум. в 203 г. до н. э.), римский государственный деятель и полководец — 338, 339, 512
- Фази (Fazy) Жан Жак (Джеме) (1796—1878), швейцарский публицист и политический деятель, в 1847—1861 гг. фактический руководитель совета Женевского кантона — 108, 111, 118, 120, 133, 134, 158, 159, 284, 289, 292, 303, 305, 318, 319, 363, 401, 404, 416, 431, 433, 436, 442, 536
- Фальмерайер (Fallmerayer) Якоб Филипп (1790—1861), нем. историк и путешественник — 105—107, 109, 118, 120, 131, 132, 430, 431
— «Fragmente aus dem Orient» («Отрывки о Востоке») — 105—107, 109, 110, 131, 132, 430
- Фанер, домовладелец в Люцерне — 306
- Фейербах Людвиг Андреас (1804—1872), нем. философ-материалист — 22, 23, 268
- Фемида (миф.) — 55, 57
- Фердинанд Филипп Луи Шарль Анри, герцог Орлеанский (1810—1842), старший сын Луи-Филиппа (см.), в годы Реставрации носил титул герцога Шартрского — 123, 124, 434
- Ферреро делла Мармора (Ferrero della Marmora) Оттавио, адвокат, занимал пост главного интенданта (градоначальника) г. Ниццы с декабря 1851 до июля 1856 г. и затем с октября 1858 до января 1860 г. — 273, 490, 536
- Фивег, парижский книготорговец — 197
- Флокон (Flocon) Фердинан (1800—1866), франц. публицист и политический деятель, редактор газеты «La Réforme» в 1845—1848 гг., член Временного правительства; после переворота 2 декабря 1851 г. был выслан из Франции и жил в Швейцарии — 17, 18
- Фогель, домовладелец в Цюрихе, у которого жил Герцен — 112, 113, 431
- Фогт (Фохт, Vogt) Карл (1817—1895), нем. естествоиспытатель, участник революции 1848 г. эмигрировал в Швейцарию, с 1852 г. профессор Женевского университета — 38, 39, 118, 120, 156, 157, 169, 170, 177, 180, 181, 197, 226, 266, 271, 281, 292—294, 303, 306, 308, 310, 312, 314—318, 337—340, 361—366, 382, 384, 385, 387, 388, 401, 404, 433, 436, 441, 442, 450, 451, 487, 493, 498, 501, 504, 506, 511, 512, 520, 521, 530, 539, 541
- Фогт Луиза, урожд. Фоллен (1799 — ум. после 1864), жена Ф. В. Фогта — 212
- Фогт (Vogt) Филипп Вильгельм (1789—1861), профессор медицины, отец К. Фогта — 212
- Фок, Фока — см. Фогт К.
- Фома (библ.) — 239
- Фомм Мария (Марихен), бонна у детей Герцена в 1852—1854 гг.; дочь Гаспарини (см.) — 294, 324, 337, 341, 358, 359, 368, 373, 498
- Фоме (Faucher) Леон (1803—1854), франц. экономист и политический деятель, министр внутренних дел Франции с 10 апреля по 3 декабря 1851 г. — 170, 448, 536
- Франк (Franck) Альберт, парижский издатель и книготорговец — 168, 169, 184, 189, 197, 201, 203—205, 223, 227, 344—346, 363, 365, 446, 461, 465, 516
- Франсуа, итальянец, повар в семье Герцена — 196, 282, 291, 359, 368, 471
- Фраполли (Frapolli) Лодовико (1815—1878), итал. революционер, участник революции 1848 г. в Париже, полковник революционной армии в Милане, сподвижник Гарибальди и Маццини — 294
- Фрöбель (Fröbel) Юлий (1805—1893), нем. ученый и публицист; в 1848 г. избран в Национальное собрание Австрии; в 1849 г. эмигрировал в Америку, издавал в Нью-Йорке газету, в Сан-Франциско журнал; в 1857 г. вернулся в Европу — 68, 70, 74, 422

Фридрих-Август II (1797—1854), саксонский король с 1836 г.— 121, 122, 433

Фридрих II (1712—1786), прусский король с 1740 г.— 337, 339

Фролова Аксинья Ивановна, мать Н. А. Герцен, бывшая крепостная А. А. Яковлева—160, 238, 240, 482, 497

Хауеншильд (Hauenschild) Рихард Георг Шпиллер фон (1825—1855), нем. поэт и романист, писавший под псевдонимом Макс Вальдау — 38, 39, 105, 106

Хованская Мария Алексеевна, («княгиня»), урожденная Яковлева (1755—1847), тетка Герцена, в ее доме воспитывалась Н. А. Герцен — 359, 360, 519, 520

Ховрина Мария Дмитриевна (1801—1877), хозяйка московского литературного салона 40-х годов — 347

Хоецкая Мари (род. в 1846—1847), дочь К.- Э. Хоецкого (см.) — 229, 237—239, 259, 260, 373, 378, 462, 478, 481, 482, 485, 486, 527

Хоецкий (Chojewski) Карл Эдмунд (литературный псевдоним Charles Edmond, Шарль Эдмон) (1822—1899), польск. эмигрант, с 1844 г. поселился во Франции, литератор и публицист, принимал участие в издании газет Прудона; после 1855 г. стал личным секретарем принца Наполеона — 20, 21, 40—42, 46, 48, 90, 91, 94, 95, 112, 113, 196, 203, 204, 229, 237, 238, 241, 259, 260, 262, 267, 278, 292, 293, 301, 307, 315, 318, 330, 336, 360—362, 364, 365, 367, 368, 370, 372—375, 377, 378, 385, 388, 396, 415, 416, 418, 427, 464, 466, 478, 482, 485, 486, 497, 507, 509, 520, 521, 523, 524, 541, 543

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), поэт и публицист славянофильского лагеря — 126, 129, 435

Христос Иисус (библ.) — 29, 30, 173, 216, 218, 220, 222, 267

Цабель (Zabel) (до замужества — Суццер) Луиза, племянница

Й. И. Гаар — 177, 178, 202, 204, 209, 212, 291, 465, 467, 470—472, 475, 477

Цезарь Гай Юлий (100—44 до н. э.) — 64, 65, 503

Ценкер, владелец банкирской конторы в Москве — 160

Чернуски (Cernuschi) Энрико (1821—1896), итал. политич. деятель, участник революции 1848—1849 гг.— 46, 48, 418

Чумиков Александр Александрович (1819—1902), педагог и литератор, находившийся в нелегальной переписке с Герценом — 197—201, 206, 207, 393, 459—462, 466

— «Politique intérieure du Tzar» («Внутренняя политика царя») — 393, 466

Шаллер (Schaller) Юлиан (1817—1871), швейцарский политический деятель, государственный советник Фрибурского кантона — 179, 231, 292, 303, 305, 315—317, 384, 385, 387, 388, 442

Шангарнье (Changarnier) Николя Анн Теодоль (1793—1877), франц. генерал и политический деятель, член Учредительного собрания в 1848 г., с июля 1848 г. по январь 1851 г. командовал парижской национальной гвардией — 161, 163

Шатобриан (Chateaubriand) Франсуа Рене (1768—1848), франц. писатель и политический деятель — 178, 450

Шварценберг Феликс, князь (1800—1852), министр-президент Австрии с ноября 1848 г.— 140, 143, 437

Шекспир Вильям (1564—1616) — «Гамлет»; Гамлет — 245, 253, 276, 348, 355, 485, 514, 515, 518

Офелия — 175

Гертруда — 245, 253, 348, 515

Фортинбрас — 348, 515

— «Король Лир»; Лир — 200

Кент — 200

Шеллинг (Schelling) Фридрих Вильгельм Иозеф (1775—1854), нем. философ — 85

Шибель (Schibel) Георг (1807—1900), директор цюрихского училища для глухонемых и слепых в 1832—1892 гг. — 12, 13, 55, 57, 114 115

Шидер — 190

Шиллер Иоган Фридрих (1759—1805)

— «Дон Карлос, инфант испанский»; Маркиз де Поза — 28, 29
— «Лагерь Валленштейна» — 63, 65, 421; священник — 63, 65
— «Торжество победителя» — 276, 491

Шомбург, служащий в банке Д. Ротшильда — 49, 50, 54, 55, 71, 72, 79, 81, 86, 87, 89, 97, 98, 152, 215, 226, 237, 238, 274, 283, 292, 323, 336, 344, 346, 347, 349, 350, 368, 424, 428, 439, 474, 537

Шомшильд — см. Шомбург

Шпильтман Иоганн (ок. 1826—1851), учитель и гувернер Коли, сына Герцена — 165, 177, 178, 185, 202—204, 208, 210—213, 216, 218, 220, 221, 227, 241, 327, 332, 333, 358, 392, 393, 452, 462, 463, 467, 470, 471, 473, 519, 537

Шультегс (Schulthess) Генрих (1813—1898) — цюрихский банкир и меценат — 533, 534, 536

Шультегс (Schulthess) Фридрих (1804—1869), цюрихский издатель и книготорговец — 168 169, 447

Эдмон, Эдмонд, Эдмунд, Edmond — см. Хоецкий К.-Э.

Элиза — см. Труазёф Э.

Эмма — см. Герверг Э.

Энгельсон Владимир Аристович («полковник») (1821—1857), публицист, эмигрант с 1850 г. — 171, 172, 174, 175, 177, 179—181, 185—190, 192—194, 196, 197, 224, 231, 235, 237, 238, 240, 242, 248, 250, 257, 258, 262, 268—270, 277, 282, 287, 291, 292, 294, 308, 312, 316, 317, 322, 358, 359, 361, 364, 370, 371, 373, 375, 385, 387, 388, 393—395, 446, 448—450, 456, 457, 459, 464, 466, 478—480, 482,

483, 487, 490, 500—502, 504, 511, 519, 520, 522, 531, 539—543 — «Петрашевский» — 203, 204, 206, 207, 393, 464, 466

Энгельсон Александра Христиановна («Пупонька»), жена В. А. Энгельсона — 170, 171, 173, 175, 177, 178, 181, 186—188, 190, 196, 197, 275—278, 281, 283, 284, 299, 300, 359, 368, 381, 449, 487, 490, 519

Эрн — см. Рейхель М. К.

Эрн Прасковья Андреевна (ум. в 1849 г.), мать М. К. Рейхель и Г. К. Эрна — 224

Эрист — см. Гауг Э.

Эшер (Escher) Альфред (1819—1882), швейц. юрист и политич. деятель, глава правительства Цюрихского кантона в 1848—1855 гг. и президент Национального совета в 1849—1852 гг. — 533, 534

Юлия — см. Жюли

Юлия Богдановна — см. Мюльгаузен Ю. Б.

Якоби (Jakoby) Иоганн (1805—1877), нем. политический деятель и публицист, в 1848—1849 гг. один из руководителей левой фракции прусского Национального собрания — 25, 34, 36, 164, 414

Яковлев Александр Алексеевич (1762—1825), дядя Герцена и отец Н. А. Герцен — 359

Яковлев Алексей Александрович (1795—1868), двоюродный брат Герцена и брат (по отцу) Н. А. Герцен — 373

Яковлев Василий (ум. в 1831), староста в с. Покровское-Засекино — 345

Яковлев Иван Алексеевич (1767—1846), отец Герцена — 275, 359, 384, 387, 407, 470, 496, 522, 532

Яковлев Лев Алексеевич (1764—1839), сенатор, дядя Герцена — 267

«Allgemeine Zeitung» («Аугсбургская газета», «Всеобщая газета»), ежедневная газета, выходившая с 1798 г., в 1810—1882 гг. издавалась в Аугсбурге — 118, 120, 433

«L'Assemblée Nationale», франц. реакционная газета, издававшаяся в Париже с 1848 по 1857 г. с перерывами под редакцией А. де Лавалет — 45, 47

«L'Avènement du Peuple», франц. политическая газета, руководимая В. Гюго, издавалась с июня 1851 г. вместо приостановленной «L'Événement» (см.); закрыта после государственного переворота 2 декабря 1851 г. — 201, 202, 462—465, 467

«Avenir» — см. «L'Avenir de Nice»
«L'Avenir de Nice», ницкая газета — 201, 489, 490, 501, 502, 505, 510

Avigdor — см. Авигдор Ю.

«Blätter für Literarische Unterhaltung», нем. газета, издававшаяся Брокгаузом в Лейпциге с июля 1826 г. по декабрь 1898 г. — 38, 39, 415

Brouker Elise — 84

Brüning — см. Брунинг

Charles Edmond — см. К. Э. Хоецкий

Compardou, доктор — 277, 495

Cousin, держательница отеля «Mirabeau» в Париже, в котором Герцен жил в 1850 г. — 172, 174

«Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben» («Немецкий ежемесячный журнал политики, науки, искусства и жизни»), нем. журнал, издававшийся А. Колачеком в Штутгарте в 1850—1851 гг. — 29, 30, 105, 106, 108, 110, 121, 122, 126, 129, 140, 142, 143, 161—163, 166—170, 183, 198, 413, 416, 430, 431, 433, 444—447, 461

Edmond — см. К. Э. Хоецкий
Engelson — см. В. А. и А. Х. Энгельсон

«L'Événement», франц. ежедневная политическая газета, основанная В. Гюго в 1848 г.; за выступление против смертной казни была приостановлена в 1851 г. и стала выходить под названием «L'Avènement du Peuple» (см.) — 201, 202, 464

«Gasette des tribunaux», консервативная газета, издававшаяся в Париже с 1828 г. — 378

Gasparini — см. Гаспарини

«Gazzetta piemontese», итал. газета, издававшаяся в Турине с 1797 г. с большими перерывами и в 1848—1859 гг. — 182, 451

«Die Grenzboten», нем. журнал политики, литературы и искусства, издававшийся в Лейпциге с 1841 по 1922 г. — 381

«Hallische Jahrbücher für deutsche Wissenschaft und Kunst» («Галльский ежегодник по вопросам немецкой науки и искусства»), литературно-философский журнал младогегельянцев, издававшийся в виде ежедневных листов в Лейпциге с января 1838 по июнь 1841 г.; с июля 1841 по январь 1843 г. под названием «Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst» («Немецкий ежегодник по вопросам науки и искусства»); одним из редакторов журнала был А. Руге — 139, 142

Haug — см. Гауг Э.

Haxthausen — см. Гакстраузен А.

Hott (?) — 201

Humbert — 202

Jean, житель Ниццы — 280

«L'Indépendance belge», ежедневная политическая и литературная газета, издававшаяся в Брюсселе с 1831 по 1940 г. — 45, 47, 56, 57

«Italia e Popolo», итал. газета, основанная Маццини в 1848 г., до 1851 г. издавалась в Милане под названием «Italia del Popolo»; в 1851—1857 гг. издавалась в Генуе — 305, 431, 501, 503
«Der Kosmos», газета, издававшаяся в Лондоне на нем. языке в 1850-х годах Э. Гаугом и Г. Кинкелем — 183, 453

«The Leader», лондонская еженедельная газета, издававшаяся с марта 1850 по 1860 г. — 7, 8, 338, 340, 406, 520

Lemoine, парижская знакомая Герцена, вела переговоры о возвращении К.-Э. Хоецкому его дочери Мари — 229, 238, 241

«La Liberté de penser», франц. журнал, издававшийся в Париже в 1848—1851 гг. — 184, 206, 207, 465, 466

«Ligue des Peuples», франц. газета — 46, 48

«Lloyden», венская реакционная газета — 22, 23, 56, 57, 411

Michelet J. — см. Мишле Ж.
«Moniteur du Soir», франц. газета — 93, 94

Montalembert Marc-René — см. Монталамбер М.-Р.

Moritz — см. Рейхель Мориз
Moture, кухарка в доме Герцена — 362, 365, 372

Natalie — см. Герцен Н. А. (жена и дочь) и Тучкова-Огарева П. А.
«La Nation», газета, издававшаяся в Брюсселе с 1848 г. — 338, 340, 519

«Le National», франц. буржуазная политическая газета, основанная в Париже Тьером, Минье и др. в январе 1830 г.; на президентских выборах 1851 г. защищала кандидатуру генерала Кавеньяка; закрыта после переворота 2 декабря 1851 г. — 9—12, 17, 18, 45, 48, 465, 489

«Neue Zürcher Zeitung», цюрихская газета — 309, 313, 502, 503, 510

«Le Nouveau Monde. Journal historique et politique», франц. газета, издававшаяся Луи Бланом с июля 1849 до марта 1851 г. — 140, 142

«L'Opinione», итал. ежедневная газета, издававшаяся в Турине — 180

Pacelli — см. Пачелли

Palmier — см. Пальмье

«Le Peuple de 1850», франц. газета, издававшаяся П. Ж. Прудонном в Париже в 1850 г. — 126, 129

Pie IX — см. Пий IX

Pragen — 153, 440

Préault Antoine Augustin (1809—1879), франц. скульптор, автор проекта памятника матери и сыну Герцена 241, 468, 476

«La Presse», парижская газета, основанная Э. Жиранденом, выходила с 1836 по 1866 г. — 45, 48, 177, 178, 212, 228, 409, 470

«Il Progresso», итал. газета, издававшаяся в Турине в 1850—1851 гг. — 180, 451

«Le Proscrit. Journal de la république universelle», газета, издававшаяся Центральным европейским демократическим комитетом в Париже и Лондоне в 1850 г.; редакторы Д. Маццини, Ш. Рибейроль, Ш. Делеклюз, Э. Араго и др. — 139, 141, 435

«La République», франц. политическая газета, издававшаяся в Париже в 1848—1851 гг. Эженом Барестом — 190, 454, 455, 465

Rothschild — см. Д. Ротшильд

Tessié du Motay — см. Тесье дю Мотэ

«The Times», англ. ежедневная газета консервативного направления, издающаяся в Лондоне с 1785 г. — 338, 340, 341, 362, 365

«Univers», франц. религиозная га-

зета, издававшаяся в 1836—1861
гг. под редакцией Луи Вейо —
190, 454, 455

Valerio — см. Валерио Л.

Visconti — см. Висконти

•La Voix du Peuple», франц. газе-

та, издававшаяся в Париже Э.
Жиранденом с 1 октября 1849
по 14 мая 1850 г.; редактор
П. Ж. Прудон—7—9, 17, 18,
25, 27, 45, 47, 349, 350, 401, 406,
409, 411—413, 415—418, 431,
435, 486

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ

(Цифрами обозначены номера писем)

- Астраковой Т. А. — 41, 81, 87, 247
Астракову С. И. — 81, 87, 247
Вагнеру Р. — 198
Вилле Ф. — 201
Гааг Л. И. — 6, 28, 32, 34, 37, 45, 53, 54
Гаугу Э. — 160
Герверг Э. — 26, 29, 35, 40, 44, 47, 77, 79, 82
Гервергу Г. — 2—6, 8—14, 16—25, 27, 30—32, 36, 38, 39, 42, 43, 46, 48—52, 55—69, 77, 78, 80
Герцен Н. А. — 90—94, 97, 98, 100, 102—105, 111, 113, 114, 117, 130
Герцен Тате — 96, 106, 107, 109, 110, 120, 121, 179, 184—186, 188, 191, 196, 206, 216, 219, 222, 232, 233, 243, 249
Герцену Коле — 126
Герцену Саше — 95, 101, 105, 107, 108, 112, 116, 118, 119, 210
Главному интенданту Ниццы — см. Ферреро делла Мармора О.
Гофштеттеру А. — 203
Гриву А. И. — 72
Каппу К. — 86
Колачеку А. — 85, 88, 89
Линтону В. — 1
Машини Д. — 70
Мишле Ж. — 127, 129, 133, 142, 205, 211
Московским друзьям — 84, 99, 212
Мюллеру-Стрибингу Г. — 229
Огареву Н. П. — 164
Орлову А. Ф. — 71
Пинто М.-А. — 73, 74
Президенту Цюрихского кантона — см. Эшеру А.
Прудону П.-Ж. — 140, 161, 217
Рейхель М. К. — 75, 76, 115, 124, 125, 128, 131, 132, 134—139, 141, 143—149, 151—159, 162, 163, 165—172, 177, 178, 180—183, 187, 189—195, 197, 199, 200, 202, 204, 207, 208, 213—215, 218, 221, 225—228, 230—232, 234—237, 239—242, 244—246, 248; см. также Эрн М. К.
Рейхелю А. — 149, 173, 174, 176, 189, 209, 225, 227, 228
Руге А. — 223
Русскому консулу в Ницце — см. Гриву А. И.
Сазонову Н. И. — 150
Саффи А. — 224
Фази Д. — 83
Ферреро делла Мармора О. — 175
Фогту К. — 220, 238
Чумикову А. А. — 122, 123
Эрн М. К. — 7, 28, 32—34, 53; см. также Рейхель М. К.
Эшеру А. — 69 а
Якоби И. — 15

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

А. И. Герцен с дочерью Татой. Дагерротип начала 1850-х годов. Центральный государственный архив литературы и искусства СССР. Москва.	4
Письмо к московским друзьям от 19—20 июня 1851 г. Первая и последняя страницы (автограф Герцена). Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Москва.	184
Список лиц, прибывших в Дувр 24 августа 1852 г. Страница из журнала регистрации иностранных пассажиров. Библиотека Public Record Office. London.	320
Письмо к К. Фогту от 21 ноября 1852 г. Первая страница (автограф Герцена). Bibliothèque publique et universitaire. Genève. . . .	360
Титульный лист первого издания брошюры «Русский народ и социализм» и лист с дарственной надписью Герцена К. Фогту Библиотека Академии наук СССР. Ленинград.	384
Титульный лист и шмуцтитул (с дарственной надписью Герцена Е. К. Станкевич) книги Ж. Санд «Похождения Грибуля». Государственная публичная историческая библиотека. Москва.	385

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПИСЬМА

апрель 1850 - декабрь 1852

1 8 5 0

	Текст	Ком- мента- рий
1. В. Линтону. 1 апреля (20 марта)	7	406
2. Г. Гервегу. 2 апреля (21 марта)	9	407
3. Г. Гервегу. 5 апреля (24 марта)	10	408
4. Г. Гервегу. 8—10 апреля (27—29 марта)	13	408
5. Г. Гервегу. 11 апреля (30 марта)	17	409
6. Л. И. Гааг и Г. Гервегу. 12 апреля (31 марта)	19	410
7. Л. И. Гааг и М. К. Эрн. 14(2) апреля	20	410
8. Г. Гервегу. 14 (2) апреля	20	410
9. Г. Гервегу. 16 (4) апреля	21	410
10. Г. Гервегу. 17 (5) апреля	24	411
11. Г. Гервегу. 19 (7) апреля	25	411
12. Г. Гервегу (приписка). 20(8) апреля	28	412
13. Г. Гервегу. 21 (9) апреля	28	413
14. Г. Гервегу. 23—24 (11—12) апреля	30	413
15. И. Якоби. 24 (12) апреля	34	414
16. Г. Гервегу. 28 (16) апреля	37	414
17. Г. Гервегу. 30 (18) апреля	38	414
18. Г. Гервегу. 4—5 мая (22—23 апреля)	40	415
19. Г. Гервегу. 7 мая (25 апреля)	43	416
20. Г. Гервегу. 12 мая (30 апреля)	44	417
21. Г. Гервегу. 17 (5) мая	49	418
22. Г. Гервегу. 18 (6) мая	51	419
23. Г. Гервегу. 19 (7) мая	52	419
24. Г. Гервегу. 21 (9) мая.	54	419
25. Г. Гервегу. 23 (11) мая	55	419
26. Э. Гервег. 23 (11) мая	58	420
27. Г. Гервегу. 24 (12) <?> мая	60	420
28. Л. И. Гааг и М. К. Эрн. 26(14) мая	62	421
29. Э. Гервег. 27 (15) мая	63	421
30. Г. Гервегу. 27 (15) <?> мая	65	421
31. Г. Гервегу. 30 (18) мая	68	422

32. Л. И. Гааг, Г. Гервегу и М. К. Эрн. 31 (19) мая	71	422
33. М. К. Эрн. Конец мая	73	422
34. Л. И. Гааг и М. К. Эрн. 1 июня (20 мая)	73	423
35. Э. Гервег. 1 июня (20 мая)	73	423
36. Г. Гервегу. 2 июня (21 мая)	74	423
37. Л. И. Гааг. 3 июня (22 мая)	76	423
38. Г. Гервегу (приписка). 3 или 4 июня (22 или 23 мая) . . .	77	423
39. Г. Гервегу. 5 июня (24 мая)	77	424
40. Э. Гервег. 5 июня (24 мая)	81	425
41. Т. А. Астраковой. 7 июня (26 мая)	84	425
42. Г. Гервегу. 8 июня (27 мая)	85	425
43. Г. Гервегу. 11 июня (30 мая)	86	425
44. Э. Гервег. 11 июня (30 мая)	90	426
45. Л. И. Гааг. 14 (2) июня	91	426
46. Г. Гервегу. 17 (5) июня	92	426
47. Э. Гервег. 17 (5) июня	93	427
48. Г. Гервегу. 19 (7) июня	94	427
49. Г. Гервегу. 21 (9) июня	95	427
50. Г. Гервегу. 27 (15) июня	97	428
51. Г. Гервегу. 28 или 29 (16 или 17) июня	98	428
52. Г. Гервегу. 30(18) июня	100	429
53. Л. И. Гааг и М. К. Эрн. 3 июля (21 июня)	102	429
54. Л. И. Гааг. 4 июля (22 июня)	103	429
55. Г. Гервегу. 7 июля (25 июня)	104	429
56. Г. Гервегу. 10 июля (28 июня)	106	430
57. Г. Гервегу. 11 июля (29 июня)	111	431
58. Г. Гервегу. 13 (1) июля	114	432
59. Г. Гервегу. 15 (3) июля	116	432
60. Г. Гервегу. 17 (5) июля	120	433
61. Г. Гервегу. 18 (6) июля	121	433
62. Г. Гервегу. 23—24 (11—12) июля	123	434
63. Г. Гервегу (приписка). 30 (18) июля	125	434
64. Г. Гервегу. 30 (18) июля	125	434
65. Г. Гервегу. 2 августа (21 июля)	131	435
66. Г. Гервегу. 3 августа (22 июля)	132	435
67. Г. Гервегу. 6 августа (25 июля)	134	436
68. Г. Гервегу. 11 августа (30 июля)	137	436
69. Г. Гервегу. 15 (3) августа	138	436
69а. Президенту Цюрихского кантона А. Эшеру. 9 сентября (28 августа)	533	534
70. Д. Мацини. 13 (1) сентября	139	437
71. А. Ф. Орлову. 23 (11) сентября	143	437
Черновая редакция письма	144	—
72. Русскому консулу в Ницце А. И. Гриву. 23 (11) сентября	146	438

	Текст	Ком- мента- рия
73. М.-А. Пинто. 23 (11) сентября	146	438
74. М.-А. Пинто. 4 октября (22 сентября)	148	439
75. М. К. Рейхель. 24 (12) ноября	151	439
76. М. К. Рейхель. 25 (13) декабря	152	439
1849 — 1850		
77. Гервегам	153	440
78. Г. Гервегу	153	440
1851		
79. Э. Гервег. Между 7 и 12 января 1851 г. (26—31 декабря 1850 г.)	154	440
80. Г. Гервегу. 16 (4) января	155	440
81. С. И. и Т. А. Астраковым. 18 (6) января	155	441
82. Э. Гервег. 21 (9) января	156	441
83. Д. Фази. 22 (10) января	158	442
84. Московским друзьям. 2 февраля (21 января)	159	442
85. А. Колачеку. 12 февраля (31 января)	161	444
86. К. Каппу. 18 (6) марта	163	445
87. С. И. и Т. А. Астраковым. 20(8) марта	165	445
88. А. Колачеку. 30 (18) марта	166	446
89. А. Колачеку. 15 (3) апреля	168	447
90. Н. А. Герцен. 5 июня (24 мая)	170	448
91. Н. А. Герцен. 6 июня (25 мая)	172	448
92. Н. А. Герцен. 7 июня (26 мая)	172	448
93. Н. А. Герцен. 9 июня (28 мая)	173	449
94. Н. А. Герцен. 10—11 июня (29—30 мая)	176	450
95. Саше Герцену. 12 июня (31 мая)	177	450
96. Тате Герцен. 12 июня (31 мая)	178	450
97. Н. А. Герцен. 13—14 (1—2) июня	179	451
98. Н. А. Герцен. 15 (3) июня	181	452
99. Московским друзьям. 19—20 (7—8) июня	182	452
100. Н. А. Герцен. 20 (8) июня	185	453
101. Саше Герцену. 20 (8) июня	186	453
102. Н. А. Герцен. 21—22 (9—10) июня	186	453
103. Н. А. Герцен. 22 (10) июня	187	454
104. Н. А. Герцен. 24 (12) июня	189	454
105. Саше и Н. А. Герценам. 25 (13) июня	190	455
106. Тате Герцен. 25 (13) июня	191	455
107. Саше и Тате Герценам. Между 8 и 25 июня (27 мая и 13 июня)	191	455
108. Саше Герцену. Между 8 и 25 июня (27 мая и 13 июня)	192	455
109. Тате Герцен. Между 8 и 25 июня (27 мая и 13 июня)	192	456
110. Тате Герцен. Между 8 и 25 июня (27 мая и 13 июня)	192	456

	Текст	Ком- мента- рии
111. Н. А. Герцен. 28 (16) июня	192	456
112. Саше Герцену. 28 (16) июня	193	457
113. Н. А. Герцен. 28 или 29 (16 или 17) июня	193	457
114. Н. А. Герцен. Около 29 (17) июня	193	457
115. М. К. Рейхель. 29 (17) июня	194	458
116. Саше Герцену. 2 июля (20 июня)	194	458
117. Н. А. Герцен. 5 июля (23 июня)	195	458
118. Саше Герцену (приписка). 10 июля (28 июня)	195	459
119. Саше Герцену. 13 (1) июля	196	459
120. Тате Герцен. 13 (1) июля	196	459
121. Тате Герцен. Между 29 июня и 13 июля (17 июня и 1 июля)	197	459
122. А. А. Чумикову. 26 (14) июля	197	459
123. А. А. Чумикову. 9 августа (28 июля)	198	461
124. М. К. Рейхель. 12 августа (31 июля)	201	462
125. М. К. Рейхель (приписка). Около 12 октября (30 сен- тября)	201	462
126. Коле Герцену. Конец октября — начало ноября	202	463
127. Ж. Мишле. 7 ноября (26 октября)	203	463
128. М. К. Рейхель. 11 ноября (30 октября)	204	464
129. Ж. Мишле. 15 (3) ноября	205	465
130. Н. А. Герцен. 17 (5) ноября	208	467
131. М. К. Рейхель. 23 (11) ноября	208	467
132. М. К. Рейхель. 28 (16) ноября	209	468
133. Ж. Мишле. 30 (18) ноября	210	468
134. М. К. Рейхель. 1 декабря (19 ноября)	211	469
135. М. К. Рейхель. 3 декабря (21 ноября)	212	469
136. М. К. Рейхель. Около 5 декабря (23 ноября)	213	470
137. М. К. Рейхель. 8 декабря (26 ноября)	213	470
138. М. К. Рейхель. 14 (2) декабря	214	473
139. М. К. Рейхель. 22 (10) декабря	215	474
140. П.-Ж. Прудону (черновое). 26 (14) декабря	216	475
Другая редакция письма	219	—

1852

141. М. К. Рейхель. 1 января (20 декабря 1851 г.)	223	475
142. Ж. Мишле. 5 января (24 декабря 1851 г.)	224	476
143. М. К. Рейхель. 5—6 января (24—25 декабря 1851 г.)	225	476
144. М. К. Рейхель. 8 января (27 декабря 1851 г.)	226	476
145. М. К. Рейхель. 9 января (28 декабря 1851 г.)	227	477
146. М. К. Рейхель. 11 января (30 декабря 1851 г.)	228	477
147. М. К. Рейхель. 16 (4) января	228	477
148. М. К. Рейхель. 20—21 (8—9) января	229	478

149. М. К. и А. Рейхелям. 2 февраля (21 января)	230	478
150. Н. И. Сазонову (черновое). 15—16 (3—4) февраля	231	480
151. М. К. Рейхель. 18 (6) февраля	234	480
152. М. К. Рейхель. 20 (8) февраля	236	481
153. М. К. Рейхель. 26 (14) февраля	236	481
154. М. К. Рейхель. 1 марта (18 февраля)	237	481
155. М. К. Рейхель. 6 марта (23 февраля)	237	482
156. М. К. Рейхель. 8 марта (25 февраля)	238	482
157. М. К. Рейхель. 13 (1) марта	240	482
158. М. К. Рейхель (приписка). 14 (2) марта	240	483
159. М. К. Рейхель. 16 (4) марта	241	483
160. Э. Гаугу. Около 16 (4) марта	242	483
161. П.-Ж. Прудону. 23 (11) марта	259	485
162. М. К. Рейхель. 26 (14) марта	260	486
163. М. К. Рейхель. 2 апреля (21 марта)	261	486
164. Н. П. Огареву (черновое). 3 апреля (22 марта)	262	487
165. М. К. Рейхель. 5 апреля (24 марта)	263	487
166. М. К. Рейхель. 7—9 апреля (26—28 марта)	265	487
167. М. К. Рейхель. 10—11 апреля (29—30 марта)	266	488
168. М. К. Рейхель. 13 (1) апреля	268	488
169. М. К. Рейхель. 15 (3) апреля	268	488
170. М. К. Рейхель. 17 (5) апреля	269	488
171. М. К. Рейхель. 18 (6) апреля	270	488
172. М. К. Рейхель. 20 (8) апреля	270	489
173. А. Рейхелю. 26 (14) апреля	271	489
174. А. Рейхелю. 27 (15) апреля	272	489
175. Главному интенданту Ниццы О. Ферреро делла Мармо- ра. Около 11 мая (29 апреля)	273	489
176. А. Рейхелю. 21 (9) мая	273	490
177. М. К. Рейхель. 24 (12) мая	275	490
178. М. К. Рейхель. 24 (12) мая	275	490
179. Тате Герцен. 24 (12) мая	276	491
180. М. К. Рейхель. 31 (19) мая	276	491
181. М. К. Рейхель. 2 июня (21 мая)	277	491
182. М. К. Рейхель. 5 июня (24 мая)	278	491
183. М. К. Рейхель. 7 июня (26 мая)	279	492
184. Тате Герцен. Между 24 мая и 7 июня (12 и 26 мая)	280	492
185. Тате Герцен. Между 24 мая и 7 июня (12 и 26 мая)	280	493
186. Тате Герцен. Между 31 мая и 19 июня (19 и 26 мая)	280	493
187. М. К. Рейхель. 10 июня (29 мая)	281	493
188. Тате Герцен. Около 10 июня (29 мая)	282	493
189. М. К. и А. Рейхелям. 12 июня (31 мая)	282	493
190. М. К. Рейхель. 15 (3) июня	283	494
191. М. К. Рейхель и Тате Герцен. 20 (8) июня	284	495

192. М. К. Рейхель. 22 (10) июня	285	495
193. М. К. Рейхель. 26 (14) июня	285	495
194. М. К. Рейхель. 30 (18) июня	286	496
195. М. К. Рейхель. 2 июля (20 июня)	292	497
196. Тате Герцен (приписка). 8 июля (26 июня)	293	497
197. М. К. Рейхель. 8 июля (26 июня)	293	497
198. Р. Вагнеру. Около 8 июля (26 июня)	295	498
199. М. К. Рейхель. 11—13 июля (29 июня — 1 июля)	299	500
200. М. К. Рейхель. 17 (5) июля	301	501
201. Ф. Вилле. 18 (6) июля	302	501
202. М. К. Рейхель. 21 (9) июля	303	502
203. А. Гофштеттеру (черновое). 23 (11) июля	304	503
204. М. К. Рейхель. 23 (11) июля	305	503
205. Ж. Мишле. 25 (13) июля	307	504
206. Тате Герцен. 26 (14) июля	314	505
207. М. К. Рейхель. 29 (17) июля	314	505
208. М. К. Рейхель. 2 августа (21 июля)	315	505
209. А. Рейхелю. 2 августа (21 июля)	316	505
210. Саше Герцену. Около 5 августа (24 июля)	318	506
211. Ж. Мишле. 22 (10) августа	318	506
212. Московским друзьям. 7 и 23 августа (26 июля и 11 августа)	319	506
213. М. К. Рейхель. 24 (12) августа	320	507
214. М. К. Рейхель. 26—27 (14—15) августа	321	507
215. М. К. Рейхель. 31 августа — 1 сентября (19—20 августа)	322	508
216. Тате Герцен. 6 сентября (25 августа)	324	508
217. П.-Ж. Прудону (черновое). 6—7 сентября (25—26 августа)	324	508
218. М. К. Рейхель. 14 (2) сентября	336	510
219. Тате Герцен. Между 14 и 16 (2 и 4) сентября	337	511
220. К. Фогту. 16 (4) сентября	337	511
221. М. К. Рейхель. 17 (5) сентября	340	512
222. Тате Герцен. Около 17 (5) сентября	341	513
223. А. Руге. 20 (8) сентября	342	513
224. А. Саффи. 23 (11) сентября	343	513
225. М. К. и А. Рейхелям. 24 (12) сентября	343	514
226. М. К. Рейхель. 1 октября (19 сентября)	344	514
227. М. К. и А. Рейхелям. 7 октября (25 сентября)	346	515
228. М. К. и А. Рейхелям. 15 (3) октября	347	515
229. Г. Мюллеру-Стриунгу. 18 (6) октября	350	516
230. М. К. Рейхель. 20 (8) октября	353	517
231. М. К. Рейхель. 26 (14) октября	354	518
232. Тате Герцен и М. К. Рейхель. 20—31 (8—19) октября	357	518

233. Тате Герцен. Октябрь	357	518
234. М. К. Рейхель. 1 ноября (20 октября)	357	518
235. М. К. Рейхель. 5 ноября (24 октября)	358	519
236. М. К. Рейхель. 12 ноября (31 октября)	360	519
237. М. К. Рейхель. 15 (3) ноября	360	520
238. К. Фогту. 21 (9) ноября	361	520
239. М. К. Рейхель. 23 (11) ноября	366	521
240. М. К. Рейхель. 26 (14) ноября	367	521
241. М. К. Рейхель. 29—30 (17—18) ноября	369	522
242. М. К. Рейхель. 6 декабря (24 ноября)	370	522
243. Тате Герцен. 6 декабря (24 ноября)	371	522
244. М. К. Рейхель. 12—13 декабря (30 ноября — 1 декабря)	371	523
245. М. К. Рейхель. 17 (5) декабря	373	523
246. М. К. Рейхель. 23 (11) декабря	374	524
247. С. И. и Т. А. Астраковым. 31 (19) декабря	376	525
248. М. К. Рейхель. 31 (19) декабря	377	527
249. Тате Герцен. Декабрь	378	527

ПРИЛОЖЕНИЯ

I.

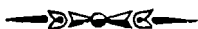
1. <Запись для Г. Гервега?> 1850 г.	381	528
2. А. Х. Энгельсон <Надпись на книге «С того берега»>. 31(19) января 1851 г.	381	528
3. К. Фогту <Надпись на книге «Русский народ и социа- лизм»>. 30 (18) декабря 1851 г.	382	528
4. И. Г. Головину <Надпись на похоронном приглашении>. 2 мая (20 апреля). 1852 г.	382	529
5. Е. К. Станкевич <Надпись на книге Ж. Санд «Похождения Грибуля»>. 20 (8) августа 1852 г.	382	529
6. <Запись о днях рождений членов семьи>. 1850—1851 гг.	382	529

II.

7. <Записи о денежных фондах и капитале Герцена>. Де- кабрь 1851 г.	383	529
8. <Запись о денежных суммах, выплаченных по завещанию Л. И. Гааг>. Декабрь 1851 г.	384	530
9. <Акт завещания>. 1 августа (20 июля) 1852 г.	384	530
10. <Протест векселя Э. Гервег>. 13 (1) ноября (26 октября) 1852 г.	389	530
11. <Запись расходов по содержанию семьи>. Конец 1840-х— начало 1850-х гг.	391	531

III.

12. Письмо Э. Гауга к Ж. Мишле. 21 (9) ноября 1851 г . . .	392	531
13. Письмо В. А. Энгельсона к Г. Гервегу. 28 (16) января 1852 г.	394	531
14. Письмо В. А. Энгельсона к Г. Гервегу. 18 (6) февраля 1852 г.	394	531
15. Письмо Э. Гауга и Тесье дю Мотэ к Ф. Вилле. 18 (6) июля 1852 г.	395	532
Комментарии	397—	532
Принятые сокращения	399	
Список несохранившихся и найденных писем Герцена (апрель 1850 — декабрь 1852)	535	
Указатель имен	544	
Указатель писем по адресатам	567	
Список иллюстраций	568	

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
12	1 св.	les conjectures	les conjectures
25	19 сл.	vorte	votre
41	9 св.	J'ajoua*	J'ajoute
41	10 св.	ve*	va
41	12 св.	tranquilleque*	tranquille que
137	12 св.	не могут	не могу
144	21 сл.	реакция*	редакция
146	17 св.	часть	честь
148	2 сл.	su	sur
158	5 св.	de rechef	derechef
204	17 св.	Хоецкий	г-н Хоецкий
»	<i>После подписи Герцена пропущена дата: 7 ноября 1851.</i>		
		Приморская	Нидда
226	9 сл.	оставку	отставку
230	17 св.	во что	по что
242	17 св.	ссора*	испорчу
»	18 св.	пил*	сил...
265	11 св.	грибы	грыбы
273	3 св.	bes	des
»	4 св.	dien	bien
»	19 св.	13 (1) мая	11 мая (19 апреля)**
276	8 св.	янется*	тянется
307	9 св.	прачечной	прачечной
349	14 св.	aire*	faire
»	22 св.	ais*	fais
369	5 сл.	ол*	мол
404	18—17 сл.	Партидж	Партридж
»	17 сл.	иллюстрация 4	иллюстрация 3
414	13 св.	в России	в Россию
429	16—17 св.	Зонненберг — название горы в окрестностях Берна; зуб — т. е. пик горы.*	Зонненберг — место для экскурсий и сад близ Цюриха, неподалеку от горы Zürichberg; зуб — видимо, вершина горы Zürichberg.
445	1 св.	вместе	вместо
453	10 сл.	piqe	pique
457	15 сл.	по вывозу	по вызову
474	10 сл.	147	148

* В части тиража.

** Дата уточнена по времени выхода газеты «L'Avenir de Nice» (11 мая 1852 г.), в которой письмо Герцена было опубликовано впервые.

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
К т о м у XXII			
455	17 сн., прав. кол.	писатель	социалист-утопист
455	15 сн., прав. кол.	социалист-утопист	писатель

К т о м у XXIII			
11	8 св.	будут	буду
40	1 св.	Астраково	Астраковой
48	14 св.	De lapart	De la part
155	4 св.	если вы	если б вы
172	2 сн.	оставшиеся	остававшиеся
191	28 св.	видел	видал
238	15 сн.	сделает	делает
258	14 св.	vous	vous
340	9 св.	придали	придала
357	21 сн.	Magirny	Marigny
360	9—10 св.	опрой	порой
387	10 св.	ч'envie	d'envie
453	11 сн.	Герцену	Герцена
463	24 св., лев. кол.	454	454—457
470	10 сн., прав. кол.	De da Hire	De la Hire
500	5 сн.	1700	17 000

Кроме того, заключительные слова письма Г. Гервегу: «Adieu, caro mio.» (стр. 323, строка 1 св.) — должны предшествовать помете: «На обороте: Егору Васильевичу.» (стр. 322, строка 1 сн.).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. П. ВОЛГИН (главный редактор), И. И. АНИСИМОВ, Д. Д. БЛАГОЙ, В. В. ВИНОГРАДОВ, Н. М. ДРУЖИНИН, С. А. МАКАШИН, Ю. Г. ОКСМАН (зам. главного редактора), Л. Д. ОПУЛЬСКАЯ, В. А. ПУТИНЦЕВ, З. В. СМЕРНОВА, Д. И. ЧЕСНОВ, А. Б. ШАПИРО, Я. Е. ЭЛЬСБЕРГ.

*

Подготовка русских текстов: М. А. Соколова и И. Ю. Твердохлебов; подготовка иностранных текстов и переводы: Л. Р. Ланский, Н. Д. Эфрос, М. К. Перкаль (при участии Б. С. Бобкова), Г. Циценгайт, С. Я. Бродская; Е. Н. Рунич, М. В. Вахтерова, М. Г. Ашукина.

Комментарии: К. П. Богавская, Ф. И. Евнин, Л. Р. Ланский, А. П. Могиланский, М. К. Перкаль, М. Я. Поляков, И. Ю. Твердохлебов, Г. Циценгайт, Н. Д. Эфрос.

Лингвистическая редакция иноязычных текстов: О. Н. Михеева (нем.) и И. Д. Постолова (франц.). Редакция переводов: Е. А. Гунст (франц.), О. Н. Михеева (нем.), М. Н. Черневич (франц. письма за 1850 г.). Подстрочные переводы: Н. Г. Елина (итал.), О. Н. Михеева (нем.), О. В. Моисеев (франц.), Ф. А. Петровский (лат.).

Указатель имен: Д. П. Муравьев (при участии Л. Л. Насаткина)

*

Редакторы тома: Ю. Г. ОКСМАН и И. Ю. ТВЕРДОХЛЕБОВ

*

Редактор издательства Л. М. Стенина
Переплет и титул художника А. П. Радицева
Технический редактор И. А. Макогонова
Корректоры Ф. А. Дебабов и И. С. Куликов

*

РИСО АН СССР № 2-10В. Снято в набор 29/IV — 1961 г.
Подписано к печати 18/VIII 1961 г. Формат 60 × 92 1/16
Печ. л. 36,25 + 5 вкл. Уч. изд. л. 38,6 (38,1 + 0,5 вкл.)
Тираж 17000 экз. Изд. № 144. Тип. зак. 1850

Цена 1 руб. 50 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

